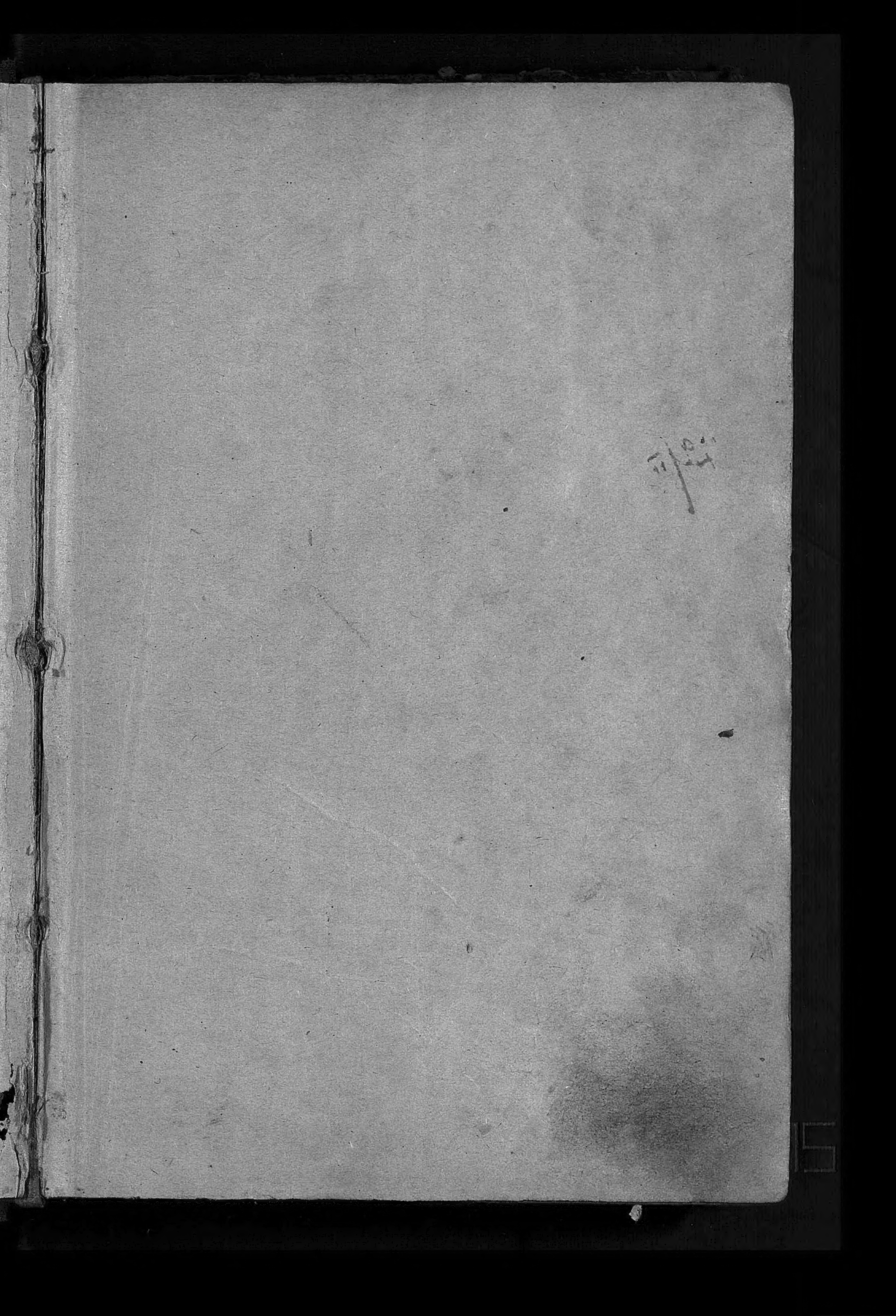
29/1 Блазб. 5 Свезарф

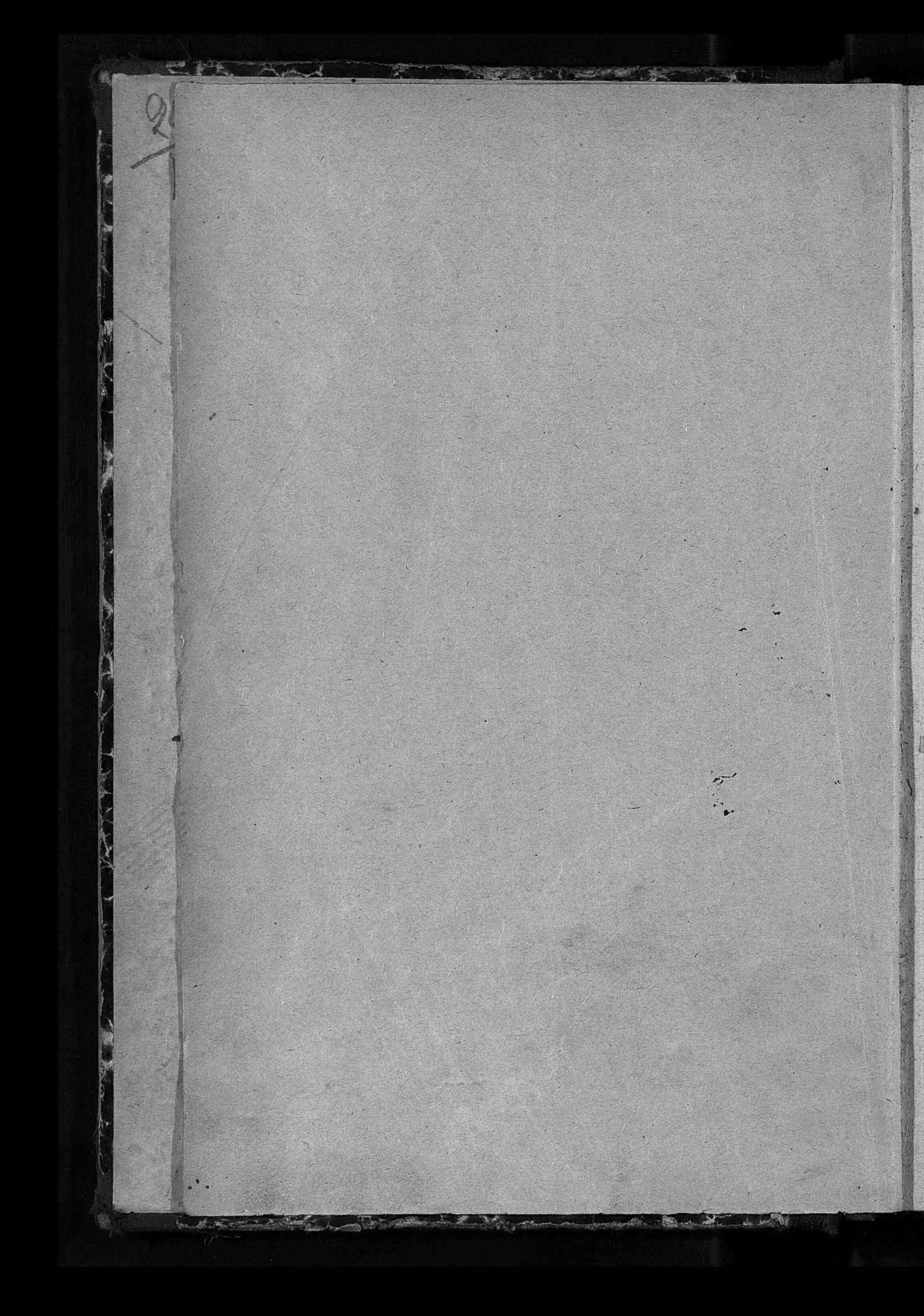
1411.

19 марта

22/II 21/4

12/5





ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

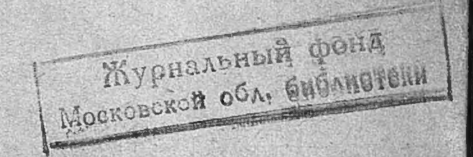
ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ІЮНЬ



РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала: Загородный проспектъ, № 14. | Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

4060

ЭМИГРАНТЪ

Сегодня одна, очень впрочемъ милая, старушка сказала мнѣ:

— Зачѣмъ вы такъ утомляетесь? Вамъ надо отдохнуть. Все-таки въ ваши годы пора уже начать болѣе осторожно относиться къ своему здоровью.

Сначала я подумалъ, что она остритъ. Однако она была вполнѣ серьезна. Такъ же серьезна была и ея дочка, Танечка, къ которой я давно уже практиковалъ отеческое отношеніе, и радовался, что ничего не выходитъ.

Да, Танечка не разсмѣялась, а напротивъ — взглянула на меня сочувственно-серьезно.

Эти два юныхъ глаза меня сторожили. Торопливо отсчиталъ въ умѣ двадцать лѣтъ. Да... Танечка могла бы быть моей дочерью... Какъ это непріятно, однако! Какъ же я не подумалъ объ этомъ раньше?

Когда я былъ третьеклассникомъ, я ежедневно влюблялся. Это было видно по глазамъ, и мать всегда говорила мнѣ:

— Твоя невѣста, Сережа, еще не родилась; всѣ эти дѣвочки, гимназистки твои, тебѣ не пара: стары очень для тебя.

Она была практической женщиной и платонической любви не понимала.

И съ этимъ сознаніемъ, — что моя невѣста еще не родилась, — я жилъ до сихъ поръ. Какъ ни удивительно, но только сегодня, послѣ этихъ странныхъ словъ милой старушки, послѣ этого сочувственнаго взгляда Танечки, я ясно представилъ себѣ, что моя невѣста, если есть такая, не только родилась, но уже не дѣвочка, не гимназистка, не курсистка даже. Ну, конечно!

Ей уже за тридцать! Богъ мой! Быть можетъ она уже замужемъ, мать семейства.

До сорока мнѣ остается одинъ годъ. Подошелъ къ зеркалу—какъ будто ничего. Сѣдыхъ волосъ не больше десятка, въ бородѣ всего одинъ; его можно вырвать. Есть мелкія морщинки на лбу—но это отъ пережитого, отъ думъ, а не отъ возраста. Не правда ли? Вѣдь это отъ пережитого? Я пережилъ-таки!

А вдругъ милая старушка скажетъ:

— Пережилъ, это вѣрно; на это и года ушли...

Да, но вѣдь мало! Я какъ разъ теперь-то и хочу жить. Позвольте! Какъ же такъ? Какъ же такъ вдругъ, странно какъ-то!

Я только на дняхъ разсказывалъ Танечкѣ, какъ я странно жилъ. И правда странно! Я былъ старымъ мальчикомъ, Танечка. Тоненькимъ, худымъ, болѣзненнымъ, старенькимъ. У меня были большіе задумчивые глаза, и дѣвочки меня любили и боялись; онѣ боялись, что я слишкомъ умный и все думаю о книжкахъ. А это была неправда—я о нихъ, о дѣвочкахъ, думалъ не меньше, только не смѣлъ въ этомъ даже и себѣ признаться. А по ночамъ—я былъ набожный — я слѣзалъ съ кровати на холодный полъ, становился передъ образомъ на колѣни и читалъ быстро, скороговоркой, двадцать разъ подъ рядъ „Отче нашъ"; а потомъ прибавлялъ:

— Господи! Соедини меня узами законнаго брака съ рабой твоей Катериной, или, если нельзя, съ рабой Женей!

А потомъ разъ пятьдесятъ стучалъ лбомъ въ полъ, тоже быстро, чтобы скорѣе окончить положенное.

Юношей я тоже былъ блѣднымъ и худымъ, и это мнѣ шло. Было у меня съ десятокъ романовъ. Всѣ свои романы я проводилъ со скептической улыбкой, такъ какъ считалъ это глупостями. На видъ былъ дерзковатъ, а въ душѣ очень робокъ; никогда не рѣшился поцѣловать руку у дѣвушки, которая мнѣ нравилась. Читалъ я тогда много, и въ кружкѣ зеленой молодежи считался авторитетомъ. А въ душѣ я сильно завидовалъ тѣмъ товарищамъ, которые были развиты меньше меня, но были здоровы и пылки. Моя скептическая улыбка меня же и убивала.

А потомъ вышло еще хуже, Танечка. Когда я былъ въ вашемъ возрастѣ и учился въ университетѣ, я вдругъ совсѣмъ состарился, скучнымъ сталъ, и уже дѣйствительно пересталъ интересоваться жизнью; и заниматься пересталъ, и романы бросилъ. И скучно мнѣ было, Танечка, ужасно! Раньше я только притворялся разочарованнымъ, а тутъ и вправду сталъ такимъ.

Въ то время политики въ университетѣ было мало; дѣлали мы иногда безпорядки, но больше во имя „чести студенческаго мундира"; академизмъ царилъ у насъ, автономіи добивались, педелей боялись. Разъ меня выслали, такъ себѣ — зря, потомъ вернули, ну я и разочаровался окончательно: дѣтская забава. И дошелъ я, Танечка, до того, что сдѣлался скучнѣйшимъ юношей, окончательнымъ старцемъ. Жизнь была передо мной, а я ея не бралъ и не хотѣлъ брать. Иногда нылъ, но скоро и ныть надоѣло,—очень ужъ не оригинально это было, всѣ тогда ныли. Кончать университетъ не торопился, даже рисковалъ сдѣлаться „вѣчнымъ студентомъ"; лѣтъ восемь протрубилъ, потомъ какъ-то случайно кончилъ. Нѣкоторые товарищи уже поженились, лысыми стали, дѣтей имѣли; меня же къ семейному счастью никогда не тянуло.

Потомъ, Танечка, еще нѣсколько лѣтъ прошло... пустыхъ и безцвѣтныхъ. Не помню, чѣмъ я жилъ, да и вспоминать не хочется. Но не былъ счастливъ ни одного дня. Не читалъ, не творилъ, шагалъ себѣ по избитой дорожкѣ; работалъ въ кружкахъ, не вѣря въ дѣло; сидѣлъ въ тюрьмахъ, не испытывая никакой сладости страданія. Съ тѣмъ же равнодушіемъ уѣхалъ за границу, гдѣ стало еще противнѣе. А потомъ пришла революція, и я вернулся.

И чудилось мнѣ, Танечка, что я просыпаюсь, что затеплился во мнѣ огонь какой-то. Ликовать научился, въ подвигъ сталъ вѣрить! Снова вернулся къ подпольной жизни, къ тюремнымъ щамъ; одно время готовъ былъ молиться на кусокъ красной матеріи на деревянной палкѣ, ненавистью иногда горѣлъ, пріучилъ сердце любить. Да прошло и это...

Много нагрѣшилъ, бѣжалъ опять, жилъ уединенно. Въ Италіи жилъ, Танечка, въ красивой Италіи. И случилось здѣсь, что я родился.

Была весна, Танечка, а я былъ одинокъ-одинокъ. И вдругъ мнѣ захотѣлось жить. Такъ захотѣлось! Все въ памяти прошло— сѣрое дѣтство, безцвѣтная юность. Все пересмотрѣлъ, и ничего не нашелъ такого, чего не хотѣлъ бы забыть и промѣнять на одинъ мигъ сегодняшняго яснаго дня, на улыбку молодости, на любовную ласку. Все провѣрилъ—и понялъ, что личной жизни у меня не было, а для другихъ я жилъ фальшиво, не отъ всего сердца, отъ ума скорѣе. И не было во мнѣ теплаго чувства къ прошлому, къ моему одинокому прошлому.

Вамъ, Танечка, меня жалко? Не жалѣйте, я вернулся къ жизни! Я сталъ молодѣть, даже лицомъ помолодѣлъ, а? Сталъ

радоваться—всему сталъ радоваться: лазури моря, чертѣ горъ, свѣтлячку, простенькой фразѣ съ лукавымъ смысломъ, нѣжному стиху, всему-всему хорошему. Послѣ многихъ лѣтъ старости, старости отъ рожденья, я сталъ изъ зрѣлаго дѣлаться юношей, порой же готовъ прыгать, какъ мальчикъ, готовъ бабочекъ ловить, на палочкѣ ѣздить, радоваться каждой новой заводной игрушкѣ, какую даетъ мнѣ жизнь.

А кругомъ меня, Танечка, были старцы. Они шли обратнымъ путемъ. Они прожили пылкую юность; ихъ на порогѣ жизни застала волна революціи, и захватила, и понесла, и захлебнулись они; а когда ихъ выбросило на берегъ — они очнулись разбитыми, потерявшими вѣру, негодными ни къ чему. Какъ много я видалъ такихъ въ эмигрантскихъ пунктахъ, въ Парижѣ, въ Женевѣ, въ Берлинѣ, даже въ самой Италіи. И на мертвыхъ юношей я, человѣкъ въ годахъ, смотрѣлъ съ жалостью искренней; да, имъ досталось хуже меня!

И потянуло меня назадъ, Танечка; въ родные края захотѣлось. Я, ожившій, лелѣялъ мысль оживить другихъ. Теперь мнѣ хотѣлось говорить, дѣйствовать, живить, толкать; всю проснувшуюся энергію хотѣлось пустить въ ходъ; къ вамъ, къ юнымъ, я стремился. Хотѣлось сказать: — смотрите, какой я бодрый! Смотрите, Танечка!

Танечка, а? Развѣ не правда? Развѣ не могу я быть юношей среди юношей, я, послѣ моего долгаго сна?

. . . .

И вотъ теперь я вспоминаю, что Танечка не отвѣтила мнѣ на это прямо. Она, помнится, сказала:

— Вы — живой человѣкъ, Сергѣй Иванычъ... Только вѣдь такъ трудно понять другъ друга людямъ разныхъ поколѣній... И мы, Сергѣй Иванычъ, не мертвые, это неправда! Но чему учить-то насъ? Сейчасъ молодежь поученій не хочетъ...

— Танечка, развѣ я говорю: учить! Нѣтъ, учиться съ вами вмѣстѣ, юной жизнью жить! Не учителемъ хочу я быть, а другомъ, Танечка, но опытнымъ, пожившимъ другомъ. Развѣ я вамъ не другъ? Танечка, а?

Танечка хорошо улыбнулась и сказала:

— Конечно, Сергѣй Иванычъ, вы мой славный, хорошій другъ.

И руку мнѣ протянула. И стало мнѣ грустно-грустно, и милую руку я пожалъ не какъ равный, а какъ старшій.

Какъ же я въ тотъ разъ не догадался? И неужели года

имѣютъ такое значеніе? Духъ-то тогда къ чему же? Мой живой, бодрый, молодой духъ!

Меня въ старики? Нѣтъ, не согласенъ!

Меня спросили:

— Вы—москвичъ?

— Д-да...—протянулъ я нерѣшительно.

И невольно задумался...

Я родился на сѣверѣ, учился въ Москвѣ, работалъ на югѣ, сидѣлъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ, былъ сосланъ въ Сибирь, бѣжалъ въ Лондонъ, жилъ въ Парижѣ, скучалъ въ Женевѣ, вновь родился въ Италіи...

Моя резиденція—міръ, мой любимый городъ—Римъ; почему мнѣ не быть и москвичемъ?

Россію я люблю — интересная, живая страна. Люблю и Италію — она была моей второй родиной. Мнѣ дорого все, что не мертво, не дышетъ догмой и программой. Еслибы я могъ войти въ жизнь чужого мнѣ по рожденію народа, войти совсѣмъ, слиться съ нею прочно—я остался бы въ чужой странѣ и считалъ бы ее своею. Во мнѣ живетъ искренній космополитъ, быть-можетъ потому, что я русскій. И если я вернулся на родину, то лишь потому, что ея языкъ для меня легче, ея жизнь мнѣ лучше знакома, здѣсь мнѣ проще стать чѣмъ-нибудь. Мнѣ казалось, что здѣсь я могу быть нужнымъ.

Для кого? Для васъ, Танечка, для юныхъ душъ; такъ мнѣ казалось. Или я ошибся?

Ахъ, Танечка, выслушайте меня! Я разскажу вамъ, какъ вернулся на родину путникъ, который обошелъ много странъ, видѣлъ много людей, прожилъ длинные дни; онъ ушелъ больнымъ и усталымъ, а вернулся здоровымъ и бодрымъ; его исцѣлило море, волшебная природа юга, благодатный воздухъ, благодѣтельное одиночество.

Быть можетъ, лучше бы ему не возвращаться? Вѣдь въ чужой странѣ ему было такъ уютно, такъ радостно! Но онъ вернулся.

Вернулся потому, что всегда и вездѣ, стоило лишь ему закрыть глаза, развертывалась передъ нимъ всегда одна и та же неотвязная и обольстительно-красивая картина: громадный, залитый свѣтомъ залъ, толпа молодежи, то рокочущей, то замирающей, какъ морской прибой, — а онъ на эстрадѣ, — центръ вниманія, центръ надеждъ, — говоритъ о цѣляхъ, говоритъ о жизни, горячо защищаетъ умершихъ боговъ, высѣкаетъ изъ мра-

мора новыя статуи, зоветъ къ счастью, къ гармоніи счастья личнаго съ міровымъ благомъ, рвется самъ и увлекаетъ этихъ юношей въ борьбу съ индифферентизмомъ, съ безвольнымъ самодовольствомъ, съ буржуазнымъ покоемъ, съ компромиссомъ во всѣхъ его безконечныхъ видахъ, въ борьбу ради цѣли и ради самой борьбы.

Какая почва, какой жирный черноземъ! О чемъ говорили имъ? Въ былое время ихъ увлекали одними громкими округленными словами, безъ содержанія. Имъ давали красивую идею, кучу прекрасныхъ, блестящихъ идей, и своихъ, и заграничныхъ—но забывали о жизни, пренебрегали этимъ низкимъ сюжетомъ. Ихъ учили умирать за идеи—а жить за нихъ не могли научить. Потомъ ихъ стали душить цифрами, обволакивать программами, запугивать желѣзными законами и посылали ихъ на суровый аскетическій подвигъ, забывая, что они молоды, что они мало дышали небомъ. Сдѣлали догматиковъ изъ дѣтей, скопцовъ изъ молодыхъ ягнятъ. И эти вѣчныя, свѣтлыя слова: вѣра, любовь, дружба,—отмѣнили, осмѣяли, упразднили, и самое свѣтлое, высокое весеннее слово: „жертва“ одѣли въ монашескую власяницу!

Только бы вернуться! Ему будетъ легко окружить себя довѣріемъ,—вѣдь многіе его любятъ и помнятъ.

Любовь вдохнетъ онъ въ нихъ, любовь ко всему, что живо и не сонно. И ненависть вдохнетъ онъ въ нихъ — глубокую, живую, дѣятельную ненависть къ буквѣ, къ цифрѣ, догмѣ, къ смерти и сну.

Самъ молодой—онъ поклонится земно молодости, уму, сердцу и красотѣ.

Подойдетъ къ нему дѣвушка и скажетъ:

— Я иду умереть. Я не вижу цѣли въ жизни.

— А жила ли ты?

— Жила. Я училась, я работала, я любила, я ненавидѣла, я страдала. Что еще должна я дѣлать? Теперь я не живу, не люблю, не страдаю, не радуюсь. Развѣ я не госпожа своего бытія?

— Да, но сколько тебѣ лѣтъ?

— Мнѣ... семнадцать. И тѣмъ хуже, такъ какъ уже не вижу никакой радости въ жизни.

— Кузнечиковъ ты любишь?

— Какихъ кузнечиковъ?

— Простыхъ, зеленыхъ, въ полѣ. Вотъ я ихъ страстно люблю! И стрекозъ обожаю за ихъ легкость и красоту. И эту цифру „17“, цифру твоихъ лѣтъ, я люблю безумно! Я полонъ

интереса къ этому дивному чуду, которое зовутъ наукой. Знаешь ли ты, что̀ сулитъ намъ радій, безконечный источникъ энергіи? Или лучше вотъ, слушай: завоеванъ сѣверный полюсъ! Ты пойми лишь, что онъ не нуженъ никому — а сколько поколѣній его добивались, сколько людей сложило жизнь среди бездушныхъ льдинъ! И онъ завоеванъ, завоеванъ человѣкомъ, моимъ и твоимъ братомъ! Неужели и это тебя не радуетъ, не поднимаетъ? А потомъ — развѣ ты не хочешь летать? Смотри — уже и воздухъ завоевывается! Еще неуклюжи человѣческія птицы, но скоро и онѣ будутъ порхать ласточками.

— Что мнѣ до того? И вообще—кому до того какое дѣло? Вѣдь это лишь выдуманный интересъ.

— Выдуманный? Такъ что же? И прекрасно! Миражъ или дѣйствительность—какая въ томъ разница? Умѣешь ты грезить? Закрой глаза и представь себѣ тотъ безконечный міръ, котораго ты еще не видала. Пролети мыслью лишь надъ одной только землей. Смотри: вотъ Европа съ изрѣзанными моремъ берегами; вотъ холодная Норвегія, вотъ квадратикъ Испаніи и Португаліи, сапогъ Италіи... Смотри: цвѣтутъ апельсины, блестятъ на солнцѣ старые мраморы, шумитъ море... Любишь ты море?

— Я не видала моря...

— И хочешь умереть не увидавъ? О, отложи, взгляни сначала на его горизонтъ, во время легкаго прибоя спрячься за камень у берега, но крѣпче держись руками — того и гляди унесетъ... Дыши соленой пылью, подставь тѣло набѣгающей волнѣ; и если ты не скажешь, что жизнь иногда прекрасна...

— Да, иногда... и для иныхъ.

— Сдѣлай ее прекрасной и для многихъ.

— Я?

— Ты. А кто же? Вѣдь тебѣ только семнадцать лѣтъ! Вся жизнь впереди.

— Какъ могу я, когда я ни во что не вѣрю...

— Увѣруй, во что хочешь.

Она подумаетъ и скажетъ:

— Нѣтъ, все это не то... Природа, красота... все это надоѣстъ, какъ уже надоѣло. Я стремилась къ другому. Скажи— зачѣмъ меня обманули? Вѣдь я думала, что можно жить для другихъ, я слѣпо вѣрила въ это, я жизнь хотѣла отдать ближнимъ! Я забывала о себѣ, подавляла въ себѣ все личное...

— Какъ? А это служеніе не давало тебѣ личнаго удовлетворенія?

— Я думала, что оно даетъ, но это была ошибка. Теперь я знаю.

— Ты знаешь свою ошибку? Счастливая! Какъ рано ты начала, и какъ скоро открыла то, что̀ другіе ищутъ всю жизнь. Воистину счастливая! Тогда старайся не дѣлать больше ошибокъ. Живи для себя, лишь для себя одной.

— Но вѣдь мои глаза открыты. Я все вижу, я все знаю, я не въ правѣ уже отступать. Я уже не могу быть счастливой, когда несчастны другіе.

А онъ положитъ ей руку на голову, на русую головку ребенка, и скажетъ:

— Твой журчащій ручеекъ никому не нуженъ! Пусть онъ станетъ многоводной рѣкой, и тогда ты дашь другимъ отъ избытка водъ своихъ. Пока же береги для себя его свѣтлыя капли, береги ихъ для себя. Быть счастливой не можетъ быть стыднымъ.

. . . .

Поймите же, Танечка! Съ этимъ убѣжденіемъ, неожиданно родившимся въ моей душѣ, я ѣхалъ къ вамъ.

Не можетъ быть стыднымъ личное счастье. Давай — но давай лишь отъ избытка.

Я не вычиталъ этого изъ вашихъ книгъ, я прочелъ это въ книгѣ природы, я подслушалъ это въ шумѣ волнъ, Танечка! Я увѣровалъ въ это, какъ въ откровеніе, я сломилъ въ себѣ ветхаго Адама, я хотѣлъ создать себѣ и другимъ новый міръ, сказать новое слово...

Я пріѣхалъ, Танечка, и знаете, что̀ я услыхалъ?

— Это — старо; это извѣстно каждой гимназисткѣ! Любая изъ нихъ создастъ вамъ сложнѣйшую классификацію людей дающихъ, берущихъ, дающихъ вполнѣ, дающихъ отчасти, отъ избытка, отъ скудости—и такъ далѣе до безконечности. Все это старо, скучно, нелѣпо, даже не модно. Быть можетъ, вы скажете просто: что дѣлать? Что мнѣ, такому-то, дѣлать въ такихъ-то обстоятельствахъ, и для чего нужно, чтобы я дѣлалъ это? Просто, въ двухъ словахъ, безъ философіи.

А я-то, Танечка, я-то глупый, я-то, старый болтунъ, полѣзъ къ вамъ съ новымъ откровеніемъ! Смѣшонъ я вамъ, Танечка?

Очевидно—я долженъ уѣхать.

Я написалъ старую, знакомую фразу. Она часто фигурировала въ моихъ прежнихъ дневникахъ; еще недавно я написалъ ее, уѣзжая въ Россію.

Очевидно—я долженъ уѣхать.

Когда мнѣ бываетъ тяжело и моя логика устаетъ, — я говорю себѣ эту фразу и осматриваю чемоданъ, маленькій, прочный и вмѣстительный чемоданъ, обитый холстомъ. Я беру суровую нитку, перочинный ножъ и пришиваю ослабѣвшіе ремни; потомъ я нахожу въ коробкѣ ключъ и испытываю прочность замка; затѣмъ я уѣзжаю.

Мнѣ никогда не приходится долго думать, куда я теперь направлюсь. Незамѣтно, постепенно, заранѣе въ мозгу моемъ уже создается направленіе, и къ моменту рѣшенія мой маршрутъ уже извѣстенъ. Но если мнѣ очень плохо—я ѣду въ Римъ, гдѣ такъ много вѣрныхъ друзей: статуи, колонны, молчаливый Палатинскій холмъ, знакомый трактиръ въ старой части города...

Видите ли, Танечка, вы, можетъ быть, думаете, что я—старый, обомшалый пень? Нѣтъ! Вы ошибаетесь. Я—листъ, сухой осенній листъ, крѣпкій, какъ листъ итальянской несполи. И осенью, когда дуетъ сирокко, я покидаю мѣсто и передвигаюсь туда, гдѣ мнѣ больше нравится. Я—не измятый листъ, поверхность моя красна и блестяща, я могу даже отражать солнце. Я выносливъ, Танечка, я остаюсь цѣлъ и тогда, когда на меня наступятъ. А вы хотите записать меня въ старики. Ха-ха! Смѣюсь я надъ вами, поблекшими майскими фіалками!

У насъ различны характеры — вотъ и все. Вы, фіалки, блекнете отъ первой непогоды, теряете ароматъ, покрываетесь блѣдными пятнами. Ну, а я—беру чемоданъ и уѣзжаю. Я и въ вагонѣ—дома; я разваливаюсь на лавочкѣ и потихоньку-потихоньку выпрямляю ноги и начинаю притѣснять сосѣда; если сосѣдъ скромнаго характера, онъ встаетъ съ лавочки и смотритъ въ окно, а я занимаю ее цѣликомъ и дремлю; потому что я—дальній путникъ и хорошо изучилъ дорожные обычаи! И я не спрашиваю затѣмъ своего скромнаго спутника: „Не знаете ли вы какой-нибудь хорошей и недорогой гостинницы?“ Я просто, выйдя съ вокзала, говорю извозчику: „Улица такая-то, номеръ такой-то“. И ѣду, положивъ ногу на ногу и разглядывая улицу: вотъ новый домъ, вотъ знакомая вывѣска, а вотъ и знакомый французъ, или нѣмецъ, или итальянецъ — смотря по странѣ. Потому что у васъ, весеннихъ фіалокъ, есть своя клумба въ своемъ саду, а у меня нѣтъ своей клумбы и нѣтъ сада.

У меня, Танечка, нѣтъ отечества.

У меня, Танечка, было отечество — огромная страна, населенная темнымъ народомъ, хорошимъ народомъ. У меня была

семья—большая семья чуткихъ, честныхъ, смѣлыхъ людей. Братья и сестры, славные братья и сестры, любимые, дорогіе... Я всегда плакалъ, когда они умирали, а умирали они часто, каждый день уносилъ кого-нибудь; они были не отъ міра сего. И обычно имъ крестовъ не ставили, ихъ могилъ мнѣ не разыскать. За границей, куда спасались уцѣлѣвшіе отъ эпидеміи, они не могли составить дружной семьи, они ссорились и устраивали товарищескіе суды; а я, Танечка, совершенно не гожусь въ судьи своимъ товарищамъ, я очень пристрастенъ. Поэтому за границей я держусь подальше отъ нихъ.

Родину свою, Танечка, я очень любилъ, гораздо больше, чѣмъ она меня. Я сужу объ этомъ потому, что я для нея кое-чѣмъ жертвовалъ, напримѣръ—молодостью, напримѣръ—личной жизнью, она же ко мнѣ отнеслась нехорошо: вышвырнула меня за бортъ своей жизни, какъ послѣднюю негодную тряпку. Это очень больно! Она многихъ изъ нашей семьи выкинула вонъ. И вотъ курьезъ, Танечка! Тѣ, другіе, очутившись за бортомъ, — стали цѣловать этотъ бортъ, стали къ ней, къ родинѣ, руки простирать, клялись ей въ вѣрности, клялись до конца положить за нее душу. Они говорили, что она — сама страдалица, что она въ худыхъ рукахъ, что она въ чужой власти, что она нуждается въ нашей помощи, ждетъ насъ. Наивные! А я, Танечка, ушелъ прочь отъ нея, ушелъ не обертываясь.

Ушелъ я отъ мачехи, которую принималъ за мать, проклялъ родной порогъ, и жалость къ нему во мнѣ заглохла. Съ тѣхъ поръ у меня родины не стало; за безсиліе я ее проклялъ, за предательство, за лицемѣріе, за трусость, за обманъ. Ту, которую создалъ въ душѣ своей, — тотъ самый образъ я и разбилъ. И осколки въ море бросилъ. Не вѣрите? Клянусь вамъ! Я могу ее любить, какъ могу любить всякую другую страну. Но какъ родина—она для меня не существуетъ.

У меня, Танечка, нѣтъ родины. Земля — вотъ моя родина, и я ее люблю, даже больше люблю, чѣмъ небо Италіи. Но на этой землѣ нѣтъ такого пункта, гдѣ бы стоялъ мой родной домъ, гдѣ бы жила такая милая старушка-мать, какая васъ, Танечка, украдкой креститъ три раза на сонъ грядущій. Когда-то у меня была родная могила, простой бугоръ земли съ простымъ деревяннымъ крестомъ и съ надписью: „здѣсь покоится прахъ рабы Божіей Анны"... А въ могилѣ спала моя мать. Но потомъ къ этому кургану день ото дня стали прибавляться новые во всѣхъ концахъ моей бывшей родины, и лѣсъ крестовъ выросъ, лѣсъ черныхъ крестовъ, лишенныхъ даже этой простой надписи.

И куда ни бросалъ я мысленно взоръ,—вездѣ я видѣлъ кресты, кресты, кресты, вездѣ видѣлъ склепы, подполья, тюрьмы, этапы, столбы съ перекладиной, ужасъ темный, стоглазую бездну ужаса, стозѣвный хохотъ пытки. И родина моя стала представляться мнѣ огромнымъ могильнымъ склепомъ, мрачнымъ, безпросвѣтнымъ и сырымъ, полнымъ гадовъ, ликующихъ гадовъ, похотливыхъ и сосущихъ кровь. Гнилью пахнуло на меня и безсиліемъ рабства. Не можетъ быть моей родиной—родина рабовъ! И не стало у меня родины...

Это ей я отдалъ свою молодость? Права старушка: въ мои годы пора уже больше заботиться о своемъ здоровьѣ. И напрасна была моя послѣдняя попытка вернуться къ берегамъ, о которые разбился мой корабль, *нашъ* корабль.

Да, Танечка, очевидно — я долженъ уѣхать. Мои сборы не долги; ну что жъ, прощайте—если такъ...

Когда вчера я переѣзжалъ границу, у меня было вполнѣ опредѣленное сознаніе: я не вернусь. Сознаніе настолько прочное, что я даже не испытывалъ обычнаго непріятнаго ощущенія, когда предъявлялъ свой паспортъ, сомнительный паспортъ какого-то латышскаго мѣщанина. И мнѣ казалось, что и жандармъ, отбиравшій мой паспортъ, смотрѣлъ на меня снисходительными глазами и, словно бы, говорилъ:

— А, это опять ты! И опять подъ новымъ именемъ? Ну, все равно, вѣдь ты больше уже не вернешься!

И когда по ту сторону границы тронулся поѣздъ, — колеса застучали мѣрно:

— Совсѣмъ, совсѣмъ, на покой, навсегда...

А между тѣмъ я знаю, что это вздоръ, и что я вернусь, вернусь еще не разъ; быть можетъ, старушка уже умретъ, Танечка выйдетъ замужъ или отравится, но я несомнѣнно вернусь. Потомъ, можетъ быть, опять уѣду...

Вотъ что я скажу: не пристало мнѣ ныть и развивать стариковскую психологію! Ну-ка! Здоровый воздухъ моихъ европейскихъ родинъ! Оживи! Обнови! Влей молодость въ мои жилы! Я иду не гнуть спину подъ тягостями жизни, не терзать голову анализами. Жить я ѣду! Жить для себя; а пригожусь — и для другихъ.

Подумайте только: мнѣ подъ сорокъ лѣтъ, и я до сихъ поръ не имѣлъ времени быть любимымъ! И я не знаю даже, любилъ ли я самъ.

Быть можетъ, это было любовью... Лѣтъ пять назадъ я пріѣхалъ по дѣлу въ Смоленскъ, и сразу оказалось, что мой пріѣздъ полиція замѣтила. Пришлось мнѣ скрываться. Помѣстили меня въ квартиру одной дамы, жившей совсѣмъ одиноко съ надежной прислугой. Она не была открытой революціонеркой, но помогала намъ много. У нея я прожилъ безвыходно три дня, не видаясь ни съ кѣмъ, пока полиція не перестала меня искать. По вечерамъ мы сидѣли вмѣстѣ въ ея маленькой гостиной. Въ эти три вечера я отдохнулъ отъ года непрестанной нервной работы. Мы говорили много; я—о революціи, она—о литературѣ, о музыкѣ, о живописи: она была большимъ художникомъ и глубоко чувствовала искусство, которое мнѣ тогда было еще чуждо. У нея были прекрасные задумчивые глаза, глубокіе какъ пропасть, и чудный овалъ лица; все существо ея было тонко и изящно. Мы много говорили, и много, очень много, осталось недоговореннымъ! Когда поздно ночью мы расходились, пожавъ другъ другу руку и пожелавъ не проснуться подъ утро отъ рѣзкаго звонка „почтальона",—я долго еще не засыпалъ и напрасно старался направить свои мысли на предстоящій скоро новый путь съ новыми приключеніями. Мнѣ было жалко себя, загнаннаго волка. Въ послѣдній вечеръ мы засидѣлись еще дольше обычнаго, но говорили мало.

— Завтра я буду далеко—сказалъ я.

— Завтра я буду одинока — тѣмъ же тономъ подумала вслухъ она.

Я взглянулъ на нее и встрѣтилъ ея глубокій взглядъ. Я ни передъ кѣмъ не опускаю глазъ, она же смотрѣла какъ во снѣ; казалось, она меня не видѣла. Мы просидѣли такъ минуты три. Я былъ взволнованъ до обморока, она — спокойна. Затѣмъ я всталъ, закурилъ папиросу—она продолжала сидѣть съ широко открытыми глазами. Ея подбородокъ дрогнулъ. Я собралъ всѣ свои силы, ушелъ къ себѣ и бросился на кровать. Теперь я хотѣлъ бы вернуться, но уже не могъ; я поступилъ такъ грубо. Въ гостиной было тихо. Прошло больше часа. Спать я, конечно, не могъ и чутко прислушивался. Тихо. Наконецъ я всталъ, выпилъ стаканъ воды и открылъ дверь въ гостиную. Тамъ было темно. Зажегъ спичку—никого нѣтъ, только ея платокъ бѣлѣетъ на диванѣ.

Я взялъ платокъ; онъ былъ совсѣмъ мокрый отъ слезъ. Я унесъ его къ себѣ. Въ первый разъ я рѣшился на экспропріацію частной собственности...

Рано утромъ я уѣхалъ; она еще спала. Неблагоразумно было

ѣхать днемъ, но я искупилъ этотъ шагъ другой жертвой: я положилъ на мѣсто ея платокъ. Вѣдь онъ былъ съ ея мѣткой! Развѣ имѣлъ я право оставить у себя такую улику? Довольно того, что онъ провелъ ночь въ моей комнатѣ... Я прошелъ пѣшкомъ до первой станціи и сѣлъ въ поѣздъ. На мѣстѣ моего прибытія меня уже поджидали, и я былъ арестованъ при выходѣ.

Въ слѣдующую ночь у нея былъ обыскъ; объ этомъ я узналъ послѣ; я благодарилъ судьбу, что не задержался дольше въ гостепріимномъ домѣ; если для меня это оказалось безразлично, то ее избавило отъ большой непріятности.

Въ тюрьмѣ я видѣлъ обычные тюремные сны. Я убѣгаю, за мной гонятся, хватаютъ; я бью кого-то тяжелымъ ударомъ кастета, бѣгу дальше, скрываюсь. Рѣка; на той сторонѣ стоитъ она, смотритъ на меня большимъ задумчивымъ взоромъ. Я рвусь къ ней, хочу броситься въ воду, переплыть, но меня вновь хватаютъ, и я просыпаюсь отъ непосильной борьбы съ похитителями моей свободы.

А въ ночи безсонныя я думалъ о свободной Россіи. Мы вышли изъ подполья, мы свободны, мы легальны. Я ѣду въ Смоленскъ, подъ собственнымъ именемъ, открыто, спокойно. Я иду на знакомую улицу, въ угловой домъ, звоню. Она встрѣчаетъ меня просто, дружески, играетъ мнѣ на память „Quasi una fantasia“; мы засиживаемся долго, не боясь звонка. А уходя, я разсказываю ей про платокъ. Она смущенно смѣется.

— Увидимся еще? Заходите.

— Я зашелъ только поблагодарить васъ за прошлое гостепріимство и извиниться, что уѣхалъ безъ соблюденія церемоній, не простясь...

Нѣтъ, это было бы глупо и пошловато. Лучше я скажу ей:

— Ну, конечно зайду! Вѣдь для того я и пріѣхалъ, чтобы видѣть васъ. Я васъ никогда не забывалъ, ни одного дня...

„Quasi una fantasia“!

Какъ ее звали? Ольгой? Вѣрой? Забылъ, все забылъ! Въ памяти я никогда не называлъ ее по имени; ея имя я зашифровалъ въ своей душѣ... и потерялъ ключъ. Но помню лицо; и эти красивые, глубокіе глаза, глубокіе какъ пропасть...

Можетъ быть, это была любовь, не знаю. Я думалъ о ней годъ; да, не меньше года. Но и не больше! Съ тѣхъ поръ я съ ней никогда не встрѣчался и никого не спрашивалъ о ней. Кажется, слыхалъ мелькомъ, что она вышла замужъ вторично.

Можетъ быть, это была любовь... Другой любви я не зналъ съ юношескихъ лѣтъ.

Уже недѣля, какъ я въ Парижѣ. Здѣсь все по старому, и еще хуже стараго. Я говорю, конечно, о русской колоніи. Очевидно, я отсюда уѣду, но прежде хочу еще разъ заглянуть въ музеи, которые раньше я осматривалъ какъ-то безъ системы, наскоро, безъ чувства, безъ пониманія.

— Что вамъ нравится въ Венерѣ? Красивая человѣческая самка—и больше ничего!

Отзывъ умнаго товарища и чуткаго человѣка... Странно. Среди революціонеровъ я почти не встрѣчалъ людей, способныхъ цѣнить искусство, въ особенности въ Россіи. Въ романѣ имъ нравилась тенденція, въ живописи—вопіющій сюжетъ, въ скульптурѣ—мраморное фразерство. До сихъ поръ они декламируютъ стихи Некрасова. „Буревѣстникъ" Горькаго они считаютъ поэзіей. А эти ужасныя пѣсни:

„Богачи-кулаки жадной сворой
Расхищаютъ народный твой трудъ;
Твоимъ потомъ жирѣютъ обжоры,
Твой послѣдній кусокъ хлѣба рвутъ".

Или, еще лучше, слова знаменитой „крестьянской марсельезы":

„Отпустили крестьянъ на свободу
Девятнадцатаго февраля..."

Это „девятна-цатава-февраля" такъ и бьетъ по уху! Я не могъ слышать этихъ словъ и раньше; теперь же, при звукѣ ихъ, у меня дѣлаются нервныя судороги.

Отчего, скажите, отчего у насъ не было красивыхъ пѣсенъ? Почему наши журналы были такъ грубы, наши „манифесты" и „прокламашки" такъ бездарны, крикливы и стилистически-безграмотны? А вѣдь писали ихъ чуткія души и добрѣйшія существа, и не шарлатаны слова, а честные люди, которые умѣли дѣльно и умно говорить, просто и красиво умирать... Почему, живя только дѣломъ, они писали только фразы? По крайней мѣрѣ такъ случалось почти всегда, когда они обращались съ „горячимъ словомъ" къ массѣ.

Я купилъ фотографію картины Моро—не помню ея названія. Въ ней Геркулесъ стоитъ противъ Гидры и ждетъ момента для удара. Какая красота! Стройный, нагой и сильный, онъ впередилъ взоръ въ чудовище, достойное его богатырскаго удара. Какая мощная, молчаливая красота! Борецъ долженъ быть красивымъ, и не можетъ не быть красивымъ, по крайней мѣрѣ—

въ моментъ борьбы. Въ бѣгствѣ онъ долженъ быть безобразнымъ.

Аналогія далекая, но не могу отъ нея удержаться, когда вижу насъ, бѣглецовъ, бойцовъ, растерявшихъ свое оружіе, здѣсь, за границей, въ эмигрантскихъ пунктахъ. Ухъ! Какая жалкая картина! Паровозъ лежитъ на боку, паръ свищетъ изъ всѣхъ щелей, колеса безсмысленно и по инерціи вертятся, цѣпляясь за шпалы, за взбитую землю, за воздухъ. Инциденты, оппозиціи, контроппозиціи, товарищескіе суды, товарищескія сплетни, протоколы о нравственности, разоблаченія предателей... Гнилье, гнилье, гнилой воздухъ, ужасная зараза! Энергія, которая била ключомъ и сдвигала горы тамъ, здѣсь ударилась въ паутину нищеты и обывательщины и не смогла прорвать ее, и запуталась въ ней, и стала проклятіемъ. Кто выше залеталъ тамъ—тотъ тѣмъ ниже упалъ здѣсь. У павшихъ не было основы—скажете вы? Неправда, была основа, была; но только нужна ли она была? Быть можетъ, духъ-то важнѣе основы; пылъ молодой, быть можетъ, дороже программы? Это еще нужно доказать; для меня, напримѣръ, это—вопросъ нерѣшенный. И если я вѣрю въ возрожденіе—такъ именно въ возрожденіе духа. А программы пускай гибнутъ, туда имъ и дорога! Мы создадимъ новыя; не мы, можетъ быть, а тѣ, что идутъ за нами, тотъ самый „свѣжихъ ратниковъ строй", о которомъ поется въ похоронномъ маршѣ... на нашихъ похоронахъ.

Меня встрѣтили хорошо, какъ стараго друга.

— Вы изъ Россіи? Что слышно новаго? Что дѣлаетъ молодежь?

— Ничего не дѣлаетъ. Думаетъ.

— Что же она думаетъ?

— Что думаетъ, того не говоритъ. Впрочемъ думаетъ, что мы стали стары и не годимся ей въ товарищи.

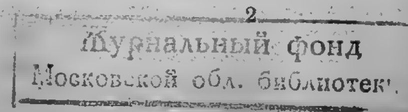
— Кто же это такъ говоритъ?

— Никто не говоритъ, а думаетъ такъ Танечка.

— Какая Танечка?

— Какая? Всякая. Вообще — Танечка, русская дѣвушка двадцати одного года, слушающая лекціи на высшихъ курсахъ, читающая Леонида Андреева и Кнута Гамсуна, считающая Ницше устарѣлымъ, не находящая вкуса въ живописи Перова, никогда не видавшая моря, не склонная влюбляться, уважающая свою мать за старость, а насъ съ вами—за честность.

— Ну, вы городите вздоръ. Скажите лучше, что дѣлается въ деревнѣ.



— Въ деревнѣ я не былъ. Слыхалъ, что тамъ созидается кооперація, въ которой мы съ вами ничего не смыслимъ.

— Положимъ, наши тамъ работаютъ тоже...

— Тамъ—можетъ быть, а здѣсь—сомнѣваюсь. Или вы стали ознакомлять публику со здѣшними кооперативами, прежде чѣмъ посылать ее въ Россію?

— Ну, голубчикъ, на это у насъ нѣтъ времени... Хорошо бы, конечно... Вотъ займитесь-ка этимъ, если считаете это важнымъ.

— Я? Да я же ничего не смыслю! И притомъ я сейчасъ занятъ другимъ.

— Да? И не секретъ?

— Нѣтъ, не секретъ. Вотъ осмотрѣлъ Лувръ, а вечеромъ буду сочинять стихи.

— Въ поэзію ударились?

— Нѣтъ, и прозой пишу.

Завтра обо мнѣ будутъ говорить:

— Сергѣй Ивановичъ ушелъ въ буржуйство. Пишетъ стихи и смотритъ Венеру.

А другіе друзья прибавятъ:

— Что-жъ, этого и нужно было ожидать. Онъ всегда былъ человѣкъ момента. Воспылалъ—и погасъ.

А недруги докончатъ:

— Человѣкъ безъ основы, метафизикъ какой-то...

Я этого и хочу. Пусть меня оставятъ, наконецъ, въ покоѣ. Я уѣду, сяду на берегу моря, буду смотрѣть и думать, думать, думать...

Какъ Танечка...

Можетъ быть, мы до чего-нибудь одного и додумаемся... Или до разнаго; тогда будемъ врагами, бороться будемъ.

Удалимся въ буржуйство. Чемоданъ я даже и не распаковываю.

Когда я поднимаюсь въ гору, сердце начинаетъ колотиться короткими, отрывистыми ударами. Оно у меня немного надорвано, но не настолько, чтобы я считалъ себя инвалидомъ. Напротивъ, я даже нѣсколько злоупотребляю подъемами; мнѣ пріятно думать, что вотъ я иду устойчивымъ шагомъ горца, иду къ небу,—въ то время, какъ тѣ, внизу, мелкимъ шажкомъ ползутъ по дорогѣ. И сверху они кажутся мнѣ маленькими-маленькими, какъ разъ въ свою натуральную муравьиную величину.

Вмѣстѣ со мной поднимается и море. Съ каждымъ шагомъ

оно становится шире, круче и многоцвѣтнѣе. Отъ берега прямо въ открытое море вытянулся низкій песчаный перешеекъ, и на немъ какъ разъ съ удобствомъ размѣстились домики—цѣлый городокъ. Дальше этотъ перешеекъ переходитъ въ крутую высокую скалу, одинъ край которой поросъ пинніями, а другой дикъ и обрывистъ. Много настроенія въ этой скалѣ; на блѣдносинее море она бросаетъ густо-зеленую тѣнь. А влѣво панорама горъ, задернутыхъ синей дымкой. Кое-гдѣ бѣлѣетъ одинокая хатка; вдали—двѣ-три сельскихъ коммуны, съ острой колокольней посрединѣ. Но изъ которой доносится низкій звонъ колокола—я не знаю. По моему онъ звучитъ ни откуда: это—голосъ самихъ горъ...

Я къ вамъ шелъ—вы меня не приняли. Вы были правы—но и я былъ правъ, такъ какъ мнѣ было горько и обидно. Но еслибы вы видѣли сейчасъ то, что вижу я,—вы бы не отошли отъ меня ни на шагъ, мои русскіе молодые друзья! Вы бы застыли въ восхищеніи, вы бы не оторвали взоровъ отъ переливовъ морской глади сквозь силуэты пинній! Солнца нѣтъ; теплый и влажный осенній воздухъ.

Да, вы не отошли бы отъ меня. Я знаю много красивыхъ мѣстъ. Я могъ бы, напримѣръ, показать вамъ маленькую бухту, гдѣ стоитъ старая, развалившаяся башня, гдѣ царитъ молчанье. Туда можно проникнуть только однимъ путемъ: забраться высоко на гору, а оттуда спуститься почти по отвѣсу, цѣпляясь за кустарникъ и отдыхая у корня рѣдкихъ пинній. Тропинокъ туда не проложено, а отъ сосѣднихъ мѣстечекъ моя бухта отдѣлена отвѣсными скалами такой высоты, что лучше не смотрѣть вверхъ. Въ первый разъ я проникъ туда на лодкѣ, а теперь частенько спускаюсь по откосу. Это страшно и опасно; быть можетъ, мнѣ потому и нравится. Если я проживу здѣсь долго, то вѣроятно когда-нибудь сорвусь и упаду прямо къ подножію башни, а потомъ, уже совсѣмъ разбитой и безформенной массой, скачусь въ море. И меня долго не найдутъ, такъ какъ въ этой бухтѣ никто не живетъ и не бываетъ, кромѣ случайныхъ рыбаковъ. Если это когда-нибудь случится, и притомъ нечаянно, то такая смерть, по моему, красива.

У этой бухты есть особое свойство. Я думаю, что здѣсь никто никогда не смѣялся. Это было бы совершенно неумѣстно и невозможно! Но зато тутъ такъ красиво, что навертываются слезы и хочется рыдать; не такъ, какъ плачутъ дѣти и женщины, а рыдать по-мужски, схвативъ себя за голову и до боли сжавъ ее, со стономъ и горечью невыразимой. Кто сказалъ, что

прошла моя жизнь? Я хочу жить, слышите, хочу жить! Она не можетъ погибнуть, если я самъ не погублю ее...

Я выстроилъ себѣ столикъ изъ большихъ камней; усталъ, сворачивая ихъ съ мѣста и устраивая въ надлежащемъ порядкѣ. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ благодушествовали скорпіоны—теперь имъ придется искать новаго жилища. Столикъ мой похожъ на какой-то жертвенникъ. Всетаки я нѣсколько опасаюсь за его прочность—вѣдь онъ поставленъ на скатѣ горы, прямо надъ обрывомъ. Но писать мнѣ очень удобно; можно прислониться спиной къ стволу пинніи и чувствовать себя какъ въ креслѣ. Прямо передо мной море, а мнѣ кромѣ моря сейчасъ ничего не нужно, ни счастья, ни удачи, ни любви, хотя обычно обо всемъ этомъ я мечтаю.

Да, вы не отошли бы отъ меня здѣсь! Я даже думаю, что вы подчинялись бы мнѣ не меньше, чѣмъ англичане подчиняются своему гиду! Но дѣло въ томъ, что здѣсь-то я самъ ушелъ бы отъ васъ, потому что мнѣ никого не нужно. Одинъ я чувствую себя прекрасно, прекрасно себя чувствую! У меня столько занятій: я пишу, рисую, собираю гербарій, дѣлаю букеты изъ осеннихъ листьевъ и травъ. У меня нѣтъ голоса, а то бы я еще пѣлъ, тутъ такое чудесное эхо. А потомъ вдругъ солнце становится краснымъ и бросаетъ на море, прямо въ мою сторону, кровавую полосу. Потомъ оно садится далеко-далеко, за французскимъ берегомъ, и ужъ тогда я принужденъ торопиться обратно. Взбираться вверхъ не легко, нужно сдѣлать это до полной темноты. А заночевать тутъ—благодарю покорно! Врядъ ли кто-нибудь, кромѣ летучихъ мышей, можетъ чувствовать себя пріятно въ старой башнѣ. Увѣряю васъ—она живописна только снаружи, внутри же она ужасна: сырость, паутина, масса всякихъ гадовъ. Я не хочу портить себѣ впечатлѣніе такимъ ночлегомъ!

Когда я возвращаюсь домой, то по пути обычно стучу въ дверь маленькой мазанки на поворотѣ тропинки. Оттуда выходитъ сначала дѣвушка, потомъ старуха. Дѣвушку зовутъ Розой. Она напоминаетъ мнѣ слегка Танечку, только гораздо красивѣе и еще моложе. У нея черные глаза и густые черные волосы, которые она по праздникамъ неумѣло причесываетъ. Чертами лица она очень похожа на мать, хотя та уже стара и довольно таки безобразна.

— И ты будешь такою же!—думаю я съ сожалѣніемъ.

Мнѣ выносятъ кислаго краснаго вина и ни за что не позволяютъ разбавлять его водой—кровная обида. Точно также не

соглашаются брать за это угощеніе плату. Мнѣ приходится вмѣсто этого дѣлать имъ маленькіе подарки. Такъ, напримѣръ, я подарилъ старухѣ цѣлое кило кофе и три крѣпкихъ стакана съ необыкновенно толстыми стѣнками. Дѣвушкѣ я собираюсь подарить широкую голубую ленту, но я знаю, что она не станетъ носить ее постоянно, а вѣроятно положитъ въ сундукъ со скуднымъ приданымъ. Надѣюсь, что подарокъ не скомпрометтируетъ ее въ глазахъ жениховъ,—не можетъ же не быть жениховъ у такой красавицы! Впрочемъ меня знаютъ въ этихъ мѣстахъ и даже не считаютъ форестьеромъ; я и обѣдаю въ рыбацкомъ кабачкѣ внизу. Мѣстные жители въ разговорѣ со мной любятъ блистать итальянскимъ языкомъ, вообще же тутъ говорятъ на отвратительномъ генуэзскомъ діалектѣ, который я едва разбираю. Нѣкоторымъ образомъ я даже являюсь для нихъ источникомъ новостей, такъ какъ получаю римскія и миланскія газеты. Распрашиваютъ иногда и про Россію, но этотъ разговоръ не въ моемъ вкусѣ: что мнѣ Гекуба и что я ей?

Ну, вотъ я и на покоѣ, и доволенъ судьбой. Одинокъ, забытъ всѣми, забылъ всѣхъ, много работаю, живу природой, здоровѣю, набираюсь силъ. И если кто-нибудь въ этомъ моемъ признаніи попытается отыскать фальшивую нотку—у него плохой слухъ, утверждаю это рѣшительно. У него—отвратительный, совершенно испорченный слухъ! Во всякомъ случаѣ, это—неисправимый пессимистъ, и при томъ сующій носъ туда, гдѣ его не спрашиваютъ. Отъ такихъ людей я стараюсь держаться на достаточномъ разстояніи.

Я сижу надъ обрывомъ и бросаю внизъ камни. Сначала они катятся по мягкой почвѣ откоса, потомъ падаютъ на каменный уступъ, дѣлаютъ легкій и высокій прыжокъ, еще, еще, послѣдній, и описываютъ крутую дугу, прежде чѣмъ упасть въ море. Всплеска не слышно: слишкомъ высоко, да и море не покойно.

И я говорю морю:

— Ну, что же ты скажешь по этому поводу? Случай не изъ обыкновенныхъ! Вѣдь не скажешь же ты, что я искалъ этой встрѣчи?

Я не слышу отвѣта, и принужденъ спуститься внизъ по обрыву. Тамъ, въ самой бухтѣ, есть большой камень, на который только въ сильную бурю захлестываетъ волна. Когда мнѣ хочется бесѣдовать съ моремъ, я ложусь на этотъ камень и смотрю съ отвѣса въ воду; здѣсь видно дно, видны колючія рыбки.

— Итакъ, будемъ говорить откровенно. Добивался я этого?

— Не добивался, но хотѣлъ.

— Ну, хорошо, я не отрицаю. Но вѣдь изъ Парижа я увѣренно ѣхалъ въ Римъ, хотя еще тамъ узналъ, что она живетъ на Ривьерѣ. И замѣть: говоря „она", я выражаюсь такъ лишь потому, что забылъ ея имя; ты знаешь, что ключъ отъ шифра былыхъ страницъ моей жизни я потерялъ.

— Ее зовутъ Вѣрой.

— Рѣшимъ такъ; но ты уклоняешься отъ вопроса.

— Ты не поѣхалъ въ Римъ, а остановился на Ривьерѣ.

— Правда. Но гдѣ?

— Въ своемъ старомъ, любимомъ гнѣздѣ.

— То-есть?

— То-есть за десять километровъ отъ нея.

— Да, я не отрицаю факта. Но зналъ ли я, что эта... Вѣра живетъ именно тамъ?

— Нѣтъ, не зналъ, но предполагать могъ, такъ какъ въ это мѣстечко посылаютъ легочныхъ больныхъ.

— Почему же я не поѣхалъ прямо въ Боккадоро?

— Потому что ты не рѣшился; потому что нѣкоторыя изъ былыхъ страницъ ты не уничтожилъ, а сохранилъ.

— Берегись, море! Ты читаешь въ сердцѣ. Объ этомъ мы не уговаривались! Но затѣмъ? Какъ я поступлю дальше?

Море молчитъ. Я пытаюсь язвить:

— Не кажется ли тебѣ, что было бы невѣжливымъ не сдѣлать визита и не поблагодарить за былое гостепріимство?

— Да; еслибы ты дѣйствительно вычеркнулъ всѣ прошлыя страницы, то ты бы такъ и сдѣлалъ. Но сегодня, послѣ ея письма, ты осмотрѣлъ свой чемоданъ.

— Превосходно, море! Ты за мной шпіонишь. Слѣдовательно—я уѣзжаю?

— Очевидно—ты долженъ уѣхать.

Мнѣ нравится здоровая логика моря. До этой бесѣды меня мучили сомнѣнья, теперь же я рѣшилъ.

Очевидно—я долженъ уѣхать.

„Мнѣ передали вашъ привѣтъ... Знаете, я почему-то ждала его, со дня на день ждала, и хотѣла его. Почему только онъ не пришелъ раньше! Онъ мнѣ былъ *очень нуженъ!* Вы, вѣрно, слышали, что я сильно больна, совсѣмъ больна. Я потому такъ и откровенна съ вами, что теперь ужъ все равно... Я немножко волнуюсь, когда пишу... Слушайте, у меня дочка Женечка, такая славная дѣвочка; ей уже три года; вы тогда говорили, что

любите дѣтей. Она здоровая дѣвочка, вѣдь у меня чахотка не наслѣдственная. Какое это страшное слово—чахотка. Вы бы меня не узнали—я худая, восковая стала. Играть я уже не могу. Помните „Quasi una fantasia"? Я хорошо помню, какъ играла вамъ.

„Господи, отчего это такъ поздно! Вы меня, вѣрно, не понимаете. Я хочу сказать, что я какъ-то напрасно жила. Вы слыхали обо мнѣ? Я вышла замужъ спустя годъ; т.-е. годъ спустя послѣ того, какъ мы съ вами видѣлись въ Смоленскѣ. Пишу неясно, потому что очень трудно писать; я все съ перерывами. Я съ мужемъ разошлась, а дѣвочка осталась мнѣ. Еслибы вы ее видѣли, вы бы ее полюбили, Женю мою. Она на меня очень похожа. Смѣшно у меня вышло, да ужъ вы простите! У меня такъ болитъ сердце за нее, вѣдь мнѣ ее некому оставить, а мужу я не хочу, онъ погубитъ дѣвочку. У нея талантъ, чудный слухъ,—нѣтъ, право, хоть ей еще три года.

„Я бы хотѣла вамъ много писать. Вы знаете: вѣдь я все еще одинока, такъ и умру...

„А вы гдѣ сейчасъ? Я пишу вамъ въ Парижъ, дойдетъ ли? Мнѣ говорили, что перешлютъ. Можетъ быть, вы гдѣ-нибудь далеко?

„Я за вашей жизнью внимательно слѣдила. Какая сложная у васъ жизнь! Я вѣдь васъ поняла тогда... Вы меня не судите строго за эти слова, вѣдь я больная.

„Прощайте. Ваша В."

„Любезнѣйшая синьора Гульельмина!

„Надѣюсь, что моя комната никѣмъ не занята; та, о которой я вамъ писалъ изъ Парижа. Я нѣсколько задержался въ дорогѣ, но теперь дня черезъ три прiѣду въ Римъ. Комнату будемъ считать, конечно, со дня моего перваго извѣщенія, т.-е. съ начала прошлаго мѣсяца. Не забудьте поставить самый большой столъ и вымыть полъ керосиномъ. Никакихъ картинъ на стѣны не вѣшайте, я самъ все сдѣлаю.

„Прилагаю вамъ запечатанное письмо съ готовымъ адресомъ и маркой. Вы его бросьте въ почтовый ящикъ; мнѣ хочется, чтобы оно пошло изъ Рима.

„Привѣтъ вамъ и синьору Альберто! Кланяйтесь также сосѣдкѣ и ея славнымъ дѣтишкамъ. Преданный вамъ Sergio."

Сегодня настоящій день для прогулокъ; не жарко, не предвидится дождь, не пыльно. Беру съ собой плэдъ на случай позд-

няго возвращенія и палку на случай собакъ. Въ этихъ горныхъ селеньицахъ очень злыя собаки, а я иду въ горы. Въ тѣхъ мѣстахъ я не былъ, и собаки меня не знаютъ.

Дорога идетъ круто, съ частыми поворотами, и телеграфные столбы забѣгаютъ иногда, для скорости, прямо на кручу, на перерѣзъ дороги, потомъ опять идутъ по ея краю. Воздухъ все чище и чище. Моря отсюда уже не видно, оно осталось позади, за горой. А сверху, изъ того селенья съ бѣлой колокольней, оно опять будетъ видно. Оттуда несется звонъ колокола. Ну, конечно, это тотъ самый колоколъ, который я слышалъ съ вершины Санта-Джуліи и призналъ за мелодичный голосъ самихъ горъ!

Чудесный воздухъ. Грудь дышетъ привольно, и сердце у меня здѣсь не колотится такъ отрывисто. Но все-таки подъемъ чувствуется. Какъ-то... щемитъ; не больно, но безпокойно.

Не такое ужъ маленькое селенье; есть нѣсколько красиво отдѣланныхъ виллъ; очевидно, мѣстные богатѣи сдаютъ ихъ иностранцамъ.

— Дѣвочка, а дѣвочка! Ты что̀ это тащишь?

— Молоко.

— Куда же ты его несешь?

— Къ Платонѐ.

— Это куда же, въ ту верхнюю виллу, что-ли?

— Да.

— А тяжело на головѣ такой большой кувшинъ нести?

— Нѣтъ, ничего, я всегда ношу; я ужъ привыкла!

— А тутъ у васъ есть иностранцы?

— Есть. У священника живутъ двое, мужъ съ женой, нѣмцы.

— Больше нѣтъ?

— Есть. Еще у Платонѐ дѣвочка живетъ съ матерью, русскія, уже давно. Я имъ молоко и несу. Потомъ еще у тети моей французъ больной живетъ.

— Ну, ну. А гдѣ тутъ можно вина выпить?

— А вонъ тамъ, противъ церкви, тратторія.

— Спасибо, милочка. Ты сама у русской синьоры служишь? За дѣвочкой смотришь?

— Нѣтъ, у нея Марія служитъ няней, а я только въ кухнѣ прибираю, да молоко ношу. А вы тоже иностранецъ?

— Тоже. Французъ я.

— Къ тетиному французу пришли?

— Нѣтъ, я дальше иду, вонъ въ то селенье. Только отдох-

нуть хочу немножко. А ты неси молоко, можетъ-быть синьора безпокоится.

— Добрый день!

Какая славная дѣвчурка! Врядъ ли ей есть двѣнадцать лѣтъ, а она ужъ работаетъ. И какая привѣтливая, въ противоположность итальянскимъ дѣтямъ. Вѣроятно она постоянно прислуживаетъ больнымъ иностранцамъ...

Но кабачокъ плоховатъ. Зато хозяинъ необычайно словоохотливъ. Кажется, онъ самъ выпиваетъ половину своего виннаго склада! Меня онъ встрѣчаетъ какъ стараго знакомаго, хотя видитъ въ первый разъ.

— Что такое полъ-литра, синьоре, что такое полъ-литра, говорю я, для такихъ молодцовъ, какъ мы съ вами? Полъ-литра я пью утромъ, вмѣсто кофе, а теперь время завтракать.

— А есть что позавтракать?

— Должно быть, непремѣнно должно быть! Вотъ придетъ Анетта, и тогда будетъ. А пока синьоръ выпьетъ свои полъ-литра, а старый Федерико—свои полъ-литра.

— А у васъ здоровый зобъ, падроне!

— Зобъ большой; у насъ зобъ въ роду. Но онъ не мѣшаетъ! И удобства отъ него нѣтъ, но и помѣхи нѣтъ. Горный житель привыкъ къ зобу, какъ оселъ къ тяжести. Зато, синьоръ, у меня легкія богатыря. Могу задуть пожаръ, синьоре, хотя отъ пожара насъ Богъ хранитъ. Воздухъ у насъ самый здоровый и самый легкій для дыханія. Можетъ быть — самый лучшій въ Италіи, точно не берусь сказать. Но думаю, что такъ. Пріѣзжаютъ къ намъ лѣчиться самые знатные господа и уѣзжаютъ здоровыми, и какъ заболѣютъ — опять къ намъ возвращаются.

— Много у васъ больныхъ бываетъ?

— Семей до десяти. Но вѣдь и коммуна наша маленькая. Вотъ скоро, говорятъ, выстроятъ санаторій для чахоточныхъ; это—для зимняго сезона. Хотя, говоря по совѣсти, собираются уже лѣтъ двадцать на моей памяти. Больше все слухи, а опредѣленнаго ничего не знаемъ. А для коммуны это было бы полезно,—большія средства прибыли бы. Коммуна на это вполнѣ согласна. Приказываете еще полъ-литра? А вотъ и Анетта идетъ, она живо изготовитъ все, что вамъ угодно. Анетта! Живо два яйца на маслѣ!

— Славная она у васъ дѣвочка, работница. Я съ ней ужъ познакомился, повстрѣчалъ ее. Что жъ, Анетта, русская синьора не разсердилась, что ты задержалась съ молокомъ?

— Нѣтъ; она никогда не сердится. Она очень больная; и очень добрая.

— Красивая она?

— Синьора? Очень красивая! У нея глаза глубокіе-глубокіе, какъ пропасть!

„Gli occhi profondi-profondi, come un abisso!..“ О, лучше бы Анетта не говорила этого! Вѣдь есть же границы моей выдержкѣ!

— Ну, Анетта, давай же скорѣй ѣсть! Садитесь, падроне, выпьемъ ради хорошаго знакомства. Славная у васъ дочурка!

— Не захвалите! Марія у меня лучше. Вонъ она идетъ, глядите, какая здоровая дѣвка! Эхъ, жениховъ нѣтъ!

Я сижу спиной къ двери и не хочу повернуться. Я слышу веселую болтовню ребенка и грудной голосъ няньки, которая кричитъ въ дверь:

— Анетта! Какъ будешь свободна, такъ погуляй съ дѣвочкой! Мнѣ нужно идти обѣдъ готовить. Дження, хочешь съ Анеттой погулять?

— Да! И съ тобой!

— Мнѣ нельзя, carina, я пойду къ синьорѣ.

И близко-близко за моей спиной я слышу звонкій итальянскій говорокъ русскаго ребенка:

— Annetta, vieni presto-presto!

Я не могу больше! Я рѣзко обертываюсь и вижу въ дверяхъ трехлѣтнюю дѣвочку, съ черными кудрями, въ красномъ платьицѣ; сначала я вижу только красный цвѣтокъ, одинъ изъ тѣхъ маковъ, которыми въ іюнѣ усѣяны всѣ склоны горъ и всѣ поля. Потомъ я встрѣчаюсь съ любопытнымъ взглядомъ двухъ темныхъ дѣтскихъ глазъ, и кровь ударяетъ мнѣ въ голову. Впервые я долженъ опустить глаза...

— Мнѣ дурно съ вашего вина, падроне! Дайте мнѣ глотокъ воды!

Возвращаясь изъ горъ къ морю, стараюсь припомнить, какія покупки я долженъ сдѣлать до отъѣзда. Въ мѣстечкѣ, гдѣ я живу, магазиновъ нѣтъ, если не считать табачной лавочки; но мнѣ придется проходить черезъ оживленный городокъ. Вотъ тамъ-то я и куплю обѣщанную Розѣ голубую ленту.

— Вы мнѣ дайте широкую и самую лучшую! — говорю я лавочницѣ.

— Это очень широкая лента, синьоръ! Настоящій небесный цвѣтъ. Шире нѣтъ, синьоръ! Шире не бываютъ.

— Но я хочу шире, какъ можно шире, и при томъ ярко-красную, цвѣта полевого мака!

— Вы же сказали голубую, синьоръ?

— Теперь я говорю красную! Я терпѣть не могу голубого цвѣта! Я признаю только красный цвѣтъ, цвѣтъ полевого мака. Неужели вы не знаете цвѣтъ полевого мака?

Я немного нервничаю; сказывается усталость. Лавочница смотритъ на меня удивленно и слегка обиженно. На порогѣ стоитъ рыхлая женщина съ маленькой дѣвочкой. Она пришла купить на два сольдо бѣлой тесьмы.

Наконецъ я выбираю самую широкую и яркую красную шолковую ленту и покупаю метръ.

— Какъ зовутъ вашу дѣвочку?

— Джульетта, синьоръ.

— Красивое имя. А у васъ нѣтъ еще сына Ромео?

— Нѣтъ, синьоръ, у меня одна дѣвочка. И слава Богу! Очень трудно содержать дѣтей, синьоръ!

— А сколько ей лѣтъ?

— Ровно три года, синьоръ. Она родилась въ день всѣхъ святыхъ.

— До свиданья, хозяйка!

Уходя, я пріостанавливаюсь въ дверяхъ. Меня поражаетъ мысль, что къ темнымъ волосамъ дѣвочки очень пойдетъ красная лента.

— Можно мнѣ сдѣлать маленькій подарокъ вашей дочуркѣ? Она такая милая. Взгляните, какъ красиво получается. Жалѣю, что я не умѣю завязать красиваго банта назади. Чего же ты боишься, милочка? Я не кусаюсь!

— Troppo gentile, signore!—слышу я вдогонку. Въ эту минуту мнѣ приходится отбиваться отъ собаки, которая яростно на меня бросается. Я прибавляю шагу, чтобы не опоздать на обрывъ.

Сегодня у меня послѣдній серьезный разговоръ съ моремъ. Необходимо, наконецъ, выяснить мое поведеніе въ прошломъ и дальнѣйшемъ.

Проходя мимо знакомаго домика, я застаю Розу за стиркой. Ея матери нѣтъ дома.

— Роза, я пришлю вамъ ленту изъ Рима! Здѣсь нѣтъ подходящей. Вѣдь вамъ пріятнѣе будетъ получить изъ Рима, не правда ли?

Роза краснѣетъ и смущается, что къ ней очень идетъ.

— Синьоръ Серджіо уѣзжаетъ?

— Да, Роза, я уѣзжаю надолго. Желаю вамъ хорошаго жениха. Можетъ быть, вы угостите меня виномъ? Я прошелъ двадцать километровъ и очень усталъ. Да захватите и себѣ стаканчикъ! Какая вы красавица, Роза; еслибы я былъ молодъ и красивъ, я заставилъ бы васъ полюбить меня. Да, я выпью еще стаканъ. Когда я пойду обратно мимо васъ, я попрошу у вашей матери позволенья поцѣловать васъ, Роза, — если, конечно, это вамъ не противно. А изъ Рима, кромѣ ленты, я пошлю вамъ самую красивую открытку съ видомъ каскада въ Тиволи. А можетъ быть напишу еще стихи. Это будутъ единственные стихи, которые я сочиню по-итальянски! Пока прощайте, Роза; это ничего, что у васъ мокрая рука; зато она очень чистая. Желаю вамъ такъ же чисто вымыть бѣлье!

Скоро начнетъ заходить солнце. Приходится почти бѣжать, иначе мнѣ не спуститься съ обрыва, а у меня такое подходящее дѣловое настроеніе. Вино меня подкрѣпило; и Роза такая милая дѣвушка!

„Чья ручка полъ въ субботу подметаетъ, —
Та въ праздникъ лучше можетъ приласкать...“

Кажется это изъ „Фауста“. Я сталъ положительно гимнастомъ — весь спускъ дѣлаю минутъ въ десять. Только какъ я поднимусь обратно? Впрочемъ, это сейчасъ не важно; сначала нужно выяснить...

Итакъ, начнемъ, море. Но почему ты сегодня такъ бушуешь? Даже на мой камень попадаютъ брызги. Способно ли ты къ спокойному, дѣловому, замѣть — дѣловому разговору? Прежде всего скажи мнѣ, кто сидѣлъ на террасѣ, когда я такъ позорно убѣгалъ изъ Боккадоро?

— Это была Вѣра. Но, конечно, она тебя не узнала.

— Конечно; я также не узналъ ея; даже не видалъ ея глазъ. Но я не о томъ хочу говорить. Скажи, почему я не зашелъ къ ней и не сказалъ ей теплаго, ласковаго слова?

— Потому что четыре года назадъ, когда ты былъ въ ссылкѣ, она осмѣлилась выйти замужъ. Помнишь—ты узналъ объ этомъ въ Сибири отъ смоленцевъ. Ты очень страдалъ. Именно тогда ты и бросилъ ключъ отъ шифра былыхъ страницъ. И ночью тебѣ перестали сниться побѣги.

— Ты хочешь сказать, что я злопамятенъ? Но вѣдь она

больна, она скоро умретъ. Не можетъ же быть, чтобы я былъ жестокимъ!

— Не злопамятный, а несчастный ты! Ты пять лѣтъ искалъ статую, а нашелъ саркофагъ. И не жестокій ты, потому что ты ей послалъ черезъ Римъ теплое и нѣжное письмо. Оно дастъ ей нѣсколько счастливыхъ минутъ передъ смертью.

— Ждетъ она меня?

— Сейчасъ—да, хотя не надѣется; но когда получитъ твое письмо — примирится и перестанетъ ждать.

— Любитъ она меня?

Море не отвѣчаетъ. Приходится повторить вопросъ. Теперь оно отвѣчаетъ нѣхотя:

— Она одинока; въ прошломъ у нея такъ мало; а эта страничка жизни кажется ей такой красивой и полной поэзіи...

— Послѣдній вопросъ: люблю ли я ее?

— Странный вопросъ! Спроси себя самого.

— Теперь самый послѣдній: чѣмъ это кончится?

— Она умретъ, а ты возьмешь ея дѣвочку.

— И буду видѣть ея глаза? И буду всю жизнь чувствовать на себѣ ея взглядъ? Ты шутишь, море!

— Успокойся, шучу! Дѣвочку возьметъ отецъ. Къ счастью, Вѣра не узнаетъ объ этомъ. Она будетъ думать, что ты сталъ отцомъ ея дочери. Она умретъ съ этой счастливой увѣренностью. Не самъ ли ты обманулъ ее письмомъ?

— Иначе говоря — ты не хочешь помочь мнѣ разобраться въ мысляхъ. Тогда разскажи мнѣ сказку, море, одну изъ твоихъ странныхъ сказокъ, безъ которыхъ я не могу жить.

— Сегодня сказокъ нѣтъ. Смотри, какая темная ночь! Сказки попрятались въ башню и не выйдутъ оттуда, пока не появится новая луна. Ты будешь тогда уже въ Римѣ.

Я встаю съ камня и оглядываюсь. Совершенно темно. Вверху едва видны силуэты линій на фонѣ неба. У меня кружится голова. Ощупью я пробираюсь къ башнѣ по остаткамъ лѣстницы, высѣченной въ гранитѣ. Затѣмъ кладу обѣ руки на нижній выступъ окна, притягиваюсь и прыгаю внутрь на каменный полъ. Десятокъ летучихъ мышей вырывается черезъ окно наружу, обдавая меня вѣтромъ. Подъ низкимъ потолкомъ шелестятъ крылья оставшихся перепуганныхъ странныхъ существъ. Здѣсь сыро, какъ въ погребѣ.

— Сказки, сказки, гдѣ вы? — изступленно кричу я, протягивая руки вверхъ и хватая воздухъ.—Я хочу сказокъ, мнѣ надоѣла дѣйствительность!

Нѣсколько разъ крылья мышей касаются моихъ пальцевъ, и тогда я въ ужасѣ отдергиваю руку. Но сейчасъ же вновь начинаю гоняться за невидимыми существами. Это продолжается минутъ пять. Затѣмъ шумъ крыльевъ стихаетъ и совсѣмъ прекращается. Всѣ ночные обитатели башни вылетѣли наружу.

Тогда я бросаюсь на холодный и липкій полъ и долго, громко и съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ рыдаю и рву себѣ волосы. Неврастенія въ полномъ разгарѣ.

Полчаса спустя я спокойно карабкаюсь на отвѣсъ. При извѣстной выдержкѣ и умѣньѣ оріентироваться — это возможно. Мнѣ помогаетъ далекая молнія, которая вспыхиваетъ по временамъ. Внизу подъемъ не такъ труденъ: я ощупываю камень на уровнѣ колѣна, прочно уставляю на немъ ногу, слегка приподнимаюсь и цѣпляюсь рукой за слѣдующій выступъ. Голова моя занята все время дѣловыми мыслями.

На серединѣ пути есть два опасныхъ момента. Въ одномъ мѣстѣ надо миновать вертикальную трещину въ скалѣ, а это возможно лишь съ помощью легкаго прыжка на небольшой выступъ противоположной стороны. По счастью, въ этомъ мѣстѣ удобно держаться рукой за свѣсившійся толстый корень пинніи, растущей надъ расщелиной. Я выжидаю молніи и прыгаю благополучно. Въ ту же минуту чувствую, какъ холодѣетъ сердце. Здѣсь я дѣлаю отдыхъ, такъ какъ это—середина пути. Дальше ужъ нѣтъ такихъ отвѣсовъ, но зато почва рыхлая; нѣтъ сплошной скалы, и камни слегка шатаются въ землѣ. Я нащупываю одинъ изъ нихъ, и крѣпко становлюсь ногой на нижній; въ то же время ощущаю, какъ рука моя, вмѣстѣ съ камнемъ, отдѣляется отъ рыхлой глыбы земли, и тѣло, слегка вздрогнувъ, подается внизъ. Затѣмъ рука выпускаетъ камень, и онъ сильно ударяетъ меня по согнутой колѣнкѣ. Я инстинктивно и съ силой, однимъ рѣзкимъ движеніемъ, вонзаю пальцы въ землю и съ минуту храню равновѣсіе...

Сквозь шумъ прибоя отчетливо слышу рѣзкіе щелчки скатившагося камня по скаламъ; потомъ слышу, какъ бьется сердце, и чувствую, какъ подается земля, за которую я судорожно ухватился.

Сверху, сквозь разорванныя тучи, смотритъ на меня яркая звѣзда. Я опускаю глаза внизъ—тамъ черная ночь, скрывающая пропасть; только прибой яростно бушуетъ. Я смотрю въ невидимую пропасть и безсмысленно твержу:

— Какъ темная пропасть... Ея глаза глубоки какъ пропасть... Только ея глаза могутъ быть глубоки какъ пропасть...

Блескъ молніи освѣщаетъ камень на уровнѣ моей руки. Быстро хватаюсь за него скользкими пальцами; камень выдерживаетъ мою тяжесть.

Теперь я увѣренъ, что не погибну. Отъ радостнаго волненія мои ноги дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ; я такъ ослабѣлъ, что долженъ торопиться. Вотъ, наконецъ, стволъ первой пинніи, которую я обнимаю, какъ надежнаго друга.

Я отдыхаю и, держась за дерево крѣпче, чѣмъ необходимо, думаю о томъ, что сейчасъ я глядѣлъ въ лицо смерти. И въ эту минуту я ясно различаю въ себѣ два существа. Одно, человѣческое, тоскуетъ о смерти, которую видѣло; другое, животное, радуется спасенію отъ ужаса прошлой минуты.

Въ домикѣ на поворотѣ тропинки уже спятъ. Домой я пробираюсь съ чувствомъ полной разбитости. Ночью нѣсколько разъ просыпаюсь въ животномъ страхѣ. Мнѣ кажется, что я лечу съ крыши высокаго дома. Успокаиваетъ только папироса и большой пріемъ ландышевыхъ капель.

— Счастливаго пути, синьоръ Серджіо!

— До свиданья, Роберто, спасибо!

— Какъ соберетесь опять къ намъ на отдыхъ—пришлите почтовую карточку, а ужъ мы приготовимъ для васъ помѣщенье по вашему вкусу. Будьте покойны!

— Спасибо, спасибо!

Въ вагонѣ тѣсно, какъ въ коробкѣ сардинъ. Спать не удастся, а я не спалъ всю вчерашнюю ночь. Съ одной стороны—толстая баба, съ другой—солдатъ въ сѣрыхъ гамашахъ. Поѣздъ ныряетъ изъ туннеля въ туннель. На лицо и одежду садится слой мелкой угольной пыли. Сосѣди напротивъ говорятъ о сортахъ винограда и о послѣднемъ сборѣ; потомъ бранятъ генуэзскихъ портовыхъ рабочихъ за стачку.

Какъ скучно! Какъ скучно опять сидѣть въ вагонѣ, опять ѣхать куда-то зачѣмъ-то... Я мысленно рисую географическую карту,—да, немалый кусокъ земли... То тамъ, за Ураломъ, то тутъ, на берегахъ Средиземнаго моря, то на финляндскихъ шхерахъ, то въ огромномъ Лондонѣ. Странно, отчего до сихъ поръ я не уѣхалъ въ Америку? И не тянетъ какъ-то... Въ Египетъ я поѣду въ будущемъ году, это рѣшено... Въ Россію? Нѣтъ, я не вернусь въ Россію. Мнѣ нечего дѣлать въ Россіи.

Развѣ между нами есть что-нибудь общее? Мы говоримъ на

разныхъ языкахъ, друзья мои! Вы меня не понимаете, мнѣ же надоѣло васъ слушать!

Видите ли, вашимъ теоретическимъ выкладкамъ сильно вредитъ одна маленькая практическая нелѣпость. Я въ этихъ дѣлахъ, конечно, профанъ, но имѣю передъ вами то преимущество, что я старъ. Не вѣрите? Спросите Танечкину маму или Танечку! Такъ вотъ я и говорю: вы заблуждаетесь! Когда вы толкуете въ минорномъ тонѣ объ „общемъ дѣлѣ" или въ мажорномъ о „личномъ счастьѣ", или изыскиваете гармоническій аккордъ, то въ первомъ случаѣ вы мыслите скопчество, во второмъ—блудъ, а въ третьемъ—просто лицемѣрите. Я же, будучи цвѣткомъ осеннимъ и имѣя въ виду наступающіе морозы, дорожу всѣми красками бытія. Для меня это—не философія, а жизнь. Вы, птенцы желторотые, явились въ міръ съ протестомъ противъ стѣсненія плоти, хотя никто вашей плоти не стѣснялъ, съ протестомъ противъ личной жертвы, хотя вы ничего и ни во имя чего не жертвовали, и никто съ васъ этого не спрашивалъ. Повторяю, вы — желторотые птенцы, похотливая накипь вы, и нечего вамъ кричать! Блудите себѣ на здоровье, благо безплодны!

Но если *мы* голосъ поднимаемъ, если *мы* требуемъ себѣ частицы личнаго счастья, такъ мы дѣлаемъ это не во имя моды и не изъ похоти. Мы все отдавали, не требуя ни награды, ни признанья; мы вѣрой горѣли, поймите — горѣли, а не тлѣли, какъ тлѣютъ ваши сальные фитили! Мы статую изъ мрамора высѣкали, а не пекли бабу изъ сдобнаго тѣста! И вотъ мы-то вдругъ, внезапно потеряли вѣру, потерпѣли крушеніе. Когда валятся дубы, это не то, что сальные огарки догораютъ! Насъ валитъ ураганъ,—васъ перешибаютъ щелчкомъ; это—не одно и то же!

А потому — подите прочь, шире дорогу! Уже отходитъ время лѣсныхъ поганокъ и потомковъ этихъ поганокъ. Теперь будутъ возрождаться къ жизни старые дубы и нарождаться молодые дубки отъ ихъ сѣмени. Или времени не чуете?

Визгомъ жалкимъ, смѣшкомъ своимъ, похотливымъ бормотаньемъ вы заглушили нашъ стонъ. Развѣ умѣете вы рыдать по мужски? Вѣдь вы хнычете и скулите! Развѣ вы чувствуете величіе и красоту? Вѣдь вы бѣгаете толпой по жалкимъ выставкамъ, держась за фалдочки другъ друга! Развѣ вы любить и цѣловать умѣете? Вы обнюхиваетесь и лижетесь, вы лѣзете другъ на друга, какъ щенята! А еще говорите о юности, расторгшей цѣпи, повергшей кумиры, познавшей восторги, нашедшей новаго бога—бога радости. О, какъ ненавижу я теперь ваше низко-

рослое поколѣніе съ вашей литературой, съ вашей мазней по холсту! И я, старый мухоморъ, шелъ къ вамъ, молодымъ сморчкамъ, просился въ друзья, благоговѣлъ предъ вашей мнимой юностью! Но вѣдь я не зналъ, что вы уже нашли; я думалъ, что вы ищете, и хотѣлъ искать съ вами.

Я и шелъ лишь потому, что искалъ самъ; искалъ, ищу и буду искать—и найду, если не цѣль, то дорогу къ цѣли. Но та частица счастья, которую ищу я—не блудъ, и ищу я ея не въ награду за прошлое скопчество. Повторяю вамъ—мнѣ дороги всѣ краски бытія, весь спектръ земной радости! И я не боюсь ни старыхъ словъ, потому лишь, что они стары, ни новыхъ словъ, потому лишь, что они новы и что ихъ безсмысленно бормотали и ваши малокровныя губы. И какъ отлично будетъ мое счастье отъ вашего!

Читали вы, какъ Габріэле д'Аннунціо леталъ въ Брешіи по воздуху?

— Ахъ,—сказалъ великій поэтъ:—это—величайшее наслажденіе, несравнимое ни съ чѣмъ! Это возвышаетъ! Я никогда еще не испытывалъ ничего подобнаго!—И даже написалъ на эту злобу дня цѣлую поэму.

А леталъ онъ на аршинъ отъ земли, ровнехонько на одинъ аршинъ; выше аппаратъ съ двумя пассажирами никакъ не смогъ подняться.

Такъ летаете и вы; мы летали выше, мы за облака поднимались! Нашъ аппаратъ лежитъ разбитый. Но не разбейся онъ—онъ все равно не былъ бы теперь годенъ. Пора строить новые! Теперь не за облака,—теперь полетимъ въ другіе міры; но земля всегда останется нашимъ hangar'омъ.

Довольно!

Послѣдняя станція, съ которой море видно сверху. Дальше поѣздъ пойдетъ по низкому берегу и далеко отъ него. Прощай, море! Увидимся въ Анціо или, лучше всего, на югѣ. А то увижу тебя въ ясный день съ купола святого Петра...

Толстая баба, моя сосѣдка, тяжело дышетъ и клюетъ носомъ. На колѣняхъ у нея лежитъ большой свертокъ съ чѣмъ-нибудь съѣстнымъ. Коснувшись его носомъ, она поднимаетъ голову и начинаетъ опять клевать. Солдатъ справа не дремлетъ, какъ на посту. Глаза у него круглые и всегда удивленные. Сосѣди напротивъ перебрали всѣ общіе интересы и снова вернулись къ вопросу о послѣднемъ сборѣ винограда. Мои ноги протянуты между ними; лицо я закрылъ платкомъ отъ угольной пыли и отъ свѣта электрической лампочки.

Когда я сидѣлъ въ одиночкѣ въ Москвѣ, моимъ сосѣдомъ былъ мирный пропагандистъ изъ рабочихъ. Онъ просидѣлъ восемь мѣсяцевъ; за это время его жена сошлась съ другимъ и перестала ходить къ нему на свиданья; онъ самъ мнѣ разсказалъ объ этомъ по звуковой азбукѣ черезъ толстую стѣну, хотя можно было разсказать и черезъ окно. Но такъ легче—лица не видно.

— Вы должны простить ей, товарищъ; развѣ она не свободна?—простучалъ я ему.

— Знаю—отвѣтилъ онъ.—Я ее не сужу. Но теперь и я свободенъ тоже!

— Конечно—отвѣтилъ я, не совсѣмъ понявъ его.

Его выпустили, и онъ ушелъ съ головой въ терроръ. Жена его родила ребенка, и ея сожитель выбросилъ ее на улицу. Ей удалось разыскать мужа; онъ отдалъ ей всѣ деньги, которыя имѣлъ, обѣщалъ прислать еще, но просилъ больше его не разыскивать.

— Ты пойми,—сказалъ онъ ей—что я теперь свободенъ! Я тебя люблю, но не могу тебя принять; люблю я тебя и ненавижу! За предательство ненавижу! Почему ты не выбрала другого времени? Какъ могла ты думать о плоти, когда я былъ въ тюрьмѣ и ждалъ суда? Можетъ-быть ты и права, но видѣть тебя я не могу больше.

Потомъ его повѣсили. Гдѣ она—не знаю.

Почему мнѣ опять вспомнилось это? Вѣдь это—не то же самое... Вѣдь она ничѣмъ не была связана со мной, кромѣ взгляда.

Опять станція. Мы проѣхали треть пути.

— Кондукторъ, какая станція?

Кондукторъ не слышитъ. Я срываюсь съ мѣста, хватаю чемоданъ и бомбой вылетаю изъ вагона.

— Когда идетъ обратный поѣздъ?

— Въ Геную? Въ шесть утра, синьоръ. Позвольте вашъ билетъ, синьоръ! У васъ билетъ до Рима?

— Ахъ, все равно! Я долженъ вернуться въ Геную.

— Тогда вамъ придется подождать до утра.

Я несу чемоданъ въ комнату ожиданья. Но здѣсь оставаться нельзя, необходимо ѣхать въ отель. Охъ, какой вздоръ! Я ничего не понимаю. Сколько времени? Только одиннадцать вечера...

Въ залѣ третьяго класса пахнетъ длинной десятисантимовой сигарой. Я никогда еще не былъ въ такомъ нелѣпомъ положеніи: ждать цѣлыхъ семь часовъ! Но мнѣ противно ѣхать въ отель.

Лучше сдамъ чемоданъ на храненіе и прошляюсь въ городѣ всю ночь.

Вагонъ меня такъ утомилъ, что не хочется двигаться съ мѣста. Бѣгутъ минуты, а я сижу въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

— Куда ѣдете, синьоръ?

Я вскидываю голову; я задремалъ и плохо понимаю, что нужно отъ меня сторожу.

— Билетъ вашъ! Въ Римъ ѣдете?

— Въ Римъ.

— Такъ вамъ надо штемпель поставить объ остановкѣ. Въ кассу пожалуйте!

Мы идемъ въ кассу.

— Когда поѣздъ?

— Черезъ четверть часа. Только третьяго класса нѣтъ!

— Я приплачу за второй...

Нѣсколько минутъ сна ободрили меня; теперь голова уже не кружится. Эта слабость была послѣдней. Теперь я уже увѣренно ѣду въ Римъ, мой славный, любимый старый городъ.

Довольно ребячиться! Пора покончить съ этимъ.

Иду по улицѣ и размышляю.

Еслибы я жилъ сейчасъ въ русской деревнѣ, на благоустроенномъ хуторѣ, и смотрѣлъ изъ окошка на идущихъ въ поля крестьянъ,—я бы думалъ:

— Счастливые пейзане! Они встаютъ рано, дышутъ свѣжимъ утреннимъ воздухомъ, пьютъ прекрасное, здоровое молоко отъ своихъ сытыхъ, породистыхъ коровъ. Чуть заря—они уже запрягаютъ свою любимицу-лошадку, веселую сивку, и идутъ взрывать и засѣвать землю-матушку. Тишина, покой, ароматъ душистыхъ травъ, истинно-русская благодать...

„Ну, тащися, Сивка,
Пашней-десятиной“...

и прочее.

Нѣтъ, право! Удивительно буржуазно-покойное настроеніе. Правда, я не въ русской деревнѣ, а въ Римѣ, но это все равно. Я всѣмъ доволенъ. Все утро пишу, въ полдень съѣдаю огромную тарелку ризотто или пасташютты, опять строчу, потомъ иду къ знакомому букинисту спросить, нѣтъ ли чего новаго. Кое-что всетаки есть! Одинъ деревенскій попикъ послалъ ему задешево „Телетургическое откровеніе, въ коемъ изъяснены сокровища,

скрытыя въ таинствѣ мессы"—недурное венеціанское изданіе середины XVII-го вѣка. Къ сожалѣнію, мнѣ это ни къ чему. Съ четверть часа мы любуемся изданіемъ, съ полчаса букинистъ объясняетъ мнѣ, какимъ добросовѣстнымъ членомъ книгопродавческаго союза онъ является, еще четверть часа мы соображаемъ, за сколько онъ можетъ уступить мнѣ маленькую брошюрку объ аграрномъ движеніи въ Сициліи. Наконецъ я расплачиваюсь и иду въ знакомый ресторанчикъ, гдѣ у меня свой столикъ, свои чернила, свое кольцо для салфетки.

Ну, какъ же не благодушествовать! Типичный римскій дворикъ обращенъ въ садъ. Вмѣсто потолка — сѣтка виноградняго переплета; маленькій бассейнъ, гдѣ плаваютъ темныя рыбки, еще не попавшія подъ кухонный ножъ. Сквозь виноградъ видно, какъ на балконѣ играютъ дѣвочки-подростки, спуская на ниткѣ въ бассейнъ игрушечную лейку и затѣмъ поливая герань на балконѣ — прелюбопытное, по-моему, занятіе. Хозяинъ — маленькій, круглый и добродушный, хозяйка—маленькая, круглая и добродушная, хозяйская дочка—маленькая, круглая и добродушная, и у нихъ троихъ—девять подбородковъ. Въ это время въ кабачкѣ никого не бываетъ, почему у хозяйки всегда дремлетъ правый, а у хозяина лѣвый глазъ; дочка же просто скучаетъ, такъ какъ ея женихъ еще не отбылъ солдатскаго срока. Всѣ мы—большіе пріятели и молча улыбаемся другъ другу.

Какъ я открылъ этотъ кабачокъ? Въ памяти встаетъ хорошій товарищъ, полу-русскій, полу-итальянецъ, который когда-то указалъ мнѣ его адресъ. Онъ зналъ Римъ, какъ свою комнату, и впослѣдствіи, безвременно разставаясь съ жизнью въ Россіи, въ расцвѣтѣ здоровья и молодости,—только сюда, только въ свой любимый Римъ послалъ онъ привѣтъ одной милой бѣдной дѣвушкѣ:

„Saluti dall'altrove!"
(Привѣтъ оттуда!)

Вотъ все, что значилось въ запискѣ, написанной имъ за часъ до смерти и пересланной въ Римъ его друзьями...

Помню, какъ однажды зимой въ этомъ кабачкѣ собиралась за обѣденнымъ столомъ небольшая литературная компанія изъ москвичей и петербуржцевъ; свободныя залетныя птицы — всѣ они разлетѣлись; и одинъ я вернулся въ этотъ старый, славный, неуклюжій Римъ, отнынѣ и навсегда—мой родной городъ...

У хозяйки закрылся и второй глазъ; по прежнему бодрствуетъ только правый глазъ ея супруга, хотя зачѣмъ бы и ему бодрствовать, разъ все идетъ благополучно?

Но вовсе не все идетъ такъ гладко.

— Очень много прiятелей у Джузеппе, у сынка моего, синьоръ Серджiо. Слишкомъ у него много прiятелей!

— Что-жъ, падроне, онъ человѣкъ молодой...

— Молодой, конечно. Я тоже былъ молодой, но у меня меньше было прiятелей, синьоръ Серджiо. И мои товарищи солиднѣе были. Не нравится мнѣ, что у него такъ много прiятелей! Каждую минуту таскаются сюда. А то онъ по цѣлымъ днямъ пропадаетъ.

Оба глаза смотрятъ вверхъ, на переплетъ виноградной лозы. Ея листья пожелтѣли, покраснѣли. Кое-гдѣ остались засохшiя и завядшiя ягоды. Каковъ былъ виноградъ нынче?

— Ничего, хорошъ. Я даже молодого вина сдѣлалъ. Противъ прошлаго года куда же лучше уродился.

Дѣйствительно, въ прошломъ году былъ плохъ виноградъ. А въ позапрошломъ? Кажется, совсѣмъ не было. Какъ? Неужели я уже третью зиму встрѣчаю здѣсь?

На дняхъ я замѣтилъ, что давно уже пересталъ напѣвать русскiе мотивы; они какъ-то незамѣтно, втихомолку ушли изъ памяти, и ихъ смѣнила неаполитанская мелодiя...

„Vide'o mare quant'è bello!
Spira tantu sentimento...“

„Взгляни, какъ прекрасно море! Какимъ чувствомъ дышетъ оно! Оно—какъ ты—заставитъ грезить всякаго, кому глянетъ въ лицо...

„Взгляни, взгляни же на этотъ садъ! Вдохни, вдохни же ароматъ цвѣтущихъ апельсиновъ! Сердце замираетъ отъ ихъ тонкаго дыханiя.

„И ты говоришь: „Я уѣзжаю, прощай!“ Ты хочешь вырвать себя изъ этого сердца? Ты хочешь бросить эту землю любви? Ты похитила сердце и не хочешь вернуться?

„О, не покидай меня! Не доставляй мнѣ этихъ мукъ! Вернись въ Сорренто! Верни мнѣ жизнь!“

Оказывается, я не такъ ужъ буржуазно покоенъ! Меня тревожитъ эта неаполитанская мелодiя съ ея дешевыми словами. Дешевыми и такими... общепонятными...

— Вотъ тоже дочка,—продолжаетъ думать вслухъ толстый падроне.—Развѣ возможно ждать три года? Трудненько! Правда, жаловаться нельзя, работаетъ; а вотъ Джузеппе — тотъ все больше насчетъ гулянья съ прiятелями.

Заглянулъ въ кабачокъ уличный гитаристъ. Никого нѣтъ?

Ну, ничего; онъ пока выпьетъ полъ-литра пастозо. Хозяинъ вновь открылъ оба глаза, сѣменитъ короткими ножками въ погребъ. Экая добродушная скотина...

Да что мотивы! Даже психологія вырабатывается какая-то особенная, итальянская. И странно: какъ-то дорого мнѣ все это—и небо, и красно-золотые осенніе листья, и старыя стѣны, и воспоминанія, и сонная, покойная жизнь вѣчнаго города. Дорога мнѣ Италія, какъ дорога была Россія. Да, *была*, потому что теперь ея больше нѣтъ...

Нѣтъ, и русскіе мотивы еще не всѣ забыты. Сегодня я вспомнилъ простой напѣвъ дѣтской пѣсенки, вспомнилъ ея наивныя слова, вспомнилъ маленькій клочекъ жизни, съ нею связанный— и все измѣнилось. Сошелъ въ душу такой покой, словно на сѣромъ небѣ проглянулъ голубой глазъ, ровный-ровный, ясный-ясный. Вся эта неврастенія, дерганье это — все сразу отдалилось, и спокойно стало, и хорошо стало, и хочется улыбаться безъ конца, по-дѣтски улыбаться, и хочется напѣвать этотъ легонькій мотивъ, и стараться дѣлать это какъ можно проще и нѣжнѣе.

Даже разсказывать нечего—такъ это было просто. Когда я въ первый разъ былъ въ ссылкѣ, то у меня въ одномъ сибирскомъ городкѣ завелась знакомая семья — очень симпатичные люди. Я въ то время страдалъ меланхоліей, а у нихъ за чаемъ утѣшался. Это были — мужъ съ женой и дочка Наташа, бѣлокурая дѣвочка лѣтъ десяти, нѣжный, прозрачный ребенокъ. Какъ-то меня все хотѣли развеселить и разсѣять, и мать сказала Наташѣ:

— Спой, дружокъ, что-нибудь Сергѣю Иванычу!

У Наташи былъ славный мелодичный голосокъ, и пѣла она не смущаясь. И вотъ подошла ко мнѣ, встала въ позу и пропѣла мнѣ эту граціозную вещицу. Раньше я никогда не слыхалъ. И съ такимъ чувствомъ—откуда только она взяла его, милый ребенокъ! А потомъ взяла мою руку и погладила ее, поласкала, какъ котенка ласкаютъ. И было мнѣ такъ тепло отъ этой дѣтской ласки...

И было мнѣ такъ свѣтло и тепло... И такъ неуютно, и такъ холодно стало потомъ, когда и этого утѣшенья я лишился. И часто, сидя въ одиночной камерѣ или шагая по этапу въ толпѣ сѣрыхъ халатовъ, я какъ во снѣ ощущалъ нѣжное прикосновеніе маленькой ручки бѣлокураго ребенка и болѣзненно силился вспомнить легонькій мотивъ... Мѣшалъ мнѣ тогда звонъ кандаловъ и ругань конвойныхъ...

Ахъ, какъ нужна мнѣ и сейчасъ дѣтская ласка! Я знаю, къ чему меня толкаетъ эта потребность, и знаю, что не сдамся. Выдержка это или упрямство—но только къ запоздалому счастью или запоздалому несчастью я не пойду. Мнѣ не убить въ себѣ протеста и не пробудить состраданія. А если и есть во мнѣ состраданіе, то не могу я на немъ строить новыхъ чувствъ и новыхъ отношеній. Старымъ же нѣтъ мѣста: я вновь зашифровалъ былыя страницы жизни и ключъ къ нимъ я бросилъ теперь въ море. Да не то же ли диктуетъ мнѣ и мое состраданіе? Не имъ ли подсказано мое дѣйствіе?

Я учусь жизни у стараго мрамора. Бѣлый камень, вывѣтренный временемъ,—онъ говоритъ мнѣ такъ много и такъ краснорѣчиво! Я вижу, какъ смѣется надъ малостью нашихъ великихъ задачъ онъ, свидѣтель столѣтій. И я благоговѣю предъ его молчаливой мудростью. Въ каждомъ его обломкѣ, въ каждой морщинѣ его благородной старости я вижу улыбку сфинкса; и мое человѣческое горе, и мою думу я ощущаю такими маленькими и ничтожными, что мнѣ стыдно безпокоить его вопросомъ о нихъ.

А тѣ, мои старые друзья и соратники, зовутъ меня вернуться...

„Мы васъ ждемъ,—пишутъ они.—Отдохните, наберитесь силъ, насмотритесь на свои музеи и возвращайтесь къ работѣ. Не думайте, товарищъ, что сейчасъ время мертвое, а потому можно посвятить его инымъ заботамъ! Дѣла много, такъ же много, какъ мало людей! Или вамъ не изъ чего выбирать? Или вы думаете, что на всемъ протяженіи отъ чистаго культурничества до беззавѣтнаго протеста не найдется подходящаго дѣла для стараго, преданнаго работника? Вотъ вы говорили о нашей партійной литературѣ. Ну, предположимъ, что она слаба; но значитъ ли это, что она и должна оставаться такой? Критиковать легко, товарищъ, критикуютъ всѣ; но нужно, чтобы кто-нибудь дѣлалъ! Мы вамъ не угодили—идите же, научите насъ уму-разуму... если у васъ такой его избытокъ“.

Да, друзья мои, но вы забыли одно. Въ себѣ самомъ я все разрушилъ, но еще такъ мало выстроилъ. Зачѣмъ вы мѣшаете мнѣ учиться у древнихъ архитекторовъ? Знаю, что я, быть можетъ, выстрою языческій храмъ на мѣстѣ святѣ, откупленномъ вашей ортодоксіей. Но ужели вы такъ держитесь за свое правовѣріе? Вы не усомнились?—счастье ваше! Вы гордитесь тѣмъ, что съумѣли въ бурю и во грозу соблюсти свою вѣру, и что у васъ хватаетъ силы начать постройку съ самаго перваго этажа?—

Благо вамъ! Но вѣдь я не про стѣны говорю, нѣтъ; фундаментъ разрушенъ, его нужно строить! Вы меня зовете чинить паруса—а я вижу, какъ протекаетъ дно нашего корабля. А разъ такъ, не лучше ли его затопить, чтобы онъ не достался непріятелю? Во всякомъ случаѣ, я не такой... консерваторъ! Я, правда, не поклонился всему, что сжигалъ—но сжегъ все, чему поклонялся. А что будетъ дальше—посмотримъ.

Я хочу прежде всего изъ пепла создать себя. У меня для этого достаточно времени: какъ разъ все то время, которое вы тратите на самосожиганіе. А не создавъ себя—могу ли я идти и учить другихъ? Съ какихъ поръ вы, защитники личности и ея исторической роли, стали отводить ей такую недостойную роль?

Вы скажете:

— Если такъ, то мы васъ не зовемъ.

— Да—отвѣчу я—но вы меня вызываете!

Сегодня благодушные—завтра вы мнѣ бросите перчатку. Я-то старъ и проченъ, меня ваша перчатка разсмѣшитъ не надолго. Но вы всегда готовы бросить вызовъ молодежи лишь за то, что она покупаетъ себѣ наряды въ модныхъ магазинахъ, а не у старьевщиковъ. О, создайте прочную и солидную фирму,—тогда и современные модники перейдутъ къ вамъ! Но для этого нужно не только отрицать модный вздоръ, но и понять время. А вы его понимаете ли?

Съ глубокимъ удивленіемъ смотрю я на вашу неутомимость, друзья мои! Вы исполняете поистинѣ гигантскую работу, гигантски-безполезную работу! Вы, какъ муравьи, поднимаете тяжесть, во много разъ превышающую вашъ собственный вѣсъ. Въ свое время я относился съ безмѣрнымъ уваженіемъ къ уму этой породы насѣкомыхъ... пока не прочелъ характеристику, данную имъ Маркомъ Твэномъ. Теперь я убѣжденъ, что это — самыя трудолюбивыя и самыя безтолковыя изъ живыхъ существъ! Грубый сапогъ наступилъ на вашъ муравейникъ и погубилъ работу многихъ лѣтъ. Вы въ святомъ бѣшенствѣ бросаетесь на сапогъ, кричите: „впередъ, товарищи!“ и, безсильные прокусить даже слой ваксы, ломаете челюсти и гибнете тысячами. Затѣмъ вы начинаете на томъ же мѣстѣ, по тому же плану, возводить новую жалкую постройку, которую черезъ нѣсколько дней разрушитъ до основанія резиновая галоша или даже простой мужицкій лапоть. И что же? Вы съ гордостью вновь воскликнете:

„Впередъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!“

Т.-е. начнете снова строить то же зданіе по тому же плану?

— Что же дѣлать?—возразите вы.—Бросить все? Отказаться отъ своихъ священныхъ задачъ? Удалиться на покой? Примириться?

— Нѣтъ! Но перестать быть муравьями.

Или, быть можетъ, вы возразите старой пословицей:

— Муравей не великъ, а горы копаетъ...

Такъ знайте, что это вздоръ! Никакихъ онъ горъ не копаетъ и никакихъ основъ не подтачиваетъ! Горы копаетъ человѣкъ, а муравей создаетъ лишь муравьиныя кучи.

Или, наконецъ, вы скажете, что „перестать быть муравьями"—только фраза, которую говорятъ, когда нечего сказать? Вотъ именно такимъ возраженіемъ вы и докажете только, что жизнь идетъ мимо васъ! Во всемъ мірѣ идетъ великій пересмотръ—только вы уклоняетесь отъ ревизіи. Во всемъ мірѣ личность стремится вылупиться изъ устарѣлой оболочки добродѣтельнаго общественнаго муравья — только вы довольствуетесь своей выдержкой, своимъ трудолюбіемъ и своей готовностью обращать свое тѣло въ удобреніе для сорныхъ травъ. Кривой усмѣшкой вы награждаете ищущихъ, негодующе клеймите сбившихся съ пути и, какъ католическіе попы, шепчете губами заученныя молитвы. Всѣ сомнѣнія для васъ—лишь грѣховная метафизика,—для васъ, разгадавшихъ все.

О! я вѣрю въ честность вашихъ убѣжденій, которыя были когда-то и моими! Я вѣрю, что вы искренно изумитесь, когда въ одинъ прекрасный (воистину прекрасный!) день васъ столкнутъ съ вашихъ минаретовъ, и мѣдный полумѣсяцъ вашихъ мечетей замѣнятъ яркой звѣздой, похищенной прямо съ небосвода. И, бѣдные сверженные муллы,—вы съ горечью воскликнете тогда:

— Аллахъ! За что ты предалъ насъ! Развѣ мы не были истинными жрецами правовѣрныхъ?..

Изъ всѣхъ итальянскихъ врачей я признаю только одного—старика изъ сосѣдней аптеки. Родомъ онъ изъ Сициліи, съ юности почти безвыходно живетъ въ Римѣ, и тѣмъ не менѣе — сепаратистъ.

— Повѣрьте мнѣ — для исторіи нѣтъ невозможнаго! И повѣрьте мнѣ—Сицилія будетъ независимымъ государствомъ! Я—человѣкъ трудовой, я не желаю возврата эпохи Бурбоновъ. Но

не могу и не согласиться съ мудрой нашей пословицей: „было лучше, когда было хуже!"

— Прекрасно, докторъ; но оставимъ политику и поговоримъ о сердечныхъ дѣлахъ. Что хорошенькаго слышали вы въ моемъ лѣвомъ боку?

— Желаете, чтобы я говорилъ по чистой совѣсти?

— Убѣдительно прошу васъ!

— Въ лѣвомъ боку у васъ нехорошо!

— Это я знаю; но насколько?

— Настолько, что сигары нужно бросить.

— Я не курю сигаръ; я курю папиросы.

— Безразлично; вообще дымить не слѣдуетъ.

— Это средство не подходитъ, докторъ! Другого нѣтъ?

— О, медицина знаетъ много средствъ, гораздо больше, чѣмъ ихъ имѣется въ любой аптекѣ! Но лучше ихъ не употреблять, такъ какъ они довольно безполезны, а иногда вредны. А затѣмъ—вамъ не слѣдуетъ волноваться.

— Богъ съ вами, докторъ! Я — спокойнѣйшій человѣкъ! Стрѣляйте изъ пушки—я не вздрогну.

— Можетъ быть. Но я замѣтилъ, что вы вздрагиваете безъ пушки. Побольше спите, поменьше пишите, предоставьте революцію другимъ...

— Уже предоставилъ!

— И превосходно сдѣлали. Совѣтовалъ бы также жениться на дѣвушкѣ съ ровнымъ характеромъ и достаточнымъ приданымъ...

— Докторъ! Вы матеріалистъ! Да за меня такая и не пойдетъ...

— Лучше всего на блондинкѣ, на одной изъ вашихъ соотечественницъ. Домашній очагъ васъ уравновѣситъ.

— Моя невѣста не родилась, докторъ!

— Родилась и уже конфирмирована лѣтъ десять назадъ, будьте покойны. Въ заключеніе желаю вамъ прекраснаго сына!

— Дочь.

— Вы хотите дочь? Превосходно!

— А вы хотите сигару, докторъ, я вижу. Кстати и я выкурю, я давно не курилъ сигаръ.

Къ концу консультаціи мы плаваемъ въ облакахъ дыма, такъ какъ окно, по случаю дождя, заперто. Пресимпатичный докторъ!

Однако, уходя, онъ говоритъ мнѣ:

— Послушайте, безъ шутокъ, вамъ надо поберечься! Вы уже въ такомъ возрастѣ...

Однимъ словомъ—то же, что говорила мнѣ московская старушка...

Приходитъ ночь. Я благоразуменъ. Я гоню отъ себя мысли волнующія. Не потому гоню, что онѣ вредны для сердца, а потому гоню, что мнѣ все равно не продумать ихъ до конца: въ нихъ есть такъ много пробѣловъ, неразгаданнаго, зашифрованнаго... А ключъ потерянъ.

Среди ночи я вскакиваю въ ужасѣ. Что случилось? Отчего такъ странно въ груди? Будто тамъ что-то вдругъ умерло, опустошилось. Отчего мнѣ страшно? Отчего мнѣ такъ холодно? Отчего я не слышу своего сердца, хотя за минуту оно стучало такъ громко, такъ ненужно-громко?

Потомъ проходитъ... Теплая волна вновь вливается въ грудь, мнѣ хорошо. Такъ было въ Сибири, когда пѣвунья-дѣвочка погладила мнѣ руку. Такъ было еще когда-то давно-давно, когда не было еще могилы съ краткой надписью:

„Здѣсь покоится прахъ рабы Божіей Анны".

Давно-давно, когда я еще не былъ старымъ волкомъ, котораго на сказочной королевской охотѣ собаки выгнали изъ хвойнаго лѣса сѣвера и загнали въ южныя апельсинныя рощи.

Я знаю, что это бредъ, но меня такъ пригрѣла ласка прихлынувшей къ сердцу крови. Мнѣ такъ нужна ласка, мнѣ, старому — дѣтская ласка, ласка трехлѣтней дѣвочки, похожей на іюньскій красный полевой макъ.

„Gli occhi profondi-profondi, come un abisso!" Глубокіе-глубокіе, какъ пропасть... У кого еще могутъ быть такіе глаза? Я долженъ гнать эти мысли? Докторъ! Я не могу! Лучше я брошу курить... Однако знайте, докторъ, что моя невѣста еще не родилась...

И засыпаю. И вижу сны—смѣшные, дѣловые и заурядные.

А утромъ я снова бодръ и энергиченъ. Ахъ, еслибы докторъ обѣщалъ мнѣ еще вѣрныхъ десять лѣтъ, вмѣсто тѣхъ шуточныхъ ста, которыя онъ всегда сулитъ! Только десять, а мы уже себя покажемъ! Кому? Вамъ, желторотые птенцы! Мои милые желторотые птенчики въ модныхъ костюмахъ, выходящихъ изъ моды...

Вамъ—и имъ, старымъ мулламъ правовѣрныхъ. Вы—слишкомъ молоды, они—слишкомъ стары. Я же, какъ извѣстно—именно въ томъ возрастѣ, когда нужно начинать заботиться о своемъ здоровьѣ, но еще не нужно въ этомъ отношеніи преувеличивать. Представьте себѣ человѣка, который всегда ходилъ съ тросточкой; раньше онъ ею помахивалъ, теперь же онъ на-

чинаетъ слегка на нее опираться, въ особенности при крутыхъ подъемахъ. Отъ этого онъ пріобрѣтаетъ солидность, но ничего не теряетъ. Не правда ли, Танечка?

А правда—не жениться ли мнѣ на одной изъ моихъ бѣлокурыхъ соотечественницъ, ровнаго и спокойнаго характера, съ небольшимъ приданымъ? Вѣдь я одинокъ и свободенъ.

Правда, одиночество еще не прискучило мнѣ. Даже для своихъ любимыхъ блужданій по вѣчному городу я не ищу товарища.

Для прогулки по Палатинскому холму я выбираю день платный и будничный, чтобы не встрѣчать на каждомъ шагу итальянцевъ, шатающихся среди развалинъ съ выраженіемъ праздничнаго самодовольства. Этотъ контрастъ положительно невыносимъ! Я иду въ самую глубь, мимо остатковъ средневѣкового монастыря, на Бельведерскую площадку. Отсюда видно начало старой Аппіевой дороги, кладбище, окрестности, а вдали—задернутыя синеватой дымчатой кисеей горы.

Я сажусь на краю площадки и думаю о томъ, что я одинокъ и что я растратилъ уже тотъ запасъ молодости и энергіи, которымъ гордился еще на дняхъ. Я люблю думать, что родился въ Италіи; но я боюсь думать, что здѣсь я и исчерпаюсь.

Я много работаю. То, что я пишу, вызоветъ много разговоровъ въ кругахъ мнѣ близкихъ по прежней дѣятельности. Это будетъ нѣсколько эксцентрично, неожиданно, а потому довольно интересно. Одни назовутъ меня ретроградомъ, другіе—новаторомъ; но обидно то, что всѣ ихъ отзывы мнѣ извѣстны напередъ! Это очень скучно.

Я иду къ цѣли, и однако я не удовлетворенъ. И это потому, что я одинокъ. Я хочу быть откровеннымъ. Съ интересомъ, съ глубокимъ интересомъ я пишу свой „Пересмотръ", который скоро будетъ законченъ. Точно также съ наслажденіемъ я упиваюсь новыми красотами, открывшимися для меня въ искусствѣ, въ природѣ и въ жизни. Я вкушаю тѣ блюда, вкусъ которыхъ мнѣ не былъ раньше знакомъ и которыя я, по наслышкѣ и по установившейся у насъ традиціи, иногда презиралъ вообще и всегда презиралъ для себя. Все это такъ. Но есть „но"!

Лучшіе годы моей жизни—они были и лучшими годами Россіи—я убилъ на дѣятельность, въ которую увѣровалъ какъ-то внезапно и безъ критики. Я думалъ, что только эта вѣра и руководитъ мною. Но мною руководило еще нѣчто иное, чисто личное. Повторяю—я буду откровененъ, здѣсь, на Бельведерской площадкѣ, въ виду длинной старой дороги и кладбища. Много разъ я готовъ былъ жертвовать собой, но, готовясь на жертву

для другихъ—въ глубинѣ души я мечталъ спасти себя для себя. Въ достиженіи того, къ чему я стремился, къ чему стремились мы всѣ,—я видѣлъ награду для себя и видѣлъ надежду для себя: надежду на личное счастье. Оно было мнѣ такъ понятно и было такъ опредѣленно! Развѣ могъ я забыть, что ради будущаго отказался отъ настоящаго? Вѣдь въ тотъ самый моментъ, когда одинъ мой жестъ рѣшалъ судьбу насъ обоихъ, я сказалъ себѣ и мысленно сказалъ ей:

— Подожди! Россія еще не свободна, а потому не свободны и мы. Подожди лишь немного! Есть въ тебѣ сила? Во мнѣ много силы; ея хватитъ намъ обоимъ!

И я такъ гордился собой!

Прошелъ годъ—и погибло все. Мои друзья думаютъ, что все вернется—думалъ такъ же и я. И лишь теперь я вижу, что ничто не вернетъ мнѣ того, что отнято временемъ у меня самого—не вернетъ мнѣ моей безсмысленной жертвы...

У меня нѣтъ отечества—оно предало меня. У меня нѣтъ прежней мечты—она предала меня. Что толку мнѣ въ томъ, что когда-нибудь что-нибудь вернется... не для меня? Что толку мнѣ въ томъ?

И потому нѣтъ и не можетъ быть во мнѣ состраданія! Я не вернусь въ Россію и не вернусь въ Боккадоро. Я слишкомъ одинокъ, чтобы не быть слишкомъ гордымъ.

Когда-то море открыло мнѣ истину: не можетъ быть стыднымъ личное счастье. Теперь мраморъ внесъ въ нее поправку: не можетъ быть цѣннымъ счастье запоздалое! Я слишкомъ долго вырабатывалъ въ себѣ цѣльность чувства любви и ненависти, чтобы прощать изъ состраданія; я слишкомъ отсталъ отъ моды, чтобы ликовать на брачномъ пирѣ у края могилы. Вычеркнувъ изъ жизни былое, я открылъ себѣ все будущее и весь міръ. Да, я привѣтствую эту дорогу, ведущую въ горы, но отклоняю отъ себя честь быть гостемъ этого кладбища!

Но если такъ—почему же я такъ одинокъ и почему не рѣшаюсь отбросить прочь книгу прочтенную, книгу закрытую, книгу ненужную?..

И почему я такъ полонъ противорѣчій?

Старикъ докторъ правъ: иногда я вздрагиваю и безъ выстрѣла изъ пушки. Но сильнѣе выстрѣла могло подѣйствовать только маленькое письмо съ моимъ адресомъ, написаннымъ дрожащей женской рукою.

Вотъ оно:

„Спасибо вамъ, дорогой другъ, за слова дружеской ласки! Какъ хорошо, что вы въ Италіи; мнѣ какъ-то покойнѣе. Мнѣ теперь вообще лучше, хотя очень ослабѣла, все время въ креслѣ. Мое утѣшенье—Женя, моя славная дочка! Какъ вы славно и просто написали про нее! Я теперь, въ минуту безпокойства, всегда повторяю себѣ эту фразу вашего письма: „Когда вашей дочкѣ понадобится опора, она найдетъ ее въ вашемъ другѣ". Пока у нея есть еще мать, не правда ли? Хотя слабая, больная, но все же мать. Но уже скоро ей понадобится опора болѣе надежная. .

„Я не спрашиваю васъ, почему вы не можете пріѣхать сюда хоть на одинъ день, хоть на одинъ часъ, хоть съ тѣмъ, чтобы взглянуть на мою дѣвочку! Скажите, я виновата передъ вами въ чемъ-нибудь? Тогда поторопитесь простить меня. Простите меня! Я вамъ напишу письмо *оттуда*, и вы поймете! Своей слабой рукой не могу пожать вашу сильную руку. Помните о моей дѣвочкѣ! Я посылаю вамъ ея плохонькую фотографію. Если вы хотите—до свиданія, а то—прощайте до другого міра! Ваша В."

А съ карточки смотрятъ на меня два большихъ глаза маленькаго кудряваго звѣрка—тѣ самые два глаза, съ которыми я встрѣтился у дверей кабачка въ Боккадоро.

Смотрятъ съ любопытствомъ и спрашиваютъ:

— Что ты будешь дѣлать теперь, большой старый мальчикъ? Хочешь ты быть моимъ папой?

— Хочу, страстно хочу, моя крошка! Хочу, маленькая Женя, но только... не можешь ли ты сказать мнѣ, отчего у меня такъ болитъ сердце?

— Я не знаю.

— И я не знаю, крошечная дѣвочка съ волнистыми волосами. Можетъ быть оттого, что я не послушался одной старенькой бабуси, Танечкиной мамы, и очень не поберегся. Надо было спать, а я все шалилъ.

— Можетъ-быть ты тоже скоро умрешь, какъ и мама?

— Можетъ-быть, дѣвочка. Пожалуй будетъ лучше, если мы съ мамой умремъ вмѣстѣ. Видишь ли, мы здѣсь, на землѣ, были очень одиноки! У мамы была ты, а у меня никого.

— А у меня есть мама, Марія, Анетта и кукла!

— Да, у тебя есть мама, Марія, Анетта и кукла. А у меня нѣтъ ни мамы, ни куклы, никого. У меня была мечта, дружокъ мой. Ты не понимаешь еще, что такое мечта? Это такая маленькая игрушка, которою никогда не играютъ при всѣхъ; ее

прячутъ подальше, чтобы никто не видалъ, а на ночь кладутъ ее подъ подушку. И тогда снятся хорошіе сны.

— А у меня есть еще крестикъ на цѣпочкѣ! Вотъ этотъ!

— Крестикъ—это хорошо, моя маленькая дѣвочка. Какая же ты маленькая еще... Ты точно маленькій цвѣтокъ, крошечный красный полевой макъ. Когда ты будешь моей дочкой, я куплю тебѣ ярко-красную ленту и повяжу ею твои черные волосы. Свой крестикъ, этотъ хорошенькій золотой крестикъ, ты всегда носи поверхъ платьица. Это будетъ такъ красиво—золото на красномъ фонѣ! Знаешь, маленькая Дженни, у меня тоже былъ когда-то крестикъ, но только я его потерялъ. Крестикъ, дѣвочка, это—вѣра, а я вѣру потерялъ...

— Вѣра—мама! Мою маму зовутъ Вѣра!

— Да, твою маму зовутъ Вѣрой. Я ее немного знаю. У нея глаза глубокіе-глубокіе, какъ пропасть... И у тебя тоже такіе же глаза, только ты еще малютка, и ты еще не глядѣла въ пропасть.

— Я не видала пропасти!

— Ты и не увидишь, Дженни, я не пущу тебя къ ней, ты можешь упасть. Мама же, твоя мама, мама-Вѣра, велѣла мнѣ смотрѣть за тобой и не пускать тебя къ пропасти.

— А если мнѣ захочется?

— Тогда я тебя пущу. Но только тогда у тебя уже не будетъ больше ни мамы, ни меня, ни куклы, никого! Ты будешь одинокой.

— Тогда я лучше не хочу!

— Милый ребенокъ! Мы увидимъ это послѣ. А теперь нужно приготовиться, нужно торопиться... Что сейчасъ нужно? Я опять забылъ! Это все оттого, что мое гадкое сердце опять начало шалить... Никогда не нужно шалить, дѣвочка! То-есть шалить можно, но только пока ты маленькая, а когда ты будешь старше, вотъ какъ я, тогда нужно заботиться о своемъ здоровьѣ. Понимаешь? Что же ты не отвѣчаешь? Или ты думаешь, что дѣвочка на карточкѣ, нарисованная солнцемъ дѣвочка,—не настоящая Женя и говорить не можетъ? Увѣряю же тебя, что я сейчасъ болталъ съ ней про все, про куклу, про крестикъ, про вѣру, про маму-Вѣру; и еще, кажется, про пропасть. Мой милый ребенокъ!

Видите ли, докторъ, все равно—я немножко опоздалъ. Вы слышите, какъ играетъ послѣдній рожокъ въ казармахъ? Слышите: „спи, спи, спи, пора"... Такъ уныло, протяжно... Такъ я говорю: я все равно опоздалъ! Жизнь, радость бытія, обно-

вленье—все это я понимаю. Но я понялъ это къ зимѣ—а зимой такъ холодно. Осенью цвѣтутъ камеліи, докторъ, но и онѣ не пахнутъ—красивый и мертвый цвѣтокъ. А зимой ничто не цвѣтетъ. И знаете что? Мнѣ пришла въ голову одна мысль. Можетъ-быть Женя, вотъ эта маленькая дѣвочка, что на карточкѣ, доживетъ за меня и... вообще за насъ. Я не о васъ говорю, докторъ, у васъ есть своя жизнь и свои дѣти. А за насъ—за меня, за Вѣру, за Танечкину маму и за Танечку даже; потому что Танечка, по моему, жить не будетъ; ея поколѣніе жить не будетъ, докторъ; оно заражено нашимъ недугомъ. Танечка выйдетъ замужъ или отравится, а жить не будетъ! Жить—значитъ радоваться бытію, улыбаться всѣмъ спектрамъ бытія, не исключая и темныхъ...

Я уѣзжаю изъ Рима завтра въ девять часовъ утра съ прямымъ поѣздомъ на Неаполь. Оттуда я проѣду въ Сицилію, именно въ Сиракузы. Я никогда не былъ въ Сиракузахъ и очень мечтаю объ этой поѣздкѣ. Я мечтаю о Сиракузахъ съ третьяго класса гимназіи. Мнѣ очень нравилось это имя: Siracusae, Siracusarum... Тамъ я срѣжу папирусъ, привезу его въ Римъ и поставлю въ правомъ углу, гдѣ въ православной Россіи вывѣшиваютъ образа. И буду молиться:

— Папирусъ, папирусъ! Я вывезъ тебя изъ Сиракузъ. Помоги же мнѣ! Будь моимъ услужливымъ идоломъ! Я вѣрю въ тебя, папирусъ! Во что же мнѣ больше вѣрить, мнѣ, безпріютному, вѣчно блуждающему, мнѣ, отбросу усталой интеллигенціи, мнѣ, не могущему порвать съ прошлымъ и безсильному начать будущее, мнѣ, мокрой курицѣ, напрасно пытающейся взмахнуть орлиными крыльями? Если ты не поможешь мнѣ, я сожгу тебя, какъ сжегъ все, чему поклонялся...

Въ Сиракузахъ тепло. Тамъ зима наступаетъ позже.

Въ первый разъ за много лѣтъ я чувствовалъ себя вполнѣ изъятымъ изъ міра. За эти два мѣсяца жизни на югѣ, я не сказалъ ни слова по-русски, не видалъ ни одного номера русской газеты, не читалъ итальянскихъ, не читалъ книгъ, не получалъ и не писалъ писемъ. Кругомъ все такъ дико и такъ странно, и только береговая полоса съ бурнымъ зимнимъ прибоемъ напоминаетъ мнѣ волны, знакомыя по прежнимъ берегамъ. То же море омываетъ и Ривьеру, та же луна смотритъ на нее съ тягучей и безстрастной улыбкой.

Я много думалъ, очень, слишкомъ много. Но лишь одно я

рѣшилъ, и рѣшилъ внезапно, вопреки своимъ упрямымъ выводамъ. Я рѣшилъ, что нѣтъ логики болѣе здравой, чѣмъ логика минуты. И если даже это не такъ, то все равно минута побѣждаетъ! Если такъ—то не о чемъ думать; а если нельзя не думать—то не стоитъ рѣшать. Что до того, что необдуманнымъ дѣйствіемъ я разрушу всю систему своихъ построеній? Что въ томъ, что сломаю свою гордость, свою лучшую игрушку? Вѣдь она не даетъ мнѣ счастья, даже не даетъ покоя — зачѣмъ же мнѣ она?

И все теряетъ значеніе: духовная цѣльность, нравственная выдержка, чистота идеала, непорочность мечты — что мнѣ до этихъ свѣтлячковъ, цѣлыми стаями летавшихъ въ іюнѣ и погибшихъ къ безснѣжной зимѣ?

Я старъ и одинокъ. Да, я старъ, я посѣдѣлъ за эти послѣдніе мѣсяцы блужданья, за это время позорнаго бѣгства отъ самого себя. Я старъ и одинокъ, и никогда я не буду молодымъ, и никогда не поймутъ меня молодые.

До вчерашняго дня я дорожилъ своей силой. Вчера она мнѣ пригодилась: я сжегъ свою рукопись, свой „Пересмотръ“. Прежде чѣмъ сжечь, я зачеркнулъ заглавіе рукописи и далъ ей другое: „Противорѣчія“; и написавъ—бросилъ въ огонь. Отъ нея осталась куча пепла—самое цѣнное, что таилось въ ней въ скрытомъ видѣ; огонь вызвалъ его наружу.

И смотря въ безконечную даль звѣздъ—я думаю:

— Стоитъ ли, стоитъ ли мыслить, бороться съ собой, мучить себя, терзать себя?

И смотря туда, въ этотъ міръ міровъ, я стараюсь представить свою дѣйствительную величину въ этомъ безконечномъ пространствѣ тѣлъ и эѳира. Я такъ малъ, что меня нѣтъ. Меня нѣтъ даже на землѣ, не говоря уже о вселенной. Тогда—чего же я боялся?

И мнѣ не обидно это—быть ничѣмъ. Такъ же точно можно привыкнуть и къ мысли о смерти.

А когда-то...

Передъ загадкой жизни стоялъ я, дрожа отъ страха, жажды и ожиданья, жалкій, дурной и хорошій...

И передъ загадкой смерти...

. . . .

Подумай! Пройдутъ года, десятки лѣтъ, столѣтья. Какъ все перемѣнится!.. То, о чемъ мы съ тобой мечтаемъ, какъ объ идеалѣ возможнаго — все это будетъ, и пройдетъ, и смѣнится тѣмъ, о чемъ мы и мечтать не можемъ. Человѣкъ завоюетъ воздухъ и

воды, завоюетъ планеты. Его умъ, развитой безъ мѣры и глубокій безъ дна, откроетъ массу новыхъ истинъ и безграничныхъ горизонтовъ для полета мысли. Земля покроется чудесами техники и архитектуры, по дну морей будутъ гулять наши потомки, засвищетъ воздухъ въ переплетахъ крылатыхъ дирижаблей... Передача мысли смѣнитъ прессу, свѣтъ солнца будетъ пищей, и поэты будутъ слагать стихи на языкѣ соловьевъ. А впереди— новыя перспективы, новыя завоеванья ума! И подумай теперь: меня тогда уже не будетъ! Меня не будетъ! Я не увижу этихъ чудесъ, я не услышу этихъ новыхъ словъ, я не сохранюсь даже скелетомъ въ музеяхъ новаго человѣчества! Меня уже не будетъ!

Подумай! Нашъ неразвитой мозгъ создалъ намъ идеалы, чрезъ которые *они* перешагнутъ и которые *они* забудутъ. Насъ, слѣпыхъ борцовъ за свободу и равенство людей, смѣнятъ они, рожденные свободными, утратившіе самое понятіе о нашемъ соціальномъ рабствѣ; въ ихъ энциклопедическихъ словаряхъ лишь десятокъ словъ будетъ отведенъ соціальнымъ теоріямъ нашего „древняго“ міра, и будетъ много словъ на „измъ“, намъ еще невѣдомыхъ, и понятій, которыхъ еще не въ силахъ обнять нашъ грубый мозгъ. Наши страданья, наша борьба въ ихъ глазахъ будутъ лишь историческими данными о фанатизмѣ народовъ двадцатаго вѣка. Національность, государство, писанное право, регулярная война, преступленіе, власть — все это іероглифы, надъ которыми будутъ ломать голову лишь самые неспособные изъ ихъ школьниковъ, тѣ, которые для нашего времени были бы геніальнѣйшими міровыми учеными. Личность, масса—все это будетъ понятно имъ, изучено ими до невѣроятныхъ для насъ тонкостей. И подумай! Меня уже не будетъ! Я не найду среди нихъ своего незанятаго мѣста, и имени своего не найду въ ихъ памяти! Меня уже не будетъ, и не увижу я ихъ завоеваній и не окину завистливымъ взоромъ ихъ перспективъ! Меня не будетъ!

Чувствуешь ли ты всю силу моего сознанья, все безсиліе моей злобы и гадливаго ощущенія краткости и срочности этой проклятой, этой полной красоты и интереса жизни? Чѣмъ ты утѣшишь меня въ моемъ сознаніи неизбѣжной, ничѣмъ не устранимой и скорой, слишкомъ скорой потери міра? Ограниченность будущаго, безграничнаго будущаго съ его невѣдомыми чудесами— что можетъ быть ужаснѣе? Я никогда, никогда не узнаю того, что будутъ знать они, и никогда не увижу ихъ жизни! Быть-можетъ они побѣдятъ даже смерть—но вѣдь не я, не я воспользуюсь ихъ побѣдой! Быть-можетъ они будутъ создавать въ

ретортахъ совершенныя тѣла и вдыхать въ нихъ живую душу. Но вѣдь имъ уже не возсоздать меня, мое слабое тѣло, которое обратится въ прахъ раньше, чѣмъ забрезжетъ слабый свѣтъ ихъ грядущей мудрости! Выхода нѣтъ, пойми же мой ужасъ!

Пойми же мой ужасъ!

. . . .

Я лежу на плоской крышѣ маленькой виллы. Вдалекѣ темнѣетъ огромное море; надо мной звѣзды, тысячи, милліоны звѣздъ... И углубившись взглядомъ въ даль міровъ, я вижу себя такой крошечной пылинкой, математической точкой...

И эта пылинка протестовала, негодовала, не хотѣла сдаться...

Тогда было страшно—теперь нѣтъ. Теперь прежнее ушло... Все такъ просто...

Свинцовое небо, тяжелыя волны, свинцовыя тяжелыя мысли, холодный вѣтеръ—и холодъ на душѣ, и нигдѣ кругомъ не видно берега, не на чемъ отдохнуть глазу отъ монотоннаго зрѣлища бѣлыхъ гребней, головѣ—отъ однообразныхъ докучливыхъ вопросовъ, которымъ не подыскать рѣшенья...

Которымъ не нужно рѣшенья...

Я уже ѣхалъ такъ когда-то. То было на сѣверѣ, на Балтійскомъ морѣ. Насъ было много, бѣдныхъ затравленныхъ волковъ, убѣжавшихъ изъ родного лѣса. Былъ ноябрь, море было бурно. Мы пробовали пѣть, но компанія пѣвцовъ быстро порѣдѣла и разбрелась по каютамъ—страдать и истреблять лимоны.

Вверхъ-внизъ... вверхъ-внизъ... Тянетъ душу боковая качка... Вверхъ-внизъ... Вверхъ... туда въ высь, къ несбыточнымъ мечтамъ, къ утопическимъ картинамъ соціальнаго рая, черезъ борьбу къ побѣдѣ, къ торжеству идей... И снова внизъ... на развалины воздушныхъ замковъ, на осколки чистыхъ, прозрачныхъ и ломкихъ, какъ хрусталь, идей, черезъ пораженіе къ реакціи духа... Вверхъ-внизъ, вверхъ-внизъ... И только осадокъ горечи, да подавленное тяжкое сознаніе какой-то ошибки—какой? А если не ошибки, то безсилія, полнаго безсилія...

То было на сѣверѣ, въ холодномъ морѣ. Но и здѣсь холодно, и не менѣе бурно Средиземное море. Тогда мы ѣхали изъ Гельсингфорса въ Стокгольмъ, въ незнакомый, чуждый намъ міръ. Теперь я плыву по любимому морю къ хорошо знакомымъ берегамъ. И завтра къ вечеру я увижу тотъ генуэзскій вращающійся маякъ, на который, бывало, по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ издали, съ моего любимаго обрыва: сверкнетъ—погаснетъ, блеснетъ—исчезнетъ... А мысли толпились роями, спрашивали и

ждали отвѣтовъ... Отвѣтовъ было много... Въ то время я началъ свой „Пересмотръ". Въ то время сердце не болѣло такъ часто и такъ нудно.

Теперь нѣтъ вопросовъ и не нужны отвѣты. Теперь все такъ просто. Вѣра умираетъ... Умираетъ Вѣра... Умираетъ... такое трудное, большое слово, такое глубокое, покойное.

Почему я знаю это? И почему я ѣду дальнимъ путемъ, по морю? Почему я не боюсь опоздать? Моя мысль, заблудшій странникъ, почему ты ничего не боишься?

Я возьму эту маленькую дѣвочку, Вѣра! Отдайте мнѣ ее— вамъ она не нужна больше! А я такъ люблю дѣтей! Я скажу вамъ на ухо, я шепну вамъ, Вѣра, свою тайну: мнѣ нужна ласка, ласка трехлѣтней дочки, лукавой крошки, одѣтой полевымъ макомъ. Это — моя тайна, которую я не скрываю только отъ васъ. Пусть она, эта крошка, погладитъ мнѣ руку и задѣнетъ кудрями недавнія мелкія морщины на моемъ лицѣ. Рука станетъ сильной, морщины изгладятся, останется лишь серебро въ волосахъ. А за это я обѣщаю не открыть ей ни одной изъ тѣхъ истинъ, которыя разбиты жизнью, и не научить ее молиться ни одному изъ нашихъ кумировъ, въ которыхъ мы разувѣрились. Вѣдь мы были идолопоклонниками, Вѣра! Она же вернется къ богу, котораго создастъ сама. О, она создастъ красиваго, поющаго бога! Но не будетъ кланяться ему — нѣтъ! Ея головка не создана для поклоновъ. Она будетъ любить его и дружить съ нимъ. Это будетъ такая чудная пара! На зеленомъ лугу, поросшемъ красными маками, они будутъ играть оба,— она и ея свѣтлый, юный богъ. Будетъ ловить его, искать его, убѣгать отъ него, прятаться за кипарисомъ, окликать его громкимъ голосомъ:

— Иди, мой радостный, ищи меня, мой свѣтлый! Весна, весна пришла!

Пусть живетъ, какъ въ сказкѣ! И когда жизнь придетъ, чтобы позвать нашу дѣвочку въ тотъ застѣнокъ, гдѣ она пытаетъ всѣхъ и всѣхъ калѣчитъ, — она остановится въ нерѣшимости передъ свѣтлымъ видѣніемъ дитяти, одѣтаго краснымъ макомъ и нашедшаго своего свѣтлаго бога.

— Пусть играютъ!—скажетъ даже этотъ жестокій палачъжизнь.—Пусть они играютъ, юные! Весна пришла!

И уйдетъ, и запретъ на замокъ свой застѣнокъ. И съ той поры перестанутъ раздаваться въ немъ крики ужаса,—да, Вѣра, крики ужаса, нестерпимой муки, вопли проклятій всему и навсегда... и прежде всего — лучшему, свѣтлому и чистому. Ибо

объятые ужасомъ проклинаютъ мать, которая родила, и непорочное дитя, ею рожденное, и первую улыбку дитяти, и первые шаги его отъ дѣтской кроватки въ объятья кормилицы.

Она же, наша дѣвочка, не услышитъ проклятій и не научится имъ. Она будетъ улыбаться для міра, а міръ—улыбаться для нея. Я выращу ее здоровой, бодрой, веселой и сильной. Я буду ея защитникомъ, пока ей будетъ нужна защита. А затѣмъ я уйду такъ же спокойно, какъ сейчасъ иду взять ее отъ вашего изголовья.

— Хочешь ли ты быть моей дочерью?

— Да.

— Что ты мнѣ обѣщаешь за это?

— Свою дѣтскую ласку.

— Что ты просишь въ замѣнъ?

— Отрекись отъ себя и живи мной, моимъ будущимъ.

— Долженъ ли я поклясться въ этомъ?

— Да!

— Я клянусь тебѣ моимъ сѣрымъ, безцвѣтнымъ дѣтствомъ, клянусь своей старческой юностью, обманомъ своего возрожденья, чистотой своихъ ошибокъ, безстрастностью своего героизма! Я клянусь тебѣ моей несбывшейся мечтой, моимъ долгимъ, одинокимъ блужданьемъ, моимъ безвѣріемъ, моей усталой мыслью! Я клянусь тебѣ тѣнью тѣхъ, кто погибъ, не зная о тщетѣ своей жертвы, и свѣтлымъ образомъ тѣхъ грядущихъ, кто оправдаетъ эту жертву и кто на старые безымянные черные кресты возложитъ вѣнки изъ юныхъ розъ! Я клянусь тебѣ бездоннымъ моремъ, безбрежной высью неба и ужасомъ той пропасти, въ которую я упаду въ тотъ моментъ, когда нарушу эту великую клятву! Вѣришь ли ты мнѣ, моя дѣвочка?

— Да, вѣрю, и цѣню твою клятву и страданье.

— О чемъ же плачешь ты?

— О томъ, что ждетъ тебя, о твоей клятвѣ, о твоемъ страданьѣ и о твоей черной, глубокой-глубокой пропасти. Глубокой, какъ ея умирающіе глаза!

. . . .

Пароходъ идетъ въ туманѣ, непрерывно гудитъ сирена. Порою кажется, что мы стоимъ на мѣстѣ. Виденъ только кругъ волнъ вблизи корпуса парохода. Что тамъ, впереди? Что позади насъ? На маленькой щепкѣ мы стоимъ надъ холодной бездной, въ любую минуту—въ ея власти. Глубокая, бездонная, сырая могила...

— Роберто, вамъ придется доставить этотъ чемоданчикъ и мелочи въ Боккадоро!

— Я доставлю къ вечеру, синьоръ!

— Квартиры у меня еще нѣтъ, но вы можете справиться у трактирщика или на виллѣ Платонэ.

— Это тамъ, гдѣ недавно померла русская синьора?

. . . .

Я опять къ тебѣ, мое море! Не бойся, на этотъ разъ не за совѣтомъ. О чемъ совѣтоваться, когда все такъ ясно. Просто— полюбоваться тобой...

Нѣтъ, я внизъ не спущусь, по крайней мѣрѣ до заката. У меня есть работа — нужно закончить вотъ эту рукопись. Мнѣ кажется—она слишкомъ затянулась! Здѣсь, надъ обрывомъ, мнѣ гораздо удобнѣе. Гора защищаетъ меня отъ вѣтра, а пледъ—отъ холода земли. Этотъ столикъ изъ камней, на которомъ я пишу, я сегодня къ вечеру разрушу. Камни я сброшу внизъ. Какой трескъ будетъ, когда они запрыгаютъ по выступамъ, и на какое безчисленное множество кусковъ разлетятся! Вѣроятно, я спугну всѣхъ летучихъ мышей въ башенкѣ. Однако—скоро закатъ, надо кончать эту рукопись.

Видѣлъ сегодня Розу. Она обрадовалась мнѣ.

— Синьоръ Серджіо вернулся?

— Что жъ тутъ удивительнаго, Роза, вѣдь я еще не прощался съ вами на-вѣки! Получили мою открытку изъ Рима?

— И ленту, синьоръ Серджіо, такую прекрасную голубую ленту! Мнѣ всѣ завидуютъ! Вы опять у Роберто сняли комнату?

— Нѣтъ, Роза, я еще не снялъ комнаты; я хотѣлъ жить въ горахъ.

— Тамъ, въ Боккадоро, умерла русская синьора.

— Слышалъ.

— Дѣвочка осталась; такая дѣвочка хорошенькая! Онѣ съ нашего вокзала уѣзжали, я была на станціи. Дѣвочка и тетя ея. Говорили, что изъ Генуи прямо въ Россію поѣдутъ. Не знавали вы ихъ, синьоръ Серджіо.

— Знавалъ, Роза. А почему вы не хотите дать мнѣ вина, какъ прежде бывало?

— Да, синьоръ.

Я увѣренъ, что Роза сейчасъ повяжетъ голубую ленту. Ну, такъ и есть!

— Спасибо, Роза, какая вы добрая! Голубое къ вамъ очень идетъ. Вы скоро выходите замужъ?

— Да, синьоръ!

— Я хочу быть падрино вашего перваго ребенка, Роза. Нечего краснѣть, Роза! Я буду отличнымъ крестнымъ, въ особенности если это будетъ дѣвочка. Мама ваша ушла надолго?

— Она къ закату вернется.

— Значитъ, мнѣ придется обойтись безъ ея разрѣшенія. Вы помните, Роза, о чемъ я хотѣлъ ее просить передъ отъѣздомъ? Я хотѣлъ просить у нея разрѣшенья поцѣловать васъ. Вотъ такъ, Роза! Ну, а теперь—будьте счастливы! Кланяйтесь мамѣ.

— Вы къ намъ зайдете еще?

— Не знаю, теперь уже поздно, уже пять часовъ; кажется, я уйду другой дорогой. Нравятся вамъ мои часы, Роза? Было бы хорошо, еслибы вы подарили ихъ своему жениху. Это — очень хорошіе часы, Роза, а мнѣ они не нужны. Ну, что вы стѣсняетесь, развѣ мы не старые друзья? Нѣтъ, не обижайте меня, иначе я не буду крестнымъ вашей дѣвочки! Ну, теперь простимся еще разъ за руку! Вы—хорошая дѣвушка и будете хорошей женой. Желаю вамъ счастья, счастья и счастья!

Кажется, я закончилъ всѣ свои дѣла. Слѣдовало бы, конечно, написать парижскимъ друзьямъ, но ужасно скучно съ ними переписываться. Всетаки славные люди...

Вообще хорошихъ людей довольно много. Умныхъ меньше. Интересныхъ еще меньше. Глубокихъ совсѣмъ мало. Тѣмъ они цѣннѣе.

Маленькая букашка! Ты какимъ образомъ пережила зимніе мѣсяцы, когда и большіе жуки погибли или глубоко попрятались въ землю? Но какой же жалкій у тебя видъ! И пожалуйста оставь въ покоѣ мою бумагу; ползи себѣ по камню и не тревожься: я тебя не трону.

Не знаю, долженъ ли я о чемъ-нибудь думать. Какъ-то совсѣмъ не хочется. Длинная, извилистая дорожка протянулась по морю до самаго горизонта. Какъ быстро стихло море! Два дня назадъ оно было бурно, какъ никогда. Я ѣхалъ среди волнъ въ кругѣ тумана...

Мнѣ кажется, что я всегда здѣсь жилъ, вотъ надъ этимъ обрывомъ. Положительно всегда жилъ здѣсь, и никогда не былъ ни въ Россіи, ни въ Лондонѣ, ни въ Римѣ...

Не написать ли, въ самомъ дѣлѣ, хоть маленькое письмо Танечкѣ? Обидно, что нѣтъ почтоваго ящика. И конверта нѣтъ. Да и не успѣю — солнце уже прячется. Солнце! Быть можетъ,

ты подождешь немного? Ты видишь — я еще не кончилъ. Мнѣ такъ хотѣлось написать еще двѣ-три странички! Какъ разъ до конца тетради.

А потомъ поставить большую-большую точку. Какъ пріятно кончать, когда конецъ самъ напрашивается...

Какъ быстро темнѣетъ! Когда совсѣмъ стемнѣетъ, я сначала по одному сброшу всѣ камни, изъ которыхъ сложенъ столикъ, и буду слушать. Потомъ буду осторожно спускаться самъ...

Туда, къ морю...

Главное — нужно дѣлать это не торопясь. Спѣшить некуда.

И съ пѣсней... Надо опять вспомнить этотъ мотивъ. Тотъ, которымъ утѣшала меня бѣлокурая Наташа, моя сибирская снѣгурочка. Такой легонькій, простой мотивчикъ...

„Сѣренькій зайчикъ, сѣренькій зайчикъ
Скачетъ по снѣжной полянѣ;
Блѣдненькій мальчикъ
Прижался къ нянѣ...
Дай, тебѣ ручки погрѣю...“

Мих. Осоргинъ.

ПОЭТЪ

Днемъ я—средь васъ;
Днемъ я—какъ вы:
Звукъ, затерявшійся въ шумѣ молвы.
Медлитъ мой часъ—
Въ душной пыли
Съ вами свершаю обряды земли.

Ночью, одинъ,
Внемля въ тиши
Вѣщему гимну творящей души,
Въ хаосъ пучинъ
Чары я лью—
Новыя звѣзды изъ грезъ создаю.

День вашъ уснетъ...
Смѣхъ отзвучитъ...
Имя мое съ вашихъ устъ не слетитъ.
Вамъ же съ высотъ
Звѣздъ моихъ рой
Будетъ сіять незакатной мечтой...

Гаснетъ мой часъ...
Всходитъ вашъ день...
Вновь я—нѣмая, безликая тѣнь,
Вновь я—средь васъ,
Въ душной пыли,—
Съ вами свершаю обряды земли.

А. Колтоновскій.

СУДЬБЫ
ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ
ВЪ НАШЕЙ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТѢ

I.

Среди постоянныхъ сюрпризовъ правительственной политики, волнующей общественное мнѣніе то неожиданной постановкой финляндскаго вопроса, то предложеніемъ увеличить нашъ бюджетъ болѣе чѣмъ на милліардъ для усиленія средствъ внѣшней обороны государства, широкіе круги читателей газетъ обратили сравнительно мало вниманія на ту грандіозную революцію въ сферѣ землевладѣнія и семейно-имущественнаго права, которая приводится нынѣ къ концу рѣшеніями, принятыми Государственнымъ Совѣтомъ. А между тѣмъ, со времени отпущенія крестьянъ на свободу не было у насъ „реформы“, болѣе чреватой послѣдствіями. Если имѣть въ виду число лицъ, которыхъ она должна коснуться, и количество десятинъ, переводимыхъ изъ коллективнаго пользованія сельскихъ обществъ и крестьянскихъ семей въ личную собственность такъ называемыхъ домохозяевъ, то можно съ увѣренностью сказать, что во всей исторіи аграрныхъ порядковъ не было обнаружено законодателемъ болѣе дерзновеннаго отношенія къ прошлому, а равно и къ существующимъ правамъ. Феодализація земельной собственности, какъ хорошо извѣстно, совершилась на Западѣ медленно, въ теченіе столѣтій и, можетъ быть, въ большей степени подъ

вліяніемъ внутреннихъ причинъ, чѣмъ благодаря прямому вмѣшательству законодателя. Упраздненіе феодализма и тѣсно связаннаго съ нимъ крѣпостного права также растянулось на рядъ столѣтій, начиная съ XIII-го въ сѣверной и средней Италіи и XV-го въ Англіи и оканчивая XIX-мъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и въ Россіи. У насъ не закономъ, а административнымъ распоряженіемъ—указомъ проложенъ путь къ упраздненію коллективныхъ формъ собственности, и Государственная Дума третьяго призыва, какъ и Государственный Совѣтъ, только уступая настойчивымъ требованіямъ правительства, даетъ согласіе на эти мѣропріятія случайнымъ большинствомъ то двухъ, то нѣсколькихъ десятковъ голосовъ. Въ такихъ условіяхъ еще не происходило „реформъ", столь тѣсно связанныхъ съ дальнѣйшими судьбами многочисленнѣйшаго класса населенія, а потому и со всѣмъ будущимъ государства. Даже въ революціонныя эпохи тѣ или другія рѣшенія, начиная съ „великодушнаго" отказа французскаго дворянства отъ дальнѣйшаго пользованія своими феодальными правами въ ночь съ 4-го на 5-ое августа 1789 г., съ секуляризаціи монастырскихъ имуществъ и раздѣла общинныхъ земель, предписаннаго конвентомъ, принимались значительнымъ, а иногда и подавляющимъ большинствомъ голосующихъ. И въ нашемъ отечествѣ, какъ справедливо указалъ графъ Витте во время недавно происходившихъ преній, крестьянская реформа была произведена послѣ многолѣтней подготовительной работы и двукратнаго опроса заинтересованныхъ. Ничего подобнаго мы не видимъ теперь, когда крестьянъ и не спрашивали объ ихъ желаніи прекратить передѣлы мірскихъ земель или отказаться отъ исконныхъ началъ владѣнія семьи въ пользу личной собственности. За нихъ рѣшается этотъ вопросъ Думою, въ которой, въ силу новаго избирательнаго закона отъ 3-го іюня, рѣшительное преобладаніе обезпечено частнымъ землевладѣльцамъ, и Государственнымъ Совѣтомъ, въ которомъ тѣ же частные землевладѣльцы восполняютъ почти на половину прежній составъ государственныхъ сановниковъ по назначенію. Въ числѣ мотивовъ къ принятію закона выдвигается и то обстоятельство, что три года предписанная имъ мѣра уже находитъ себѣ осуществленіе, что отмѣнить ее нынѣ, значило бы колебать въ населеніи вѣру въ прочность и незыблемость проводимыхъ свыше общеобязательныхъ нормъ—я не говорю: законовъ, такъ какъ никакого закона въ данномъ случаѣ не было, а былъ только указъ, проведенный въ порядкѣ 87-ой ст.

Принимая во вниманіе все сказанное, трудно не признать,

что прохожденіе чрезъ наши законодательныя палаты реформъ, по важности своей превосходящихъ всѣ прежнія, происходитъ въ небывалыхъ еще условіяхъ. Цѣлая категорія сельскихъ обществъ признается подѣлившими свои земли, когда сами они такого рѣшенія не принимали. Такое постановленіе проводится въ Думѣ и въ Совѣтѣ большинствомъ всего-на-всего двухъ голосовъ. Семейная собственность, признанная и обычаемъ, и мѣстными положеніями, и общимъ закономъ о выкупѣ, и сенатской практикой, и старымъ Государственнымъ Совѣтомъ, объявляется несуществующей и на мѣсто ея ставится институтъ частной собственности, а первоисточникомъ всего этого переворота оказывается широкое толкованіе тѣхъ правъ, какія даетъ кабинету, при существованіи представительныхъ порядковъ, необходимость принятія въ промежутокъ между сессіями неотложныхъ рѣшеній, такъ называемыхъ въ Австріи Nothverordnungen, т.-е. вызываемыхъ обстоятельствомъ административныхъ распоряженій.

Небывалость такихъ порядковъ при проведеніи мѣропріятій, отъ которыхъ зависитъ все будущее имперіи, сказалась съ самаго начала. По дѣлу назначено было два докладчика: одинъ—отъ праваго крыла Государственнаго Совѣта, другой—отъ центра; одинъ—сторонникъ, другой—противникъ мірской собственности и семейнаго землевладѣнія. Только въ началѣ дебатовъ они могли сходиться между собою, настаивая въ равной мѣрѣ на томъ, что указъ 9-го ноября, въ соотвѣтствіи съ реформою 19-го февраля 1861-го года, открываетъ возможность выхода изъ общины лицамъ, выкупившимъ свои надѣлы, что принятіе этой мѣры въ порядкѣ 87-ой статьи было желательно и необходимо и что отвергнуть въ настоящее время законъ, прошедшій уже черезъ Думу и получившій ранѣе осуществленіе на практикѣ, было бы равносильно колебанію въ народѣ вѣры въ незыблемость законовъ. Одно изъ этихъ утвержденій, а именно насчетъ цѣлесообразности рѣшать вопросы такой государственной важности, каковъ настоящій, на основаніи 87-ой статьи, примѣняемой только въ случаяхъ неотложной необходимости, по образцу тѣхъ Nothverordnungen, какія извѣстны были еще Священной Римской Имперіи и отъ нея перешли къ Австрійской, встрѣтило справедливую критику со стороны одного изъ членовъ Государственнаго Совѣта, г. Донецкаго. „Ни потребности, ни тѣмъ болѣе нужды въ изданіи указа 9-го ноября въ порядкѣ ст. 87-ой,—сказалъ онъ,—никакой не было. Указъ этотъ, затрогивая коренные и сложные вопросы крестьянскаго быта, разрѣшаетъ ихъ въ условіяхъ ни-

чѣмъ не оправдываемой поспѣшности, въ смыслѣ, допускающемъ много серьезныхъ и вѣскихъ возраженій, и наконецъ въ порядкѣ, который ни буквѣ, ни духу, ни разуму закона не соотвѣтствуетъ. Правительство всегда и во всемъ, а въ случаяхъ исключительной важности въ особенности, строго должно согласовать свои дѣйствія съ предписаніями закона. Всякое отступленіе отъ этихъ предписаній подвергаетъ опасному искушенію все еще шаткую вѣру людей въ равно для всѣхъ обязательную силу законодательныхъ постановленій. Оно колеблетъ авторитетъ послѣднихъ и создаетъ ту особенную атмосферу, въ которой идея законности и сознаніе необходимости ея широкаго распространенія развиваться и крѣпнуть не могутъ. Проведеніе въ жизнь правилъ, составляющихъ содержаніе указа 9-го ноября, безъ предварительнаго обсужденія ихъ законодательными учрежденіями, могло дать поводъ къ тревожнымъ опасеніямъ за тотъ внутренній миръ, который такъ настоятельно и всего болѣе необходимъ намъ. Во всѣхъ случаяхъ, которые bona fide не должны быть подводимы подъ дѣйствіе ст. 87, правительство не должно брать на себя разрѣшеніе такихъ вопросовъ". На этомъ мѣстѣ Донецкій былъ прерванъ предсѣдателемъ. „Я вамъ не препятствую— сказалъ тайный совѣтникъ Акимовъ—говорить по вопросу ст. 87, а вы изъ этого вопроса создали цѣлую тему. Мы здѣсь не разсуждаемъ о закономѣрности или незакономѣрности дѣйствій правительства, а объ общихъ основаніяхъ законопроекта; въ виду этого я покорнѣйше прошу васъ не уклоняться отъ обсуждаемаго вопроса". „Подчиняясь распоряженію г. предсѣдателя — отвѣтилъ г. Донецкій, — я долженъ по необходимости кончить рѣчь свою. Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ выразить пожеланіе, чтобы въ будущемъ наше законодательство опрометчивыхъ и стремительныхъ прыжковъ въ область опаснаго риска не дѣлало".

Я привелъ этотъ отрывокъ изъ стенографическаго отчета засѣданія 15-го марта съ цѣлью показать тотъ ненормальный порядокъ, въ какомъ вопросъ, живо задѣвающій судьбы крестьянскаго землевладѣнія, поставленъ былъ объединеннымъ правительствомъ въ самомъ началѣ преній. Если послѣдующіе ораторы не касались его болѣе въ своихъ рѣчахъ, то только въ виду упомянутаго вмѣшательства предсѣдателя. Нельзя, поэтому, думать, что въ нашей высшей палатѣ сразу сложилось такое представленіе: такъ какъ указъ вошелъ въ силу, и на основаніи его многіе крестьяне успѣли выдѣлиться, то законодательнымъ

палатамъ остается только санкціонировать своимъ согласіемъ то, что было сдѣлано безъ ихъ вѣдома и предварительнаго опроса.

Одинъ изъ докладчиковъ, а именно А. С. Стишинскій, проводилъ такой именно взглядъ, ссылаясь на то, что опытъ доказалъ цѣлесообразность укрѣпленія черезполосныхъ участковъ въ частную собственность, какъ переходной ступени къ выдѣленію ихъ въ отруба или хутора. Онъ доказывалъ это тѣмъ, что за три года, протекшіе со времени указа 9-го ноября, 350.000 изъ 963.000 общинниковъ-домохозяевъ, укрѣпившихъ за собою свои участки, сдѣлали заявленіе о своемъ желаніи перейти на хутора и отруба. Въ предшествующія же указу 9-го ноября 45 лѣтъ, считая со времени эмансипаціи, разверстаніе черезполосныхъ угодій въ хуторскіе и отрубные участки коснулось всего 19.540 домохозяевъ. Изъ сопоставленія этихъ цифръ А. С. Стишинскій приходилъ къ заключенію о благотворномъ вліяніи, оказанномъ въ этомъ отношеніи указомъ 9-го ноября. „Я могу добавить,—сказалъ онъ,—что указъ этотъ примѣняется уже три года и что народное правосознаніе съ нимъ освоилось. При такихъ условіяхъ отказываться отъ порядка укрѣпленія, въ немъ установленнаго, и замѣнять этотъ порядокъ другимъ, можетъ-быть болѣе совершеннымъ, не представляется желательнымъ. Такой способъ законодательнаго разрѣшенія вопроса несомнѣнно поколебалъ бы въ крестьянскомъ населеніи увѣренность въ устойчивости закона и поселилъ бы въ умахъ крестьянъ сомнѣніе и недовѣріе къ мѣропріятіямъ правительства. Такіе опыты надъ народной психологіей въ вопросахъ, столь глубоко захватывающихъ самые насущные интересы крестьянскаго населенія, по моему мнѣнію, не допустимы“.

Г-нъ Стишинскій находилъ благодѣтельнымъ самый указъ 9-го ноября на томъ основаніи, что онъ открылъ возможность полутора милліонамъ домохозяевъ, т.-е. одной шестой части общаго ихъ числа, перейти къ личной собственности. Не служитъ ли это, говорилъ онъ, яснымъ и очевиднымъ доказательствомъ, что населеніе приняло указъ 9-го ноября какъ благодѣтельную мѣру, и что указъ этотъ дѣйствительно отвѣчалъ несомнѣнному въ средѣ нашихъ общинниковъ стремленію къ обособленію своей земли въ личное владѣніе? Стремленіе это нельзя не привѣтствовать, ибо въ немъ вся будущность сельскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ. Со времени эмансипаціи крестьянское хозяйство мало подвинулось впередъ, тогда какъ частновладѣльческое достигло значительныхъ успѣховъ. Указавъ, что мірское и подворное пользованіе въ отношеніи къ дробности и черезполосности участковъ,

принудительному сѣвообороту и общей пастьбѣ скота, не отличаются существенно другъ отъ друга, а потому, съ точки зрѣнія интересовъ сельско-хозяйственной культуры, одинаково несовершенны, г. Стишинскій выразилъ увѣренность, что единственнымъ средствомъ обезпеченія дѣйствительнаго развитія и улучшенія сельскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ является раздѣленіе этихъ земель на хуторскіе или отрубные участки. Признавъ себя, поэтому, убѣжденнымъ сторонникомъ указа 9-го ноября и соотвѣтствующихъ частей законопроекта, поступившаго на обсужденіе Совѣта, г. Стишинскій выступилъ столь же непримиримымъ противникомъ принужденія и насилія въ дѣлѣ землеустройства крестьянъ. Насаждать даже болѣе совершенныя формы землепользованія приказомъ, хотя бы и законодателя—сказалъ онъ,—помимо и даже вопреки желанію крестьянъ, представляется пріемомъ опаснымъ.

Такимъ образомъ, не поднимая до поры до времени спорныхъ вопросовъ, раздѣлившихъ съ самаго начала комиссію на двѣ неравныя половины, г. Стишинскій ясно опредѣлилъ положеніе противника тѣхъ статей новаго законопроекта, которыя отступаютъ отъ простого желанія законодателя облегчить крестьянамъ выходъ изъ нераздѣльности.

Предсѣдатель совѣта министровъ выступилъ съ заявленіями отъ имени объединеннаго правительства тотчасъ же послѣ докладчиковъ. Онъ съ большой откровенностью указалъ на политическій характеръ всего затѣяннаго имъ законодательства о крестьянахъ. Всѣмъ стало ясно—сказалъ онъ,—что мѣропріятія по укрѣпленію личной собственности вызваны продуманнымъ принципіальнымъ отношеніемъ правительства къ тому, что происходило въ Россіи въ недавнее прошлое. А діагнозъ происходившаго въ краткихъ словахъ можетъ быть сведенъ къ слѣдующему. Смута политическая, революціонная агитація, приподнятыя нашими неудачами, начали пускать корни въ народѣ, питая смуту гораздо болѣе серьезную—смуту соціальную, развившуюся въ нашемъ крестьянствѣ. Отсюда естественный выводъ—необходимость уничтожить первопричину смуты, излечить коренную болѣзнь, давъ возможность крестьянину выйти изъ бѣдности, изъ невѣжества, изъ земельнаго нестроенія. Утверждая, далѣе, что правительство считаетъ недопустимымъ установленіе какого-либо принужденія, какого-либо насилія, какого-либо гнета чужой воли надъ свободной волей крестьянина въ дѣлѣ распоряженія его надѣльной землею, г. Столыпинъ въ то же время заявилъ, что правительство придаетъ большое значеніе установленію личной

собственности. Въ виду перваго заявленія предсѣдатель совѣта министровъ считалъ возможнымъ выразиться относительно первой статьи законопроекта, по которой общества и селенія, не дѣлившіяся 24 года, признаются перешедшими къ участково-наслѣдственному пользованію, что правительство возражаетъ противъ такого признанія. Какой громадный трудъ,—сказалъ онъ,—какое отвлеченіе отъ живого дѣла крестьянскихъ учрежденій необходимы для выясненія, въ какихъ обществахъ было и въ какихъ не было передѣловъ за послѣднія два двѣнадцатилѣтія; вѣдь приговоры о передѣлахъ далеко не вездѣ сохранились! Да и зачѣмъ принимать искусственныя мѣры тамъ, гдѣ дѣло идетъ естественнымъ своимъ ходомъ? Указавъ на то, что за три съ половиной года, т.-е. до 1-го февраля 1910 г., 1.700.000 домохозяевъ, т.-е. 17% всего ихъ числа, выразили желаніе укрѣпить свои участки въ личную собственность, а изъ нихъ 1.175.000 домохозяевъ, т.-е. болѣе 11%, и укрѣпили ее за собою, независимо отъ чего и цѣлыя сельскія общества съ 193.500 домохозяевами перешли къ подворному владѣнію, г. Столыпинъ выразилъ увѣренность, что черезъ шесть-семь такихъ же трехлѣтій общины въ Россіи — тамъ, гдѣ она отжила свой вѣкъ, — не будетъ. Какъ сторонникъ личной собственности, правительство, съ другой стороны, устами предсѣдателя совѣта министровъ, заявило о нежеланіи пойти на какія бы то ни было уступки по вопросу о предоставленіи сельскимъ обществамъ преимуществъ по пріобрѣтенію продаваемыхъ домохозяевами надѣльныхъ земель; такъ же категорически высказался онъ и противъ ограниченія домохозяина въ распоряженіи семейной собственностью. Г-нъ Столыпинъ не замѣтилъ противорѣчія, въ какое онъ впалъ съ самимъ собою, говоря, съ одной стороны, что раздѣляетъ теорію, отождествляющую семейную собственность съ трудовой артелью, а съ другой—допуская огражденіе правъ семьи отъ произвола домохозяина только въ формѣ установленія опеки надъ расточителями. Въ рѣчь г. Столыпина также вкралась несчастная фраза о Сенатѣ, будто бы, создавшемъ у насъ институтъ семейной собственности. Эта фраза повторена была и графомъ С. Ю. Витте, такъ что у членовъ Государственнаго Совѣта могло зародиться предположеніе, что ни бывшему предсѣдателю совѣта министровъ, ни теперешнему дѣйствительная природа семейной собственности неизвѣстна. Не смотря на эту общую черту и сходство въ симпатіяхъ къ личной собственности, оба государственные дѣятеля расходились между собою въ опредѣленіи границъ, которыхъ должна достигнуть индивидуализація земельныхъ правъ. Отсюда вытекало ихъ раз-

личное отношеніе къ закону. Графъ Витте находилъ, что законъ 9-го ноября не идетъ достаточно далеко въ этомъ направленіи. „Я бы былъ—сказалъ онъ—изъ числа тѣхъ, кто радостно привѣтствовалъ бы законъ, дающій нашему крестьянству, въ отношеніи правъ личной собственности, то самое, чѣмъ пользуются всѣ полноправные подданные, хотя бы и съ нѣкоторыми исключеніями, опредѣленно формулированными въ законѣ. Но въ данномъ случаѣ нѣтъ ничего подобнаго“. Ссылаясь, какъ на примѣръ, на то, что̀ сдѣлано было въ этомъ отношеніи въ Царствѣ Польскомъ послѣ 60-хъ годовъ „нашими лучшими русскими людьми“, графъ Витте заявилъ: „мнѣ кажется, что одновременно съ принятіемъ мѣръ по водворенію, въ нѣкоторой степени насильственному, личной собственности, надлежало не ограничиться формулой: „назовитесь личными собственниками“, но и опредѣлить съ ясностью, въ чемъ права этой собственности заключаются, а равно и дать такія судебныя гарантіи, которыя бы дѣйствительно воспитали въ новыхъ личныхъ собственникахъ чувство уваженія къ праву собственности. Не сомнѣваюсь въ томъ, что во многихъ мѣстахъ назрѣлъ переходъ отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, но ничего не было сдѣлано, чтобы разобраться, гдѣ этотъ фруктъ созрѣлъ, гдѣ онъ еще зеленъ и гдѣ, можетъ быть, находится только въ зародышѣ. Настоящій законопроектъ представляетъ результатъ исключительно канцелярской работы, и этотъ характеръ его не можетъ измѣниться отъ того, въ какомъ именно петербургскомъ зданіи та или другая канцелярія помѣщается. Вспоминая способъ дѣйствія, который практиковался при великомъ раскрѣпощеніи 19-го февраля, мы видимъ значительную разницу не въ смыслѣ уменьшенія бюрократическихъ пріемовъ, а въ смыслѣ ихъ вящшаго размноженія“. Находя, что предлагаемый законопроектъ имѣетъ всѣ шансы принести мало пользы и много путаницы и вреда, графъ Витте въ то же время призналъ невозможнымъ аннулировать то, что̀ сдѣлано было правительствомъ уже болѣе трехъ лѣтъ назадъ по ст. 87, такъ какъ это пошатнуло бы авторитетъ власти. Но не слѣдуетъ, думаетъ онъ, принимать дополненій, сдѣланныхъ въ этомъ законопроектѣ впослѣдствіи. Если сравнивать настоящій законопроектъ со ставкою, то разъ она состоялась, нечего дѣлать, но все, что̀ можно предпринять, чтобы уменьшить размѣръ этой ставки, которая по самой своей природѣ содержитъ въ себѣ рискъ неизвѣстности, слѣдуетъ сдѣлать въ силу трезваго и элементарнаго благоразумія.

И профессоръ Мануиловъ, который первый изъ представи-

телей университетовъ высказался насчетъ отношенія этой группы къ законопроекту, заявилъ, что онъ стоитъ за него, но что заодно съ нимъ группа считаетъ кореннымъ недостаткомъ проекта то, что онъ прибѣгаетъ къ принужденію для достиженія цѣли, составляющей задачу реформы. „Мы не противники, а сторонники правильнаго разрѣшенія вопроса о выходѣ изъ общины", сказалъ профессоръ Мануиловъ; „но мы полагаемъ, что этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ правильно и съ пользою для страны лишь при томъ условіи, что на крестьянъ не будетъ оказываемо давленіе и выходъ изъ общины будетъ добровольный. Мы полагаемъ, что задачею законодателя будетъ только облегченіе выхода изъ нераздѣльности и обезпеченіе интересовъ обѣихъ сторонъ—какъ тѣхъ, которые покидаютъ общину, такъ и тѣхъ, которые желаютъ въ ней остаться. По нашему убѣжденію, проектъ не отвѣчаетъ этому требованію. Если онъ въ другихъ своихъ статьяхъ, за исключеніемъ отдѣла 1-го, не становится на точку зрѣнія принужденія, то онъ допускаетъ и примѣняетъ принужденіе косвенное. Необходимо предоставить самому населенію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшеніе вопроса, оставаться ли ему въ общинномъ землевладѣніи, или переходить къ личной собственности. Но проектъ, очевидно, отправляется отъ мысли, что община есть зло, что ее нужно упразднить возможно скорѣе. Такой тезисъ не можетъ считаться доказаннымъ. Еслибы даже предположить, что надо стремиться къ уничтоженію общины и замѣнѣ ея личной собственностью, то еще вопросъ, правиленъ ли тотъ путь, которымъ проектъ идетъ къ этой цѣли". Проф. Мануиловъ считаетъ его неправильнымъ. Онъ считаетъ отношеніе его къ вопросу объ упраздненіи общины двусмысленнымъ. Законопроектъ какъ будто стоялъ сперва за незыблемость мірского строя, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ все возможное, чтобы этотъ строй разрушить. Онъ стремится теперь побудить населеніе перейти къ личной собственности и дѣлаетъ для тѣхъ частей его, которыя живутъ при общинномъ строѣ, самую жизнь нестерпимой. Если домохозяину предоставлено право укрѣпить свой надѣлъ, а община лишена возможности предотвратить такое укрѣпленіе даже тогда, когда оно для нея неудобно, то община лишается возможности продолжать свое существованіе въ сколько-нибудь нормальныхъ условіяхъ. Черезполосица только увѣковѣчивается и нѣтъ гарантіи, что лица, укрѣпившія свои участки, въ скоромъ времени перейдутъ на отрубное хозяйство, упраздняя тѣмъ черезполосицу. Общинники будутъ связаны по рукамъ и по ногамъ

въ своей хозяйственной дѣятельности и лишены возможности бороться съ черезполосицей, такъ какъ участки укрѣпившихся крестьянъ, вкрапленные въ мірскую землю, препятствуютъ передѣламъ. Но не лучше будетъ положеніе и тѣхъ крестьянъ, которые уже укрѣпились или укрѣпятся впослѣдствіи, и въ то же время не нашли или не найдутъ для себя удобнымъ выдѣлиться. Проектъ допускаетъ, что крестьянинъ, укрѣпившій за собою землю, можетъ быть передвинутъ съ того участка, который онъ уже укрѣпилъ, на другой. „Представьте себѣ—сказалъ проф. Мануиловъ — положеніе такого собственника, которому постоянно грозитъ замѣна его владѣнія другимъ. Я убѣжденъ, что многіе и не подозрѣваютъ того, что имъ грозитъ, и повѣривъ тому, что они стали собственниками, улучшаютъ свои участки; и вотъ, имъ предстоитъ попасть въ положеніе несомнѣнно худшее, чѣмъ положеніе общинниковъ, подчиняющихся передѣлу. Для лицъ же, оставшихся въ общинѣ, новая переверстка можетъ послѣдовать ежечасно подъ вліяніемъ того, что тотъ или другой изъ членовъ общины пожелаетъ выдѣлиться".

Точка зрѣнія профессора Мануилова раздѣляется и извѣстнымъ писателемъ по сельскому хозяйству Бехтѣевымъ. Онъ начинаетъ свою рѣчь приведеніемъ отрывка изъ собственной книги, озаглавленной: „Земельный вопросъ". Цитата заканчивается словами: „нужно предоставить жить людямъ, какъ они хотятъ, и пользоваться землею, какъ имъ желательно и удобно". Книга издана еще въ апрѣлѣ 1906-го года. Авторъ разсчитываетъ доказать своей ссылкой, что за нѣсколько мѣсяцевъ до изданія указа 9-го ноября онъ уже озабоченъ былъ тѣмъ, какъ бы безболѣзненнѣе и совершеннѣе провести въ жизнь свободу выхода изъ общины, но при непремѣнномъ условіи сохраненія самой общины. Поэтому онъ совершенно отрицательно относится къ мысли опередить, какъ онъ выражается, событія, естественное теченіе дѣла, и насильственно упразднить общину тамъ, гдѣ не передѣлялись никогда или 24 года. Что бы намъ ни возражали— говоритъ онъ,—а все-таки это значитъ примѣнять принужденіе, насиліе, когда желаютъ людямъ навязать благо, котораго они вовсе не хотятъ. Ораторъ не считаетъ доказаннымъ, чтобы съ упраздненіемъ передѣловъ мы сразу могли перейти къ интенсивному хозяйству Западной Европы. Если мы не только упразднимъ общину, но даже перейдемъ къ отрубному владѣнію—заявляетъ онъ,—то и тогда мы будемъ очень далеки отъ западноевропейскихъ хозяевъ. Община вѣдь въ Западной Европѣ уничтожена не вчера, не годъ назадъ, а тѣ урожаи, которые намъ

приводятъ въ примѣръ — достояніе всего послѣдней четверти XIX-го столѣтія. У насъ есть масса крестьянъ-отрубныхъ хозяевъ, пріобрѣвшихъ землю въ частную собственность, а развѣ у нихъ европейскіе урожаи? Возьмите другія отрубныя хозяйства, всѣ частновладѣльческія; могутъ ли они похвастать европейскими сборами хлѣбовъ? Съ 70-хъ годовъ въ Европѣ установилась та форма сельскаго хозяйства, которую можно охарактеризовать словами: „производство растительнаго и животнаго вещества съ наименьшей затратой труда и капитала, но съ приложеніемъ наибольшей суммы знаній". Европейскія хозяйства, по сравненію съ нашими, обладаютъ огромнымъ капиталомъ — запасомъ знаній. И не формами землепользованія добываются эти знанія; они получаются инымъ путемъ — густою сѣтью научно-опытныхъ учрежденій, а у насъ таковыя только въ зародышѣ.

Я съ тѣмъ большимъ сочувствіемъ прислушивался къ этимъ словамъ, что видѣлъ въ нихъ развитіе тѣхъ самыхъ мыслей, которыя съ такой убѣжденностью не разъ поддерживались моимъ покойнымъ другомъ А. И. Чупровымъ. Московскій экономистъ не даромъ изучалъ все сдѣланное въ Германіи и Италіи съ цѣлью легчайшей передачи крестьянамъ практическихъ пріемовъ раціональнаго земледѣлія; не однимъ теоретическимъ запросамъ удовлетворялъ онъ своимъ продолжительнымъ изученіемъ дѣятельности странствующихъ агрономовъ Италіи; онъ желалъ поставить на видъ увѣнчавшіеся успѣхомъ опыты Запада всѣмъ ревнителямъ поднятія хозяйственнаго уровня русскаго крестьянства.

Бехтѣевъ остановился въ своей рѣчи на разборѣ и того нескрываемаго политическаго мотива, какимъ вызванъ походъ частновладѣльческой Думы третьяго призыва противъ мірской собственности. Намъ говорятъ — сказалъ онъ, — „что необходимо какъ можно скорѣе упразднить общину, потому что она явилась причиною погромовъ, недавно нами пережитыхъ. Но вѣдь община существуетъ не со вчерашняго дня, она существуетъ много столѣтій, а погромовъ не было. Когда я читаю въ докладѣ, что погромы въ Воронежской губерніи были вызваны характеромъ общиннаго землевладѣнія, то я вспоминаю, что они были здѣсь шесть—семь мѣсяцевъ позже, чѣмъ въ Черниговской губерніи, а въ Черниговской губерніи общины почти нѣтъ".

Считается Бехтѣевъ и съ тѣмъ возраженіемъ противъ мірской собственности, которое выдвинуто было бывшимъ министромъ земледѣлія Ермоловымъ, авторомъ недавняго сочиненія о продовольственной кампаніи 1906-го года. Ермоловъ старался

показать въ этой книгѣ то же, что развито было имъ и въ преніяхъ Государственнаго Совѣта по закону 9-го ноября, а именно, что задолженность крестьянъ-общинниковъ правительству по сдѣланнымъ имъ ссудамъ зерномъ неизмѣримо больше задолженности подворныхъ крестьянъ. Бехтѣевъ отвѣчаетъ на эти обвиненія, что задолженность на душу при каждомъ неурожаѣ была почти равна въ разныхъ губерніяхъ, а когда она превышала среднюю норму, то это превышеніе не падало на губерніи съ общинной формой владѣнія землей. Задолженность и количество урожаевъ—сказалъ онъ—тѣмъ больше, чѣмъ дальше вы отходите отъ запада къ востоку, и обратно; сѣверныя губерніи отличаются малымъ количествомъ неурожаевъ. Причину ихъ, какъ и задолженности, опредѣляютъ не формы землевладѣнія, а метеорологическія условія. Востокъ, центръ и юго-востокъ страдаютъ отъ неурожаевъ гораздо больше, чѣмъ западныя и сѣверныя губерніи. Бехтѣевъ ставитъ въ связь съ задолженностью и тотъ фактъ, что, какъ указано въ его книгѣ, общинники обложены налогами болѣе, чѣмъ необщинники; но даже сильно обложенныя губерніи, какъ Ярославская и Калужская, обѣ съ общиннымъ землевладѣніемъ, не имѣютъ ни продовольственныхъ, ни податныхъ недоимокъ. Бехтѣевъ высказывается противъ перваго отдѣла закона, признающаго, что сельскія общины, не дѣлившіяся вовсе или въ послѣдніе 24 года, тѣмъ самымъ перевели себя въ число частныхъ владѣльцевъ. Это не невинный законъ—говоритъ онъ, шутя; его крестьяне не поймутъ; надо считаться съ недовѣрчивостью и подозрительностью крестьянъ. Да и какъ понять его? вѣдь онъ направленъ даже не противъ тѣхъ, которые передѣляются, а наоборотъ, противъ тѣхъ, кто не передѣлялся. Ораторъ не договариваетъ своей мысли; но она и безъ того ясна: законъ можетъ побудить крестьянъ, для которыхъ 24-хъ-лѣтній срокъ еще не истекъ, къ скорѣйшему производству новыхъ передѣловъ, и слѣдовательно достигнетъ какъ разъ обратнаго поставленной себѣ цѣли. Чтобы провѣрить собственное мнѣніе, Бехтѣевъ обратился съ запросомъ къ предсѣдателямъ уѣздныхъ съѣздовъ губерній съ общиннымъ землевладѣніемъ, прося ихъ, по совѣщаніи съ волостными старшинами и толковыми крестьянами, высказаться о томъ, насколько желательно принятіе перваго отдѣла законопроекта. Изъ 111 отзывовъ 64 высказались противъ.

Противъ Бехтѣева выступаетъ Красовскій, но не столько съ критикой, сколько съ заявленіемъ, что пренія не должны касаться отдѣльныхъ статей проекта. Слѣдующій же за нимъ ораторъ—графъ Олсуфьевъ—сосредоточиваетъ свои нападки опять-таки на

одной изъ сторонъ проекта, именно той, которая направлена противъ вѣками установившагося принципа трудового семейнаго сообщества и взамѣнъ семейной собственности вводитъ принципъ личный.

И рѣчь Я. А. Ушакова, которою открылось ближайшее засѣданіе, 16-го марта, также сосредоточилась почти всецѣло на защитѣ общиннаго владѣнія землею. Болѣе часа ораторъ доказывалъ ту мысль, что люди, чуждые общественному строю крестьянства, не могутъ усвоить себѣ идею мірского пользованія. Чтобы нѣсколько познакомить ихъ съ нимъ, ораторъ счелъ нужнымъ издать планъ общиннаго хозяйства крестьянъ въ одной мѣстности Ярославской губерніи. Пользуясь имъ, ораторъ показываетъ, какъ крестьяне при надѣленіи полосами или дѣлянками отдѣльныхъ дворовъ принимаютъ во вниманіе и качество почвы, и бо̀льшую или меньшую близость поля къ селенію. Какъ при раздѣлѣ полевой земли, такъ и при раздѣлѣ покосовъ, крестьяне придерживаются началъ справедливости. „Я присутствовалъ — говоритъ ораторъ — при этихъ раздѣлахъ и удивлялся, до какой степени крестьянинъ жаденъ къ своей собственности. Если ему слѣдуетъ получить изъ какого-нибудь лужка, скажемъ, сажень и $2^{1}/_{2}$ аршина, то $^{1}/_{2}$ аршина онъ лаптями мѣряетъ, а потомъ разрубаютъ покосы косами; перекосить сдѣланную черту стыдно“. Собраніе отнеслось довольно равнодушно къ этимъ даннымъ изъ крестьянскаго быта, и исходъ совѣтниковъ для куренія въ сосѣдній залъ продолжался во все время рѣчи Я. А. Ушакова, произнесенной съ большимъ подъемомъ и свидѣтельствовавшей о близкомъ знакомствѣ автора съ крестьянскою средою.

Когда пришла очередь говорить мнѣ, я старался показать всю произвольность того положенія, по которому люди, не пользовавшіеся правомъ производить передѣлы въ теченіе 24 лѣтъ, тѣмъ самымъ лишаются этого права на будущее время. Десятилѣтняя давность, очевидно, здѣсь непримѣнима, такъ какъ самъ законъ устраняетъ ея возможность, допуская передѣлы лишь каждыя 12 лѣтъ. Вотъ почему я счелъ возможнымъ привесть въ доказательство логической нелѣпости, какую представляетъ собою 1-ая статья законопроекта, примѣръ, въ которомъ давность также была бы приложена къ пользованію правомъ, не допускающимъ потери за истеченіемъ давностнаго срока. „Я желалъ бы спросить васъ, сказалъ я, согласится ли кто-нибудь изъ здѣсь присутствующихъ съ тѣмъ, что если онъ 24 года не производилъ завѣщанія и дарственной записи, то тѣмъ самымъ онъ отказался писать завѣщаніе или когда-либо производить дареніе“. Доклад-

чикъ комиссіи Красовскій не замѣтилъ или сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, что въ обоихъ случаяхъ—и въ томъ, который предвидится первой статьей, и въ томъ, который предполагаетъ мой примѣръ,—одинаково не можетъ быть рѣчи о давности, и потому позволилъ себѣ вышучивать меня, говоря, что за постановку самаго вопроса о томъ, теряется ли право дарственнаго или завѣщательнаго распоряженія давностью, можно поставить только единицу. Я тщетно искалъ въ стенограммѣ воспроизведенія этой части рѣчи г. докладчика; послѣ зрѣлаго размышленія онъ, быть можетъ, самъ замѣтилъ свой промахъ; но я воспроизвожу здѣсь и этотъ аргументъ, видимо произведшій впечатлѣніе, для полноты картины. Другія мои заявленія, также удостоившіяся отвѣта г. докладчика, состояли въ томъ, что, грубо разрушая общину и семейное совладѣніе, новый законъ не создаетъ у крестьянъ даже настоящей личной собственности, которая позволила американцамъ на началахъ неограниченнаго индивидуализма такъ быстро развить свою гражданственность. „Я могу понять тѣхъ— сказалъ я, разумѣя прежде всего графа С. Ю. Витте,—„кто полагаетъ, что можно всѣмъ пожертвовать для того, чтобы дать скорѣе странѣ обогатиться. Это—та мысль, которой держались американцы. Но еслибы и отпали тѣ нормы, которыя, какъ я полагаю, весьма мало препятствуютъ уходу крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ руки другихъ сословій, то русскіе крестьяне все же оказались бы въ положеніи далеко не одинаковомъ съ американскими поселянами. Избавившись отъ опеки міра и семьи, они не избавились бы отъ государственной опеки, отъ опеки многочисленнаго и все возрастающаго класса чиновниковъ и не менѣе увеличившагося за послѣднее время числа сотрудниковъ-добровольцевъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Очевидно, что въ такихъ условіяхъ ждать благодѣяній отъ личной собственности въ Россіи, по образцу Америки,—нельзя“. Я указалъ затѣмъ на причины, по которымъ мѣры, рекомендуемыя закономъ 9 ноября для сохраненія бывшихъ надѣльныхъ земель въ рукахъ крестьянъ, могутъ оказаться недѣйствительными: на вторыхъ торгахъ крестьянскаго банка, который одинъ по закону можетъ принимать эти земли въ залогъ, могутъ являться покупатели и изъ другихъ сословій, помимо крестьянскаго, а въ поступившемъ изъ Думы законопроектѣ о землеустройствѣ говорится, что при округленіи, если часть купленной крестьянами земли присоединена будетъ къ землѣ надѣльной, то все владѣніе крестьянина станетъ свободнымъ отъ всякихъ стѣсненій личной собственностью. Очевидно, что во всемъ сказанномъ мною нѣтъ ни малѣйшаго указанія на

то, чтобы я считалъ нежелательнымъ огражденіе крестьянскихъ земель отъ возможности ухода ихъ въ руки другихъ сословій. Но г. Красовскій снова пожелалъ не понять меня. Привожу буквально слѣдующій отрывокъ изъ стенограммы его рѣчи: „проф. М. М. Ковалевскій не понимаетъ, какъ можетъ существовать собственность съ тѣми ограниченіями, которыми она обставлена въ законопроектѣ; между тѣмъ, изъ сравнительнаго изученія современнаго законодательства Ковалевскій не могъ не убѣдиться, что въ цѣломъ рядѣ законодательствъ за послѣднее время замѣчается стремленіе создать такія ограниченія, при которыхъ обезпечивались бы интересы не только того собственника, который сидитъ на участкѣ, но и его близкихъ, а также и ближайшихъ преемниковъ". Очевидно, что всѣ эти заявленія направлены не противъ меня, а противъ какого-то воображаемаго противника.

Я сказалъ въ своей рѣчи, что запрещеніе мірскихъ передѣловъ на протяженіи 48% тѣхъ 90.000.000 десятинъ, которыя пока состоятъ въ рукахъ общинниковъ, какъ и переносъ права собственности изъ рукъ семьи въ руки домохозяина, въ совокупности представляютъ такую аграрную революцію, равной которой еще не было въ мірѣ. Г. Красовскій отвѣчаетъ мнѣ, что никакой революціи не предвидится, что „переворотъ, которымъ насъ пугаютъ—только миражъ"; въ дѣйствительности ни одинъ человѣкъ не передвигается съ того мѣста, на которомъ онъ сидитъ; измѣняются лишь юридическіе титулы; земля, бывшая въ пользованіи домохозяевъ, составлявшихъ общину, и называвшаяся общинной, мірской, объявляется частной собственностью домохозяевъ, которые ею пользовались. Г. Красовскій, очевидно, не считаетъ переворотомъ замѣну коллективнаго землевладѣнія частнымъ, разъ тѣ, у которыхъ отнята собственность, продолжаютъ сидѣть на землѣ хотя бы въ положеніи батраковъ.

Въ своей рѣчи я указалъ на то, что за ограниченностью рынковъ наша промышленность не въ состояніи будетъ доставить заработокъ тому громадному „исходу крестьянъ изъ деревни", который вызванъ будетъ перемѣщеніемъ собственности. Г. Красовскій отвѣчаетъ мнѣ опять-таки не на поставленный вопросъ заявленіемъ, что крестьяне, закупившіе на правахъ частной собственности 24 милліона десятинъ, тѣмъ самымъ доказали, что проматывать своихъ имѣній они вовсе не намѣрены. „Просмотрите — говоритъ онъ — статистическія таблицы по Черниговской и Полтавской губерніямъ, и вы убѣдитесь, что землевладѣніе малороссійскихъ казаковъ за 50 лѣтъ не уменьшилось, а значительно увеличилось. Развѣ эти факты указываютъ,

что русскіе крестьяне не могутъ быть личными собственниками, что имъ нельзя довѣрить распоряженіе своими землями, потому что они неизбѣжно пропьютъ и размотаютъ ихъ? Какія данныя науки, какая соціологія даютъ опору для такого осужденія благоразумія и экономическаго смысла крестьянина?"—Такъ какъ въ моей рѣчи я ни единымъ словомъ не коснулся возможности для крестьянъ пропить ихъ землю, то вся эта тирада мѣтитъ опять-таки въ воображаемаго противника. Рѣчь докладчика, направленная всецѣло къ разносу моей, оставила такимъ образомъ мои соображенія безъ отвѣта.

И другой ораторъ сдѣлалъ мнѣ честь подвергнуть критикѣ соображенія, приведенныя мною противъ принятія первой статьи законопроекта. Г-нъ Бутлеровъ, сынъ знаменитаго химика и убѣжденный противникъ общины, не видитъ большой бѣды въ обезземеливаніи крестьянства въ пользу того класса сельскаго мѣщанства, который давно окрестили въ простонародьи прозвищемъ „міроѣдовъ". „Въ какія руки перейдетъ земля?—спрашиваетъ себя г. Бутлеровъ.—М. М. Ковалевскій сказалъ намъ, что большинство земель перейдетъ въ руки кулаковъ и міроѣдовъ. Во всякомъ случаѣ кулаки и міроѣды—это люди стойкіе, люди крѣпкіе, люди трудолюбивые, люди скопидомствомъ нажившіе копѣйку. Пріобрѣтя въ свою собственность земельные надѣлы отъ крестьянъ слабыхъ, отъ крестьянъ, пропивающихъ свои земли, они, безъ сомнѣнія, вложатъ капиталы въ свое хозяйство... Не предусматривай мы такого перехода — и самый законъ утратилъ бы свое значеніе". Такимъ образомъ г. Бутлеровъ подтверждаетъ справедливость высказанной мною догадки, что въ близкомъ будущемъ намъ предстоитъ быть свидѣтелями слѣдующаго факта: „земельная экспропріація, произведенная закономъ 9 ноября, пойдетъ на пользу того сельскаго мѣщанства, которое еще недавно, слѣдуя народному говору, уничижительно называли кулаками, міроѣдами, которыхъ теперь называютъ хозяйственными мужичками, у которыхъ если не въ первомъ, то во второмъ поколѣніи окажутся заслуги предковъ и которыхъ, поэтому, переведутъ въ ряды дворянства. Число дворянъ увеличится, и многіе изъ нихъ обогатятся не только за счетъ крестьянъ, но и за счетъ помѣщиковъ, у которыхъ обезземеленіе началось уже давно". Вся разница между точкой зрѣнія г. Бутлерова и моей—та, что Бутлеровъ относится положительно къ предстоящей эволюціи, а я не думаю, чтобы изъ-за нея стоило содѣйствовать развитію у насъ безземельнаго батрачества.

II.

Общія пренія о законопроектѣ уже съ третьяго засѣданія смѣнились обсужденіемъ первой статьи, говорящей о томъ, что общины, въ которыхъ не было передѣловъ въ теченіе послѣднихъ 24-хъ лѣтъ, признаются перешедшими къ подворному владѣнію. Красовскій выступилъ защитникомъ такого рѣшенія и въ продолжительной рѣчи, прерванной въ виду усталости оратора на полчаса, обстоятельно изложилъ всѣ тѣ соображенія, какими руководствовалась въ такой же мѣрѣ Государственная Дума, какъ и большинство назначенной Совѣтомъ комиссіи, при восполненіи указа 9 ноября болѣе рѣшительными мѣрами, клонящимися къ упраздненію мірского владѣнія приблизительно въ половинѣ всѣхъ сельскихъ общинъ Россіи. Едва ли не самымъ убѣдительнымъ мотивомъ къ тому послужило, какъ говоритъ ораторъ, слѣдующее соображеніе: только тотъ, кто себя самого сознаетъ собственникомъ, уважаетъ чужую собственность; въ этомъ психологическомъ моментѣ, какъ выразился г. Красовскій, „мы видимъ поворотъ идей, который необходимъ для того, чтобы изъ прежняго архаическаго порядка коллективизма и безправія наше крестьянство могло перейти къ свободной гражданской жизни". Недоговоренной остается только первая посылка этого разсужденія. Ею могло бы быть откровенное признаніе того страха, какой частнымъ собственникамъ внушили недавніе погромы, и той надежды, что, сдѣлавшись сами собственниками, крестьяне проникнутся уваженіемъ къ чужому достоянію. Докладчикъ показалъ, такъ сказать, лейтъ-мотивъ всего предпринятаго похода противъ общины, ту предвзятую точку зрѣнія, по которой мірское пользованіе неизбѣжно ведетъ къ постановкѣ аграрнаго вопроса и порождаетъ стремленіе къ національзаціи земельной собственности.

„Второю категоріею соображеній, побуждающихъ насъ поддерживать добавленный Государственной Думой раздѣлъ первый,— сказалъ докладчикъ—составляютъ доводы хозяйственно-экономическіе". Они свелись къ развитію той мысли, что „членъ общины— всегда хищникъ на своемъ надѣлѣ; онъ врагъ земли, онъ стремится взять съ нея возможно больше и передать ее своему случайному преемнику въ возможно худшемъ видѣ". Ораторъ весьма долго остановился не столько на развитіи, сколько на повтореніи той же мысли, сворачивая, быть можетъ незамѣтно для

самого себя, къ первому основанію для похода противъ мірской собственности—основанію политическому, дѣлая мірское землевладѣніе отвѣтственнымъ за то, что „тѣхъ консервативныхъ началъ, охранителемъ которыхъ считалось наше крестьянство, въ немъ болѣе не оказывается. По всей Россіи запылали недавно герценштейновскія иллюминаціи, повторились картины изъ временъ Стеньки Разина и Пугачева, началась вакханалія, уничтоженіе всего, что поднимается надъ толпою, началось дикое истребленіе всякихъ проявленій культуры“... Оказалось, если вѣрить оратору, что община представляетъ собою, по крылатому слову одного изъ думцевъ, „безправную личность и самоуправную толпу“, что она не гарантируетъ своихъ членовъ отъ голодовокъ и острой нужды, не гарантируетъ даже отъ безземелья, и что необходимо, поэтому, отречься отъ предвзятой мысли о спасительности общиннаго строя. Законодательство Александра III-го—полагаетъ г. Красовскій,—затрудняя выходъ изъ нераздѣльности и закрѣпляя такимъ образомъ общинные порядки, не считалось съ тѣмъ, что они не соотвѣтствуютъ измѣнившимся условіямъ бытовымъ и экономическимъ; оно хотѣло остановить рѣку живой жизни, остановить ея теченіе. Послѣдствіемъ было разочарованіе въ спасительности общины. За истекшіе полвѣка произошло въ Россіи немало перемѣнъ, произошло огромное увеличеніе населенія, а результатомъ его, при отсталости земледѣльческой культуры, явился упадокъ благосостоянія крестьянъ. Съ другой стороны, облегченіе повинностей и двукратное пониженіе выкупныхъ платежей, повели къ вздорожанію земель. Отсюда естественно разгорѣлось у общинниковъ желаніе укрѣпить за собою свои доли. Когда, съ отмѣной круговой поруки, открылась крестьянамъ возможность получить въ собственность участки надѣльной земли, общинное владѣніе одно стало поперекъ осуществленія ихъ желаній. Съ отмѣной выкупныхъ платежей правительство поставлено было въ необходимость уплатить по векселю, выданному имъ въ 1861-мъ году—и оно дѣлаетъ это теперь изданіемъ указа 9 ноября; но этотъ указъ только тогда не будетъ заключать въ себѣ внутренняго противорѣчія, когда откажется отъ сохраненія неприкосновенности общиннаго владѣнія и будетъ восполненъ тѣми статьями, отъ первой до восьмой, какія Государственная Дума предложила включить въ него.

Вторую часть своей рѣчи г. Красовскій посвятилъ объясненію причинъ, по которымъ сторонники 1-ой статьи избрали 24-хъ-лѣтній срокъ, какъ рубежъ, отдѣляющій общины, принуждаемыя къ раздѣлу ихъ мірскихъ угодій, и общины, которымъ по-

зволено еще влачить свое существованіе. Изъ его объясненій оказывается, что тамъ, гдѣ общинный порядокъ еще твердъ и происходятъ передѣлы, тамъ съ наростаніемъ новыхъ поколѣній наступаетъ и для нихъ моментъ производства разверстки послѣ отбытія воинской повинности, что, примѣрно, приходится на 24-й годъ жизни. Изъ дальнѣйшихъ преній выяснилось, что этотъ срокъ предложенъ былъ еще въ коммиссіи, организованной графомъ Витте, извѣстнымъ г. Гурко, и съ тѣхъ поръ переходилъ изъ одного законопроекта въ другой, не смотря на то, что крестьяне и по закону, и на практикѣ нисколько не были связаны соблюденіемъ этого срока. Самое большее можно сказать о немъ, что онъ представляетъ собою помноженіе на два того числа лѣтъ, ранѣе котораго запрещено было въ царствованіе Александра III-го производить мірскіе передѣлы.

Прежде чѣмъ закончить свою рѣчь, ораторъ остановился еще на критикѣ того взгляда, что переходъ отъ коллективнаго пользованія къ индивидуальному требуетъ столѣтій для своего нормальнаго хода. Такъ было, напримѣръ, въ Даніи и Норвегіи; но, заявляетъ г. Красовскій, большому народу всегда предстоятъ и большія заданія. Случайная справка, наведенная г. Красовскимъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта, убѣдила его въ томъ, что лица, говорящія нынѣ о чрезвычайной поспѣшности и необдуманности указа 9-го ноября, сами вносили въ законодательномъ порядкѣ проекты весьма къ нему близкіе. Изъ дальнѣйшихъ преній выяснилось, что ораторъ имѣлъ въ виду никого другого, какъ графа С. Ю. Витте, подъ предсѣдательствомъ котораго комиссія изъ государственныхъ сановниковъ и нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей выработала законопроектъ, требовавшій утвержденія долей за наличными владѣльцами надѣловъ. Когда г. Красовскому угодно было сказать, что статьи 1—8 не заключаютъ въ себѣ никакого отступленія отъ тѣхъ началъ, которыя подъ предсѣдательствомъ графа Витте были проектированы въ 1906 г., то бывшій предсѣдатель совѣта министровъ счелъ нужнымъ съ мѣста поправить оратора, указывая ему на то, что укрѣпленіе полосъ и укрѣленіе долей—не совсѣмъ одно и то же. Въ проектѣ графа Витте стояло буквально: земельныя доли, состоящія въ постоянномъ дѣйствительномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, закрѣпляются за ними въ личную собственность.

Несравненно талантливѣе, чѣмъ докладчикъ, защищалъ ту же мысль о невозможности сельско-хозяйственнаго прогресса при сохраненіи общиннаго владѣнія депутатъ отъ Царства Поль-

скаго, г. Шебеко. Изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ въ пользу принятія статьи 1-й, ни одна не произвела бо́льшаго впечатлѣнія и не заставила противниковъ считаться съ собою въ такой мѣрѣ. Можно сказать, что и профессору Мануилову, и мнѣ пришлось сосредоточить все вниманіе на ея критикѣ. Съ большимъ умѣніемъ ораторъ сгруппировалъ свои доводы, благодаря чему одно время можно было думать, что еслибы не общинное владѣніе, то крестьянскія земли давали бы у насъ такіе же урожаи, какіе получаются въ Англіи, Швеціи съ Норвегіей, Франціи и т. д. Профессоръ Мануиловъ первый отмѣтилъ ненаучность такого методологическаго пріема. „Вы упускаете изъ виду—сказалъ онъ—тысячу одну причину, которыя дѣйствовали, напримѣръ, на экономическое благосостояніе Англіи, и выбираете одну какую-либо, напримѣръ существующую въ ней систему парламентаризма, и сводите все къ ней одной; но развѣ не такъ же разсуждали тѣ, которые говорили: вотъ районы общиннаго землевладѣнія, а вотъ районы подворнаго; въ первыхъ неурожаи часты, во вторыхъ рѣдки; слѣдовательно причина неурожаевъ—общинное землевладѣніе". Говоря это, ораторъ мѣтилъ прежде всего въ г. Ермолова, но онъ могъ бы направить свою критику и противъ г. Шебеко, который, давая отвѣтъ на имъ же поставленный вопросъ, отчего Россія, обладающая баснословнымъ земельнымъ просторомъ и сравнительно негустымъ населеніемъ, производитъ хлѣба на душу не болѣе Германіи, считалъ возможнымъ отвѣтить на него указаніемъ на общинное землевладѣніе и мірскіе передѣлы. Профессоръ Мануиловъ болѣе напалъ на ту часть рѣчи г. Шебеко, въ которой онъ старался доказать, что отсутствіе общиннаго землевладѣнія — причина большихъ урожаевъ, получаемыхъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ противность г. Шебеко, проф. Мануиловъ указывалъ, что русская власть создала для польскаго крестьянина болѣе благопріятныя условія жизни, чѣмъ для русскаго, и этимъ объяснялъ ихъ относительное благосостояніе. Попутно московскій экономистъ указалъ на то, что новѣйшая экономическая литература не раздѣляетъ старой точки зрѣнія на общину, какъ на препятствіе ко всякимъ сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ. Центръ тяжести аграрной политики лежитъ нынѣ не въ упраздненіи тѣхъ или иныхъ формъ землевладѣнія, а въ содѣйствіи агрикультурному прогрессу одинаково на протяженіи личной и общинной собственности.

И мнѣ пришлось переломить копье съ представителемъ Царства Польскаго, доказывая, что его точка зрѣнія на мірское

пользованіе, какъ на источникъ всѣхъ нестроеній, существующихъ въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, ближе стоитъ къ воззрѣніямъ физіократовъ XVIII-го столѣтія, чѣмъ къ современной экономической доктринѣ. „Когда имѣешь дѣло съ такими сложными явленіями, каковы общественныя,—сказалъ я,—нельзя изъ причинъ, вызывающихъ общій результатъ, вынимать одну и говорить: вотъ причина причинъ; упраздните передѣлы—и Россія будетъ давать вамъ по меньшей мѣрѣ 80 пудовъ съ десятины. Нѣтъ, я въ эту счастливую Аркадію не вѣрю, и убѣжденъ, что она у насъ быть не можетъ; основываю же я свое мнѣніе на томъ, что такой результатъ получается и отъ наличности знаній, и отъ наличности капитала, и отъ благопріятныхъ климатическихъ условій".

Я поспѣшилъ въ то же время воспользоваться тѣмъ, что сказано было г. Шебеко о вредномъ вліяніи частыхъ передѣловъ, при которыхъ, какъ онъ выразился, всѣ улучшенія при новой разверсткѣ идутъ на пользу не произведшаго ихъ лица, котораго крестьяне зовутъ „дядькой", сопровождая этотъ терминъ неуважительной квалификаціей. „И вотъ, намъ предлагаютъ—сказалъ я—упразднить именно тѣ общины, которыя всего менѣе страдали отъ этой стороны мірскихъ порядковъ, которыя частыхъ передѣловъ не производили, въ которыхъ ихъ въ теченіе 24 лѣтъ вовсе не было. Въ Англіи фермерское хозяйство держится на арендѣ не болѣе продолжительной, и 24-хъ-лѣтній срокъ даетъ возможность вложить необходимый капиталъ въ землю. Внесенный къ намъ законопроектъ требуетъ, однако, упраздненія общины тамъ, гдѣ ея невыгодныя экономическія послѣдствія сказываются всего слабѣе".

Опуская цѣлый рядъ другихъ рѣчей, я остановлюсь еще на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, приведенныхъ княземъ Алексѣемъ Дмитріевичемъ Оболенскимъ. Законодатель, сказалъ онъ, не долженъ стать по отношенію къ мірскимъ порядкамъ въ положеніе лица, отрицающаго или восхваляющаго эту форму народнаго быта; онъ долженъ понять и опредѣлить ея юридическую природу и дать населенію возможность осуществлять свои хозяйственные порядки, пока само населеніе не признаетъ для себя полезнымъ отказаться отъ нихъ.

Крестьянинъ далеко не такъ косно относится къ сельскохозяйственнымъ улучшеніямъ, какъ это думаютъ принципіальные противники мірской собственности. Въ подтвержденіе этой мысли одинъ изъ ораторовъ—г. Ушаковъ—сослался на слѣдующій отзывъ проф. Чупрова. Въ 1908-мъ году, черезъ семь лѣтъ послѣ пер-

выхъ опытовъ, крестьяне въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, въ 138 сельскихъ обществахъ сами перешли къ правильному травосѣянію, а въ 1909-мъ году число обществъ съ такимъ травосѣяніемъ достигло уже цифры 168. Во всей же Московской губерніи уже въ 1905 г. насчитывалось 1.170 селеній съ правильнымъ общиннымъ травосѣяніемъ.

Послѣдними говорили предсѣдатель комиссіи князь Трубецкой и графъ Олсуфьевъ. Гр. Олсуфьевъ рѣшительно высказался противъ производства той хирургической операціи, которую законопроектъ рекомендуетъ совершить надъ общиной. Что касается до князя Трубецкого, то, протестуя противъ тѣхъ, кто, подобно мнѣ, настаиваетъ на нейтральномъ положеніи правительства въ спорѣ о преимуществахъ общиннаго или частнаго владѣнія, онъ доказывалъ необходимость дѣятельнаго вмѣшательства. Изучая исторію нашего земельнаго вопроса,—сказалъ князь Трубецкой—мы приходимъ къ заключенію, что за послѣднія 15—20 лѣтъ отношеніе къ нему не разъ мѣнялось. Въ началѣ 90-хъ годовъ мы увлекались мыслью о благодѣтельности общины и подъ вліяніемъ этого увлеченія послѣдовало почти полное запрещеніе для крестьянъ, уже выкупившихъ свои надѣлы, выдѣляться и выходить къ одному мѣсту. Развѣ въ этомъ не было оказано извѣстнаго насилія и развѣ законодатель не разошелся съ тѣми принципами, которые провозглашены были въ 1861 г.? Вспомнимъ и другую эпоху, сравнительно недавнее время, когда лѣвые, пользуясь смутою, стали проповѣдывать теорію принудительнаго отчужденія частныхъ земель. Развѣ это предложеніе также не требовало насилія и принужденія, ради удовлетворенія государственныхъ потребностей? Такимъ образомъ, насиліе допускалось, когда, по разсчету людей, его предлагавшихъ, обращеніе къ нему представлялось желательнымъ въ интересахъ высшихъ государственныхъ цѣлей. „Отстаивая статью первую, мы показали—сказалъ предсѣдатель комиссіи, — что еслибы въ статьѣ этой даже заключалось примѣненіе извѣстнаго рода насилія, то оно въ данномъ случаѣ допустимо для высшихъ, такъ сказать, цѣлей“. По убѣжденію большинства комиссіи,—сознался ея предсѣдатель,—чѣмъ скорѣе заложенъ будетъ фундаментъ для уничтоженія общины, тѣмъ бо̀льшая польза будетъ принесена государству.

Наша верхняя палата не согласилась, однако, ни съ мнѣніемъ большинства, ни съ мнѣніемъ меньшинства членовъ комиссіи. Ея рѣшеніе явилось компромиссомъ между предложеніями, сдѣланными сторонниками невмѣшательства, и тѣми, ко-

торыя исходили отъ ревнителей „благодѣтельнаго насилія". По вопросу о томъ, слѣдуетъ ли исключить изъ дѣйствія 1-й статьи тѣ общества и селенія, въ которыхъ не было передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ, изъ 177 голосовавшихъ 103 высказались за исключеніе, а затѣмъ большинствомъ всего двухъ голосовъ принято было, что общества и селенія, въ которыхъ со времени надѣленія ихъ землею вовсе не было передѣловъ, считаются перешедшими къ наслѣдственно-участковому владѣнію.

По разсчету, приведенному докладчикомъ комиссіи Красовскимъ, 33% всѣхъ общинъ Россіи не производили коренныхъ передѣловъ и, слѣдовательно, ихъ населеніе переведено будетъ въ категорію наслѣдственно-участковыхъ пользователей. Такихъ общинъ, въ которыхъ передѣловъ не было за послѣдніе 24 года и которыя, слѣдовательно, въ силу принятаго Совѣтомъ постановленія, въ правѣ сохранить у себя мірскую разверстку полей, всего 3%. Но въ какой мѣрѣ эти цифры являются прочно установленными—это еще вопросъ. Такимъ же вопросомъ остается, что̀ считать кореннымъ передѣломъ? Крестьяне рѣдко когда распространяютъ производимую ими разверстку на всѣ земли общины: сѣнокосы передѣляются ими обыкновенно изъ года въ годъ, а участки подъ хлѣбопашествомъ въ силу закона—не меньше, какъ на 12 лѣтъ; но при этомъ не всѣ „коны" подвергаются одновременно этой операціи, а только тѣ, въ которыхъ „равненіе" признано желательнымъ или необходимымъ. Нѣтъ, поэтому, сомнѣнія въ томъ, что будущимъ землеустроителямъ придется немало встрѣтить терній на своемъ пути, а крестьянамъ—часто разойтись съ ними въ рѣшеніи фактическаго вопроса, были или не были передѣлы. Такія послѣдствія неизбѣжны, когда, при искусственномъ упраздненіи какого-нибудь института, законодатель связываетъ его судьбу съ наличностью или отсутствіемъ одного какого-либо его признака, и притомъ не наиболѣе существеннаго. Такъ и въ данномъ случаѣ. Природу общиннаго владѣнія составляетъ стремленіе уравнять качественно и количественно выгоды, получаемыя каждымъ отъ коллективнаго пользованія землей. Это достигается столько же частными передѣлами, „скидкой и навалкой тяглъ", сколько и болѣе или менѣе общей разверсткой. Но законодатель сосредоточиваетъ свое вниманіе только на послѣдней и не считается съ первыми. Можно ли при такихъ условіяхъ разсчитывать на безспорный переходъ намѣченныхъ къ упраздненію „міровъ" отъ нераздѣльности къ частной собственности?

Рѣшеніе Государственнаго Совѣта, какъ мы сказали, состоя-

лось большинствомъ двухъ голосовъ. Тѣ же два лишнихъ голоса имѣли противники общины и въ Государственной Думѣ. Сказать, что при такихъ условіяхъ новый законъ въ данномъ вопросѣ является выразителемъ общей воли—было бы, разумѣется, гиперболой. По собраннымъ справкамъ оказывается, что противникамъ закона въ Государственномъ Совѣтѣ не хватило нужнаго числа голосовъ только потому, что одинъ изъ членовъ Совѣта уѣхалъ на французскую Ривьеру, а другой—заболѣлъ гриппомъ. Относитесь послѣ этого отрицательно къ роли случая въ исторіи и смѣйтесь надъ тѣми, кто утверждаетъ, что судьбы міра были бы иными, еслибы у Клеопатры не было столь прямого носа!

Какъ отнесется населеніе къ измѣненію его судебъ только потому, что у одного не хватило терпѣнія досидѣть до конца сессіи, а у другого—рѣшимости рискнуть простудой, я сказать не берусь; но изъ моего знакомства съ исторіей великихъ реформъ я могу только вывести заключеніе, что грандіозные перевороты обыкновенно отвѣчали болѣе рѣшительному теченію общественнаго мнѣнія, чѣмъ то, какое сказывается большинствомъ двухъ голосовъ въ каждой изъ законодательныхъ палатъ. Не въ такихъ условіяхъ происходила замѣна, въ частности, коллективныхъ формъ пользованія индивидуальными, хотя бы и въ странѣ, объятой революціей, какъ Франція 1793-го года, когда конвентомъ былъ принятъ законъ о раздѣлѣ мірскихъ земель. За насиліе стояло въ этомъ случаѣ громадное большинство, тогда какъ у насъ перевѣсъ въ его пользу былъ данъ только голосами тѣхъ членовъ объединеннаго правительства, которые принадлежатъ къ числу государственныхъ совѣтниковъ. Профессоръ Герье едва ли оговорился, сказавши въ недавней статьѣ, помѣщенной въ „Новомъ Времени", что въ Россіи законодательная власть принадлежитъ и министрамъ. Это, разумѣется, не согласно съ буквой закона, но на практикѣ они показали свою власть и изданіемъ указа 9 ноября, и тѣмъ перевѣсомъ, какой подача ими голосовъ дала людямъ, желающимъ упраздненія мірскихъ передѣловъ. Не подтверждается ли этимъ сказанное графомъ Витте, что весь походъ противъ крестьянскихъ порядковъ землепользованія затѣянъ и проведенъ „канцеляріей", и что эта „канцелярія" не потеряла своей силы и съ момента установленія у насъ такъ называемаго обновленнаго строя?

Максимъ Ковалевскій.

ИЗРАИЛЬ и ВАВИЛОНЪ

(Окончаніе.)

III *).

Если бы вопросъ о взаимоотношеніи вавилонской и библейской культуры съ самаго начала былъ поставленъ лишь на почву литературной зависимости, онъ не пріобрѣлъ бы такой остроты и не вышелъ бы изъ области спокойныхъ сопоставленій и разсужденій. Въ сущности говоря, въ такой его постановкѣ не было бы даже и ничего особенно новаго. Еще задолго до доклада Делича, въ началѣ 70-хъ годовъ, Эбергардъ Шрадеръ обратилъ вниманіе на только-что опубликованные тогда первые документы клинообразной письменности и призналъ важное ихъ значеніе для изслѣдованія библейской литературы. Онъ выпустилъ книгу „Die Keilinschriften und das Alte Testament", гдѣ собралъ всѣ тѣ библейскія мѣста, къ которымъ можно было найти клинообразныя параллели, и использовалъ послѣднія въ качествѣ комментарія. При этомъ онъ не ограничился исключительно миѳологическимъ матеріаломъ, но привлекъ и лѣтописи вавилонскихъ и ассирійскихъ царей, для повѣрки историческихъ данныхъ книгъ Самуила и Царей. Но книга Шрадера была совершенно недоступна для широкой публики и очень трудна даже для представителей ученаго міра; она не произвела особаго впечатлѣнія и осталась спеціальнымъ справочнымъ пособіемъ. Главнымъ и неоспоримымъ результатомъ работы

*) См. май, стр. 157.

Шрадера было признаніе первостепенной важности *историческихъ* клинообразныхъ документовъ для повѣрки хронологіи и событій внѣшней еврейской исторіи. Со времени выхода книги Шрадера уже ни одинъ ветхозавѣтникъ не могъ обойти этого новаго разряда источниковъ. Даже больше того: только теперь удалось установить точную хронологію царскаго періода, такъ какъ хронологія библіи, которою до тѣхъ поръ волей-неволей приходилось руководиться, была совершенно искусственной. Въ библіи исторія Израиля распадается хронологически на три совершенно равныхъ періода, каждый изъ которыхъ заключаетъ въ себѣ 480 лѣтъ: 480 лѣтъ прошло отъ Авраама до исхода изъ Египта, столько же отъ исхода изъ Египта до постройки іерусалимскаго храма, и столько же отъ построенія храма до разрушенія Іерусалима. При распредѣленіи этихъ трехъ періодовъ между отдѣльными слагаемыми пришлось прибѣгнуть къ еще болѣе насильственнымъ пріемамъ, раздѣляя каждый періодъ на 12 поколѣній, по 40 лѣтъ въ каждомъ, къ которымъ пригонялись годы управленія судей и царей. Этой хронологіи можно было теперь отвести надлежащее мѣсто на страницахъ исторіи іудейской традиціи, а для научнаго употребленія привлечь точный матеріалъ клинообразныхъ надписей: списки ассирійскихъ и вавилонскихъ царей и записи ихъ военныхъ предпріятій.

Таковы были результаты работы Шрадера; но онъ не былъ единственнымъ ученымъ, обратившимъ вниманіе на вавилонскій матеріалъ еще ранѣе доклада Делича. За семь лѣтъ до доклада Делича другой ветхозавѣтникъ, Германъ Гункель, выпустилъ классическое изслѣдованіе: „Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit", которое уже заключало въ себѣ, въ сущности, проблему о Babel и Bibel и рѣшало ее извѣстнымъ образомъ, при чемъ для самого автора предметъ его изслѣдованія еще казался частнымъ, хотя и очень важнымъ вопросомъ. Мы видѣли связь между эпосомъ „Enuma elisch" и разсказомъ о твореніи, содержащимся въ I главѣ книги Бытія. Гункель, путемъ детальнаго и чрезвычайно изящнаго по методу изслѣдованія, пришелъ къ заключенію, что не только I гл. книги Бытія происходитъ отъ эпоса „Enuma elisch", но вліяніе того же миѳа можно прослѣдить на протяженіи всего ветхаго завѣта: Ягве на мѣстѣ Мардука, и Драконъ, или Левіаѳанъ, или Бегемотъ, или первичная морская бездна на мѣстѣ Тіаматъ, фигурируютъ въ качествѣ исконныхъ враговъ, между которыми идетъ постоянная борьба, въ цѣломъ рядѣ книгъ ветхаго завѣта, особенно въ книгѣ Іова и въ псалмахъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, вліяніе этого миѳа нельзя

считать чисто литературнымъ; онъ опредѣлилъ собою, по крайней мѣрѣ для позднѣйшаго іудейства эпохи послѣ плѣна, религіозную концепцію исторіи міра и Израиля. Борьба между Ягве и побѣжденнымъ, но не уничтоженнымъ древнимъ чудовищемъ выражается и въ жизни природы, и въ ходѣ исторіи. Въ природѣ это борьба между зимою—и лѣтомъ, между проливными зимними дождями и снѣгомъ—и солнцемъ; она повторяется періодически, каждую весну свѣтлый богъ побѣждаетъ, но чудовище все еще не побѣждено. Въ исторіи эта борьба выражается борьбою враждебныхъ Израилю царствъ и ихъ боговъ съ Израилемъ и Ягве; въ особенности часто въ роли древняго чудовища выступаетъ Египетъ. Борьбѣ долженъ когда-нибудь придти конецъ: онъ наступитъ въ послѣднія времена, когда произойдетъ послѣдній рѣшительный бой между Ягве и дракономъ, древній змій будетъ побѣжденъ и уничтоженъ окончательно, и на мѣстѣ настоящаго міра, несовершеннаго и исполненнаго борьбою противорѣчій, будетъ созданъ новый міръ, совершенный и гармоничный, въ которомъ будетъ царствовать Ягве, безъ всякой помѣхи, со своимъ избраннымъ народомъ. Идея о послѣднемъ боѣ и новомъ твореніи, о повтореніи въ концѣ того, что было въ началѣ—любимая идея іудейской апокалиптики; самая картина послѣднихъ событій строится опять-таки подъ вліяніемъ эпоса „Enuma elisch“. Наиболѣе чистое воспроизведеніе вавилонскаго миѳа для изображенія послѣднихъ дней Гункель нашелъ въ загадочной до тѣхъ поръ XII-й гл. Апокалипсиса Іоанна и въ примыкающихъ къ ней частяхъ. Такимъ образомъ, вавилонское вліяніе оказалось проникшимъ и въ христіанскую литературу. То обстоятельство, что оно проникло въ послѣднюю не непосредственно, но путемъ долгаго историческаго процесса, чрезъ усвоившую себѣ указанное миѳологическое представленіе іудейскую среду, доказываетъ только жизненность и прочность этого представленія: оно вошло въ плоть и кровь іудейства, которое передало его по наслѣдству христіанству. Правда, Гункель лично какъ будто пугается такого вывода; признавая, что Израиль во всѣ эпохи стоялъ подъ вавилонскимъ вліяніемъ, онъ старается ограничить и оговорить это вліяніе, поскольку оно касается разбираемаго имъ миѳа. Миѳъ былъ заимствованъ еще хананейскимъ, доизраильскимъ населеніемъ Ханаана; отъ него онъ перешелъ къ евреямъ, но до плѣна не имѣлъ *религіознаго* значенія: онъ давалъ евреямъ лишь своего рода *знаніе* о началѣ и строеніи міра, т.-е. то, что Исаія называетъ вавилонскою „мудростью“; существа религіи онъ не касался. Но даже и въ этомъ значеніи миѳъ все-таки подвергся

переработкѣ въ духѣ израильскихъ религіозныхъ идей, и только благодаря этому пріобрѣлъ значеніе и для насъ. Послѣ плѣна, въ которомъ іудеи непосредственно познакомились съ вавилонскою мудростью, миѳъ пріобрѣлъ новую жизненность и болѣе широкое распространеніе, но не по существу; по существу іудейская религія не испытала на себѣ никакого вавилонскаго вліянія. Миѳъ далъ іудейству лишь тѣ фантастическіе образы, которые оно стало примѣнять для изображенія идеальнаго будущаго. Такой выводъ противорѣчитъ цѣлому ряду противоположныхъ заключеній Гункеля, разсыпанныхъ въ различныхъ мѣстахъ его книги; но авторъ не замѣчаетъ этого противорѣчія. Оно ему нужно, такъ какъ давало ему возможность всетаки остаться на почвѣ религіозно-исторической школы и примиряло съ его книгой его болѣе консервативныхъ коллегъ. А для широкой публики книга оказалась также мало доступной, и этотъ второй предшественникъ Делича, подобно первому, не надѣлалъ шуму.

Въ 1903-мъ году выступилъ со своимъ знаменитымъ докладомъ Фридрихъ Деличъ. Это выступленіе собственно и было сигналомъ къ бою. Два условія существеннымъ образомъ отличали его выступленіе отъ выступленій Шрадера и Гункеля. Во-первыхъ, это былъ ассиріологъ, а не ветхозавѣтникъ; это былъ первый незваный гость, осмѣлившійся проникнуть въ заповѣдную область, вооруженный всѣми доспѣхами юной ассиріологіи. Въ глазахъ публики такое выступленіе значило болѣе, чѣмъ десятки добросовѣстныхъ изслѣдованій ветхозавѣтниковъ: говоритъ не „стражъ, охраняющій входы“, но своего рода Анатэма, говоритъ лицо, не заинтересованное въ тайнахъ той области, которой оно касается, а напротивъ, заинтересованное въ ихъ раскрытіи. Другое основное отличіе выступленія Делича заключалось въ его формѣ. Это не была толстая книга, тяжеловѣсная и дорогая, которую книгопродавцы даже и не предлагаютъ широкой публикѣ; это былъ устный докладъ, въ самой популярной формѣ, изданный затѣмъ въ видѣ отдѣльной брошюры съ множествомъ рисунковъ. Широкая публика не любитъ кропотливыхъ изслѣдованій, а требуетъ лишь популяризаціи результатовъ; но такъ какъ результатовъ еще почти не было, ибо хронологія публику интересовать не могла, а Гункель остановился на полдорогѣ, то Деличъ, не останавливаясь на детальныхъ изслѣдованіяхъ фактовъ, но не имѣя и готовыхъ результатовъ, сдѣлалъ рядъ отрывочныхъ наблюденій и сопоставленій, связанныхъ воедино лишь общей идеей доклада. Эта общая идея и была тою искрой, отъ которой загорѣлся пожаръ. Каждое отдѣльное сопоставленіе и наблюденіе

Делича можно было оспорить или доказать, оставаясь на спокойной дѣловой почвѣ; но общій выводъ, сдѣланный Деличемъ, переворачивалъ вверхъ дномъ всѣ установившіяся тогда понятія о библейской исторіи и культурѣ.

Религіозно-историческая школа говорила, что въ религіи и литературѣ Израиля все самобытно, все оригинально. Ничего подобнаго, отвѣчаетъ Деличъ: все то, что вы находите у Израиля, было и у Вавилона, только въ гораздо лучшемъ видѣ. Литература—была, и библейская литература—только жалкій съ нея сколокъ, котораго нельзя и понять, не зная клинообразныхъ документовъ. Религія—была, и очень хорошая религія; даже еврейскія имена божества—Ягве и 'El—суть названія вавилонскихъ божествъ, а монотеизмъ Ягве имѣлъ предшественника въ видѣ монотеистическихъ стремленій въ пользу вавилонскаго Мардука. Кромѣ того, евреи—узкіе національные монотеисты, истреблявшіе за безбожіе другіе народы, чего вавилоняне никогда не дѣлали. Понятіе о нравственности—у вавилонянъ куда лучше, чѣмъ у евреевъ. Вавилонскіе псалмы знаютъ понятіе грѣха. Положеніе женщины въ Вавилонѣ лучше чѣмъ у евреевъ, вавилонскіе законы—человѣчнѣе: Хаммураби почти искоренилъ кровную месть, а десять заповѣдей до сихъ поръ говорятъ: „не убій". И нравы вавилонскіе были мягче: пророки постоянно обличаютъ еврейскихъ царей въ насиліяхъ и несправедливостяхъ, а Хаммураби построилъ свое царство на справедливости, отчего оно и держалось два тысячелѣтія. Мало этихъ общихъ наблюденій—вотъ и детали: субботу знали и вавилоняне; херувимы, серафимы и прочія небесныя существа—вавилонскаго происхожденія; еврейскіе псалмы составлены по образцу вавилонскихъ; вавилоняне, какъ и евреи, имѣли обрядовое жертвенное законодательство. Словомъ, все, что было у Израиля, было и у вавилонянъ; еврейская культура—жалкая копія вавилонской.

Впечатлѣніе, произведенное докладомъ Делича, было огромное. Богословы были поражены въ самое чувствительное мѣсто; наиболѣе благонамѣренные изъ нихъ моментально завопили: „религія въ опасности", стали обвинять Делича въ подтасовкѣ фактовъ, дѣлали многозначительныя сопоставленія: „Babel, Bibel und... Bebel". Другіе выступили съ болѣе или менѣе детальными возраженіями Деличу, защищая неприкосновенность старыхъ позицій. Но никто не замѣтилъ одной черты, которая окрашивала собою всю точку зрѣнія Делича и объясняла весь его задоръ. Выступленіе Делича было (да проститъ мнѣ читатель такое сравненіе) похоже на дѣтское упоеніе новой игрушкой. Библія казалась

старинной, давно надоѣвшей игрушкой въ рукахъ богослововъ— и вдругъ Деличъ, какъ ребенокъ, получившій новую игрушку, дразнитъ своихъ товарищей: „а моя-то лучше!“ И стремясь доказать, что „его игрушка лучше“, Деличъ, незамѣтно для себя, ломится въ открытую дверь и дѣлаетъ такія заявленія, которыя странно слышать изъ устъ не только ученаго, но просто образованнаго человѣка. По его мнѣнію, Вавилону вовсе не чужды были понятія монотеизма, права, нравственности, закона, обрядности, грѣха и т. д..; все это было не только у Израиля, но и у Вавилона, да еще въ лучшемъ видѣ; слѣдовательно, Израиль—копія, Вавилонъ—оригиналъ. На самомъ дѣлѣ всякому народу свойственны такія же понятія монотеизма, нравственности, грѣха, права; эти понятія вовсе не должны появляться путемъ заимствованія; они рождаются сами собою въ извѣстные моменты, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій. Мы можемъ въ исторіи всякой религіи найти моментъ, когда въ ней появляются монотеистическія стремленія; въ исторіи всякаго народа бываютъ моменты, когда особенно остро ставятся проблемы о нравственности и грѣхѣ, когда образуются мистическіе культы искупленія; наконецъ, каждый народъ создаетъ свое право, и всякое государство, если не погибнетъ раньше времени, становится правовымъ. Только вполнѣ понятное увлеченіе ассиріолога, упоеннаго необыкновеннымъ интересомъ вновь открытыхъ памятниковъ, заставило Делича забыть объ этой простой истинѣ и стать до извѣстной степени въ положеніе не ученаго, а спорщика-ребенка. Фальшивость его позиціи ясна уже изъ того, что онъ признаетъ за противниками право оспорить его и доказать, что ихъ дѣтище лучше, т.-е. перенести споръ изъ области научныхъ доказательствъ въ область субъективныхъ сужденій о сравнительномъ внутреннемъ достоинствѣ сравниваемыхъ величинъ. И защита стала, конечно, на эту позицію. Съ ея точки зрѣнія все, что ни взять одинаковаго въ Библіи и въ вавилонской литературѣ, все въ Библіи несравненно лучше. Вавилонское изображеніе сотворенія міра—это „матеріалистическо-политеистическій бредъ сумасшедшаго“ въ сравненіи съ „лучезарной картиной духовно-цѣлостнаго взаимоотношенія Бога и міра“, которое обнаруживается въ библейскомъ разсказѣ. Вавилонскіе разсказы „чище“ еврейскихъ; но развѣ ручей, свободно текущій по лѣсу, можно назвать болѣе чистымъ въ сравненіи съ кристальнымъ источникомъ, очищеннымъ работою духа? А религія? Въ библейской религіи открываются божественные пути, ведущіе къ возвышенной цѣли—къ общенію Бога и людей посредствомъ искупленія великаго рели-

гіозно-нравственнаго грѣха; поэтому израильской литературѣ свойственъ совершенно особенный блескъ, сіяніе восходящей зари господства духа; есть ли что-либо подобное въ Вавилонѣ? А нравственность? Евреи, правда, бывали жестоки, ихъ цари нерѣдко совершали тяжкіе грѣхи—но они каялись, ихъ идеаломъ было смиреніе передъ божествомъ и чувство собственнаго ничтожества. А вавилонскіе цари въ своихъ надписяхъ кичатся своими жестокостями, опустошеніемъ и раззореніемъ, которое они приносили съ собою во время своихъ завоеваній. И боговъ своихъ они представляли себѣ въ человѣческомъ видѣ: ихъ боги подвержены человѣческимъ страстямъ, позволяютъ себѣ любовныя похожденія, пьютъ вино, вообще подобны „безнравственнымъ людямъ". Открытія на Евфратѣ, поэтому, должны радовать не ассиріологовъ, а богослововъ; они воочію доказали, что въ Вавилонѣ лишь человѣчество стремилось къ небу, въ то время, какъ въ Библіи само небо спускается на землю, въ бѣдную человѣческую жизнь. Наиболѣе крайніе богословы шли еще дальше. Они прямо заявляли, что въ религіи Израиля заключается божественное откровеніе, а потому они не считаютъ возможнымъ для себя, какъ христіанъ, даже ставить вопросъ, нѣтъ ли слѣдовъ вавилонскаго вліянія въ религіи Израиля. Если отъ такихъ ортодоксовъ и нельзя было ожидать иного отношенія, то всетаки надо признать, что Деличъ самъ далъ имъ пищу своимъ заявленіемъ: „Вавилонъ лучше Израиля".

Далеко не всѣ богословы могли, однако, оставаться на такой упрощенной позиціи. Какъ мы уже видѣли, еще ранѣе Делича признавалось важное значеніе клинообразныхъ памятниковъ для пониманія Библіи. Докладъ Делича, помимо его увлеченій, содержалъ цѣлый рядъ правильныхъ наблюденій, подтверждавшихъ необходимость и неизбѣжность сравнительнаго изслѣдованія въ области израильской и вавилонской литературы и культуры. Любопытнѣе всего было, какъ отнесутся къ новому освѣщенію вопроса такіе ветхозавѣтники, какъ Гункель, который, мы знаемъ, еще раньше Делича поднялъ и широко поставилъ вопросъ относительно вавилонскаго вліянія въ Библіи. Выпущенная Гункелемъ по поводу доклада Делича брошюра: „Israel und Babylonien" оказалась крайне любопытной, но не столько своей аргументаціей противъ поспѣшныхъ обобщеній и выводовъ Делича, сколько своей общей точкой зрѣнія. Даже и этотъ богословъ не съумѣлъ подняться на высоту чисто объективнаго отношенія къ вопросу. Отъ него досталось и публикѣ, которая, даже въ лицѣ своихъ наиболѣе образованныхъ представителей,

проявляетъ удивительное невѣжество по части *науки* о религіи, какъ истый дилеттантъ въ этомъ вопросѣ; досталось и Деличу за то, что тотъ поощрилъ это невѣжество публики, ни словомъ не обмолвившись о томъ, что весь привлеченный имъ матеріалъ— совсѣмъ не новый, а составляетъ достояніе цѣлаго поколѣнія изслѣдователей; досталось, наконецъ, и оффиціальнымъ представителямъ церковныхъ круговъ за то, что они не слѣдятъ за прогрессомъ науки и не смогли съ оружіемъ въ рукахъ отразить нападеніе нежданнаго врага; косвеннымъ образомъ досталось и императору, который своимъ извѣстнымъ письмомъ лишній разъ возбудилъ вниманіе къ докладу. Но, скрѣпя сердце, Гункель принужденъ былъ отъ этихъ гнѣвныхъ упрековъ перейти къ оцѣнкѣ доклада Делича по существу. И тутъ Гункель сдѣлалъ цѣлый рядъ любопытныхъ признаній. Онъ не возражалъ противъ того, что вавилонская культура представляетъ изъ себя древнее и величавое явленіе; онъ безусловно допускалъ ея огромное вліяніе на израильскую культуру; но онъ особенно выдѣлилъ основной вопросъ, который въ глазахъ его, какъ богослова, имѣлъ рѣшающее значеніе: какое вліяніе вавилонскій міръ имѣлъ на израильскую религію? Въ качествѣ ветхозавѣтника онъ придаетъ своимъ дальнѣйшимъ соображеніямъ силу авторитета, присущаго лишь спеціалисту (Fachmann). Онъ признаетъ, что историкъ имѣетъ право и даже обязанъ поставить вопросъ о вавилонскомъ вліяніи въ израильской религіи; но богословъ, христіанинъ, вѣрящій въ божественное откровеніе въ религіи Израиля, можетъ ли принимать участіе въ такомъ дѣлѣ? Не падетъ ли вѣра въ божественное откровеніе, если мы найдемъ въ израильской религіи вавилонскіе элементы? Гункель не хочетъ послѣдовать примѣру ортодоксальныхъ противниковъ Делича; это было бы равносильно отреченію отъ его „Schöpfung und Chaos“. Вѣра, говоритъ онъ, должна быть доблестна и неустрашима; она не должна бояться научнаго изслѣдованія. Если мы дѣйствительно вѣримъ въ Бога, открывающагося въ исторіи, то мы не можемъ предписывать ему, какъ должны идти событія: мы должны „смиренно цѣловать слѣды его ногъ и преклоняться передъ его дѣйствованіемъ въ исторіи“. И если мы найдемъ въ религіи Израиля вавилонскіе элементы, то „наша вѣра должна радоваться, что мы видимъ дѣло божіе тамъ, гдѣ раньше его не подозрѣвали“. Благочестивый исходъ былъ, такимъ образомъ, найденъ, безъ всякаго ущерба для божественнаго характера израильской религіи. Если прежде богословы, находя у Бероза вавилонскіе миѳы, считали ихъ, не мудрствуя лукаво, плагіатомъ изъ Библіи, то те-

перь, когда было доказано обратное, спасеніе нашлось въ болѣе мудрствующемъ соображеніи: все заимствованное именно потому и было заимствовано, что оно составляло богооткровенный матеріалъ въ религіи и культурѣ вавилонянъ! Успокоивъ, такимъ образомъ, богословскую совѣсть, Гункель перешелъ къ детальному разбору положеній Делича. Онъ призналъ ихъ правильность, за исключеніемъ гипотезъ о вавилонскомъ происхожденіи легенды о раѣ, грѣхопаденіи и субботѣ и о вавилонскомъ монотеизмѣ; но онъ въ то же время показалъ, что библейскія рецензіи вавилонскихъ миѳовъ были не простыми копіями, а переработками съ новой, самостоятельной точки зрѣнія. Въ заключеніе, Гункель не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сравнить общій характеръ израильской и вавилонской религій и пришелъ, конечно, къ заключенію, что израильская религія—это „подлинное чудо божіе среди религій древняго востока"; „Израиль былъ и остается народомъ откровенія". Такія „профессіональныя" заявленія уменьшали достоинство возраженій Гункеля Деличу по существу; эти возраженія были совершенно правильны, но каждый читатель былъ въ правѣ заподозрить ихъ, прочитавъ тѣ введенія и заключенія къ нимъ, которыя мы здѣсь изложили. Если мы прибавимъ, что брошюра Гункеля была однимъ изъ счастливыхъ исключеній въ массѣ апологетической брошюрной литературы, вызванной докладомъ Делича, то читателю будетъ ясно, что вопросъ огромной научной важности грозилъ потонуть въ морѣ рѣзкихъ, проникнутыхъ конфессіональною нетерпимостью словопреній. Полемика о Babel и Bibel не только не сдѣлала болѣе яснымъ представленіе о израильской исторіи, культурѣ и религіи, но еще болѣе затемнила его; тайна осталась тайной, еще болѣе загадочной.

IV.

Одновременно съ выходомъ въ свѣтъ книги Гункеля „Schöpfung und Chaos", вопросъ о вавилонскомъ вліяніи въ Библіи сталъ разрабатываться съ совершенно иной стороны, чѣмъ его ставили Деличъ и Гункель. Ко времени доклада Делича это теченіе было уже представлено солидными по объему работами, и къ нему примкнулъ такой видный оріенталистъ-ассиріологъ, какъ Гуго Винклеръ. Странно, что Деличъ не упомянулъ объ этомъ теченіи въ своемъ докладѣ; но споръ, виновникомъ котораго явился Деличъ, далъ возможность сторонни-

камъ новаго направленія выступить передъ широкой публикой. Винклеръ и его послѣдователи обратили на себя самое усиленное вниманіе; они открыли такіе новые и необыкновенные горизонты, такъ увлекли своей горячностью и убѣжденностью, что впечатлѣніе отъ выступленія Делича скоро поблѣднѣло, а самое выступленіе его стало казаться чѣмъ-то почти дѣтски-наивнымъ. Впечатлѣніе отъ выступленія *панвавилонистовъ*, какъ окрестили Винклера и его послѣдователей, было тѣмъ сильнѣе, что они объявили всѣ загадки и тайны, не только библейскія, но и другихъ античныхъ культуръ, окончательно раскрытыми при помощи единаго всеразрѣшающаго ключа: астральной вавилонской религіи.

Гункель и Деличъ оперировали почти исключительно миѳологическимъ и ритуальнымъ матеріаломъ. Ни тотъ, ни другой не пытались обнять вавилонскую культуру и религію въ цѣломъ, хорошо сознавая, что для этого еще не пришло время, пока каждый день приноситъ все новые и новые документы, а старые еще недостаточно разработаны. Пока можно было исходить изъ отдѣльныхъ изслѣдованныхъ пунктовъ; сравнимыя величины сравнивались—и дѣло на этомъ кончалось. И дѣйствительно, можно ли было говорить о вавилонской культурѣ и религіи въ цѣломъ, когда болѣе или менѣе была установлена лишь политическая исторія Вавилона, а во всемъ, что касалось остальныхъ областей его исторіи, были лишь разрозненные факты и шли лингвистическіе споры? Однако, Штукенъ, а вслѣдъ за нимъ Винклеръ, котораго надо считать подлиннымъ основателемъ панвавилонизма, нашли возможнымъ исходить не изъ отдѣльныхъ фактовъ, а изъ общей концепціи, опираясь на одну спеціальную область вавилонской культуры, за которой они признали общее значеніе.

Среди множества клинообразныхъ документовъ глиняныхъ архивовъ оказалось очень много документовъ астрологическаго и астрономическаго содержанія. Они возбудили большое любопытство ассиріологовъ и астрономовъ. Неудивительно, что этотъ специфическій матеріалъ подвергся разработкѣ раньше другихъ и съ особеннымъ любопытствомъ. Одни, какъ Опперъ, Сэйсъ и Эппингъ въ сотрудничествѣ со Штрассмайеромъ, разрабатывали чисто астрономическіе вопросы: объ астрономическихъ познаніяхъ вавилонянъ, о ихъ картѣ звѣзднаго неба, объ извѣстныхъ имъ законахъ движенія небесныхъ тѣлъ и, наконецъ, о вавилонскомъ календарѣ, поскольку онъ опредѣлялся астрономически. Эти изслѣдованія дали въ результатѣ картину довольно развитой *астрономической науки*, поскольку она была возможна при отсутствіи точныхъ инструментовъ. Въ связи съ астрономіей на-

ходилась у вавилонянъ и математика, представленная рядомъ документовъ съ математическими формулами. Съ другой стороны подошелъ къ астрономическимъ текстамъ ассиріологъ Іенсенъ. Его интересовала, главнымъ образомъ, *космологія* вавилонянъ, поскольку она была связана съ астрономіей. Исходя изъ ошибочнаго положенія, что всѣ видимыя движенія небесныхъ тѣлъ суть движенія дѣйствительныя, вавилоняне должны были создать совершенно своеобразную космологію, непохожую на нашу, современную. Въ вавилонской космологіи, далѣе, огромную роль должны были играть чисто миѳологическіе элементы, заполнявшіе пробѣлы точныхъ астрономическихъ познаній. Эту-то смѣшанную, странную картину системы міра и попытался возстановить Іенсенъ въ своемъ огромномъ трудѣ: „Die Kosmologie der Babylonier". Онъ далъ въ немъ ту канву, на которой впослѣдствіи панвавилонисты разрисовали такіе причудливые узоры. Надо замѣтить, что Іенсенъ былъ первымъ піонеромъ въ названной области; поэтому его книга представляетъ изъ себя рядъ кропотливыхъ изслѣдованій и тонкихъ лингвистическихъ наблюденій. За весь свой трудъ авторъ въ видѣ награды зачастую получалъ въ результатѣ не твердые выводы, а лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Для послѣдующаго хода нашего изложенія всего важнѣе два положенія труда Іенсена: во-первыхъ, онъ считаетъ космологическую систему вавилонянъ, и въ томъ числѣ отдѣльные миѳы, имѣющіе къ ней отношеніе, продуктомъ долгаго развитія, въ которомъ амальгамировались различныя представленія и образы, накапливавшіеся въ теченіе вѣковъ; во-вторыхъ, онъ вовсе не объявляетъ религію вавилонянъ астральною по существу и даже думаетъ, что чисто астрономическіе элементы, которые можно найти въ нѣкоторыхъ миѳахъ — напр. въ миѳѣ о твореніи, — привнесены туда довольно поздно, рукою какого-либо ученаго, старавшагося примирить натуралистическій по своей основѣ миѳъ о побѣдѣ весенняго солнца надъ чудовищемъ зимней непогоды съ астрономическими данными о положеніи солнца въ моментъ весенняго равноденствія по отношенію къ созвѣздіямъ зодіака. Еще нѣсколько ранѣе Іенсена Раулинсонъ сдѣлалъ попытку истолковать эпосъ о Гильгамешѣ, какъ эпическое изображеніе годового движенія солнца черезъ знаки зодіака. Этимъ почти и исчерпывается тотъ матеріалъ наблюденій, которымъ могли располагать въ концѣ 90-хъ годовъ ассиріологи, объявившіе вавилонскую религію и вавилонскую миѳологію астральными по суще-

ству, а еврейскую миѳологію и религію—лишь трансформаціей вавилонскихъ представленій.

Уже въ работѣ перваго изслѣдователя на новомъ пути, Штукена (Stucken), чувствовалось, что мы имѣемъ дѣло не только съ своеобразной точкой зрѣнія, но и съ своеобразнымъ методомъ. Отправная точка Штукена заключается въ признаніи астральнаго характера различныхъ вавилонскихъ миѳовъ, при чемъ это положеніе считается даннымъ и не подлежащимъ особенному доказательству. Штукена мало смущаетъ то обстоятельство, что, напр., миѳъ объ Этанѣ, по собственному признанію Штукена, дошелъ до насъ въ видѣ фрагментовъ, настолько отрывочныхъ, что даже связь ихъ между собою едва поддается установленію. При такомъ состояніи памятниковъ трудно было бы неоспоримо установить тотъ или другой характеръ миѳа: вѣдь недостаточно, напр., присутствія одного бога солнца, чтобы считать извѣстный миѳъ астральнымъ; надо, чтобы онъ заключалъ въ себѣ миѳологическое изображеніе опредѣленнаго комплекса астральныхъ явленій, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ современной рецензіи эпоса Enuma elisch или, отчасти, въ сказаніи о сошествіи Иштаръ въ адъ. Но согласимся съ тою посылкой, что вавилонскіе миѳы, которые, по мнѣнію Штукена, являются источниками библейскихъ сказаній, носятъ астральный характеръ; надо еще доказать, что библейскіе разсказы дѣйствительно къ нимъ восходятъ. Штукенъ прибѣгаетъ здѣсь къ пріему, который былъ бы вполнѣ на мѣстѣ въ аргументаціи какого-нибудь начетчика, но врядъ-ли допустимъ въ работѣ современнаго ученаго. Вся система его доказательствъ строится на сходствѣ *не сюжетовъ*, но отдѣльныхъ случайныхъ выраженій сравниваемыхъ разсказовъ. Змѣя жалуется богу солнца на орла; тотъ даетъ совѣтъ змѣѣ заползти въ трупъ дикаго осла, и когда слетятся на падаль небесныя птицы, а среди нихъ и орелъ, то напасть на орла. Змѣя послѣдовала совѣту; небесныя птицы слетѣлись на падаль; но орелъ, внимая предостереженіямъ своего птенца, не прилетѣлъ на добычу и спасся отъ змѣи. Этотъ „астральный“ миѳъ, въ дѣйствительности обнаруживающій всѣ характерныя черты анимистическаго эпоса, оказывается источникомъ разсказа книги Бытія (XV, 8—11) объ Авраамѣ. Авраамъ спрашиваетъ у Ягве, какимъ образомъ онъ убѣдится, что ему достанется обѣтованная земля. Ягве, для торжественнаго подтвержденія договора о передачѣ потомству Авраама обѣтованной земли, приказываетъ Аврааму принести ему въ жертву телку, молодую козу, молодого барана и горлицу, что Авраамъ

и исполняетъ. Удивленный читатель спроситъ, гдѣ же тутъ сходство, которое дало бы право считать вавилонскій миѳъ источникомъ еврейскаго. Очень просто; все дѣло въ словахъ: „и налетѣли на жертву хищныя птицы, но Авраамъ отогналъ ихъ". По такому упрощенному методу Штукенъ опредѣляетъ происхожденіе многихъ другихъ разсказовъ кн. Бытія объ Авраамѣ и Лотѣ изъ легенды объ Этанѣ. Рѣже онъ дѣлаетъ отступленія въ пользу иного метода—метода сравненія сюжетовъ, который, однако, также приводитъ къ очень спорнымъ заключеніямъ. Характерный примѣръ—сказаніе о схожденіи Иштаръ въ адъ и разсказъ кн. Бытія о злоключеніяхъ Авраама и Сары у фараона. Свѣтлая богиня красоты и любви снизошла въ преисподнюю, гдѣ подверглась мученіямъ и оскорбленіямъ отъ обитавшихъ тамъ демоновъ, поразившихъ ее шестьюдесятью болѣзнями. Вся природа наверху, на землѣ, была поражена безплодіемъ, люди и боги пришли въ уныніе. Эа создалъ тогда существо мужескаго пола и послалъ его освобождать Иштаръ изъ преисподней. Царь преисподней Эрешкигаль сначала пришелъ въ бѣшенство, но затѣмъ велѣлъ окропить Иштаръ водою жизни и отпустить ее. Конецъ легенды непонятенъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда пробѣловъ въ текстѣ. По видимому, тамъ идетъ рѣчь объ оплакиваніи супруга-брата Иштаръ, Таммуза, бога весенней растительности, ежегодно спускающагося въ преисподнюю; плачъ, какъ будто, смѣняется радостнымъ ликованіемъ по поводу встрѣчи освобожденной Иштаръ со своимъ супругомъ и братомъ Таммузомъ. Этотъ миѳъ въ своей основѣ носитъ чисто натуралистическій характеръ, но съ точки зрѣнія вавилонской системы міра (о ней ниже) онъ допускаетъ и астральное толкованіе: Иштаръ—это не то Венера, не то Сиріусъ, погружающіеся ежедневно въ нѣдра преисподней за видимымъ горизонтомъ. Самое вѣроятное толкованіе миѳа, однако, дается по связи Иштаръ и Таммуза и по аналогіи съ соотвѣтствующими греческими миѳами: Таммузъ, богъ весенняго солнца и весенней растительности, ежегодно зимою попадаетъ во власть темныхъ силъ преисподней, и вѣрная сестра-супруга идетъ его освобождать. Штукенъ, однако, не смущается этими разногласіями по вопросу о смыслѣ миѳа и прямо объявляетъ его астральнымъ, а затѣмъ, выбирая четыре мотива: безплодія, колодца съ водою жизни, возвращенія Иштаръ украшеній, сорванныхъ съ нея бѣсами, и соединенія ея съ братомъ-супругомъ, возводитъ къ данному миѳу нѣсколько разсказовъ кн. Бытія объ Авраамѣ и Исаакѣ, въ которыхъ идетъ рѣчь о томъ, какъ эти два патріарха, боясь пострадать въ качествѣ мужей такихъ красавицъ, какъ Сара

и Ревекка, выдавали своихъ женъ передъ различными чужеземными властителями-сластолюбцами за своихъ сестеръ. Ягве вступался за честь женъ патріарховъ, вмѣсто ихъ трусливыхъ мужей, и поражалъ сластолюбцевъ различными карами, въ одномъ варіантѣ—безплодіемъ женъ и рабынь Авимелеха. Если здѣсь еще и можно найти нѣкоторые слабые отзвуки миѳа объ Иштаръ, то ихъ совсѣмъ нѣтъ въ разсказахъ о колодцахъ, самыхъ обыкновенныхъ колодцахъ, вырытыхъ Авраамомъ и Исаакомъ, или о колодцѣ, около котораго рабъ Авраама сосваталъ Ревекку для Исаака; но для Штукена одно упоминаніе о колодцѣ достаточно для того, чтобы построить генеалогію миѳа и отбросить всякое иное толкованіе [1]). Эти разсказы объ Авраамѣ и Исаакѣ превращаются, такимъ образомъ, въ астральные миѳы: Авраамъ и Исаакъ—это Таммузъ, или, быть можетъ, первоначально Оріонъ; Ревекка и Сара — Иштаръ. Таинственный смыслъ совершенно безхитростныхъ и прозрачныхъ разсказовъ раскрытъ передъ изумленнымъ читателемъ; но снилось ли когда-либо ихъ авторамъ, если даже они и слыхали что-либо о сошествіи Иштаръ въ адъ и объ астральной наукѣ вавилонянъ, что черезъ три тысячелѣтія ихъ превратятъ въ хитроумныхъ астрологовъ-космологовъ, и притомъ еще космополитовъ, а ихъ героевъ—такихъ же мелкихъ людей, какъ и всѣ прочіе,—въ символы небесныхъ свѣтилъ, двигающихся по неизмѣннымъ законамъ? Отдѣльные литературные мотивы могли, конечно, попасть въ библейскіе разсказы изъ вавилонскихъ миѳовъ; но отсюда еще огромное разстояніе до сознательной символизаціи, сознательно затемненной житейскими приключеніями, чуждыми всякой тѣни героическаго.—Астральное толкованіе вавилонскихъ миѳовъ и библейскихъ легендъ о патріархахъ составляло, однако, только одну характерную черту новаго направленія. Штукенъ не остановился на Вавилонѣ и Библіи, но пошелъ дальше. Онъ подвергъ анализу, при помощи того же оригинальнаго метода, цѣлый рядъ египетскихъ, греческихъ, римскихъ и даже славянскихъ миѳовъ (напр. сказаніе о смерти Олега-Оріона!)—и пришелъ къ заключенію, что всѣ они восходятъ къ тѣмъ же вавилонскимъ образцамъ, какъ и легенды о патріархахъ. Всѣ саги восходятъ къ этому единому источнику; въ свою очередь вавилонскія саги всѣ восходятъ къ одной сагѣ—эпосу „Enuma Elisch“ о сотвореніи міра. Получилась своего рода опрокинутая острымъ концомъ внизъ пирамида; но подобно тому,

---

[1]) Дѣло идетъ о священномъ колодцѣ въ Вирсавэ, существовавшемъ въ историческое время; разсказы кн. Бытія—несомнѣнно, этіологическіе миѳы.

какъ никакая реальная пирамида не можетъ стоять въ такомъ положеніи, не имѣя подъ собой никакой опоры, такъ и вся хитроумная теорія Штукена разсыпается при первомъ прикосновеніи къ ней критики. Помимо всей произвольности его сравненій, онъ оперируетъ фактами внѣ времени и пространства: ни хронологія литературной исторіи, ни путь распространенія вавилонскихъ миѳовъ для него не существуютъ; онъ не обращаетъ никакого вниманія на литературно-критическій анализъ произведеній тѣхъ литературъ, которыхъ онъ касается. Это—яркій примѣръ разыгравшейся ученой фантазіи крайне узкаго спеціалиста.

Слабость аргументаціи Штукена чувствовалась его сторонниками, хотя они и умалчивали о слабыхъ сторонахъ его метода. Они провозгласили только правильность и важность сдѣланнаго имъ открытія съ общей точки зрѣнія, но пошли совершенно инымъ путемъ, который, казалось, обезпечивалъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ сопоставленій и выводовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ всей теоріи стройный и законченный видъ. Первая ошибка Штукена заключалась въ томъ, что онъ исходилъ изъ отдѣльныхъ миѳовъ, плохо сохранившихся и спорныхъ съ точки зрѣнія толкованія. Эта ошибка влекла за собой другую: сравненіе спорныхъ величинъ со спорными же величинами, какими являются библейскіе миѳы, дошедшіе до насъ въ различныхъ варіантахъ, мало схожихъ съ предполагаемыми вавилонскими оригиналами. Штукенъ началъ съ отдѣльныхъ явленій, желая придти къ общему результату; не попробовать ли обратное—исходить изъ общаго наблюденія и изъ него объяснить отдѣльныя явленія?

По этому пути и пошелъ извѣстный ассиріологъ Гуго Винклеръ [1]). Огромный ученый, собравшій и издавшій массу памятниковъ, онъ попытался выйти изъ узкой сферы отдѣльныхъ наблюденій и обнять всю массу матеріала, оставшагося отъ ассиро-вавилонской культуры, одной единой концепціей. Болѣе того: эта культура показалась ему столь древней и столь величественной, что онъ, не задумываясь, распространилъ свою концепцію и на древнѣйшія стадіи развитія всѣхъ остальныхъ зем-

---

[1]) Перечисляемъ списокъ важнѣйшихъ трудовъ Винклера, касающихся его теоріи и ея примѣненія къ Библіи: 1) Изслѣдованія: Geschichte Israels, 1896; Keilinschriften und das Alte Testament (въ сотрудничествѣ съ Циммерномъ), 3-е изд. 1903, и цѣлый рядъ статей въ Altorientalische Forschungen и Alttestamentliche Forschungen. 2) Популярныя брошюры: Abraham als Babylonier, Joseph als Aegypter; Himmelsbild und Weltenbild der Babylonier; Der Alte Orient und die Bibel; Altorientalische Geschichtsauffassung; Religionsgeschichtlicher und geschichtlicher Orient.

ныхъ культуръ. Основываясь на астрономическихъ и астрологическихъ документахъ и на попыткахъ астральнаго толкованія миѳовъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что въ древнемъ мірѣ господствовало особое, *древневосточное* міросозерцаніе, совершенно непохожее на наше, мыслившее явленія природы и факты исторической жизни совершенно въ иныхъ категоріяхъ и восходившее въ своей основѣ къ вавилонской астральной религіи. Каково же это міросозерцаніе?

Въ основѣ его лежитъ астральная вавилонская религія, представляющая изъ себя комбинацію астрологическихъ вѣрованій и чисто астрономическихъ положеній. По мнѣнію Винклера, ея основное вѣрованіе заключается въ томъ, что всякое божество есть идеальная *сила*, *духовная* величина, мѣстопребываніе которой находится на небѣ. Эти божественныя силы, находящіяся на небѣ, управляютъ міромъ, и міръ можетъ узнать ихъ волю о настоящемъ и будущемъ, вглядываясь въ божественныя *откровенія*, наблюдаемыя на небѣ. Именно, божества открываютъ свою волю чрезъ посредство небесныхъ свѣтилъ, ихъ движеніями и соотношеніями. Не всѣ свѣтила являются толкователями или переводчиками божественной воли, а только семь великихъ небесныхъ свѣтилъ: солнце, луна и пять извѣстныхъ вавилонянамъ планетъ—Венера (Иштаръ), Меркурій (Набу), Марсъ (Нергаль), Юпитеръ (Мардукъ), Сатурнъ (Нинибъ). Ихъ движенія и соотношенія, въ которыхъ открывается божественная воля, являются опредѣляющими моментами для жизни въ нижнемъ мірѣ, на землѣ. Все происходящее на небѣ получаетъ свое отображеніе на землѣ; небо и земля — двѣ параллели, предметъ и его зеркальное отраженіе. Если земля раздѣляется на три части: сушу, океанъ и воздухъ, то потому, что небо раздѣлено такимъ же образомъ—на schupuk schame, т.-е. небесную плотину или небесную сушу, на которой живутъ и дѣйствуютъ семь великихъ боговъ (нашъ зодіакъ), небесный океанъ и небесное воздушное пространство. Если на землѣ есть Вавилонъ, то такой же Вавилонъ, съ такимъ же храмомъ Мардука, есть и на небѣ. Если, такимъ образомъ, небесная географія параллельна земной, то такъ же параллельны и исторія земли и исторія неба. Тутъ мы подходимъ къ центральному пункту теоріи Винклера.

Исторія неба сводится къ исторіи вѣкового движенія солнца среди небесныхъ свѣтилъ; всѣ прочія явленія, повторяющіяся съ закономѣрной періодичностью, суть только отдѣльныя детали этого великаго процесса, ибо за солнцемъ идутъ всѣ прочія части планетной системы. Вѣковое движеніе солнца связано съ явленіемъ

прецессіи (предваренія равноденствія); вслѣдствіе этого явленія, солнце, находящееся въ настоящее время въ моментъ весенняго равноденствія въ созвѣздіи Рыбъ, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ (VIII в. до Р. Х.) было въ созвѣздіи Овна, еще двѣ тысячи лѣтъ раньше—въ созвѣздіи Тельца, еще двѣ тысячи лѣтъ раньше—въ созвѣздіи Близнецовъ и т. д.; такимъ образомъ, свой вѣковой путь по зодіаку солнце совершаетъ въ 24.000 лѣтъ. Винклеръ предполагаетъ, что это явленіе прецессіи было искони извѣстно вавилонянамъ; оно, по его мнѣнію, опредѣлило исторію вавилонской религіи и мотивы вавилонскихъ и иныхъ миѳовъ. Хронологически вавилонская культура, поскольку она извѣстна намъ по памятникамъ, заходитъ за 3.000 лѣтъ до Р. Х., т. е. въ вѣкъ Близнецовъ. Въ этотъ вѣкъ наиболѣе чтимыми небесными богами были два бога-близнеца: лунный богъ Синъ и солнечный богъ Шамашъ; а такъ какъ по другой схемѣ звѣзда Венера тоже мужескаго пола (греч. Φωσφορος, лат. Lucifer), то могло быть и три близнеца, ибо Венера часто попадается въ древнѣйшихъ текстахъ. Второй вѣкъ, вѣкъ тельца, долженъ былъ бы принадлежать богу солнцу; но такъ какъ въ это время устанавливается политическое господство Вавилона, то въ роли бога солнца выступаетъ вавилонскій богъ и покровитель, Мардукъ, открывающійся въ планетѣ Юпитеръ. Въ вѣкъ овна Вавилонъ теряетъ уже политическую самостоятельность; но такъ какъ его міросозерцаніе было образцомъ, изъ котораго *заимствовали* свое міросозерцаніе всѣ народы древности, не исключая китайцевъ и перуанцевъ, то эта исторія религіи находитъ себѣ продолженіе въ культѣ Юпитера съ бараньими рогами. Кромѣ этой общей вѣковой параллели есть и отдѣльныя параллели. Миѳъ о сотвореніи міра (Enuma elisch)—это миѳологическій пересказъ годового движенія солнца; съ тѣмъ же мотивомъ связаны миѳы о потопѣ и о сошествіи Иштаръ въ адъ. Было бы крайне любопытно изслѣдовать астральное толкованіе различныхъ миѳовъ, предлагаемое Винклеромъ, но это слишкомъ расширило бы рамки настоящей статьи.

Установивъ исходный пунктъ древневосточнаго міровоззрѣнія—вавилонскую астральную религію, Винклеръ дѣлаетъ шагъ дальше: по его мнѣнію, міросозерцаніе всѣхъ древнихъ народовъ *астрально*, ибо въ міросозерцаніи каждаго древняго народа существуютъ астральные мотивы, мѣстами ясные, мѣстами скрытые, лежащіе въ основѣ иныхъ по внѣшности представленій и миѳовъ. Винклеръ не думаетъ, чтобы астральные мотивы могли создаться у каждаго народа самостоятельно; онъ отвергаетъ, почти не удостоивая

возраженій, гипотезу Бастіана о Völkeridee, и приходитъ къ убѣжденію, что эти мотивы могли быть *заимствованы* (entlehnt) изъ вавилонскаго міровоззрѣнія. Чтобы принять такую гипотезу, надо доказать, что вавилонская астральная религія и міровоззрѣніе восходятъ въ глубочайшую древность (uralt), и указать пути, посредствомъ которыхъ заимствованіе было возможно. Этихъ двухъ вопросовъ избѣжать было нельзя; но вмѣсто ихъ изслѣдованія по существу Винклеръ попросту ихъ обходитъ. По первому вопросу одно затрудненіе заключалось въ томъ, что до сихъ поръ не установлено, было ли вавилонянамъ извѣстно дѣленіе зодіака на греческія двѣнадцать созвѣздій; по крайней мѣрѣ еще въ VIII в. до Р. Х. мы не находимъ въ вавилонскихъ астрономическихъ текстахъ никакихъ данныхъ для принятія раздѣленія эклиптики на 12 частей, по 30 градусовъ въ каждой, и изъ двѣнадцати названій созвѣздій зодіака можно съ достовѣрностью найти въ вавилонскихъ текстахъ только четыре или пять. Другое затрудненіе заключалось въ томъ, что вавилонянамъ, судя по ихъ астрономическимъ текстамъ, вовсе не была извѣстна прецессія; она была впервые открыта греческимъ астрономомъ Гиппархомъ (около 130 г. до Р. Х.), оперировавшимъ со всѣмъ тѣмъ запасомъ наблюденій, какой успѣли создать его предшественники. Чтобы еще болѣе уяснить затруднительность принятія исконной древности астральнаго міровоззрѣнія, укажемъ, что вавилонскіе тексты, касающіеся астрономіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, не восходятъ глубже VII в. до Р. Х., а въ массѣ астрологическихъ текстовъ, которые идутъ приблизительно съ 2.000 года до Р. Х., рѣчь идетъ лишь о гаданіяхъ, основывающихся на самыхъ элементарныхъ наблюденіяхъ надъ внѣшнимъ видомъ свѣтилъ (чаще всего—исключительно солнца, луны и Венеры), надъ ихъ относительною высотою надъ горизонтомъ, надъ ихъ видимымъ расположеніемъ по отношенію другъ къ другу, и въ особенности надъ соотношеніемъ небесныхъ и *атмосферическихъ* явленій, какъ вѣтеръ, туманъ и др. [1]). Чтобы обойти эти затрудненія, Винклеръ принимаетъ гипотезу катастрофы старой вавилонской культуры, происшедшей до Хаммураби, вслѣдствіе семитскаго вторженія (за 2.000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х.). „Вавилонія династіи Хаммураби“ — говоритъ онъ — „относится къ древнѣйшей Вавилоніи, какъ наше средневѣковье эпохи расцвѣта къ классической древ-

[1]) Вотъ типичный примѣръ формулы астрологическаго гаданія: „Если при появленіи луны будетъ дуть южный вѣтеръ, то пораженіе Амурру (маленькій народецъ). Если съ лѣвой стороны солнца будетъ свѣтлая полоса, то это—предзнаменованіе, что царь Амурру... будетъ взятъ въ плѣнъ“.

ности". Эта гипотеза совершенно бездоказательна; памятники самаго различнаго характера, въ томъ числѣ и религіознаго, восходящіе отъ 2.000 до 3.000 и болѣе лѣтъ до Р. Х., рисуютъ Вавилонію эпохи до Хаммураби въ видѣ страны съ примитивными условіями соціальнаго и религіознаго быта, въ сравненіи съ которыми условія кодекса Хаммураби представляютъ огромный шагъ впередъ. Въ особенности религія древнѣйшаго періода была чужда всякой отвлеченной концепціи, всякаго систематическаго построенія. Это были культы мѣстныхъ божествъ, почитавшихся только въ своей округѣ и ясно сохранявшихъ слѣды своего чисто анимистическаго происхожденія; древнѣйшая попытка систематизаціи знаетъ только тріаду Ану — бога воздушной сферы, Бэла — бога земли, и Эа — бога водныхъ пучинъ, тріаду чисто натуралистическаго характера, передъ которой боги луны и солнца отступаютъ еще на второй планъ. Что касается до вопроса о томъ, какими путями астральное вавилонское міровоззрѣніе дошло до всѣхъ народовъ, даже до жителей восточной Азіи, Америки и Австраліи, то тутъ Винклеръ не выставляетъ никакой гипотезы, ограничиваясь заявленіемъ, что какъ исламистское міросозерцаніе въ средніе вѣка распространилось отъ Тихаго до Атлантическаго океана, такъ и древнѣйшее (вавилонское) распространилось почти по всему земному шару въ доисторическое время, неизвѣстными намъ путями. Мы имѣемъ тутъ, слѣдовательно, уже не гипотезу, а догматъ, въ который надо вѣрить, отбросивъ всякія иныя объясненія сходства нѣкоторыхъ мотивовъ въ вѣрованіяхъ и миѳологіи всѣхъ древнихъ народовъ.

Астральное міросозерцаніе, по Винклеру, проникло собою и древнюю концепцію исторіи. Историки, писавшіе о прошломъ своихъ народовъ, прилагали астральный методъ къ тѣмъ періодамъ, относительно которыхъ у нихъ не было документальныхъ свѣдѣній. Какъ мы реконструируемъ древность при помощи нѣкоторыхъ опредѣленныхъ пріемовъ, напр. ретроспективнаго метода, отправляющагося отъ современныхъ явленій и пережитковъ, при помощи эволюціоннаго метода, и т. д., такъ древніе писатели реконструировали древность при помощи астральнаго метода. Этотъ методъ давалъ возможность построить исторію въ видѣ связнаго процесса, проникнутаго опредѣленной идеей. Кромѣ того, то же самое астральное міровоззрѣніе опредѣлило и характеръ легендъ, привязывавшихся къ опредѣленнымъ историческимъ лицамъ. Миѳъ о томъ или другомъ астральномъ божествѣ долженъ былъ, по параллели небо-земля, повториться и на землѣ,

въ приключеніяхъ того или иного историческаго лица. Для толкованія исторической легенды всѣхъ народовъ древности Винклеръ признаетъ, такимъ образомъ, только одинъ методъ — астральный. Этотъ методъ онъ прежде всего и почти исключительно примѣняетъ къ ветхозавѣтной традиціи.

Библія для Винклера не есть произведеніе народа, упавшаго на землю откуда-то съ другой планеты; ее надо понимать и толковать, исходя изъ духа той культуры, среди которой она возникла. Это могутъ сдѣлать только тѣ, кто знаетъ источники этой культуры; они-то и будутъ здѣсь спеціалистами (Fachleute), а не богословы. Дѣло богослововъ кончено, они сдѣлали все что могли, и слѣдовать теперь ихъ методу — все равно, что пользоваться почтовой каретой, когда можно ѣхать по желѣзной дорогѣ. Винклеръ предупреждаетъ, что онъ поразитъ міръ своей смѣлостью. Смѣлость его, дѣйствительно, превосходитъ всякія ожиданія. На возраженіе, что, конечно, есть черты огромнаго сходства между Израилемъ и Вавилономъ, но есть и немаловажныя черты различія, которыя сообщаютъ Израилю его индивидуальную физіономію, Винклеръ отвѣчаетъ, что для него нѣтъ отдѣльныхъ историческихъ индивидуальностей, а есть одинъ древній Востокъ, въ которомъ растворились до потери всякой индивидуальности всѣ древніе народы, и Вавилонъ — его представитель par excellence. На указанія, что религія не есть что-либо данное и неизмѣнное изначала, а явленіе, подлежащее закону развитія, что въ религіи Израиля, въ частности, мы находимъ стадіи пастушеской, земледѣльческой, пророческой и законнической религіи, онъ отвѣчаетъ, что ничего подобнаго нѣтъ и не могло быть: было только сначала ханаанское, а потомъ израильско-ханаанское изданіе вавилонской астральной религіи. Для тѣхъ, кто понимаетъ все значеніе древне-восточной культуры, не можетъ быть никакихъ „первоначальныхъ“ корней и никакого „развитія“ въ этомъ смыслѣ. Какъ только какой-нибудь народъ вступалъ въ область этой культуры, онъ сейчасъ же усвоивалъ себѣ всѣ ея учрежденія, какъ теперь малокультурный народъ, попавъ въ общество культурныхъ народовъ, сейчасъ же начинаетъ строить желѣзныя дороги и фабрики, прямо шагая отъ примитивной техники къ ея послѣднимъ словамъ. Поэтому, дѣло религіозно-исторической школы кончено, и Винклеръ предлагаетъ свою концепцію израильской религіи, легенды и исторіи.

Прежде всего, онъ отрицаетъ какую бы то ни было религію Ягве до плѣна. Онъ признаетъ только попытки Езекіи и Іосіи

ввести государственный культъ Ягве, но находитъ, что эти попытки были неудачны. Происхожденіе библейской религіи (ибо у Израиля своей религіи не было) обнаруживается изъ легендъ объ Авраамѣ и Іосифѣ: Авраамъ происходитъ изъ Ура, древняго вавилонскаго мѣста луннаго культа, Іосифъ—изъ Египта, страны бога солнца. Оба они являются основателями израильской религіи — слѣдовательно, она заключалась въ культахъ луны и солнца, пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ мѣстнымъ святилищамъ. Легенда, по мнѣнію Винклера, сознательно хочетъ показать происхожденіе библейской религіи, и поэтому надо ее понимать буквально: библейская религія фактически была вавилонскаго происхожденія, съ примѣсью египетскихъ элементовъ. Секта приверженцевъ Ягве основалась только послѣ плѣна, въ общинѣ второго храма; между нею и доплѣнными культами нѣтъ никакой связи по происхожденію.

Опредѣливъ сущность библейской религіи, Винклеръ опредѣляетъ смыслъ и тенденцію ветхозавѣтной литературы. Тутъ онъ отдѣляетъ, прежде всего, легендарную эпоху отъ исторической. Эпоха, засвидѣтельствованная подлинными историческими документами, начинается, по мнѣнію Винклера, съ раздѣленія царствъ; даже Соломона онъ считаетъ принадлежащимъ легендѣ. Съ этимъ еще возможно, съ извѣстными оговорками, согласиться; но врядъ ли возможно принять то толкованіе, какое онъ даетъ легендѣ, начиная съ Авраама и кончая Соломономъ. Легенда слѣдуетъ за вѣковымъ передвиженіемъ солнца по закону прецессіи. Авраамъ— съ одной стороны происходитъ изъ Ура, древняго мѣста культа луннаго бога, слѣдовательно онъ лунный герой; съ другой стороны, онъ одинъ изъ близнецовъ (братъ Лота) и, слѣдовательно, какъ супругъ-братъ Сары, онъ есть солнечный герой, Таммузъ—Адонисъ, а Сара—Иштаръ. Сущность Исаака Винклеръ затрудняется опредѣлить; повидимому, онъ также лунный герой. Іаковъ—опять-таки лунный герой, у него 12 сыновей, т.-е. 12 мѣсяцевъ; Лія — новолуніе, Рахиль — полнолуніе, двѣ наложницы — первая и вторая четверти луны. Шесть сыновей и дочь (Дина) Ліи—семь дней недѣли (изъ нихъ Дина—Иштаръ). Три раза лунный герой повторяется въ легендѣ, чтобы отмѣтить три эона: эонъ Близнецовъ, эонъ Тельца и эонъ Овна. Іосифъ — солнечный богъ, какъ сынъ луннаго бога (почему же онъ, а не Исаакъ, или Іаковъ?), Моисей — также солнечный богъ, Іисусъ Навинъ — четвертый солнечный герой, Халевъ; четыре солнечныхъ героя соотвѣтствуютъ четыремъ временамъ годового движенія солнца. Пропуская эпоху судей, гдѣ также

есть любопытныя сопоставленія, переходимъ прямо къ царской эпохѣ. Саулъ, начинающій ее — конечно, лунный богъ; его три сына, умирающіе вмѣстѣ съ нимъ — три ночныхъ стражи, на которыя дѣлилась на востокѣ ночь; семь оставшихся послѣ него потомковъ, два сына и пять внуковъ — семь дней недѣли; изъ нихъ два сына соотвѣтствуютъ солнцу и лунѣ, а внуки—планетамъ. Іонаѳанъ, сынъ Саула—солнечный герой, ибо онъ воюетъ днемъ, и его главное оружіе — лукъ. Имя Давида этимологически происходитъ отъ еврейскаго имени Таммуза (Dôd — богъ любви); онъ — солнце первый половины года. Его борьба съ Голіаѳомъ — параллель борьбы Мардука съ Тіаматъ; Авигаиль — Иштаръ, ея умершій мужъ Навалъ — Оріонъ; Вирсавія — тоже Иштаръ. Соломонъ соотвѣтствуетъ солнцу второй половины года, вавилонскому Набу; онъ—столь же мало историческое лицо, какъ и Давидъ, и былъ созданъ пророческой легендой.

Этихъ примѣровъ, думается намъ, достаточно. Если бы Винклеръ остановился на теоріи священныхъ чиселъ, о которой онъ также говоритъ и которую правильно считаетъ связанной съ календарными мотивами, то никто не сталъ бы спорить противъ генезиса такихъ подробностей, какъ 12 сыновей Іакова или 7 потомковъ Саула и многихъ другихъ случаевъ, гдѣ встрѣчаются эти и другія священныя числа. Но то, что предлагаетъ Винклеръ въ качествѣ астральнаго метода толкованія, есть уже чистая каббалистика. Можно идти далѣе по этой дорогѣ до безконечности—и это сдѣлалъ Іенсенъ, исходившій, впрочемъ, не изъ астральнаго міросозерцанія, а изъ астральнаго, по его мнѣнію, вавилонскаго эпоса о Гильгамешѣ. Въ библіотекѣ Ашурбанипала была найдена на 12 таблеткахъ эпическая поэма, повѣствующая о сказочныхъ похожденіяхъ двухъ богатырей-героевъ, Гильгамеша и его друга Эабани. Эпосъ довольно хорошо сохранился, настолько, что возможно установить его сборный характеръ, выдѣлить вставные эпизоды (напр. сказаніе о потопѣ) и усмотрѣть нѣкоторую тенденцію, прившедшую позднѣе и стремившуюся представить Гильгамеша въ качествѣ солнечнаго героя. Іенсенъ думаетъ, что вліяніе этого эпоса имѣло всеміреый характеръ, отразилось въ литературѣ всего міра. Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ прежде всего изслѣдуетъ библейскую традицію. Онъ приходитъ къ еще болѣе крайнимъ выводамъ, чѣмъ Винклеръ. Миѳъ и легенду онъ находитъ рѣшительно во всей ветхозавѣтной и новозавѣтной литературѣ; исторіи тамъ нѣтъ, а если и есть, то въ гомеопатической дозѣ. Всѣ миѳы и легенды построены по одному образцу—по эпосу о Гильгамешѣ, включая и встав-

ленный въ эпосъ разсказъ о потопѣ. Въ эпосѣ о Гильгамешѣ Іенсенъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими комментаторами, усматриваетъ солнечный миѳъ, изображающій годовое движеніе солнца чрезъ созвѣздія зодіака; двѣнадцать приключеній Гильгамеша, вмѣстѣ съ неразлучнымъ до смерти Эабани, соотвѣтствуютъ двѣнадцати знакамъ зодіака; десятая и одиннадцатая таблицы, гдѣ разсказывается о потопѣ, соотвѣтствуютъ знакамъ Водолея и Рыбъ; шестая, гдѣ выступаетъ Иштаръ—знаку Дѣвы, девятая, гдѣ появляется чудовищный человѣкъ-скорпіонъ — знаку Скорпіона, вторая, гдѣ заключаютъ дружескій союзъ Гильгамешъ и Эабани—знаку Близнецовъ. Считая эпосъ о Гильгамешѣ астральнымъ миѳомъ и самого Гильгамеша символомъ бога солнца, Іенсенъ превращаетъ въ солнечныхъ героевъ также всѣхъ тѣхъ персонажей Ветхаго и Новаго Завѣта, въ которыхъ онъ усматриваетъ родство съ вавилонскимъ прототипомъ. Такихъ героевъ онъ находитъ очень много, начиная съ Авраама и продолжая Исаакомъ, Харономъ, Элеазаромъ, Моисеемъ, Аарономъ, Іисусомъ Навиномъ и т. д.; въ число солнечныхъ героевъ попадаютъ уже не только первые цари, какъ у Винклера, но Іеровоамъ, Ахія, Ахавъ, Вааса, Іиуй, Елисей, Илія, Езра, Даніилъ, Іона, наконецъ Іоаннъ Креститель (Эабани) и Лазарь. Вавилонскій миѳъ оказывается ключомъ къ толкованію Ветхаго и Новаго Завѣта. Этого мало: въ послѣдующихъ томахъ Іенсенъ обѣщаетъ примѣнить этотъ ключъ къ греческой, а затѣмъ и къ другимъ литературамъ всего міра. Передъ нами, такимъ образомъ, два ключа, разрѣшающіе всѣ литературно-критическіе вопросы всемірной литературы: или астральная религія вавилонянъ Винклера, или эпосъ о Гильгамешѣ Іенсена. Выбирать надо или то, или другое, ибо они несовмѣстимы. Тамъ, гдѣ у Винклера лунные герои, у Іенсена—солнечные (у Іенсена нѣтъ ни одного луннаго героя); тамъ, гдѣ у Винклера историко-религіозная схема, у Іенсена — простое литературное подражаніе. Общаго у того и другого только одно: чисто субъективный методъ, исходящій изъ предвзятой точки зрѣнія и притомъ опирающійся на такіе исходные пункты, которые сами по себѣ являются чрезвычайно спорными. Исконный астральный характеръ вавилонской религіи подлежитъ сомнѣнію, а астральный характеръ эпоса о Гильгамешѣ настолько неясенъ, что самъ Іенсенъ затрудняется опредѣлить, напр., какое движеніе солнца скорѣе отображаетъ этотъ эпосъ, годовое или суточное, и какую астральную роль могъ играть Эабани. Не говоримъ уже о томъ, что вопросы древнѣйшей исторіи Вавилона только въ 1909-мъ году полу-

чили хоть нѣкоторые шансы разрѣшенія, такъ какъ только въ этомъ году были впервые изданы древнѣйшіе тексты, касающіеся исторіи хозяйства и религіи. Наконецъ, методъ Винклера и Іенсена не считается ни съ временемъ, ни съ пространствомъ, и такъ или иначе возводитъ Вавилонъ на недосягаемую высоту какого-то совершенно исключительнаго образца и источника духовной культуры, передъ которымъ не только Израиль, но и всѣ остальные народы являются простыми и жалкими подражателями. Короче говоря, для панвавилонистовъ вавилонская культура и исторія являются тѣмъ же, чѣмъ для богослововъ религіозно-исторической школы израильская религія и исторія: ирраціональнымъ явленіемъ, неподчиненнымъ общимъ историческимъ законамъ условности и индивидуальности каждаго отдѣльнаго историческаго явленія, своего рода чудомъ исторіи („въ древнѣйшихъ вавилонскихъ документахъ обнаруживается такое культурное развитіе, которое не согласуется съ законами историческаго знанія, выводимыми изъ явленій западнаго міра“...). Съ точки зрѣнія богослововъ, еще держащихся системы распредѣленія ролей между отдѣльными народами всемірной исторіи, миссія Израиля — исключительно религіозная; съ точки зрѣнія панвавилонистовъ миссія Вавилона—куда шире. Вавилонъ далъ и культуру, и міросозерцаніе, и литературу всему древнему, а затѣмъ и новому міру. Въ результатѣ получается своеобразный историческій монизмъ: чтобы объяснить происхожденіе любого такъ-называемаго культурнаго явленія, достаточно посмотрѣть, не было ли чего-нибудь подходящаго въ вавилонской миѳологіи— и вопросъ рѣшенъ. Такимъ путемъ, быть можетъ, любой историкъ русской литературы имѣлъ бы право (беремъ первый пришедшій на умъ примѣръ) превратить Вронскаго въ Гильгамеша или Таммуза, а Анну Каренину—въ Иштаръ, ибо Левъ Толстой могъ имѣть въ данномъ случаѣ какой-либо литературный образецъ, который въ свою очередь имѣлъ образецъ, и такъ далѣе; идя отъ образца къ образцу, мы навѣрное дойдемъ до шестой таблицы эпоса о Гильгамешѣ или до сошествія Иштаръ въ адъ, какъ всѣхъ людей можно возвести къ праотцу Адаму. Нужды нѣтъ, что ситуаціи не во всемъ сходятся — вѣдь шесть тысячелѣтій прошло, и сюжетъ могъ модифицироваться. Вотъ и въ разсказѣ о Моисеѣ: Моисей—Гильгамешъ, но угнетаетъ евреевъ не онъ, какъ слѣдовало бы по эпосу, а фараонъ; тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ Моисею быть Гильгамешемъ, а иной разъ, въ разсказѣ о женитьбѣ на Сепфорѣ, превратиться и въ Эабани. Только ученые, неспособные отрѣшиться отъ рутины и тради-

ціонныхъ воззрѣній и метода, не могутъ понять ясности и безспорности панвавилонистскаго метода доказательствъ... Быть можетъ, это стилизація въ наукѣ, своего рода поддѣлка подъ каббалу? Но, къ сожалѣнію, какъ бы законна ни была стилизація въ искусствѣ, въ наукѣ она является праздной забавой ученаго, не только не двигающей научное изслѣдованіе впередъ, но лишь создающей совершенно лишнія препятствія и затрудненія.

Богословы не сразу обратили вниманіе на выступленіе панвавилонистовъ. Но когда послѣ доклада Делича Винклеръ выпустилъ цѣлый рядъ брошюръ, популяризовавшихъ его точку зрѣнія, посыпались возраженія. Эти возраженія касались и самаго исходнаго пункта и метода панвавилонистовъ. Возраженія были единодушны; но нашлось одно своеобразное исключеніе. Пасторъ Альфредъ Іереміасъ, ранѣе занимавшійся клинообразными текстами, съ восторгомъ примкнулъ къ точкѣ зрѣнія Винклера и выпустилъ роскошно изданную книгу для широкой публики: „Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients". И точка зрѣнія Іереміаса сразу вскрываетъ намъ, насколько антинаучна по существу была концепція Винклера. Іереміасъ признаетъ, что мы должны изучать древневосточную культуру и древневосточное міросозерцаніе, какъ *форму*, въ которую библейскіе писатели заключили богооткровенное содержаніе. Астральный методъ, которымъ пользовались авторы библейскихъ книгъ, и астральные символы, въ которые они облекали свои представленія, были даны имъ древневавилонской культурой, содержаніе же ихъ писаній было имъ дано самимъ Богомъ. Послѣ этого Іереміасу ничего не стоило пойти дальше Винклера и находить вавилонскіе мотивы даже тамъ, гдѣ ихъ и не помышлялъ находить Винклеръ. И когда со стороны трезвыхъ ассиріологовъ раздалось слово критики по адресу панвавилонистовъ, когда Куглеръ, съ документами въ рукахъ, доказалъ, что астральная система есть очень поздняя концепція школы жрецовъ, не имѣвшая корней въ народной религіи, Іереміасъ выступилъ сейчасъ же съ брошюрой, гдѣ пытался, но неудачно, доказать древность вавилонской астрономіи [1]). Онъ соглашается что нѣтъ документальныхъ свидѣтельствъ въ пользу существованія астрономіи издревле, но надѣется, что таковыя еще будутъ открыты въ курганахъ Месопотаміи, а пока предлагаетъ удовольствоваться его астрономическими толкованіями миѳологическихъ текстовъ.

[1]) Kugler, „Sternkunde und Sterndienst in Babel.". Ср. также компендіумъ исторіи вавилонской религіи Jastrow'a, „Die Religion Babylonier und Assyrier" (выходитъ выпусками, еще не законченъ).

Но работы панвавилонистовъ имѣли одну хорошую сторону. Онѣ прорвали плотину, водруженную богословами критической школы вокругъ велльгаузеновской схемы исторіи древняго Израиля. Пришлось признать, что ягвизмъ не былъ первоначальной религіей Израиля, что ему предшествовало многобожіе; пришлось допустить вліяніе не только вавилонскихъ, но и египетскихъ и персидскихъ представленій въ древнеизраильской религіи и миѳологіи. Въ новѣйшихъ работахъ Гизебрехта, Робертсона Смита, Бенцингера замѣчается нѣкоторое стремленіе отрѣшиться отъ схемы семидесятыхъ годовъ; но все это—отдѣльныя попытки, чего-нибудь цѣльнаго въ новомъ направленіи еще нѣтъ, и, какъ два мрачныхъ авгура, все еще стоятъ другъ противъ друга мистическій ягвизмъ и мистическій панвавилонизмъ.

V.

Итакъ, мы остаемся въ томъ же таинственномъ мракѣ. Дѣло еще только болѣе запуталось отъ хитрыхъ построеній панвавилонистовъ. Какъ выйти изъ этого моря противорѣчій? Или остается признать, что дѣйствительно ветхій завѣтъ останется навсегда таинственной книгой, и мы никогда не разрѣшимъ его проблемы?

Намъ думается, что положеніе вовсе не такъ печально. Вся та безконечная борьба мнѣній, которая разыгралась и разыгрывается вокругъ ветхаго завѣта, свидѣтельствуетъ не столько о неразрѣшимости задачи, сколько о томъ, какое особое положеніе занимаетъ эта книга даже въ глазахъ людей XX вѣка. Не можетъ быть болѣе яркаго доказательства безсознательной живучести религіозныхъ традицій, чѣмъ эта борьба. Не говоря уже о богословахъ, и панвавилонисты своими выступленіями доказали только то, что и для нихъ, увлеченныхъ новымъ свѣтомъ, открывшимся въ холмахъ Месопотаміи, новые документы имѣютъ цѣну прежде всего постольку, поскольку они приложимы къ разрѣшенію проблемъ, связанныхъ съ ветхимъ завѣтомъ. Ихъ точка зрѣнія на ветхій завѣтъ, при всей своей оригинальности и неожиданности, не чужда очень и очень стараго предвзятаго мнѣнія: для Винклера въ легендѣ ветхаго завѣта нѣтъ ничего, кромѣ религіи, а для Іенсена почти всѣ легенды ветхаго и новаго завѣта — трансформаціи солнечнаго миѳа. Слѣдовательно, и для нихъ ветхій завѣтъ и породившіе его Израиль и Іуда суть явленія прежде всего имѣющія отношеніе къ религіи, и при-

томъ, въ конечномъ счетѣ, къ нашей религіи; провозглашая всеобщность своихъ принциповъ, они не идутъ въ примѣненіи ихъ дальше библіи. Замѣчательно, что Винклеръ не примѣняетъ своего метода какъ разъ къ ассиро-вавилонской исторіи и легендѣ, не говоря уже объ исторіи и легендѣ другихъ народовъ; Іенсенъ обѣщаетъ примѣнять свой методъ дальше, за предѣлами семитскаго востока, но, пока что, своего обѣщанія онъ не выполнилъ [1]). Въ конечномъ счетѣ, неразрѣшимость ветхозавѣтной проблемы—лишь кажущаяся; если мы хоть на одинъ моментъ дѣйствительно отрѣшимся отъ соціально-религіозной борьбы нашихъ дней, все еще поддерживающей атавистическіе религіозные пережитки въ умахъ даже наиболѣе раціоналистически настроенныхъ ученыхъ, положеніе наше сразу станетъ болѣе опредѣленно и ясно.

Какъ только мы это сдѣлаемъ, для насъ Израиль и Вавилонъ станутъ историческими фактами, какъ всѣ прочіе, а ветхій завѣтъ — такимъ же человѣческимъ произведеніемъ, какъ всѣ прочія. Къ изслѣдованію историческихъ проблемъ, связанныхъ съ прочими народами и литературами, мы подходимъ совершенно опредѣленнымъ путемъ, отправляясь отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, и отъ извѣстнаго дѣлая гипотезы по отношенію къ неизвѣстному. Что̀ извѣстно намъ доподлинно о ветхомъ завѣтѣ, изъ котораго только мы и можемъ узнать объ Израилѣ?

Прежде всего, намъ извѣстно, что лежащій теперь передъ нами Ветхій Завѣтъ въ большей своей части есть результатъ переработки старинной литературы, существовавшей въ Палестинѣ до плѣна. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сами редакторы или авторы соотвѣтствующихъ книгъ, ссылаясь постоянно на различныя произведенія еврейской литературы, использованныя ими, но до насъ не дошедшія. Къ результатамъ такой переработки принадлежатъ Пятикнижіе, книги Іисуса Навина, Судей, Самуила, Царей, Хроникъ и бо̀льшая часть пророческихъ книгъ. Опредѣляется довольно точно и эпоха переработки: эпоха плѣна и послѣ плѣна. Указанія на это время мы опять таки находимъ прямо или косвенно въ самыхъ книгахъ: или въ хронологическихъ конечныхъ пунктахъ, на которыхъ заканчиваютъ свои разсказы историческія книги, или въ ретроспективной оцѣнкѣ

[1]) Только Іереміасъ попытался дать астральное толкованіе нѣкоторымъ египетскимъ религіознымъ воззрѣніямъ въ брошюрѣ: „Der alte Orient und die Aegyptische Religion", но при этомъ самъ оговаривается, что толкованія его, какъ не-спеціалиста, не могутъ имѣть обязательной силы.

предшествующихъ событій, или, наконецъ, въ пророчествахъ post factum. Наконецъ, Пятикнижіе, въ частности, пріобрѣло свой окончательный видъ, какъ книга закона Моисеева, не ранѣе 440 г. до Р. Х., когда оно было введено Езрою въ видѣ хартіи общины второго храма, что засвидѣтельствовано неопровержимыми данными книги Неемiи.

Литература, использованная авторами, переработавшими ее въ современныя книги Ветхаго Завѣта, лишь отчасти можетъ быть возстановлена литературно-критическимъ анализомъ; при этомъ послѣдній можетъ возстановить, къ сожалѣнію, также почти исключительно одни переработанныя произведенія. Послѣдніе редакторы пользовались произведеніями, уже подвергшимися переработкѣ, и часто современный изслѣдователь прямо не въ состояніи дойти до первичныхъ элементовъ традиціи. Приходится констатировать, что изъ подлинной, оригинальной до-плѣнной литературы до насъ дошли только сомнительные отрывки, и мы можемъ лишь догадываться объ объемѣ и содержаніи до-плѣнной оригинальной литературы. Ясно одно: эта литература вовсе не была проникнута тѣмъ узкимъ конфессіональнымъ духомъ, какой проникаетъ собою весь современный Ветхій Завѣтъ. Такіе образцы, какъ пс. 45 или Пѣснь Пѣсней, а также многочисленные отрывки изъ древней лирики и эпоса, разсыпанные въ кн. Самуила и Судей и отчасти въ другихъ книгахъ, даютъ полное основаніе думать, что іудейскіе богословы, организовавшіе общину второго храма, безпощадно уничтожали всю ту литературу, которая не имѣла специфически религіозной или церковной окраски.

Съ другой стороны, совершенно ясна тенденція послѣдней обработки. Ее производили люди, которые принадлежали уже не къ народу, а къ сектѣ, къ группѣ людей, оторванныхъ отъ родной земли и замкнувшихся въ религіозной обособленности среди чужихъ. Секта, правда, получила церковную организацію на старой родинѣ послѣ указа Кира о возвращеніи; но это не было возрожденіемъ національности, въ значительной степени растворившейся среди тѣхъ народовъ, въ среду которыхъ она попала во время двухъ изгнаній, ассирійскаго и вавилонскаго. Новый строй нуждался въ оправданіи; онъ и былъ оправданъ посредствомъ обработки, съ церковно-конфессіональной точки зрѣнія, до-плѣнной исторіи Израиля. Такимъ путемъ получился современный Ветхій Завѣтъ, излагающій не естественную исторію израильскихъ народцевъ и царствъ, а сверхъестественную исторію отношеній между Ягве и Израилемъ на тему: какъ Ягве далъ Израилю законъ, какъ Израиль не слушался Ягве, и что изъ

этого вышло. Возможно ли при такихъ условіяхъ говорить о вавилонскомъ вліяніи въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ стилѣ Винклера или Іенсена? Вѣдь ихъ отправная точка зрѣнія заключается въ томъ, что вавилонское вліяніе было исконнымъ, какъ это доказывается, между прочимъ, ссылкой на архивъ Телль-эль-Амарны. Чтобы установить наличность этого вліянія, надо, слѣдовательно, возстановить цѣликомъ оригинальную до-плѣнную литературу, — а это совершенно немыслимо. Изъ того, что можно возстановить, выдѣляются нѣсколько миѳовъ, несомнѣнно аналогичныхъ съ вавилонскими; это именно тѣ миѳы, о которыхъ мы говорили выше. Въ настоящемъ своемъ видѣ они переработаны богословскою рукою; но въ первоначальномъ видѣ они, вѣроятно, почти совпадали съ вавилонскими. И какъ разъ въ этихъ чисто вавилонскихъ миѳахъ менѣе всего можно найти слѣды системы астральнаго міровоззрѣнія. Сказанія о твореніи, о потопѣ, о вавилонской башнѣ, о Немвродѣ никоимъ образомъ не укладываются въ Прокрустово ложе астральнаго міровоззрѣнія или эпоса о Гильгамешѣ. И характерно, что этихъ безспорно вавилонскихъ миѳовъ ни Винклеръ, ни Іенсенъ не касаются, излагая свои теоріи о системѣ или образцѣ древнеизраильской легенды.

Въ отрывкахъ оригинальной древнеизраильской литературы нѣтъ слѣдовъ астрализма. Но за то въ ней сколько угодно слѣдовъ того же первобытнаго міровоззрѣнія, какое свойственно всѣмъ народамъ въ періодъ ихъ младенчества: анимизма. Тамъ нѣтъ слѣдовъ астральной религіи, но есть сколько угодно слѣдовъ фетишизма и тотемизма, пережитки которыхъ, какъ всегда, изъ сѣдой старины идутъ чрезъ всю израильскую и іудейскую литературу вплоть до Талмуда. И эти слѣды и пережитки даютъ намъ возможность не зачеркивать попросту исторію Израиля до Ровоама, какъ дѣлаетъ Винклеръ, не превращать легенду, посредствомъ казуистическихъ разысканій, въ какую-то каббалистическую тайнопись, но сдѣлать конкретныя гипотезы о содержаніи религіозной жизни древнѣйшаго Израиля. И тогда, дѣйствительно, обнаружится сходство Израиля съ Вавилономъ, но сходство такого же рода, какое обычно наблюдается въ природѣ между двумя особями одного и того же вида. Какъ вавилонская религія началась съ первобытнаго фетишизма и шаманизма, такъ и израильская; какъ въ вавилонской религіи въ VII вѣкѣ образовалась астральная школа жрецовъ, размѣстившая многочленный вавилонскій Олимпъ по звѣздному небу, такъ и въ Израилѣ въ VII—VI вѣкѣ образовалась секта, превратившая впослѣдствіи многообразную народную религію въ закостенѣвшую религію

закона, который, въ интересахъ жрецовъ, размѣрилъ всю жизнь конфессіональными обрядами и догматами. Но панвавилонисты не хотятъ знать начальной стадіи ни израильской, ни вавилонской религіи. Съ ихъ точки зрѣнія, не было никакого развитія; въ началѣ была система, и по ея образу и подобію творили и народы, и писатели всей древности. Намъ даютъ догматъ, и мы должны въ него увѣровать — иначе мы будемъ рутинерами и докажемъ свою неспособность стать выше традиціи!

Панвавилонисты склонны возводить къ вавилонскому источнику не только религіозную жизнь, но и правовыя нормы израильскаго быта. Въ этомъ отношеніи характерны сравнительныя изслѣдованія кодекса Хаммураби и различныхъ цикловъ древнеизраильскаго законодательства, главнымъ образомъ — кодификаціонной записи древнѣйшаго обычнаго права, такъ назыв. „книги завѣта“ (Исх. XXI—XXIV). Аналогіи обнаруживаются при этомъ поразительныя—и сейчасъ же, на ихъ основаніи, появляется снова идея о „заимствованіи“. Но почему же современные ученые не поднимаютъ вопроса о томъ, что всѣ варварскія правды заимствованы изъ одной Салической, какъ болѣе древней и въ то же время однородной съ ними по содержанію? Отчего мѣрило, приложимое къ первобытному праву народовъ индогерманскихъ, неприложимо къ первобытному праву семитскихъ народовъ? Отчего въ данномъ случаѣ сторонниковъ заимствованія не смущаетъ мысль о почти тысячелѣтнемъ разстояніи, которое во времени раздѣляетъ кодексъ Хаммураби отъ предполагаемаго момента записи „книги завѣта?“ И не правильнѣе ли будетъ объяснять аналогіи не заимствованіемъ, а однородностью условій, при которыхъ почти повсюду происходитъ первоначальная запись права?

Высказывая всѣ эти соображенія, мы защищаемъ право древняго Израиля на индивидуальность, какую совершенно отрицаютъ за нимъ панвавилонисты. Но, какъ читатель видитъ, эта индивидуальность, въ нашей концепціи—совершенно иная, чѣмъ въ концепціи религіозно-критической школы. Для насъ Израиль—такая же историческая индивидуальность, какъ и всѣ прочіе народы; и какъ всѣ индивидуумы одного и того же вида, онъ проходилъ черезъ тѣ же стадіи развитія, повинуясь неизмѣннымъ законамъ историческаго развитія. Міросозерцаніе древняго Израиля, поэтому, не могло опредѣляться простымъ вліяніемъ предполагаемаго вавилонскаго астрализма, если бы такой даже и существовалъ; оно должно было опредѣляться совокупностью тѣхъ матеріальныхъ условій, въ которыхъ протекала жизнь древняго Израиля. И это міросозерцаніе, поскольку оно отражалось въ

народномъ культѣ и пророческой идеологіи, мы еще можемъ возстановить по уцѣлѣвшимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ отрывкамъ старинной литературы. Тогда окажется, что, какъ всегда и вездѣ, между міросозерцаніемъ народной массы и владѣющихъ верховъ общества лежала непроходимая пропасть; соціальныя противорѣчія породили глубокія идейныя противорѣчія; произошелъ расколъ, все значеніе котораго мы теперь не въ состояніи оцѣнить. Здѣсь также есть аналогія съ Вавилономъ, но не та, какую находятъ панвавилонисты. Аналогія заключается въ томъ, что не могло быть и не было единаго вавилонскаго міросозерцанія. Для царей и знати жрецы астрологи составляли гороскопы и проводили теорію параллели между землей и небомъ; для народной массы тѣ же жрецы гадали по печени жертвенныхъ животныхъ и примѣняли старинныя шаманскія заклинанія, поддерживая такимъ путемъ пережитки стариннаго тотемизма и фетишизма. Кто говоритъ о древневавилонскомъ или древневосточномъ міросозерцаніи, понимая его въ смыслѣ винклеровскаго астрализма, тотъ долженъ не замѣчать огромной литературы заклинаній и формулъ гаданій по печени—литературы необыкновенно популярной и по своимъ размѣрамъ превосходившей всю астральную литературу.

Отрицая по отношенію къ древнему Израилю цѣликомъ теорію панвавилонистовъ, мы готовы признать ее, правда—съ цѣлымъ рядомъ ограниченій и оговорокъ, по отношенію къ позднѣйшей іудейской литературѣ, именно къ тому ея разряду, который извѣстенъ подъ именемъ *апокалиптики*. Дѣло въ томъ, что астральная жреческая система, вобравшая въ себя нѣкоторые чисто астрономическіе элементы, создалась не ранѣе Ашурбанипала; только съ этого времени „халдейская мудрость“ стала предметомъ преподаванія, и ею увлеклись какъ іудейскіе, такъ и греческіе ученые. Эпоха плѣна близко познакомила іудеевъ съ этою мудростью, и уже у перваго писателя эпохи плѣна, Іезекіиля, мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми ея элементами. Разгадка будущаго, которая именно и интересовала апокалиптиковъ, могла быть, по ихъ мнѣнію, достигнута тѣмъ путемъ, какимъ пытались угадать будущее халдейскіе астрологи; отсюда во всѣхъ произведеніяхъ позднѣйшихъ пророковъ и апокалиптиковъ огромное значеніе пріобрѣтаютъ небесныя знаменія, символическія фигуры вавилонской небесной миѳологіи и въ особенности концепція конца міра, въ связи съ эпосомъ „Enuma elisch“. Отсюда глубокій интересъ къ небесной географіи, какой мы усматриваемъ, напр., въ книгѣ Еноха, дающей компендіумъ этой географіи,

главнымъ образомъ—по вавилонскимъ источникамъ. Но вавилонское вліяніе со времени Кира тѣсно переплетается съ вліяніемъ маздеизма, совершенно самостоятельной системы міровоззрѣнія, выработанной въ другихъ условіяхъ матеріальной обстановки. Поэтому въ позднѣйшей апокалиптикѣ нельзя усматривать исключительно вавилонскіе элементы; вся ангелологія—персидскаго происхожденія, фигуры Ягве и древняго Змія сильно модифицированы подъ вліяніемъ фигуръ Агура-Мазды и Ангра-Майнью. Все сказанное относится, однако, къ формѣ; конкретныя чаянія апокалиптическихъ произведеній диктовались, конечно, конкретными условіями тѣхъ кризисовъ, которые порождали апокалиптическую литературу.

Такова наша точка зрѣнія на „Babel und Bibel" и на современное положеніе ветхозавѣтной проблемы. Въ узкихъ, сравнительно, рамкахъ настоящей статьи мы не могли, конечно, обнять вопросъ во всѣхъ его деталяхъ и многіе важные вопросы обсудили лишь бѣгло. Но мы думаемъ, что нашъ очеркъ достаточно наглядно знакомитъ съ важными проблемами ветхозавѣтной науки, поставленными въ настоящее время на Западѣ и совершенно неизвѣстными нашей публикѣ. Въ итогѣ получается всетаки утѣшительный результатъ: самая крайность позиціи панвавилонистовъ показываетъ, что въ оцѣнкѣ ветхаго завѣта конфессіональныя точки зрѣнія утратили всякій кредитъ, и что будущее разрѣшеніе вѣковой загадки будетъ дано не старымъ путемъ возведенія Израиля въ рангъ историческаго unicum'а, а путемъ введенія его въ семью обыкновенныхъ историческихъ индивидуальностей.

Н. Никольскій.

РЫЦАРЬ КАПИТАЛА

„A Captain of Industry“, by Upton Sinclair.

(Окончаніе.)

V *).

Въ день заключенія этого удивительнаго „компромисса“ другъ нашъ до самаго вечера провозился со своими жертвами; но потомъ онъ взялъ кэбъ и поѣхалъ въ городъ. Чувствуя потребность въ свѣжемъ воздухѣ и въ движеніи, онъ сдѣлалъ нѣчто для себя непривычное — вышелъ изъ экипажа и отправился пѣшкомъ по верхней части Бродвея [1]).

Дома онъ уже не засталъ бы обѣда и рѣшилъ отправиться въ свой клубъ; но, проходя мимо ярко освѣщеннаго ресторана, откуда доносились звуки музыки, онъ вдругъ перемѣнилъ свое рѣшеніе и вошелъ туда.

Герой нашъ уже давно не бывалъ въ такихъ блестящихъ ресторанахъ, гдѣ сидѣли нарядныя дамы и курили мужчины. Нѣкоторое время онъ внимательно наблюдалъ, а потомъ обратился къ меню.

Хотя банкеты ванъ-Ренселэра очень славились, но самъ онъ былъ человѣкъ съ простыми вкусами, и вся его роскошь проистекала изъ желанія нравиться другимъ. Онъ спросилъ себѣ вина и задумчиво потягивалъ его, пока кельнеръ ставилъ передъ нимъ блюдо съ рѣдкими, разнообразными по вкусу устрицами. Прежде

---

*) См. май, стр. 132.

[1]) Broadway—главная улица въ Нью-Іоркѣ.

чѣмъ приняться за нихъ, ванъ-Ренселэръ заказалъ себѣ обѣдъ—сладкое мясо, перепела съ гренками, свѣжую спаржу и артишоки, приготовленные особымъ способомъ; кельнеръ внимательно слушалъ, какъ должно быть приготовлено мясо, какой именно соусъ надо сдѣлать для спаржи. — И принесите мнѣ бутылку Chambertin — лучшаго, какой у васъ есть, — прибавилъ нашъ герой.

Когда кельнеръ удалился, мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ осторожно принялся за устрицы. Мясо оказалось вкусно приготовленнымъ, вино было лучше, чѣмъ онъ ожидалъ, и онъ былъ очень доволенъ собою. Во время обѣда онъ отъ поры до времени дѣлалъ передышку и озирался кругомъ: онъ становился немного тучнымъ и чувствовалъ это во время ѣды. Наконецъ, онъ кончилъ, щелкнулъ губами, откинулся на спинку стула и сталъ закуривать свою сигару.

Сигары Роберта ванъ-Ренселэра, какъ и все прочее, что̀ онъ употреблялъ, были предметомъ его собственнаго ввоза; ароматъ ихъ напоминалъ амброзію, и нашъ другъ на половину зажмурилъ глаза и чувствовалъ себя чрезвычайно довольнымъ своею судьбою. Чего же еще могъ желать цивилизованный человѣкъ, пріятно покушавшій и слегка возбужденный виномъ?

Желать могъ онъ только *одного*, и, обведя глазами комнату, мистеръ ванъ-Ренселэръ увидѣлъ именно то, что̀ ему было нужно. За однимъ изъ столиковъ, по ту сторону прохода, сидѣли двѣ женщины. Одна изъ нихъ была очень толстая, съ желтыми волосами и вся увѣшанная драгоцѣнностями; другая же... но ничего подобнаго онъ никогда не видѣлъ. Это была молодая дѣвушка, моложе двадцати лѣтъ, замѣчательной, тонкой красоты. Она была блѣдна и просто одѣта; но кожа ея напоминала нѣжный розовый мраморъ, а лицо ея... но ванъ-Ренселэръ просто не могъ отвести отъ нея глазъ.

Толстая женщина замѣтила взглядъ его и улыбнулась. Онъ видѣлъ, какъ она толкнула дѣвушку ногой, и какъ дѣвушка въ свою очередь посмотрѣла на него, потомъ густо покраснѣла и уставилась въ свою тарелку. Сердце ванъ-Ренселэра забилось, онъ быстро допилъ свою чашку кофе и отбросилъ свою сигару. Замѣтивъ, что женщины собираются уходить, онъ подозвалъ кельнера и, бросивъ взглядъ на поданный ему счетъ, далъ кельнеру двадцать долларовъ, отказавшись взять сдачу. Потомъ онъ надѣлъ пальто и вышелъ на улицу.

Женщины уже вышли, и онъ дошелъ съ ними до угла; здѣсь онѣ повернули въ боковую улицу.

— Ваша пріятельница, кажется, немного застѣнчива,—сказалъ онъ, смѣясь, когда поровнялся съ молодой дѣвушкой, и тихонько взялъ ее подъ-руку.

— Немножко, — возразила женщина. — Она еще всего нѣсколько дней въ Нью-Іоркѣ. Миссъ Гаррисонъ, мистеръ—?

— Мистеръ Гринъ—сказалъ ванъ-Ренселэръ.

— Мистеръ Гринъ—повторила женщина, улыбаясь, а сама я—миссисъ Линчъ.

Такимъ образомъ благополучно произошло знакомство.

— Куда же вы идете?—спросилъ мистеръ Гринъ.

— Мы идемъ домой—сказала миссисъ Линчъ.

Они шли по боковой улицѣ. Ванъ-Ренселэръ чувствовалъ, какъ нѣжная рука молодой дѣвушки дрожитъ въ его рукѣ, но она шла молча и не поднимала глазъ, когда онъ съ нею заговаривалъ. Миссисъ Линчъ все время поддерживала разговоръ, пока они не дошли до каменнаго дома бураго цвѣта. Занавѣси были спущены, но сквозь нихъ пробивались лучи свѣта, и когда миссисъ Линчъ открыла дверь, то послышался громкій говоръ и смѣхъ. Дверь въ гостиную была открыта, но они прошли въ другую комнату, освѣщенную тусклой лампой; дверь за ними закрылась, и наступила тишина.

— Будьте какъ дома! — сказала миссисъ Линчъ, снимая шляпу и плащъ. Мистеръ Гринъ послѣдовалъ ея примѣру и сѣлъ на диванъ.

Дѣвушка также присѣла на диванъ. Она все еще была блѣдна и дрожала, но миссисъ Линчъ не обращала на это никакого вниманія и болтала со своимъ новымъ знакомымъ. Но вдругъ она встала, извинившись, что у нея есть дѣло по хозяйству, и, гнѣвно взглянувъ на дѣвушку, которая видимо хотѣла удержать ее, исчезла, затворивъ за собою дверь.

Наступило молчаніе, которое нарушилъ мистеръ Гринъ, усѣвшись рядомъ съ дѣвушкой.

— Скажите мнѣ,—сказалъ онъ—что̀ съ вами?

Она закрыла лицо руками и содрогнулась.

— Скажите мнѣ!—повторилъ онъ мягко.—Довѣрьтесь мнѣ, прошу васъ!

И вдругъ она подняла на него глаза и залилась слезами.

— О, сжальтесь надо мною!—умоляющимъ голосомъ начала она.—Я не могу пойти на это — не могу! Вы не знаете, какъ я несчастна!

Робби—какъ-то невольно называешь его этимъ именемъ въ такую минуту, хотя въ волосахъ его уже появилась сѣдина —

Робби смотрѣлъ на ея безукоризненно-прекрасное лицо и думалъ, что никогда въ жизни не встрѣчалъ ничего подобнаго.

— Послушайте, — сказалъ онъ очень мягко — вамъ нечего меня бояться. Скажите мнѣ, что съ вами случилось и какъ вы сюда попали?

Дѣвушка взглянула на него своими испуганными глазами и подавила рыданіе.

— Я здѣсь всего нѣсколько часовъ,—сказала она—но оставаться здѣсь не могу—не могу!

— Разскажите же мнѣ все.

Она сидѣла, нервно сжимая свои сложенныя руки.

— Я пріѣхала издалека—сказала она. — Это старая исторія, для васъ неинтересная. Отецъ мой умеръ, мать тоже умерла, а у меня не было ни денегъ, ни работы. И я полюбила одного молодого человѣка...

Она вдругъ сдѣлала жестъ отчаянія и остановилась.

— Продолжайте!—нѣжно сказалъ Робби.

— Я видѣла его въ послѣдній разъ только на прошлой недѣлѣ,—промолвила она—и больше никогда не увижу. Онъ просилъ меня поселиться вмѣстѣ съ нимъ — это было въ началѣ. Онъ былъ очень богатъ, и родители его не желали его брака со мною. Но я любила его, и потому это было мнѣ безразлично; мнѣ хотѣлось только быть вмѣстѣ съ нимъ. Это было годъ тому назадъ; а потомъ онъ уѣхалъ и покинулъ меня — онъ сказалъ, что родители его все узнали. Я слышала, что онъ отправился въ Нью-Іоркъ, и поѣхала вслѣдъ за нимъ, истративъ на дорогу всѣ мои деньги. Разумѣется, найти его мнѣ не удалось; не нашла я также никакой работы. Всю прошлую и всю эту ночь я проходила по улицамъ. И больше мнѣ ничего не оставалось дѣлать— я была еле жива...

Дѣвушка раскраснѣлась отъ возбужденія, разсказывая все это, и стала еще красивѣе. Робби продолжалъ ее распрашивать; и она разсказала ему все, тронутая давно не слышаннымъ ею участливымъ тономъ. И Робби говорилъ съ нею такъ, какъ въ былыя времена умѣлъ говорить съ женщинами—мягко, изящно, чрезвычайно тактично, съ симпатіей и доброжелательствомъ. Онъ былъ еще красивый и блестящій мужчина, и дѣвушка забыла свой первоначальный страхъ, потомъ свое отчаяніе, а потомъ и ужасъ своего положенія. Никто не мѣшалъ имъ; они говорили и часъ, и два, и начинали все болѣе понимать другъ друга. Сердце Робби билось все сильнѣе. Это была не только красивая дѣвушка — это былъ человѣкъ съ прекрасной душой, нѣжная и

драгоцѣнная жемчужина, попавшая въ грязь. И Робби заходилъ все дальше и дальше, увѣряя ее въ своей симпатіи и привлекая ея сердце къ себѣ. Время проходило все быстрѣе, наступила полночь, и наконецъ Робби рѣшился взять руку дѣвушки и сѣсть къ ней поближе. Онъ опять дрожалъ, какъ мальчикъ, онъ чувствовалъ себя опять прежнимъ Робби, онъ весь горѣлъ; на щекахъ дѣвушки также показался румянецъ.

— Выслушайте меня! — сказалъ онъ тихимъ шопотомъ. — Вы не знаете, какъ вы тронули мое сердце, какъ вы мнѣ симпатичны и какъ мнѣ хочется вамъ помочь. Вы такъ прекрасны— никогда еще не встрѣчалъ я такой красоты, — и я — ахъ, мы могли бы уѣхать далеко отъ всего этого ужаса, и вамъ никогда больше не придется испытывать всего этого или даже слышать объ этомъ. Я позаботился бы о васъ и берегъ бы васъ. Вы будете имѣть все, что вамъ нужно для счастья—вѣдь я же люблю васъ, не могу выразить, какъ я люблю васъ! Здѣсь, въ этомъ отвратительномъ мѣстѣ, странно вести такіе разговоры; но не все ли равно, что думаютъ всѣ эти люди? Они насъ не поймутъ, и намъ не должно быть до нихъ дѣла. Ахъ, какъ я горячо желаю, чтобы вы сдѣлались моею! Мнѣ все равно, какъ это будетъ, но я не допущу, чтобы надъ вами стряслась бѣда. И вы должны знать, что я никогда не позволю вамъ покинуть меня!

Онъ долго говорилъ въ томъ же духѣ—быстро, убѣдительно, задыхаясь отъ волненія; сначала онъ попробовалъ обнять ее за талію, потомъ поцѣловать. Увидѣвъ, что она дрожитъ, что глаза ея наполнились слезами, онъ страстно привлекъ ее къ себѣ.

Прошелъ еще часъ. Когда наконецъ постучали въ дверь, дѣвушка сидѣла у Робби на колѣняхъ, спрятавъ у него на плечѣ свое лицо.

— А теперь—сказалъ Робби, когда вошла миссисъ Линчъ— садитесь, и мы съ вами заключимъ условіе.

VI.

Вскорѣ послѣ этого Мэри Гаррисонъ—это было имя молодой дѣвушки—поселилась въ хорошенькой квартирѣ въ Гарлемѣ, и Робби, который снова обратился въ счастливаго, беззаботнаго юношу, проводилъ у нея время довольно часто. Мы должны ограничиться этими лаконическими словами и поспѣшить вмѣстѣ съ нашимъ героемъ къ его скучнымъ дѣламъ на Уолль-стритѣ.

Въ этой части города событія совершаются съ большой быстротой. Еще раньше, чѣмъ оборудовано было дѣло съ повышеніемъ акцій „Воздушный Корабль Каламацоо", Робертъ ванъ-Ренселэръ замышлялъ самое большое дѣло своей жизни—раззореніе общества Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги. Съ этой отчаянной и въ своемъ родѣ исторической борьбой читателю слѣдуетъ ознакомиться во всѣхъ ея подробностяхъ.

На Уолль-стритѣ есть просто игроки, которые искусственно понижаютъ и повышаютъ цѣну акцій, смотря по тому, что считаютъ для себя выгоднѣе; но есть и другіе игроки, которые, играя на биржѣ, стараются поступать легально. Къ числу послѣднихъ, по мнѣнію Роберта ванъ-Ренселэра, принадлежали люди, изучавшіе съ финансовой и экономической точки зрѣнія различныя стороны міровой жизни и стремившіеся повліять на цѣны бумагъ въ желательномъ направленіи. Если такой человѣкъ отличался достаточною проницательностью и способствовалъ пониженію цѣнъ непрочныхъ акцій и перепроизведенныхъ товаровъ, то его можно считать полезнымъ членомъ общества, и, что еще важнѣе, вѣчные законы природы должны быть съ нимъ заодно во всѣхъ его начинаніяхъ.

Исторія борьбы Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги—самой крававой изъ всѣхъ конфликтовъ нашего героя, навсегда запечатлѣнной въ памяти Уолль-стрита — исторія эта изложена у Джабберграбба въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Здѣсь опять проявилась его поразительная способность использовать данное стеченіе обстоятельствъ. Ванъ-Ренселэръ уже болѣе года слѣдилъ за Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дорогой и за людьми, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе ею. Онъ изучилъ каждую фазу этой проблемы и наконецъ заставилъ лопнуть мыльный пузырь, радужный блескъ котораго обманывалъ самыхъ проницательныхъ финансистовъ страны.

„Прежде всего, Робертъ ванъ-Ренселэръ не довѣрялъ акціонерамъ Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги, такъ какъ узналъ о нихъ нѣкоторые интимные факты. Онъ изучилъ, далѣе, будущность этой линіи, ея управленіе, ея планы, ея массами выпускаемыя акціи, о которыхъ шептали, что онѣ несолидны, уже зъ то время, когда всѣ ихъ покупали; а затѣмъ, на основаніи секретныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ совѣщаніяхъ, относительно которыхъ предполагалось, что никто ничего о нихъ не знаетъ, а также на основаніи нѣкоторыхъ подозрительныхъ колебаній на рынкѣ, ванъ-Ренселэръ убѣдился, что финансисты

Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги подготовляютъ крупную продѣлку со своими акціями. Онъ этому не противодѣйствовалъ, скорѣе даже способствовалъ, ибо чѣмъ болѣе безумна была ихъ игра, тѣмъ лучше онъ зналъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Только когда онъ нашелъ, что они обезсилены, онъ отвернулся отъ нихъ—и тогда началась борьба титановъ съ гигантами".

Историкъ нашъ увѣряетъ, будто никто не подозрѣвалъ, что человѣкомъ, создавшимъ затруднительное положеніе для Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги, былъ именно ванъ-Ренселэръ. Однимъ изъ его качествъ было мастерство скрывать свои начинанія; у него были маклеры во всѣхъ углахъ и концахъ Уолль-стрита, и нерѣдко они дѣйствовали другъ противъ друга, сами того не зная. Со стороны видно было только, что акціи Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги поднялись до невѣроятной высоты, потомъ цѣна ихъ установилась, и онѣ находились въ очень живомъ обращеніи. Посвященнымъ извѣстно было нѣсколько больше; они знали, что кто-то началъ игру на пониженіе; но только одинъ человѣкъ въ цѣломъ мірѣ зналъ, чьихъ рукъ это дѣло.

Все это вещи сложныя и скучныя; но ихъ нужно понять, такъ какъ онѣ относятся къ кризису въ жизни Роберта ванъ-Ренселэра. Герой нашъ не принадлежалъ къ числу игроковъ на биржѣ; онъ никогда не шелъ на биржевую игру, не зная навѣрное, что онъ не ошибается — и тогда онъ уже все ставилъ на карту. Хотя рынокъ еще не имѣлъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія, но ванъ-Ренселэръ былъ уже готовъ къ борьбѣ на жизнь и смерть съ воротилами Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги. Пусть только читатель смѣло окунется въ это дѣло, и я ручаюсь, что онъ найдетъ тропинку, ведущую сквозь дебри моего разсказа.

Во вторникъ ванъ-Ренселэръ открылъ свой походъ, начавъ брать возвратныя преміи на три дня, что равнялось невѣроятному пари на то, что онъ можетъ заставить упасть цѣны акцій путемъ постоянной продажи ихъ въ теченіе трехъ дней. На самомъ дѣлѣ онъ вовсе не имѣлъ въ виду дать имъ три дня времени. Онъ рѣшилъ, что акціи общества Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги падутъ въ цѣнѣ уже въ среду, въ первый день битвы.

Положеніе дѣлъ нѣсколько напоминало дѣло съ акціями „Воздушный Корабль Каламацоо", съ тѣмъ только различіемъ, что никто не могъ и думать о томъ, чтобы съорганизовать игру на

повышеніе акцій Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги. Акціи этой дороги были распространены по всей странѣ, такъ что ванъ-Ренселэръ и его противники могли скупить сравнительно незначительное количество акцій; въ концѣ концовъ призъ за побѣду должны были присудить рынокъ и зрители биржевыхъ сраженій. И какъ мы уже говорили, нашъ герой имѣлъ на своей сторонѣ „вѣчные“ законы природы, или по крайней мѣрѣ думалъ это.—Онѣ упадутъ!—сказалъ ванъ-Ренселэръ убѣжденно—упадутъ непремѣнно!

Воротилы общества Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги въ этотъ вторникъ послѣ полудня собрались и образовали синдикатъ. Они рѣшили, что неизвѣстное лицо, спекулировавшее на пониженіе акцій Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги, безъ замедленія должно быть поставлено на свое мѣсто; рѣшено было также на другой день скупить 150.000 акцій и посмотрѣть, выдержитъ ли это игрокъ на пониженіе.

Ванъ-Ренселэръ готовъ былъ выдержать весьма многое. Такъ какъ во вторникъ настроеніе на биржѣ было очень прочно, то онъ продалъ всѣ акціи и бумаги, какія у него только были, не исключая своихъ акцій „Воздушный Корабль Каламацоо“ и даже не исключая своихъ паевъ крупной, имъ самимъ созданной стальной корпораціи; онъ взялъ также на свой личный кредитъ столько денегъ, сколько было возможно. Всѣ эти деньги лежали у его маклеровъ; а въ среду, когда открылась биржа, онъ стоялъ въ своей частной конторѣ у телеграфнаго аппарата, имѣя при себѣ лишь надежнаго секретаря, который долженъ былъ передавать его приказанія по телефону.

Борьба развивалась медленно, такъ какъ оба гиганта сначала схватывались и взаимно пробовали свои силы. Маклеры синдиката громко требовали акцій Тихоокеанской и Подгородной; ванъ-Ренселэръ же пока ограничивался тѣмъ, что наблюдалъ и выжидалъ. Нѣсколько акцій было продано, но онѣ не принадлежали ему; онъ ждалъ, не поднимутся ли онѣ еще выше, что сдѣлало бы его противниковъ смѣлѣе, а его самого увѣреннѣе. Около одиннадцати часовъ борьба началась. Тихоокеанская и Подгородная открыла кампанію предложеніемъ акцій за 155, и продажа акцій пошла очень живо; когда было продано 5.000 акцій, цѣна ихъ поднялась до $155^1/_2$, затѣмъ до 156. Затѣмъ цѣна скачкомъ поднялась до 158 и остановилась. Очевидно, она достигла той высоты, которую непріятель считалъ желательной. Спустя нѣкоторое время ванъ-Ренселэръ отдалъ приказаніе пяти различнымъ маклерамъ купить 2.000 акцій. Цѣна акцій Тихо-

океанской и Подгородной поколебалась, спустилась до $157^5/_8$, потомъ остановилась; продано было 15.000 акцій. Робертъ продолжалъ покупать акціи; предложенія все еще дѣлались, и его агенты покупали. На биржѣ огромная толпа кричащихъ, жестикулирующихъ людей окружала мѣсто продажи акцій Тихоокеанской и Подгородной желѣзной дороги. Такой продажи акцій давнымъ давно не бывало; было ясно, что происходило нѣчто небывалое. До сихъ поръ еще никто не понималъ, что игра на повышеніе была лишь оборонительнымъ средствомъ, и въ толпѣ ходили нелѣпые слухи; говорили, что за дорогу борются общества Гуль и Касторія, что Мергемъ собирается продолжить дорогу до Аляски. Акціи Тихоокеанской и Подгородной никогда еще не стояли такъ высоко: это не могло долго такъ продолжаться. И всетаки цѣна акцій держалась на той же высотѣ и одно предложеніе дѣлалось за другимъ. Только около полудня цѣна начала падать, а между тѣмъ синдикатъ купилъ 150.000 акцій, изъ которыхъ 130.000 продалъ ему ванъ-Ренселэръ.

Но вотъ раздались громкія предложенія его маклеровъ, и цѣна акцій явно устанавливалась. Синдикатъ имѣлъ поспѣшное совѣщаніе: теперь уже было ясно, что какой-то могущественный врагъ отчаянно агитируетъ противъ Тихоокеанской и Подгородной. Опасность была велика и близка: какъ только Уолль-стритъ замѣтитъ игру на пониженіе, то не замедлитъ распространиться тревога, и тогда тысячи людей станутъ въ смертельномъ страхѣ слѣдить за игрой; каждое дальнѣйшее пониженіе могло вызвать панику, могло бросить тысячи и сотни тысячъ акцій на одну сторону вѣсовъ. Послѣ совѣщанія, продолжавшагося лишь нѣсколько минутъ, синдикатъ рѣшилъ купить еще 300.000 акцій.

Рынокъ впалъ въ неистовство; акціи Тихоокеанской и Подгородной дошли до $157^1/_2$ и на этомъ остановились. Залъ биржи дрожалъ отъ криковъ маклеровъ синдиката. Ванъ-Ренселэръ съ полною готовностью продалъ имъ все, чего они желали, и всякій разъ, когда они временно переставали покупать, спекулировалъ на пониженіе. Результатомъ этого было то, что цѣна акцій то повышалась, то понижалась, а продажа ихъ тѣмъ временемъ шла очень оживленно. Значеніе всего этого стало выясняться—видно было, что какіе-то заговорщики стараются провалить акціи, и что они принадлежатъ къ породѣ титановъ. Робертъ ванъ-Ренселэръ оцѣнивался въ то время въ двадцать милліоновъ; а это значило, что при установившейся цѣнѣ онъ можетъ купить $1^1/_4$ милліона акцій. Были ли враги его въ состояніи сдѣлать то же самое—онъ не зналъ; но онъ сидѣлъ

и съ угрюмымъ вниманіемъ слѣдилъ за телеграфомъ въ то время, какъ кипѣла отчаянная борьба и съ улицы доносились звуки бѣшенаго возбужденія.

Такъ проползло еще три долгихъ часа; ванъ-Ренселэръ наносилъ свои удары одинъ за другимъ и все еще не достигалъ цѣли. Онъ не былъ нервнымъ человѣкомъ и не барабанилъ пальцами по столу; но лицо его было мрачно, и онъ шепталъ проклятія. Онъ поставилъ на карту все, что имѣлъ, противъ невѣдомой силы своихъ противниковъ; и если ему не суждено было сломить ихъ, то онъ рисковалъ самъ остаться безъ единаго доллара въ карманѣ.

И вотъ настали послѣднія минуты этого достопамятнаго, ужаснаго дня. Человѣкъ двѣнадцать маклеровъ хриплыми голосами выкрикивали чудовищныя предложенія ванъ-Ренселэра; одинъ разъ удалось сразу продать 20.000 акцій. Ванъ-Ренселэръ опорожнилъ свой колчанъ, привелъ весь рынокъ въ трепетъ, заставилъ множество людей поблѣднѣть отъ страха; но каждое его предложеніе мгновенно расхватывалось, а Тихоокеанская и Подгородная не подавалась ни на іоту! Насталъ моментъ закрытія биржи, и страшный день кончился.

VII.

Робертъ ванъ-Ренселэръ шагалъ по своей конторѣ, заложивъ руки за спину. У него больше не было денегъ, но онъ ничего не боялся: онъ твердо вѣрилъ въ вѣчные законы природы, и къ тому же у него были одна или двѣ карты, которыя онъ еще могъ разыграть. Онъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ, разговаривая съ самимъ собою. „Мнѣ кажется, что я таки съумѣлъ снять сливки, сказалъ онъ—а теперь ужъ не будетъ большой бѣды, если я и ихъ подпущу къ этому дѣлу!"

Онъ позвонилъ своего секретаря и послалъ по телефону пять увѣдомленій. Изъ нихъ четыре—своимъ друзьямъ, борцамъ Уолльстрита, которые обыкновенно работали заодно съ нимъ, а пятое—мистеру Чаунсэю ванъ-Ренселэру.

Первые четверо уже нѣсколько минутъ спустя явились въ его контору, задыхаясь отъ волненія.

— Ну, — сказалъ ванъ Ренселэръ — что же вы объ этомъ думаете?

— Никогда ничего подобнаго не бывало!—воскликнулъ одинъ

изъ нихъ. Это былъ Шрайкъ, знаменитый пшеничный король.— Никогда! Кто это можетъ быть? И что изъ этого выйдетъ?

— Вотъ это-то и побудило меня послать за вами,—сказалъ ванъ-Ренселэръ.—Присядьте.—

И онъ началъ говорить:

— Я знаю, чьихъ рукъ это дѣло, но не имѣю права сказать вамъ. Но я знаю, что онъ выиграетъ, и завтра утромъ я вложу въ это дѣло каждый свой центъ, чтобы способствовать его побѣдѣ. Я знаю, кто воротилы Т. и П. желѣзной дороги: это прежде всего Смитъ и Шаркъ, и я знаю, чего они стоятъ. Я довольно хорошо освѣдомленъ относительно акцій Т. и П.— онѣ находятся уже на самомъ краю гибели. Все это—дутыя акціи; вы это знаете не хуже меня; а Уолль-стритъ всегда готова наброситься на погибающую сторону. Кружокъ лицъ, затѣявшихъ эту борьбу, больше всего выиграетъ отъ этого; но и я тоже хочу выиграть и прошу вашего содѣйствія, чтобы быть совершенно увѣреннымъ въ успѣхѣ. Намъ, знаете ли, стоитъ только наброситься на нихъ, и потомъ вдругъ открыть передъ Уолль-стритъ, что это мы. Черезъ три секунды послѣ этого наступитъ крахъ.

Лишь черезъ нѣсколько часовъ четверо джентльменовъ вышли изъ конторы ванъ-Ренселэра. Они со всѣхъ сторонъ обсудили положеніе дѣлъ; выяснили слабые пункты Т. и П. желѣзной дороги; обсудили, какіе слухи можно было бы использовать; рѣшили, что невозможно дать загнать себя въ тупикъ; приняли во вниманіе тотъ фактъ, что тысячи людей, владѣвшихъ акціями, надѣются на повышеніе и дрожатъ отъ страха и сомнѣній при одной мысли о пониженіи; обсудили рессурсы Смита, Шарка и другихъ финансистовъ Т. и П. дороги, а также свои собственные рессурсы и значеніе своихъ именъ. Въ концѣ концовъ рѣшено было покупать всѣ акціи Т. и П., которыя будутъ предлагаться утромъ, а въ одиннадцать часовъ накинуться на нихъ и затоптать ихъ въ грязь.

Наконецъ они разошлись, и нѣсколько минутъ спустя герой нашъ уже сидѣлъ въ своемъ автомобилѣ и быстро мчался въ городъ. Онъ вошелъ въ свой клубъ и направился въ отдѣльную комнату, куда вскорѣ вошелъ нетвердой походкой старый, аристократическаго вида подагрикъ, который отчаянно бранился, и спросилъ:

— Ну, для чего я тебѣ тутъ понадобился, чортъ возьми!

Это былъ мистеръ Чаунсэй ванъ-Ренселэръ.

Сынъ съ надлежащею почтительностью проводилъ старика до кресла.

— Что же вы объ этомъ думаете?—спросилъ онъ.

— Это не отвѣтъ на мой вопросъ, — проворчалъ отецъ. — Но, Боже ты мой, Робби, что это былъ за день для меня! Знаешь ли ты, что у меня на рукахъ 5.000 акцій Т. и П. дороги? Я весь день сходилъ съ ума—я все ждалъ, ждалъ...

— Гм...—усмѣхнулся Робертъ,—чего же вы ждали?

— А развѣ у тебя ихъ нѣтъ?—воскликнулъ старикъ.—Развѣ ты не знаешь, кто сидитъ въ синдикатѣ?

— Знаю, — возразилъ Робби: — вся банда Т. и П. и вѣроятно также Смитъ и Шаркъ.

— Да, именно они, — сказалъ отецъ,—а это, скажу тебѣ, люди серьезные. Вотъ увидишь, завтра эти акціи поднимутся до 200. Какъ ты полагаешь, кто эти безумцы, начавшіе съ ними борьбу?

— Я не полагаю,—сказалъ Робби—я знаю.

— И кто же они?

— Это вовсе не они.

— Что же это значитъ?

— А то, что это только одинъ человѣкъ.

— Что ты! И кто же онъ?

— Робертъ ванъ-Ренселэръ.

Старый джентльменъ вскочилъ съ кресла, не смотря на свою подагру.

— Боже милостивый, Робби, — воскликнулъ онъ, — да ты съ ума сошелъ!

— Вовсе нѣтъ,—сказалъ Робби,—это фактъ.

— Тогда ты раззоренъ!

— О, нѣтъ, не совсѣмъ, почтеннѣйшій. Я отдалъ всѣ свои деньги, до послѣдняго гроша, но всетаки я не только не раззоренъ, а завтра, черезъ двѣ минуты послѣ одиннадцати часовъ, собираюсь сдѣлаться самымъ богатымъ человѣкомъ въ Нью-Іоркѣ. Каждый центъ, который воротилы Т. и П. дороги, а также Смитъ и Шаркъ, могутъ выклянчить или занять, будетъ принадлежать мнѣ; кромѣ того я присвою себѣ банковые конто нѣсколькихъ сотенъ барановъ, не исключая моего почтеннаго и возлюбленнаго папеньки!

Почтенный и возлюбленный папенька задыхался.

— Ты погубишь себя!—кричалъ онъ.—Этого быть не можетъ! Какъ ты можешь сдѣлать это безъ денегъ?

— Я только что образовалъ синдикатъ—смѣялся Робби.

— Но безъ денегъ?

— Они не знаютъ, что у меня нѣтъ денегъ—сказалъ Робертъ весело.—Но для бо̀льшей безопасности я добуду себѣ немного денегъ отъ тебя.

— Гм!—лаконически проворчалъ мистеръ Чаунсэй ванъ-Ренселэръ.

— Во-первыхъ,—продолжалъ Робертъ—вы завтра утромъ до десяти часовъ продадите свои акціи; во-вторыхъ, вы будете продавать Т. и П. съ пониженіемъ, насколько это будетъ возможно; а около одиннадцати часовъ вы увидите, какъ небо упадетъ на землю.

— Но что же будетъ причиной этого?

— Прежде всего то, что вы будете продавать съ пониженіемъ. Вы, старые дѣятели Уолль-стрита, носитесь словно коршуны надъ мертвымъ звѣремъ, и если вы только шепнете, кому слѣдуетъ, что продаете акціи Т. и П. дороги, то уже все пойдетъ какъ по маслу.

— Ты не совсѣмъ неправъ—согласился старикъ послѣ нѣкотораго размышленія.

— Но я не для того хотѣлъ васъ видѣть — засмѣялся Робби.—Главное еще впереди. А оно заключается въ томъ, что вы теперь же подарите мнѣ пару милліоновъ долларовъ.

Мистеръ Чаунсэй ванъ-Ренселэръ былъ нѣсколько озадаченъ и широко открылъ глаза отъ изумленія.

— По меньшей мѣрѣ два милліона—повторилъ Робби, видя, что отецъ его молчитъ. — И вы должны мнѣ ихъ *подарить*, а не дать взаймы. Еслибы я просилъ васъ одолжить ихъ мнѣ, то мнѣ пришлось бы давать всевозможныя объясненія, и мнѣ никогда бы не удалось заставить васъ вполнѣ ясно взглянуть на дѣло. Я вѣдь былъ умникомъ, я самъ содержалъ себя и въ теченіе тринадцати лѣтъ не попросилъ ни единаго гроша у моего стараго папеньки. Теперь же мнѣ нужны деньги—и даже очень нужны. Вы вѣдь въ одинъ прекрасный день умрете и все равно все мнѣ оставите; но тогда ваши деньги уже не будутъ мнѣ нужны; ибо если теперь моя игра не удастся, то этого будетъ слишкомъ мало, а если удастся, то это будетъ совсѣмъ ничто. И вотъ я хочу, чтобы вы дали мнѣ эти деньги теперь.

Мистеръ Чаунсэй ванъ-Ренселэръ глубоко вздохнулъ; потомъ онъ нагнулся впередъ и пододвинулся къ столу.

— Робби,—сказалъ онъ—разскажи мнѣ все объ этомъ дѣлѣ. Разскажи мнѣ все.

— Сначала мнѣ нужно получить два милліона.

— Иди ты къ чорту! — сказалъ старикъ. — Развѣ ты не знаешь, что если они тебѣ нужны, то ты ихъ получишь? Но теперь разсказывай и не дури.

И Робби все разсказалъ ему, и еще до конца его разсказа старый джентльменъ потиралъ себѣ руки. Потомъ онъ, ковыляя, вышелъ изъ комнаты и написалъ своимъ маклерамъ, чтобы они продали его акціи Т. и П. по той цѣнѣ, по которой откроется продажа; а своимъ банкирамъ онъ написалъ инструкцію, въ силу которой онъ открывалъ своему сыну, Роберту ванъ-Ренселэру, кредитъ въ три милліона долларовъ.

А мистеръ Робертъ ванъ-Ренселэръ все еще ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину; пріятное лицо его выражало удовольствіе. Въ это мгновеніе онъ несомнѣнно былъ самымъ счастливымъ и довольнымъ человѣкомъ въ Нью-Іоркѣ. Но вдругъ раздался стукъ въ дверь и вошелъ служитель.

— Письмо вамъ, сэръ,—сказалъ онъ—и на немъ значится: „важное".

Герой нашъ взялъ письмо и, подождавъ, чтобы служитель вышелъ, распечаталъ его и прочелъ слѣдующее:

„Мистеру Роберту ванъ-Ренселэру.

„Милостивый Государь,

„Не будете ли вы такъ добры попросить вашего друга, мистера Грина, еще сегодня вечеромъ переговорить по весьма важному дѣлу съ преданной вамъ миссисъ Линчъ?"

VIII.

Не стòитъ приводить здѣсь тѣхъ замѣчаній, какія вырвались у Роберта ванъ-Ренселэра по прочтеніи этой записки. Читатель, можетъ быть, вообразилъ, что онъ уже покончилъ всякіе счеты съ миссисъ Линчъ; во всякомъ случаѣ, самъ ванъ-Ренселэръ это думалъ. Но одно изъ неудобствъ, связанныхъ съ нѣкоторыми пріятными вещами въ жизни, заключается въ томъ, что когда мы желаемъ забыть ихъ, онѣ не желаютъ забывать насъ.

Кто былъ авторъ письма и какія цѣли онъ преслѣдовалъ— объ этомъ герой нашъ думалъ довольно долго, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ или неподвижно сидя въ своемъ креслѣ, сжимая руки и устремивъ глаза въ пространство.

Наконецъ онъ принялъ рѣшеніе, повидимому крайне для него непріятное, такъ какъ лицо его было мрачно, а глаза блестѣли.

Онъ вышелъ на улицу и нѣкоторое время ѣхалъ по городу въ наемномъ кэбѣ. Но скоро онъ пошелъ пѣшкомъ, и когда кэбъ скрылся изъ глазъ, онъ взялъ другой и отправился въ тотъ домъ, гдѣ жила Мэри Гаррисонъ.

Она встрѣтила его въ розовомъ шолковомъ платьѣ, съ разгорѣвшимися отъ радости щеками. Она была такъ поразительно хороша собою, что мрачное лицо Роберта ванъ Ренселэра просвѣтлѣло противъ его воли, когда онъ вошелъ въ комнату. Но все-таки мрачность не настолько быстро исчезала съ его лица, чтобы Мэри ея не замѣтила.

— Что случилось?—воскликнула она.

Лицо его опять омрачилось.

— Мэри,—сказалъ онъ отрывисто:—мы должны разстаться.

Дѣвушка содрогнулась.

— Чтò ты хочешь сказать?—закричала она.

— Я хочу сказать то, чтò я говорю,—отвѣтилъ онъ.—Мы должны разстаться.—Но замѣтивъ, что лицо Мэри покрылось смертельной блѣдностью, онъ привлекъ ее къ себѣ и сѣлъ на диванъ.—Выслушай меня, Мэри,—сказалъ онъ мягче:—ты добрая дѣвушка, и я не боюсь сказать тебѣ всю правду. Я знаю, что ты тутъ ни при чемъ; но я попалъ въ крайне затруднительное положеніе, изъ котораго есть только одинъ выходъ.

— Въ чемъ же дѣло, Джимъ?—задыхаясь, промолвила она (Джимъ было имя, которымъ онъ научилъ ее называть себя).

— Мэри,—сказалъ онъ—вѣдь ты же знаешь, что я женатый человѣкъ?

— Да,—сказала она,—но чтò же?..

— И что я богатый человѣкъ?—продолжалъ онъ.—А знаешь ли ты, что для миссисъ Линчъ я являюсь объектомъ шантажа?

Мэри отшатнулась.

— Не можетъ быть!—воскликнула она.

— Но это такъ!—сказалъ онъ.—Мнѣ пришлось уже заплатить ей нѣсколько тысячъ долларовъ.

— Боже милостивый!—вскричала Мэри—да быть не можетъ!

— Однако это такъ—возразилъ онъ.—А это такъ или иначе должно разлучить насъ навсегда.

Мэри Гаррисонъ зашаталась, и ухватилась за стулъ, чтобы удержаться на ногахъ.

— Джимъ,—сказала она, едва дыша:—чтò же будетъ со мною?

— Ты знаешь, что я всегда буду заботиться о тебѣ—началъ онъ.

— Я не о томъ, не о томъ говорю! — воскликнула она.— Но я... я люблю тебя, я не могу жить безъ тебя! Куда же я дѣнусь, скажи мнѣ ради Бога? — Она бросилась къ нему съ страстнымъ крикомъ.—Что я буду дѣлать?—кричала она.—Какъ я перенесу это?

Онъ старался ее успокоить.

— Послушай!—прошепталъ онъ:—не принимай этого такъ близко къ сердцу. Можетъ быть, ты забудешь меня—только не волнуйся такъ ужасно.

Она вся дрожала.

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричала она.—Это убьетъ меня, убьетъ!— Вдругъ она вскочила на ноги съ горящими глазами.—Я убью эту женщину!—задыхаясь, воскликнула она:—вотъ что я сдѣлаю!

Ванъ-Ренселэръ снова притянулъ ее къ себѣ и старался ее успокоить.

— Нѣтъ, нѣтъ, Мэри,—сказалъ онъ:—это только ухудшитъ дѣло для меня. Если ты меня любишь, ты должна отъ меня отказаться. Это—единственный выходъ.

Она сидѣла блѣдная и дрожащая и тихо стонала. Откинувъ свои роскошные волосы назадъ, она устремила впередъ свой отсутствующій взоръ.

— Отказаться отъ тебя! — глухо простонала она. — Отказаться отъ тебя!

Другъ ея чувствовалъ себя чрезвычайно неловко. Всякому добродушному человѣку непріятно, когда изъ-за него страдаетъ женщина, особенно женщина, которую онъ еще любитъ. Но Робертъ принялъ рѣшеніе и твердо намѣревался его выполнить. Онъ далъ Мэри выплакать свое горе на его груди.

— И мнѣ никогда нельзя будетъ увидѣть тебя, хоть взглянуть на тебя?—простонала она.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ твердымъ голосомъ.—Развѣ ты не понимаешь, Мэри, что нѣтъ такого мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ бы я могъ укрыть тебя, и гдѣ эта женщина не могла бы меня выслѣдить? Она уже разыскала меня и могла бы меня погубить, заставить меня покончить съ собою!

Мэри содрогнулась.

— Нѣтъ,—сказала она—ты не долженъ этого дѣлать. Ты правъ — мнѣ надо принести эту жертву. Я удалюсь, я постараюсь это перенести. Но... о, Джимъ! я никогда никого не любила такъ, какъ тебя, и такъ уже не полюблю никогда!

— Я не забуду тебя никогда!—сказалъ онъ.—Я все тебѣ

дамъ, что тебѣ только нужно, Мэри, тебѣ не придется думать о деньгахъ.

Но Мэри почти не слушала его—она думала не о деньгахъ.

— Куда же ты поѣдешь?—наконецъ спросилъ онъ.

— Не знаю —сказала она.—У меня нѣтъ родного крова. Куда мнѣ дѣваться? Я думаю, я вернусь туда, откуда пришла,—поѣду назадъ въ Альбани!

Ванъ-Ренселэръ взглянулъ на нее; при словѣ „Альбани" какое-то воспоминаніе мелькнуло въ его мозгу.

— Но вѣдь ты не говорила мнѣ, что пріѣхала изъ Альбани,—сказалъ онъ. Онъ немного поколебался, затѣмъ продолжалъ:—Можетъ-быть, ты знаешь тамъ одну дѣвушку... Но я не знаю ея имени!—прибавилъ онъ съ легкимъ смѣшкомъ.

— Тогда боюсь, что ничего не смогу сказать тебѣ!—сказала Мэри, отвѣчая улыбкой на его улыбку. — Но я мало съ кѣмъ была тамъ знакома. Я даже никого не знала до тѣхъ поръ, пока нѣсколько лѣтъ тому назадъ моя мать не уѣхала отъ меня.

— Уѣхала? — спросилъ Робертъ. — Ты, кажется, говорила, что она умерла.

— По всей вѣроятности она умерла, такъ какъ она была очень больна, — сказала Мэри. — Но навѣрное я не знаю, что сталось съ ней: она такъ и не вернулась.

Робертъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Она не вернулась?—повторилъ онъ и прибавилъ:—А какъ звали твою мать?

— Ея имя было Елена—сказала она.

Онъ откинулся назадъ.

— Ахъ, это было такъ ужасно!—продолжала дѣвушка дрожащимъ голосомъ.—Бѣдная, милая мама, какъ много она работала, чтобы выростить меня! Какая она была добрая! Она замучила себя работой до смерти, Джимъ, вотъ въ чемъ дѣло!

— Что же у нея было такое?

— У нея была чахотка—сказала дѣвушка, и увидѣла, какъ гость ея вдругъ поднялся съ мѣста. — Что съ тобою? — спросила она.

— Ничего! — сказалъ онъ: — это... это простое совпаденіе, должно быть. Но какъ же звали твоего отца?

— Объ отцѣ я ничего не могу сказать. Мать о немъ никогда не говорила; но я всегда подозрѣвала, что онъ не женился на ней... то-есть... — Она опять запнулась, пораженная поведеніемъ своего друга; но потомъ продолжала: — Я думаю, что онъ былъ богатъ, очень красивъ и добръ. Она дала мнѣ

медальонъ съ его портретомъ и сказала, что у него остался ключъ отъ медальона; свой ключъ, который онъ далъ ей, она потеряла.

И опять она остановилась. Лицо Роберта ванъ-Ренселера покрылось землисто-сѣрою блѣдностью; онъ придвинулся совсѣмъ близко къ ней, и его глаза, всѣ черты его лица выражали ужасъ. Рука его дрожала, какъ осенній листъ, когда онъ протянулъ ее къ Мэри.

— Медальонъ! Медальонъ! — прохрипѣлъ онъ.—Боже мой! У тебя ли онъ?

— У меня!—воскликнула дѣвушка съ изумленіемъ и подошла къ своему письменному стола. Она подала ему медальонъ въ то мгновеніе, когда онъ бѣжалъ къ ней на встрѣчу; взглянувъ на него, Роберъ отшатнулся, какъ человѣкъ, пораженный ножемъ въ сердце. Дикій, страшный крикъ вырвался изъ его груди, онъ схватился руками за голову, покачнулся и едва устоялъ на ногахъ.

Мэри въ ужасѣ подскочила къ нему.

— Джимъ! Джимъ!—кричала она:—что же это такое?—Она хотѣла поддержать его, но онъ отстранился отъ ея прикосновенія, какъ отъ дикаго звѣря.

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричалъ онъ и забился въ уголъ комнаты; глаза его выражали безумный ужасъ.—Нѣтъ, оставь меня!

— Но, Джимъ,—кричала дѣвушка,—что же это такое? Въ чемъ дѣло?

Робертъ опустился на колѣни и трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— О Боже мой!—хрипѣлъ онъ—Боже мой!

Мэри опять подбѣжала къ нему и обняла его.

— Джимъ! Джимъ!—истерически кричала она:—ты долженъ сказать мнѣ, въ чемъ дѣло—долженъ, долженъ! Ты знаешь, кто былъ мой отецъ?

— Да,—хрипѣлъ онъ—знаю, знаю!

— Кто же онъ былъ? Кто? Скажи мнѣ!

Онъ чуть не задыхался и старался перевести духъ, но не могъ произнести ни слова. Ему казалось, что отъ теплоты ея дыханія, отъ ея объятія холодная дрожь пробѣгаетъ по всему его тѣлу, и онъ оттолкнулъ ее съ такою силой, что она чуть не упала. Потомъ онъ поднялся на ноги и со стономъ бросился къ дверямъ. Еще разъ взглянувъ на лицо дѣвушки, онъ какъ безумный сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Внизу его ждалъ кэбъ; Робертъ не замѣтилъ его и пробѣжалъ мимо; но возница окликнулъ его, и это привело его въ чувство. Онъ вскочилъ въ экипажъ.

— Скорѣй! скорѣй!—хрипѣлъ онъ.

— Куда ѣхать?—спросилъ кучеръ.

— Все равно куда!—закричалъ Робертъ — только скорѣй!— И кэбъ помчался по улицѣ, а ванъ-Ренселэръ, дрожа, прижался въ уголъ и ломалъ руки.

Одна и та же мысль то и дѣло сверлила ему голову, схватывала его, словно спазмъ, за горло и заставляла время отъ времени вскрикивать. Онъ не въ силахъ былъ выносить этого состоянія; крикнувъ что-то кучеру, онъ выскочилъ изъ кэба и бросилъ возницѣ деньги. Они находились въ пустынной части парка, и ванъ-Ренселэръ бросился бѣжать и скрылся во мракѣ.

Между тѣмъ Мэри осталась одна въ жуткомъ безмолвіи комнаты; она забилась въ уголъ, словно затравленное животное. Лицо ея было землистаго цвѣта, глаза расширились; въ своихъ дрожащихъ рукахъ она держала медальонъ.

Она все смотрѣла и смотрѣла на него, не имѣя силъ пошевельнуться. Ей хотѣлось открыть его; но прошло не менѣе десяти минутъ, прежде чѣмъ она встала и, шатаясь, прошла черезъ комнату. Она нашла какой-то ножикъ, встала на полъ на колѣни и принялась въ безумномъ ужасѣ за работу. Руки ея тряслись, какъ у пьяницы, она нѣсколько разъ порѣзала себѣ палецъ; потомъ вдругъ крышка медальона отскочила, и она накинулась на него.

Только одинъ разъ взглянула она на медальонъ; потомъ онъ выпалъ изъ ея безпомощныхъ рукъ, и она отшатнулась назадъ къ стѣнѣ съ зловѣщимъ, жалобнымъ стономъ. Одно мгновеніе она постояла прислонившись къ стѣнѣ, потомъ, какъ стрѣла, пробѣжала по комнатѣ. Быстро открывъ ящикъ письменнаго стола, она съ секунду чего-то тамъ искала: потомъ раздался выстрѣлъ, и она упала на полъ въ видѣ содрогающейся массы, и мозгъ ея обрызгалъ коверъ...

IX.

Въ этотъ четвергъ возбужденная, кричащая толпа собралась на Уолль-стритъ задолго до девяти часовъ утра; галлерея биржи была биткомъ набита, на тротуарѣ передъ входомъ толпился народъ. Всѣ только и говорили, что о лондонскихъ котировкахъ; на каждомъ лицѣ написано было ожиданіе, и ужасъ носился въ самомъ воздухѣ. Всѣ понимали, что наступилъ кризисъ въ этой борьбѣ, что такъ или иначе все скоро рѣшится.

Сквозь эту толпу пробирался Робертъ ванъ-Ренселэръ. Никто не обращалъ на него вниманія, никто не зналъ его. Платье его было въ грязи и въ пятнахъ, шляпа помята и глубоко надвинута на лобъ. Лицо у него было воспаленное, глаза налиты кровью, онъ шатался и хватался за ближайшіе предметы. Онъ былъ пьянъ.

Онъ добрался до своей конторы, ввалился туда и опустился на стулъ.

— Достаньте мнѣ виски!—прохрипѣлъ онъ, обращаясь къ своему секретарю,—и поскорѣе!

Секретарь смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Виски!—закричалъ ванъ-Ренселэръ.—Развѣ вы не слышите? И закройте дверь и никого сюда не впускайте. Живѣе!

Секретарь повернулся и исчезъ, а ванъ-Ренселэръ сидѣлъ, уставившись глазами въ одну точку. Онъ шелъ по городу словно во снѣ. Одна идея владѣла имъ и направляла его шаги—онъ бормоталъ все время, пока шелъ впередъ:

— Уолль-стритъ! Уолль-стритъ! Десять часовъ!

Онъ вдругъ обернулся и взглянулъ на телеграфный аппаратъ; потомъ всталъ и поплелся къ аппарату и тамъ остановился, облокотившись и нетвердо держась на ногахъ. Онъ прочелъ утреннія котировки, потомъ взглянулъ на часы. Было десять минутъ десятаго.

— А!—вздохнулъ онъ:—все въ порядкѣ!

Секретарь вернулся, и Робертъ, схвативъ принесенную имъ бутылку, сталъ прямо изъ нея тянуть виски. Потомъ онъ промолвилъ:

— Я вчера написалъ Джонсу и К°, чтобы онъ вручилъ три милліона моимъ маклерамъ. Позаботьтесь о томъ, чтобы это было исполнено. И скажите маклерамъ, чтобы они продавали акціи Т. и П. и продавали какъ можно скорѣе, пока всѣ онѣ не исчезнутъ. А потомъ вернитесь сюда и не впускайте въ эту комнату ни единой души, помните—ни единой. Поняли?

— Понялъ!—сказалъ секретарь и вышелъ, теряясь въ догадкахъ. Прежде всего онъ приказалъ своему собственному маклеру продать нѣсколько принадлежавшихъ ему акцій Т. и П.; никогда въ жизни секретарю не случалось видѣть, чтобы ванъ-Ренселэръ до такой степени терялъ самообладаніе.

А ванъ-Ренселэръ тѣмъ временемъ стискивалъ свои руки и что-то бормоталъ, устремивъ глаза на ползущую стрѣлку часовъ и на бутылку съ водкой. Такъ проходили минуты до тѣхъ поръ, пока стрѣлка не перешла десяти часовъ.

Въ это мгновеніе биржевой залъ съ кипящею въ немъ толпою представлялъ интересное зрѣлище. Не менѣе тысячи человѣкъ толпилось около одного мѣста, и когда пробило десять часовъ, они всѣ хоромъ подняли оглушительные крики.

Акціи Тихоокеанской и Подгородной! Тихоокеанская и Подгородная! Никто рѣшительно не думалъ въ этотъ день о какихъ-нибудь другихъ акціяхъ, и многія болѣе мелкія фирмы закрыли свои двери, не рѣшаясь производить свои операціи. Лица, окружавшія аппаратъ, читали, что цѣна Т. и П.—157¼, 157½, 157⅜ и т. д. Колебанія Т. и П. напоминали собою качаніе двухъ чудовищъ, которыя извиваются въ смертельномъ объятіи; и ванъ-Ренселэръ, наслаждаясь этимъ зрѣлищемъ, еще разъ почувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ. Онъ уже не испытывалъ больше ужаса; подъ вліяніемъ возбужденія, алкоголь испарился изъ его мозга, и если онъ былъ пьянъ, то уже только экстазомъ борьбы. Каждая новая цифра означала для него ударъ, наносимый его врагамъ; онъ представлялъ себѣ, что одинъ ударъ нанесенъ его отцомъ, другой—имъ самимъ, третій—Шрайкомъ и т. д. Стиснувъ руки, онъ бормоталъ, какъ человѣкъ, наблюдающій за сраженіемъ: „Еще, еще! Долой ихъ, долой!“ А телеграфный аппаратъ между тѣмъ продолжалъ свою скачку: Т. и П. — 100 акцій по 157½; Т. и П. — 500 акцій по 157⅝; Т. и П. — 3.000 акцій по 157⅜; Т. и П. — 10.000 акцій по 157¼ — и такъ почти безъ перерыва. Внизу, на улицѣ, выла бѣшеная толпа; сверху казалось, что смотришь въ огромный колодезь, наполненный содрогающимися тѣлами.

Такъ проползло еще полчаса, а Т. и П. все еще держались противъ бури; ванъ-Ренселэръ получилъ подкрѣпленіе, но, очевидно, подкрѣпленіе получилъ и синдикатъ. Уолль-стритъ словно поклялась образовать только двѣ арміи и никому не давать пощады. Борьба продолжалась; стрѣлки часовъ подвинулись до 10 часовъ 45 минутъ; наконецъ, акціи Т. и П. немного поднялись—до 157¾: это была самая высокая котировка этого дня! Ванъ-Ренселэръ выпилъ еще большой глотокъ виски и поспѣшно позвонилъ.

— Слушайте!—быстро сказалъ онъ своему задыхающемуся отъ волненія секретарю: — кризисъ наступилъ; выходите какъ можно скорѣе на улицу и скажите кому-нибудь, что арканзасское законодательное собраніе удвоило провозный тарифъ Т. и П. Это извѣстіе будутъ распространять еще десять или двѣнадцать человѣкъ. Потомъ подождите пять минутъ—ни единой секундой больше—понимаете? и начните говорить направо и налѣво, что

я хочу обезцѣнить акціи Т. и П., и что отецъ мой со мной заодно, и Шрайкъ, и прочіе!

Секретарь кивнулъ въ знакъ согласія и исчезъ, а ванъ-Ренселэръ опять обратился къ аппарату. Когда на одно мгновеніе наступила пауза, онъ подошелъ къ окну и выглянулъ на улицу. Потомъ опять аппаратъ защелкалъ—акціи Т. и П. все еще держались. Ванъ-Ренселэръ зналъ, что аппаратъ на нѣсколько минутъ отстаетъ отъ рынка, и терялъ терпѣніе. Потомъ онъ взялъ карандашъ и сталъ считать, кое-какъ набрасывая цифры своими дрожащими руками.

Онъ вложилъ въ это дѣло двадцать-семь милліоновъ. Онъ заплатилъ разницу одного и трехъ четвертей милліоновъ акцій. Это было больше, чѣмъ въ дѣйствительности существовало акцій; но по понятіямъ Уолль-стрита въ этомъ не было ничего необыкновеннаго. На ванъ-Ренселэра производилъ впечатлѣніе тотъ фактъ, что съ каждымъ долларомъ, на который акціи Т. и П. понижались, онъ выигрывалъ милліонъ и три четверти долларовъ отъ тѣхъ людей, съ которыми боролся. А еслибы акціи стали повышаться и продержались до назначеннаго срока, то онъ былъ бы долженъ столько же своимъ противникамъ. Вдругъ аппаратъ опять защелкалъ; было безъ пяти минутъ одиннадцать, а Т. и П. все еще держались—$157^5/_8$, $157^3/_8$, $157^1/_2$. Ванъ-Ренселэръ не въ силахъ былъ этого выдержать. Онъ допилъ бутылку и выскочилъ изъ конторы; черезъ нѣсколько мгновеній онъ былъ на улицѣ.

Тысячи людей съ испуганными глазами бѣгали взадъ и впередъ по улицѣ и кричали отъ волненія. До слуха ванъ-Ренселэра донеслись изъ разныхъ мѣстъ отдѣльныя выраженія, въ родѣ: „провозный тарифъ“—„раззорить ихъ“—„оба ванъ-Ренселэра“—„Шрайкъ“. Онъ спѣшилъ на биржу. Какъ членъ биржевого общества, онъ былъ допущенъ въ этотъ Бедламъ и подошелъ къ этой массѣ истерически кричащихъ людей, которые давили другъ друга, протискиваясь къ мѣсту торговли акціями. Ванъ-Ренселэръ взглянулъ на цифру—157! Здѣсь раздавались тѣ же восклицанія, что и на улицѣ: „провозный тарифъ, ванъ-Ренселэры“—и прочее; потомъ рядомъ съ Робертомъ выросла огромная фигура человѣка, похожаго на быка, который размахивалъ какой-то бумагой и крикомъ своимъ заглушалъ весь неистовый гулъ толпы. Это былъ одинъ изъ маклеровъ Роберта ванъ-Ренселэра—лучшій изъ нихъ,—и когда ванъ-Ренселэръ услышалъ этотъ голосъ, сердце его перестало биться: моментъ наступилъ!

— Предлагаю двадцать тысячъ акцій въ теченіе трехъ дней! Т. и П.—двадцать тысячъ! 157! 157! двадцать тысячъ акцій—$156^7/_8$! $156^3/_4$!

Но потомъ ревъ усилился и заглушилъ голосъ маклера. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики:

— Тысяча акцій по $156^1/_2$; три тысячи по 156! 156! $155^1/_2$!

И ванъ-Ренселэръ, опьяненный успѣхомъ, обезумѣвшій, ослѣпленный страстью, потрясалъ кулаками въ воздухѣ и кричалъ въ полномъ неистовствѣ:

— Долой! Долой ихъ! Долой! Топчите ихъ! Давите! Еще! Еще! —

Теперь онъ зналъ, что одержалъ побѣду. Это чувствовалось въ воздухѣ; всѣхъ охватывала паника—этотъ дикій, бѣшеный вихрь, все вырывающій съ корнемъ на своемъ пути. Началось! началось! Теперь уже не было покупателей—непріятель началъ уступать—онъ былъ разбитъ на голову! И ванъ-Ренселэръ кричалъ и хохоталъ, словно въ бреду; толпа, плотно окружавшая главный аппаратъ, тоже неистовствовала отъ ужаса или отъ радости, смотря по обстоятельствамъ. Были люди, терявшіе при каждомъ пониженіи по милліону—и эти милліоны выигрывалъ ванъ-Ренселэръ; и люди эти видѣли передъ собою страшное лицо раззоренія... Они неистовствовали и кричали, призывая кого-нибудь купить акціи Т. и П.—купить по 156, по 155, купить по 153! Но покупателей уже не находилось.

Ураганъ разразился во всемъ своемъ бѣшенствѣ; это была уже не паника, а хаосъ и разрушеніе. Акціи, наконецъ, лопнули; всѣ, кто старался ихъ поддерживать, были раззорены, и публика, пораженная страхомъ, накинулась и доконала ихъ. Цѣна акцій падала уже не дробными числами, а цѣлыми, падала сразу на три, на пять, на десять долларовъ. Быстрота паденія измѣрялась уже только тѣмъ временемъ, какое требовалось отъ электрической искры, чтобы распространить панику по всей странѣ, для полученія маклерами приказаній продавать акціи по какой бы то ни было цѣнѣ. А въ то же самое время агентъ ванъ-Ренселэра своимъ бычачьимъ голосомъ домолачивалъ акціи на смерть, понижая ихъ цѣну на пять, на десять долларовъ и предлагая купить у него двадцать тысячъ акцій.

Безуміе это продолжалось еще долго; наконецъ, ванъ-Ренселэръ не выдержалъ напряженія, выбрался изъ толпы и, въ изнеможеніи опустившись на стулъ, смѣялся и рыдалъ, какъ переутомленное дитя. Только черезъ полчаса онъ овладѣлъ собою; тогда акціи Т. и П. стоили семьдесятъ-шесть и наконецъ нашли

себѣ покупателей въ лицѣ спекулянтовъ на пониженіе, которые въ этомъ видѣли выгоду для себя. И такимъ образомъ страшная паника наконецъ окончилась. Ванъ-Ренселэръ считалъ нормальною цѣною акцій девяносто, а потому онъ послалъ своихъ маклеровъ скупить всѣ оставшіяся акціи.

Нашъ герой протолкался сквозь толпу, пробираясь мимо мужчинъ, изъ которыхъ одни плакали, другіе ругались, третьи рвали на себѣ волосы или грозили кулаками. Это были люди, потерявшіе все, что они имѣли, и видѣвшіе передъ собою раззореніе и голодную смерть. Это было страшное, адское зрѣлище; но ванъ-Ренселэръ не обращалъ на него вниманія—у него достаточно было своихъ волненій. Чувства его нелегко поддаются описанію: это были эмоціи человѣка, который получилъ по семидесяти—восьмидесяти долларовъ на каждую изъ милліона или двухъ милліоновъ своихъ акцій и который въ полчаса сдѣлался самымъ богатымъ въ Нью-Іоркѣ человѣкомъ. Ванъ-Ренселэръ старшій приковылялъ въ контору сына нѣсколько мгновеній спустя и заключилъ Робби въ свои объятія.

— Робби,—бормоталъ онъ—Робби!—Больше онъ ничего не могъ выговорить: онъ задыхался. Вслѣдъ за старикомъ явились Шрайкъ и трое прочихъ, и всѣ пятеро джентльменовъ не помнили себя отъ радости—они пѣли, смѣялись, плясали и обнимались.

Я сказалъ: пятеро, такъ какъ ванъ-Ренселэръ младшій, какъ это ни странно, мало принималъ участія въ проявленіяхъ ихъ восторга. Онъ то откидывался на спинку своего стула и нервно хохоталъ, пока отецъ его называлъ невѣроятныя суммы, выигранныя имъ, и сердце его билось отъ радости; то онъ черезъ нѣсколько секундъ послѣ этого становился мрачнымъ, глядѣлъ въ одну точку, и дрожащія руки его безцѣльно хватались за что попало.

— Бѣдный Робби!—сказалъ счастливый отецъ:—видно, какъ онъ измучился. Вотъ, выпей каплю! — Онъ удивился, увидѣвъ, что Робби осушилъ его фляжку до дна.

Теперь напряженіе у Роберта прошло, страшное давленіе исчезло — и вдругъ вернулось нервное состояніе. Пока прочіе находились еще въ такомъ настроеніи, что способны были обниматься, онъ всталъ, извинился и вышелъ.

Онъ вышелъ на улицу, гдѣ люди еще продолжали громко кричать въ своемъ отчаяніи, и нетвердою поступью прошелъ мимо нихъ. Онъ шелъ безцѣльно, мрачно насупившись и сжимая кулаки; онъ боролся съ самимъ собою, стараясь ни на мгновеніе не терять изъ виду, что онъ—самый богатый человѣкъ въ

Нью-Іоркѣ. Но это ему не удавалось; и вдругъ съ дикою, отчаянною рѣшимостью онъ вскочилъ въ кэбъ и крикнулъ, куда ѣхать.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился на берегу рѣки, гдѣ у пристани стояла его „Комета". Рѣка была бурная; на морѣ бушевалъ штормъ, и даже въ бухтѣ было сильное волненіе; но Робертъ ванъ-Ренселэръ не думалъ объ этомъ, вбѣгая на палубу „Кометы".

— Разводите пары!—закричалъ онъ явившемуся на его зовъ капитану—и отчаливайте, какъ только будетъ возможно!

Капитанъ въ смущеніи глядѣлъ на него широко открытыми глазами.

— Куда же теперь ѣхать?—воскликнулъ онъ.

— Въ море!—возразилъ хозяинъ яхты.

— Въ такой штормъ! Да вѣдь это...

— Къ чорту штормъ!—кричалъ Робертъ ванъ-Ренселэръ.— Мы выходимъ въ море, говорю я вамъ. Я хочу выбраться вонъ изъ этого города! Понимаете? Ну, чего вы стоите?

— Но половины экипажа нѣтъ, мистеръ ванъ-Ренселэръ. А наши запасы...

— Я же сказалъ вамъ, чтобы вы все приготовили!—кричалъ Робби.—Готовьтесь къ отъѣзду! Дѣлайте, что̀ я вамъ приказываю, и не разсуждайте! Достаньте, что̀ можете, и какъ только это будетъ возможно, отправляйтесь въ путь. Принимайтесь за работу!

Онъ повернулся и направился въ каюту. Люди бросились на палубу; внизу развели огонь, а ванъ-Ренселэръ сидѣлъ передъ бутылкой алкоголя; когда же „Комета" медленно выплыла изъ своего дока, онъ свалился на столъ совершенно пьяный.

X.

Онъ лежалъ въ каютѣ, ни о чемъ не зная, а машина между тѣмъ работала, и яхта уже выплывала изъ бухты. Только когда она вышла въ открытое море, и гигантскія волны стали разбиваться о судно, ванъ-Ренселэръ поднялъ глаза: отъ качки онъ упалъ на полъ, и это привело его въ чувство.

Онъ съ трудомъ поднялся на ноги, удерживаясь за столъ. Вокругъ него все шаталось; яхта почти ложилась на бокъ, когда взбиралась на гребни волнъ. Море оглушительно, неистово ревѣло; нѣкоторое время Робертъ не могъ понять, гдѣ онъ.

Вошелъ капитанъ. — Мы тронулись, сэръ, — сказалъ онъ угрюмо:—куда вы желаете ѣхать?

— Мнѣ все равно, — отвѣчалъ Робертъ. — Отправляйтесь, куда хотите, только оставьте меня въ покоѣ.

— Хорошо,—сказалъ капитанъ;—мы будемъ идти на сѣверо-востокъ: всего безопаснѣе идти бурѣ навстрѣчу. Завтра утромъ мы уже оставимъ за собою песчаныя мели.

Съ этими словами онъ повернулся и вышелъ, покачавъ головою. Онъ слышалъ, что хозяинъ „Кометы“ въ этотъ день выигралъ на биржѣ милліоны; но поведеніе его скорѣе было похоже на то, что онъ проигралъ ихъ.

Между тѣмъ ванъ-Ренселэръ одинъ сидѣлъ за столомъ, объятый ужасомъ.

День проходилъ; солнце зашло, наступилъ мракъ, а вмѣстѣ съ нимъ новая ярость шторма. Все это время ванъ-Ренселэръ то, дрожа, старался удержаться на стулѣ, то въ какомъ-то отупѣніи катался по полу каюты. Всю ночь онъ оставался въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что происходитъ вокругъ него; не думалъ о ходившихъ по морю кипящихъ волнахъ, которыя поднимали яхту высоко на гребни своихъ валовъ или съ страшной силой низвергали ее въ пучину; не думалъ о томъ, что капитанъ бодрствуетъ и трепещетъ, что четверо людей трудятся у руля, чтобы все время направлять яхту прямо противъ напора бури.

Онъ ничего не замѣчалъ, пока не почувствовалъ страшнаго толчка, за которымъ раздался такой трескъ, словно что-то сломалось въ самомъ центрѣ судна. Тогда онъ безсмысленно посмотрѣлъ кругомъ, чувствуя, что движеніе яхты измѣнилось, что она колышется взадъ и впередъ и что волны какъ будто стали сильнѣе.

Вдругъ дверь каюты отворилась, и ворвался капитанъ.

— У насъ сломался винтъ! — хриплымъ голосомъ проговорилъ онъ—и машины попорчены!

Ванъ-Ренселэръ смотрѣлъ на него, не соображая, въ чемъ дѣло.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— У насъ сломался винтъ!—закричалъ капитанъ, стараясь перекричать ревъ моря.

— Ну такъ что же изъ этого?—спросилъ ванъ-Ренселэръ.— Мнѣ-то какое дѣло!

— Мы безпомощны!—кричалъ капитанъ.—Безпомощны! Вы не понимаете? Насъ несетъ буря, мы разобьемся о скалы!

Ванъ-Ренселэръ стоялъ, ухватившись за столъ и уставившись глазами въ одну точку; онъ повторялъ полусознательно слова капитана, такъ какъ значеніе ихъ не было вполнѣ ясно для его затуманеннаго мозга: „Безпомощны! насъ несетъ! мы разобьемся о скалы!“ И вдругъ, увидѣвъ дикій взглядъ капитана, Робертъ подскочилъ къ нему съ крикомъ:—Зачѣмъ разбиваться о скалы? Вы съ ума сошли! Сдѣлайте что-нибудь! Остановите судно!

Капитанъ видѣлъ, что онъ пьянъ; но страхъ быстро отрезвлялъ ванъ-Ренселэра, какъ уже разъ его отрезвило возбужденіе.

— Гдѣ мы?—кричалъ онъ:—гдѣ мы?

Волны съ страшною силою ударились о судно; оно накренилось и закачалось, и оба въ страхѣ ждали, что будетъ; потомъ, когда судно опять поднялось, капитанъ сказалъ:—Мы находимся миляхъ въ пятидесяти отъ берега Мэна; но насъ гонитъ вѣтеръ, и мы противъ него безсильны. Если не подоспѣетъ помощь, мы погибли.

— Помощь должна явиться!—кричалъ ванъ-Ренселэръ, который наконецъ понялъ ясно, въ чемъ дѣло.—Вы съ ума сошли! Это невозможно!

И онъ устремился къ лѣстницѣ, чтобы подняться на палубу; капитанъ не отходилъ отъ него. Открывъ дверь, ванъ-Ренселэръ остановился, пораженный силою бури. Все было черно; но вѣтеръ, словно свирѣпый звѣрь, билъ его по лицу, шипящая пѣна колола его, какъ градъ. Онъ глядѣлъ въ открытую дверь, увидѣлъ, какъ къ самому небу взлетѣла съ палубы ракеты и, шатаясь, вернулся къ себѣ въ каюту.

Теперь онъ вполнѣ понималъ свое положеніе, и изъ всѣхъ его эмоцій осталась одна—ужасъ. Онъ, шатаясь, ходилъ по каютѣ, отбрасываемый качкой то въ ту, то въ другую сторону, ломалъ въ отчаяніи руки и кричалъ въ безумномъ страхѣ: „Боже мой! Боже мой! Не можетъ быть! Это ложь! Спаси насъ! Что намъ дѣлать!“ Капитанъ отвернулся отъ него съ отвращеніемъ и отправился на палубу исполнять свои обязанности.

Но ванъ-Ренселэръ даже не обратилъ на это вниманія—онъ все бѣгалъ взадъ и впередъ, какъ безумный, въ полномъ неистовствѣ. Въ немъ все замерло; оставалось только дикое животное — если, конечно, когда-либо было въ немъ что-нибудь иное. Онъ хотѣлъ жить, онъ рвался на сушу—онъ, имѣвшій сто милліоновъ долларовъ — онъ! онъ! Не можетъ быть, чтобы ему предстояло умереть, какъ пойманной крысѣ въ мышеловкѣ! Криковъ его не могла заглушить буря; онъ призывалъ Бога,

плакалъ, молился, проклиналъ; а бѣшеный штормъ ревѣлъ, вылъ, какъ дикій звѣрь, который борется за свою добычу, и гналъ суденышко впередъ—къ неумолимой судьбѣ. Никто не слышалъ криковъ этой пойманной въ мышеловку крысы, хотя она такъ бѣсилась, что изо рта у нея выступила пѣна.

Такъ прошелъ часъ, потомъ другой, третій; наконецъ, вдали занялась заря, и явился дневной свѣтъ. Ванъ-Ренселэръ все еще вылъ, хотя уже былъ такъ слабъ, что едва могъ передвигаться по каютѣ. Вдругъ дверь каюты широко распахнулась, и вошелъ капитанъ, мертвенно-блѣдный и съ плотно сжатыми губами.

— Все кончено, сэръ!—сказалъ онъ.—Мы погибли.

Глаза ванъ-Ренселэра горѣли какъ у маніака.

— Что вы говорите!—воскликнулъ онъ.

— Поднимитесь на палубу и посмотрите сами! — сказалъ капитанъ, и Робертъ ринулся на палубу. Ухватившись за перила лѣстницы, онъ глядѣлъ кругомъ себя, но на первыхъ порахъ ничего не видѣлъ, ничего не сознавалъ, кромѣ своего собственнаго ужаса. Вокругъ него царилъ невѣроятный хаосъ; яхту бросало словно мячикъ по необозримому морю; волны, словно горы, вздымались вокругъ судна. Оно опускалось въ глубокую долину—ниже-ниже, падало въ глубину, и при видѣ этого ванъ-Ренселэръ хрипѣлъ отъ ужаса; потомъ надвигалась огромная катящаяся гора, и яхта начинала подниматься вверхъ, все выше и выше, на самый гребень, летѣла съ быстротою курьерскаго поѣзда, а разъяренная водная стихія шипѣла и кипѣла, ревѣла и гремѣла вокругъ яхты.

Съ высоты волны ванъ-Ренселэръ оглядѣлся кругомъ — и крики замерли въ его горлѣ. Въ полумилѣ отъ нихъ, не болѣе, виднѣлся берегъ—дикій, пустынный, страшный берегъ, со своими острыми утесами, со своими безпощадными желѣзными скалами—гибель страшная и неотвратимая!

Зрѣлище это уничтожило послѣдній атомъ души ванъ-Ренселера. Онъ вопилъ, визжалъ, стоналъ; онъ бросился бы на палубу и извивался бы на ней, какъ животное, еслибы инстинктъ самосохраненія не заставлялъ его держаться за перила. Стоять тутъ живымъ и невредимымъ—и съ каждымъ пройденнымъ футомъ нестись на встрѣчу смерти! Быть безпомощною игрушкой въ рукахъ этихъ яростныхъ, неумолимыхъ силъ! Это было слишкомъ! Это было слишкомъ! Онъ впадалъ въ истерику, обращался въ звѣря, въ безумца! Онъ кричалъ, хохоталъ, рыдалъ; но произносимыя имъ слова уже утратили всякій смыслъ.

Глаза его были устремлены на черныя скалы, виднѣвшіяся

впереди; когда судно приблизилось къ нимъ, стали слышны звуки, производимые разбивавшимися о скалы горами воды: это былъ какой-то стихійный, космическій грохотъ, разносившійся далеко кругомъ. Только одинъ разъ ванъ-Ренселэръ повернулъ голову, чтобы взглянуть, какъ матросы бросаютъ якорь въ послѣдней, тщетной надеждѣ. Онъ видѣлъ, какъ яхта завертѣлась на мѣстѣ, когда якорь зацѣпилъ за дно, какъ волны подняли ее и снова погнали, оборвавъ канаты, какъ слабыя нитки.

Потомъ онъ замѣтилъ, что матросы силятся снять одну изъ шлюпокъ; онъ бросился къ этому мѣсту и ждалъ. Онъ не помогалъ имъ, но въ то мгновеніе, когда шлюпка коснулась воды, онъ прыгнулъ въ нее, оттолкнувъ одного изъ матросовъ. Нѣсколько человѣкъ прыгнуло вслѣдъ за нимъ, послышался крикъ: „Довольно!"—шлюпка оттолкнулась, и въ одинъ мигъ ее унесло отъ яхты. Еще мгновеніе—и налетѣвшая волна ударила въ лодку, и она опрокинулась.

Ванъ-Ренселэръ вынырнулъ на поверхность, хрипя и задыхаясь, объятый безумнымъ ужасомъ. Около него другой человѣкъ, матросъ, протягивалъ къ нему руки; пока волны кидали ихъ изъ стороны въ сторону, матросъ схватилъ ногу ванъ-Ренселэра и старался за нее удержаться. Но Робертъ въ безумной ярости отбросилъ его отъ себя и столкнулъ внизъ. И вотъ, онъ висѣлъ одинъ на пляшущей по волнамъ спасательной шлюпкѣ.

Борьба была страшная. Волны душили, оглушали, почти заливали его; онъ съ силой отчаянія цѣплялся за лодку, стараясь держать голову надъ водою,—а волны несли его все ближе и ближе къ неумолимому берегу. Онъ въ ужасѣ не спускалъ глазъ съ своего чудовищнаго врага, который, открывъ пасть съ огромными острыми зубами, готовился поглотить его. Вотъ они, эти утесы, высоко вздымаются надъ его головой; ревъ прибоя отдается въ его ушахъ, въ его душѣ, ошеломляетъ, ужасаетъ его—этотъ бѣдный, дрожащій комочекъ жизни, какой онъ представлялъ собою. А потомъ онъ чувствовалъ, что падаетъ внизъ, глубоко-глубоко въ пучину; чувствовалъ, что его бросаетъ и качаетъ изъ стороны въ сторону, что онъ шатается, словно сидя на верхушкѣ дерева; потомъ его понесло вверхъ, выше-выше—прямо на высокій пѣнящійся гребень, готовый низвергнуться внизъ. Онъ кричалъ, содрогался, словно видя страшный, холодящій душу сонъ. Но волна опять подхватила его — онъ чувствовалъ себя въ ея власти—и понесла его сначала медленно, потомъ быстрѣе—потомъ уже со скоростью пушечнаго ядра—и бросила его на разорванные утесы. Она разбила его лицо,

раздробила его члены, размозжила его черепъ, словно яичную скорлупу; и такъ вышла изъ него послѣдняя искра его алчной жизни.

Я раздѣляю отвращенiе Рёскина къ „патетической фальши", и не желаю приписывать волнамъ какихъ бы то ни было чувствъ по отношенiю къ Роберту ванъ-Ренселэру. Что онѣ держали его въ своихъ объятiяхъ и цѣлый день били его о скалы—это было чистѣйшею случайностью. Одна за другою волны подхватывали его, всячески стараясь разбить, раздробить его, лишить всякаго подобiя человѣка. Только вечеромъ онѣ вынесли его на берегъ и, выбравъ маленькую бухту, бросили его на самый край ея песчанаго берега.

Это было тихое мѣсто; здѣсь раздавались только голоса волнъ, и всю ночь онѣ перекликались между собою и качали тѣло взадъ и впередъ при серебристомъ лунномъ свѣтѣ; когда же занялась утренняя заря, тѣло все распухло, посинѣло и, окончательно выброшенное на берегъ, лежало полузарытое въ пескѣ.

Взошло солнце—и все еще трупъ продолжалъ лежать въ пескѣ, никѣмъ не замѣченный, кромѣ безчисленнаго количества маленькихъ существъ, которыя ходили какъ-то неладно и несли передъ собою свое длинное оружiе. Одно изъ этихъ существъ вскарабкалось на лицо мертвеца и вцѣпилось своими клешнями въ губы; другiя быстро послѣдовали примѣру перваго и набросились на столь отборную добычу. Вѣдь для образованiя тѣла Роберта ванъ-Ренселэра болѣе сорока лѣтъ со всей земли собирались рѣдкiя и дорогiя вещи: подумайте только о рѣдкихъ винахъ, которыя вливались въ него цѣлыми галлонами; подумайте о цѣлыхъ коробкахъ драгоцѣнныхъ сигаръ, которыми оно было приправлено! Подумайте о всѣхъ истребленныхъ имъ черепахахъ, дичи иуткахъ, объ удивительно заправленныхъ соусахъ, обо всѣхъ сластяхъ и вообще обо всѣхъ этихъ меню на розовомъ шелку, съ изящными французскими названiями блюдъ! Развѣ тысячи людей не трудились изо дня въ день, чтобы подать эти кушанья на хрусталѣ и на серебрѣ этому драгоцѣнному тѣлу, чтобы одѣть его, дать ему кровъ и выровнять передъ нимъ всѣ пути на бѣломъ свѣтѣ? А теперь это тѣло лежало на пескѣ и служило кормомъ цѣлому сонму голодныхъ крабовъ!

Такъ прошелъ еще день, и лишь на третiй день, послѣ полудня, проплыли мимо двѣ рыбачьихъ лодки, и одинъ изъ рыбаковъ замѣтилъ тѣло. Онъ причалилъ къ берегу съ однимъ изъ

своихъ товарищей и крикнулъ другимъ, что гдѣ-нибудь по близости должно быть затонувшее судно, и чтобы они отплыли подальше отъ берега и поискали его.

Потомъ рыбакъ подошелъ къ тѣлу или, вѣрнѣе, къ тому, что̀ отъ него осталось. Одежда еще была цѣла, и, обыскавъ карманы, рыбакъ вытащилъ прежде всего великолѣпные золотые часы, въ свое время стоившіе въ Женевѣ 1.800 долларовъ. Это, конечно, заинтересовало его, и онъ продолжалъ свои поиски. Онъ нашелъ бумажникъ, набитый деньгами, и въ немъ нѣсколько визитныхъ карточекъ. Всѣ онѣ стерлись, но имя на нихъ еще можно было разобрать, и, прочитавъ его, рыбакъ воскликнулъ:

— Господи! Да это Робертъ ванъ-Ренселэръ!

— Кто же этотъ Робертъ ванъ-Ренселэръ?—удивленно спросилъ другой.

— Ты не слыхалъ о немъ? Да это самый богатый человѣкъ въ Нью-Іоркѣ!

Говорившій съ почтеніемъ глядѣлъ на тѣло. Но товарищъ его отошелъ въ сторону.

— Кто бы это ни былъ,—сказалъ онъ,—но воняетъ онъ какъ самъ чортъ!

Другая лодка скоро вернулась, чтобы сообщить о крушеніи „Кометы“ и о томъ, что найдено еще нѣсколько тѣлъ. Черезъ нѣсколько часовъ извѣстіе это долетѣло до Нью-Іорка, вызвало новую панику на Уолль-стритѣ и повергло въ страшное горе осиротѣвшую семью несчастнаго милліонера. Въ тотъ же день газеты сообщили публикѣ, что „останки“ Роберта ванъ-Ренселэра находятся на пути въ Нью-Іоркъ, куда прибудутъ на экстренномъ поѣздѣ.

„Останки“ Роберта ванъ-Ренселэра, разумѣется, были встрѣчены съ подобающею пышностью; а два дня спустя состоялись торжественныя и богатыя похороны, описаніе которыхъ я могъ бы заимствовать изъ нѣсколькихъ газетныхъ столбцовъ, еслибы мой разсказъ и безъ того такъ не затянулся. Упомяну лишь о томъ, что отпѣваніе происходило въ большомъ соборѣ на 5-ой авеню; на немъ присутствовала вся денежная аристократія Нью-Іорка, и досточтимый докторъ Леттюсъ Спрей произнесъ одну изъ своихъ наиболѣе краснорѣчивыхъ проповѣдей на текстъ: „Блаженны милліонеры, ибо они наслѣдовали землю, и никто не можетъ вырвать ее изъ ихъ рукъ“.

Перев. съ англійскаго М. Чепинская.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЪ МОЕМЪ ПРЕДЗИМЬИ...

Въ моемъ предзимьи, мглой одѣтомъ,
Ты солнце вешнее зажгла,
И обреченнымъ, позднимъ цвѣтомъ
Душа безвольно расцвѣла.

Развѣявъ трепетомъ желаній
Мою осеннюю печаль,
Вѣнцомъ лазурныхъ предвѣщаній
Ты опьянила жизни даль.

Но въ знойномъ вихрѣ обольщеній
Играя сердцемъ, какъ весна,
Ты на порогѣ достиженій
Чертишь заклятій письмена.

И снова манишь къ упоенью,
Какъ нѣга шопотныхъ ночей—
И ускользаешь чуждой тѣнью
Отъ жадно вспыхнувшихъ лучей.

И сѣть, опутавшую душу,
Ты мнѣ расторгнуть не даешь...
И я не знаю: чѣмъ разрушу
Твою колдующую ложь?

Иль ненасытны утоленья,
Что пьешь ты въ жертвенномъ дыму,
И надо въ мукѣ всесожженья
Истаять сердцу моему?

ДАЛЕКОЙ.

Подъ утесомъ вóлны ложе стлали,
Пѣсню дня устало допѣвая.
Надъ закатомъ облака́ пылали,
Какъ видѣнья сказочнаго края.

Помнишь? Мы, плечо къ плечу, слѣдили,
Какъ мѣнялись тучекъ изваянья;
Тѣ же въ нихъ намеки мы ловили
И роняли тѣ же восклицанья.

Длилась ложь ребяческой забавы,
А слова́ взволнованно нѣмѣли,
И всплывали вздохи, какъ купавы,
И сердца̀, какъ арфы, нѣжно пѣли...

Вотъ заря всѣ сказки досказала,—
Сплылъ, какъ дымъ, послѣдній призракъ зыбкій.
„Больше нѣтъ!"—ты тихо прошептала—
Лишь одной, сбѣжавшей съ устъ, улыбкой...

И упалъ заботливымъ покровомъ
Знойный мракъ. И ночь договорила
То, чего не выдали мы словомъ...
Какъ недавно—какъ давно все было!

Сѣверъ. Осень. Неутѣшной мглою
Плачетъ вечеръ; плачетъ, сердцу вторя,
Оттого что нѣтъ тебя со мною—
Ни тебя, ни тучекъ-грезъ, ни моря.

СОНЪ.

Ты вновь мнѣ снилась—во тьмѣ безбрежной
Взошла звѣздою.
Была ты грустной—была ты нѣжной—
Была родною.

Мы все сказали—мы все забыли...
Преграда пала.
И ты воскресла для новой были—
Моею стала...

Ахъ, знаю: сонъ мой не ты дала мнѣ...
Но вѣрю чуду,
Что станутъ розы цвѣсти на камнѣ,
И ждать ихъ буду.

Залогомъ счастья въ душѣ мятежной
Мой сонъ лелѣю:
Ко мнѣ придешь ты и будешь нѣжной—
Родной—моею.

А. Колтоновскій.

СКАЗКА 9-го НОЯБРЯ

Шумятъ и спорятъ собравшіеся въ сборнѣ; голоса сливаются въ нестройный гулъ, борются, душатъ другъ друга и, спутанные и захлеснутые, какъ сама породившая ихъ жизнь, то устало падаютъ, утомленные ненавистью, то, какъ подхваченные бурей листья, кружатъ и носятъ по ней отдѣльные гнѣвные крики.

— Съ самой осени насъ крутите!—покрываетъ голоса рыжій Яковъ, и его высокая сильная фигура трясется отъ негодованія.— Скоро годъ мучаете!

— Васъ самихъ черти мучаютъ! Ловкіе какіе! Платили, платили за нее, а теперь вамъ отдай!

— А мы не платили? Мы не платили? — поддерживаютъ Якова.—Передѣловъ не было?

— Ну што жъ; ну и были. Мало ль што было. Теперь всѣмъ вольныя права вышли: хочешь—передѣляйся, хочешь—укрѣпляй.

— Ишь ты вольный какой! — разставляя каждый слогъ и словно подчеркивая ихъ своей ненавистью, говоритъ Яковъ.— Одинъ на шести душахъ! Этакъ и я, пожалуй, былъ бы куда волéнъ. Вспомни Бога-то. Пора и моимъ дѣтямъ кусокъ дать— не все тебѣ одному его трескать.

— Ты меня кормишь?

— Кормлю! Дѣти кормятъ! Они двѣнадцать лѣтъ голодныя ждутъ, пока ты налопаешься, дьяволъ; а тебѣ все мало. Не подавись, смотри!

— Не подавлюсь. Нашелъ дурака: передѣлись ему. А ты потомъ будешь дѣлиться? Будешь?—въ свою очередь возвышаетъ голосъ противникъ Якова.—Бу...у...дешь?

— Буду. Приговоръ объ этомъ составимъ.

— Прри...и...говоръ! — презрительно передразниваетъ его „стародушникъ".—Найди кого подурѣй, а насъ теперь имъ не проведешь.

— Приговорщики... Хе, хе, хе! — отзываются еще „стародушники".

— Такъ што жъ намъ теперь пропадать черезъ васъ!

— Сумку на дѣтей надѣть!

— Въ батраки къ вамъ итить!

— Пропадать, такъ ужъ всѣмъ пропадать!

— Полегче, полегче. Страшно, да не очень: сильнѣе закона быть захотѣли.

— Какого закона? Какого? — подхватываютъ новые голоса.

— Нѣшто это законъ?—выкрикиваетъ Яковъ.

— А што жъ? Што? Ну, скажи, ну, ну...—ловятъ его на словѣ „стародушники".

— Сами знаете—што.

— То-то—знаете. Не дюже глотку-то разѣвай. Стоитъ только словцо сказать.

— Какое словцо?

— А...а! Заб...ы...лъ?

— Какое—будь ты проклятъ!

— Ка...ко...е?.. По дворамъ не ты бѣгалъ, народъ на сходъ сбивать, арателя слухать? Не ты мнѣ бумажку въ руку совалъ? Не ты?

— Да вѣдь это давно было.

— Давно...о!—злобно торжествуя, растетъ голосъ.—Давно...о. Все припомнится; все вернется.

— Видѣли, какъ петлю-то надѣваютъ?—блѣднѣя, оборачивается къ своимъ единомышленникамъ Яковъ.

Голоса падаютъ, словно подавленные какимъ-то общимъ сознаніемъ. Мужики устало вытираютъ потъ съ разгоряченныхъ лицъ, вздыхаютъ, осматриваютъ другъ друга.

— Незнамо теперь, въ какую петлю и лѣзть!—разводя руками, говоритъ степенный старикъ стоящему съ нимъ рядомъ.—Старшій сынъ кричитъ: „Дѣлись!" У него всѣ четверо—мальчики. Второй: „Не смѣй! Ванька, говоритъ, выдѣлится потомъ; изъ моей же части ему въ собственность достанется". Кого слухать: ни того, ни другого обидѣть не хочется.

— Да, пришло времячко!—отвѣчаетъ собесѣдникъ.—Наши дѣды не знавали такой бѣды.

Старикъ безнадежно машетъ рукой.

— Што жъ мнѣ теперь съ отцомъ дѣлать? — слышится въ

другомъ углу сборни.—Изъ избы ужъ гонитъ: „Все теперь мое!—кричитъ:—Ступай вонъ отсуля!" А куда я пойду, съ шестью ребятами?

— Съ чего онъ такъ взъѣлся?

— Это все Стехвашка его. Какъ пришелъ изъ солдатъ, и ну улещать: „Выгони Прошку. Мы съ тобой не батраки на его семью". Нынче ему полбутылку, завтра бутылку — старикъ и ополоумѣлъ. „Кажный день, говоритъ, тебѣ яишню буду жарить, и водки сколько хошь; только выгони—укрѣпи за собой". А ко мнѣ-жъ придетъ околѣвать.

— Это ужъ—какъ пить дать.

— Стехвашка только и ждетъ, чтобъ онъ ему все подписалъ; тогда и его въ шею. А не то—вмѣстѣ все пропьютъ.

— Што жъ тебѣ волостные-то?

— „Сами, говорятъ, знаемъ, што твой отецъ спаконъ вѣку былъ лодырь, и все хозяйство тобой нажито, а только ничего, говорятъ, для тебя не можемъ теперь издѣлать, потому—бумага такая пришла: въ собственность штобы отцамъ производиться".

— Мы имъ покажемъ собственность! — срываются молодые голоса.—Они будутъ на печкѣ лежать, а мы имъ сотки покупай, да въ ноги кланяйся—не выгоняй, батюшка! Права!

— Это еще—чья возьметъ!

И новый взрывъ накопленной обиды и гнѣва яростно бьется въ стѣны старой сборни.

Между народомъ треплется маленькій пьяный мужиченка, Иванъ Богомоловъ.

— Міруша!—восклицаетъ онъ, заглядывая всѣмъ въ глаза—верни мнѣ мою душу! Рази я продавалъ? Вино продавало! Лошаденка пала. Хозяйка лежитъ. Хлѣбушка ишелъ до крохи. Пошелъ у Василъ Захарыча подъ работенку попросить: угостилъ, улестилъ; десятку впередъ далъ. Нѣшто она пятьдесятъ целковыхъ стоитъ? Какъ же я-то теперь буду? Пожалѣйте, кормильцы! Не дайте пропасть! Вѣдь я весь тутъ передъ вами! Чего еще изъ меня выгадывать?

И онъ трясъ рукавами своего рванаго полушубка, какъ бы желая доказать этимъ, что весь тутъ, что ничего нѣтъ у него скрытнаго отъ „міра".

— Проси земскаго.

— Бы...ы...лъ! Бы...ы...лъ!—жалостливо выкрикивалъ Иванъ.

— Што жъ онъ?

— „Ты, говоритъ, свою собственность продавалъ. Такого нѣтъ закона, штобъ ее вернуть".—Собственность, собствен-

ность!.. А што это за собственность—такъ я у него и не понялъ.

И онъ изумленно взглядывалъ на окружающихъ, повторяя невѣдомое ему страшное слово, отнявшее у него послѣдній кусокъ.

— Къ чему это онъ сказалъ — собственность? Што это такое? А?.. Разъясните вы мнѣ.

Но слово было также страшно или непонятно и тѣмъ, кого онъ спрашивалъ о немъ. Не знали его также ни дѣды ихъ, ни отцы. Далекое отъ нихъ, оно стлалось передъ ними чужою тучною землею: съ форейторами ѣздило шестерикомъ, грозно сгоняя ихъ съ дороги; часами держало „всѣмъ міромъ" безъ шапокъ передъ барскимъ крыльцомъ; пороло и мѣняло на собакъ. А въ селѣ—снохачами лежало въ богатыхъ избахъ на печи, „міроѣдами-захребетниками" жирѣло у всѣхъ на виду; и вырыло яму безъ дна, какой всячески сторонились народное чувство и мысль.

И вдругъ оно ласково обернулось къ нимъ, манило и звало къ себѣ странными, непонятными словами... А сейчасъ металось передъ ними вчерашнимъ однообщинникомъ Иваномъ, плакало и валялось у нихъ въ ногахъ.

— Уйди ты!

— Тебѣ говорятъ—прочь!

И было въ этихъ окрикахъ что-то такое, отъ чего Иванъ сжимался какъ побитая собачонка и виновато смолкалъ, отдаваясь во власть охватившаго его отчаянія...

Встаетъ передъ нимъ больная жена, дочь-красавица, Фенька, черноглазый Сидорка—первый ученикъ въ школѣ, и еще бѣлоголовые Титка съ Акулькой. И холодѣетъ сердце Ивана отъ ужаса за нихъ. „Опять рази въ шахты?" — мелькаетъ мысль.

И стучитъ и гремитъ передъ нимъ поѣздъ. Перекрестясь, вскакиваетъ въ него, на ходу, Иванъ и долго стоитъ на площадкѣ въ своихъ лохмотьяхъ, пока не рѣшается бочкомъ, невидимкой прокрасться въ вагонъ и, дрожа отъ страха, лѣзть подъ первую отъ входа скамью. Холодно, мокро на заплеванномъ полу; ломятъ бока, ломитъ грудь; коченѣютъ ноги. Въ желудкѣ поднимаются спазмы отъ голода. Но лежать надо долго: всю ночь, весь слѣдующій день и еще ночь.

И бѣжитъ подъ нимъ холодная, мерзлая земля; тарахтятъ колеса, стучитъ, и гудитъ, и трясется весь старый, щелявый вагонъ. Съ нимъ вмѣстѣ гудитъ дѣло Ивана, гудитъ въ ушахъ, въ темени; гудятъ тяжелыя, больныя мысли...

Звенитъ передъ нимъ зеленая степь, вздымаются жаворонки, дышитъ, парится земля. У рѣки пасется табунъ, и ребятишки, разсыпавшись по лугу, рвутъ кислый розоватый щавель. Ходитъ Иванъ за сохою по раскрывающимся бороздамъ черной земли и распадается она передъ нимъ рыхлыми, влажными комками. Рослая молодая лошадь утопаетъ „густыми" ногами въ глубокой бороздѣ. И самъ онъ, Иванъ—молодой и сильный. Вонъ и мельницы на пригоркѣ машутъ ему своими крыльями, и сельская церковь, и вербы на его огородѣ, и плетень между ними, склонившійся надъ самой рѣкою, весь обвитый бѣлой цѣпкой повиликой. Когда Иванъ былъ еще ребенкомъ, любилъ онъ подъ нимъ ловить рыбу, а сестра-Дунька съ дѣвчатами плела тутъ вѣнки и мѣнялась съ подругами крестами, закрѣпляя этимъ навѣки свою дѣвичью дружбу. Растетъ и ширится душа Ивана, дышетъ вмѣстѣ съ парящеюся степью, блеститъ зеленымъ серебромъ легкаго ковыля на ней, волнуется вмѣстѣ съ склоненною спѣлымъ колосомъ рожью и, замирая, растворяется въ напитанномъ тепломъ и свѣтомъ пространствѣ... Уходитъ и въ темный лѣсъ за рѣкой, въ розоватыя вечернія зори, и сливается, какъ въ дѣтствѣ, съ высокимъ, таинственнымъ небомъ.

Вездѣ душа Ивана: въ покосившихся старыхъ избахъ села, въ плетняхъ и сараяхъ, въ морщинахъ стариковъ и въ румяныхъ лицахъ молодыхъ. И даже въ старой корѣ ветлы надъ рѣкой прячутся частицы ея. Ушли эти частицы и въ землю на погостѣ, съ костями отошедшихъ, но и оттуда, изъ тьмы и тѣсноты, говорятъ ему о какой-то милости, о Божьей правдѣ...

— Ноги чьи! Эй, чьи ноги!—слышится грозный окрикъ.

Холодѣетъ обогрѣтое сердце Ивана; хлюпаетъ въ груди. Его вытаскиваютъ, осматриваютъ, толкаютъ на площадку и сильнымъ кулакомъ бьютъ по шеѣ, лицу.

Темная ночь. Какая-то станція; много, много путей. И ходитъ по нимъ голодный, иззябшій Иванъ, прячась людского взора, сторонясь свѣта фонарей... И опять припадаетъ и кружитъ вокругъ поѣздовъ... Уходитъ одинъ поѣздъ; онъ ждетъ другого. Отогнали отъ этого—ждетъ третьяго, четвертаго...

И выглядываетъ на него отовсюду смерть: изъ-за шпалъ, изъ-подъ колесъ; съ дождемъ и снѣгомъ налетаетъ на канаву, въ которой притаился онъ; сторожитъ его у зіяющей пасти шахтъ; подкрадывается къ нему въ ихъ извилистыхъ подземныхъ переходахъ и виситъ надъ его головой вмѣстѣ съ той глыбой, какую подрубаетъ онъ...

И ловятъ они съ Иваномъ другъ друга: то онъ ее, то она его...

— Нѣтъ, въ шахты больше не пойду,— рѣшаетъ вдругъ Иванъ.— Какъ они тогда останутся?.. Опять рази въ городъ? Тоже послѣднiй разъ три дня не ѣвши прошлялся по улицамъ: на каждомъ углу такiе же, какъ я, пристаютъ къ прохожимъ: „Нѣтъ ли дровишекъ поколоть; снѣгъ посчистить"? И на хлѣбъ не выработалъ... Ужли опять къ своему барину?.. „Ставь, пожалуй, говорилъ анадысь, свою избенку на моемъ Панькиномъ буеракѣ: будешь на меня работать. Сидорку свиней пасть возьму, а Феньку пришлешь ко мнѣ въ горницы. Пробьешься какъ-нибудь".

— Эхъ!—вскрикиваетъ Иванъ, встряхивая головой.

И опять треплется среди мужиковъ, плачетъ пьяными слезами, валяется у нихъ въ ногахъ, умоляя вернуть его душу. И чувствуетъ, какъ все дальше и дальше уходитъ его душа, вмѣстѣ съ подписанной имъ какой-то бумажкой, и нельзя уже ни поймать, ни вернуть бумажку обратно...

Шумятъ и галдятъ мужики. „Стономъ стонетъ" отъ ихъ криковъ старая сборня. Плещутся по ней гнѣвныя народныя волны, сшибаются, ищутъ выходъ и, не найдя, снова яростно кидаются другъ на друга, обливаясь мутною пѣной. У стола, свѣсивъ голову, сидитъ высокiй, коренастый мужикъ, съ мясистымъ, краснымъ лицомъ и широкимъ, расплывчатымъ носомъ. Онъ словно не слышитъ и не видитъ того, что̀ творится вокругъ; растерянные, помутнившiеся взгляды его, руки, которыми онъ то хватается за голову, то щупаетъ лавку и столъ — словно ищетъ чего-то, какъ-то не вяжутся съ его лоснящимся, упитаннымъ обликомъ и именемъ „богатѣя" Терентiя Сидоровича, перваго горлодера-захребетника на селѣ. Сквозь шумъ и крики мужики улавливаютъ порой его несвязное бормотанье съ самимъ собой и быстро скользятъ по его прожженому во многихъ мѣстахъ полушубку, по всей съёжившейся и тоже словно покоробившейся въ огнѣ фигурѣ, стараясь скорѣе отвести отъ него глаза и какъ бы забыть его совсѣмъ, словно онъ и сейчасъ еще мечется передъ ними съ своей семьей въ глухую полночь въ объятой пламенемъ избѣ, припертой снаружи, перебрасываясь изъ угла въ уголъ, хватаясь за ненужное и забывая цѣнное. Зловѣщiе языки жадно лижутъ со всѣхъ сторонъ избу и плачутъ въ ней обезумѣвшiя отъ ужаса дѣти Терентiя Сидоровича, реветъ кѣмъ-то загнанная въ сарай и тоже припертая въ немъ скотина, а въ объявшей кругомъ тьмѣ чудится мужикамъ тщедушный Гришка, его жена-Настасья

и подброшенная во дворъ къ нему Терентьемъ Сидоровичемъ шлея — за несогласіе Гришки выдѣлиться и продать ему свой надѣлъ.

Пугливѣе становятся взгляды, бросаемые на Терентія Сидоровича; все быстрѣе скользятъ они по немъ, словно еще что-то виднѣется имъ за его пришибленной, какъ у волка, попавшаго въ капканъ, фигурой. Словно тутъ же, за его широкой спиной, прячутся и тѣ четыре ведра вина, какія онъ поднесъ мужикамъ, чтобы они отказались отъ Гришки и отдали ему Гришкинъ надѣлъ; чудится ихъ гульба, „учёба" вора-Гришки и его высылка изъ родного села, вмѣстѣ съ его безотвѣтной Настасьей, не пожелавшей оставить мужа.

Въ темную ночь, за тысячи верстъ прибѣжалъ Гришка и зажегъ Терентія Сидоровича; зажегъ бы и ихъ всѣхъ, да скоро оглядѣли его случайные люди. Кричатъ и мечутся въ огнѣ обреченные на смерть люди и скотина. Зарево освѣщаетъ бѣлую холодную степь, по которой бѣжитъ отъ жаркаго огня Гришка.

На утро его находятъ по слѣдамъ замерзшимъ, съ стеклянными, остановившимися глазами. На окоченѣвшемъ, худомъ и скорченномъ тѣлѣ треплются лохмотья. Къ груди примерзъ кусокъ гдѣ-то выпрошеннаго хлѣба.

И зарево, и степь, и пламенемъ объятая изба, полная дѣтей, и тысячи верстъ, черезъ которыя гналъ къ ней гнѣвъ Гришку, и ярость, съ какою они „учили" его, а теперь кидаются другъ на друга, и нудныя жалобы Ивана, все это кажется мужикамъ придуманною кѣмъ-то сказкою—придуманною не этимъ замерзшимъ, маленькимъ человѣкомъ, а кѣмъ-то другимъ, большимъ, безформеннымъ, неуловимымъ... То она объявляется земскимъ начальникомъ, убѣждая ихъ укрѣпляться и выходитъ изъ общины, то ломается передъ ними стражникомъ или урядникомъ, то ходитъ невидимкою, не имѣя лица — одни длинныя, призрачныя уши и длинный, длинный языкъ; вездѣ слушаетъ, высматриваетъ и все доноситъ по начальству... То летитъ по дорогѣ маленькой, съ казеннымъ знакомъ, бумажкой.

И меркнутъ и блѣднѣютъ передъ этой сказкой всѣ старыя сказки о колдунахъ и вѣдьмахъ, страшнѣй которыхъ не зналось ничего раньше. Эта сказка живетъ, дышетъ; поретъ нагайками; лежитъ въ видѣ окоченѣвшаго человѣка въ полѣ. Убиваютъ въ этой сказкѣ сыновья отца, пропившаго свою землю; убиваютъ среди бѣла дня, втыкая въ землю вокругъ покойника вмѣсто свѣчей окровавленные колья.

Идетъ эта сказка рядомъ со всякимъ человѣкомъ, слѣдитъ

каждый его шагъ, не даетъ спать ночами. Изъ одного брошеннаго въ гнѣвѣ слова превращается въ тысячеверстную сибирскую дорогу, тайгу, звонъ кандаловъ... И растетъ, растетъ, вбирая въ себя и избу въ родномъ селѣ, и брошенныхъ на голодную смерть жену и дѣтей, и гонитъ въ невѣдомую даль, откуда въ темныя ночи прибѣгаютъ Гришки, обрекая огню и погибели разсказавшихъ имъ эту сказку...

Ищутъ въ ней какихъ-то бумажекъ; ищутъ за темными образами, къ которымъ прикасались до этого лишь многотерпѣливая вѣра народа и многовѣковая тьма его. Ищутъ въ бабьихъ холстахъ, пряденныхъ въ глухія, безсонныя ночи; въ соломенныхъ крышахъ, гдѣ раньше гулялъ лишь вѣтеръ да огонь. Стоитъ эта сказка на столѣ передъ семьею чашкою пустыхъ щей, изъ которой лѣзутъ уже не черти — при плохой бесѣдѣ, какъ было встарь, а голодъ, нужда и отчаяніе... Качаетъ она ребятъ въ люлькахъ, суля ужъ не „черный передѣлъ", съ „золотой грамотой", а скитанье безъ угла, семьи и привязанностей.

И идетъ сказка черною тучею, посыпая села пепломъ...

Шумятъ въ сборнѣ мужики, гонятъ отъ себя страшную сказку, бьютъ ее словами, бьютъ ненавистью, судорожной жаждой жизни; а она толкаетъ ихъ другъ на друга, и крутитъ, и несетъ, какъ вихрь—пыль по большой дорогѣ...

Первыми выходятъ изъ сборни „міроѣды", въ сопровожденіи должниковъ, обязанныхъ вездѣ и при всякихъ случаяхъ поддерживать своихъ благодѣтелей.

Улица пустынна. Крутитъ позёмка, заметая дорогу.

— Хорошій, обходительный начальникъ,—слышатся слова.— Часа два со мной говорилъ, и завсе просто. „Выдѣляйся, говоритъ, Мироновъ; покажи примѣръ. Я тебѣ лучшую землю вырѣжу".

— Вѣстимо, чего еще ждать? Укрѣпимся; а тады пущай какъ знаютъ передѣляются.

— Яшка дюже играетъ, подлецъ.

— Укоротить можно.

Заметаетъ позёмка слѣды прошедшихъ.

— Воды не давать изъ своихъ колодцевъ: пусть новые роютъ—рветъ холодный вѣтеръ чьи-то горячія слова.

Голоса стихаютъ. Улица опять пустынна.

И несется по ней пьяная, растрепанная пѣсня прогуливающаго свой надѣлъ мужика; несется въ поле, гдѣ волки терзаютъ его павшую отъ безкормицы лошадь. Треплетъ вѣтеръ соло-

менную крышу его избенки, и бредятъ въ ней во снѣ страшною сказкою прижавшіяся на печи голодныя дѣти...

— Шапчёнку рястанку надѣну-у-тъ,
Руки—ноги искуютъ кандалы...

—разрывая слова, далеко разноситъ ихъ вѣтеръ.

Е. Милицына.

ЛУНА

От электрическаго свѣта,
От шумной уличной тоски,
Пришел я в комнату поэта,
В глухом предмѣстьи у рѣки.

Приник я к бѣлым занавѣскам,
Открыл окно во двор. А он
Таинственным и грустным блеском
Пустынно был заворожон.

Косыя тѣни встали снизу.
В углах застыла тишина.
По четким трубам и карнизу
Скользила нѣжная луна.

Была мечтательно-плачевна
Улыбка луннаго лица...
Как будто блѣдная царевна
Томилась тяжестью вѣнца.

Как будто давняя подруга
Пришла в забытый уголок
Из обольстительнаго круга
Обманно-блещущих тревог.

— Ты здѣсь, ты здѣсь! — смущенно пѣла
Душа забытым языком...

Ты здѣсь! Ты спорить не хотѣла
Съ безумнымъ городомъ-врагомъ...

Отъ электрическаго гула
Ушла въ покинутую тишь,
Во дворъ старинный заглянула
И здѣсь колдуешь и грустишь...

Свѣтла стѣна. Бѣлѣютъ окна
Глухими пятнами гардинъ.
Луна развѣсила волокна
Лучисто-блѣдныхъ паутинъ.

У старыхъ бочекъ, у сарая,
Среди покинутыхъ телѣгъ,
Метнулись призраки, сгорая
И тая, хрупкіе, какъ снѣгъ...

Я цѣпенѣлъ въ окнѣ открытомъ,
Прохладой мартовской дыша,
И о весеннемъ позабытомъ
Беззвучно плакала душа...

Я видѣлъ: тамъ—въ углахъ печальныхъ—
Возникли милыя черты
Видѣній ласковыхъ и дальныхъ,
Давно увядшихъ, какъ цвѣты...

И дѣтскихъ игръ наивный шорохъ,
И сладость юношескихъ слезъ;
И нѣжность первая во взорахъ
Подъ мягкимъ золотомъ волосъ.

Пустынно въ домѣ. Всѣ устали.
И спятъ. Не помнятъ о лунѣ.
Она въ непонятой печали
Глядитъ довѣрчиво ко мнѣ.

Глядитъ, ушедшая отъ свѣта
Кричащихъ мертвенныхъ шаровъ,
И бѣдной комнатѣ поэта
Плететъ серебряный покровъ.

Кладетъ лазоревыя пятна
По косякамъ и потолку...
И обо всемъ, что невозвратно,
Тревожитъ позднюю тоску.

Дмитрій Цензоръ.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ БАПТИСТОВЪ ВЪ РОССІИ

I.

Первое проявленіе баптизма среди южно-русскаго населенія относится къ 1869-му году, когда —11-го іюня — крестьянинъ деревни Карловки, Херсонской губерніи, Елизаветградскаго уѣзда, Ефимъ Цимбалъ, былъ крещенъ въ рѣкѣ Сучаклеѣ нѣмецкимъ колонистомъ Абрагамомъ Унгэромъ, рукоположеннымъ для Россіи, вмѣстѣ съ Вас. Гур. Павловымъ, гамбургскимъ пресвитеромъ и проповѣдникомъ Онкеномъ. Въ сентябрѣ 1869 г. епархіальная власть предписала благочинному и мѣстному священнику произвести увѣщаніе сектантамъ деревни Карловки и вмѣстѣ съ тѣмъ обратилась къ херсонскому губернатору съ просьбою привлечь къ суду совратившагося Цимбала и его совратителя. Свѣтская власть, въ виду неисполненія епархіальнымъ начальствомъ нѣкоторыхъ формальностей, оставила эту просьбу безъ послѣдствій.

Баптизмъ прежде всего сталъ распространяться среди сектантовъ-штундистовъ, между которыми въ то время уже намѣчалось два теченія: болѣе богатая, зажиточная и хозяйственная часть сектантовъ не хотѣла идти такъ далеко по пути раціонализма, какъ требовали менѣе обезпеченные „братья“-штундисты. Послѣдніе желали совершенно перестраивать жизнь на евангельскихъ началахъ, въ то время какъ первые стремились только къ личному самосовершенствованію, широкой благотворительности. Именно въ этой-то болѣе умѣренной части стараго

штундизма баптизмъ сталъ быстро вербовать своихъ приверженцевъ.

Баптизмъ изъ села Карловки перешелъ прежде всего въ сосѣднія села. Однимъ изъ первыхъ отъ Цимбала крестился извѣстный въ исторіи сектантства Иванъ Рябошапка, будущій вождь южно-русскаго баптизма. Наибольшей организованности баптизмъ достигаетъ съ присоединеніемъ къ нему сильнаго и страстнаго Михаила Ратушнаго, жителя деревни Основы, Херсонской губ., Одесскаго уѣзда. Ратушный въ 1871-мъ году принялъ крещеніе отъ Ив. Рябошапки, вмѣстѣ съ 48 своими учениками, послѣ чего оффиціально увѣдомилъ епархіальное начальство о своемъ выходѣ изъ православной церкви. Къ этому же времени окончательно опредѣляется разрывъ между баптистами и штундистами. Представитель послѣднихъ, Балабанъ, относясь совершенно отрицательно ко всякому проявленію обрядности, не могъ согласиться съ баптистами, усвоившими, вмѣсто православныхъ, свои общеобязательные для всѣхъ членовъ общины обряды, таинства и обычаи.

Первые баптистскіе проповѣдники вскорѣ вышли изъ замкнутаго круга сектантскихъ общинъ и повели съ большимъ успѣхомъ свою широкую пропаганду среди православнаго населенія. Не смотря на колебанія свѣтской власти, мѣстные и петербургскіе представители православной церкви стали усиленно хлопотать о судебномъ преслѣдованіи вновь появившихся сектантовъ. Уже въ 1870 г. къ дознанію были привлечены баптисты Ратушный и другіе. Ихъ обвиняли, по 196 ст. „Уложенія о наказаніяхъ", въ „заведеніи... новыхъ, повреждающихъ вѣру, сектъ" и въ „распространеніи существующихъ уже между отпадшими отъ православной церкви ересей и расколовъ". Въ семидесятыхъ годахъ прокурорскій надзоръ неоднократно отклоняетъ ходатайства и требованія православнаго духовенства о преслѣдованіи сектантовъ. Дѣла иногда тянулись годами; такъ, дѣло Ратушнаго и др., возникшее въ 1870-мъ, разбиралось въ 1878-мъ году. Это первое по времени судебное преслѣдованіе кончилось полнымъ оправданіемъ подсудимыхъ. Еще раньше, въ 1872-мъ году, происходилъ разборъ дѣла, въ которомъ участвовали и баптисты, и штундисты. Этотъ процессъ окончился полнымъ оправданіемъ по вопросу о принадлежности къ сектѣ и о ея распространеніи, но нѣкоторые изъ подсудимыхъ были осуждены за кощунство, выразившееся въ хуленіи иконъ и въ рѣзкихъ нападкахъ на обряды православной церкви. Начиная съ 1872-го года и до конца царствованія Александра II, мы

ясно видимъ двѣ взаимнопротивоположныя тенденціи въ борьбѣ съ сектантами: духовная власть все время стремится предать измѣнившихъ вѣру „суду кесареву“, а представители „суда кесарева“ все время отклоняютъ эту честь. Возникаетъ по этому поводу большая переписка какъ съ мѣстными, такъ и центральными властями, и въ концѣ концовъ отвергается даже административная высылка сектантовъ. За это время было нѣсколько обвиненныхъ по суду баптистовъ, но не за „ересь“, распространеніе ея или принадлежность, а за кощунство, богохульство и другіе аналогичные проступки. Но и такихъ приговоровъ было очень мало. Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что сектанты не терпѣли отъ преслѣдованій. Прежде всего имъ нерѣдко приходилось высиживать въ тюрьмѣ долгіе мѣсяцы предварительнаго заключенія. Такъ, одинъ изъ старѣйшихъ представителей баптизма, И. Лясоцкій, пишетъ въ своихъ „Запискахъ ссыльнаго“: „всѣхъ насъ представили въ духовную коммиссію, которая требовала отъ насъ выясненія нашего основанія и увѣщевала оставаться преданными православной церкви. Но такъ какъ нисколько въ этомъ не успѣли, то заключили насъ въ тюрьму въ городѣ Таращѣ, гдѣ насъ съ Балабаномъ составилось 11 душъ. Продержавъ насъ въ тюрьмѣ въ Таращѣ до мая 1873-го года, нѣкоторыхъ изъ братьевъ освободили, а меня съ братомъ и другихъ отправили въ Кіевъ и черезъ нѣсколько дней представили насъ въ кіевскую судебную палату, которая приговорила меня съ братомъ, Коваля, Терещука, Богдашевскую и Цибульскаго на 6 мѣсяцевъ высидки въ смирительномъ домѣ, а за неимѣніемъ таковогo — въ тюрьмѣ; остальныхъ оставили только въ подозрѣніи. Прокуроръ, полагавшій сослать насъ въ Закавказскій край, остался недоволенъ рѣшеніемъ палаты и протестовалъ, послѣ чего мы, вмѣсто 6 мѣсяцевъ, просидѣли въ тюрьмѣ болѣе полутора года. Двое умерли въ кіевской тюрьмѣ, а остальныхъ освободили—въ декабрѣ 1874 г.

Помимо судебнаго преслѣдованія и всякихъ административныхъ взысканій духовенство въ эти годы широко практиковало отсылку сектантовъ въ монастыри на увѣщаніе. Понятно, что мѣра эта ни къ чему не приводила, но для сектантовъ она была весьма тяжелымъ испытаніемъ, не меньшимъ, чѣмъ заключеніе въ тюрьмѣ [1]).

---

[1]) Какъ обращались съ сектантами въ монастыряхъ—можно видѣть изъ рукописи штундиста Тимоѳея Зайца, опубликованной въ „Матеріалахъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества“, вып. III, Спб., 1910.

Въ семидесятыхъ годахъ мы уже встрѣчаемъ случаи возбужденія мѣстнаго православнаго населенія противъ баптистовъ со стороны низшей сельской администраціи и духовенства, въ результатѣ чего сектантскіе дома раззорялись, а сами сектанты жестоко избивались.

Какою настойчивостью въ преслѣдованіи баптистовъ отличались свѣтскія и особенно духовныя власти—это видно изъ слѣдующаго сообщенія Михаила Ратушнаго, написаннаго въ 1901 г.: „въ 1870-мъ году полиція начала предавать за общее богомоленіе мировымъ судьямъ, которые приговаривали къ денежному штрафу по 15 руб. съ каждой души, а за неимѣніемъ денегъ, оцѣняли ихъ имущества: скотину или хлѣбъ, одёжу, и пополняли по приговору мирового судьи. Нѣкоторыхъ сажали въ острогъ и судили въ окружныхъ судахъ, а другихъ административнымъ порядкомъ ссылали въ дальнія мѣста Сибири: мужа ссылали, жену съ дѣтьми оставляли на произволъ судьбы Божіей; семейства раззоряли. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Въ 1891-мъ году воспрещено обучать дѣтей грамотѣ въ земскихъ училищахъ, за неисполненіе школьныхъ обрядовъ. Нѣкоторые посылали своихъ дѣтей въ земскія школы, а нѣкоторые гнушались и не посылали. Хотя дѣти не были крещены въ православной церкви, но ихъ принуждали креститься рукой. Въ 1892-мъ году было воспрещено г. Побѣдоносцевымъ штундистамъ общее богомоленіе. Въ томъ же году въ маѣ мѣсяцѣ мною лично было подано прошеніе херсонскому губернатору о дозволеніи общаго богомоленія. Онъ прочиталъ и при народѣ порвалъ. Въ 1894-мъ году іюля 4-го дня изданъ циркуляръ, воспретившій штундистамъ общее богомоленіе. Въ 1897-мъ году января 1-го дня сельскій староста съ десятскими составилъ протоколъ на 9 душъ. Земскій начальникъ 4-го участка Одесскаго уѣзда приговорилъ по 5 руб. или на два дня въ арестный домъ. Въ 1897 г. февраля 2-го дня было собраніе для общаго богомоленія. Староста съ тремя десятскими составили протоколъ на 10 душъ. Предали земскому начальнику, который приговорилъ къ штрафу по 50 руб., а за неимѣніемъ денегъ—на 20 дней въ арестный домъ. Въ 1898 г. іюня 26-го дня полицейскій урядникъ Щегульковъ составилъ протоколъ на 25 душъ. Земскій начальникъ 4-го участка Одесскаго уѣзда за общее богомоленіе приговорилъ къ денежному штрафу по 50 руб., а за неимѣніемъ денегъ—къ аресту на 25 дней каждаго. Въ 1899-мъ году сельскіе десятскіе составили протоколъ на 38 душъ. Земскій начальникъ 4-го участка Одесскаго уѣзда приговорилъ къ штрафу по 50 руб.,

а за неимѣніемъ денегъ, на 2 мѣсяца въ арестный домъ. Послѣ каждаго протокола заявляемъ неудовольствіе, пишемъ апелляцію въ съѣздъ земскихъ начальниковъ; также пишемъ кассаціонную жалобу въ губернское присутствіе. Въ съѣздѣ подтверждаютъ приговоръ земскаго начальника. Въ Одесскомъ уѣздѣ два арестные дома; одинъ построенъ въ мѣстечкѣ Курицопокровскомъ, а другой—въ Нечаевскомъ, оно же Козлова. Въ 1898 и 1899 гг. оба эти арестные дома наполняли нашими баптистами; партіями садили въ арестные дома, отъ 6, 10 и по 14 душъ; это только одни основцы, не включая изъ другихъ деревень. Изъ нечаевскаго арестнаго дома были отпущены въ 1900-мъ году 10-го февраля 6 женщинъ съ двумя грудными дѣтьми; въ то время была погода дождливая и холодная, никакъ не могли доставиться до деревни, и пришлось ночевать на полѣ цѣлую ночь; дождь шелъ съ вѣтромъ, и они всѣ промокли, а также два подводчика на двухъ подводахъ, по четыре лошади, а всего 8 лошадей, едва не пожертвовались смертью. Однихъ выпускаютъ, а другихъ сажаютъ. Женщины съ грудными дѣтьми и съ люльками для дѣтей, беременныя женщины и родильницы, не достигшія шестинедѣльнаго срока, всѣхъ сажаютъ въ арестный домъ; такъ же по окончаніи своего срока, долженъ привести домой свою жену съ дѣтьми самъ домохозяинъ. Въ 1899 г. ноября 13-го дня Софію Григоренкову, старуху 70-ти лѣтъ, приставъ 2-го стана Одесскаго уѣзда посадилъ ее и 6 мужчинъ вмѣстѣ въ кордегардію—малую, холодную, сырую, смрадную, нечистую. Почти сутки сидѣли. Одного старика, которому болѣе *ста лѣтъ*, нѣсколько разъ сажали за общее богомоленіе въ арестный домъ; также сажаютъ калѣкъ, безрукихъ, слѣпыхъ, все это безъ различія. Малолѣтнихъ дѣтей, бывшихъ на собраніи при общемъ богомоленіи, также присуждалъ земскій начальникъ 4-го участка Одесскаго уѣзда къ штрафу по 50 руб. или на одинъ мѣсяцъ къ аресту; только отданы они пока на надзоръ къ родителямъ до возраста; потомъ, при совершеннолѣтіи, будетъ исполняться приговоръ" [1]).

Таковъ скорбный листъ баптистовъ деревни Основа. Въ заключеніе своего сообщенія М. Ратушный прибавляетъ: „въ другихъ уѣздахъ еще хуже издѣвались надъ нашими баптистами, но только, по неграмотности, не могутъ описать всѣ страданія и мученія арестными домами".

---

[1]) См. „Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства", выпускъ 6-ой, изд. „Свободнаго Слова", Англія, 1902 г.

„Деревня Основа — пишетъ свящ. А. Рождественскій [1])— бывшее имѣніе г. Свѣчина. Отъ своей приходской церкви (въ мѣстечкѣ Рясполь) она находится въ 6 — 7 верстахъ. Въ 1887 г. въ деревнѣ Основѣ числилось 80 дворовъ съ 220 душами мужескаго пола". И вотъ эта-то деревня подвергается въ теченіе тридцати лѣтъ почти безпрерывнымъ набѣгамъ со стороны русскихъ православныхъ миссіонеровъ, священниковъ, полиціи и судебной власти. За *три года*—съ 1897 по 1899 г.— было арестовано баптистовъ въ деревнѣ Основѣ *122 человѣка.* Они были приговорены, въ общей сложности, къ 5.995 рублямъ штрафа или къ отсидкѣ въ арестномъ домѣ въ теченіе 4.839 дней! Сколько же потеряли основцы и времени, и денегъ, исполняя рѣшенія начальства—за всѣ тридцать лѣтъ преслѣдованій?

Баптисты деревни Основа не являются какимъ-либо исключеніемъ. Какъ въ царствованіе Александра III, такъ и почти наканунѣ манифеста 17 апрѣля 1905-го года подобныя преслѣдованія происходили вездѣ, гдѣ только проявлялась баптистская организація, гдѣ только совершались богомоленія и собранія по баптистскому обряду. Мы сдѣлали подсчетъ дѣлъ, возбужденныхъ противъ баптистовъ съ 1-го января по 1-ое августа 1901 г., и притомъ только тѣхъ, въ которыхъ намъ извѣстны всѣ цифровыя данныя и личный составъ преслѣдуемыхъ. Всего такихъ дѣлъ оказалось 36; изъ нихъ 8 окончилось оправдательными приговорами, а 28—обвинительными. Обвинено было по этимъ процессамъ всего 506 человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Въ общей сложности ихъ присудили къ штрафу на сумму 13.123 р., или, за несостоятельностью, къ аресту на 9.495 дней! Всѣ эти сектанты-баптисты по большей части обвинены на основаніи 29 ст. устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по которой виновные подвергаются денежному взысканію не свыше 50 рублей. Большею частью взысканіе падаетъ на весенніе и лѣтніе мѣсяцы, когда крестьянамъ—а между обвиненными очень много крестьянъ—время по истинѣ дороже денегъ. Суды почти всегда приговаривали сектантовъ за ихъ молитвенныя собранія къ высшей мѣрѣ взысканія, т.-е. или къ 50 рублямъ штрафа, или къ аресту на одинъ мѣсяцъ; поэтому очень часто крестьяне, не имѣя такихъ, при ихъ бюджетѣ, большихъ денегъ, должны были въ самую страдную сельскохозяйственную пору садиться подъ стражу и терять драгоцѣнное время. Во многихъ случаяхъ приговаривались нѣсколько членовъ одной семьи, иногда

---

[1]) См. изслѣдованіе его: „Южнорусскій штундизмъ".

въ теченіе полугода по нѣскольку разъ. Послѣ такихъ приговоровъ сектантская семья нерѣдко должна была идти по міру или потерпѣть коренное разстройство хозяйства. Наказанія, съ перваго взгляда незначительныя, не бьющія по нервамъ картинами внѣшнихъ ужасовъ, оказывались, такимъ образомъ, въ сущности весьма жестокими.

II.

Въ эпоху наибольшаго своего вліянія К. П. Побѣдоносцевъ задался цѣлью подвести русскихъ баптистовъ и штундистовъ подъ понятіе „особо вредныхъ сектъ" и затѣмъ, „на законномъ основаніи", начать широкое преслѣдованіе этихъ новыхъ народныхъ протестантовъ.

Въ высшихъ сферахъ, не смотря на усиливавшуюся реакцію, долго происходила, по видимому, глухая борьба противъ такого новаго преслѣдованія за вѣру. Въ концѣ концовъ Побѣдоносцевъ всетаки восторжествовалъ: почти передъ самой смертью Александра III, 4 іюля 1894 г., въ комитетѣ министровъ прошло давно желанное ему постановленіе.

Въ статьѣ 1106-ой XI тома части I Св. Зак. говорится: „Баптисты безпрепятственно исповѣдываютъ свое вѣроученіе и исполняютъ обряды вѣры по существующимъ у нихъ обычаямъ. Общественное богослуженіе они отправляютъ въ устроенныхъ или отведенныхъ ими для сего, съ разрѣшенія губернатора, домахъ". Да и помимо этого общаго правила, легальность существованія баптизма въ Россіи подтверждалась неоднократно. Такъ, 12 сентября 1879 г. были изданы „правила о веденіи метрическихъ записей браковъ, рожденія и смерти баптистовъ", а также оговорено, что „избираемые баптистами духовные наставники (старшины, учители, проповѣдники) могутъ совершать обряды и произносить проповѣди не иначе, какъ по утвержденіи ихъ въ семъ званіи губернаторомъ. Духовные *наставники изъ иностранцевъ* обязаны принести присягу на вѣрность службы во время пребыванія ихъ въ Россіи. Мы подчеркнули слова: „наставники изъ иностранцевъ", ибо этими словами ясно доказывается, что весь „указъ" былъ изданъ не для „иностранцевъ", а для „русскихъ".

Какъ мы видѣли выше, преслѣдованія баптистовъ, не взирая на законы, начались еще въ семидесятыхъ годахъ. *Массовый* характеръ они принимаютъ вскорѣ послѣ распубликованія поло-

женія комитета министровъ, утвержденнаго 4 іюля 1894 г. Это „положеніе“ объявило секту „штунду“ „одною изъ наиболѣе опасныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ“, такъ какъ послѣдователи ея — по словамъ „положенія“, — „отвергая всѣ церковные обряды и таинства, не только не признаютъ никакихъ властей и возстаютъ противъ присяги и военной службы, уподобляя вѣрныхъ защитниковъ престола и отечества—разбойникамъ, но и проповѣдуютъ соціалистическіе принципы, какъ напримѣръ общее равенство, раздѣлъ имуществъ и т. п., и что ученіе ихъ въ корнѣ подрываетъ основныя начала православной вѣры и русской народности“.

Хотя признаки штундизма въ этомъ постановленіи были опредѣлены довольно ясно, но, не смотря на это, подъ рубрику „штундизма“ духовная власть стремится подвести вообще всѣхъ приверженцевъ новыхъ, особенно южно-русскихъ сектъ. Сенатъ пытается вступить въ борьбу съ такимъ стремленіемъ: онъ не разъ разъясняетъ, что баптизмъ—не штундизмъ, что принадлежность къ баптизму не карается русскими законами и что баптизмъ въ Россіи существуетъ не только среди нѣмецкаго, но и среди коренного русскаго населенія. Къ числу особенно характерныхъ сенатскихъ указовъ по дѣламъ баптистовъ принадлежитъ указъ отъ 27-го сентября 1897-го года, по дѣлу Рѣдичкиныхъ. Здѣсь, между прочимъ, сказано: „войдя въ обсужденіе законности предъявленнаго къ обвиняемымъ распоряженія, судъ обязанъ былъ основаться на точномъ смыслѣ Высочайше утвержденнаго въ 4-ый день іюля 1894 года положенія Комитета Министровъ, въ коемъ никакихъ указаній на воспрещеніе молитвенныхъ собраній лицъ, принадлежащихъ къ баптизму, не сдѣлано, и не прибѣгать, вопреки 65 ст. законовъ основныхъ, къ распространительному толкованію вышеупомянутаго положенія“. Не смотря на такія разъясненія, не смотря на неоднократную отмѣну обвинительныхъ приговоровъ, преслѣдованія баптистовъ продолжались. Въ 1900 г. Побѣдоносцевъ вошелъ въ соглашеніе съ министрами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и настоялъ на изданіи секретныхъ циркуляровъ, уничтожавшихъ даже самое названіе „баптистовъ“ для лицъ русскаго происхожденія. Въ циркулярѣ министра юстиціи отъ 3 апрѣля 1900 г., за № 10677, между прочимъ, было сказано: „Наказанію.... подлежатъ участники такого собранія, которое имѣло значеніе молитвеннаго, т.-е. состоящаго въ свойственныхъ штундизму молитвословіяхъ и обрядахъ, и можетъ быть признано общественнымъ, если не ограничивалось лишь тѣснымъ кругомъ семьи и было доступно по-

сѣщенію его посторонними лицами. Таковыми молитвословіями и обрядами, свойственными обыкновенно всѣмъ видамъ общественныхъ богослужебныхъ собраній штунды, по заключенію духовнаго вѣдомства, служатъ: а) общее пѣніе особо избранныхъ библейскихъ стиховъ и гимновъ богослужебныхъ книгъ секты— „Голосъ Вѣры", „Духовныхъ стихотвореній", „Приношенія Христіанъ" и друг.; б) чтеніе кѣмъ-либо изъ членовъ собранія, съ проповѣдническимъ толкованіемъ въ духѣ лжеученія секты, избранныхъ мѣстъ Св. Писанія, а также в) колѣнопреклоненная молитва, съ произнесеніемъ импровизированныхъ, вдохновенныхъ молитвословій, безъ употребленія крестнаго знаменія". Эти удивительные признаки преступленій баптистовъ, перечисленные *министромъ юстиціи*, невольно вызываютъ воспоминаніе о 44 ст. основныхъ законовъ, которая, казалось бы, должна была быть извѣстна министру юстиціи, и въ которой говорится: „Всѣ не принадлежащіе къ господствующей церкви подданные Россійскаго государства, природные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ россійской службѣ, или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной". Именно эту статью Побѣдоносцевъ очень любилъ цитировать иностранцамъ, когда нужно было доказать, что въ Россіи существуетъ полная вѣротерпимость. Многіе почтенные иностранцы вѣрили такимъ цитатамъ. Они, въ своей наивности, не знали, что основные законы въ Россіи были необязательны для министровъ и для оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

Если министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ своимъ циркуляромъ отмѣнялъ статью основныхъ законовъ, то товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, *сенаторъ* П. Н. Дурново, совершенно не считался съ разъясненіями *сената* и въ своемъ секретномъ циркулярѣ отъ 17 мая 1900 г., за № 3, писалъ: „принимая во вниманіе, что баптизмъ, какъ особое вѣроученіе, признанъ закономъ 27 марта 1879 г. сектой Евангелическо-Лютеранской церкви... русскихъ баптистовъ не можетъ быть съ точки зрѣнія закона". Итакъ, сенатъ опредѣленно установилъ различіе между баптистами и штундистами, а министерство внутреннихъ дѣлъ отвергло это различіе и запретило баптистамъ именоваться баптистами.

Вышеприведенные циркуляры вызвали повсюду еще болѣе напряженное преслѣдованіе баптистовъ. Въ первые годы XX-го вѣка число случаевъ ареста сектантовъ-баптистовъ очень сильно возрасло. Помимо судебнаго преслѣдованія, именно въ эти годы

баптисты подвергались жесточайшимъ преслѣдованіямъ какъ со стороны мѣстной администраціи, такъ и со стороны православнаго населенія.

III.

Въ 1901-мъ году мы получили отъ извѣстнаго баптистскаго проповѣдника, В. Г. Павлова, рукопись, озаглавленную: „Ужасы гоненій въ Россіи“ [1]). Вотъ что въ ней сообщалось: „До чего можетъ дойти фанатизмъ темнаго люда, именующаго себя православнымъ, видно изъ разсказа одного новообращеннаго брата, прибывшаго недавно изъ Россіи въ Тульчу. Велика отвѣтственность тѣхъ, которые подняли гоненіе противъ баптистовъ и штундистовъ и разнуздали тѣмъ худые инстинкты толпы. Вотъ что разсказалъ намъ одинъ изъ гонимыхъ, Осипъ Андреевичъ Семеренко. „Я родился въ селеніи Плоскомъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Тамъ у меня есть еще два брата. Старшій братъ Иванъ Семеренко — волостной старшина. Я служилъ въ экономіи, принадлежащей сыну генерала Мацкова, Андрею Степановичу Мацкову. Когда баринъ пріѣхалъ прошлый (1895) годъ въ свою экономію изъ С.-Петербурга, то привезъ съ собою лакея, нѣмца изъ Риги, баптиста, котораго звали, сколько помню, Августъ Кронштейнъ. Я съ нимъ читалъ слово Божіе и, узнавъ свое грѣховное состояніе, обратился къ Господу вмѣстѣ съ женою своею Ѳедорою, и мы начали служить Богу. Братъ, который познакомилъ насъ съ словомъ Божіимъ, былъ вмѣстѣ съ нами всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ и Господь отозвалъ его домой, въ небесное отечество. Мы убѣдились изъ слова Божія, что не должно поклоняться иконамъ; жена моя хотѣла сейчасъ же вынести ихъ, но я убѣждалъ ее повременить и не дѣлать этого сразу. Когда жена моя начала мазать хату передъ праздникомъ Пасхи, то вынесла иконы и больше уже не вносила ихъ. Въ четвергъ 21-го марта къ намъ пришла сестра жены моей Евфросинья и спросила, почему у насъ нѣтъ иконъ. Жена сказала, что иконы уже стары и полиняли, а потому она и не желаетъ ихъ болѣе ставить въ уголъ. Сестра предложила ей подарить свою новую икону, а себѣ она хотѣла купить новую, когда поѣдетъ въ Кіевъ. Тогда жена моя прямо заявила, что она иконы отъ нея не приметъ, потому что мы убѣдились, что поклоняться

---

[1]) Подлинникъ ея хранится въ англійскомъ архивѣ А. и В. Чертковыхъ.

имъ не слѣдуетъ. Извѣстіе это поразило Евфросинью. Она извѣстила всѣхъ нашихъ родныхъ о перемѣнѣ нашихъ религіозныхъ убѣжденій. Пріѣхалъ къ намъ братъ Иванъ и спросилъ, почему нѣтъ у насъ иконъ. Начался разговоръ, и жена моя сильно нападала на поклоненіе иконамъ и употребляла жестокія слова. Я старался ее успокоить, но ничего не помогало. Разъяренный братъ отправился къ генералу Мацкову-отцу (сына не было дома и я управлялъ экономіей) и разсказалъ о моихъ убѣжденіяхъ. Пріѣхалъ старикъ помѣщикъ Мацковъ (онъ же и черниговскій вице-губернаторъ), съ моимъ братомъ Иваномъ, и началъ кричать на меня и гнать изъ экономіи. Позвали рабочихъ, и мой братъ приказалъ имъ выкидывать вонъ и выносить за заборъ мои пожитки. Рабочіе стояли нерѣшительно и не знали, что имъ дѣлать. Мой братъ надѣлъ на себя знакъ волостного старшины и повторилъ свое приказаніе. Тогда они взяли всѣ мои вещи изъ экономіи и выбросили вонъ. При этомъ братъ бросился на меня и избилъ меня, а генералъ уѣхалъ домой. Затѣмъ братъ забралъ на свою подводу мои вещи и увезъ ихъ къ себѣ.

„Когда меня выгнали изъ экономіи и я прибылъ въ свое селеніе Плоское, то около моего дома уже собралась толпа крестьянъ и ожидала меня. Вошедши въ свой домъ съ семьею, я заперся, потому что боялся толпы. Толпа начала разбивать мой домъ; выломала окна и двери и ворвалась въ избу, напала на меня, избила меня до крови и продолжала бить до тѣхъ поръ, пока я не лишился чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ себя всего окровавленнаго. Было холодно. Жены не было дома, потому что ее съ тремя дѣтьми увели къ тещѣ. Поутру я пошелъ къ тещѣ и нашелъ жену тамъ. Затѣмъ я скитался безъ пріюта. Работалъ по 25 коп. въ день у попа и другихъ людей, но постоянной работы не было. Такимъ образомъ я провелъ цѣлое лѣто. Когда наставало воскресенье, я уходилъ въ поле и прятался тамъ отъ пьяныхъ православныхъ крестьянъ, которые, завидѣвъ меня на улицѣ, покушались бить меня. Въ августѣ меня позвали въ волостное правленіе, находящееся въ трехъ верстахъ отъ нашего селенія, въ селеніи Гоголево. Когда я явился въ волостное правленіе, то увидѣлъ тамъ, кромѣ старшины, православнаго миссіонера и одного попа. Миссіонеръ спросилъ у меня, почему я вынесъ иконы и не хочу поклоняться имъ. Я отвѣтилъ ему, что я маляръ и могу нарисовать самъ нѣчто подобное, поэтому я считаю излишнимъ поклоняться имъ. За это присудили меня къ пятнадцати ударамъ розогъ и сейчасъ же публично наказали меня. Черезъ четырнадцать дней меня опять

позвали въ волость, гдѣ опять были миссіонеръ и попъ, и снова дали пятнадцать ударовъ розгами. Въ началѣ октября меня позвали въ сельское правленіе въ нашемъ селеніи, гдѣ находились опять мой братъ—волостной старшина—и мѣстный священникъ, и начали спрашивать меня, какъ я признаю иконы? Черти ли онѣ? Я отвѣчалъ, что онѣ—краски. Я старался уклоняться отъ отвѣтовъ и сказалъ, что я ничего не знаю, что если они хотятъ подробнѣе узнать объ этомъ, то пусть обратятся въ Кіевъ или Петербургъ, гдѣ есть много людей, отвергающихъ иконы. На это братъ мой сказалъ: „Постой, мы поступимъ съ тобой иначе". Сказавъ это, онъ вышелъ на дворъ, отрѣзалъ толстый вишневый прутъ, распарилъ его въ топящейся печкѣ, приказалъ двумъ человѣкамъ держать меня, а самъ билъ меня этимъ прутомъ по ногамъ и говорилъ: „Откажись отъ своей чертовской вѣры и проклинай своего Бога!" На это я возразилъ, что мы съ тобою вѣримъ одному Богу, хотя и есть разница въ нашихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Послѣ этого меня обвязали веревкою по рукамъ и ногамъ и подвѣсили за балку къ потолку. Братъ сказалъ: „Обольемъ керосиномъ бумагу и будемъ жечь его!"—„Нѣтъ, не надо, мы провоняемъ канцелярію, сдѣлаемъ иначе!"—сказалъ кто-то изъ стоявшихъ тамъ. Они сдѣлали двѣ папиросы изъ табаку, зажгли ихъ и жгли ими мое тѣло; а одинъ изъ нихъ кололъ меня иголкой по всему тѣлу. Мучили меня до тѣхъ поръ, пока я, внѣ себя отъ боли, не закричалъ неистовымъ голосомъ. Тогда они отсѣкли веревку и я ударился головой объ полъ, а ноги остались привѣшенными кверху. Что̀ было со мной далѣе, я не помню. Черезъ недѣлю, когда я пришелъ въ себя, я увидѣлъ, что я нахожусь въ домѣ тещи. Съ тѣхъ поръ отъ нервнаго потрясенія я получилъ падучую болѣзнь, отъ которой я не освободился и до сихъ поръ. Мои страданія этимъ еще не кончились. Въ послѣднихъ числахъ октября, кажется 23-го октября, когда былъ маленькій церковный праздникъ и постный день (среда), деревенскія власти пригласили меня съ женою въ сельское правленіе. Когда мы явились, то на столѣ стояла чашка съ солеными огурцами, а за столомъ сидѣлъ мой братъ—волостной старшина—и съ нимъ человѣкъ шесть крестьянъ. Братъ мой началъ увѣщевать меня и сказалъ: „Ради святого праздничка отрекись ты отъ своей вѣры. Всѣ родственники твои—люди знатные и умные; ты одинъ срамишь всѣхъ насъ". На это я возразилъ: „Если я срамлю васъ, то вы отрекитесь отъ меня, не называйте меня своимъ братомъ, а я не отрекусь отъ Господа". Братъ мой налилъ большой стаканъ водки и предлагалъ мнѣ выпить его. Я

отказался. Двое мужиковъ взяли меня за уши и начали поднимать кверху. Отъ сильной боли я согласился и выпилъ стаканъ водки. Тогда жена моя начала укорять иконы. Старшина, мой братъ, что-то шепнулъ на ухо находившимся при немъ людямъ и вышелъ изъ комнаты. Тогда находившіеся тамъ мужики бросились на жену, положили на полъ и хотѣли изнасиловать ее... Я не выдержалъ, схватилъ лежавшій на столѣ ножъ и ударилъ имъ одного изъ злодѣевъ. Ножъ лишь прорѣзалъ ему платье и слегка оцарапалъ ему тѣло, а я себѣ немного поранилъ руку. Послѣ этого всѣ они бросились на меня и били до тѣхъ поръ, пока я лишился чувствъ. А жену—какъ разсказывала она послѣ—страшно мучили и издѣвались надъ нею... Расщепили щепку, зажали соски ея грудей въ расщепъ и давили до крови... Послѣ этого истязанія я былъ спокоенъ до 1-го декабря, когда пріѣхали опять одинъ изъ православныхъ миссіонеровъ и два священника, которые потребовали меня въ волостное правленіе. Когда я явился туда, то они предлагали мнѣ разные вопросы о вѣрѣ, на которые я ничего не отвѣчалъ. Посадили меня въ холодную и раза три прикладывали къ спинѣ горячую папироску, а урядникъ ударилъ меня нѣсколько разъ плетью. Затѣмъ старшина приказалъ освободить меня, говоря: „ему помогаетъ нечистая сила!“

„4-го декабря пришли ко мнѣ два десятскихъ и опять повели меня въ волостное правленіе. Когда на пути туда мы проходили мимо одной кузницы, то старшина, мой братъ, выглянулъ изъ нея и далъ знакъ десятскимъ, чтобы ввели меня туда, что̀ они и исполнили. Въ кузницѣ находилось еще нѣсколько человѣкъ. Когда я вошелъ, то старшина сказалъ мнѣ: „Надѣнешь ли ты крестъ?“ —„Твой крестъ легокъ,—отвѣтилъ я ему,—надѣнешь ли ты мой крестъ на себя?“—„Кто надѣнетъ на себя твой дьявольскій крестъ? Прокляни своего Бога!“ —крикнулъ онъ мнѣ. —„У насъ Богъ одинъ, я вѣрю въ единаго Бога, у меня нѣтъ иной вѣры“, сказалъ я ему на это. Затѣмъ онъ началъ подчивать всѣхъ водкой. Принуждалъ меня выпить одинъ стаканъ; я выпилъ. Онъ налилъ еще другой и опять сталъ принуждать пить. Я отказался. Онъ злился, заставлялъ меня ругать своего Бога и грозилъ посадить на горнъ и сжечь. „Дѣлайте что̀ хотите“—я ему отвѣчалъ. Одинъ изъ присутствующихъ, Бабенко, сказалъ: „Не станемъ сажать его на горнъ, а лучше зажать его въ тиски и жечь его жигаломъ; оно цыгана пробрало, проберетъ и его“. Послѣ этого зажали мнѣ обнаженную лѣвую руку въ тиски и начали жечь раскаленнымъ желѣзомъ (жигаломъ). Сдѣлали об-

жоги въ десяти или двѣнадцати мѣстахъ. То же самое продѣлали и съ моей правой рукой. Во все время истязанія я спокойно смотрѣлъ брату въ лицо, думая тронуть его сердце. А онъ еще болѣе ожесточался и сердился. Затѣмъ зажали мнѣ бороду въ тиски и жгли спину вдоль позвоночнаго столба, такъ что сдѣлали сорокъ или пятьдесятъ ожоговъ. Когда я остался непоколебимымъ и не отрекся отъ своей вѣры, то мой братъ закричалъ: „Будетъ, потому что ему помогаетъ нечистая сила!“ Послѣ этого истязанія повели меня въ волостное правленіе, гдѣ меня ожидалъ миссіонеръ! На его вопросы я ничего не отвѣчалъ и онъ удалился. Меня посадили подъ арестъ. На другой день собрался сходъ. Старшина держалъ рѣчь сходу о томъ, что необходимо принять мѣры для пресѣченія появившейся заразы, — разумѣя мое обращеніе. Онъ, отъ имени земскаго начальника, предложилъ составить приговоръ и сослать меня, какъ вреднаго члена общества. „Согласны?“ — спросилъ старшина. „Согласны!“ — закричала толпа. Но одинъ человѣкъ изъ толпы спросилъ: „За что же высылать его? Скажите, что онъ сдѣлалъ? Укралъ, убилъ кого или сдѣлалъ другое какое преступленіе?“ — „Кто это тамъ говоритъ? — закричалъ старшина. — Давайте его сюда!“ Вывели изъ толпы этого человѣка. Судьи сейчасъ же присудили его за бунтъ къ двадцати-пяти ударамъ розогъ. Поставили скамейку и вывели его на дворъ, чтобы сейчасъ же подвергнуть его наказанію. Тогда я сбросилъ съ себя одежду и съ обнаженной спиной легъ на скамейку, сказавъ: „Бейте меня за него; все равно моя спина ничего не чувствуетъ. Старшина пекъ меня, но не допекъ!“ Увидѣвъ мою спину всю въ обжогахъ, толпа подняла крикъ и говорила: „Не признаемъ этого суда! Это что такое, что живыхъ людей жгутъ!“

„Когда сдѣлался шумъ на дворѣ, тогда земскій начальникъ Вишневскій вышелъ изъ волостного правленія, чтобы узнать, почему поднялся такой шумъ. Увидѣвъ меня, онъ обругалъ меня, сказавъ: „Возьмите его, подлеца, и заприте его!“ Меня схватили и посадили подъ арестъ. Я находился еще двое сутокъ подъ арестомъ. Не видя конца моимъ истязаніямъ, я рѣшился бѣжать. Когда сторожъ заснулъ, я выломалъ окно моей тюрьмы и выскочилъ наружу. Съ помощью одного пріятеля мнѣ удалось достать подводу. Я взялъ съ собою жену и младшаго ребенка, а двое остались у тещи, и послѣ разныхъ странствій я перешелъ румынскую границу и прибылъ въ Тульчу“.

Вотъ разсказъ, записанный со словъ Семеренко. Мы передаемъ лишь голые факты. Пишущій эти строки собственными

глазами видѣлъ слѣды обжоговъ на его спинѣ. Изъ оффиціальныхъ лицъ можетъ удостовѣрить это полицеймейстеръ города Тульчи, который тоже осматривалъ его на моей квартирѣ. *Записалъ В. Г. Павловъ*".

Когда я получилъ это совершенно, казалось бы, невѣроятное сообщеніе, то несмотря на мою полную увѣренность въ чрезвычайной добросовѣстности и осторожности В. Г. Павлова, этого высокочтимаго вождя русскаго баптизма,—я всетаки подумалъ: „нѣтъ ли здѣсь преувеличеній?" Исторія съ Семеренко, ясно отразившая весь ужасъ преслѣдованія сектантовъ въ деревняхъ, была ошеломляюща по своей систематической жестокости. Намъ впервые пришлось здѣсь встрѣтиться съ прямыми пытками, учиненными надъ сектантомъ-баптистомъ. Въ моемъ распоряженіи тогда была, кромѣ сообщенія В. Г. Павлова, ссылка на тульчинскаго полицеймейстера. Я сталъ доискиваться новыхъ подтвержденій. Въ скоромъ времени мнѣ удалось отыскать въ англійскомъ архивѣ А. и В. Чертковыхъ письмо штундиста Е. Н. Иванова отъ 11 января 1897 г., гдѣ онъ разсказывалъ ту же исторію о Семеренко, вполнѣ согласно съ указаніями В. Г. Павлова. Но и это казалось мнѣ недостаточно для опубликованія. Наконецъ, при дальнѣйшей работѣ въ архивѣ А. и В. Чертковыхъ, я натолкнулся на письмо самого Іосифа Андреевича Семеренко, писанное имъ изъ Одессы къ своимъ друзьямъ 25 декабря 1896 г. Въ этомъ письмѣ, прося своихъ друзей и братьевъ помочь ему перебраться за границу въ Румынію, Семеренко разсказываетъ о всѣхъ произведенныхъ надъ нимъ мученіяхъ, совершенно согласно съ описаніями Павлова и Иванова. Всѣ эти документы и свидѣтельства были столь вѣски, что я рѣшился опубликовать ужасныя свѣдѣнія и впервые напечаталъ ихъ въ 6-омъ выпускѣ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства" (изд. „Свободнаго слова", Англія, 1902 г.).

Неудивительно, что приходилось опубликовывать эти свѣдѣнія съ такимъ большимъ опозданіемъ. Слишкомъ много нужно было времени, чтобы свѣдѣнія изъ глухихъ мѣстъ Россіи,—тѣмъ болѣе въ эпоху безграничнаго господства г.г. Побѣдоносцева, Плеве и К°,—достигли, наконецъ, органовъ русской печати.

IV.

Помимо преслѣдованій со стороны администраціи, суда, миссіонеровъ и возбужденнаго сельскаго православнаго населенія,

баптистамъ приходилось иногда переносить совершенно неожиданныя, глубокія потрясенія во имя „исполненія закона“.

Объ одномъ въ высшей степени удивительномъ случаѣ разсказываетъ В. Г. Павловъ въ своемъ сообщеніи: „Насильное крещеніе“, записанномъ имъ въ 1896 г. со словъ очевидцевъ и пострадавшихъ. „Это было 8-го сентября (1896 г.)—когда потребовали въ нашу волость меня [1]) и троихъ другихъ братьевъ. Такъ какъ всѣ трое были въ полѣ, то я пошелъ въ волость (четыре версты) одинъ и встрѣтилъ тамъ урядника, священника и волостного старшину. Послѣдній спросилъ меня, не знаю ли я, гдѣ трое другихъ и придутъ ли они? Я отвѣтилъ, что они не придутъ, потому что ихъ нѣтъ дома. Тогда онъ сказалъ мнѣ: „Иванъ Васильевичъ! завтра вы должны со своими дѣтьми ѣхать въ селеніе Екатериновку (въ семи верстахъ отъ нашей деревни), чтобы миссіонеръ окрестилъ ихъ въ силу указа отъ 4-го февраля. (Указъ гласитъ: „мѣстная полиція, священники и миссіонеры должны употреблять всѣ мѣры къ приведенію отпадшихъ въ церковь“). Подъ „всевозможными мѣрами“ иные понимаютъ, что надо убѣждать народъ, уговаривать и затѣмъ уже дѣйствовать. Но въ А. уѣздѣ поняли это по своему, какъ мы это увидимъ ниже. — Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ: „Господа, вы знаете, что я не сдѣлаю этого“.—„Хорошо,—сказали ему,—мы ожидали отъ тебя такой отвѣтъ, поэтому не удивляйся, если завтра поутру сотскій съ десятниками пріѣдутъ къ тебѣ во дворъ, возьмутъ у тебя дѣтей и отвезутъ ихъ въ церковь. Мы это дѣлаемъ для тебя, Иванъ Васильевичъ, и говоримъ тебѣ это сегодня, чтобы вы познакомились съ этою новостью, иначе для другихъ мы бы не сказали этого до завтра. Мы совѣтуемъ тебѣ и вамъ всѣмъ, привезите сами дѣтей, чтобы не употреблять насилія, потому что мы сдѣлаемъ это завтра,—все уже готово для этого. Наша вся деревня знаетъ это, и ваша вся деревня знаетъ; до завтрашняго утра вамъ не позволятъ никуда выѣхать, а противиться—на этотъ разъ вамъ все равно не поможетъ“.

„Получивъ такой отвѣтъ, я пошелъ домой и сговорился съ тремя другими, что на этотъ разъ мы дѣйствительно ничего болѣе не можемъ сдѣлать, если только не произойдетъ изъ этого большое насиліе, а можетъ-быть даже убійство и смерть, и порѣшили взять здоровыхъ дѣтей изъ семьи и отвезти туда; изъ

[1]) Имена и фамиліи пострадавшихъ, а также точныя указанія о мѣстѣ ихъ жительства не были указаны В. Г. Павловымъ по причинамъ вполнѣ понятнымъ для до-конституціонной эпохи. Еслибы потребовалось, В. Г. Павловъ, конечно, назоветъ ихъ теперь.

десяти трое были больные, а также одинъ мужчина и двѣ женщины; а другихъ семь дѣтей, трехъ отцовъ и двухъ матерей, повезли на утро въ 6 часовъ въ селеніе Екатериновку. Когда мы прибыли туда, то солнце только что взошло и тамъ собралось необозримое множество народу, равно полиція, священники, становой приставъ и купцы; послѣдніе въ другое время почти не ходятъ въ церковь.

„Н. П. подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „Иванъ Васильевичъ, всѣ ли тутъ дѣти?" —„Нѣтъ,—сказалъ я,—трое остались, потому что они больны".—„Везите дѣтей въ церковь,—приказалъ Н. П." „Нѣтъ, мы не хотимъ этого,—отвѣтили мы;—отъ насъ вчера потребовали доставить ихъ сюда, чтобы избѣжать насилія. Вотъ они теперь здѣсь, но мы не позволяемъ ничего дѣлать надъ ними". Послѣ того Н. П. отправился въ церковь и приблизительно черезъ часъ возвратился оттуда съ полиціей и воспріемниками и сказалъ: „Вотъ духовные родители для дѣтей; теперь мы ихъ будемъ крестить". Мы убѣдили дѣтей идти съ ними (старшему всего было семь лѣтъ, а младшему два года)—ничего не дѣлать и ничего не говорить, но позволить съ собою дѣлать все, что хотятъ. Когда дѣтей увели въ церковь и прошло опять съ часъ времени, пришелъ Н. П. съ полиціей и просилъ насъ идти въ церковь, но мы не хотѣли. Онъ сказалъ, что не будетъ никакого насилія, священникъ имѣетъ намъ нѣчто сообщить. Мы протѣснились чрезъ множество народа, который не могъ помѣститься въ церкви. Намъ дали мѣсто, и когда мы были тамъ, священникъ сказалъ намъ: „Не думайте, братья, что мы это насиліе совершаемъ добровольно; нѣтъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ крестить только такихъ дѣтей, которыхъ приносятъ родители, какъ во время Іисуса, когда Онъ благословлялъ дѣтей. Но отъ насъ этого требуютъ... и мы должны дѣлать это. Поэтому не гнѣвайтесь на насъ и не считайте насъ за особенныхъ враговъ: мы должны это дѣлать, и вы должны это позволить; а теперь хотите оставайтесь тутъ, или выйдите вонъ, мы приступимъ къ крещенію". Мы всѣ вышли, кромѣ одной женщины, которая потомъ разсказала, какъ происходило дѣло. Старшаго мальчика окунули въ бочку съ водою,—разъ, два, три. Мальчикъ сильно сопротивлялся и расплескалъ при этомъ много воды. И когда затѣмъ накинули на него одежду, онъ побѣжалъ изъ церкви къ повозкѣ, говоря отцу: „Меня хотѣли утопить, но я все же убѣжалъ; уже три раза меня окунули".

„Съ того времени шестилѣтняя дѣвочка отъ страха все еще не придетъ въ себя. Маленькихъ дѣтей привели къ повозкѣ ку-

мовья, которые помогали и переодѣвать ихъ. Затѣмъ пришелъ Н. П. и сказалъ: „Теперь ваши дѣти крещены по слову Божію, такъ крещены, какъ вы крестите, и еще лучше“.—„Да,—сказалъ я ему,—но жаль, что не по вѣрѣ“. Потомъ я спросилъ, можемъ ли ѣхать домой? „Да“—отвѣтилъ онъ, и мы уѣхали“.

Вотъ эпически просто и спокойно разсказанная огромная драма, совершившаяся въ глубинѣ Россіи, на фонѣ культуры и цивилизаціи рубежа XX-го вѣка. Фактъ невѣроятнаго насилія надъ совѣстью родителей и дѣтей засвидѣтельствованъ столь осторожнымъ руководителемъ русскихъ баптистовъ, какъ В. Г. Павловъ [1]).

Въ сводѣ законовъ Россійской Имперіи сказано, что „въ Россійскомъ государствѣ свобода вѣры присвояется не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ“. Въ т. XIV уст. о предупр. и пресѣч., въ ст. 70 мы читаемъ: „сія (т.-е. православная) вѣра порождается благодатію Господнею, поученіемъ, кротостью и болѣе всего добрыми примѣрами. Посему, господствующая церковь не позволяетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей иныхъ исповѣданій и вѣръ къ православію, а тѣмъ изъ нихъ, кои приступить къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образу проповѣди Апостольской“.

Такъ говоритъ законъ государства россійскаго, исполнять который, казалось бы, обязаны и миссіонеры, и священники. Въ дѣйствительности еще недавно происходило совершенно иное.

Что касается спеціально крещенія, то въ русскомъ сводѣ законовъ есть законъ 4-го декабря 1862 г., который *запрещаетъ* крестить евреевъ моложе 14 лѣтъ, такъ какъ до этого возраста ребенокъ еще несознательно относится къ жизни, и актъ крещенія ниже этого возраста разсматривается какъ „принудительное средство“. Въ этомъ законѣ несомнѣнно есть хоть намекъ на справедливость, такъ какъ въ 14 лѣтъ всетаки подростокъ относится сознательнѣе ко всякимъ поступкамъ, чѣмъ малолѣтній. Чѣмъ же, однако, отличаются дѣти баптистовъ отъ еврейскихъ? Почему ихъ можно „крестить“, безъ согласія ихъ самихъ и ихъ родителей, въ какомъ угодно возрастѣ? Или предполагаютъ, что ребенокъ баптиста и въ семь лѣтъ можетъ сознательно отнестись къ совершаемому надъ нимъ обряду?

---

[1]) Цитируемъ этотъ разсказъ по „Матеріаламъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства“, вып. 6-ой (стр. 46—49), изд. „Свободнаго Слова“, 1902 г.

„Меня хотѣли утопить!"—кричалъ отцу семилѣтній мальчикъ, когда ему удалось убѣжать отъ священнодѣйствовавшихъ пастырей церкви. Послѣ этого миссіонерамъ святѣйшаго синода оставалось сдѣлать только одно: арестовать этого новокрещеннаго мальчика и предать его суду за кощунство, ибо, какъ могли бы сказать казенные насадители православной вѣры на Руси, онъ дерзнулъ посягнуть на святость таинства нашей матери-церкви и, несомнѣнно наученный злокозненнымъ отцомъ своимъ, впалъ въ ересь, называя троекратное погруженіе въ воду священнодѣйствовавшими служителями церкви дерзкимъ и богохульнымъ словомъ: потопленіе. И вотъ, было бы большое судебное противосектантское дѣло, достаточно обоснованное и фактически подтвержденное.

Спрашивается, для чего же существовали до 1905 г. всѣ статьи закона, якобы ограждавшія свободу совѣсти?

V.

Если баптисты подвергались разнообразнымъ, а подъ-часъ и жестокимъ преслѣдованіямъ въ то время, когда они жили на волѣ, то, само собой понятно, они испытывали еще бо́льшія притѣсненія, когда попадали въ ссылку. Ссылали баптистовъ по преимуществу административнымъ порядкомъ, при чемъ выбирали для водворенія ихъ такія мѣста, гдѣ бы не было русскаго населенія. Болѣе всего ихъ ссылали въ отдаленнѣйшія мѣста Закавказья, въ знойныя и лихорадочныя долины, въ глухія поселенія и аулы, расположенные на самой границѣ Персіи и Турціи. Пребываніе въ этихъ мѣстахъ, съ его лишеніями и горестями, тяжко отражалось на всемъ бытѣ этихъ по преимуществу крестьянскихъ семей, въ рѣдкомъ случаѣ находившихъ себѣ работу. Страшная нужда подрывала надломленное въ тюрьмахъ и этапахъ здоровье, и многіе посланные въ ссылку вскорѣ заболѣвали тамъ тяжелой лихорадкой, тифомъ и другими болѣзнями. Безъ врачебной помощи, оставленные на произволъ судьбы, гибли ссыльные баптисты, засланные въ такія трущобы, какъ Гирюсы, Джебраилъ, Тертеръ и др.

„Среди горъ Закавказья есть трущоба, называемая Гирюсы"—говорится въ рукописи: „Нѣсколько словъ о ссыльныхъ братьяхъ въ Закавказьѣ" [1]).—Это ничто иное, какъ жалкая татарско-ар-

[1]) См. „Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства", стр. 25 (изд. „Свободнаго слова"). Рукопись эта написана въ 1897 г.

мянская деревня, весьма удачно выбранная русской администраціей для того, чтобы мучить христіанъ. Деревня эта находится въ 100 верстахъ отъ уѣзднаго города Шуши. Дорога туда идетъ по ужаснымъ скаламъ и кручамъ. Когда пріѣдешь въ Гирюсы, то колесная почтовая дорога кончается и болѣе никуда не ведетъ. Кругомъ возвышаются высокія, безплодныя горы, а за этими горами идутъ пропасти и ущелья и ѣздить тамъ можно только верхомъ. Жители мѣстечка очень бѣдны и живутъ впроголодь, потому что почва камениста, а поэтому и безплодна и жители могутъ сѣять себѣ очень мало. Посѣянный же ими хлѣбъ, когда сожнутъ, то по причинѣ гористой мѣстности не могутъ возить снопами на телѣгахъ или арбахъ, а возятъ вьюкомъ на ослахъ. Пшеница родится вообще худого качества. Жители—армяне и въ особенности татары—свирѣпы, грубы, невѣжественны, грязны. Живутъ они по склонамъ горъ, въ выдолбленныхъ ими пещерахъ въ скалѣ. Такъ какъ почва не можетъ вознаградить трудъ земледѣльца, то населеніе лѣтомъ уходитъ на заработки. Въ самомъ же мѣстечкѣ, понятно, о заработкахъ не можетъ быть и рѣчи. Въ Гирюсахъ есть нѣсколько начальствующихъ лицъ, и у нихъ братья наши служатъ за такую ничтожную цѣну, что едва могутъ прокормить только себя, а на семью не хватаетъ. На работу на сторону начальство братьевъ не пускаетъ никуда и пособіе—3 руб. 60 коп. въ мѣсяцъ—даетъ очень немногимъ. Изъ всего этого видно, что цѣль правительства та, чтобы путемъ физическихъ и нравственныхъ мукъ поколебать стойкость вѣры братьевъ и такимъ образомъ побудить ихъ возвратиться въ лоно православія. Многіе несчастные не выдержали испытанія и дѣйствительно возвратились лицемѣрно въ лоно господствующей церкви. Но это нисколько не помогло имъ, потому что на родину ихъ всетаки не пустили, а перевели на жительство въ другіе города Закавказья. Гирюсы назначены для жительства административно-ссыльнымъ, а лишенныхъ правъ состоянія ссылаютъ въ другіе города, гдѣ послѣднимъ гораздо лучше, нежели первымъ.

„Первые изъ административно-ссыльныхъ, въ 1890 г. водворенные на пять лѣтъ въ Гирюсахъ, за неимѣніемъ средствъ и удобныхъ помѣщеній нашли себѣ квартиры въ сырыхъ армянскихъ сакляхъ. Разъ приставъ спросилъ ихъ, собираются ли они на молитву. Они отвѣтили утвердительно. Онъ спросилъ, гдѣ они собираются сегодня. Они отвѣтили: въ квартирѣ Капустинскаго. Приставъ донесъ объ этомъ, и Капустинскаго перевели изъ Гирюсовъ на почтовую станцію Тертеръ, гдѣ еще хуже. Нѣкоторые изъ сосланныхъ пробовали заняться чѣмъ-либо, чтобы добыть себѣ

пропитаніе. Кромѣ безплодности почвы, необезпеченность жизни парализуетъ трудъ ссыльныхъ".

Авторъ этой рукописи сообщаетъ о многихъ фактахъ грабежа и полнаго уничтоженія огородовъ и бахчей, которые пытались заводить ссыльные баптисты. Всѣ эти разграбленія почти всегда совершались подъ непосредственнымъ руководствомъ низшихъ агентовъ полиціи. „По причинѣ дикости нравовъ и разврата,— сообщаетъ тотъ же авторъ,—братьямъ-ссыльнымъ почти невозможно жить тамъ со своими семьями, потому что дѣти совращаются. Нѣкоторыя дѣвушки были обольщены и изнасилованы туземцами".

Такова картина жизни баптистовъ въ ссылкѣ. Изъ многочисленныхъ матеріаловъ, имѣющихся въ моемъ распоряженіи [1]), видно, что обстоятельства жизни баптистовъ въ ссылкѣ нигдѣ не были лучше, а нерѣдко бывали и хуже описанной здѣсь. Взять изморомъ—вотъ девизъ борьбы Побѣдоносцева съ сектантами, будь то баптисты, духоборцы, еговисты или еще кто-либо иной. И онъ достигъ бы своей цѣли, какъ достигали ея инквизиторы среднихъ вѣковъ въ своей борьбѣ съ сектантами, еслибы... это былъ не конецъ XIX-го вѣка.

Прежде всего объ ужасномъ положеніи ссыльныхъ баптистовъ заговорила европейская печать. Различныя протестантскія общины постарались войти въ непосредственныя сношенія съ ссыльными сектантами. Въ Закавказье были командированы особыя лица, которымъ поручалось изслѣдовать все на мѣстахъ и лично убѣдиться во всемъ томъ, что сообщалось въ частныхъ корреспонденціяхъ и опубликовывалось въ заграничномъ органѣ русскихъ баптистовъ—въ ежемѣсячномъ журналѣ „Бесѣда", который издавался сначала на русскомъ языкѣ въ Стокгольмѣ [2]), а потомъ въ Лондонѣ. Все сообщенное не только подтвердилось, но получило еще болѣе яркую окраску, такъ какъ непривычные къ русской жизни очевидцы-иностранцы восприняли весь ужасъ ссылки болѣе чутко, чѣмъ представляли себѣ его сами ссыльные. Въ Европѣ заговорили. Стали собирать денежную помощь для ссыльныхъ и разными путями, тайно, точно совершая преступленіе, посылать деньги въ разныя мѣста ссылки. Конечно, мѣстныя власти принимали всяческія мѣры, чтобы изловить эти „преступныя" деньги, спасавшія многихъ отъ

[1]) Часть изъ нихъ опубликована въ первомъ выпускѣ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола", Петербургъ, 1908.

[2]) Ранѣе „Бесѣда" нелегально издавалась въ Россіи литографскимъ и гектографскимъ способомъ.

неминуемой гибели; но при томъ сочувствіи, которымъ всегда пользовались наши сектанты въ интеллигентной части общества, это сдѣлать было трудно и помощь, часто весьма своевременная, невидимыми путями достигала своей цѣли.

Но если эта помощь спасла многихъ отъ голодной смерти, то она, конечно, не могла дать удовлетворенія. Всевозможныя притѣсненія, придирки, прижимки и издѣвательства, которыя со всѣхъ сторонъ сыпались на сосланныхъ русскихъ баптистовъ, безпросвѣтность политической реакціи, черезъ которую не видно было даже начала конца стараго порядка,—заставили многихъ баптистовъ подумать объ эмиграціи за границу. И изъ Закавказья, и изъ другихъ мѣстъ все чаще и чаще, — изъ ссылки и съ воли, — баптисты перекочевываютъ за границу, направляясь въ разныя страны Европы. Они поселились главнымъ образомъ въ Румыніи, а также въ Болгаріи, въ Англіи, въ Швеціи, въ Швейцаріи, въ Германіи, во Франціи; нѣкоторые переплыли океанъ и навсегда остались въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ. Такъ разгоняло во всѣ стороны правительство стараго порядка наиболѣе культурные элементы крестьянскаго населенія Россіи.

VI.

Читатель вправѣ спросить насъ: почему же, за что такъ преслѣдовали эту наиболѣе лойяльную секту изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи? Очень понятно почему: баптисты хотѣли исповѣдывать религію согласно своей совѣсти. Эта религія шла въ разрѣзъ съ ученіемъ господствующей церкви. Они отрицали многіе догматы, обряды, обычаи, признаваемые за обязательные государственной религіей. Но самое главное—это то, что баптисты, будучи политически весьма умѣренными людьми, всетаки всегда чувствовали и понимали устарѣлость прежняго порядка.

Въ своемъ „Исповѣданіи вѣры и устройствѣ общинъ крещенныхъ христіанъ, называемыхъ обыкновенно баптистами, съ доказательствами изъ священнаго писанія о гражданскомъ порядкѣ", баптисты пишутъ: „мы вѣруемъ, что власти отъ Бога установлены и что Онъ облекаетъ ихъ властью для защиты добрыхъ и для наказанія злодѣевъ. Мы считаемъ себя обязанными оказывать безусловное повиновеніе ихъ законамъ, *если эти законы не ограничиваютъ свободнаго исполненія обязанностей нашей христіанской вѣры* [1]), и тихою и безмятежною жизнью во

[1]) Курсивъ здѣсь и ниже—автора.

всякомъ благочестіи облегчать имъ ихъ тяжелую задачу. Мы считаемъ себя также обязанными по Божію повелѣнію молиться за правительство, *чтобы оно* по Его волѣ и подъ Его милостивой защитой *такъ употребляло ввѣренную ему власть, чтобы ею могли быть сохранены миръ и правосудіе*. Мы признаемъ, что злоупотребленіе клятвы воспрещено христіанамъ, но что клятва (присяга)—именно благоговѣйное, торжественное призываніе нашего Бога во свидѣтели истины,—законно требуемая и даваемая, есть только молитва въ необыкновенной формѣ.

„Мы вѣруемъ, что правительство, которое и при Новомъ Завѣтѣ не напрасно носитъ мечъ, имѣетъ право и обязанность по Божіему закону наказывать смертію и употреблять мечъ противъ враговъ страны въ защиту ввѣренныхъ ему подданныхъ, а посему мы считаемъ себя обязанными нести военную службу, когда потребуетъ отъ насъ этого правительство. Однако мы можемъ сердечно соединяться и съ тѣми, которые не раздѣляютъ нашего убѣжденія относительно присяги и военной службы. Мы не видимъ для себя препятствій, со стороны нашей вѣры, занимать правительственныхъ должностей".

Эта весьма сдержанная формулировка отношенія къ старому порядку—очень характерна для всего русскаго баптизма. Но и въ этой осторожной формулировкѣ мы ясно видимъ, что дѣятельность правительства стараго порядка одобрялась баптистами лишь постольку, поскольку она не нарушаетъ „свободное исполненіе обязанностей" ихъ вѣры. А для ихъ „вѣры" необходимо была и свобода слова, такъ какъ они хотѣли проповѣдывать свою вѣру; и свобода совѣсти, такъ какъ они хотѣли открыто исповѣдывать то, во что они вѣрили; и свобода собраній, такъ какъ имъ нужно было собираться самимъ для выполненія установленныхъ обрядовъ богомоленія и собирать другихъ для проповѣди; и свобода печати, такъ какъ имъ нужно было издавать книги, какъ для своей потребности, такъ и для пропаганды. Имъ нужна была хоть самая умѣренная, но *конституція*. Баптисты—это монархисты-конституціоналисты, цѣнящіе парламентскій строй и желающіе полнаго отдѣленія церкви отъ государства. Само собой понятно, что Побѣдоносцевъ, Плеве и др. считали ихъ за политически неблагонадежный элементъ и преслѣдовали ихъ такъ же сурово, — если не больше, — какъ и всѣ другіе хоть сколько-нибудь свободолюбивые элементы страны.

Баптисты приняли вызовъ охранителей стараго порядка. Во имя своей „вѣры" они стойко вынесли полувѣковую борьбу и, не смотря ни на какія преслѣдованія, остались твердыми и не-

поколебимыми въ своихъ убѣжденіяхъ, энергично и мужественно, тайно и явно, распространяя свое ученіе по всей Россіи.

1905-ый годъ измѣнилъ ихъ положеніе. Они достигли того, къ чему такъ страстно стремились; своей общинѣ они дали весьма стройную организацію, чрезвычайно расширившуюся повсюду въ Россіи. Но въ общественномъ смыслѣ теперь они пассивны. Ихъ бездѣйствіе будетъ нарушено, быть-можетъ, Государственнымъ Совѣтомъ, который, повидимому, не желаетъ идти на встрѣчу требованіямъ милліонныхъ массъ народа, жаждущихъ свободы совѣсти.

Мы убѣждены, что тогда проснутся многіе заснувшіе въ послѣдніе годы. И вмѣстѣ съ ними неизбѣжно воспрянутъ и баптисты.

Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ

Разсказъ Юхо Рейонена.

Въ одной изъ отдаленнѣйшихъ, но, пожалуй, самой красивой мѣстности сѣверной Кареліи—между юго-восточной Кайну и Россіей—„чистый", иначе говоря—„немѣшанный" [1]) хлѣбъ представлялъ собою весьма рѣдкое явленіе даже на столѣ богачей. Въ особенности въ Куохатти около сорока лѣтъ тому назадъ смотрѣли какъ на чистое проматыванье „божьяго дара", если кто-либо осмѣливался въ теченіе цѣлаго года ѣсть немѣшанный хлѣбъ. Положимъ, этого никто не дѣлалъ, а всего менѣе Килёйзе-Пертту со своимъ семействомъ.

Этотъ Пертту въ молодости своей имѣлъ великую глупость основаться на сквернѣйшемъ песчаномъ берегу Саммальлампи [2]), на краю дикой пустыни. Съ величайшимъ трудомъ снискивалъ онъ себѣ тамъ съ женой пропитаніе, и каждый годъ возилъ крестить новаго маленькаго члена семьи. Такимъ образомъ дѣтей расплодилось великое множество, и его Анни говорила сама о себѣ, что она „совсѣмъ пропадаетъ подъ Божіимъ благословеніемъ"; „каждогодно—и притомъ въ самую рабочую страду, во время сѣнокоса и жатвы—ей приходится ползать на колѣняхъ передъ пасторомъ". Хлѣба у нихъ никогда не бывало въ столь благословенномъ изобиліи, хотя пробстъ всегда завѣрялъ, что поселокъ Саммальлампи будетъ со временемъ великолѣпной

---

[1]) На дальнемъ сѣверѣ, гдѣ хлѣбъ очень дорогъ, его мѣшаютъ съ молотой березовой корой.

[2]) Лампи—озеро.

крестьянской колоніей, такъ какъ въ немъ, благодаря хорошей рождаемости, собирается много рабочей силы. Къ этому онъ еще добавлялъ: „Тотъ, Кто посылаетъ дѣтей, ужъ позаботится о нихъ“.

Однако, пока что, Анни самой приходилось заботиться о своихъ малюткахъ и измышлять способы—гдѣ и какъ раздобыть все необходимое. Пертту со своей стороны тоже достаточно измыкался, прилежно разрабатывая свою болотистую пашню и извлекая все возможное изъ дремучихъ лѣсовъ, мшистыхъ болотъ и густо заросшихъ топей пустыни Куохатти. Не смотря на все это, нужда не хотѣла отъ нихъ отступаться.

Поэтому Пертту однажды рѣшилъ близлежащую границу темно-зеленаго стараго вѣкового еловаго бора немного отодвинуть отъ своей хижины, чтобы очистить мѣсто для распашки новаго поля. Но тогда пришелъ лѣсникъ и сказалъ: „Что за глупости ты дѣлаешь! деревья принадлежатъ имперіи, государству, понимаешь!“

Пертту полагалъ, что онъ тоже принадлежитъ государству, и сказалъ, что не лучше ли, если падетъ нѣсколько деревьевъ, нежели Богомъ созданныя существа умрутъ съ голоду. „Не можетъ же этого желать государство—иначе что же это за имперія!“ заключилъ онъ.

Но лѣсникъ разъяснилъ Пертту, чего желаетъ государство. И Пертту получилъ даровой проѣздъ, а кромѣ того еще на нѣкоторое время даровое помѣщеніе въ желтой каменной тюрьмѣ въ Куопіо. Пока онъ тамъ отбывалъ свое наказаніе на хлѣбѣ и водѣ, снова настало лѣто.

Солнце ярко сіяло, когда Пертту вышелъ изъ Куопіо. Временами былъ слышенъ голосъ кукушки гдѣ-то на откосахъ Леппиваара [1]), и дроздъ кричалъ тамъ и сямъ на смѣющихся берегахъ Хейвäлампи, когда онъ подъ вечеръ приблизился къ роднымъ мѣстамъ.

Какое радостное чувство наполнило его сердце, когда онъ сквозь солнечную дымку дали съ холма Кивихарью увидѣлъ синюю поверхность Саммальлампи и гонимыя вечернимъ вѣтромъ свѣжія, свѣтлозеленыя волны ржи его собственной нивы.

„Осенью будетъ радость—тамъ вмѣстѣ съ Анни поработать серпомъ и видѣть, какъ маленькіе карапузики, точно весенніе телята, копошатся по жниву, въ то время какъ дѣти постарше вяжутъ снопы. Потомъ я распашу щетинистое жниво...“

Съ этими словами ходъ его мыслей прервался, такъ какъ

---

[1]) Ваара—высота, гора.

онъ невольно вспомнилъ короткую щетину своей головы. Это было всѣмъ видимое клеймо позора, эти коротко-остриженные волосы, которые еще не отросли—если они вообще когда-либо отростутъ.

„Какъ я покажусь такой людямъ, особенно Анни и дѣтямъ?!...“

Пертту пытался побороть эти мысли; и все же его шаги становились все медленнѣе, чѣмъ ближе онъ подходилъ къ дому.

Еслибы только Анни случайно не было дома! Ну, конечно! Понятно, ея нѣтъ дома: она тащитъ сѣти съ Сикки,—лодки не видно, и на дворѣ такой шумъ и крикъ.

Пертту прислушался.

„Сунься подъ мой ноготь, тогда я увижу—блоха ты, или какое другое животное!“

Это былъ пронзительный тонкій голосокъ маленькаго Антти, и затѣмъ послышался заглушенный плачъ Томаса, хотя Томасъ былъ тремя годами старше Антти.

Онъ охотно подошелъ бы къ нимъ, но, право, это было слишкомъ мучительно—напугать собственныхъ дѣтей своей голой головой. Кромѣ того, онъ почувствовалъ вдругъ такую вялость, что ему, конечно на минутку, пришлось присѣсть подъ березой и набить свою трубку. Пока онъ такъ сидѣлъ, ему въ голову взбрели всякія возможности: въ первую очередь то, что, пожалуй, лучше всего было бы совсѣмъ бросить здѣсь всю эту канитель съ пашней и переѣхать въ городъ. Говорили, что дѣльные рабочіе могутъ тамъ очень хорошо устроиться; по крайней мѣрѣ тамъ не пришлось бы голодать. Эту мысль стоило обдумать поосновательнѣе, особенно потому, что тамъ господа ходятъ стриженые, хотя, конечно, они не сидѣли въ тюрьмѣ. Вѣрно, такова городская мода, такъ какъ этому тамъ никто не дивился. Но съ другой стороны было всетаки тяжело—оставить свою собственную пашню, гдѣ всю жизнь терпѣлъ голодъ и несъ трудъ, гдѣ уже мальчикомъ, солнечной весною, взапуски съ журавлями собиралъ клюкву и куда уже вросли корни сердца.

Въ такихъ размышленіяхъ прошелъ вечеръ, такъ что Пертту только ночью, какъ воръ, прокрался въ свой домъ, а утромъ Анни сдѣлала видъ, будто не замѣтила, что въ его наружности произошла перемѣна. Но очевидно она это замѣтила и предупредила дѣтей—не дѣлать замѣчаній относительно голой головы отца: они ничего не сказали, но сначала какъ будто немного его боялись.

Къ осени, однако, стриженые волосы уже настолько отросли, что ихъ отлично можно было причесывать съ проборомъ; и рожь тоже уже начала колоситься.

Поэтому зимы ожидали бодро, какъ въ Саммальлампи, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Но задолго до начала зимы наступили холода, а вмѣстѣ съ ними — голодная лихорадка. Анни много недѣль лежала на скамьѣ передъ печью, металась въ лихорадкѣ и дико бредила.

Дѣти лежали на грязныхъ лохмотьяхъ и на вонючей соломѣ во всѣхъ углахъ; но своевольный Антти устроилъ себѣ лазаретъ изъ постели матери.

Всѣ эти блѣдные, страждущіе больные съ тупыми взорами видимо покорились своей участи, за исключеніемъ Антти. Онъ постоянно докучалъ своему отцу и Томасу, который, не смотря на всю нужду, остался здоровымъ. Съ изумительнымъ терпѣніемъ Томасъ позволялъ Антти таскать его за волосы, бить и толкать, когда бѣдному больному хотѣлось, чтобы умыли его самого, или же прибрали и почистили его постель, въ которой за многія недѣли болѣзни въ неисчислимомъ количествѣ завелись насѣкомыя. Кромѣ того, Томасъ всегда старался выбрать для матери и Антти лучшіе куски хлѣба, который онъ иногда выпрашивалъ милостыней въ сосѣдней деревнѣ. Но эти кусочки были не такъ ужъ хороши и не такъ-то часто давались. Это можно понять, если вспомнить, что одна изъ пословицъ той мѣстности гласитъ: „Избави Богъ дѣтей бѣдняковъ просить милостыню въ Куохатти!"

Уже въ началѣ зимы положеніе Пертту и его семейства было безнадежно; но съ теченіемъ времени стало еще хуже. Зима прошла только еще наполовину, когда явился крестьянинъ изъ Кохизева—объявить ему, что въ кассѣ бѣдныхъ нѣтъ больше средствъ даже на поддержку одного-единственнаго человѣка въ Куохатти. Въ церкви предсѣдатель общества бѣдныхъ уже объявилъ, что государство не можетъ больше разбрасывать деньги: жители Куохатти могутъ работать такъ же, какъ и всѣ другіе. Къ этому онъ добавилъ: не зря ли они жалуются, такъ какъ почва въ Куохатти достаточно хороша?

„Такъ-то, бѣдняга Пертту!—сказалъ крестьянинъ изъ Кохизева:—въ нашей деревнѣ скоро ни у кого не будетъ что давать. Твоя мѣра переполнилась, но намъ остальнымъ тоже немало придется вынести".

„Карелецъ умѣетъ терпѣть"—сказалъ Пертту и подмѣшалъ послѣднюю горсть молотой березовой коры къ тѣсту, изъ кото-

раго, казалось, невозможно испечь хлѣбъ, такъ какъ отъ недостатка муки оно разсыпается.

Черезъ нѣкоторое время онъ прибавилъ: „Еслибы можно было посмѣть взять хорошую еловую или сосновую кору изъ казеннаго лѣса—или еслибы можно было получить нѣсколько пучковъ соломы, тогда на долгое время и рѣчи не могло бы быть о нуждѣ, и, можетъ-быть, и мы отъ перемѣны питанія такъ окрѣпли бы, что смогли бы снова работать".

Крестьянинъ изъ Кохизева обѣщалъ попросить свою жену испечь имъ столько соломеннаго хлѣба, сколько онъ самъ можетъ безъ ущерба уступить.

„И можетъ-быть дальше вы уже сами пробьетесь съ хлѣбомъ изъ коры, когда немного оправитесь",—сказалъ онъ передъ уходомъ.

Благодарный за предложенную помощь, Пертту крѣпче, чѣмъ обыкновенно, пожалъ на прощанье руку крестьянина изъ Кохизева, а Томасъ прошепталъ съ радостно сіяющими глазами матери на ухо: „Мама, ты, вѣрно, скоро будешь опять здорова, когда мы получимъ изъ Кохизева настоящій соломенный хлѣбъ!"

Представленіе о цѣлительной силѣ соломеннаго хлѣба, которую Пертту и Томасъ на перерывъ расхваливали больнымъ, въ концѣ концовъ получило дѣйствительное подтвержденіе, такъ что они сами серьезно начали вѣрить въ нее. Они должны были повѣрить, такъ какъ больные одинъ за другимъ начали выздоравливать, хотя въ другихъ мѣстахъ голодный тифъ нисколько не ослабѣвалъ, и каждое воскресенье на церковномъ кладбищѣ хоронили по десяти покойниковъ.

Послѣ Павлова-дня всѣ уже были на ногахъ. Тѣ, у кого одежда едва заслуживала этого названія, большею частью сидѣли дома; всѣ же остальные бродили по окрестнымъ деревнямъ, просили милостыню и продавали мелкія издѣлія изъ дерева, изготовленныя ихъ отцомъ. Анни и Пертту начали уже надѣяться, что „къ лѣту они будутъ сильны и здоровы"; но вдругъ Анни родила двойню.

Новыя заботы отцу и матери! Пертту самъ повезъ на лошади сосѣда крестить своихъ малютокъ. Когда онъ, послѣ продолжительнаго отсутствія, вернулся изъ своей поѣздки, то засталъ у себя мѣстнаго торговца и узналъ, что его изба назначена въ продажу съ публичнаго торга. Бобыль Хейкки имѣлъ на него утвержденный судомъ старый искъ, и теперь, попавъ въ безвыходное положеніе, продалъ свое право, за нѣсколько фунтовъ муки, мѣстному лавочнику, о которомъ говорили, что онъ страшно

богатъ. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, ни минутки не могъ ждать съ взысканіемъ, но хотѣлъ сейчасъ же получить свои деньги—сто пятьдесятъ марокъ.

Пертту просилъ и молилъ сжалиться, но не могъ самъ превратиться въ деньги. Взыскатель „не могъ“ ждать, иначе онъ самъ пойдетъ „на конкурсъ“. Не помогло даже и то, что Пертту, въ концѣ концовъ выйдя изъ себя, предложилъ купцу взять его послѣднее имущество—девять дѣтей.

„Къ счастью“ одинъ изъ близнецовъ — младшій — умеръ прежде, чѣмъ продали хижину. Итакъ у Пертту было только восемь дѣтей, когда ему пришлось отправиться, куда глаза глядятъ. Конечно, горько было покинуть родной кровъ, созданный его собственными руками, но что дѣлать? Онъ не зналъ даже, куда направить свои стопы, и рѣшилъ на удачу пойти въ городъ. Кто знаетъ, гдѣ въ концѣ концовъ они нашли бы пристанище, еслибы въ деревнѣ Марккула не встрѣтили большой и странной толпы странниковъ.

Это была кучка людей, направлявшихся въ русскую Карелію въ поискахъ хлѣба и работы. Вожакомъ этой пестрой толпы былъ старый знакомый Пертту — Махайсъ-Пааво. Онъ разсказалъ Пертту, что его сынъ въ началѣ зимы былъ найденъ мертвымъ въ одномъ сараѣ на Руатаваара съ клочкомъ сѣна во рту. Ленсману онъ прямо сказалъ, что мальчикъ умеръ отъ голода. „Но какъ могутъ господа повѣрить въ нѣчто подобное! И они разрѣзали бѣднаго мальчика, какъ самоубійцу или собаку, и едва повѣрили, что онъ умеръ отъ голода, когда докторъ нашелъ въ его желудкѣ изрядную охапку осоки. — Тогда мнѣ пришла въ голову мысль, что намъ надо уйти отсюда — поискать счастья въ другомъ мѣстѣ, прежде чѣмъ мы всѣ перемремъ отъ голода или озвѣрѣемъ. По дорогѣ къ намъ пристали другіе, и такъ мы дошли сюда. Лучше всего было бы, еслибы и ты присоединился къ намъ, такъ какъ у насъ все же есть столько пропитанія, что его хватитъ, пока мы куда-нибудь доберемся!“

Пертту рѣшилъ присоединиться къ нимъ, и утромъ они вмѣстѣ пошли дальше. Было ясное и тихое утро, когда оборванная толпа, всѣ гуськомъ другъ за другомъ, какъ черная линія, вышла изъ Марккула навстрѣчу восходящему солнцу. Ихъ преслѣдовали лаявшія, изголодавшіяся, обросшія собаки, изъ которыхъ однадругая выбѣгали въ снѣжное поле и выли имъ вослѣдъ.

Одѣтые инеемъ лѣса сіяли тысячами драгоцѣнныхъ камней;

ледяныя сосульки, трескавшіяся отъ холода, привѣтствовали салютомъ мимо проходящую толпу лохмотниковъ. Тамъ и сямъ зимняя погода покрывала румянцемъ блѣдныя щеки. Всѣ шли молча, погруженные въ думы, за тощей клячей Махайса-Пааво, которая везла впереди самыхъ маленькихъ дѣтей и ослабѣвшихъ. Молчаніе прерывалось только скрипомъ саней, хрустомъ снѣга подъ ногами и временами крикомъ самой маленькой дѣвочки Пертту. Только вблизи деревни Кеки снова начался непріятный лай и вой собакъ, жалобы которыхъ верстами звучали имъ вослѣдъ въ лѣсу.

Было воистину успокоительно, когда уши не слышали ихъ воя и путники углублялись въ пустоту нѣмыхъ безграничныхъ степей и лѣсовъ. Такъ далеко, какъ только можно было видѣть, глазъ не различалъ ничего, кромѣ лѣса, сіявшаго въ своей зимней одеждѣ, и Маанселкä [1]), съ ея многочисленными развѣтвленіями, холмами и высотами.

На югѣ возвышалась, господствуя надъ пустыней, могучая горная высота Іокунваара [2]), съ ея ущельями и острыми вершинами. Далеко на горизонтѣ виднѣлась Ніемиваара. А вода тамъ вдали на сѣверѣ была, очевидно, большое озеро Валамо.

Погода была все время тихая и ясная. Но вдругъ надъ водой пронесся холодный порывъ вѣтра. Издалека отъ Рууна пролетѣли продолжительныя, холодныя дуновенія.

Вьюга сгущалась, и черезъ нѣсколько мгновеній Тетриваара закуталась въ снѣжно-бѣлую непроницаемую мантію. На дорогу падали съ деревьевъ легкія снѣжныя хлопья, и черезъ снѣжное поле шумно несся легкій и тонкій снѣжный вихрь. Со свистомъ и воемъ прорывался сквозь вѣтви и вершины деревьевъ ледяной порывистый вѣтеръ.

Путники ускоряютъ свои шаги. Но уже клонятся высокія ели подъ натисками бури, и въ завываніи вѣтра несется по небу туча. Горы и долины, лѣса и люди, небо и земля окутываются бѣшеной снѣжною мятелью, которая все болѣе опьяняется своимъ успѣхомъ и черпаетъ силы въ своемъ собственномъ дикомъ неистовствѣ. Путники борются за свою жизнь и противоставятъ силамъ природы человѣческую силу. Дѣло идетъ о томъ, чтобы доказать, въ комъ упорнѣе сила жизни: у бури, возникшей въ степяхъ востока, или же у дѣтей пустыни.

— Склонитесь, склонитесь! — реветъ разъяренная буря; но

---

[1]) Селькä — горная цѣпь.

[2]) Ваараа — гора.

всѣ—отъ мала до велика—стремятся впередъ, поддерживая другъ друга. Со стороны вѣтра ихъ лохмотья уже закоченѣли и тверды, какъ ледяной панцырь. Дырявые сапоги твердо примерзли къ пальцамъ ногъ, горящихъ отъ холода. Уже падаетъ одинъ мальчикъ въ снѣжный сугробъ, и кажется, будто въ горныхъ ущельяхъ буря запѣваетъ свой побѣдный гимнъ.

„Антти, вотъ тебѣ кусокъ хлѣба, чтобы ты могъ идти дальше!“—говоритъ Томасъ брату, который задыхается отъ напряженія.

„Впередъ, впередъ! Ради Бога!—кричитъ Махайсъ-Пааво.— Отсюда не можетъ быть больше четверти мили до деревни Толккила“.

„Я къ небу простираю руки,—
Господь-Отецъ, молюсь Тебѣ,
Пошли намъ помощь въ нашей мукѣ,
Помилуй насъ, внемли мольбѣ!“

—начинаетъ пѣть одна упавшая женщина, но Махайсъ-Пааво поднимаетъ ее и дѣлаетъ попытку ободрить ее словами. Тихо, но задыхаясь, ведетъ Пертту свою жену, дрожащую отъ холода, взявъ изъ ея рукъ малютку. Судорожно ухватилась Анни за его руку и пожалуй не могла бы уже больше держаться на ногахъ, еслибы возбужденные нервы не поддерживали ея силъ.

Одинъ за другимъ изъ толпы кто-нибудь падаетъ въ снѣгъ. Лошадь Махайса-Пааво погружается въ снѣгъ по шею; но теперь не время думать о лошади. Воздухъ такъ полонъ снѣгомъ, что никто уже не можетъ узнать другъ друга. Тамъ и сямъ различаетъ глазъ скорчившееся на дорогѣ тѣло, но каждый долженъ помочь себѣ самъ. Пѣвшая псаломъ женщина выпускаетъ руку Пааво и падаетъ въ снѣгъ; но теперь онъ этого не замѣчаетъ.

„Впередъ, ради Бога, впередъ!—бормочетъ онъ;—иначе мы всѣ—дѣти смерти“.

И большинство пробивается впередъ. Томасъ и Антти немного посидѣли и бредутъ теперь дальше, не зная — гдѣ всѣ остальные. Вотъ лежитъ на дорогѣ женщина, полузанесенная снѣгомъ.

„Но вѣдь это не была наша мама!“—шепчетъ Томасъ. Въ ста шагахъ дальше сидитъ Махайсъ-Пааво. Его глаза широко открыты; но они кажутся Антти, который переступаетъ черезъ его ноги, странно безжизненными. Кусокъ хлѣба въ его рукѣ вѣрно уже крѣпко примерзъ, такъ какъ онъ не падаетъ, когда Антти задѣваетъ руку.

Тѣ, кто впереди, обливаются потомъ, и ужасная жажда мучитъ ихъ. Нѣкоторые ѣдятъ снѣгъ, но онъ горитъ во рту. Отчаяніе овладѣваетъ большинствомъ. Еще одна послѣдняя вспышка — и душа и тѣло засыпаютъ; недавняя возбужденная напряженность смѣняется полнымъ равнодушіемъ и безразличіемъ. Страхъ, вызванный страданіемъ, исчезъ. Вѣки тяжелѣютъ и невольно закрываются. Постель такъ мягка, мягка и заманчива. Холодъ пронизываетъ до костей, но вызываетъ почти пріятное чувство. Черезъ нѣкоторое время щеки вздуваются и становятся пухлы и круглы. Въ глазахъ темнѣетъ и голова кружится, но потомъ наступаетъ чувство покоя и уюта.

Томасъ и Антти все еще поддерживаютъ другъ друга, пробиваются впередъ, взбираются на холмъ и спускаются съ него. Здѣсь, кажется, никто не проходилъ, такъ какъ ни малѣйшаго слѣда не видно въ снѣгу. Но имъ все сдается, что кто-то близко-близко идетъ за ними.

Антти на минутку останавливается и узнаетъ своего отца, который что-то тащитъ за собой; но у него нѣтъ больше на рукахъ маленькой сестрицы; а гдѣ же мама? Но Томасъ не позволяетъ ему долго стоять и тащитъ за руку дальше.

„Ты видишь, отецъ совсѣмъ разстроенъ, и его глаза такъ странно сверкаютъ. Онъ что-то тащитъ за собой по землѣ.— Иди, иди!“

Идутъ дальше, хотя уже совсѣмъ темно. „Вѣрно уже ночь! — Еслибы можно было немного отдохнуть!“ — Но Томасъ не отдыхаетъ, хотя кровь горитъ въ его жилахъ.

Наконецъ передъ ними вдали свѣтитъ въ окнѣ огонекъ. У Томаса такое чувство, будто онъ долженъ позвать остальныхъ; но его голосъ точно задушенъ. Онъ еще въ силахъ направить свои шаги на огонь. Какъ во снѣ слышитъ онъ лай собаки, который даже покрываетъ ревъ бури и дикій вой вѣтра.

Но потомъ онъ больше ничего не сознаетъ. Инстинктивно онъ все еще крѣпко держитъ брата за руку и скорѣе тащитъ его, чѣмъ поддерживаетъ.

Силъ больше нѣтъ; но и дорога уже кончена. Испуганные необычнымъ поведеніемъ собакъ, крестьяне деревни Толккила спѣшатъ во дворъ и ведутъ пришедшихъ въ хижину. Уже на порогѣ сыплется на мальчиковъ градъ вопросовъ такъ же густо, какъ только что сыпался снѣгъ.

„Боже мой! Что вы за люди? Откуда идете вы въ такую собачью непогоду?—Зачѣмъ ты не отвѣчаешь, мальчикъ?—Отецъ

Небесный, это трупъ тамъ человѣкъ тащитъ за собой по снѣгу!— Вы вѣрно чуть не замерзли въ эту бурю и морозъ!"

Въ комнатѣ крестьяне освободили тѣло Анни изъ рукъ Пертту, который ничего не понималъ, что происходило вокругъ него,—и послѣ безуспѣшныхъ попытокъ оживить ее, снесли тѣло въ сушильню. За это время мальчики уснули въ теплой комнатѣ.

Пертту же сидѣлъ на скамьѣ у печи и, не мигая, глядѣлъ на огонь.

Мальчики спали долго, и только на слѣдующій день къ вечеру могли разсказать крестьянамъ Толккила о своемъ переходѣ черезъ степь Керо, такъ какъ отъ Пертту, который все еще сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, никогда уже больше нельзя было добиться ни одного разумнаго слова. За нимъ, какъ сначала также и за Антти, пришлось ходить какъ за малымъ ребенкомъ.

Черезъ день буря прекратилась и ярко сіяло солнце. На степи Керо лежалъ ровный, ослѣпительно чистый снѣжный покровъ, какъ бѣлѣйшій саванъ, и на деревьяхъ сіяли ледяные кристаллы, свѣшивавшіеся съ голыхъ вѣтвей, какъ чистыя брилліантовыя слезы.

Весною тамъ поставили шестнадцать грубыхъ деревянныхъ крестовъ. И съ тѣхъ поръ это мѣсто называлось: „Долина голода" или „Степь шестнадцати".

Перев. съ финскаго Л. АНДРУСОНЪ.

* * *

О чемъ та пѣснь была и были ль въ ней слова,—
Но сердце каждый звукъ запомнило въ той пѣснѣ..
Какъ глубока была надъ лѣсомъ синева!
Казался лѣсъ тогда и глубже, и чудеснѣй.

Закатный часъ настелъ, и въ пеплѣ и въ огнѣ
Лѣсныя предо мной покоились поляны,
И былъ закатъ тогда въ природѣ и во мнѣ—
Послѣдній блескъ во всемъ мучительный и пьяный.

Я не замѣтила сама, какъ я ужъ шла
На голосъ радостный... Я такъ была богата:
Я тишину, и свѣтъ, и жаръ тебѣ несла,
Всю пылкость этого и моего заката...

Есть пѣсни, къ подвигамъ зовущія сердца,
Но сердцу скорбному далеки ихъ призывы.
Пой мнѣ! Ахъ, слушать бы и слушать безъ конца
И тихо умереть подъ голосъ твой счастливый!

С. Парнокъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ
КОСТОМАРОВЪ

Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Публикуемыя въ настоящее время записки Алины Леонтьевны Костомаровой, урожденной Крагельской, по первому мужу Кисель, написаны въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія и содержатъ воспоминанія главнѣйше о томъ періодѣ жизни нашего славнаго историка, Николая Ивановича Костомарова, о которомъ въ печать проникали до настоящаго времени лишь вскользь кое-какія свѣдѣнія.

Духовнымъ завѣщаніемъ Алины Леонтьевны, умершей въ Кіевѣ въ началѣ 1908-го года, эти записки предоставлены въ мое распоряженіе при условіи опубликованія ихъ, если то будетъ признано желательнымъ, не ранѣе 1910-го года, въ которомъ истекаетъ двадцатипятилѣтіе со дня смерти Н. И. Костомарова.

Еще при жизни Алины Леонтьевны мнѣ было извѣстно съ ея словъ о существованіи этихъ записокъ-воспоминаній и о томъ, что она, кромѣ желанія внести свою лепту въ біографическій матеріалъ объ одномъ изъ выдающихся русскихъ людей второй половины XIX вѣка, чувствовала потребность сдѣлать извѣстными ея дѣтямъ отъ перваго брака, изъ которыхъ въ настоящее время въ живыхъ двое, тѣ обстоятельства ея жизни, которыя вполнѣ оправдываютъ какъ то, что она соединила судьбу свою, въ преклонномъ возрастѣ, съ судьбою Николая Ивановича Костомарова,

такъ и то, что матеріальными средствами, полученными ею какъ результатъ этого соединенія, она распорядилась не въ интересахъ родства.

Когда, по утвержденіи судомъ духовнаго завѣщанія Алины Леонтьевны, мнѣ пришлось ознакомиться съ ея записками, представляющими двѣ объемистыя тетради въ 213 страницъ in quarto, я на первой страницѣ ихъ увидѣлъ надпись, датированную 30-мъ іюля 1888-го года и подписанную: *Алина Костомарова*, слѣдующаго содержанія:

„Вручаю эту книжку съ ея содержаніемъ, написаннымъ неумѣло, но искренно. Пусть . . . . . . прочитаетъ написанныя здѣсь мои воспоминанія и отдѣльные наброски изъ того, что удержалось въ моей памяти изъ разсказовъ Николая Ивановича— и пусть сдѣлаетъ изъ этой тетради такое употребленіе, какое онъ найдетъ лучшимъ ради интересующихся хотя бы и неважными эпизодами изъ жизни Николая Ивановича Костомарова".

Въ этой надписи мною опущены эпитеты, которыми меня наградила добрѣйшая и расположенная ко мнѣ, какъ мужу ея младшей дочери, которую она такъ нѣжно любила и которая такъ рано скончалась (въ 1887 году), Алина Леонтьевна.

Ознакомившись съ содержаніемъ записокъ, я ни минуты не сомнѣваюсь въ высокомъ ихъ интересѣ для русской читающей публики, не только какъ матеріала для біографіи знаменитаго историка, но и какъ правдиваго разсказа о высоко трагической судьбѣ двухъ выдающихся и богато одаренныхъ натуръ.

Предлагая къ печати записки Алины Леонтьевны, я позволилъ себѣ только самыя незначительныя, чисто редакціоннаго характера поправки, не касающіяся нисколько ни существа, ни характера изложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сдѣлалъ нѣсколько примѣчаній, не лишнихъ для поясненія текста. Эти примѣчанія, сдѣланныя мною, отмѣчены буквами В. К. Остальныя примѣчанія принадлежатъ автору записокъ.

В. Котельниковъ.

Мартъ 1910 г.

Посвящается моимъ дѣтямъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ XIX-го столѣтія между двумя частями Кіева—Печерскомъ и Липками—пролегалъ заросшій деревьями и кустарниками оврагъ, на откосахъ котораго кое-гдѣ ютились домики небогатыхъ горожанъ. Въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, въ видѣ отдѣльной барской дачи, но также на

откосѣ оврага, выдвигался изъ густой чащи деревьевъ красивый двухъ-этажный домъ Семенюты. По другой сторонѣ оврага, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начиналась улица, входившая въ Липки, стоялъ большой двухъ-этажный домъ Гудимъ-Левковича; при домѣ были большой дворъ и садъ. Домъ этотъ по тому времени былъ однимъ изъ видныхъ въ Кіевѣ. Не смотря на это, подъѣздъ къ дому былъ не съ улицы, а со двора. Въ этомъ-то домѣ въ 1843-мъ году Лаура Осиповна Де-Мельянъ открыла „Образцовый Пансіонъ“ для дѣвицъ. Въ этомъ-то пансіонѣ мать моя помѣстила меня, вмѣстѣ съ сестрой моей—Стефаніей. Тамъ-то я и познакомилась, въ качествѣ ученицы, съ Николаемъ Ивановичемъ.

Л. О. Де-Мельянъ, по уму, по широкому образованію и, главное, по душевной чистотѣ, представляла воплощеніе идеала воспитательницы. У всѣхъ, имѣвшихъ счастье расти подъ ея наблюденіемъ, память о ней сохранила чувство глубочайшаго благоговѣнія и благодарности. Для всѣхъ, посвящавшихъ себя въ то время въ Кіевѣ дѣлу воспитанія дѣвицъ, г-жа Де-Мельянъ по истинѣ служила образцомъ. Такія ветераны-воспитательницы, какъ Зассъ и Залѣсская, заканчивавшія въ то время свое полувѣковое служеніе тому же дѣлу, познакомившись съ г-жею Де-Мельянъ, старались съ нею сблизиться и нерѣдко пріѣзжали для осмотра „Образцоваго Пансіона“ во всѣхъ его подробностяхъ.

Здѣсь не мѣсто было бы распространяться о порядкѣ и способахъ преподаванія или о другихъ сторонахъ устройства этого пансіона, такъ какъ главнѣйшая цѣль настоящаго писанія моего—занести на страницы моихъ воспоминаній только то, что имѣло отношеніе къ Николаю Ивановичу. Приведенная краткая характеристика личности Л. О. Де-Мельянъ оправдываетъ ту оцѣнку ея, какую сдѣлалъ Николай Ивановичъ, что̀ онъ и выражалъ ей самой при различныхъ обстоятельствахъ своей жизни.

Л. О. Де-Мельянъ, рожденная баронесса Бринкенъ, съ ранней молодости чувствовала призваніе воспитывать дѣтей. Семейныя причины заставили ее покинуть родовое помѣстье въ Курляндіи и переѣхать въ Петербургъ. Здѣсь, въ качествѣ друга статсъ-дамы Прасковьи Ивановны Мятлевой, она занялась воспитаніемъ младшей ея дочери, сдѣлавшейся впослѣдствіи женой Ильи Гавриловича Бибикова (виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора).

Лаура Осиповна встрѣтилась въ домѣ П. И. Мятлевой съ другомъ ея, старикомъ Филиппомъ Де-Мельянъ, вдовцомъ, имѣвшимъ при себѣ дочь отъ перваго брака, вышла за него и по-

святила себя уходу за старикомъ и воспитанію своей падчерицы, которая впослѣдствіи стала женой г-на Минготскаго. Были у г-жи Де-Мельянъ, кромѣ падчерицы, еще воспитанницы—племянницы и совершенно чужія дѣвочки, неимущія сироты; всѣ онѣ то выходили изъ дома своей благодѣтельницы въ замужество, то получали хорошія мѣста гувернантокъ и классныхъ дамъ въ заведеніяхъ, а въ случаяхъ болѣзни или житейскихъ неудачъ возвращались подъ теплый материнскій кровъ г-жи Де-Мельянъ.

Въ 1841-мъ году Лаура Осиповна съ мужемъ переѣхала на жительство въ Кіевъ. Это сдѣлано было по совѣту врачей для поддержанія силъ старика въ лучшемъ климатѣ.

Бывшій въ то время въ Кіевѣ генералъ-губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ встрѣтилъ ихъ съ признаками давней дружбы, такъ какъ зналъ г-на Де-Мельянъ очень давно, а г-жу Де-Мельянъ почиталъ какъ воспитательницу его невѣстки, жены Ильи Гавриловича Бибикова.

Случилось тогда же, что существовавшее уже въ Кіевѣ (существующее и понынѣ) училище графини Левашовой осталось безъ главной почетной надзирательницы. Д. Г. Бибиковъ, зная влеченіе г-жи Де-Мельянъ къ дѣлу воспитанія дѣвицъ, въ особенности бѣдныхъ сиротъ, предложилъ ей принять на себя званіе и обязанности почетной надзирательницы этого училища, учрежденнаго на средства одной изъ дочерей П. И. Мятлевой, бывшей въ замужествѣ за прежнимъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Левашовымъ. Г-жа Де-Мельянъ, высоко чтившая основательницу училища, согласилась тѣмъ охотнѣе на это предложеніе, что за труды и заботы почетной надзирательницы никакого вознагражденія не полагалось. На жалованье же она помѣстила туда надзирательницей лучшую изъ своихъ воспитанницъ, Маргариту Адамовну Геймерсъ, блистательно выдержавшую экзаменъ при кіевскомъ университетѣ для полученія диплома на право учительницы. Сама Де-Мельянъ поселилась со своимъ обожаемымъ ею старцемъ какъ разъ противъ училища, въ одномъ изъ флигелей упомянутаго выше дома Гудимъ-Левковича.

Заботы г-жи Де-Мельянъ по приведенію Левашовскаго училища въ наилучшее состояніе и по привлеченію туда лучшихъ преподавательскихъ силъ (а это было нелегко, такъ какъ преподавательскій трудъ не оплачивался) имѣли такой яркій результатъ за одинъ годъ управленія ею училищемъ, что Д. Г. Бибиковъ предложилъ ей открыть особый „Образцовый пансіонъ“ съ платными ученицами. Такіе „образцовые“ пансіоны устраивались въ то время во всѣхъ губернскихъ городахъ юго-запад-

наго края, въ виду тѣсноты помѣщенія „Института благородныхъ дѣвицъ“ въ Кіевѣ, въ деревянномъ одноэтажномъ зданіи. Нынѣшнее каменное зданіе института въ то время еще не существовало.

Прошелъ весь 1842-ой годъ, пока Д. Г. Бибикову удалось убѣдить г-жу Де-Мельянъ открыть „Образцовый пансіонъ“. Наконецъ, къ августу 1843-го года былъ нанятъ для помѣщенія пансіона корпусъ дома Гудимъ-Левковича, и пріемъ дѣвицъ открылся. Сестра моя и я были первыми, поступившими въ пансіонъ, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ число воспитанницъ достигло комплекта, выше котораго г-жа Де-Мельянъ не желала принимать, чтобы не лишать воспитанницъ необходимыхъ свободы и чистоты воздуха.

Проектировался въ пансіонѣ семилѣтній курсъ ученья, съ раздѣленіемъ на четыре класса, изъ которыхъ въ первомъ, или приготовительномъ, слѣдовало пробыть одинъ годъ, а въ остальныхъ трехъ по два года въ каждомъ. На первое время устраивалось только три класса. Мы съ сестрой поступили въ старшее отдѣленіе третьяго, такъ что намъ предстояло пробыть въ пансіонѣ г-жи Де-Мельянъ всего три года. Наши одноклассницы, по истеченіи одного года, вмѣстѣ съ нами составили четвертый классъ.

Лаура Осиповна, всегда скромная въ своемъ домашнемъ обиходѣ и имѣвшая, притомъ, личныя денежныя средства въ видѣ доходовъ отъ курляндскаго имѣнія и пенсіи мужа, не смотрѣла на содержаніе „Образцоваго пансіона“ какъ на средство наживы или улучшенія житейской обстановки. Получаемую за воспитаніе дѣвицъ плату она всецѣло употребляла на издержки по пансіону и не жалѣла денегъ, какъ для платы лучшимъ преподавателямъ, приглашеннымъ ею по преимуществу изъ числа профессоровъ кіевскаго университета, такъ и для возможно полнаго удовлетворенія нуждъ воспитанницъ ея заведенія.

Насъ не отпускали домой ни въ воскресенье, ни въ праздничные дни, и только разъ въ годъ, на два мѣсяца лѣтнихъ каникулъ, воспитанницы пансіона разъѣзжались по домамъ. Въ рождественскія святки мы разучивали различныя пьески на иностранныхъ языкахъ и устраивали спектакли; во время свѣтлой недѣли, на Пасхѣ, пѣли хоромъ и упражнялись въ танцахъ для предстоящаго публичнаго экзамена и притомъ, какъ въ зимнія, такъ и въ весеннія святки мы читали всегда по очереди, а въ это время прочія воспитанницы занимались рукодѣліемъ. Въ воскресные дни у насъ устраивались музыкальные вечера, на которые при-

глашались родители или родственники исполнительницъ музыкальныхъ пьесъ и изрѣдка кто-либо изъ учителей, принадлежавшихъ къ составу преподавателей музыкальнаго искусства. Добродушный старецъ-мужъ нашей „maman", какъ мы называли г-жу Де-Мельянъ, страстно любилъ музыку: онъ всегда присутствовалъ на нашихъ музыкальныхъ вечерахъ.

Всеобщую и русскую исторію читалъ у насъ профессоръ Домбровскій, еще молодой человѣкъ, очень представительной наружности и симпатичный. Всѣ ученицы безъ исключенія очень любили его и охотно занимались исторіей. Тяжкая болѣзнь лишила насъ любимаго „учителя", какъ мы называли всѣхъ преподавателей, не различая ихъ по занимаемымъ ими должностямъ—профессоровъ или учителей гимназіи.

Домбровскій долго хворалъ, и наша „maman", не теряя надежды на его выздоровленіе, пригласила для насъ на время другого преподавателя; но по смерти Домбровскаго, послѣ каникулъ 1845-го года, намъ объявили, что Домбровскаго, котораго мы оплакивали, замѣнитъ новый, очень ученый и талантливый учитель и что первая лекція его назначена на 1-ое августа. То былъ старшій учитель 1-ой кіевской гимназіи (мужской; женскихъ гимназій въ то время еще не было), Николай Ивановичъ Костомаровъ.

Каникулы наши, какъ я уже сказала, продолжались всего два мѣсяца, и 31-го іюля 1845-го года весь небольшой комплектъ дѣвицъ пансіона г-жи Де-Мельянъ былъ уже въ сборѣ. Въ день 1-го августа, утромъ, были у насъ законоучители различныхъ исповѣданій; послѣ обѣда, отъ двухъ до трехъ часовъ, былъ назначенъ первый урокъ русской исторіи. Во время обѣда между моими одноклассницами шли толки о томъ, кто этотъ „дерзновенный, рѣшающійся замѣнить незамѣнимаго Домбровскаго, и какъ покажется намъ чтеніе „талантливаго" ученаго. Раздался звонокъ, извѣщавшій объ окончаніи обѣда. Дѣвицы встали изъ-за стола; одна изъ нихъ громко прочла послѣобѣденную молитву: „Благодаримъ Тя, Христе, Боже нашъ", а затѣмъ попарно всѣ вышли изъ столоваго въ рекреаціонный залъ, гдѣ, по обыкновенію, прохаживались въ продолженіе получаса, каждая съ своей подругой, пока другой звонокъ не призывалъ въ классы къ занятіямъ. Только воспитанницы старшаго, 4-го класса не могли пользоваться въ этотъ день получасовой прогулкой по залу и должны были изъ столовой пройти прямо въ классъ: „новый учитель" не могъ назначить для своей лекціи у насъ иного часа, какъ отъ двухъ до трехъ, — остальные учебные часы его

были посвящены занятіямъ въ гимназіи и въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Этотъ фактъ лишенія насъ послѣобѣденнаго отдыха произвелъ впечатлѣніе не въ пользу „новаго учителя", но съ нимъ приходилось мириться. Нечего было дѣлать; вошли въ классъ и заняли свои мѣста. У насъ въ пансіонѣ существовалъ, между прочимъ, такой порядокъ: ежемѣсячно въ каждомъ классѣ подсчитывались суммы балловъ (отмѣтокъ) каждой воспитанницы по всѣмъ предметамъ, выводился средній баллъ, и у которой изъ учениць этотъ средній былъ наивысшій, та занимала въ своемъ классѣ во весь слѣдующій мѣсяцъ первое мѣсто, какъ въ журналѣ, гдѣ для каждаго предмета былъ особый списокъ дѣвицъ, такъ и на первой скамейкѣ.

Вмѣстѣ съ нами вошла наша классная дама, швейцарка, любимая и уважаемая нами m-lle Dutremblay; вслѣдъ за нами вошла наша „maman" и за нею старецъ Де-Мельянъ, не вмѣшивавшійся въ управленіе пансіономъ, но живо интересовавшійся успѣхами дѣвицъ въ наукахъ и въ искусствахъ. Едва передвигая ноги, сухонькій, сгорбленный и совершенно плѣшивый, нашъ общій „папа" (такъ мы сами прозвали г. Де-Мельянъ) своей мелкой, старческой походкой задержалъ стремительное шествіе въ классъ „новаго учителя".

Взоры дѣвицъ, конечно, обратились на послѣдняго. Это былъ молодой человѣкъ [1]), съ очень свѣжимъ лицомъ, средняго роста, крѣпкаго, такъ сказать коренастаго тѣлосложенія, въ вице-мундирѣ (обыкновенная одежда учителей, преподававшихъ въ общественныхъ заведеніяхъ), въ очень широкихъ перчаткахъ и въ сапогахъ такого размѣра, который возбуждалъ смѣхъ своею огромностью. Вмѣсто поклона, онъ какъ-то неловко пригнулся, всталъ, сложилъ по-дѣтски руки и взмахнулъ головой, какъ бы желая освободить свой лобъ и глаза отъ густыхъ прядей волосъ, надвинутыхъ небрежно надѣтою шляпою; на волосахъ, вокругъ головы, оставалась втиснутая шляпой полоса, словно съ головы только что сняли обручъ. Сквозь золотые очки свѣтились умные голубые глаза. Онъ еще не успѣлъ занять своего мѣста у столика, на которомъ стояла чернильница съ перомъ и журналъ для отмѣтокъ, не успѣлъ взглянуть на списокъ фамилій своихъ новыхъ учениць, какъ нашъ старецъ, указывая на воспитанницъ, заговорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ: „Это, monsieur Kostomaroff, все глюпой дѣвочки, — а это сидитъ на первомъ мѣстѣ самій глюпій! никуда не годится!"

---

[1]) Н. И. Костомарову было тогда 28 лѣтъ. — *В. К.*

При этой шуточной рекомендаціи, старецъ взялъ Николая Ивановича подъ-руку и подвелъ къ первой скамейкѣ и къ первому мѣсту, которое я занимала. Старикъ засмѣялся и какъ-то зачмокалъ тонкими губами; дѣвицы также слегка засмѣялись, а „новый учитель“, подходя вмѣстѣ со старикомъ ко мнѣ, пытливо посмотрѣлъ на меня, поправилъ очки и даже немного отодвинулъ отъ глазъ свои нависшіе волосы, чтобы они не мѣшали ему, близорукому, поглядѣть на „никуда не годную дѣвочку“.

Мнѣ было тогда около 15-ти лѣтъ. Я была очень любима въ этомъ пансіонѣ—буквально, всѣми, какъ мнѣ казалось, и жилось мнѣ тамъ такъ привольно и безмятежно, какъ не жилось уже никогда послѣ выпуска изъ пансіона. Это были поистинѣ счастливѣйшіе годы моей жизни.

Пользуясь минутой и близостью нахожденія „новаго учителя“ къ моей „партѣ“, я быстро окинула его взглядомъ и также смѣялась, будто бы по поводу шутливой брани старика, но на самомъ дѣлѣ мнѣ не въ мочь было удержаться отъ смѣха при видѣ, какъ „новый учитель“ вскидываетъ голову, моргаетъ, улыбается и не можетъ избавиться отъ докучливыхъ волосъ [1]).

Онъ отошелъ къ учительскому столику,—я взглянула на подругъ и заразила ихъ своимъ смѣхомъ. Серьезный взглядъ начальницы возстановилъ тишину въ классѣ.

Николай Ивановичъ сталъ экзаменовать насъ. Вопросы его были несложны, но онъ тотчасъ увидалъ, съ чего начать съ нами свои занятія. Съ первыхъ же лекцій онъ побѣдилъ своихъ юныхъ слушательницъ силою и живостью своего изложенія; но какъ большинство состояло изъ такихъ же 14-ти—15-ти-лѣтнихъ шалуній, какою была я въ то время, то мы еще не могли сразу проникнуться уваженіемъ къ умственной высотѣ „новаго учителя“ и оцѣнить его даровитость, и еще тѣмъ менѣе вывести сравненіе въ этомъ отношеніи съ Домбровскимъ. Мы только признали, что „новый учитель“ читаетъ ярче и занимательнѣе, чѣмъ

---

[1]) Такое неумѣнье надѣть на себя шапку или шляпу осталось у Николая Ивановича до конца его жизни. Своимъ головнымъ уборомъ онъ надвигалъ волосы на лобъ и глаза и такъ входилъ въ домъ къ знакомымъ или къ себѣ, по возвращеніи изъ какой-либо поѣздки или съ прогулки. Нужно было, чтобы кто-нибудь сказалъ ему, что волоса мѣшаютъ ему—и нужно отодвинуть ихъ. Увлеченный чтеніемъ или работой надъ своими сочиненіями, онъ былъ такъ поглощенъ ими, что писалъ хмурясь и нервно подергивая бровями — а волоса висѣли надъ глазами и продолжали мѣшать и безпокоить, пока (впослѣдствіи), бывало, я не подойду и, не сказавши ни слова, чтобы не перебить его мыслей, не сдвину волосъ и не освобожу отъ нихъ вдумчивые глаза и лобъ. Иногда онъ не замѣчалъ этого, иногда же безмолвно благодарилъ добродушной улыбкой.

тотъ, который преподавалъ намъ два-три мѣсяца во время болѣзни Домбровскаго и до его смерти.

Зато сколько было смѣха по поводу необыкновенныхъ принадлежностей костюма Николая Ивановича—этихъ „мѣшковъ“, вмѣсто перчатокъ, какихъ-то густыхъ батистовыхъ фалборъ, вмѣсто маншетъ (нарукавниковъ)! Сколько кривлянья и передразниванья по поводу его морганья и частаго взмахиванія головой изъ желанія освободить глаза и лобъ отъ густыхъ прядей волосъ, повидимому подвитыхъ рукою парикмахера! Блондинъ, со свѣжимъ лицомъ, красивымъ, тонкимъ носомъ, едва замѣтно вздернутымъ, съ прекрасными губами, изъ-за которыхъ при чтеніи виднѣлись кое-когда безукоризненной чистоты и бѣлизны зубы, съ умными глазами и симпатичной улыбкой—Николай Ивановичъ былъ очень недуренъ собой, не смотря на то, что на лбу и даже на носу имѣлъ небольшія рябинки отъ оспы. Но онъ такъ безобразилъ свою внѣшность причудливымъ, хотя и непреднамѣреннымъ способомъ одѣваться и неумѣньемъ распорядиться своими роскошными пепельнаго цвѣта волосами, что возбуждалъ смѣхъ при первомъ взглядѣ на него у всѣхъ, кто въ юные годы способенъ смѣяться безъ удержу при малѣйшемъ поводѣ. Понятно, что лишь только онъ вышелъ изъ класса послѣ первой лекціи у насъ, какъ мы начали другъ передъ дружкой передразнивать его манеры и подергиваніе лица и бровей—а я была изъ первыхъ мастерицъ на такого рода выходки.

Нашлись между моими одноклассницами и такія, которыя пресерьезно прозвали „новаго учителя“ чудовищемъ, что впослѣдствіи стало ему извѣстно и очень смѣшило его самого.

Читалъ намъ Николай Ивановичъ, какъ и всѣ прочіе преподаватели старшаго класса, не указывая учебниковъ и не задавая по нимъ: мы слушали его лекціи, и намъ дозволялось имѣть передъ собой на партѣ чистую тетрадь, такъ называвшійся „brouillon“, куда мы наскоро записывали годы событій, собственныя имена историческихъ дѣятелей и географическія названія мѣстностей. Читалъ онъ обыкновенно стоя у столика или у большой черной доски, при чемъ иногда бралъ въ лѣвую руку мѣлъ и чертилъ имъ на доскѣ уродливыя цифры годовъ, облегчая тѣмъ записываніе ихъ ученицамъ.

Иногда онъ подходилъ къ нашимъ партамъ-скамьямъ, склонялся къ тетрадкѣ записывающей и произносилъ сужденіе о ея почеркѣ—для иной похвалу, для другой такое, напримѣръ, замѣчаніе: „Вы бы мастерски писали по-славянски“. Отмѣчая въ журналѣ баллы, онъ иногда произносилъ громко фамилію уче-

ницы и сужденіе о ея занятіяхъ. Для удобства отмѣтокъ страницы журнала были разграфлены клѣточками, и трудно себѣ представить, какія смѣшныя каракули изображались нашимъ историкомъ (у насъ была пятибалльная система): то микроскопическая цифра стояла вверху или въ одномъ изъ уголковъ клѣточки-квадратика, то цифра занимала ее всю [1]. Моя фамилія въ журналѣ по всѣмъ предметамъ стояла въ началѣ страницы, сообразно имѣвшемуся у меня количеству балловъ, и потому не нужно было особой сообразительности или слишкомъ остраго зрѣнія, чтобы издали, по движенію руки и пера учителя, узнать, поставлено ли мнѣ обычное: 5. Но по живости характера я слѣдила за отмѣтками всѣхъ одноклассницъ, зная, какія изъ учениць занимаютъ послѣдующія мѣста въ журналѣ, чтобы громко и быстро отрапортовать, по выходѣ изъ класса учителя, всѣ поставленные имъ баллы по порядку. Это было нетрудно при маломъ числѣ ученицъ въ старшемъ классѣ. И вотъ, послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ преподаванія, Николай Ивановичъ, начертавши мнѣ 5 и заглянувъ въ другія страницы журнала, гдѣ ставились учителями отмѣтки по другимъ предметамъ, поднялъ отъ журнала свои глаза и, уставивъ ихъ на меня, сказалъ:

— „Вы отлично занимаетесь науками".

— Я никогда не занимаюсь науками, — былъ мой отвѣтъ.

Дѣвицы сдержанно засмѣялись; классная дама покачала головой, отмѣчая тѣмъ неумѣстность моей дѣтской похвальбы, а Николай Ивановичъ пытливо взглянулъ на меня.

Откланявшись классной дамѣ и дѣвицамъ, онъ подошелъ къ моему мѣсту и пресерьезно спросилъ:

— „Чѣмъ же вы занимаетесь здѣсь, если не наукою?"

— Наукой занимаюсь, но не отлично, а слегка, пока учитель въ классѣ, а потомъ играю на рояли, вышиваю, бѣгаю, дурачусь...

При послѣднемъ словѣ я моментально заморгала глазами и сложила руки „въ кулачки", какъ все это обыкновенно дѣлалъ

---

[1]) До конца своей жизни Николай Ивановичъ писалъ такія цифры, и часто самъ не могъ отличить въ своей рукописи: 3 или 5 или же 8 онъ хотѣлъ изобразить, 4 или 7, 5 или 50, такъ какъ случалось ему зачастую писать изъ двухъ цифръ первую крупно, а вторую мелко, напримѣръ: 5о, 7о и т. п. Такое начертаніе онъ потомъ, по близорукости, принималъ за 5 и 7 съ точкой и проч. Почеркъ его въ молодые годы былъ въ высшей степени неразборчивъ, но въ старости, при упадкѣ зрѣнія, онъ писалъ медленнѣе и старался выводить букву за буквой, чтобы возможно было разобрать написанное. Это и достигалось, за исключеніемъ всетаки цифръ, которыя онъ и самъ потомъ затруднялся разобрать.

Николай Ивановичъ; но онъ ничего не замѣтилъ, еще разъ улыбнулся, слегка поклонился и вышелъ изъ класса. Такъ какъ m-lle Dutremblay почти ничего не понимала по-русски и только видѣла, что „учитель“ самъ подошелъ ко мнѣ и предложилъ какой-то вопросъ, на который я отвѣчала съ подобающею ученицѣ серьезностью, то и не сдѣлала мнѣ никакого замѣчанія. При этой сценѣ, къ тому же, Николай Ивановичъ заслонялъ своей особой мое лицо отъ свѣта и классная дама не могла замѣтить моихъ шаловливыхъ гримасъ и передразниваній. Да я и сама была осторожна, знала мѣсто и время для шалостей, иначе мнѣ поставили бы дурную отмѣтку за поведеніе. Это могло лишить меня превышающаго количества балловъ по отношенію къ другимъ одноклассницамъ и свести съ „перваго мѣста“, къ которому я привыкла и утерять которое считала стыдомъ.

Мой отвѣтъ заинтересовалъ Николая Ивановича и, спустя нѣкоторое время, между нимъ и старикомъ Де-Мельянъ, при ихъ встрѣчѣ въ залѣ, по выходѣ съ лекцій, произошелъ такой разговоръ:

— „Ну, какъ вы довольны, m-r Kostomaroff, старшій классъ?“

— Доволенъ вообще, а дѣвица Алина Крагельская дѣйствительно очень даровита.

— „И что исторія, грамматикъ, математикъ... Вы бы послюшаль мюзикъ! Она у насъ какъ играетъ! Пошалюйте послюшить у насъ на музикальный вечеръ, m-r Kostomaroff,—и тогда ви скажетъ: даровитій дѣвочка“.

Николай Ивановичъ поблагодарилъ за приглашеніе, но ни разу не посѣтилъ насъ помимо своихъ лекцій: ему было не до музыкальныхъ способностей хваленой дѣвочки—онъ былъ поглощенъ своими занятіями, о которыхъ мы тогда не имѣли никакого представленія, кромѣ его чтеній у насъ по всеобщей и русской исторіи, въ гимназіи и въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

Послѣдній учебный годъ (1845-46) нашего выпускного класса протекалъ въ усиленныхъ занятіяхъ по всѣмъ отраслямъ знаній, и превосходные „учителя“, подмѣчавшіе нашу энергію, увлекались чтеніемъ намъ своихъ лекцій настолько, что появлялись въ классъ нѣсколько раньше назначеннаго для урока времени и оставались до тѣхъ поръ, пока одинъ учитель не приходилъ на смѣну другого. Такимъ образомъ и Костомаровъ, читавшій у насъ разъ въ недѣлю всеобщую исторію и разъ русскую, не заставлялъ себя ждать, напротивъ—появлялся всегда ранѣе двухъ часовъ дня, какъ то было назначено.

Занимательность его лекцій и самый способъ чтенія пріобрѣтали все бóльшую къ нему симпатію и уваженіе слушательницъ, такъ что, не смотря на добрую память о Домбровскомъ, ни одна изъ насъ не рѣшалась уже называть Костомарова дерзновеннымъ преемникомъ Домбровскаго. Мы незамѣтно полюбили Николая Ивановича и какъ-то инстинктивно поняли, почему наши классныя дамы и нѣкоторые изъ учителей называли его восходящимъ свѣтиломъ науки. Это не мѣшало, однако, намъ подмѣчать странности Костомарова, и нерѣдко послѣ его лекціи мы разсуждали о томъ, какъ и гдѣ сложились у него такія странныя манеры, которыя дѣлаютъ его смѣшнымъ и даютъ поводъ нѣкоторымъ изъ насъ называть его „чучеломъ морскимъ". Сталось какъ-то такъ, что въ дни, когда къ намъ долженъ былъ приходить Николай Ивановичъ въ два часа, мы, „старшія, торопились за обѣдомъ проглотить какъ можно скорѣе третье блюдо и, съ разрѣшенія начальницы, не ожидая общаго окончанія обѣда, спѣшили въ классъ.

Случалось, что еще поднимаясь по лѣстницѣ изъ столовой, находившейся въ нижнемъ этажѣ, мы слышали торопливые шаги Николая Ивановича, проходившаго черезъ залъ въ нашъ классъ. Тутъ ужъ за нами наблюдали не особенно строго, чтобы мы шли попарно и чинно; а какъ я между „старшими", т.-е. выпускными, была всѣхъ меньше ростомъ, то всегда шла впереди, вмѣстѣ съ моей сестрой, подходившей ко мнѣ и ростомъ, и количествомъ балловъ: она занимала всегда второе мѣсто въ спискѣ фамилій дѣвицъ въ журналѣ и на скамьѣ.

Сестра моя была гораздо серьезнѣе меня: ей не такъ легко, какъ мнѣ, давалось ученье, но она много трудилась. Она была однимъ годомъ старше меня, блѣдненькая и болѣзненная блондинка, совершенный контрастъ со мною—смугловатой, румяной брюнеткой, всегда готовой разыграться на подобіе котенка [1]).

Идучи спѣшно за Николаемъ Ивановичемъ въ классъ, въ парѣ съ сестрой, я успѣвала всячески кривляться, сжимала кулаки, выдвигала впередъ подбородокъ, словомъ, воспроизводила всѣ странныя тѣлодвиженія Николая Ивановича, пользуясь тѣмъ, что онъ никогда не оглядывался [2]). На лекціяхъ я была всегда внимательна и серьезна, что плѣняло преподавателей.

---

[1]) Сестра Алины Леонтьевны, Стефанія Леонтьевна, по мужу Киселева, благополучно здравствуетъ донынѣ. Ей идетъ 82-й годъ.—*В. К.*

[2]) Уже въ старости, когда судьба соединила меня съ Николаемъ Ивановичемъ, онъ любилъ слушать на досугѣ мои разсказы о тѣхъ временахъ и по окончаніи ихъ

Однажды, при выходѣ изъ-за обѣденнаго стола, одна изъ моихъ подругъ, идучи въ классъ въ слѣдующей за мною парѣ, смущенно сообщаетъ мнѣ, что плохо приготовила урокъ исторіи и боится быть сегодня вызванной, т.-е. спрошенной Костомаровымъ. Я, не долго думая, сказала: „Онъ уже помчался въ классъ; помчимся и мы вслѣдъ за нимъ и, будто второпяхъ, вбѣгай въ парту вслѣдъ за мной, а ужъ за тобой сядетъ моя сестра: вотъ, если онъ тебя вызоветъ, я буду подсказывать тебѣ. Кстати, онъ близорукъ и не увидитъ, а у тебя хорошій слухъ и ты все услышишь; да я съумѣю подсказать, не шевеля губами!“

Такъ и сдѣлано. Классная дама подернула плечами, замѣтивъ, что мы вскочили въ парту какъ попало, не въ томъ порядкѣ, какъ записаны въ журналѣ.

Случайно или замѣтивъ нашъ маневръ, Николай Ивановичъ вызвалъ мою подругу. Во все продолженіе ея отвѣта я очень искусно подсказывала, не ожидая такой запинки, которая должна бы взывать къ моей помощи. Отвѣтъ былъ вполнѣ удовлетворительный. Николай Ивановичъ окликнулъ фамилію другой дѣвицы и сказалъ: „продолжайте!“ И та, и еще нѣсколько дѣвицъ по вызову „продолжали“ очень хорошо, пока не окончился урокъ. Я же и еще нѣсколько ученицъ вовсе не были спрошены. Это случалось часто, въ виду того, что мы уже на выпускѣ, „большія“, и незачѣмъ терять время на провѣрку знанія каждаго урока у каждой изъ насъ, а лучше прочесть впередъ.

Разсказанъ новый урокъ. Николай Ивановичъ начинаетъ ставить отмѣтки въ журналѣ, и вижу я, что онъ ставитъ мнѣ пять. Тутъ, по винѣ моего пятнадцатилѣтняго возраста, я не выдержала и тихо отозвалась:

— „По привычкѣ награждаютъ меня пятеркой, а я сегодня и не была вызвана!“

— Но я убѣдился, что вы и сегодня превосходно знаете урокъ.

Я промолчала и продолжала слѣдить за движеніями пера Николая Ивановича, ставившаго отмѣтки, опасаясь, чтобы моя подруга не пострадала за мою услугу.

Но каково мое изумленіе — подругѣ не поставили вовсе балла! Я не смѣла произнести ни словечка по этому поводу ей самой, а когда Николай Ивановичъ откланялся и вышелъ изъ класса, подруга моя, сконфуженная, сказала:

всегда просилъ изобразить тогдашнюю его походку и гримасы. При удовлетвореніи такой просьбы онъ смѣялся до слезъ, до икоты.

— Каково великодушіе у нашего „чудовища"!

Вошелъ другой преподаватель, и разговоры объ этомъ великодушіи возобновились только уже вечеромъ, при прогулкѣ въ рекреаціонномъ залѣ. Мы много смѣялись и еще болѣе полюбили „добраго Костомарова".

Время быстро бѣжало. Наступили экзамены частные, а 6-го іюня 1846-го года состоялся у насъ публичный актъ для перваго выпуска небольшого числа дѣвицъ. Съѣхались родители и родственники воспитанницъ пансіона, явились учителя, директоръ гимназіи (Любимовъ), попечитель кіевскаго учебнаго округа (безобразно ожирѣвшій генералъ Траскинъ) и, наконецъ, прибылъ всегда торжественно важный, но благосклонный къ нашему пансіону генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ.

Всѣ они были въ парадныхъ мундирахъ. Выпускныя дѣвицы были въ бѣлыхъ платьяхъ. Экзаменовали насъ по различнымъ научнымъ предметамъ слегка и быстро, какъ бы для удовлетворенія самолюбія и гордости родителей и любопытства присутствующихъ; затѣмъ осматривали выставленныя рукодѣлья, чертежи картъ и рисунки, потомъ вышли всѣ въ особый залъ, гдѣ публика размѣстилась въ рядахъ стульевъ, впереди которыхъ сдѣлана была небольшая эстрада, а на ней установлены два рояля. Съ одной стороны эстрады помѣщался немногочисленный оркестръ городского театра, лучшій въ то время въ Кіевѣ, съ другой—наши учителя. Начальство, какъ-то: генералъ-губернаторъ, попечитель, директоръ гимназіи, начальница пансіона и ея престарѣлый супругъ заняли стулья въ первомъ ряду.

Играли дѣвицы, начиная съ младшихъ классовъ, порознь и на двухъ рояляхъ, затѣмъ играла одна изъ выпускныхъ и, наконецъ, я—играла варіаціи Герца на маршъ изъ „Отелло" съ аккомпаниментомъ оркестра.

Послѣ исполненія мною каждой варіаціи слегка слышались одобрительныя „bravo!" впечатлительнаго старца Де-Мельянъ и нашего сановитаго Бибикова. По окончаніи пьесы Бибиковъ поднялся на эстраду, протянулъ свою единственную руку (лѣвую онъ потерялъ на войнѣ) разрумянившейся исполнительницѣ варіацій Герца, поцѣловалъ ея руку, обнялъ и поцѣловалъ учителя музыки Витвицкаго, дирижировавшаго оркестромъ во время исполненія пьесы, и, спустившись съ эстрады, подошелъ съ поздравленіями и комплиментами къ моей матери. Старикъ Де-Мельянъ и Витвицкій, да и я вмѣстѣ съ матерью торжествовали.

Въ числѣ подходившихъ ко мнѣ вслѣдъ за начальствующими лицами были прежде всего наши учителя и между ними Нико-

лай Ивановичъ. Онъ привѣтливо улыбнулся, поклонился и исчезъ въ толпѣ. Мы, „выпускныя", стали прощаться между собой, потомъ — съ классными дамами и, наконецъ, съ нашей дорогой „maman" и ея добрѣйшимъ старцемъ. Мы плакали. Но я и сестра моя утѣшали себя тѣмъ, что, живя въ Кіевѣ, съ родителями, будемъ имѣть счастье не разставаться вполнѣ съ милыми намъ m-me и m-r de-Meilhan, такъ какъ наша мать обѣщаетъ отпускать насъ къ нимъ въ каждый воскресный день.

Сестрѣ моей оставалось еще два мѣсяца до семнадцатилѣтняго возраста, а мнѣ столько же до шестнадцатилѣтняго: въ такіе годы и при наилучшей жизни, какую только возможно было имѣть въ закрытомъ заведеніи, всетаки мы весело ждали выпуска. Всѣ мы, въ бѣлыхъ платьяхъ своихъ, спѣшили домой: намъ въ розовомъ цвѣтѣ представлялось вступленіе въ жизнь.

Алина Костомарова.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ТЮРЕМНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Разсказъ очевидца.

Я далекъ отъ беллетристики и своей задачей ставлю передать нѣкоторые моменты изъ пережитого, стараясь возможно полнѣй и спокойнѣй воспроизвести ихъ.

Они встаютъ предо мной во всемъ ужасѣ. Чувствуется старый кошмаръ, такой кровавый и мучительно тяжкій.

Проклятыя перекладины завораживаютъ насъ, вѣчныхъ странниковъ на запретныхъ путяхъ, и нѣтъ силъ стряхнуть съ себя безумный ужасъ, навѣваемый ими.

Губернская тюрьма была полна. Предстояла длинная сессія палаты и со всего округа везли нашу братію и запирали въ камерахъ громаднаго четырехъ-этажнаго зданія.

Комплектъ заключенныхъ уже давно былъ превышенъ; затѣмъ онъ удвоился, а людей все свозили и свозили.

Изъ большихъ оконъ постоянно выглядывали пугающе однообразныя фигуры арестантовъ; и когда приходилось гулять во дворикѣ, на который со всѣхъ сторонъ выходили тюремныя окна, казалось, что ходишь въ громадномъ звѣринцѣ и сотни затравленныхъ звѣрей глядятъ на тебя изъ своихъ клѣтокъ.

Затѣмъ, когда самъ повисалъ на желѣзныхъ переплетахъ окна—становился такимъ же тоскующимъ звѣремъ, усталымъ и жалкимъ.

Воры, разбойники, вымогатели, конокрады, насильники, убійцы, шулера, просто голодные и неудачники—всѣ они были спаяны въ одно сѣрое, тупое, обезличенное стадо.

Въ многосотенную массу ихъ вкраплено было нѣсколько де-

сятковъ „политиковъ", людей самыхъ разныхъ оттѣнковъ; но чѣмъ дольше сидѣли люди въ тюрьмѣ, тѣмъ больше теряли они свою индивидуальность, и на смѣну ей нарождалось нѣчто новое, массовое, звѣрски-грубое и человѣчески-безстыдное, подводившее всѣхъ подъ общій ранжиръ.

Изо дня въ день тоскливо и нудно шла жизнь. Заведенная машина сдавливала всѣхъ, деформировала, одуряла и превращала въ какихъ-то манекеновъ.

Тысячи мелкихъ униженій и уколовъ, злобныхъ, никому ненужныхъ, безсмысленныхъ и дикихъ, душили насъ и убивали въ человѣкѣ человѣка.

Каждый день капля за каплей собиралась горечь въ душѣ. Ударъ за ударомъ, уколъ за уколомъ принимали мы ихъ и ропотъ нашъ былъ жалкимъ лепетомъ безсильныхъ враговъ.

День за днемъ шло это въ безумно равномѣрной смѣнѣ. Вмѣсто красиваго страданія наступалъ періодъ спокойнаго рабства. Даже сны человѣка становились тогда безмятежными и святая злоба его умирала.

Смирившійся ненавидѣлъ мятущагося строптивца, а тотъ въ свою очередь жалѣлъ павшаго; но когда вглядывался въ себя, то видѣлъ, что въ этой жалости было злое презрѣнье къ уставшему и молитва фарисея, а вмѣстѣ и страхъ, что „сегодня" павшаго станетъ моимъ „завтра".

Еслибы врагъ прикрутилъ насъ цѣпями, каждый день истязалъ насъ, еслибы приходилось видѣть надъ собой его торжествующее и вмѣстѣ дрожащее лицо — можно было бы создать иллюзію борьбы. Но этого не было. А тѣ, что окружали насъ,— мелкіе служки,—были только омерзительны и гадки.

И самый фактъ, что приходилось жить подъяремной группой— тяжело отзывался на всѣхъ.

Несхожіе, рвущіеся и придавленные, тоскующіе и примиренные, вѣчные безумцы и люди золотой середины,—всѣ должны были идти нога въ ногу. Общая цѣпь душила и тѣхъ, кто рвался впередъ, и тѣхъ, кто отставалъ.

Свое „я" отмирало, сходило на ничто; раствореніе въ стадномъ — вотъ тотъ путь, на который неуклонно велъ насъ тюремный режимъ.

Духовная смерть стояла передъ глазами. Не сегодня, завтра, не завтра, послѣ-завтра трясина затянетъ, засосетъ, и тогда— смерть.

Хоть безумный, но дайте исходъ!

И волна самыхъ безнадежныхъ побѣговъ, самыхъ кровавыхъ убійствъ тюремной стражи прокатилась повсюду.

Это было стихійнымъ порывомъ. За сегодняшнимъ разстрѣломъ слѣдовалъ завтра новый побѣгъ, еще болѣе кровавый, еще болѣе безразсудный.

Что-то большое, важное чувствовалось въ тюрьмѣ.

Старые опытные „Иваны“—эта тюремная аристократія, имѣющая много лѣтъ каторги и гастролирующая по тюрьмамъ въ поискахъ приключеній—начали свой слетъ къ намъ. Ждали попытки побѣга передъ отправкой на судъ партіи за старый побѣгъ, неминуемо грозившій казнью.

Въ томительно тревожномъ ожиданіи протекалъ день за днемъ. Когда партія смертниковъ была увезена на судъ — казалось, что все успокоится и опять до накопленія новыхъ силъ будетъ идти старая жизнь.

Между тѣмъ какая-то невыясненная случайность приблизила развязку, и когда она настала—безпомощными дѣтьми стояли всѣ предъ ней.

Наружно все шло по старому: люди выгонялись на прогулку, затѣмъ сгонялись въ камеры, покорно исполняли всѣ приказанія. А между тѣмъ въ тайнѣ отъ всѣхъ группа заключенныхъ уже дѣлала свое дѣло.

Съ обѣда одного за другимъ брали тюремщиковъ „на гилку“ [1]), связывали, запирали по уборнымъ.

Говорятъ, рѣшено было никого не убивать, но когда одинъ изъ захваченныхъ крикнулъ—кровь была пролита, красное безумство захватило всѣхъ. Въ глухомъ закоулкѣ коридора убивали надзирателей, и въ жаждѣ мести люди забывали главное—побѣгъ. Когда одинъ изъ надзирателей сорвался, въ догонку ему грянули три выстрѣла — а затѣмъ все стихло и казалось, что кто-то напряженно ждетъ отвѣта; но его не было, и это становилось томительно-страшнымъ.

Въ безумномъ ужасѣ бѣжалъ надзиратель, а за нимъ арестантъ, и нельзя было понять, кто отъ кого бѣжитъ, ибо смерть гналась за обоими. И когда надзиратель скрылся на другомъ дворѣ, гнавшійся за нимъ остановился и, повернувшись въ сторону тюрьмы, сталъ посылать въ воздухъ выстрѣлъ за выстрѣломъ.

Холодная смерть уже заглянула ему въ лицо, заледенила его своимъ дыханьемъ. Въ безумномъ ужасѣ онъ не сознавалъ, что̀ дѣлаетъ, и драгоцѣнныя для побѣга минуты тратилъ на пустую

---

[1]) Особый способъ захвата врага сзади, практикуемый преступниками.

пальбу. Дрожа и захлебываясь, онъ что-то кричалъ, и нельзя было понять, что говоритъ онъ.

Какой-то старикъ съ крикомъ и плачемъ метался по двору, съ вѣткой сирени въ рукахъ. Онъ вопилъ отъ ужаса, но не выпускалъ сирени изъ дрожащихъ рукъ.

Кто-то бросился на стѣну, и послѣ грянувшаго за стѣной выстрѣла тѣло его какъ-то сразу обвисло и сползло внизъ.

Одинъ за другимъ гремѣли залпы, и казалось, что это рвутъ безконечно длинныя полотнища холста.

Стало холодно-жутко.

Я заставилъ себя взглянуть въ лицо товарища. Заговорилъ, но не узналъ ни его, ни своего голоса.

Всѣ укрылись въ другихъ отдѣленіяхъ тюрьмы, и мы, оставшись одинокими, приросли къ уступу стѣны.

Секунды были тягуче медленны, и можно было бы вспомнить всю жизнь, еслибы назойливо-неотступная мысль о смерти отошла хоть на мигъ.

Но она не отходила.

Въ мастерскихъ, гдѣ укрылось душъ тридцать заключенныхъ, стоялъ гамъ. Когда прислушивался къ разговору, становилось ясно, что люди шумѣли не потому что хотѣли нѣчто сказать, а потому что боялись выказать тотъ страхъ, который охватилъ ихъ и увлекалъ своимъ мощнымъ порывомъ.

Они говорили и говорили, а ихъ зеленовато-землистыя лица кричали о другомъ.

— Мы что!—говорилъ старый воръ:—мы всегда готовы, а вотъ анархисты убѣжали первыми.—И онъ начиналъ выкрикивать площадную ругань, а безумный страхъ горѣлъ въ его глазахъ. Когда онъ пробовалъ смѣяться, въ смѣхѣ слышались слезы и онъ начиналъ тогда вновь ругаться отборно-грязными словами, но и въ нихъ сквозилъ тотъ же леденящій страхъ.

А тотъ—къ кому относился упрекъ—молчалъ.

Прозрачная пелена смерти уже легла на его тонкое, словно восковое лицо и онъ глядѣлъ сквозь дымку ея. Не было словъ для отвѣта, ни хорошихъ, ни дурныхъ, ибо смерть стояла за порогомъ и ждала всѣхъ. Сухіе залпы гулко прокатывались въ пустыхъ коридорахъ.

Потомъ затихло все, чтобы затѣмъ возобновиться съ новой силой безумнаго ожесточенія. Мы блуждали, объятые страхомъ,

и говорили ненужныя слова, а мысли, упрямыя и страшныя, прятались за ними.

Было жутко и страшно.

Только къ вечеру появилась стража, во дворъ стали заглядывать надзиратели, либо въ припрыжку пробѣгалъ какой-нибудь юный поручикъ.

Затѣмъ сразу коридоръ заполнился массой топочущихъ ногъ, кто-то, заглянувъ къ намъ, крикнулъ: „смирно!" — и солдатская масса какъ-то разомъ ввалилась къ намъ.

Раздалась команда: „Руки вверхъ!" Начался обыскъ.

Ничего не нашли и все же одного за другимъ, съ поднятыми вверхъ руками, выводили насъ на главный дворъ.

У стѣны компактными рядами тѣснилась вся масса заключенныхъ. Насъ провели къ центру двора и здѣсь, выстроивъ въ двѣ шеренги, прижали къ стѣнѣ, оцѣпивъ плотнымъ полукольцомъ солдатъ.

Напротивъ стояло семь человѣкъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ или уже уличенныхъ въ убійствѣ.

Въ темной амбразурѣ глухого окна помѣщался какъ разъ одинъ человѣкъ, дальше — въ такой же амбразурѣ — другой, и такъ всѣ семь душъ, окруженныхъ плотной оградой штыковъ.

Невидимая петля уже захлеснула этихъ семерыхъ, и оттого что-то новое появилось въ нихъ и были они загадочно-притягательны.

Въ первой амбразурѣ стоялъ всегда смѣющійся, маленькій, юркій, съ черной бородкой и лохматой шевелюрой, анархистъ Лишицъ.

Тяжелая, неотступная мысль сверлила его мозгъ, и вся фигура его стушевывалась за этимъ изступленно думающимъ лицомъ.

Рядомъ стоялъ воръ Кравцовъ. Сложивъ на груди холеныя руки и закинувъ породистую голову, онъ казался безстрастнымъ зрителемъ не затрагивающей его пьесы.

И даже тотъ, кто за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ съ безумнымъ ужасомъ стрѣлялъ невѣдомо зачѣмъ въ воздухъ — теперь собрался съ силами и былъ инымъ, бравадой прикрывая объявшій его ужасъ.

А дальше шли лица тяжело мрачныя, лица устало злобныя, и были всѣ люди какъ затравленные звѣри.

Ибо карта была брошена и бита.

Быстро наступали сумерки.—Послѣ многихъ мѣсяцевъ и лѣтъ, проведенныхъ въ душныхъ казематахъ, такъ странно было въ необычное время стоять на дворѣ и вдыхать свѣжесть южной ночи.

Мимо насъ сновала крупная фигура губернатора, окруженнаго цѣлымъ сонмомъ чиновниковъ и жандармовъ. За ними суетливо бѣгалъ какой-то маленькій, черненькій господинъ — кажется, изъ прокурорскаго надзора.

Надсаживая грудь, губернаторъ выкрикивалъ солдатски-скроенную рѣчь, грозившую всѣмъ скорпіонами, и его выкрики: „арестанты" больно рѣзали слухъ.

Потомъ губернаторъ ушелъ.

Еще плотнѣй сжалась солдатская цѣпь; въ окнахъ тюрьмы замелькали огоньки и сверху потянулась длинная процессія съ трупами зарѣзанныхъ и убитыхъ.

Одного за другимъ сносили ихъ, и трупы колыхались на импровизованныхъ носилкахъ изъ арестантскихъ одѣялъ.

— Обойдемъ, а потомъ и будемъ стрѣлять, — сказалъ какой-то солдатъ, и эта пойманная на лету фраза пошла по нашимъ рядамъ.

Новый ужасъ, такой близкій и страшный, объялъ всѣхъ. Холодныя липкія щупальцы смерти вновь сдавили горло и не было силъ оторвать ихъ.

Въ глухой тишинѣ ночи слышно было біеніе сердца сосѣда, а лица всѣхъ стали странными, завороженными смертнымъ ужасомъ.

И каждый поворотъ солдатъ, каждое движеніе ихъ казалось приготовленіемъ къ разстрѣлу. Смерть чувствовалась близко, близко.

Стоявшій впереди обернулся. Тихо сказалъ: „Помѣняемся мѣстами".

Исполнилъ. Въ первомъ, во второмъ ряду—не все ли равно? Ужасъ даже не въ томъ, что убьютъ его или меня, а въ томъ, что и его, и меня могутъ убить здѣсь, на этомъ грязномъ дворѣ, и будетъ все это такъ просто, спокойно и обыденно.

Когда часъ, и два, и три ежеминутно ждешь смерти, къ мысли о ней привыкаешь и старый ужасъ теряетъ свою первоначальную остроту.

И, можетъ быть, есть такая грань, — даже навѣрное она есть,—съ которой смерть становится желанной и ужасъ ея пропадаетъ.

Въ темныхъ окнахъ опять замелькали огоньки, и какъ только слабый свѣтъ фонаря показывался въ окнѣ — изъ камеры слышался звонъ разбиваемой посуды, тупо грохотали выталкиваемые столы и кровати.

Это шелъ обыскъ; потоку и разграбленію предавался скудный скарбъ заключенныхъ.

Безумно устали. Хотѣлось, чтобъ скорѣй кончали, какъ-нибудь, только скорѣй.

Никакой стрѣльбы не было. Объявили о начатіи слѣдствія, лишили всѣхъ переписки, свиданій, передачъ, перевели тюрьму на карцерное положеніе, отобрали бѣлье, койки. Каждый шагъ администраціи давалъ понять, что при малѣйшемъ поводѣ она прибѣгнетъ къ другимъ мѣрамъ.

Первыми увели тѣхъ, что стояли противъ насъ.

Узкій подвальный коридоръ, ведущій въ карцеръ, поглотилъ ихъ, а затѣмъ партіями были уведены на верхъ каторжане, срочные, слѣдственные и политики.

Сотни людей, толпясь и тѣснясь, подгоняемые со всѣхъ сторонъ, лѣзли на верхъ по узкимъ желѣзнымъ лѣстницамъ и топотъ ногъ ихъ покрывался лязгающимъ стономъ кандаловъ.

Черные ходы тюрьмы проглатывали ихъ группу за группой, и оттого, что ни въ одномъ окнѣ громаднаго зданія не было свѣта, казалось, что люди замуровывались въ этой черной громадѣ.

Насъ увели послѣдними.

Взбирались по узкой лѣстницѣ, залитой кровью. Въ коридорахъ стояли цѣлыя лужи ея, и тутъ же въ крови валялись разныя вещи, книги, продукты и пр.

Втолкнули въ какую-то камеру. Съ шумомъ задвинули засовъ, замокъ щелкнулъ разъ, другой—и все стихло.

Большая грязная камера. Въ темнотѣ еле виднѣлись лица и только изрѣдка къ намъ падалъ косой свѣтъ отъ проносимой по коридору лампы.

Сбитые въ кучу, всѣ повалились на полъ.

Слабый шорохъ, стукъ — все казалось началомъ избіеній.

Пробовали перестукиваться.

Молчатъ. Можетъ быть, рядомъ не было никого или просто не могли, не хотѣли отвѣчать.

Медлительно шло время. Когда первое напряженье прошло, хотѣлось быстро двигаться, освѣжить голову, разобраться въ происшедшемъ.

Но ходить можно было только въ одной половинѣ камеры, чтобы снизу не замѣтилъ часовой: иначе—смерть.

И оттого, что десять душъ шмыгало въ темнотѣ только по одной сторонѣ узкой камеры, она казалась желѣзной клѣткой, наполненной дикими звѣрями. Мысли были безумныя и дикія, назойливо страшныя и кошмарныя, и не было силъ отогнать ихъ.

Съ шумомъ и гамомъ прошла повѣрка—и опять все стихло. Люди сбились въ кружокъ и хотѣли обмануть себя и говорить о томъ, что не касалось бы только-что происшедшаго.

Но это не удавалось, и каждый разъ, когда рѣчь сводилась къ побѣгу, голосъ понижался, сходилъ до шепота. И не могли люди оторваться отъ этихъ дурманящихъ словъ и жуткихъ видѣній.

Не стало силъ говорить и слушать; не было силъ думать, и одинъ за другимъ всѣ укладывались на холодный грязный полъ.

Ночь была нудная, тоскливо-страшная.

То и дѣло слышался шорохъ у дверного волчка; кто-то заглядывалъ къ намъ, потомъ осторожно крался дальше и чудились далекіе стоны.

Утромъ началось то, что такъ тревожно ожидалось наканунѣ.

Слышно было громыханье запоровъ, кого-то вели внизъ, а спустя четверть часа приводили обратно, и вопли избиваемаго оглашали коридоръ.

Грузно падало тѣло и вмѣсто воплей несся одинъ непрерывный, рвущій душу стонъ.

И цѣлый день съ небольшими перерывами неслись эти стоны и вопли.

Животный страхъ царилъ надъ массой. Всѣ чутко вслушивались въ каждый шорохъ, оброненное слово, силясь разгадать имя жертвы.

Порой гдѣ-то близко около насъ слышался надрывный стонъ, но его заглушали топотъ и крики.

Сбившись у двери, мы напряженно слушали все и молчали.

Ибо съ той массой, какую въ послѣдніе годы составляетъ большинство политиковъ—массой, не прошедшей чрезъ подпольную практику—нечего было разсчитывать на какой-либо протестъ.

Даже еслибы отдѣльныя личности за свой страхъ пошли на это—вся масса возстала бы противъ нихъ.

Можно заставить себя молчать, можно подчиниться большинству, но нельзя не презирать себя за это молчанье, не чувствовать вины въ этомъ приниженіи своего „я“.

Часамъ къ четыремъ дали намъ каравай чернаго хлѣба и

воды. Это была не то милость побѣдителя, не то боязнь повальнаго тифа, уже захватившаго тюрьму.

Къ ночи бросили намъ десятокъ грязныхъ мѣшковъ, набитыхъ соломенной трухой, и нѣсколько обрывковъ замусленнаго арестантскаго сукна. Ночь наступила быстро. Свѣтъ отъ горѣвшей въ коридорѣ лампы пробивался въ камеру. Въ причудливой полутьмѣ какъ десять труповъ были простерты на полу люди.

Не чувствовалъ себя человѣкомъ. Ни силъ, ни вѣры, ни желанія жить, и только здоровая, еще не въ конецъ изморенная натура вопила о жизни и цѣплялась за всѣ возможности къ ней. Пристально вглядывался я въ лица спящихъ, вслушивался въ прерывистое дыханье и чей-то бредъ—и кто-то другой, чужой, сидѣвшій во мнѣ, настойчиво хотѣлъ отгадать, кого изъ насъ захлеснетъ проклятая веревка и закружитъ въ безумно страшной пляскѣ смерти.

Рано утромъ меня и еще нѣсколькихъ старыхъ обитателей камеры № 4-ый водворили на старое мѣсто, не подвергшееся разгрому.

Казалось, что находишься не въ тюрьмѣ, а у себя дома, такой уютной и родной была эта камера послѣ карцернаго сидѣнья.

Окна здѣсь были на такой высотѣ, что лишь подпрыгнувъ можно было достать рукой до подоконника —и это обстоятельство ограждало насъ отъ шального разстрѣла.

На нашемъ коридорѣ находилась больница, и тамъ среди тифозныхъ былъ помѣщенъ уголовный Гутинъ, успѣвшій-было во время побѣга выбраться за ворота тюрьмы.

Его тутъ ранили и когда онъ упалъ — начали бить. Били долго. Когда онъ приходилъ въ сознаніе, принимались бить вновь. Нудные хрипы его и вой оглашали больничный коридоръ, и когда они замирали, казалось—сами стѣны еще долго отражали эхо его изступленныхъ воплей.

Били изо дня въ день, и Гутинъ зналъ, что такъ будетъ длиться долго, можетъ быть вплоть до петли, которой ему не миновать, но сломить его не могли и онъ молчалъ. Былъ онъ раньше разбойникомъ, долго гулялъ по степи, по дорогамъ большимъ, и вся округа знала его.

Сѣлъ онъ въ тюрьму давно. Чтобы не идти на каторгу, онъ время отъ времени открывалъ все новыя свои дѣла и уже здѣсь въ тюрьмѣ объявилъ себя анархистомъ.

Но и анархистомъ онъ былъ на свой образецъ. Когда онъ

говорилъ о попахъ—сѣрая, кряжистая злоба землероба вставала въ немъ, онъ захлебывался ею и бредилъ убійствомъ—даже у подножія висѣлицы.

День прошелъ тихо, а потомъ все началось опять.

У самаго окна грянулъ выстрѣлъ, и звукъ его слился съ безумнымъ крикомъ: „убиваютъ“!

Что-то невообразимо-дикое захватило всѣхъ, закружило и бросило о земь. Но не было ни стуковъ, ни крика, этой тюремной интерпелляціи.

Люди молчали. Всѣ пятьсотъ человѣкъ.

Двое бились въ истерикѣ.

Было гадко смотрѣть въ глаза другимъ. Только проститутки, содержавшіяся въ подвальномъ этажѣ, площадной бранью поносили стрѣлявшаго.

А часа черезъ два—снова выстрѣлъ.

Чрезъ окно надзиратель застрѣлилъ политическаго Нѣмцова. Ему дали истечь кровью. Когда онъ умеръ, трупъ нѣсколько часовъ лежалъ на полу камеры, и фельдшеръ былъ приведенъ только чтобы констатировать смерть.

А тѣ, что сидѣли съ убитымъ въ одной камерѣ, отказались отъ обѣда. Когда трупъ унесли, люди ѣли, и только лужа крови, застывшей и черной, напоминала о томъ, что тутъ была смерть.

Ночью подняли насъ и, окруживъ казаками, повели наверхъ. Открылась дверь камеры и торопливо захлопнули ее за нами. Въ темнотѣ еле можно было различить людей, лежавшихъ въ повалку у всѣхъ стѣнъ.

Камера была большая, раздѣленная аркой на двѣ части, но оттого, что сидѣло здѣсь болѣе двадцати душъ, что много дней люди никуда не выпускались, а день и ночь въ камерѣ стояла зловонная „парашка“—вонь стояла нестерпимая и не было чѣмъ дышать.

Въ темнотѣ, черезъ десятокъ спавшихъ, пробрался ко мнѣ кто-то большой, нескладный, и когда лицо его склонилось надо мной, я узналъ въ немъ К—рина, каторжанина, котораго я раньше видѣлъ на прогулкахъ.

Что-то безкрайно-стихійное и вмѣстѣ путанное было въ немъ. Пахарь, заблудившійся среди каменныхъ громадъ города, такъ и сквозилъ въ каждомъ словѣ его и въ угловатомъ, ищущемъ жестѣ. Чужой проклятому, властному городу, онъ былъ заверченъ его водоворотомъ, и только острый голодъ заставилъ его пойти на экспропріацію.

Безъ оружія, но съ безграмотнымъ письмомъ, скрѣпленнымъ для пущей важности печатью анархистовъ-коммунистовъ, отправился онъ къ какому-то лавочнику, требуя денегъ.

Конечно, его арестовали, и онъ былъ присужденъ къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ.

Все непонятно было ему: и длительный голодъ, и анархизмъ, и этотъ глупый „эксъ". Онъ хотѣлъ осмыслить все это и уловить то незамѣтное сцѣпленіе обстоятельствъ, которое дѣлало его рабомъ.

Передъ судомъ въ его большую, несуразную голову долго вдалбливали анархистскую рѣчь, и онъ старательно зудилъ ее; но когда наступилъ судъ, онъ смолчалъ и лишь послѣ прочтенія приговора крикнулъ: „У, свиныя тѣни!" — а потомъ, какъ бы вспомнивъ, что это совсѣмъ не то, что онъ такъ старательно заучивалъ, онъ выкрикнулъ: „да здравствуетъ анархія!" и тутъ же зачѣмъ-то выругался тяжело и грязно.

Теперь онъ привлекался къ дѣлу о побѣгѣ, былъ сильно избитъ и проломленная въ нѣсколькихъ мѣстахъ голова его ныла томительно нудно.

Лицо его приблизилось ко мнѣ близко, близко, и когда онъ говорилъ—безумный ужасъ пламенѣлъ въ его глазахъ, а дыханіе было лихорадочно горячимъ.

Слова „казнь" не произносилъ онъ, а вмѣсто этого выразительно обхватывалъ горло пальцами, и этотъ полуконвульсивный жестъ былъ яркъ и страшенъ.

Онъ жадно ловилъ мои доводы, что казнь замѣнятъ ему каторгой, и, казалось, вѣрилъ этому, но потомъ опять обхватывалъ горло пальцами. Видно было, что онъ на все готовъ и ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы только не быть повѣшеннымъ, чтобъ въ общей массѣ осужденныхъ стать маленькимъ, никчемнымъ.

И съ каждымъ часомъ, съ каждымъ днемъ жуткій страхъ смерти все болѣе и болѣе захватывалъ его. Онъ ходилъ, говорилъ, даже смѣялся порой, но все это было не его, а чужое. Одна мысль о скорой смерти полонила его и томила тоскою страшной, болѣе страшной, чѣмъ сама смерть.

Если такое существованіе можно назвать жизнью, то люди жили.

Вечеромъ, когда камера погружалась въ темноту и проходила ночная повѣрка—люди парами сновали по камерѣ отъ стѣны къ стѣнѣ, оживленно бесѣдуя и забывая, что они въ тюрьмѣ.

Иногда звучалъ смѣхъ, хотя смѣявшійся не забывалъ, что черезъ нѣсколько дней онъ умретъ. Когда страхъ смерти съ острой силой охватывалъ его—смѣхъ его смолкалъ и злыми глазами глядѣлъ онъ на тѣхъ, кто останется жить.

И было мучительно глядѣть на эту агонію.

Опять пришлось собирать свой скудный скарбъ и переходить въ дворянское отдѣленіе. Оттуда никто не привлекался по дѣлу о побѣгѣ—и оттого старыя привилегіи его не были отняты и не могло быть той мучительной остроты переживаній, когда день и ночь проводишь съ человѣкомъ уже захлеснутымъ веревкой палача. Дворянское отдѣленіе представляло собою отдѣльный небольшой коридоръ, съ тремя небольшими камерами и одной большой. Въ этихъ четырехъ камерахъ мы были свободны располагаться какъ намъ угодно: это была наша квартира, которую мы съ великимъ удовольствіемъ покинули бы, чтобъ выйти на свободу, но не промѣняли бы на другую камеру тюрьмы.

Наискось отъ насъ въ камеру, гдѣ до этого сидѣлъ я, были переведены всѣ привлекавшіеся къ дѣлу о побѣгѣ.

Пока еще шло слѣдствіе, они не теряли надежды на новую попытку къ освобожденію, и это давало имъ силу переносить все.

А тотъ, кто былъ коноводомъ всѣхъ побѣговъ, тюремный инженеръ и кротъ Офіенко, молчалъ и не разубѣждалъ товарищей. Зналъ онъ безполезность дальнѣйшихъ попытокъ, но не говорилъ этого, такъ какъ не хотѣлъ лишать слабыхъ послѣдней надежды и не подводилъ ихъ къ краю пропасти, уже зіявшей у ихъ ногъ.

Офіенко былъ старый воръ. Но воровалъ онъ не потому, что это былъ легкій способъ жить. Онъ не чувствовалъ нарушенія какихъ-то нормъ, а занимался воровствомъ такъ же, какъ лѣчилъ бы людей, еслибы былъ врачомъ, служилъ бы обѣдню, еслибы былъ попомъ, торговалъ бы, будучи купцомъ. Онъ вѣрилъ, что адвокатъ, врачъ, священникъ и прочіе живутъ не лучше его, а можетъ-быть и хуже, ибо онъ бралъ лишь столько, сколько нужно ему, не копилъ, не порабощалъ людей и долгимъ сидѣньемъ расплачивался за все.

Онъ недолго жилъ на волѣ; обыкновенно скоро попадался, долго сиживалъ по тюрьмамъ, и когда вспоминалъ о своемъ пребываніи на волѣ, оно казалось ему мгновеннымъ просвѣтомъ. И онъ рвался къ нему и жадно создавалъ планы побѣга.

И когда онъ излагалъ ихъ или развивалъ свою теорію путан-

наго анархизма — казалось, что онъ излагаетъ математическую формулу: рѣчь его была медлительно точной и стройной.

Администрація опасалась его, ибо разъ Офіенко сидѣлъ въ тюрьмѣ—онъ обязательно готовилъ подкопы и его способность въ этомъ стояла высоко.

Теперь онъ бросилъ на столъ послѣднюю карту и, проигравъ, уже не готовилъ новыхъ ходовъ, такъ какъ вѣры не было въ немъ. Неизбѣжное давило его: онъ зналъ, что отъ этого не уйти, что вплоть до послѣдняго подъема на роковую скамейку онъ будетъ чувствовать все ту же щемящую тоску.

Вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ Д—къ. Захлеснутый шумящей волной, онъ очнулся на гребнѣ, несущемъ его къ висѣлицѣ, и уже не могъ выбраться изъ этого потока.

Тяжелымъ сномъ была его жизнь и кошмарность ея онъ не могъ осмыслить.

Въ періодъ общаго подъема онъ вступилъ въ партію с.-р., и когда затѣмъ каждый извивъ его мыслей приводилъ его къ тихому существованію, онъ все же не могъ уйти изъ партіи и блуждалъ на перепутьи, маловѣрный и безсильный.

Вся его жизнь сложилась какъ-то нескладно и навыворотъ. Малѣйшая попытка исправить въ ней хоть что-нибудь только сильнѣе ухудшала все и рѣзче обнажала разладъ.

Какой-то провокаторъ сбилъ его и еще нѣсколькихъ зеленыхъ юнцовъ на пустяковинную экспропріацію, загналъ ихъ, какъ водится, въ засаду, и въ результатѣ—осужденіе на восемь лѣтъ каторжныхъ работъ.

Еслибы передъ нимъ открыли ворота тюрьмы, онъ, конечно, ушелъ бы изъ нея, но самъ онъ для этого ничего не дѣлалъ. Опять какъ-то все сложилось такъ, что онъ былъ привлеченъ къ дѣлу о побѣгѣ и ждалъ суда, а затѣмъ казни, и твердо зналъ, что это — синонимы и отвратить это уже невозможно.

Но даже это не вызвало въ немъ рѣзкаго подъема, и только предсмертное тоскованье, безкрайное и безформенное, сильнѣй сдавило его, болѣе тяжелое, чѣмъ самая смерть.

Сплошное безумство объяло всѣхъ, когда обреченные на казнь были заперты вмѣстѣ.

Не было мысли иной какъ о смерти, и всѣ слова были словами о ней.

Тѣ, что раньше шли на смерть, чтобъ сбросить три года

каторги, теперь мечтали, какъ о счастьѣ, о каторгѣ на двадцать лѣтъ или даже безсрочной.

Было жалко и страшно глядѣть на ихъ лица, мелькавшія иногда въ желѣзномъ переплетѣ окна.

— Яду для всѣхъ! — требовали они; а когда удалось это исполнить—ядъ валялся у нихъ въ камерѣ, и люди вновь искали новыхъ возможностей уйти отъ петли.

Тогда они требовали оружія и снарядовъ—и знали, что это недостижимо. Но они обманывали себя, чтобы въ этомъ угарѣ и забытьи легче подойти подъ проклятую перекладину.

Двадцать-семь сильныхъ, здоровыхъ людей вертѣлись въ западнѣ, обреченные на смерть, и не мирились съ этимъ.

Темной ночью и днемъ пѣли они революціонныя пѣсни. Гордымъ напѣвомъ они сами себя отпѣвали и безумный страхъ покрывали красивыми словами. И не находили того единаго пути, который достойно и гордо ведетъ и къ смерти, и къ жизни, ибо это удѣлъ одинокихъ избранниковъ.

Когда ворота тюрьмы открылись и цѣлая партія насъ, осужденныхъ палатой, была погнана въ другую тюрьму, я шагалъ по пыльной мостовой — но то, что осталось тамъ, за стѣнами тюрьмы, стояло предо мною и томило меня.

И цѣлый мѣсяцъ длились дикія муки людей.

Маленькіе, незамѣтные люди рѣзали горло стекломъ, обливали себя керосиномъ и превращались въ факелъ, а другіе становились предателями.

Одинъ хотѣлъ стать палачомъ, но этому помѣшали шесть ранъ, нанесенныхъ ему тѣми, кого онъ хотѣлъ вѣшать. И тогда, полумертвый, онъ былъ принесенъ подъ висѣлицу и повѣшенъ. А другіе сидѣли на длинной скамьѣ и ждали своей очереди, и каждыя пятнадцать минутъ ихъ уводили по пяти человѣкъ.

Страшная смерть уравняла всѣхъ.

И каждый газетный листъ, кратко сообщающій количество приговоренныхъ къ смерти или уже повѣшенныхъ—возсоздаетъ предо мной муки казнимыхъ, которыя я чувствую, но передать не могу.

Предсмертное томленье приговоренныхъ я вижу вновь, слышу стоны и бредъ людей, обреченныхъ на смерть. Висѣлица стоитъ предъ моими глазами—и нѣтъ силъ оторваться отъ этого страшнаго кошмара, нѣтъ силъ!..

А. Полтавцевъ.

ТѢНЬ ЛЮБВИ

Романъ Марсель Тинэйръ.

I.

Тиканье старыхъ часовъ какъ будто оборвалось. Что-то заскрипѣло, застонало, и изъ выпуклаго футляра въ формѣ гроба вырвался бой—словно звонкій надтреснутый голосокъ маленькой души, заключенной въ этомъ футлярѣ и грустной оттого, что ей приходится возвѣстить людямъ о наступленіи зимнихъ сумерекъ.

Дениза Кайроль воткнула иголку въ холстъ, разостланный у нея на колѣняхъ, и, усталая, откинулась на спинку стула. Разсѣянный свѣтъ, проникая сквозь бѣлыя занавѣси оконъ, наполнялъ столовую. Въ глубинѣ, у стѣны, рисовался орѣховый выпуклый шкафъ, съ четырьмя створками и витыми полу-колонками. Красноватая свѣтящаяся линія обозначала очертанія дверецъ печки. Отъ цвѣтныхъ литографій на сѣрыхъ панеляхъ стѣнъ можно было различить только черныя рамки. Между двухъ головъ лосей блестѣло золото барометра.

На столѣ были навалены груды простынь, стояла корзина съ фруктами. Въ большой комнатѣ съ плитянымъ поломъ, нѣсколько сырой, пахло погребомъ, свѣже вымытымъ бѣльемъ, спѣлыми яблоками.

Дениза слегка провела рукой по глазамъ. Наперстокъ, измятый, служившій еще ея покойнымъ матери и бабушкѣ, бросалъ серебряный отблескъ на ея бѣлокурый високъ.

Она позвала:

— Фортунада!

Деревенская швея не слышала, не шевельнулась. Она сидѣла въ амбразурѣ окна, согнувшись, сгорбивъ станъ, приподнявъ колѣни, такъ какъ ноги ея были поставлены на грѣлку, и фигура ея рисовалась лишь эскизомъ, тѣнью на блѣдномъ очеркѣ окна.

— Фортунада!.. Уже совсѣмъ стемнѣло... Не видно шить... Оставь свою работу, дитя мое! Поди попроси у Франсунетты лампу.

— Слушаю, барышня.

Тѣнь отдѣлилась отъ складокъ кисеи. Звякнули ножницы о плиты пола. Фортунада исчезла.

Мадемуазель Кайроль встала, подняла ножницы и положила ихъ на табуретъ, рядомъ съ игольниками и катушками. Стоя, задумчивая, окутанная легкой молочно-бѣлой кисеей, она смотрѣла на пейзажъ, слишкомъ знакомый и переставшій нравиться.

Прежде всего видна была часть сада, съуженнаго передъ домомъ, заканчивавшагося рѣшетчатой калиткой и расширявшагося справа, образуя терассу, выходившую на дорогу. Поверхъ ограды, сквозь легкій проволочный трельяжъ, Дениза различала Монадузское ущелье, изрѣзанныя, изрытыя стѣнки, голубоватые изломы гранита, порыжѣлый верескъ, ярко зеленые мхи, плющъ, разросшійся въ цѣлое дерево, тамъ и сямъ серебристые стволы березъ, скрюченную сосну, нагнувшуюся надъ пропастью, купы низкорослыхъ дубковъ, до самой весны сохраняющихъ свои мѣдно-золотистые листья. Дальше шли, пересѣкаясь, другія равнины, другія слегка волнистыя линіи горъ, лиловатыя громады, восходившія къ сѣрому небу. Словно морскіе валы, которые вскидывались кверху и ниспадали, застывшіе въ своемъ вѣчномъ порывѣ... На самомъ отдаленномъ гребнѣ еще дымился не вполнѣ погасшій яркій костеръ заката...

Но пепелъ ночи уже палъ на Монадузъ. Огни зажигались на склонѣ ущелья, и въ безмолвіи громче и явственнѣе доносился ревъ четырехъ каскадовъ.

Дениза не видѣла каскадовъ; не видѣла и деревни, скучившейся на выступѣ мыса, съ ея черепичными и соломенными крышами, бѣдной церковью и феодальной башней съ усѣченной вершиной и сквозными стѣнками. Домъ доктора Кайроля стоялъ за околицей Монадуза, на нависшей надъ ущельемъ дорогѣ, которая за поворотомъ соединяется съ дорогой въ Тюлль. Стоялъ совсѣмъ особнякомъ, гордо вознося къ небу свои высокія трубы, четырехугольную крышу, выстланную, словно чешуей, голубой черепицей, съ полукруглыми чердачными окошечками. Фасадомъ онъ выходилъ на югъ, всѣми—окнами на солнце; въ окнахъ

стекла были мелкія, квадратныя, по старинной модѣ, иныя — тусклыя, зеленоватыя. Деревенскіе шумы сюда не долетали, но обитателей его будилъ призывъ колоколовъ и убаюкивалъ немолчный рокотъ каскадовъ.

Денизa любила эту жалобу водъ, мѣняющую звукъ соотвѣтственно времени дня и года, бурную послѣ грозы, замирающую въ лѣтнія засухи, громкую и сердитую въ апрѣлѣ, въ періодъ таянія снѣговъ. Съ тѣхъ поръ какъ Кайроли поселились въ Монадузѣ, эта жалоба примѣшивалась ко всѣмъ мелкимъ горестямъ и скромнымъ радостямъ, ко всей рабочей, цѣломудренной, почти монастырской жизни молодой дѣвушки.

Какъ печально звучалъ онъ, этотъ голосъ водъ, въ зимнія декабрьскія сумерки!.. Словно отчаянный, трепетный призывъ, вырвавшійся вмѣстѣ съ рыданьемъ изъ истерзанныхъ нѣдръ земли. Отъ этого призыва дрожала каменная кладка, составлявшая фундаментъ дома, дрожали старыя стѣны, выстоявшія три вѣка, и трепетало въ юной груди сердце Денизы.

Она прижалась лбомъ къ стеклу — оно было холодное и влажное... Молодая дѣвушка вздрогнула — и удивилась: почему она сегодня такъ взволнована, такъ поддается грусти, навѣваемой обстановкою и вечернимъ часомъ?.. Почему?.. Здоровая и уравновѣшенная, она была довольна своей жизнью и не могла представить ее себѣ другой, хотя ей уже исполнилось двадцать семь лѣтъ.

Она подумала:

— Я безпокоюсь, потому что отецъ замѣшкался.

Отца она любила больше всего на свѣтѣ.

Послѣ смерти матери, когда докторъ Кайроль взялъ ее домой изъ монастыря, гдѣ она училась, она предалась ему всей душой, потому что онъ былъ бѣденъ, одинокъ и не могъ добиться признанія. Она согласилась жить съ нимъ въ ихъ родномъ краю, въ деревушкѣ, гдѣ никогда еще не было врача, гдѣ еще пользовались услугами знахарей и ворожей. Здѣсь, какъ Бенасси у Бальзака, Кайроль являлся представителемъ науки, прогресса, цивилизаціи. Какую борьбу ему пришлось выдержать, сколько непріятностей и огорченій! Даже мѣстный кюрэ вначалѣ относился къ нему враждебно; еще хуже—колдунъ (*метже*), изобличенный имъ и преданный суду...

А потомъ — неосуществившаяся великая мечта о народной санаторіи, дешевой, общедоступной, на каменистомъ плато Шанъ-де-Бра. Учредили компанію на паяхъ; началась подписка на акціи... А теперь неоконченное зданіе гнило отъ дождей; же-

лѣзныя „формы" ржавѣли, лежа въ верескѣ. Санаторія превратилась въ жалкія руины новаго строенія, гдѣ гнѣздились совы и бродяги. А докторъ все время возился съ судами и адвокатами, тратя время на нескончаемые запутанные процессы, на которые ушла добрая половина его небольшого состоянія.

И въ этомъ было тайное горе—единственное горе мадемуазель Кайроль... Примирившись съ одиночествомъ, съ сравнительной бѣдностью, съ вѣчнымъ дѣвствомъ Антигоны, она никогда даже не спрашивала себя, счастлива она или несчастна: она умѣла плакать только надъ чужими страданіями.

Дверь отворилась; свѣтъ разлился по комнатѣ. Сумерки, летучая мышь, трепетавшая крыльями въ блѣдной сѣткѣ занавѣсей, вспорхнули и улетѣли, и съ ними смутные страхи, неясныя предчувствія, шевелившіяся въ душѣ Денизы.

Она взяла свой стулъ, табуретъ, простыню, которую она начала подрубать, и усѣлась возлѣ Фортунады, въ свѣтломъ кругу, отбрасываемомъ абажуромъ изъ зеленаго картона.

Свѣтъ падалъ на яркую бѣлизну холста, на руки молодыхъ дѣвушекъ. У Фортунады руки были загорѣлыя, изуродованныя черной, тяжелой работой; у Денизы—тонкія, не пухлыя, напоминавшія очень маленькія, красивыя руки мальчика. Выше мягкій сумракъ окутывалъ черную кофточку швеи и корсажъ Денизы, изъ темной матеріи, на которой поблескивала золотая цѣпочка. Подъ прилизанными черными бандо лицо у Фортунады было совсѣмъ дѣтское и въ профиль жалкое, съ выпуклымъ лбомъ и опущенными углами капризнаго, плотно сжатаго рта. Дениза Кайроль была настоящая женщина, широкая въ плечахъ и съ пышной грудью. Ея лицо съ неправильными чертами не могло назваться красивымъ, но нравилось. Ротъ былъ такой свѣжій и яркій, зубы такіе бѣлые и ровные. Въ сѣрыхъ глазахъ съ зеленоватыми искорками было столько яснаго ума и лучистой доброты. Волосы, заплетенные въ косу и уложенные вѣнкомъ вокругъ классической головки, были свѣтлые, чуть золотистаго оттѣнка, какъ листья въ ноябрѣ. Прелестный, рѣдкій цвѣтъ, мѣнявшійся съ годами, угрожалъ со временемъ перейти въ банальный свѣтло-каштановый.

— Господинъ докторъ поѣхалъ на велосипедѣ, — сказала Фортунада, угадывавшая озабоченность мадемуазель Кайроль. — Ему, должно быть, трудно возвращаться домой, противъ вѣтра...

— Ему надо было побывать у всѣхъ нашихъ поставщиковъ въ Тюллѣ: у маляра, у столяра... Эти люди никогда не исполняютъ

обѣщаній... Я увѣрена, что бѣлая комната не будетъ готова къ пріѣзду г. Жана Фавьеръ.

— Вы не недовольны, что у васъ будетъ жилецъ?

— Нѣтъ.

— Совершенно чужой человѣкъ и, вдобавокъ, больной?

— Это крестникъ моего дяди, Альберта Лапейри, совсѣмъ еще юноша, почти дитя... Онъ очень боленъ и очень несчастенъ.

— Развѣ у него нѣтъ ни души родныхъ?

— Мать его во второй разъ вышла замужъ. Онъ живетъ одинъ. Онъ всегда жилъ одинъ.

— Ну, и повезло же ему, что онъ попадетъ къ вамъ.

Вотъ ужъ мѣсяцъ вся деревня интересовалась „парижаниномъ", чахоточнымъ, который долженъ былъ пріѣхать жить или умирать къ Кайролямъ. Было извѣстно, что докторъ готовитъ для него комнату, отдѣланную заново, и что мебель въ ней вся бѣлая, полированная и блестящая, какъ самый лучшій фарфоръ— ужъ, навѣрно, жилецъ-то богачъ, коли такое выдумываетъ...

— Когда же онъ пріѣдетъ, этотъ господинъ Фавьеръ?—допытывалась Фортунада.

— Къ Рождеству... Сейчасъ онъ еще слишкомъ слабъ, чтобъ ѣхать по желѣзной дорогѣ. Онъ пока отдыхаетъ въ Парижѣ, у моего дяди... О, послушай, Фортунада, уже скоро восемь. Отецъ все время на велосипедѣ, по этимъ ужаснымъ дорогамъ... онъ вернется страшно усталый.

— Не огорчайтесь, барышня... Я посижу тутъ съ вами. Мать моя и старшій братъ не станутъ безпокоиться обо мнѣ... Тамъ у насъ и безъ меня народу много... Сегодня будутъ сидѣть за полночь...

Дениза улыбнулась.

— За каштанами... Тогда, значитъ, придетъ и Ліонассу, изъ Бургъ д'Эрейна...

— Ліонассу?.. Ахъ, барышня, и охота вамъ вѣрить всѣмъ глупостямъ, которыя разсказываютъ... Да я и не думаю о немъ вовсе, объ этомъ Ліонассу... Очень надо!.. Такой гордый! Благо онъ богатый и носъ у него не на сторону, такъ ему и чортъ не братъ, и король не родня... А все-таки Фортунада Бранду замужъ за него не пойдетъ... Ліонассу Галаръ, изъ Бургъ д'Эрейна... Дуракъ и скряга, а спѣсивъ, что твоя вошь на бархатномъ камзолѣ... извините за выраженіе, барышня.

Алая кровь волной прихлынула къ щекамъ Фортунады; тонкая кожа порозовѣла до самыхъ волосъ. Она поджала губы и

порывисто выдернула иголку изъ шитья... Дениза смотрѣла на нее съ нѣжной жалостью.

— Бѣдняжка... Ты все грустишь о своемъ монастырѣ.

— Ахъ, барышня, милая, вамъ-то я могу признаться въ этомъ—вамъ одной... И отчего они не дали мнѣ сдѣлаться монахиней?.. У мамаши есть другія дѣти, кромѣ меня... Мадалунъ ужъ скоро пятнадцать... Она здоровая, сильная, работа у нея всякая спорится... Еще годикъ-другой—вотъ вамъ и невѣста для Ліонассу... А я, несчастная, вѣдь совсѣмъ не гожусь для деревенской работы—здоровье у меня не такое... и замужъ мнѣ идти не охота... Не лежитъ душа... Вы вѣдь знаете, барышня, что у насъ за женихи и какія свадьбы... Нѣтъ тебѣ, чтобы ласково, по хорошему поговорить... У парней только и помысловъ, что о деньгахъ, да о землѣ, да о жратвѣ... Ой, какъ же это мнѣ не нравится!.. Я вѣдь, барышня, мечтала быть послушницей въ Тюллѣ, въ монастырѣ урсулинокъ, или гдѣ-нибудь въ больницѣ... Вотъ это было бы по мнѣ: шить, молиться, говорить тихимъ голосомъ, ходить за больными, разъ ужъ у меня нѣтъ настолько образованности, чтобы учить дѣтей... И чтобъ больные говорили: „Вотъ эта сидѣлка — добрая: она любитъ насъ"... Боже мой! Какое это было бы счастье... Но, видно, не судьба... И отчего это родители никогда не справляются съ желаніями дѣтей? Вотъ, меня хотятъ выдать замужъ... Даже господинъ докторъ смѣется надо мной. Говоритъ: „Не хочешь ты знать, въ чемъ твой настоящій долгъ... У тебя не хватаетъ мужества быть женщиной... Выходи замужъ. И похорошѣешь, и здоровье поправится"... Зачѣмъ? какъ?.. Господь Богъ смотритъ на сердце, а не на лицо... И потомъ...

Она вся вспыхнула, сама изумляясь своей смѣлости, но рискованная фраза уже сорвалась съ ея устъ.

— Вотъ вѣдь васъ, мадемуазель Дениза, не притѣсняютъ... не бранятъ за то, что вы не вышли замужъ.

Гдѣ-то зазвонили въ колоколъ. Медлительные, свѣтлые звуки падали въ безмолвіе, между двумя молодыми дѣвушками. Фортунада перекрестилась и смиренно зашептала: „Ave"... Мадемуазель Кайроль продолжала шить, не поднимая головы.

Наконецъ, она сказала:

— Это не одно и то же. У каждаго свои обязанности. Кто же заботился бы о моемъ отцѣ, еслибъ я вышла замужъ? Кто былъ бы ему утѣшеніемъ и другомъ? На это я и положила свою жизнь... Я не могу назвать себя безполезнымъ существомъ.

— Вы любите вашего отца больше, чѣмъ мужа и дѣтей,— возразила Фортунада.—А я такъ люблю Господа-Бога... Онъ— больше, чѣмъ отецъ, такъ какъ Онъ—спаситель міра... А между тѣмъ всѣ находятъ, что вы поступаете хорошо, а я дурно... Простите, мадемуазель Дениза: я такъ къ вамъ привязана, что мнѣ не стыдно говорить съ вами совсѣмъ откровенно. Я отлично вижу, что въ Монадузѣ никто не можетъ равняться съ вами, что вы здѣсь первая барышня, и по уму, и по добротѣ... Но какъ же это можетъ быть, когда вы не ходите въ церковь и не молитесь Богу? Даже господинъ кюрэ васъ уважаетъ. Онъ давеча говорилъ баронессѣ де-Сенъ-Дюминъ: „Мадемуазель Кайроль не ходитъ въ церковь, но она воспитывалась въ монастырѣ; ея покойница-мать была женщина очень набожная и, не смотря на доктора и на дурныя книги, сердце у мадемуазель Денизы христіанское".

— Господинъ кюрэ очень добръ,—твердымъ и спокойнымъ голосомъ перебила ее Дениза,—но оставимъ это, Фортунада... Я не могу объяснить тебѣ этого... это значило бы только напрасно смутить твою душу, потому что ты все равно не поймешь. А я отлично тебя понимаю.

— Вы не обидѣлись на меня, барышня?

— Нѣтъ, дитя мое, вовсе нѣтъ.

Нѣсколько капель дождя ударились о стекла. Въ печкѣ что-то хрипѣло. Лампа шипѣла. Издали доносился печальный рокотъ каскадовъ...

Фортунада забылась въ мечтахъ... Мечты ея неслись къ тюлльскому монастырю; она видѣла передъ собой липы монастырскаго садика, классы, полные маленькихъ дѣвочекъ въ голубомъ, расписную часовню, изукрашенную цвѣтами, гдѣ Іисусъ въ пурпурномъ одѣяніи предаетъ любви этихъ дѣвственницъ свое обнаженное, окровавленное сердце. Онѣ неслись къ невѣдомому госпиталю, пріюту скорби и сострадания, къ безмолвію бѣлыхъ палатъ, предсмертнымъ хрипамъ умирающихъ и улыбкамъ выздоравливающихъ... Мечты мадемуазель Кайроль, наоборотъ, витали вокругъ домашняго очага, деревни, этого крохотнаго уголка вселенной, заключавшаго въ себѣ, въ маломъ видѣ, всѣ человѣческія страсти и страданія; онѣ были прикованы къ семейнымъ воспоминаніямъ, къ знакомымъ съ дѣтства стѣнамъ и обстановкѣ, къ старѣющему отцу, ко всему, изъ чего складывался ея обыденный и неизмѣнный долгъ, ближайшая дѣйствительность...

На дорогѣ затрещалъ звонокъ велосипеда. Дениза вздрогнула.

— Наконецъ! Это папа возвращается.

Служанка Франсунетта уже шла отворять рѣшетчатую калитку сада. И на ходу звала подростка-батрака:

— Эй, Жанту! Иди же, дурачокъ, возьми бариновъ велосипедъ.

Этьеннъ Кайроль вошелъ, бросилъ на стулъ свой непромокаемый плащъ и фуражку, насквозь влажную отъ тумана, и поцѣловалъ въ лобъ свою дочь.

— Здравствуй, Низа!

Успокоенная, радостная дочь хлопотала около него.

— Отецъ, я безпокоилась за тебя. Какъ это неблагоразумно съ твоей стороны—такъ запаздывать...

— Я опоздалъ на поѣздъ. Пришлось и возвращаться на велосипедѣ... Зато всѣхъ повидалъ. Рабочіе придутъ завтра. Мебель уже отправлена на вокзалъ... У нашего жильца будетъ очаровательная комнатка...

— Зимою, въ такой поздній часъ... Отецъ, отецъ, ты остороженъ только когда дѣло идетъ о другихъ... Смотри: у тебя даже усы мокрые... Садись сюда, въ кресло, поближе къ огню... Ты, навѣрное, умираешь отъ голода... Вернуться изъ Тюлля на велосипедѣ... Я положительно сердита на тебя... Фортунада, скажи Франсунеттѣ, чтобъ она скорѣй подавала супъ. Я тѣмъ временемъ накрою на столъ...

— Дениза... Милая...

Докторъ, сидя въ креслѣ, грѣлъ у огня озябшія руки. Свѣтъ лампы сбоку падалъ на его лицо—лицо стараго галльскаго вождя, мѣдно-красное, багровое на скулахъ, съ сѣдыми волосами, выпуклыми голубыми глазами, орлинымъ носомъ и массивной нижней челюстью подъ сѣдѣющими, когда-то золотистыми усами. Когда онъ наклонялъ голову, видна была могучая шея и обрисовывалась та особая форма черепа, характерная для представителей Средней Европы, при которой голова и затылокъ составляютъ одну прямую линію. Плечи были могучія, почти квадратныя; туловище—нѣсколько приземистое; ноги, чуточку кривыя, чувствовалось, ступали крѣпко и увѣренно... Вся фигура Этьенна Кайроль—не элегантная, но не лишенная благородства—говорила о его крестьянскомъ происхожденіи. Она выражала прежде всего силу—надежную, устойчивую, медлительную, обдумывающую, увѣренную въ себѣ.

Дениза убрала со стола, накрыла его скатертью и разставила тарелки. Фортунада, съ обычной своей жалкой гримаской, складывала простыни. Докторъ, согрѣвшійся, повеселѣлъ и на-

свистывалъ мотивъ какого-то танца, поглядывая на молодыхъ дѣвушекъ.

— Я вижу, вы сегодня исправно поработали,— сказалъ онъ.— Дениза, твоя помощница совсѣмъ поблѣднѣла... Ты бы послѣдила за ней... А то смотри, какая она: худенькая, тщедушная, совсѣмъ готическій ангелъ... Полно, Фортунада, не гнись такъ, расправь плечи, вдыхай поглубже воздухъ, когда идешь куда-нибудь. А дома пей молоко и ѣшь бифштексъ, вмѣсто того, чтобъ заклеивать себѣ желудокъ блинами изъ ржаной муки... Ты по цѣлымъ днямъ сидишь согнувшись, поставивъ ноги на грѣлку—эта жизнь не годится для тебя, она нездорова... Ты малокровна и оттого нервничаешь. Берегись...

— Должна же я работать, господинъ докторъ.

— Работай, но береги себя и не засиживайся въ церкви... Тебѣ надо стать здоровой, сильной женщиной, прежде чѣмъ выйти замужъ. Наши парни не любятъ хилыхъ дѣвушекъ. И они правы: самая лучшая жена—та, которая можетъ родить здороваго ребенка... Дениза, дай этой дѣвочкѣ пузырекъ хинной настойки... Одного пузырька достаточно на литръ вина. Будешь пить два раза въ день, по рюмкѣ... Поняла?.. А теперь ступай домой... И попроси фонарь у Франсунетты...

— Да ужъ разумѣется, сударь. Я ни за что не рѣшусь пройти одна ночью мимо кладбища... Мнѣ даже и съ фонаремъ будетъ страшно...

— Чего страшно?

— Не знаю... Мертвыхъ.

— Мертвые лежатъ смирно. Ихъ нечего бояться. Бойся живыхъ... Давеча этотъ прохвостъ, Марсіаль Вейдреннъ, опять шатался подъ каштанами...

— Мнѣ онъ не страшенъ, сударь. Онъ бываетъ у насъ и никогда еще не сказалъ мнѣ дурного слова...

— Но зато и денегъ его ты въ глаза не видала, съ тѣхъ поръ, какъ онъ пьетъ у васъ даромъ.

— Не видала...

— Его отецъ, метжэ изъ Шастана, и онъ—стоютъ другъ друга: оба мерзавцы.

— Сынъ не такъ ужъ плохъ, какъ говорятъ...

— Спроси у лѣсниковъ.

— Ему никто не даетъ работы: понятное дѣло, онъ браконьерствуетъ. Всѣ его ненавидятъ—это его ожесточаетъ... Можетъ-быть, еслибъ люди были къ нему добрѣе...

— Не очень-то этому довѣряйся. Вейдренна мы знаемъ съ

дѣтства... Онъ никакой дичью не брезгаетъ—даже и двуногой, что ходитъ въ юбкѣ...

Докторъ повернулся къ дочери.

— Давеча предсѣдатель суда говоритъ мнѣ: „Это прямо невѣроятно, чтобы въ наше время такая скотина, какъ Вейдреннъ, настоящій дикарь, могъ терроризировать порядочныхъ людей и жить внѣ всякихъ законовъ... Но порядочные люди—обыкновенно трусы. Они боятся навлечь на себя злобу такого рода типовъ, и когда ихъ вызываютъ въ судъ свидѣтелями, всякій разъ оказывается, что они ничего не видали и не слыхали"... А тутъ еще этотъ отецъ Вейдреннъ—знахарь, къ которому возятъ въ кузницу больныхъ, котораго всѣ боятся, потому что онъ „куетъ" больныхъ и умѣетъ „порчу наводить"... О, человѣческая глупость!

Фортунада не возражала. Лицо у нея было застывшее, ничего не выражающее.

— Ну, ступай,—сказалъ Кайроль.—Жанту проводитъ тебя до почты. Не забудь захватить съ собою хину.

— Благодарствуйте и до свиданія, господинъ докторъ... Какъ вы скажете, барышня, приходить мнѣ завтра?

— Да. Г. Фавьеръ скоро пріѣдетъ. Работы много. Я непремѣнно хочу кончить до его пріѣзда всю починку...

Фортунада ушла. Кайроль покачалъ головой, глядя ей вслѣдъ:

— Бѣдняжка!

Какъ только докторъ начиналъ говорить или думать о мѣстныхъ жителяхъ и ихъ дѣлахъ, онъ тотчасъ безсознательно начиналъ говорить на ихъ жаргонѣ. Потомокъ нѣсколькихъ поколѣній фермеровъ, онъ остался близокъ къ землѣ, и даже въ манерахъ его была мужицкая простота и прямодушіе. Въ немъ было два человѣка: одинъ—человѣкъ мысли и дѣла, всѣмъ интересующійся въ области идей, считавшій себя призваннымъ учить другихъ; человѣкъ, который слушалъ въ Collège de France лекціи Пьера Лафитта, преклонялся передъ Контомъ, держалъ бюстъ его въ своемъ рабочемъ кабинетѣ и, живя въ глуши, слѣдилъ за всѣмъ огромнымъ научнымъ и соціальнымъ движеніемъ своей эпохи. И на ряду съ этимъ—человѣкъ совсѣмъ иного склада, простой и даже нѣсколько вульгарный въ нѣкоторыхъ своихъ вкусахъ и привычкахъ, скупой на гроши и щедрый на золото, недовѣрчивый, какъ всѣ крестьяне, вспыльчивый, большой любитель поѣсть и выпить, страстный охотникъ, любитель башмаковъ на толстыхъ подошвахъ, прочной одежды и коротенькихъ трубокъ.

Но этотъ человѣкъ, обладавшій лучшими качествами и достоинствами мужчины, этотъ французъ стараго закала, самъ въ себѣ носилъ причину своихъ неудачъ: способность создавать себѣ иллюзіи, подчасъ заслонявшія отъ него дѣйствительность. Идеологъ сводилъ на нѣтъ могучія усилія человѣка дѣла, обманывая его относительно цѣнности лицъ и вещей, значенія тѣхъ или иныхъ доктринъ, послѣдствій того или иного рѣшенія. Стараніе быть „логичнымъ“ толкало Кайроля на опасные шаги. Онъ не умѣлъ щадить обидчивость обывателей маленькаго городка, гдѣ у него въ началѣ была большая практика... Послѣ многихъ разочарованій онъ нашелъ себѣ пріютъ въ деревнѣ, ничуть объ этомъ не жалѣя, убѣжденный, что все сложилось къ лучшему. И событія показали, что онъ былъ правъ: самъ крестьянинъ по происхожденію, Кайроль понималъ мужика и умѣлъ съ нимъ говорить; невозможность же разсуждать логично съ людьми, которые изъ осторожности глухи и нѣмы ко всему, заставляла его обуздывать въ себѣ фантазіи теоретика. Можетъ-быть подчасъ онъ и обнаруживалъ недостатокъ гибкости ума и даже ловкости, воюя съ мужицкимъ упорствомъ. Но въ концѣ концовъ онъ все же добивался своего. Положеніе его упрочилось; его нравственное вліяніе возрастало; даже мѣстный кюрэ вступилъ съ нимъ какъ бы въ соглашеніе. Практическій умъ и здравый смыслъ взяли верхъ надъ абстрактной и опасной логикой.

Одно только печалило Кайроля: его неудача съ постройкой санаторіи. Но и съ этимъ горемъ онъ мало-по-малу примирился, поддерживаемый безконечной любовью и нѣжностью дочери.

Дениза была единственная любовь Кайроля, его шедёвръ, которымъ онъ больше всего гордился. Въ ней безконечная кротость, сдержанность, деликатность Лапейри, изъ рода которыхъ происходила ея мать, сочетались съ сильнымъ, здоровымъ тѣломъ и несокрушимой энергіей Кайролей. Что эта удивительная дѣвушка прошла сквозь монастырскую дрессировку, что она хоть на минуту могла увлечься мистицизмомъ, и притомъ по винѣ отца, не имѣвшаго силы отказать всегда больной женѣ—этого Кайроль до сихъ поръ не могъ себѣ простить. „Это было не логично съ моей стороны“—говаривалъ онъ. Овдовѣвъ, онъ со всей настойчивостью горячей любви снова завладѣлъ душою дѣвочки-подростка; изъ этой души онъ вырвалъ съ корнемъ христіанскую вѣру и думалъ, что одновременно съ этимъ вырвалъ и склонность къ безплоднымъ метафизическимъ треволненіямъ... Кризисъ, вызванный этимъ, могъ стать опаснымъ. Онъ длился

два года и закончился безъ особаго ущерба для Денизы. Она утратила вѣру, но ей было сладко вспоминать, что когда-то и она была вѣрующей. Разумъ освободилъ ее отъ власти догматовъ, но сердце ея осталось чувствительнымъ и мягкимъ, и кюрэ былъ правъ, говоря, что мадемуазель Кайроль живетъ и чувствуетъ какъ христіанка.

Большимъ образованіемъ Дениза похвалиться не могла. Научныя и философскія книги нерѣдко казались ей скучными; а романовъ въ библіотекѣ доктора не было. Искусства, современная поэзія были почти невѣдомой областью какъ для отца, такъ и для дочери. Для нихъ вся красота была въ природѣ. Искусная во всякихъ женскихъ рукодѣльяхъ, мадемуазель Кайроль безъ шума управляла домомъ и вела хозяйство, не разговаривая о стиркѣ бѣлья и о вареньѣ съ дамами изъ Тюлля, пріѣзжавшими къ ней въ гости.

Эти дамы находили ее немножко простоватой и смотрѣли на нее свысока, такъ какъ она ни разу не была въ Парижѣ, не читала журналовъ и не играла на рояли.

Всѣ знали, что приданаго за нею нѣтъ, и до сихъ поръ никто еще не просилъ ея руки.

II.

Вытянувшись во весь ростъ на сидѣньѣ вагона, обложенный подушками и одѣялами, Жанъ Фавьеръ вздыхаетъ и волнуется, чувствуя, что къ вечеру у него будетъ лихорадка. И безсильно откидываетъ на подушку усталую голову; отяжелѣвшія вѣки опускаются, закрывая красивые, томные бархатные глаза; ротъ, созданный для улыбки, морщится въ печальную гримасу. На щекахъ выступили красныя пятна; но лобъ, и носъ, правильный и прямой, съ тонкими ноздрями, и юношескій подбородокъ, еще не обросшій бородой, и худая шея блѣдны той прозрачной блѣдностью воска, которая свидѣтельствуетъ о пожирающемъ организмъ тайномъ недугѣ. Темные волосы, сѣкущіеся по утрамъ подъ гребенкой отъ внутренняго жара, теперь влажны отъ испарины, выступившей на вискахъ. Рука молодого человѣка свѣсилась, обезсиленная, инертная, и жизнь какъ будто уходитъ, струясь сквозь раскрытые пальцы.

Весь день передъ его глазами развертывались равнины Франціи. Пурпуръ заката давно уже погасъ надъ холмами; фонарикъ, укрѣпленный на потолкѣ вагона, давно уже мигаетъ

изъ-за неплотно задернутой занавѣски. Шумъ поѣзда кажется громче и грознѣе, по мѣрѣ того какъ сгущается мракъ. Какъ будто слова, заглушенныя, мѣрныя, трепетныя, складываются въ фразу, лишенную смысла, и, повторяясь безъ конца, наполняютъ слухъ и мозгъ больного. Чтобы не слышать, чтобъ разсѣяться, онъ растерянно озирается вокругъ себя... Слабый свѣтъ... большія тѣни дрожатъ на стѣнахъ; саквояжи и картонки въ сѣткѣ наверху кажутся огромными... Они шевелятся, вотъ-вотъ упадутъ... Кто-то спитъ, уткнувшись головой въ сѣрыя подушки сидѣнья; на головѣ у него англійская дорожная шапочка; на колѣняхъ—развернутая газета. Движущіяся тѣни настигаютъ его, вырываютъ глубокія ямки на мѣстѣ глазъ, дѣлаютъ мясистый чувственный носъ непомѣрно большимъ, складываютъ губы въ злую гримасу. Наполовину погруженный въ безсознательное состояніе, Жанъ видитъ только тѣни, которыя гонятся за нимъ, преслѣдуютъ его, готовы его поглотить... Но какъ только онъ закроетъ глаза, печальный ритмическій голосъ шепчетъ у него въ ушахъ, въ мозгу, свою невнятную, пугающую жалобу.

Дремота овладѣла имъ—и вотъ, онъ погружается въ красный туманъ лихорадки, въ которомъ мелькаютъ образы, картины пережитаго, давняго и вчерашняго... Синематографъ памяти функціонируетъ какъ случится, сбивчиво, отрывисто... Вотъ передъ нимъ товарищъ, безпутный малый, весельчакъ, разсказываютъ охотничьи анекдоты и разные случаи съ автомобилемъ... Вотъ докторъ нѣмецъ... альпійскій снѣжный пейзажъ... Женщина, черноволосая, съ обнаженными красивыми руками... Она ласкается, умоляюще шепчетъ: „Мой маленькій Жанъ"... Лицо этой женщины чаще всего появляется въ его сонныхъ видѣніяхъ, но Жанъ ненавидитъ ее.

Тюлль. Поѣздъ останавливается. Г. Лапейри вскакиваетъ съ дивана.

— Что? Развѣ я спалъ?

— Немножко...

— Ты звалъ меня?

— Сейчасъ только... Отдерните, пожалуйста, занавѣску.

— Изволь... Какъ ты блѣденъ, мой мальчикъ... Какая утомительная дорога! Но мы сейчасъ пріѣдемъ... И я такъ радуюсь, что ты будешь жить въ Монадузѣ, у добрыхъ людей, которые добросовѣстно будутъ ходить за тобой и сразу полюбятъ тебя... Вѣдь ты будешь послушнымъ, не правда ли?

— Буду... если только ко мнѣ не будутъ очень приставать,— угрюмо обѣщаетъ Жанъ.—Мнѣ все равно, гдѣ вы меня помѣ-

стите, въ Монадузѣ или въ Ландерно—только бы не въ больницу. Я готовъ мириться съ чѣмъ угодно...

— Ты будешь слушаться доктора—вѣдь ты же хочешь выздоровѣть, вернуться къ своимъ занятіямъ... Будь же хоть немного оптимистомъ, Боже мой... Имѣй довѣріе къ тѣмъ, кто любитъ тебя... Надо любить жизнь...

— Вы хотите внушить мнѣ это, крестный? Если вамъ это доставляетъ удовольствіе, я буду говорить вамъ въ тонъ... Я люблю жизнь. У меня множество причинъ любить ее... Она вѣдь была такъ добра ко мнѣ... Мать моя обожаетъ меня, не правда ли? И мой отчимъ нѣжно любитъ меня; мои товарищи не могутъ утѣшиться въ моемъ отсутствіи; а моя любовница... ухаживаетъ за мной, какъ настоящая сестра милосердія.

— Къ чему эта иронія, которая причиняетъ боль и мнѣ, и тебѣ?

— Простите меня, крестный. Я огорчаю васъ; я неблагодарный... Я отлично сознаю это... А между тѣмъ вы—единственный человѣкъ, который любитъ меня, и я люблю васъ одного... Но мнѣ такъ не везетъ, съ тѣхъ поръ какъ умеръ отецъ и мама во второй разъ вышла замужъ... Все измѣнило мнѣ: семья, любовь, здоровье... И потомъ, столько мелочей, которыя васъ раздражаютъ... Давеча, этотъ Гюбертэнъ... такой несносный... все время кричитъ о своемъ автомобилѣ, о своихъ путешествіяхъ, о своей выносливости... Нельзя же быть до такой степени безтактнымъ. И вдругъ... это было страшно забавно... вспомнитъ, гдѣ онъ, состроитъ огорченную физіономію и начинаетъ говорить чуть не шепотомъ...

— Что тебѣ до него?.. Не все ли тебѣ равно?

— О, конечно! Но это раздражаетъ меня.

— Ты слишкомъ много говоришь. Успокойся, милый.

— Я совершенно спокоенъ... Вы знаете, какъ я принялъ Жюльетту, когда у нея явилась деликатная мысль придти проститься со мной. „Ты боялась заразиться, мой прекрасный другъ... Ты бросила меня *въ интересахъ моего здоровья.* Но вѣдь это же вполнѣ естественно... Я вовсе не сержусь на тебя... Больной—вѣдь это ужъ почти не мужчина; больной—что ужъ за любовникъ?.. Я бы тоже разстался съ тобой, еслибъ ты заболѣла чахоткой... Ну, давай, простимся! Скажи моему замѣстителю, чтобъ онъ получше берегъ свое здоровье"... Я сказалъ ей цѣлую маленькую рѣчь на эту тему, и такимъ спокойнымъ голосомъ, что она ушла разочарованная... Навѣрное, она потомъ говорила

Гюбертэну: „Какая я была глупая, что мучилась изъ-за Фавьера... У этого мальчика нѣтъ сердца. Это отвратительно"...

— Ты никакъ не можешь забыть... все время говоришь объ этомъ... Будь я дома, я ни за что не пустилъ бы къ тебѣ мадемуазель Ремонъ... Забудь ты ее...

— О, мнѣ не трудно будетъ ее забыть... Въ Монадузѣ вѣдь не съ кѣмъ будетъ говорить о ней... Въ обществѣ старика и старой дѣвы мои мысли по неволѣ станутъ чистыми.

— Мою племянницу нельзя собственно назвать старой дѣвой... Я не видалъ ея уже десять лѣтъ. Она некрасива, но очень, очень мила.

— Мнѣ было бы непріятно, еслибъ она была красива... Некрасивыя женщины по неволѣ вынуждены быть добрыми, чтобы заставить простить имъ ихъ некрасивость... Я уже заранѣе обожаю мадемуазель Кайроль, какъ старшую кузину... О, кузины, которыя вяжутъ чулки и варятъ варенье, это—единственныя женщины, побѣды надъ которыми я добиваюсь, чтобы заставить ихъ баловать себя.

— Какой ты еще ребенокъ!—съ невольной улыбкой замѣтилъ г. Лапейри.

— Я покорю сердце г. Кайроля, мадемуазель Кайроль и всѣхъ домашнихъ... Черезъ годъ, или черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, они будутъ говорить: „Какой это былъ милый юноша, этотъ Жанъ Фавьеръ!.. Намъ доставило истинное удовольствіе знакомство съ нимъ—къ сожалѣнію, недолгое... Это былъ образцовый больной... Къ сожалѣнію, его сгубилъ туберкулезъ"... Я опять огорчилъ васъ, мой добрый крестный?

— Да, очень...

— Ба! Я шучу... Я вовсе не думаю, что я скоро умру... Коли ужъ издыхать, такъ это можно и въ Парижѣ... Но нѣтъ! умереть въ мои годы—это было бы слишкомъ глупо... И доставило бы слишкомъ большое удовольствіе моему отчиму.

Поѣздъ далъ свистокъ и замедлилъ ходъ... Скрипѣли тормаза; колеса скользили по рельсамъ... Сквозь туманъ уже виднѣлись красноватые огоньки маленькой станціи... Затѣмъ—толчокъ и остановка... колеблющійся свѣтъ фонаря кондуктора, бѣгущаго вдоль поѣзда.

— Монадузъ... Монадузъ!

— Сиди спокойно,—сказалъ г. Лапейри своему крестнику.— Докторъ, навѣрное, выѣхалъ насъ встрѣтить.

Онъ отворилъ дверцу. На платформѣ, въ туманѣ и мракѣ, люди окликали, разыскивали другъ друга, толкаемые носильщи-

ками. Г. Лапейри узнавалъ широкополыя фетровыя шляпы, бороды ошейникомъ, лежащія на воротничкахъ съ длинными концами, плащи изъ грубой шерстяной матеріи, „пальоли"—соломенныя шляпы съ бархатными лентами... Узнавалъ мѣстное нарѣчіе, манеру говорить на распѣвъ, растягивая гласныя... Родина... это была родина.

Туманъ рѣдѣлъ; липкая грязь приставала къ подошвамъ... Уволенный въ отпускъ солдатикъ обнималъ своихъ стариковъ. Старуха, въ огромной колымагѣ вмѣсто шляпки и съ чудовищнымъ зонтикомъ въ рукахъ, видимо сильно обременявшимъ ее, щурила глаза и вытягивала шею, какъ встревоженная курица, выглядывая ожидаемаго внука или внучку...

Г. Лапейри спрыгнулъ на землю, ища глазами доктора Кайроля... Вотъ черный плащъ отдѣлился отъ кучи другихъ черныхъ плащей. Звонкій голосъ окликнулъ его:

— Дядя Альбертъ?

— Дениза!

Въ широкомъ плащѣ съ капюшономъ, словно запрятанная въ суконную будку, мадемуазель Кайроль подошла къ дядѣ, наскоро извиняясь за отсутствіе отца... Его экстренно вызвали къ больному — лѣснику, изувѣченному браконьерами въ эгерской каштановой рощѣ. Но у него отличный велосипедъ, и онъ скоро вернется... Они уже застанутъ его дома.

— Мы очень рады, что вы наконецъ заглянули къ намъ, дядя...—начала Дениза.

И тотчасъ же спохватилась:

— А какъ здоровье г. Фавьера?.. Какъ онъ чувствуетъ себя?.. Недурно?... Я такъ боялась за него... Дядя, займитесь, пожалуйста, багажемъ... Нашъ мальчикъ свезетъ вещи г. Фавьера на ручной телѣжкѣ. А мы поѣдемъ въ крытомъ экипажѣ — намъ дали въ замкѣ... Дядя, помогите же г. Фавьеру выйти изъ вагона.

— Я и одинъ сойду, мадемуазель,—возразилъ Жанъ, подтягиваясь изъ тайной гордости мужчины, который не хочетъ выказать себя слабымъ и разбитымъ физически въ присутствіи женщины.

Дениза посмотрѣла на него.

Онъ стоялъ на скользкой подножкѣ. Сѣрая суконная фуражка сидѣла криво на сбившихся темныхъ волосахъ. Безбородый, блѣдный какъ воскъ, съ красивыми усталыми глазами, онъ казался совсѣмъ молоденькимъ—такимъ молодымъ, что дѣвушка, при видѣ его, невольно ощутила жалость и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое облегченіе. Отъ природы застѣнчивая, она не-

много боялась появленія въ ихъ домѣ чужого мужчины; но вѣдь это ребенокъ...

— Я привезла вамъ извиненія моего отца—сказала она—и его привѣтъ...

Жанъ видимо колебался, не рѣшаясь соскочить... Онъ пошатнулся; Дениза невольно протянула руку, безъ перчатки, мягкую и нервную, чтобы поддержать юношу.

Онъ оперся на эту руку — и тотчасъ же сконфузился, началъ извиняться.

— Не говорите; вамъ вредно говорить; здѣсь очень сыро... Поднимите воротникъ... Приложите платокъ къ губамъ... Дядя Альбертъ, мы пойдемъ впередъ.

Жанъ далъ увести себя, нѣсколько смущенный властнымъ тономъ, высокимъ ростомъ и массивной фигурой мадемуазель Кайроль. Подъ длиннымъ плащомъ съ капюшономъ, напоминающимъ монашескую рясу, совсѣмъ не видно было женщины... Усѣвшись въ карету, Жанъ рискнулъ-было сказать какую-то любезность, но Дениза тотчасъ же заставила его замолчать.

Поѣздъ тронулся. Снова пронзительный, долгій свистокъ—и огоньки локомотива, понемногу удаляясь, погасли вдали, задутые чернымъ вѣтромъ туннеля. Пассажиры, съѣхавшіеся на Рождество изъ Брива, Сентъ-Илэра и Корниля, чтобы встрѣтить праздники дома, расходились группами, при мигающемъ свѣтѣ фонарей...

Дениза, нагнувшись къ Жану, укладывала поудобнѣе подушки за его спиной, укрывала ему ноги одѣяломъ изъ козьяго пуха, провѣряла, горяча ли грѣлка. Всѣ движенія ея были медлительны, осторожны и точны. И въ этомъ было что-то успокоительное. Дениза сказала Жану: „Нельзя разговаривать“—и хотя въ душѣ онъ возмущался, но всетаки замолчалъ.

— Что же это такое?—думалъ онъ.—Неужто она все время будетъ третировать меня, какъ мальчишку?.. „Сдѣлайте то-то... Не дѣлайте того-то“... И говоритъ тономъ, не допускающимъ возраженій... Это скучно... И потомъ, этотъ ужасный капюшонъ...

Протестуя, но въ то же время покоренный, захваченный неискоренимымъ любопытствомъ мужчины, онъ пытался разглядѣть лицо, скрытое подъ „этимъ ужаснымъ капюшономъ“... Но Дениза, закрывъ дверцу кареты, осталась стоять снаружи... Проходившіе мимо крестьяне здоровались съ ней. Она отвѣчала:

— Здравствуй, Шадебехъ... Здравствуй, Жакилль...

Жанъ слушалъ и дивился звучности этого голоса, котораго не портилъ и легкій мѣстный акцентъ, съ затягиваньемъ по-

слѣднихъ слоговъ. Онъ былъ чрезвычайно чувствителенъ къ красотѣ человѣческаго голоса, быстрѣе всего рождающаго симпатію... Голосъ Денизы Кайроль лился жидкимъ живымъ серебромъ, словно струйка воды между камнями, жаркимъ лѣтомъ разливающая прохладу...

Отъ времени до времени Дениза подходила къ окну и спрашивала:

— Г. Фавьеръ... Вамъ очень скучно ждать?.. Дѣло въ томъ, что у дяди вышло какое-то недоразумѣніе съ багажемъ... Я отсюда слышу, какъ онъ объясняется съ начальникомъ станціи... Т-съ! Не отвѣчайте... Вамъ нельзя разговаривать.

Ея рука, казавшаяся блѣдной на темной ткани, вертѣла застежку плаща. Ея глаза и зубы блестѣли въ темнотѣ; и по легкому измѣненію серебристаго звука ея голоса Жанъ почувствовалъ, что она улыбается.

III.

Лошадь бѣжала мелкой рысцой внизъ по каменистому склону, все глубже во влажный сумракъ, напоенный дождемъ и туманомъ; въ свѣтѣ двойного ряда фонарей мелькали то стѣна, то домикъ съ покосившейся соломенной крышей, то искривленный дуплистый стволъ каштана.

Дениза Кайроль говорила:

— Вотъ тамъ, налѣво, дорога въ Тузакъ... Вотъ Ормскій перекрестокъ... Вы слышите рокотъ каскадовъ, г. Фавьеръ?

Когда она умолкала, ночь становилась какъ будто еще чернѣе.

Экипажъ остановился. Жанъ, какъ во снѣ, поднялся на четыре ступеньки, прошелъ черезъ садъ, увидалъ переднюю, вымощенную плитами, лѣстницу съ широкими перилами темнаго дуба. Освободившись отъ плаща, въ который онъ былъ закутанъ, онъ очутился въ теплой, свѣтлой комнатѣ, гдѣ былъ накрытъ столъ для обѣда. Человѣкъ въ бархатномъ костюмѣ, въ короткихъ штанахъ и гетрахъ, какъ охотникъ, жалъ ему руки. Сморщенная старушка въ соломенной шляпѣ на бѣломъ чепцѣ звала Жанту. При входѣ его, изъ комнаты выскользнула молоденькая дѣвушка, худенькая брюнетка... Ослѣпленный, оглушенный, Жанъ Фавьеръ упалъ въ кресло.

— Эй, вы тамъ, замолчите и закройте дверь! — крикнулъ докторъ.

И, повернувшись къ Жану Фавьеру, замѣтилъ:

— Вы утомились?.. Ваша комната готова и ждетъ васъ... Она небольшая, но веселенькая... Вы голодны?

— Нѣтъ, докторъ. Я обѣдалъ въ Бривѣ. Я только усталъ... Но, въ общемъ, я довольно крѣпокъ и превосходно вынесъ дорогу.

— Лучше, чѣмъ я надѣялся,—подтвердилъ Кайроль.

Его грубая и добродушная манера понравилась Жану.

— Славный онъ какой!—успокоенно думалъ молодой человѣкъ.—Простой—не тычетъ въ глаза своимъ авторитетомъ. Звѣздъ съ неба, должно быть, не хватаетъ, но всетаки славный...

— Сегодня я не стану васъ ни распрашивать, ни изслѣдовать... Сегодня я для васъ не докторъ, а хозяинъ... Я увѣренъ, что мы превосходно уживемся...

— И я увѣренъ въ этомъ. Вашъ пріемъ очень трогаетъ меня. Благодарю васъ. Я хотѣлъ поблагодарить вашу дочь, но она велѣла мнѣ молчать, и я замолчалъ... Вы видите, я послушный и не оправдываю своей репутаціи...

— Какой же это?

— Крестный писалъ вамъ, что я невыносимъ... Не отрицайте. Онъ самъ признался.

Кайроль расхохотался.

— Вы—невыносимы? Не вѣрю. Вы слишкомъ интеллигентны, чтобъ не принять разумнаго совѣта...

— Да, если совѣтъ разумный.

— И данъ отъ души... Лапейри, куда же ты запропастился?.. Лапейри... Поди сюда на минутку... Вещи сейчасъ привезутъ—ими займется Дениза... Дениза!—кричалъ онъ, все повышая голосъ,—вели тамъ, въ кухнѣ, подать теплаго молока... Какъ видишь, шуринъ, мы съ твоимъ крестникомъ ужъ познакомились. И даже подружились.

— Тебѣ удалось сразу приручить Жана? Поздравляю.

— Не говорите обо мнѣ дурно!—просилъ молодой человѣкъ.—Я такъ счастливъ, что наконецъ выбрался изъ санаторіи...

— Здѣсь вы будете жить въ семьѣ, мой дорогой. Можетъ быть, и соскучитесь—мы люди отсталые, бѣдные провинціалы... Но зато здѣсь у васъ будетъ покой—полный покой для тѣла и души, чудеснѣйшій воздухъ, красивая мѣстность, не такъ величественная, какъ въ Давосѣ или Лезэнѣ...

— Ты гдѣ его помѣстишь?—перебилъ Лапейри.

— Въ первомъ этажѣ... знаешь, въ средней комнатѣ, которая между моей и Денизиной. Я велѣлъ выкрасить стѣны бѣлой масляной краской. Паркетъ покрыть линолеумомъ. Зана-

вѣси полотняныя, стекла съ дырочками, для вентиляціи... О, у насъ все устроено гигіенично.

— Вы не считаете меня опаснымъ, докторъ?

— Опаснымъ? Въ какомъ смыслѣ?

— Въ смыслѣ заразы...

— Еслибъ считалъ, развѣ я принялъ бы васъ къ себѣ въ домъ? Конечно, нѣкоторыя предосторожности нами приняты; да и васъ въ санаторіи обучили, чему слѣдуетъ...

— Я очень добросовѣстно все выполняю.

— И хорошо дѣлаете. Дѣлайте свое, а мы—свое, и все пойдетъ отлично... Дениза, Дениза, гдѣ же молоко?

— Несу, папа.

Жанъ повернулъ голову. Вошла Дениза, неся на тарелкѣ чашку. Онъ увидалъ ее наконецъ безъ плаща и капюшона, красивую своимъ высокимъ ростомъ и статной, молодой, но уже вполнѣ сложившейся фигурой... Увидалъ ее, всю розовую и золотистую, съ золотистыми искорками въ зрачкахъ и золотистыми отсвѣтами въ волосахъ.—Какъ она похожа на отца!—думалъ Жанъ.—Оба — представители могучей расы, постоянно обновляющейся прикосновеніемъ къ землѣ и народу. Оба ясны и спокойны, какъ бываютъ спокойны только сильные.

Жанъ не былъ голоденъ. Но онъ охотно выпилъ теплое молоко, поданное ему Денизой.

— Идемте, я провожу васъ,—сказалъ Кайроль.

Жанъ склонился передъ Денизой.

— До свиданья, мадемуазель... Не знаю, какъ благодарить васъ... Вы такъ запугали меня давеча на вокзалѣ...

— Я... запугала васъ?

Она улыбнулась, и Жанъ улыбнулся вслѣдъ за нею. Безъ всякаго смущенія она протянула ему руку, сильную и нѣжную, съ мягкой, прохладной кожей,—ту самую, на которую онъ оперся на вокзалѣ.

— Доброй ночи! Не удивляйтесь, если услышите колокольный звонъ: у насъ колокола звонятъ въ девять часовъ и въ полночь.

Кайроль и Жанъ ушли; г. Лапейри остался наединѣ съ своей племянницей.

— Ну что? Какъ ты нашла моего крестника?

— Я едва успѣла разглядѣть его...

— Онъ тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, отчего же... Онъ, кажется, очень милый... Но только онъ, дѣйствительно, очень боленъ. Я не думала, что онъ такъ слабъ.

— Это тебя пугаетъ?

— О, нѣтъ... это огорчаетъ меня... Сколько ему лѣтъ?

— Двадцать три. Онъ былъ офицеромъ, принужденъ былъ выйти въ запасъ до окончанія срока службы, и вотъ уже два года скитается изъ Швейцаріи на Ривьеру и обратно...

— А его мать—развѣ она не любитъ его?

— Недостаточно любитъ... У нея есть другой сынъ, чудесный мальчуганъ, на котораго и изливается вся ея нѣжность... А ея второй мужъ терпѣть не можетъ Жана, и тотъ платитъ ему взаимностью...

Въ это время вернулся докторъ.

— Твой крестникъ уже въ постели, Лапейри. По моему, у него изрядный жаръ.

— Какъ ты думаешь, можетъ онъ поправиться?

— Я еще не изслѣдовалъ его — онъ и такъ усталъ; вотъ завтра посмотримъ... На первый взглядъ—гмъ, хорошаго мало.

— Увѣряю тебя, Кайроль, его дѣло не совсѣмъ еще проиграно. Медленное развитіе болѣзни подаетъ нѣкоторую надежду... Въ прошломъ году врачи совсѣмъ уже отказались отъ него— и вотъ, какъ видишь, онъ живетъ...

— Да, въ развитіи туберкулеза бываютъ такія остановки... какъ бы передышки... Во всякомъ случаѣ, если еще не слишкомъ поздно, здѣсь мы вылечимъ твоего крестника.

— Скажи правду: ты боишься, что уже слишкомъ поздно?

— Возможно...

Франсунетта, все въ своей соломенной шляпкѣ, „пальолѣ", внесла миску съ супомъ.

— Обѣдать-то всетаки надо—сказалъ Кайроль.

Всѣ трое усѣлись за столъ. Альбертъ Лапейри замѣтилъ:

— Я сегодня во второй разъ обѣдаю. Запахъ этого супа неотразимо возбуждаетъ аппетитъ... А вкусно ѣдятъ у насъ въ Лиможѣ!

Его шуринъ распрашивалъ его о дѣлахъ, разсказывалъ исторію съ санаторіей. Лапейри дѣлалъ усилія надъ собой, чтобы не омрачать этого семейнаго обѣда, но его мысли все время возвращались къ Жану.

— А бывшая мадамъ Фавьеръ, прекрасная арлезіанка, твоя бывшая пассія?—спрашивалъ докторъ.—Знаетъ она, какъ опасно состояніе ея сына?

— Нѣтъ... Я говорилъ твоей дочери, когда ты вошелъ. Бывшая мадамъ Фавьеръ, моя бывшая... пассія моложе, чѣмъ когда-либо и по прежнему красавица... Но у нея нѣтъ памяти

сердца... Жанъ очень страдалъ отъ ея равнодушія... очень... Но потомъ привыкъ. Мать немного значитъ въ его жизни.

— Ты усыновилъ его?

— Почти. Я дѣйствительно страстно—и безкорыстно любилъ его мать; но и отца его я глубоко цѣнилъ... Бѣдный Луи Фавьеръ! Сколько деликатности онъ выказалъ во время своей болѣзни! Какое мужество передъ лицомъ смерти!.. Въ немъ было такъ много обаянія, ума, душевной тонкости... Я никогда не забуду его.

— Тебѣ не приходило въ голову жениться на мадамъ Фавьеръ?

— По правдѣ говоря, я былъ не прочь... Она была такая красавица... И мальчугана я любилъ... Но явился милліонеръ.

— И красавица пошла за нимъ?

Лапейри вздохнулъ.

— У Жана не было семьи. Онъ воспитывался въ закрытомъ учебномъ заведеніи, въ лицеѣ; вакаціи проводилъ наполовину у меня—а душа у него нѣжная, чувствительная, страшно нуждающаяся въ привязанности... Я потомъ разскажу тебѣ... Впрочемъ, я могу сказать и при племянницѣ: вѣдь она уже не дѣвочка.

— Не только не дѣвочка, а ужъ старая дѣва!—засмѣялась Дениза.

— Ты клевещешь на себя.

— Дядя Альбертъ, мнѣ двадцать семь лѣтъ.

— Ну, словомъ, я хочу предупредить васъ обоихъ, что у Жана было большое горе, сердечное горе, значительно испортившее ему характеръ. Онъ сошелся съ одной маленькой актрисой — дѣйствительно, прехорошенькой. И она какъ будто была страстно влюблена въ него. Но когда онъ захворалъ и когда выяснилось, что у него чахотка, мадемуазель Жюльетта испугалась заразы и покинула своего возлюбленнаго—какъ она увѣряла, щадя его здоровье, такъ какъ врачи предписали ему полный покой...

— Это не удивляетъ меня—сказалъ Кайроль.—Объ опасности чахотки столько писали въ газетахъ и журналахъ, что сантиментальная легенда о романтичности этого недуга разрушена безповоротно. Блѣдный юноша, воспѣваемый въ элегіяхъ, утратилъ свой ореолъ. Женщины уже не видятъ въ немъ „интереснаго молодаго человѣка“, а просто больного, ничуть не болѣе привлекательнаго, чѣмъ вообще больные, и гораздо болѣе опаснаго...

— О, папа! — съ живостью прервала его Дениза. — Неужели ты одобряешь поведеніе этой... особы!.. Бросить человѣка, котораго любишь, изъ-за боязни заразиться — это такая гнусность...

— Нѣтъ, Низа, это не гнусность. Вѣдь не въ сидѣлки же бралъ къ себѣ г. Фавьеръ эту дѣвицу. Вѣдь онъ не сдѣлалъ ее своей женой, поклявшейся дѣлить съ нимъ и радость, и горе?.. Такъ на что же онъ жалуется?.. Да, я оправдываю поведеніе этой мадемуазель Жюльетты, хотя, признаюсь, и не могу ее уважать.

Г. Лапейри былъ скандализованъ.

— О, Кайроль!..

— Въ чемъ дѣло?.. Тебя шокируетъ, что меня не умиляютъ любовныя огорченія твоего крестника? Но я бы и въ законномъ бракѣ принялъ сторону жены, которая отказывается отъ физическаго общенія съ больнымъ, съ вырождающимся... Пусть она остается съ нимъ, бережетъ его, ходитъ за нимъ... но не допускаетъ близости. Это ея долгъ по отношенію къ самой себѣ — и къ нему. Тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ просто объ увлеченіи, о случайной связи, я понимаю разрывъ—и одобряю его.

— Ты одобряешь эту жестокость, эту подлость?

— Жестокость—почему?.. Развѣ г. Жанъ Фавьеръ продолжалъ бы жить съ чахоточной любовницей? Нѣтъ. Онъ проявилъ бы такую же жестокость и не чувствовалъ бы угрызеній... Подлость?.. Кто же подлѣе изъ двухъ любовниковъ: тотъ, кто бережетъ свое здоровье, или тотъ, кто навязываетъ другому зрѣлище своей болѣзни, усталость, безсонныя ночи, опасность заразы?.. Нѣтъ, Лапейри, ты не переубѣдишь меня... Любовный союзъ двухъ существъ, изъ которыхъ одно здорово, а другое гложетъ внутренній червякъ—такой союзъ отвратителенъ... Когда женщина отдается алкоголику, сифилитику или чахоточному, и при этомъ рискуетъ сдѣлаться матерью, она совершаетъ двойное преступленіе: противъ себя самой и противъ человѣчества вообще... Вотъ грѣхъ, котораго не признаетъ за грѣхъ и не караетъ ни одна религія, но послѣдствія котораго переживаютъ согрѣшившихъ, и который дѣти и внуки искупаютъ до четвертаго колѣна...

Кайроль, весь багровый, стучалъ о столъ кулакомъ.

— И подумать, что есть родители, выдающіе своихъ дочерей за эти „отбросы человѣчества"? И дѣвушки, которыя, изъ состраданія, выходятъ замужъ за больныхъ!

— Скажи лучше: по невѣдѣнію, отецъ. Мнѣ также эти

„отбросы человѣчества“ внушаютъ состраданіе, но изъ одного состраданія я бы не вышла замужъ. Боже избави! Я была бы несчастнѣйшей женщиной въ мірѣ, еслибъ у меня были хилыя или искалѣченныя дѣти... Сколько укоровъ совѣсти для матери— и какая мука!

— Вотъ что говоритъ здравый разумъ!—въ восторгѣ воскликнулъ Кайроль.—Ты слышишь, какъ разсуждаетъ твоя племянница, Лапейри. Мы съ ней обо всемъ судимъ одинаково. Мы не романичны, не утонченны, не извращены...

— Однако, Дениза, ты осуждаешь подругу Жана?

— Признаться, да. Но, разъ они не повѣнчались, значитъ, они не очень любили другъ друга. А тогда...

Наивность этого отвѣта обезоружила г. Лапейри.

— Я думаю,—сказалъ онъ, улыбаясь,—я думаю, что они, дѣйствительно, *не очень* любили другъ друга... Вопросъ исчерпанъ.

Но докторъ продолжалъ свое.

— Знаешь ли ты, Лапейри, почему женщины такъ часто, и притомъ лучшія изъ нихъ, привязываются къ больнымъ, калѣкамъ, физическимъ и нравственнымъ импотентамъ? Почему они предпочитаютъ слабыхъ, которыхъ имъ приходится оберегать, сильнымъ, которые бы ихъ оберегали?

— Изъ врожденнаго инстинкта материнства?.. Изъ утонченной сантиментальности?

— Ничуть не бывало. Потому что онѣ мало образованы и плохо воспитаны, всѣ до одной, и отравлены дурной литературой и нездоровымъ мистицизмомъ; потому что имъ невѣдомы законы половой жизни, и все, что могло бы выправить ихъ нелѣпыя и ложныя понятія о такъ называемой любви... Въ особенности девотки... Да вотъ, недалеко ходить: ты видѣлъ тутъ маленькую брюнетку, худышку, которая накрывала на столъ, когда вы пріѣхали!

— Да, замѣтилъ... Но она тотчасъ же убѣжала.

— Это дочка монадузскаго трактирщика, девятнадцати лѣтъ, невропатка, анемичная и страшно впечатлительная... Она совершенно искалѣчена монастырскимъ воспитаніемъ. Мечтаетъ о „божественныхъ ранахъ“, мысленно продѣлываетъ всѣ этапы крестнаго пути и омываетъ душу въ крови Господа Іисуса... Она ищетъ страданія. Ей доставило бы наслажденіе взять на себя чужое горе... вотъ эта способна выйти за прокаженнаго, чтобы его утѣшить... Если дѣвушка, въ возрастѣ, когда наступаетъ возмужалость, проводитъ часы въ молитвахъ передъ

Распятіемъ, она неизбѣжно утрачиваетъ душевное равновѣсіе и не можетъ представить себѣ любви иначе, какъ въ связи съ мыслями о страданіи и смерти... Такъ и Фортунада Бранду.

— Но вѣдь и Дениза воспитывалась въ монастырѣ. И Дениза была набожна и молилась часами передъ Распятіемъ...

— Дениза могла реагировать... Я перевоспиталъ ее. Я поставилъ ее лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, съ жизнью, съ природой...

— Тѣмъ лучше, если она отъ этого стала счастливѣе... Но, Кайроль, отнимая у женщины инстинктъ милосердія и самоотверженности, не умножаешь ли ты сумму человѣческаго горя? Единственный противовѣсъ безконечному эгоизму мужчины—не знающее границъ милосердіе женщины.

— Я не упраздняю самоотверженія—я только хочу сдѣлать его разумнымъ. Хочу распространить его на потомство, на еще не родившихся. Пожертвовать желаніемъ, сантиментальной мечтой ради красоты расы—это тоже можетъ быть одной изъ формъ женскаго героизма...

— Кайроль, ты видишь въ любви только ребенка.

— Да, только ребенка... Остальное—только росказни—или грязь!—рѣзко сказалъ докторъ.

Г. Лапейри покачалъ головой. Онъ вспомнилъ, что докторъ Кайроль, превосходный мужъ и отецъ, никогда въ жизни не испыталъ страсти. Его ранняя молодость была цѣломудренна, какъ и его старость. Какъ у всѣхъ упорныхъ тружениковъ и истинно религіозныхъ людей, неизрасходованныя силы его организма шли у него на усиленіе мозговой дѣятельности. Онъ говорилъ, и доказывалъ собственнымъ примѣромъ, что здоровый, сильный человѣкъ можетъ старѣться съ достоинствомъ, живя культомъ воспоминанія, если онъ употребляетъ свою энергію на благо людямъ, избѣгая сладострастныхъ возбужденій. Онъ не признавалъ любви безъ обязанностей и безъ правъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, отстаивалъ бракъ, возмущаясь лиризмомъ романтиковъ. Это не мѣшало ему по-своему чувствовать и понимать поэзію любви. Физіологическая функція, презираемая поэтами, казалась ему благородной и прекрасной, какъ всѣ великія силы, какъ вѣчное возрожденіе зари, какъ вѣчная подвижность водъ морскихъ. Расцвѣтъ дѣвственницы, тайна оплодотворенія, полнота прекрасной груди, налитой молокомъ, первый крикъ новорожденнаго и первая улыбка матери—вся драма физической жизни женщины глубоко умиляла Кайроля, волновала его нѣжностью и восторгомъ. Онъ говорилъ о ней со своею

дочерью въ цѣломудреныхъ, но свободныхъ выраженіяхъ, и Дениза, чуждая ложнаго стыда, слушала, нимало не смущаясь.

Лапейри смотрѣлъ на нее. Она оперлась локтемъ на столъ и подбородкомъ на руку и не сводила глазъ съ Кайроля. Весь свѣтъ лампы падалъ на ея золотисто-рыжія косы. Ея полныя алыя губы кротко улыбались; глаза сіяли такой безмятежностью...

— Что она знаетъ о любви, эта дѣвушка? — думалъ Лапейри.—Стремилась ли она когда-нибудь къ ней? Испытала ли ее? Или жалѣетъ, что не испытала?.. Или уже перестала ждать?.. Очевидно, она такая же, какъ и ея отецъ: ни воображенія, ни чувственности... Бѣдная дѣвушка!

IV.

Послѣ обѣда мадемуазель Кайроль объявила, что она намѣрена выйти.

— Такъ поздно?

— Я обѣщала пойти къ полуночной обѣднѣ съ Фортунадой и Жанту; но, по случаю вашего пріѣзда, я провожу ихъ только до гостинницы, чтобы посмотрѣть, какъ тамъ празднуютъ сочельникъ и принести вамъ свѣжихъ *гогъ* [1]).

— Свѣжихъ гогъ? — воскликнулъ Лапейри. — Это мнѣ напоминаетъ дѣтство... Дениза, если я не помѣшаю вамъ, возьми меня съ собой: мы посмотримъ и *веладу* [2]), и побываемъ у ночной обѣдни... Мнѣ это доставило бы огромнѣйшее удовольствіе.

— И мнѣ также, дядя.

— А ты идешь, Кайроль?

— Покорно благодарю! — откликнулся докторъ, курившій свою трубочку, грѣя ноги о дверцы печки. Вчера меня ночью вызвали къ больному — надо же мнѣ хоть сегодня отоспаться. Къ тому же, нашего больного нельзя оставить совсѣмъ одного. А сидѣлка, которую я взялъ изъ тюлльскаго госпиталя, пріѣдетъ только завтра вечеромъ.

— И кромѣ того, ты — откровенный язычникъ: ты не выносишь церквей.

— Я ихъ ни люблю, ни не люблю. Мнѣ просто скучно въ

---

[1]) Кровяныя колбасы, которыя жарятъ къ Рождеству.

[2]) Сочельникъ.

нихъ. Я чувствую себя тамъ не въ своей тарелкѣ... У меня своя церковь—больница.

— А Дениза?

— Дениза вольна идти, куда ей угодно. Проповѣди нашего кюрэ забавляютъ ее; видъ аудиторіи—также. Всетаки для нея это — маленькое развлеченіе, смѣю тебя завѣрить—очень невинное.

— Ты терпимъ.

— Посѣщенія собраній „красныхъ" въ нашемъ маленькомъ городкѣ разсѣяли во мнѣ нѣкоторую склонность къ антиклерикализму... Я выступилъ въ защиту нашего кюрэ отъ нападокъ мѣстнаго листка... За это меня зовутъ іезуитомъ.

— Это оскорбляетъ тебя?

— Ничуть. Мнѣ все равно. Пойми же: можно отречься отъ католической догмы и бороться съ фанатизмомъ клерикаловъ—и, тѣмъ не менѣе, оставить за собой право уважать священника, если онъ честный человѣкъ... Вотъ ты увидишь нашего аббата Барбазана. Чудеснѣйшій малый, добрякъ, галликанецъ и демократъ, самъ того не подозрѣвая, и мужика знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, потому что самъ мужикъ... Бѣднякъ, прямолинеенъ, грубоватъ—настоящій лимузинецъ... Онъ не бываетъ у меня, я не бываю у него, потому что здѣшнія ханжи тотчасъ бы подняли трезвонъ, и это могло бы повредить ему. Но когда мы сталкиваемся съ нимъ у одра больного, мы пожимаемъ другъ другу руку безъ всякаго неудовольствія.

— А что онъ говоритъ о вашей молоденькой невропаткѣ?

— О маленькой Бранду?.. Совѣтуетъ ей выйти замужъ и народить побольше ребятъ.

Дениза застегнула на груди свой плащъ, капюшонъ котораго былъ теперь опущенъ, и надѣла на голову темную маленькую шляпку, на которой переливались всѣми цвѣтами фазаньи перья.

— Спокойной ночи, отецъ!

— Спокойной ночи, моя Низа!

Жанту, мальчишка лѣтъ четырнадцати, красный и немного веснущатый, съ лукавыми мышиными глазками, уже вертѣлся въ саду, раскачивая фонарь. Мадемуазель Кайроль сказала ему:

— Ступай впередъ. Мы знаемъ дорогу.

Но мальчикъ не уходилъ.

— Смотрите, дядя, какой онъ трусъ, этотъ Жанту! Онъ не смѣетъ признаться, что боится пройти одинъ мимо кладбища... Давеча вечеромъ я велѣла ему проводить Фортунаду до почты,

а онъ бросилъ ее на перекресткѣ... А еще учится въ начальной школѣ. И хвастаетъ хорошими отмѣтками... Тебѣ не стыдно, Жанту?

— Нисколько не стыдно: я, правда, боюсь. И Фортунада тоже боится...

— Чего же ты боишься? Развѣ ты видѣлъ когда-нибудь бѣлаго пса или оборотня?

Мальчикъ не отвѣтилъ: о нѣкоторыхъ вещахъ не годится говорить въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ извѣстный часъ...

Дорога вилась по склону горы; тамъ и сямъ фонарь озарялъ то часть рва, то нависшую надъ нимъ глыбу земли, прорытую корнями каштановъ. Г. Лапейри съ восторгомъ вдыхалъ въ себя ароматный воздухъ, котораго мѣстные жители уже не замѣчаютъ и который и онъ завтра же перестанетъ замѣчать.

— Ты любишь этотъ край, Дениза? Тебѣ не скучно здѣсь жить? Ты ни о чемъ не жалѣешь?

— О чемъ же мнѣ жалѣть?

— Ну, что здѣсь нѣтъ общества, развлеченій, свойственныхъ твоему возрасту, подругъ... мало ли о чемъ?

— Я вѣдь не свѣтская, дядя... я не привыкла къ обществу. Г-жа де Сенъ-Дюминъ иногда приглашаетъ меня къ себѣ, когда къ ней пріѣзжаютъ гости изъ Тюлля. Я хожу, чтобъ не обидѣть ее, но мнѣ пріятнѣе сидѣть дома.

— Почему? Развѣ дамы изъ Тюлля не любезны съ тобой?

— Нѣтъ, этого нельзя сказать... но онѣ всѣ знакомы между собой, и болтаютъ между собой о своихъ дѣлахъ, нисколько для меня неинтересныхъ...

— И молодежь бываетъ тамъ?

— Да.

— Ну и что же... Ухаживаютъ за тобой?

— За мною, дядя?.. Что за идея!

— Это было бы вполнѣ естественно.

— Я очень замкнута, мало говорю и, должно быть, кажусь имъ глупой. Къ тому же... всѣ знаютъ, что я—бесприданница... и не хочу выходить замужъ.

— Не *хочешь?..*

— Я для этого слишкомъ стара.

— Что за вздоръ! Ты молода и красива... Честное слово, я не думалъ, что ты такая красивая.

— Не смѣйтесь надо мной!

— Послушай, старому дядѣ можно сказать всю правду. Ты, въ самомъ дѣлѣ, не *хочешь* идти замужъ?

— Видите, дядя, когда я была моложе, я была такая же, какъ всѣ дѣвушки въ двадцать лѣтъ: я мечтала... о комъ, сама не знаю... Но этотъ невѣдомый не явился. А я успѣла состариться. И перестала ждать... И мало-по-малу забыла думать о замужествѣ. И построила свое счастье изъ того, что мнѣ давала жизнь.

— Развѣ это счастье?

— Увѣряю васъ, да... Единственное, о чемъ я иногда жалѣю...

— Ну, говори же.

— Мнѣ бы очень хотѣлось имѣть ребенка.

— Она не изъ тѣхъ женщинъ, которыя живутъ любовью — подумалъ г. Лапейри. — Въ ней преобладаетъ материнскій инстинктъ.

Не рискуя настаивать, онъ заговорилъ о своемъ крестникѣ.

— Поручаю его твоей добротѣ, Дениза. То, что я разсказывалъ тебѣ о его романѣ,—для тебя и твоего отца онъ, пожалуй, не совсѣмъ понятенъ,—не должно ему вредить въ твоихъ глазахъ... Мой бѣдный Жанъ не развратникъ... У него сердце жаждетъ привязанности. А такъ какъ онъ былъ хорошъ собой и страшно милъ, женщины... Ну, словомъ, женщины не бѣгали отъ него... А болѣзнь сдѣлала его чѣмъ-то въ родѣ паріи. Онъ страдаетъ физически и еще гораздо больше морально: уязвлена его мужская гордость... Главное, не подавай вида, что ты жалѣешь его: онъ страшно обижается, когда его жалѣютъ — для него это унизительно.

— Я уже замѣтила это.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, на вокзалѣ. Онъ ни за что не хотѣлъ опереться на мою руку, чтобы выйти изъ вагона. Но вѣдь это ребячество...

— Въ Жанѣ еще много дѣтскаго. У него фантазія преобладаетъ надъ чувствительностью, а чувствительность—надъ разсудкомъ... Онъ—эгоистъ и нѣженка, энтузіастъ и несправедливъ и, главное, страшно неустойчивъ: у него то и дѣло мѣняется настроеніе. Это будетъ изряднымъ испытаніемъ для вашего терпѣнія...

— Мнѣ терпѣнія не занимать - стать, дядя. Г-ну Фавьеру не плохо будетъ житься у насъ.

Они уже подходили къ деревнѣ.

— Я узнаю перекрестокъ — сказалъ Лапейри.—Кладбище направо отъ него, а налѣво — часовня, куда приносятъ умершихъ отъ несчастныхъ случаевъ, прежде чѣмъ нести ихъ домой...

На поворотѣ—старый вязъ... А ниже—почта; повыше, возлѣ станціи—училище... Ты видишь, я все помню...

— Вы любите нашъ Лимузенъ?

— Какъ старую няньку, умѣющую разсказывать сказки... Это—прелестный и меланхолическій край: та же Бретань, только менѣе знаменитая и менѣе опошленная. Я люблю его верески, его утесы, его прозрачныя воды, его музыкальное нарѣчіе, его бѣдность... Дениза, существуютъ ли еще колдуны въ Монадузѣ? Чтятъ ли по прежнему священные источники? Водятъ ли къ св. Клакеттѣ на исцѣленіе заикъ и нѣмыхъ? Наводятъ ли порчу при помощи зеркала и ведра? Продолжаютъ ли „отковывать" тѣхъ, у кого болитъ печень? А летучая охота и оборотни—еще не перевелись въ этой провинціи, съ тѣхъ поръ, какъ она пошла по пути прогресса? Ставятъ ли, какъ прежде, на обсѣмененномъ полѣ крестъ и четыре снопа соломы, въ честь Христа и четырехъ евангелистовъ?.. Я не могу утѣшиться, Дениза, какъ подумаю, что здѣшній муниципалитетъ упразднилъ процессію Лунады и что послѣдніе наши волки перебиты.

Дениза смѣялась.

— Утѣшьтесь, дядя Альбертъ. Наши коррезцы менѣе цивилизованы, чѣмъ кажутся... Они скрываютъ свои суевѣрія, но не отрекаются отъ нихъ... Колдунъ почти открыто конкурируетъ съ моимъ отцомъ... А что касается волковъ, они еще встрѣчаются—неподалеку... Даже разбойники не перевелись: у насъ имѣется одинъ—извѣстнѣйшій по всей округѣ браконьеръ, Вейдреннъ... Онъ терроризируетъ весь округъ и собираетъ дань натурой: тамъ окорокъ свинины, тамъ мѣшокъ картофеля... Трактирщикъ не смѣетъ отказать ему въ табакѣ и порохѣ, за которые онъ никогда не платитъ... Лѣсники его боятся, и что бы онъ ни дѣлалъ, ни одинъ крестьянинъ не посмѣетъ донести на него...

— Ахъ! Какъ ты меня порадовала!—вскричалъ г. Лапейри.—Такъ онъ, значитъ, еще не окончательно испорченъ, мой старый Лимузенъ!

Дениза перебила его:

— Смотрите, смотрите—фонари... Нынче будетъ много народу у ночной обѣдни.

По тропинкамъ, по склонамъ невидимыхъ горъ блуждали огоньки: показывались, исчезали, вытягивались вереницей. Внезапно ударили въ колоколъ, потомъ—въ другой, въ третій... всѣ звонили врозь, каждый отдѣльно, чередуясь, словно боясь объединиться... Но порой всѣ звуки сливались въ хаосъ неравно-

мѣрныхъ вибрацій, и тогда поднимался такой трезвонъ, что бронзовые языки, казалось, лили не только звуки, но и свѣтъ, наполняя блескомъ и шумомъ эту звонкую ночь...

Такъ каждый вечеръ въ декабрѣ звонили во всѣхъ церквахъ Лимузена, и отъ овернскихъ вулкановъ до перигурдинскихъ каштановыхъ рощъ, отъ вересковыхъ полей Крезы до каменистыхъ пустынь Лота, вся ночь гудѣла колокольнымъ звономъ. Но сегодня, въ сочельникъ, въ рождественскую ночь, благовѣстители съ металлическими языками громче обыкновеннаго возвѣщали міру о неувядаемой христіанской надеждѣ. Они сулили миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе этимъ пастухамъ и земледѣльцамъ, спѣшившимъ на зовъ колоколовъ въ своихъ кожаныхъ плащахъ, шапкахъ на заячьемъ мѣху, тяжелыхъ деревянныхъ сабо, съ окованными желѣзомъ дубинками; и впереди ихъ колебались движущіеся огоньки ихъ фонарей. Колокольный звонъ будилъ и молодую мать, съ младенцемъ въ альковѣ за пестрыми занавѣсками, и еле живую старуху-бабушку у камелька, и въ тепломъ хлѣву, у яслей, братски дѣлящихъ ложе осла и быка. И такъ громка, такъ величава была эта пѣснь надежды, что отъ нея дрожало и пустое небо, и земля, гдѣ покоились мертвые.

Дениза толкнула рукою дверь гостинницы. Дверь отворилась.

Въ первый моментъ г. Лапейри увидалъ только комнату, биткомъ набитую людьми, которые стояли, тѣсно прижавшись другъ къ дружкѣ, пассивные, какъ бараны, покорно выслушивая окрики тетушки Бранду, которая, безцеремонно расталкивая ихъ, бросилась на встрѣчу вошедшимъ.

— Батюшки! Мадемуазель Кайроль... И баринъ изъ Парижа... Boun Diou! Да шевелись же, Марселлена! Давай сюда стулья...

Маленькая брюнетка, живая, подвижная, съ плоскимъ лицомъ, шиньономъ изъ тоненькихъ косичекъ, прикрытымъ черной сѣткой, съ руками полными тарелокъ, суетилась повсюду, и ея неумолкавшій ни на минуту язычокъ трещалъ безъ устали, мѣшая французскій языкъ съ мѣстнымъ нарѣчіемъ, отвѣчая то одному, то другому, подбадривая окриками усталую дочь и горластаго мальчугана.

— Столько народу набралось, милая барышня! Прямо съ ума сойти. Да еще въ сочельникъ... А мы нынче утромъ закололи кабана. Хотите свѣжихъ *гогъ?*.. Всего два фунта? Не больше?.. Фортунада, отвѣсь два фунта гогъ мадемуазель Денизѣ... Вы зайдете за ними послѣ обѣдни... Чего они орутъ тамъ,

наверху?.. Фортунада, снеси имъ вина... Нѣтъ, я лучше сама пойду... Посмотри за печкой.

Кухня трактира Бранду, пропитанная табачнымъ дымомъ, парами теплаго вина и дымомъ отъ печки, гдѣ жарились кровяныя колбасы, напоминала гравюры Рембрандта, гдѣ господствуетъ черный цвѣтъ со всѣми его переходами и оттѣнками. Въ глубинѣ смутно рисовался очеркъ витой лѣстницы съ широкими перилами. Лампа, укрѣпленная подъ самымъ потолкомъ, едва мерцала между балками, съ которыхъ свѣшивались пучки лоснящихся колбасъ, окорока ветчины и вѣнки красноватаго луку, образуя вокругъ себя мутно-желтое свѣтовое кольцо. Старуха, присѣвъ на корточки, поправляла сучья, цѣлой горой наваленные въ печи. Грязныя стѣны, на которыхъ портреты русскихъ царя и царицы висѣли напротивъ портрета Лубэ, поставецъ для посуды изъ темнаго бука, столъ, уставленный бутылками, черныя платья женщинъ—все это оживало въ красноватыхъ отсвѣтахъ огня. Порою изъ печки вырывался длинный яркій языкъ, лизалъ бока сковородки, озарялъ болѣе яркимъ свѣтомъ внутренность трубы, покрытую налетомъ бархатистой сажи, полузакрытую пасть духовки, крюкъ, на которомъ висѣлъ котелокъ, и таганъ съ грѣвшимися на немъ кастрюлями. Внезапный свѣтъ ударялъ въ лица старикамъ, озаряя ихъ сверху донизу, подчеркивая всѣ черты и превращая въ страшныя каррикатуры эти старческія лица, костлявыя, съ волосатыми ноздрями, бритыми подбородками и косматыми бородами.

Наверху гуляли парни, пили, кричали, пробовали пѣть, но безъ музыки не выходило. Внизу были только люди солидные, собравшіеся чтобъ дождаться обѣдни, а не за тѣмъ, чтобъ ѣсть и пить. Ежеминутно дверь отворялась и входилъ новый гость—старикъ или женщина, привѣтствуя хозяйку неизмѣннымъ: „*Э, адузіасъ*, тетушка Бранду!“ — растягивая каждый слогъ. Затѣмъ, вошедшій или вошедшая ставили свой фонарь подъ лѣстницу и становились въ рядъ съ другими, свѣсивъ руки, молча.

У нѣкоторыхъ изъ этихъ лимузинцевъ, маленькихъ и тщедушныхъ, лица были вытянутыя, пассивныя, съ выраженіемъ животной покорности, какое мы видимъ у крестьянъ XVII вѣка на картинахъ братьевъ Ле-Нэнъ. У другихъ была желтая кожа, приплюснутый носъ и выдающіяся скулы монгольскаго типа. На старухахъ, изсохшихъ, морщинистыхъ, были бумажные платки подъ кожанами и *пальоли* съ бархатными лентами поверхъ чепцовъ. Но на молодыхъ, одѣтыхъ по городской модѣ, были только чепчики со множествомъ кружевныхъ оборочекъ и кисейными

завязками, заканчивавшимися красивымъ бантомъ на корсажѣ. Онѣ напоминали старинныхъ куколъ — картонныхъ, съ двумя красными кружками, нарисованными на щекахъ, и двумя черными бандо, нарисованными на вискахъ.

Дениза въ полголоса называла имена завсегдатаевъ трактира.

— Вотъ этотъ, рыжій, съ просѣдью, съ круглыми, выпученными глазами—Шабрилья, *пельяро*, торговецъ тряпьемъ, извѣстный пьяница и еще болѣе извѣстный, какъ разсказчикъ всякаго рода басенъ... Сколько бочекъ вина онъ вылилъ уже себѣ въ глотку!.. Маленькій старичокъ въ бархатной ермолкѣ— Бюнейль, бывшій сельскій учитель, нынѣ сельскій адвокатъ, малый, что называется, на всѣ руки: онъ поетъ на клиросѣ, колетъ свиней, беретъ на себя хлопоты по заключенію брачныхъ контрактовъ и веденію судебныхъ дѣлъ и на большихъ листахъ бумаги стариннымъ, закругленнымъ почеркомъ пишетъ петиціи на имя „правительства"... А вонъ тамъ, въ углу, въ лохмотьяхъ, тощій, съ мертвыми глазами подъ покраснѣвшими вѣками, съ откинутой назадъ головой и огромнымъ ртомъ, въ идіотской усмѣшкѣ обнажившимъ желтые, торчащіе впередъ зубы — это Фошъ, слѣпой, что проситъ милостыни у Каскадовъ... А вотъ эта старуха, даже сегодня, въ сочельникъ, не выпускающая изъ рукъ прялки, на которой намотана темная шерсть, эта старая вѣдьма, съ большимъ крючковатымъ носомъ и шамкающимъ ртомъ, въ которомъ осталось всего два зуба (одинъ на верхней челюсти, другой—на нижней)—это соперница Шабрилья, Ліонардуна, мастерица разсказывать мѣстныя сказки и легенды...

Но больше всѣхъ привлекала вниманіе Лапейри Фортунада Бранду. Тоненькая и хрупкая, въ своемъ праздничномъ платьѣ съ бѣлымъ воротничкомъ, она неслышно скользила по кухнѣ, пробираясь между посѣтителями, ни съ кѣмъ не разговаривая и, казалось, никого не видя. Тетушка Бранду поминутно окликала ее, и она каждый разъ вздрагивала, какъ бы просыпаясь, и выполняла приказъ: спускалась въ погребъ, доставала бутылки, несла ихъ наверхъ, гдѣ требовали вина оглушительными криками и топотомъ ногъ... Равнодушная и къ грубымъ любезностямъ парней въ пальто и крахмаленныхъ сорочкахъ съ цвѣтными галстухами, и къ воркотнѣ старика Бюнейля, она все время хранила на лицѣ своемъ задумчивую улыбку, немного грустную, страдальческую...

— Затворите двери... Мѣста больше нѣтъ... Господи, Батюшка! Да это прямо задохнешься...—завопила хозяйка, увидавъ на порогѣ новаго гостя.

И тотчасъ же осѣклась... Сморщилась, словно проглотила что-то горькое, и, понизивъ голосъ, плохо скрывая свое неудовольствіе, спросила:

— Вамъ что-нибудь нужно, Вейдреннъ?

Тотъ, къ кому она обращалась, отвѣтилъ:

— Стаканъ вина и немного тепла отъ вашего очага, какъ и другимъ — ничего больше!

Онъ не приподнялъ шляпы, старой фетровой, когда-то бархатистой, опущенныя поля которой бросали жесткую тѣнь на верхнюю половину его лица. Лапейри, съ любопытствомъ смотрѣвшій на него, видѣлъ только черную бородку, коротко подстриженную, и угрюмый ротъ, съ полными, плотно сжатыми губами. Костюмъ его состоялъ изъ панталонъ зеленоватаго бархата и чего-то въ родѣ пиджака изъ домотканой шерсти. Красный отсвѣтъ огня, неожиданно разгорѣвшагося въ печкѣ, упалъ на его лицо, и на мигъ Лапейри ясно увидѣлъ это блѣдное лицо южанина, съ черными, какъ уголь, бровями, прямымъ носомъ, карими тревожными глазами, все время безпокойно бѣгавшими, какъ глаза собаки браконьера. Выраженіе этого лица было недовѣрчивое и печальное. Говорилъ онъ короткими, отрывистыми фразами, видимо съ трудомъ составляемыми, какъ свойственно людямъ, живущимъ въ лѣсу, привыкшимъ къ одиночеству и безмолвію.

Лапейри ждалъ болѣе интереснаго разбойника. Онъ удивлялся, что Вейдреннъ не смотритъ вызывающе и гордо на этихъ крестьянъ, которыхъ онъ, по-своему, обложилъ данью, которые всѣ боялись и ненавидѣли его. Но мужикъ въ одиночку труслйвъ только изъ слабости; въ массѣ же, какъ теперь, даже женщины осмѣливались выказывать разбойнику безмолвное, насмѣшливое презрѣніе. Старики, засѣвшіе въ *канту*, у печки, совершенно игнорировали непрошеннаго гостя. А онъ стоялъ, широко разставивъ свои могучія ноги, заложивъ руки въ карманы, надвинувъ шляпу на носъ и глядя въ огонь. Быть можетъ, онъ и не злобствовалъ ни на кого, зная, что ему ничто не угрожаетъ, а къ общему презрѣнію былъ нечувствителенъ, съ тайной гордостью первобытнаго человѣка, сознающаго, что физической силой никто не можетъ съ нимъ сравняться.

Пьяница Шабрилья началъ заигрывать съ гостемъ.

— Эй, забавникъ! Что даромъ стоишь? Угостилъ бы стаканчикомъ.

Кое-гдѣ послышался смѣхъ, такъ какъ Вейдреннъ не имѣлъ обыкновенія платить за взятое. Разсвирѣпѣвшая тетушка Бранду

своимъ острымъ локтемъ толкнула въ спину *пельяро*, но Вейдреннъ проворчалъ:

— Почему же и не угостить, коли есть охота!

— Фортунада!—крикнулъ сказочникъ.—Ты слышала?.. Давай сюда бутылку вина! Вейдреннъ угощаетъ... Онъ и платитъ. А коли не заплатитъ, тетушка Бранду повѣритъ ему въ долгъ. Не то, что мнѣ, убогому—ни на копейку не вѣритъ. „Жажда мучитъ? Что подѣлаешь? Мы продаемъ только на наличныя".

— Ты ужъ и такъ нализался! — сердито ворчала хозяйка, подталкивая пьяницу къ двери. — Проваливай, проваливай по добру, по здорову!

Но Вейдреннъ пожалъ плечами и, не говоря ни слова, конфузливо, почти стыдливо вытащилъ изъ-за пазухи монету и протянулъ ее хозяйкѣ... „Деньги? настоящія деньги, серебряныя?.. да! Онъ платитъ! Въ первый разъ Вейдреннъ беретъ товаръ за деньги"... Тетушка Бранду опомниться не могла.

— Ну... чего же вы?—сердито буркнулъ Вейдреннъ.—Денегъ, что-ли, никогда не видали?

— Вашихъ-то, признаться, не видала.

— Не хотите, не берите.

— Вы и за Шабрилья заплатите?

Бандитъ кивнулъ головой, и тетка Бранду неестественно-высокимъ голосомъ крикнула на Фортунаду:

— Живѣй, лѣнтяйка!.. Вина... стаканы!..

А мысленно подсчитывала, сколько всего „за все время" ей задолжалъ Вейдреннъ. Разъ ужъ началъ платить, пусть платитъ за все, а не то... И, освободившись отъ суевѣрнаго страха передъ этимъ страннымъ посѣтителемъ, она измышляла разнообразнѣйшіе способы использовать его запоздалый приливъ добросовѣстности.

— Ишь ты, св...!—думала она.—Разбогатѣлъ, должно быть... Почемъ знать... Можетъ быть, укокошилъ кого-нибудь.

Ей вспомнилось, что преступники иной разъ выдаютъ себя необычной щедростью.

Тѣмъ временемъ Шабрилья, поднявъ свой стаканъ, налитый до краевъ краснымъ виномъ, любовно разглядывалъ его.

— Люблю я винцо — это правда, что люблю... А вотъ оно меня не любитъ—на земь валитъ... Но я ему все прощаю. Не говорите мнѣ объ этой гадости—о вермутѣ и абсентѣ, которые нынче вошли въ моду. Это свинство, и ничего больше. Вино—другое дѣло. Вино, друзья мои, стоитъ на первомъ мѣстѣ среди благъ этого міра; вотъ вамъ лучшее доказательство—безъ вина не обходятся и на алтарѣ: нѣтъ вина—и обѣдни нельзя служить, потому что причастіе можно сдѣлать только наполовину...

— Оттого-то попы и любятъ винцо!—съострилъ кто-то.

Эта шутка всѣхъ развеселила и развязала языки... Старикъ, уже начавшій-было всхрапывать, проснулся и началъ кричать, что у поповъ губа не дура, что они ни въ чемъ себѣ не отказываютъ и какъ сыръ въ маслѣ катаются...—Они не боятся ни боченка, ни бабы... Эге! Вонъ у кюрэ Л... ребятишки десятками по улицамъ бѣгаютъ и похожи на него, какъ двѣ капли воды...—Шабрилья разсказалъ какую-то грязную исторію о романахъ священниковъ съ знатными дамами, и всѣ были въ восторгѣ... Пельяро, гордясь своимъ успѣхомъ, повернулся къ парижскому барину, какъ бы призывая его въ свидѣтели... Дениза дѣлала видъ, что не слышитъ... Но другія женщины, даже тѣ, что собирались причащаться въ полночь, слушали всѣ, однѣ съ удовольствіемъ, другія равнодушно.

Таковы мѣстныя традиціи... Лимузинскій крестьянинъ, болѣе суевѣрный, чѣмъ религіозный, болѣе преданный обычаямъ, чѣмъ идеямъ или вѣрованіямъ, въ темныхъ глубинахъ своего ума хранитъ недовѣріе къ священнику, застарѣлую обиду за десятину, взимавшуюся въ пользу церкви, и страхъ контръ-революціи. Кюрэ—не то чтобы кюрэ его деревни: этого онъ нерѣдко цѣнитъ и уважаетъ—а кюрэ вообще, такъ сказать, типическій и символическій священникъ, остается въ его глазахъ такимъ же, какимъ его привыкли видѣть предки крестьянина въ средневѣковье — пьяницей, обжорой, сладострастникомъ, а главное, тунеядцемъ. Нѣтъ хорошаго сочельника—вельяды—безъ анекдотовъ и сатирическихъ пѣсенъ, гдѣ кюрэ играетъ, въ сущности, скорѣй смѣшную, чѣмъ дѣйствительно гнусную роль. Но это ничего не значитъ... Дѣти, тѣмъ не менѣе, идутъ учиться катехизису, а женщины—въ исповѣдальню.

Одна только малютка Фортунада обнаруживала видимое нетерпѣніе. Стоя на колѣняхъ передъ печкой, вся на яркомъ красномъ свѣту, она жарила *гоги*, такія черныя, что онѣ казались лакированными. Ея головка, съ гладко зачесанными волосами, раздѣленными тоненькимъ проборомъ, почти касалась локтя Вейдренна. И предводитель монадузскихъ браконьеровъ, погруженный въ задумчивость, въ которой, быть можетъ, смутно вырабатывались новыя и трудныя для него чувства, слегка отодвинулся, избѣгая соприкосновенія съ молодой дѣвушкой.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Перев. съ франц. З. Журавская.

К. Д. КАВЕЛИНЪ

По поводу 25-ти-лѣтія его смерти [1]).

3-го мая 1885 г. умеръ К. Д. Кавелинъ. 7-го мая, при дождливой и сумрачной погодѣ, его останки преданы землѣ на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою Тургенева, въ присутствіи многочисленной публики. По словамъ А. Ѳ. Кони, „на краю могилы Кавелина сошлись представители разнообразныхъ слоевъ общества, люди разныхъ положеній и, что главное, разныхъ, раздѣленныхъ десятками лѣтъ поколѣній. И старый, близкій въ свою очередь къ концу „человѣкъ сороковыхъ годовъ", и бывшій петербургскій студентъ начала „60-хъ годовъ", и мировой посредникъ „перваго призыва", и военный юристъ „80-хъ годовъ", и писатель, и ученый, и художникъ, и бѣднякъ изъ Андреевскаго прихода пришли внушительною процессіею, пестрою по составнымъ частямъ, единою по чувству толпою, проводить его прахъ... Каждый изъ нихъ, независимо отъ сознанія общей утраты, могъ, по-своему, лично скорбѣть о Кавелинѣ и вспоминать о немъ какъ объ учителѣ, совѣтникѣ, другѣ, помощникѣ"...

Глядя на эту разнообразную толпу, пришедшую въ послѣдній разъ поклониться праху дорогого покойника, можно было подумать, что хоронятъ виднаго, занимавшаго въ обществѣ центральное положеніе человѣка, пользовавшагося не только при

---

[1]) Настоящая статья служила содержаніемъ рѣчи, произнесенной авторомъ 3 мая въ Александровской военно-юридической академіи.

похоронахъ, но и при жизни большимъ почетомъ. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается нѣчто совсѣмъ другое.

Благодаря опубликованной перепискѣ Кавелина, мы можемъ составить себѣ явственное понятіе о томъ, что испытывалъ этотъ человѣкъ въ послѣдніе годы жизни, и отсюда заключить о свойствѣ сложившихся къ нему внѣшнихъ отношеній. Оказывается, что онъ чувствовалъ себя изолированнымъ, заброшеннымъ и лишнимъ человѣкомъ. „Жизнь—писалъ онъ Д. А. Милютину (1 окт. 82 г. [1])—принесла мнѣ столько неудачъ, незаслуженныхъ оскорбленій и униженій... что я съ этой стороны одеревенѣлъ и закалился“... „Горестная обстановка моего существованія доставила мнѣ завидную возможность и способность сдѣлаться спокойнымъ и безстрастнымъ зрителемъ того, что вокругъ меня совершается. Съ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ я ничѣмъ не связанъ“... „Какъ-то и охоты нѣтъ выходить изъ своей берлоги“. „Остаешься между живыми какою-то ископаемостью“... Мечта Кавелина—„вырваться изъ Петербурга и утонуть въ своемъ медвѣжьемъ углу, пока живъ“.

Какъ объяснить это явленіе? Какъ могло случиться, что человѣкъ, вынесшій на плечахъ своихъ крестьянскую реформу, чувствовавшій въ себѣ біеніе пульса нашей общественной и государственной жизни, стоявшій на высотѣ научнаго и философскаго развитія своего времени—какъ могло случиться, что такой человѣкъ признавалъ себя въ положеніи „ископаемаго“ и не находилъ себѣ мѣста среди общества, которому отдалъ свои силы?

На этотъ вопросъ возможны только два отвѣта. Нужно признать: *или* что Кавелинъ пережилъ самъ себя и сдѣлался лишнимъ человѣкомъ—*или* что родина обнаружила по отношенію къ нему черную неблагодарность и не оцѣнила по справедливости человѣка, которымъ должна была бы гордиться.

Первое предположеніе не пріемлемо. Старость Кавелина—онъ умеръ 66 лѣтъ отъ роду—не имѣла рокового значенія для его душевныхъ силъ. Также какъ и въ московскомъ университетѣ, когда ему, какъ профессору, занимавшему каѳедру исторіи государственнаго права, было всего 26—27 лѣтъ, онъ и на каѳедрѣ гражданскаго права въ военно-юридической академіи въ послѣдніе годы своей жизни, по удостовѣренію его слушателей, овладѣвалъ сердцами и производилъ громадное впечатлѣніе. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ издалъ свою книгу: „Задачи

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1909 г., № 1.

этики", свидѣтельствующую о силѣ его ума, и въ ту же пору обдумывалъ новый трудъ, который предполагалъ точно также посвятить молодежи. Такое душевное состояніе Кавелина даетъ основаніе къ заключенію, что еслибы Сенека или Шопенгауэръ, писавъ свои трактаты, восхвалявшіе старость, знали Кавелина, то воспользовались бы имъ для того, чтобы иллюстрировать свои соображенія о почтенности и достоинствѣ этого возраста. Да и самъ Кавелинъ вовсе не ощущалъ въ себѣ признаковъ старческаго разложенія. Онъ благодушно относился къ этому періоду жизни и, какъ бы вторя Шопенгауэру, говорилъ: „старость— радость человѣка, который избавился отъ долго носимыхъ оковъ и наконецъ можетъ двигаться свободно".

Поэтому приходится остановиться на второмъ предположеніи и признать, что въ отношеніи Кавелина обнаружилось то же свойство нашего общества, которое не разъ уже проявлялось въ его исторіи. Мы далеко не всегда справедливы къ выдающимся людямъ, появляющимся среди насъ. Нашъ глазъ какъ-то такъ устроенъ, что мы не всегда въ состояніи распознать настоящую величину духовнаго облика нашихъ замѣчательныхъ людей и только тогда, когда прекратится ихъ земная жизнь и ихъ бренная оболочка разрушится, мы замѣчаемъ, что среди насъ жилъ человѣкъ, которымъ мы должны гордиться.

Если мы ненадлежащимъ образомъ оцѣнили Кавелина при жизни, то мы должны хотя бы теперь воздать ему должное и возсоздать въ своемъ представленіи его дивный духовный обликъ. У военно-юридической академіи, къ тому же, съ нимъ имѣются особые счеты. Съ 1878-го года по день смерти своей занималъ онъ въ ней каѳедру гражданскаго права. Всѣ слушатели его свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ покорилъ ихъ сердце и умъ и имѣлъ руководящее значеніе для всей ихъ жизни. Трогательны были отношенія Кавелина къ этой академіи. Пишущему настоящія строки приходилось встрѣчаться съ покойнымъ въ домѣ также виднаго дѣятеля эпохи преобразованій, сенатора Виктора Арцимовича, и живо вспоминаются тѣ восторженные отзывы, которые Кавелинъ высказывалъ объ академіи и обучающейся въ ней офицерской молодежи. Такіе же отзывы встрѣчаемъ мы въ письмахъ его къ профессору Лузанову и бывшему военному министру Милютину. Послѣднему онъ писалъ: „Вы создали мнѣ въ военно-юридической академіи нѣсколько весьма счастливыхъ лѣтъ въ моей жизни... новая военная молодежь превыше всякихъ похвалъ, и этимъ вы можете гордиться; это ваше зданіе".

Для всесторонней оцѣнки личности Кавелина необходимо

было бы разсмотрѣть ее въ связи съ тѣми теченіями философской и научной мысли, которыя господствовали въ его время, и съ тѣми отношеніями дружбы и вражды, которыя установились у него съ людьми и литературными кружками. Мы ограничимся болѣе скромнымъ пріемомъ и, руководствуясь излюбленнымъ методомъ Тэна— по трудамъ автора заключать о его личности,—въ трудахъ Кавелина постараемся найти матеріалъ для характеристики тѣхъ геологическихъ формацій, изъ которыхъ сложилась его личность.

Но раньше необходимо отмѣтить важнѣйшіе моменты внѣшней жизни Кавелина, въ общемъ несложной и слишкомъ скромной для такой личности, какою онъ былъ.

Родился Кавелинъ въ 1818 г. Въ 1839 г. окончилъ курсъ московскаго университета съ золотой медалью; въ 1845 г. (значитъ, 26-ти лѣтъ отъ роду) онъ занимаетъ въ качествѣ адъюнкта каѳедру исторіи государственнаго права; въ 1848 г., покинувъ Москву, переселяется въ Петербургъ и въ 1857 г. дѣлается профессоромъ петербургскаго университета по каѳедрѣ гражданскаго права (временно читалъ философію права), которую затѣмъ, во время студенческихъ безпорядковъ, оставляетъ въ 1861 г.; въ 1877 г. становится профессоромъ военно-юридической академіи по каѳедрѣ гражданскаго права. Къ изложенному надо прибавить, что онъ короткое время читалъ лекціи наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу и недолго состоялъ президентомъ вольнаго экономическаго общества. Формулярный списокъ о службѣ Кавелина свидѣтельствуетъ также, что онъ занималъ второстепенные посты въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ министерствѣ военномъ (по военно-учебнымъ заведеніямъ), въ канцеляріи комитета министровъ и въ министерствѣ финансовъ (по департаменту неокладныхъ сборовъ). Такимъ образомъ, не въ условіяхъ государственной служебной дѣятельности опредѣлилось значеніе личности Кавелина. Историческое значеніе онъ пріобрѣлъ въ качествѣ участника крестьянской реформы, а также какъ ученый—историкъ, философъ, юристъ— и какъ публицистъ, вызванный обстоятельствами времени на широкую литературную работу. Московское юридическое общество, по поводу его смерти, въ общемъ собраніи своемъ вполнѣ вѣрно опредѣлило, что въ лицѣ Кавелина оно „чтитъ знаменитаго ученаго, въ теченіе четырехъ десятилѣтій неустанно и плодотворно работавшаго на пользу права, исторіи и философіи, высокоталантливаго публициста, всегда понимавшаго жизненныя потребности русскаго общества, и человѣка, донесшаго до насъ во всей чистотѣ лучшія преданіи сороковыхъ годовъ“.

Для насъ, перешедшихъ въ XX-ое столѣтіе, вопросъ о значеніи Кавелина ставится нѣсколько иначе, чѣмъ ставился предъ московскимъ юридическимъ обществомъ. Намъ важно не только то, что̀ сдѣлалъ Кавелинъ въ теченіе своей жизни, но также и то, какое значеніе сдѣланное имъ имѣетъ для нашего времени, насколько поблекъ его обликъ и насколько вдохновлявшія его мысли имѣютъ не только историческое, но и реальное, руководящее для насъ значеніе.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо возсоздать основныя черты его личности, отразившіяся въ его трудахъ, а также сопоставить достигнутые имъ результаты съ настоящимъ положеніемъ нашихъ потребностей, стремленій и знаній.

По натурѣ своей Кавелинъ былъ прежде всего русскимъ человѣкомъ. Спасовичъ даетъ болѣе конкретное опредѣленіе его національныхъ свойствъ, говоря, съ полнымъ основаніемъ, что онъ былъ великороссъ, обладавшій природою, приспособленною къ служенію реальнымъ нуждамъ дѣйствительности. Но этотъ реализмъ не уничтожалъ въ немъ идеалистическихъ стремленій, присущихъ людямъ сороковыхъ годовъ — этимъ прирожденнымъ идеалистамъ, у которыхъ сѣдой волосъ не разрушалъ юнаго сердца. Синтетическій умъ Кавелина никогда не останавливался предъ противорѣчіями, объединяя ихъ органически въ одно цѣльное міровоззрѣніе. Это былъ умъ уравновѣшенный, сводящій явленія къ общимъ началамъ и притомъ не любящій отвлеченностей, стоящихъ въ сторонѣ отъ біенія пульса дѣйствительной жизни. Самостоятельность сужденій, приводившая его къ избранію своихъ особыхъ путей, дѣлала его не оппортунистомъ, идущимъ на сдѣлки, а человѣкомъ борьбы за осуществленіе того, что̀ признавалъ онъ истиною и правомъ. Соотвѣтственно этому въ постепенномъ ходѣ развитія Кавелина нельзя найти никакихъ метаморфозъ или сдѣлокъ, и онъ могъ бы съ полнымъ основаніемъ сказать то, что говорилъ о себѣ Гёте въ письмахъ къ Эккерману: „Въ своихъ писаніяхъ я никогда не спрашивалъ, чего хочетъ масса и какъ я удовлетворю всѣхъ? Я думалъ только о томъ, чтобы самому сдѣлаться проницательнѣе и лучше, повысить содержаніе моей личности и затѣмъ выражать только то, что̀ я призналъ за доброе и справедливое“.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ Кавелинъ не былъ партійнымъ человѣкомъ; онъ не былъ вождемъ, ведущимъ въ бой преданныхъ его знамени людей. Біографы его тщетно ищутъ той рубрики, въ которую можно было бы помѣстить Кавелина въ качествѣ общественно-политическаго дѣятеля. Онъ преклонялся любовно

предъ личностью Петра и самъ себя называлъ лишь „наполовину славянофиломъ"; тѣмъ не менѣе онъ рѣзко обособлялъ Западную Европу отъ Россіи. Будучи противникомъ механическихъ заимствованій изъ чуждой намъ жизни, онъ тѣмъ не менѣе горячо проповѣдывалъ европейскую науку и былъ однимъ изъ видныхъ представителей ея. Точно также нелегко разрѣшается вопросъ о томъ, причислить ли Кавелина къ либераламъ или консерваторамъ. Человѣкъ 40-хъ годовъ, весь смыслъ жизни своей видѣвшій въ освобожденіи крестьянъ изъ-подъ крѣпостного права, дружески и энергично помогавшій виднымъ дѣятелямъ этой реформы, рѣшительный и безстрашный противникъ крѣпостниковъ, дѣятельный членъ кружка Великой Княгини Елены Павловны, человѣкъ, вынужденный покинуть преподаваніе Наслѣднику изъ-за подозрѣній въ либерализмѣ, бросившій профессуру въ петербургскомъ университетѣ изъ-за вводимыхъ въ него властью порядковъ — такой человѣкъ, повидимому, несомнѣнно долженъ быть причисленъ къ числу либераловъ. Но, съ другой стороны, его любовь къ нашему прошлому привела одного изъ біографовъ его, Корсакова, къ убѣжденію, что „помимо своей воли Кавелинъ былъ продолжатель воззрѣній московскихъ людей XVII-го вѣка", и эта мысль находитъ подтвержденіе въ высказываемомъ Кавелинымъ убѣжденіи, что намъ „необходима сильная, самостоятельная самодержавная власть". Кавелинъ „никому не совѣтуетъ ускорять процессъ разложенія обветшалыхъ историческихъ общественныхъ формъ". Онъ полагаетъ, что „новое пробивается сперва подъ покровомъ и формами стараго и только развившись дѣлается самостоятельнымъ". „Всѣ мои симпатіи—говоритъ онъ въ письмѣ къ Милютину— понятно, на сторонѣ истинныхъ, а не псевдо-консерваторовъ".

Съ этой консервативной точки зрѣнія его не могли сбить ни крѣпостники и реакціонеры, ни радикалы и нигилисты. Первымъ онъ отвѣчалъ, что „старое у насъ совсѣмъ обветшало и переходитъ, то-есть уже перешло въ гниль". Вторымъ, отрицавшимъ, какъ Писаревъ въ его „Схоластикѣ XIX вѣка", всякіе идеалы и проповѣдывавшимъ одно только разрушеніе сложившихся формъ жизни и связанныхъ съ историческою почвою убѣжденій, онъ отвѣчалъ, что „настоящее и будущее находятся въ полной зависимости отъ прошлаго и только на исторической почвѣ сложившееся прогрессивное движеніе можетъ разсчитывать на жизненность". Вмѣсто того, чтобы, по совѣту Писарева, „оставить мужика въ покоѣ" и отказаться отъ поддержки народническихъ стремленій, Кавелинъ сосредоточился на служеніи „мужицкому царству" и на проведеніи въ жизнь тѣхъ идеаловъ, осно-

ванія которыхъ сложились въ немъ въ сороковыхъ годахъ. Такой консерватизмъ составлялъ силу Кавелина и развивалъ въ немъ тотъ оптимизмъ, ту вѣру въ будущность Россіи, которые приводили его къ убѣжденію, что „въ дѣйствительности нѣтъ безвыходныхъ положеній". Это былъ консерваторъ, требовавшій развитія сложившихся государственныхъ и общественныхъ формъ жизни, но въ соотвѣтствіи съ историческими началами, завѣщанными намъ прошлымъ.

Зная отправную точку зрѣнія Кавелина, мы можемъ себѣ представить и ту позицію, которую онъ занялъ бы къ жгучимъ вопросамъ нашей современности. Законъ 9-го ноября 1906-го года, роковой для жизни общины, едва ли привлекъ бы его на свою сторону. Онъ находилъ, что личная собственность, по своей природѣ, завоевательна и стремится расшириться; борьба между собственниками, ничѣмъ не сдерживаемая, оканчивается побѣдою сильнѣйшихъ надъ слабѣйшими. Община содѣйствуетъ охранѣ слабѣйшихъ; поэтому законъ, искусственно ослабляющій общину, не могъ бы въ немъ встрѣтить сочувственнаго отношенія.

Наоборотъ, манифестъ 17-го октября 1905 г., являющійся естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крестьянской реформы 19-го февраля 1861 г., нашелъ бы въ немъ, надо полагать, самаго преданнаго служителя. Онъ боролся бы со всѣми попытками создать препятствія къ его осуществленію въ условіяхъ практическаго примѣненія, какъ боролся энергично съ уклоненіемъ отъ началъ реформы 1861 г. Правда, Кавелинъ высказался въ свое время противъ введенія у насъ конституціи; но едва ли можно выводить отсюда, что онъ былъ бы теперь противъ осуществленія провозглашеннаго манифестомъ начала привлеченія выборныхъ отъ народа къ участію въ законодательной дѣятельности и въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій властей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить его отношеніе къ бюрократіи. Въ статьѣ: „Бюрократія и общество" Кавелинъ говоритъ, что „величайшая ошибка и несчастіе правителей у насъ заключались въ томъ, что они уединялись, давали себя окружить непроницаемой стѣной приближенныхъ и мало-помалу, по необходимости, начинали глазами этихъ приближенныхъ смотрѣть на вещи и на людей". Въ другой, болѣе ранней статьѣ („Чѣмъ намъ быть" — 1875 г.) для отстраненія этихъ результатовъ онъ довольствуется немногимъ, именно проектируетъ организацію административнаго Сената съ совѣщательною, а не рѣшительною властью; но, во-первыхъ, онъ предполагалъ, что предсѣдательствовать въ этомъ Сенатѣ будетъ Государь, а при

отсутствіи его—одно изъ выбранныхъ Сенатомъ лицъ; во-вторыхъ, истекшій съ тѣхъ поръ періодъ времени не могъ бы не видоизмѣнить его воззрѣній относительно способовъ отстраненія того бюрократическаго врага, съ которымъ боролся манифестъ 17-го октября и существованіе котораго вполнѣ сознавалъ Кавелинъ. Въ частности онъ высказывался противъ обоготворенія какихъ бы то ни было общественныхъ формъ. „Это не Богъ, которому приносятся человѣческія жертвы"; общественныя формы—„это тотъ же сапогъ, та же одежда, которыя по одной мѣркѣ для всѣхъ людей не пригодятся". Ни къ одной изъ политическихъ организацій нашего времени Кавелинъ, вѣроятно, не присоединился бы. Трудно представить себѣ этого самостоятельнаго и самобытнаго мыслителя приспособляющимъ свои воззрѣнія къ программѣ какой-либо политической партіи.

Переходя къ разсмотрѣнію его научныхъ трудовъ, необходимо отмѣтить то широкое примѣненіе, которое онъ давалъ въ нихъ историческому методу. Подходя къ разрѣшенію выдвигаемыхъ жизнью запросовъ, онъ освѣщалъ ихъ прежде всего исторически и только тогда принимался за служеніе имъ, когда обнаруживалъ преемственную связь ихъ съ прошлымъ. Въ глубинѣ его духовной организаціи жилъ историкъ. Исторія и по времени была первою научною дисциплиною, которой онъ посвятилъ свои силы и которая ознакомила его съ соблазнами крупнаго успѣха. По словамъ одного изъ его учениковъ, Бестужева-Рюмина, его замѣчательный трудъ, не потерявшій и понынѣ своего значенія: „Юридическій бытъ древней Россіи" университетская молодежь знала почти наизусть. Онъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ представителей зародившейся въ 40-хъ годахъ теоріи родового быта. По этой теоріи (раздѣлявшейся и Соловьевымъ), эмбріономъ общества, въ противность ходячему мнѣнію, является не семья, а родъ, и только съ разложеніемъ послѣдняго семья получаетъ значеніе важной ячейки въ организаціи общества. Здѣсь Кавелинъ былъ предтечею Баховена и Моргана, только въ шестидесятыхъ годахъ давшихъ полное обоснованіе и развитіе основной идеи этого ученія. Сопоставляя исторію Запада съ исторіею Славянъ, Кавелинъ пришелъ къ заключенію, что тамъ развитіе общества пошло уже дальше: совершился процессъ эмансипаціи личности изъ-подъ власти семьи и общины. Необходимость освобожденія личности и у насъ проводилась въ трудахъ Кавелина какъ лейтъ-мотивъ его изслѣдованій и какъ неустанный предметъ его заботъ и попеченій.

Какъ историкъ, Кавелинъ не покидалъ реальной почвы въ

своихъ изслѣдованiяхъ и не обнаруживалъ любви къ отвлеченностямъ и къ апрiористическимъ построенiямъ. Современная намъ школа философiи исторiи, переносящая историческiе вопросы въ область чистой логики (виднымъ представителемъ этой школы въ Германiи является Риккертъ), никогда не привлекла бы къ себѣ Кавелина.

Выдвигая значенiе личности и признавая, что только путемъ возрожденiя нравственныхъ устоевъ ея существованiя мы можемъ разсчитывать улучшить наше общественное и государственное бытiе, Кавелинъ являлся индивидуалистомъ; но это былъ не узкiй индивидуалистъ, парящiй въ отвлеченностяхъ, какъ Нитцше, а индивидуалистъ, стоящiй на исторической почвѣ, удерживавшей его отъ крайнихъ увлеченiй.

Такое направленiе его мысли съ особенною ясностью сказалось въ его участiи въ дѣлѣ крестьянской реформы. Онъ стоялъ за сохраненiе завѣщанной намъ прошлымъ общины, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за поднятiе и обезпеченiе личности крестьянина, для чего признавалъ необходимымъ надѣленiе крестьянина землею. Историческая записка его объ основанiяхъ крестьянскаго преобразованiя, широко распространенная въ обществѣ въ писанныхъ экземплярахъ, въ связи съ непосредственнымъ участiемъ, принятымъ имъ въ трудахъ созидателей реформы, съиграла въ свое время громадную роль, и этой одной заслуги было бы достаточно для установки крупнаго значенiя Кавелина.

Историческiе факты и дѣйствiя сводились Кавелинымъ къ общимъ началамъ не при посредствѣ однихъ только историческихъ обобщенiй. Рядомъ съ началомъ личности, другимъ синтезирующимъ средствомъ въ рукахъ Кавелина служилъ правовой элементъ. На каѳедрѣ исторiи государственнаго права, по свидѣтельству его слушателей, этотъ правовой элементъ выдвигался у него на первый планъ и слушатели его прiучались сводить всю исторiю къ развитiю юридическихъ учрежденiй и отношенiй.

Такимъ образомъ исторiя была путемъ, которымъ Кавелинъ шелъ въ область науки права вообще и спецiально права гражданскаго. За трудами Кавелина по гражданскому праву не всѣми признано выдающееся значенiе; профессоръ Шершеневичъ находилъ даже, что Кавелинъ былъ слишкомъ живою и всесторонне развитою личностью, чтобы сосредоточиться на изученiи гражданскаго права, и это изученiе было лишь случайнымъ эпизодомъ въ его жизни. Тѣмъ не менѣе, труды Кавелина по гражданскому праву занимаютъ почетное мѣсто, свидѣтельствуя о глубокомъ проникновенiи Кавелина въ жизненные элементы юри-

дическихъ явленій. Въ этихъ трудахъ онъ остался вѣренъ самому себѣ, сосредоточиваясь не столько на анализѣ догмы гражданскаго права, сколько на боевыхъ вопросахъ, выдвигающихся въ этой области, каковы, напримѣръ, вопросы о содержаніи и предѣлахъ науки гражданскаго права и о дѣленіи права на частное и публичное. Эти труды вызвали интересную полемику Кавелина съ профессорами Пахманомъ и Муромцевымъ, до сихъ поръ поучительную.

Подобно тому, какъ переходъ Кавелина отъ исторіи къ гражданскому праву обусловливался постепеннымъ развитіемъ его міровоззрѣнія, переходъ отъ юридическихъ дисциплинъ къ философіи былъ не случайностью и не капризомъ личнаго вкуса, а неизбѣжностью.

Въ условіяхъ личнаго своего существованія Кавелинъ забывалъ свое „я" и не дѣлалъ его центромъ своей личной жизни. Но это „я" заключало въ себѣ духовную силу, не укладывавшуюся въ предѣлахъ личнаго существованія. Онъ уподоблялся сосуду, не вмѣщавшему въ себѣ всего содержимаго. Скорби и радости, имъ переживавшіяся, вызывались не личными импульсами, а интересами дорогого ему отечества. Кавелинъ жилъ для родины, нужды и страданія которой онъ живо чувствовалъ и понималъ, для науки, въ жизненность которой онъ вѣрилъ, и для молодежи, которую не переставалъ поучать и тогда, когда прекращались непосредственныя его къ ней отношенія, какъ профессора. Естественно, что при такомъ взглядѣ на личность человѣка, какъ фактора общественнаго прогресса, онъ долженъ былъ попытаться снять съ этого сфинкса и микрокосма природы его покрывало, чтобы выяснить себѣ таинственную игру сосредоточивающихся въ личности человѣка психическихъ силъ. Отсюда естественно обращеніе его къ психологіи и этикѣ, имѣющей къ ней близкое соприкосновеніе. Его „Задачи психологіи" были, по его выраженію, его излюбленнымъ трудомъ. Чтобы лучше выяснить его значеніе, онъ убѣждалъ Ю. Самарина выступить его критикомъ. Ю. Самаринъ, какъ представитель метафизическаго направленія, недовольный тѣмъ, что Кавелинъ дѣлаетъ въ своемъ трудѣ слишкомъ много уступокъ позитивизму, исполнилъ его желаніе. Завязалась интересная полемика, захватившая двухлѣтній періодъ времени.

Но „Задачи психологіи" вызвали на бой съ Кавелинымъ и крупнаго представителя естественно-научныхъ знаній того времени—физіолога Сѣченова. Послѣдній былъ недоволенъ трудомъ Кавелина потому, что онъ недостаточно порвалъ связь съ мета-

физикою и не использовалъ естественно-научныхъ средствъ разрѣшенія выдвинутыхъ имъ психологическихъ проблемъ. Такимъ образомъ, попытка Кавелина синтезировать позитивное и метафизическое направленія въ психологіи не удовлетворила представителей обоихъ этихъ направленій. Особенно рѣшительныя нападенія со стороны Сѣченова пришлось выдерживать Кавелину за примѣненіе имъ стараго психологическаго метода самонаблюденія.

Если Кавелинъ и сдѣлалъ ошибку, напримѣръ, въ томъ, что брался за разрѣшеніе вопроса о сущности души, отъ постановки котораго воздерживается современная психологія, дѣйствующая при помощи разнообразныхъ методовъ изслѣдованія, то, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что излюбленный Кавелинымъ методъ самонаблюденія имѣлъ вполнѣ научное значеніе и имѣетъ его по настоящее время. Къ тому же и самъ Кавелинъ смотрѣлъ на свой трудъ не какъ на ученый трактатъ, не какъ на опытъ новой философской системы, а лишь какъ на „приведенныя въ порядокъ, связно изложенныя психологическія замѣтки, мысли и наблюденія“.

Для того, чтобы оцѣнить ту смѣлость, съ которою онъ обращался къ публикѣ, выпуская въ свѣтъ свои „Задачи психологіи“, надо не забывать, что это было время господства матеріалистическихъ воззрѣній, торжество Бюхнера и Молешотта, время, когда многіе были убѣждены, что реторта и скальпель раскрыли для человѣчества тайны жизни. Въ такое время можно сказать, словами Тацита, что „говорить было опасно, а молчать—бѣдственно“. Но Кавелинъ пренебрегъ опасностью и не мирился съ бѣдственнымъ молчаніемъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые боятся говорить объ истинѣ, какъ они ее понимаютъ. Выпуская свой трудъ, онъ вполнѣ сознавалъ, что вызоветъ обвиненія въ обскурантизмѣ. Ему было присуще сознаніе, что онъ живетъ „въ эпоху великихъ недоразумѣній, когда ожесточенная борьба прекратилась не миромъ и даже не перемиріемъ, а совершеннымъ истощеніемъ силъ противниковъ, когда подъ кажущейся самоувѣренностью люди скрываютъ раздумье, подъ наружнымъ равнодушіемъ къ вопросамъ—горестную безнадежность рѣшить ихъ“. При такомъ взглядѣ на переживаемое время, Кавелинъ молчать не могъ и съ полною свободою убѣжденія стремился выяснить духовную природу человѣка. До какой степени Кавелинъ вѣрно понималъ значеніе психологіи, какъ науки, представляющейся „ключемъ всей области знанія“, видно изъ того, что послѣдующее научное движеніе вполнѣ оправдало

этотъ взглядъ на психологію. Въ наше время наука психологіи вышла за предѣлы чисто философскихъ изслѣдованій. Въ разнообразныхъ спеціальныхъ дисциплинахъ научнаго знанія — въ исторіи, этнографіи, искусствѣ, въ естественныхъ наукахъ — выдвигаются психологическія проблемы, къ разрѣшенію которыхъ привлекаются не одни только спеціалисты психологіи, но и представители другихъ областей науки. Даже въ сферѣ философіи психологія не ограничивается уже прежними скромными предѣлами. Высказываются взгляды, что логика поглощается психологіей или, по крайней мѣрѣ, составляетъ лишь часть ея; дѣлаются попытки свести логику къ одному только ученію о доказательствахъ, изслѣдованія же законовъ и формъ мысли предлагается отнести къ психологіи.

„Этика" Кавелина вышла лишь въ 1884 г., всего за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Въ качествѣ науки, имѣющей цѣлью выяснить основные принципы нравственности, этика имѣетъ характеръ психологической дисциплины; поэтому она неизбѣжно должна была привлечь къ себѣ вниманіе Кавелина. Вопросы о нравственности интересовали Кавелина еще и въ силу свойствъ его личности. Онъ былъ идеалистомъ 40-хъ годовъ, а по вѣрному замѣчанію Геффдинга „всякая этика есть практическій идеализмъ". Если „Задачи психологіи" были „любимымъ дѣтищемъ" Кавелина, то въ „Задачахъ этики" онъ видѣлъ трудъ, въ которомъ „какъ въ фокусѣ сходятся всѣ недоразумѣнія и глубокія противорѣчія современной мысли и науки; въ ней же скрытъ и ключъ къ новому періоду развитія". Посвящая этотъ послѣдній трудъ свой молодому поколѣнію, онъ говорилъ, что теперь нельзя будетъ сказать, „что я унесъ съ собою недосказанную мысль". Какъ онъ убѣждалъ Самарина выступить критикомъ „Задачъ психологіи", такъ въ отношеніи „Задачъ этики", всего за двѣ недѣли до смерти, онъ просилъ Спасовича о критической ихъ оцѣнкѣ, и Спасовичъ исполнилъ это желаніе.

Основная идея, вложенная Кавелинымъ въ этотъ трудъ, вполнѣ рисуетъ намъ сердцевину его міровоззрѣнія. „Цивилизація и культура — говоритъ онъ—только дрессируютъ и полируютъ людей снаружи... Наука ничего не перемѣняетъ въ мірѣ, а даетъ только средства приспособить этотъ міръ къ нему" (къ человѣку); объективныя условія шатки и „подъ ними мы открываемъ человѣка".

Оцѣниваемая внѣ предѣловъ времени ея появленія, „Этика" Кавелина теряетъ приписанное ей авторомъ значеніе и, не смотря на глубину многихъ высказанныхъ въ ней мыслей, едва ли

имѣетъ нынѣ научную цѣну. Тѣмъ не менѣе, трудъ этотъ важенъ для характеристики Кавелина, свидѣтельствуя о томъ, какъ сильно онъ реагировалъ на духовные запросы его времени и какъ глубоко понималъ и чувствовалъ потребности отошедшаго въ прошлое момента.

Намъ нужно отмѣтить еще публицистическіе труды Кавелина по вопросамъ общественно-политической жизни. Въ нихъ онъ является не ученымъ, анализирующимъ источники и дѣлающимъ выводы, независимо отъ практическаго ихъ примѣненія. Онъ въ этихъ трудахъ не столько сосредоточивался на прошломъ, сколько заботился о настоящемъ и будущемъ. Онъ здѣсь считается съ своими противниками, какъ борецъ, и отстраняетъ ихъ взгляды для того, чтобы создать условія жизненнаго торжества своимъ убѣжденіямъ. Публицистическая работа вполнѣ соотвѣтствовала его натурѣ и присущимъ ей сильно развитымъ волевымъ свойствамъ, не искавшимъ покоя и не нуждавшимся въ успокоеніи или передышкѣ. Но эта дѣятельность Кавелина создавалась также и свойствами времени, которое онъ переживалъ—времени замѣны старыхъ формъ жизни новыми. Это влеченіе къ публицистической дѣятельности обнаруживалось и въ другомъ видномъ современникѣ Кавелина — въ профессорѣ Градовскомъ. Въ исторіи іудейскаго народа такія эпохи перелома создавали пророковъ. Ренанъ называлъ ихъ „публицистами древности". Такимъ пророкомъ былъ и Кавелинъ. Онъ возвѣщалъ неизбѣжность уничтоженія крѣпостного права, указывалъ даже день, когда это совершится, и держалъ по этому поводу съ своими друзьями пари. Онъ будилъ общественное вниманіе и по другимъ выдвигавшимся жизнью вопросамъ.

Публицистическія работы Кавелина составляютъ драгоцѣнную часть оставленнаго имъ намъ наслѣдства и обладаютъ свѣжестью, не потерявшею донынѣ своей прелести. Какая усматривается въ нихъ тонкость наблюденій, какой глубоко идущій въ сущность вещей анализъ, какія мѣткія замѣчанія, тонкія характеристики и содержательныя максимы, выраженныя всегда сильнымъ, образнымъ языкомъ, носящимъ нерѣдко слѣды высокаго лирическаго настроенія. Отъ этого языка достается не только отдѣльнымъ людямъ, но и всей нашей общественности и всему государственному строю, не смотря на истинный консерватизмъ Кавелина. Любя Россію и все русское всей душой, онъ находитъ для нихъ суровое слово осужденія и тѣмъ подтверждаетъ лишній разъ истину, что любовь и ненависть могутъ уживаться другъ съ другомъ въ одномъ и томъ же сердцѣ.

Вдумываясь въ свойства русскаго человѣка, Кавелинъ его не идеализируетъ. „Мы обезличены"..... „идемъ вразбродъ"..... „живемъ по вѣдомствамъ", которыя онъ называетъ нашими „державами". „Мы считаемъ возможнымъ быть нравственными, не упражняя безпрестанно своихъ чувствъ и воли въ добрѣ и правдѣ"; мы живемъ „въ ненависти къ правовому порядку"; мы „привыкли даже считать за какое-то униженіе подчиненіе закону". Въ общемъ онъ признаетъ, что „русскій человѣкъ— великій матеріалистъ по природѣ, а нашъ народъ — большой реалистъ и тонкій наблюдатель". Эти свойства наши не довели насъ, однако, до умѣнья „думать по-русски", то-есть не освободили насъ отъ стремленія все подводить „подъ европейскую мѣрку"; они не освободили насъ также отъ жизни „въ царствѣ мрака и миражей". Кавелинъ предсказываетъ, что отрезвитъ насъ отъ нашихъ немощей и недостатковъ только какое-нибудь великое народное бѣдствіе. Въ частности онъ отмѣчаетъ еще одну нашу печальную способность—увлекаться словами: „кто-нибудь одинъ выдумаетъ красное словцо, а другіе будутъ его сто лѣтъ повторять". Онъ указываетъ на примѣры такихъ „красныхъ словъ", не имѣющихъ за собой историческаго оправданія, и эти примѣры имѣютъ поднесь поучительное значеніе. Въ конечномъ выводѣ оказывается, что русскіе люди умѣютъ умирать, но „жить они еще не научились, не умѣютъ, и отсюда— вся ихъ бѣда".

Если русскій человѣкъ вызывалъ Кавелина на суровую оцѣнку, то русская общественная жизнь заставляла его высказывать еще болѣе рѣзкое осужденіе, подчасъ напоминавшее бичеванія Щедрина. „Вся наша общественная жизнь есть вопіющая ложь; богатая и казистая ея обстановка, съ роскошными и блестящими европейскими формами, только прикрываетъ дѣйствительную умственную, нравственную и матеріальную несостоятельность и нищету". Въ замѣчательной статьѣ: „Политическіе призраки" (1877 г.) онъ указываетъ и причины, создающія это зло.

Невозможно въ краткомъ изложеніи передать все богатое содержаніе указанной статьи, но уже изъ эпиграфа ея можно заключить, въ чемъ видѣлъ онъ главную причину немощи нашего общественно-политическаго состоянія. Эпиграфомъ этимъ является извѣстное изреченіе Бисмарка: „Силу революціонныхъ движеній составляютъ не крайнія идеи ихъ вожаковъ, а небольшая доля умѣренныхъ и законныхъ требованій, не осуществленныхъ въ свое время". Кавелинъ обнаруживаетъ ясное пониманіе общественной біологіи, говоря, что „общество держится не строгими законами

и формальностями, а людьми, ихъ привычками, ихъ нравственнымъ чувствомъ, степенью развитія ихъ воли, ихъ взглядами и понятіями о благѣ, добрѣ и правдѣ"... „Вопросъ долженъ прежде всего разрѣшиться въ мозгу, въ сердцахъ, въ нравахъ".

Изъ указанныхъ элементовъ создалась духовная сила Кавелина, а сила эта проявила свое дѣйствіе не только въ его трудахъ, но и въ самой его личности, создавъ въ немъ громадную нравственную мощь, не уступавшую натиску времени и ни на минуту не дававшую ему уклоняться въ сторону отъ служенія общему интересу, въ которомъ онъ видѣлъ весь смыслъ своего существованія. А жизнь посылала ему немало тяжкихъ ударовъ и соблазняла къ тому, чтобы опустить руки и удалиться съ поля житейской битвы. Не говоря уже о тяжкихъ служебныхъ разочарованіяхъ и о создавшемся для него положеніи человѣка, ощущавшаго въ себѣ громадныя силы и лишеннаго возможности примѣнять ихъ въ полной мѣрѣ къ условіямъ практической дѣятельности, судьба была къ нему жестока и въ отношеніи семейнаго счастья. По буддійскому воззрѣнію, самое тяжкое страданіе, которое можетъ испытать человѣческое сердце, это страданіе родителя, причиняемое смертью его ребенка. Кавелинъ лишился двухъ единственныхъ своихъ дѣтей, а затѣмъ и жены. Онъ потерялъ семнадцатилѣтняго сына, по удостовѣренію М. М. Стасюлевича—„феноменальнаго" юношу, предъ самымъ моментомъ вступленія его въ университетъ. Дочь свою (по мужу Брюллову) схоронилъ онъ тогда, когда ей было 25 лѣтъ и когда выяснились всѣ выдающіяся черты этой молодой женщины, оставившей слѣдъ въ исторіи нашей общественности; некрологъ ея написалъ Тургеневъ. И всетаки, стоитъ посмотрѣть на хранящійся въ военно-юридической академіи написанный П. А. Брюлловымъ портретъ Кавелина, съ котораго онъ смотритъ какъ живой, чтобы убѣдиться въ томъ, что этотъ смотрящій своими глубокими, вдумчивыми глазами человѣкъ не былъ раздавленъ несчастіями жизни.

Извѣстный современный психологъ Джемсъ, въ своей замѣчательной книгѣ: „О многообразіи религіознаго опыта", говоритъ, что послѣ того, какъ пройдетъ передъ нами „святой", мы не можемъ болѣе оставаться такими, какими были раньше: онъ оплодотворитъ міръ и оживитъ тѣ сѣмена добра, которыя безъ его прихода не дали бы ростковъ. Кавелинъ не былъ „святой". Онъ преклонялся предъ величіемъ христіанской морали, но вопросъ о личной его религіозной жизни нелегко выясняется для его біографовъ. Но несомнѣнно, что Кавелинъ былъ человѣкъ,

въ которомъ жила искра Божья. Эта искра пала на нашу національную почву и создала, въ лицѣ его, духовный обликъ русскаго человѣка, предъ величіемъ котораго нельзя не преклониться. Быстро сходятъ съ земного поприща всѣ, лично общавшіеся съ Кавелинымъ и бережно хранящіе въ своихъ воспоминаніяхъ свѣтлый обликъ этого человѣка. Но они этого облика его съ собою въ могилу не унесутъ. Кавелинъ будетъ продолжать жить и помимо воспоминаній современниковъ — въ своихъ трудахъ.

Всеразрушающая сила времени перенесетъ изъ реальной жизни въ область историческихъ воспоминаній многое изъ того, что сдѣлалъ Кавелинъ. Законъ 9-го ноября 1906 г. повелъ уже дѣло крестьянской жизни не по тому пути, который намѣчалъ для нея Кавелинъ. Армія работниковъ, трудящаяся въ разныхъ частяхъ свѣта и въ разныхъ направленіяхъ въ научной области „психологіи" и „этики", скоро лишитъ соотвѣтствующіе труды Кавелина ихъ прежняго значенія. Подъ вліяніемъ осложняющейся жизни наука права будетъ все болѣе и болѣе, считаясь съ новыми соціальными проблемами, пересматривать и видоизмѣнять свои устои. Тѣмъ не менѣе, не уничтожится, пока существуютъ труды Кавелина, завѣщанный намъ въ этихъ трудахъ величавый духовный обликъ человѣка, всю жизнь свою посвятившій служенію „правдѣ" и „праву". Не уничтожится потому, что невозможно, читая труды Кавелина, не чувствовать въ себѣ притока воодушевлявшихъ его духовныхъ силъ и не испытывать потребности жить и дѣйствовать по его завѣтамъ.

Минскій, въ стихотвореніи: „Надъ свѣжей могилой Кавелина", написанномъ вслѣдъ за его смертью, въ поэтическихъ чертахъ возстановляетъ предъ нами обликъ покойнаго и зоветъ на его могилу, говоря:

„Сюда приходи! Здѣсь душой отдыхай!
Есть время, когда утѣшаютъ могилы:
Ужели безсиленъ тотъ край,
Гдѣ выросли эти могучія силы?!"

Вл. Случевскій.

ИЗЪ МѢСТНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О

К. Д. КАВЕЛИНѢ

Лѣтомъ К. Д. Кавелинъ пріѣзжалъ въ свое имѣнье, находящееся въ Бѣлёвскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, въ сельцѣ Ивановѣ. Не давши себѣ отдыха, К. Д. собиралъ ивановскихъ крестьянъ, всѣхъ поголовно. Сборъ односельчанъ былъ для нихъ праздникомъ и утѣшеніемъ. На просторной площадкѣ барскаго двора было болѣе двухсотъ лицъ обоего пола. Впереди сидѣли дѣти и женщины, затѣмъ—мужчины, начиная съ юношей и кончая стариками. Всѣ—въ праздничныхъ нарядахъ. К. Д. бесѣдовалъ съ крестьянами, довѣрявшими ему настолько, что слово его было закономъ, не изъ страха, а по исключительной ихъ любви къ нему.

Если изъ распросовъ на такой бесѣдѣ К. Д. узнавалъ, что у кого-либо не было лошади или коровы, онъ приказывалъ отводить своихъ животныхъ къ бѣднякамъ. Если у кого была плохая хата, К. Д. распоряжался отпускать свой лѣсъ для постройки новой избы. Была ли радость или несчастье въ семьѣ—К. Д. на все отзывался. Онъ совѣтовалъ крестьянамъ хорошо обрабатывать землю, удобряя ее посѣвомъ травъ и корнеплодовъ, стягивая маленькіе загоны къ межѣ большого. Чтобы крестьяне не судились, жили мирно, К. Д. вытребовалъ изъ губерніи на свой счетъ землемѣра и указалъ ивановцамъ ихъ собственныя земли и угодья на имѣющихся у крестьянъ теперь планахъ. Вопросъ весьма серьезный, въ особенности если принять во вниманіе,

что ивановскіе луга—въ шести мѣстахъ, и „сумежны“ съ лугами сотенъ владѣльцевъ по р. Окѣ. Прежде были не разъ крупныя непріятности среди тысячъ косцовъ изъ разныхъ деревень и селъ Калужской и Тульской губерній.

„Это—отецъ родной, а не баринъ“, отзываются и сейчасъ крестьяне, которыхъ зналъ поголовно всѣхъ по имени и отчеству К. Д. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ такой фактъ. Во время одной поѣздки въ Бѣлевъ экипажъ К. Д. нагоняетъ крестьянина, отправлявшагося въ городъ пѣшкомъ. К. Д. останавливаетъ экипажъ и говоритъ крестьянину: „садись, другъ, со мной“. Тотъ замялся-было, но, зная своего барина, сѣлъ. „Ну, сверстникъ, ты вотъ Константинъ Димитріевичъ, и я такой же; кто же у насъ теперь Кавелинъ?“

Терпѣть не могъ К. Д. пьянства. Одинъ мельникъ вздумалъ устроить на своей мельницѣ кабакъ и лавку, чтобы забирать у крестьянъ муку подъ вино и товаръ. К. Д. поставилъ мельнику дилемму: или отказаться отъ патента, или снести плотину съ его земли. По его же желанію въ Сныховской волости выборными былъ составленъ приговоръ о томъ, чтобы не было питейныхъ заведеній въ волости. Но винокуръ Ч. отнесся къ этому дѣлу съ своей точки зрѣнія и, какъ предсѣдатель присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, распорядился потребовать приговоровъ отъ каждой деревушки отдѣльно. Дѣло затянулось; патенты на торговлю были безпрепятственно выданы. Кончилось размолвкой К. Д. съ Ч.

Иниціативой К. Д. распространенъ приходскій с. Сныхова храмъ на два придѣла. К. Д. былъ предсѣдателемъ и душою мѣстнаго приходскаго попечительства. Онъ основалъ при храмѣ хоръ, пользовавшійся извѣстностью въ городѣ и въ уѣздѣ.

Любилъ К. Д. школьное дѣло, стараясь поставить его на должную высоту. Такъ, въ пособіе учащимъ и учащимся дѣвочкамъ и мальчикамъ имъ выписаны географическія карты съ флорой и фауной каждой губерніи, типы народностей земного шара, рисунки птицъ, насѣкомыхъ и животныхъ съ ихъ подраздѣлами, геометрическіе приборы, физическій кабинетъ съ машинами, напр. электрической. Словомъ, для ивановской школы К. Д. было дано то, что сейчасъ вводится въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и вторыхъ классахъ низшихъ учебныхъ заведеній. И это—почти полвѣка тому назадъ.

Отрадно было видѣть К. Д. окруженнымъ дѣтьми, внимательно прислушивающимся къ біенію дѣтскаго сердца, довѣрявшаго нѣжному обращенію великаго и здѣсь человѣка. К. Д. умѣлъ говорить съ дѣтьми, какъ Диккенсъ.

Въ настоящее время первый классъ помѣщается въ хорошемъ зданіи, спеціально отведенномъ подъ школу съ квартирой для учащихъ. Курсъ ученія четырехлѣтній. Второй классъ помѣщается въ барскихъ покояхъ. Къ осени будетъ готово большое зданіе для двухклассной школы въ память незабвеннаго К. Д.

Свящ. В. Никольскій.

Село Сныхово.

НА МЕРТВОЙ ТОЧКѢ

К. Пажитновъ. „Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго вопроса въ Россіи“. (Спб., 1910).

Судьба рабочаго вопроса въ Россіи за послѣднее пятилѣтіе представляется до такой степени странной, что даже русскому человѣку, искушенному во всякаго рода неожиданностяхъ и „невозможностяхъ“, и то приходится изумляться. Пять лѣтъ тому назадъ массовое рабочее движеніе привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе, и правительство неоднократно заявляло, что уврачеваніе многихъ насущныхъ нуждъ рабочаго класса должно быть признано одною изъ самыхъ неотложныхъ заботъ государственной власти. При этомъ правительство не уставало повторять, что вовлеченіе рабочаго класса въ политическое движеніе явилось результатомъ лишь злонамѣренной пропаганды. Дальнѣйшія событія не подтверждаютъ, однако, такого взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, если наши рабочіе что-нибудь пріобрѣли въ законодательной области отъ эпохи недавняго Sturm und Drang, то эти пріобрѣтенія—какъ разъ правового, а не экономическаго характера. Отмѣна закона о наказуемости стачекъ и законъ 4 марта о союзахъ и собраніяхъ—принимая все это, конечно, cum grano salis, съ надлежащими оговорками,—остаются единственными принципіально важными завоеваніями, дающими надежду на дальнѣйшее развитіе. Между тѣмъ законы эти относятся къ правовымъ пунктамъ той программы, съ которой вступилъ рабочій классъ въ бурное движеніе 1905—1906 гг., а ея экономическіе пункты до сихъ поръ не нашли выраженія ни въ одномъ законодательномъ актѣ, если не считать правилъ о праздничномъ отдыхѣ, касающихся гораздо больше торговыхъ служащихъ, чѣмъ рабочихъ. Самые важные вопросы рабочаго законодательства—сокращеніе рабочаго времени, страхованіе отъ инвалидности, пере-

смотръ законовъ о личномъ наймѣ, больничная помощь, улучшеніе жилищъ, промысловыя камеры и т. д.—все это значилось пять, четыре и даже еще три года тому назадъ въ обѣщаніяхъ правительства—и все это систематически отсрочивалось и отсрочивается. Всѣ эти вопросы „пересматриваются" въ различныхъ совѣщаніяхъ, устраиваемыхъ каждымъ новымъ министромъ торговли и промышленности. Самихъ министровъ смѣнилось за это время пять. Совѣщаній было по крайней мѣрѣ шесть. Въ результатѣ всѣхъ этихъ пересмотровъ до Государственной Думы дошелъ только проектъ о страхованіи противъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Всѣ остальные вопросы либо продолжаютъ и до сихъ поръ оставаться въ этой безконечно затянувшейся стадіи пересмотровъ, либо вновь возвратились въ министерскія канцеляріи для новой переработки, согласно желаніямъ, заявленнымъ предпринимателями, или вообще требованіямъ „духа времени". Такъ напримѣръ, въ газетахъ недавно появилось сообщеніе, что „отдѣлъ промышленности министерства торговли и промышленности закончилъ разработку правилъ о наймѣ рабочихъ и законопроектъ о нормировкѣ рабочаго времени. Дальнѣйшее движеніе законопроектовъ пріостановлено до разсмотрѣнія ихъ въ министерствѣ". Къ такому движенію нельзя примѣнить даже названія „черепашьяго". Оно напоминаетъ скорѣе способъ, которымъ благочестивые монахи совершали въ эпоху крестовыхъ походовъ свои путешествія къ святымъ мѣстамъ, дѣлая два шага впередъ и шагъ назадъ.

Возьмемъ хотя бы вопросъ о нормировкѣ рабочаго времени. Проектъ о дальнѣйшемъ, послѣ закона 1897 г., сокращеніи рабочаго дня былъ выработанъ еще въ 1905 г. и фигурировалъ въ первомъ совѣщаніи, устроенномъ подъ предсѣдательствомъ г. Коковцова. По этому проекту для рабочихъ, занятыхъ исключительно въ дневное время, полагался максимальный рабочій день въ 10 часовъ (по субботамъ и въ предпраздничные дни—9 ч.), а для занятыхъ, хотя бы отчасти, и ночью—въ 8 часовъ. Затѣмъ, въ апрѣльскомъ совѣщаніи 1906 г., состоявшемся подъ предсѣдательствомъ М. М. Өедорова, фигурировали уже новыя нормы рабочаго времени: въ 10 съ половиной и (при ночной работѣ) 9 часовъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ совѣщаніяхъ (въ декабрѣ 1906 г., въ февралѣ и мартѣ 1907 г.), по отношенію къ законодательному регулированію рабочаго времени обнаружилось уже совсѣмъ отрицательное настроеніе, и въ концѣ концовъ возобладало мнѣніе, противное вообще вмѣшательству государства въ опредѣленіе рабочаго времени взрослаго мужчины. Весной прошлаго года В. И. Тимирязевъ, произнося свою програмную рѣчь въ Государственной Думѣ, счелъ возможнымъ только вскользь коснуться этого вопроса, упомянувъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что „норми-

ровка рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ тоже ожидаетъ дальнѣйшихъ мѣропріятій, въ соотвѣтствіи съ современными условіями промышленнаго труда". Отъ указаній сколько-нибудь конкретнаго характера г. Тимирязевъ воздержался. И вотъ теперь оказывается, что этотъ вопросъ дѣйствительно все еще находится въ канцелярскихъ нѣдрахъ министерства.

Не меньшіе зигзаги можно прослѣдить и въ судьбѣ вопроса объ условіяхъ найма. Только здѣсь описываемая кривая имѣетъ болѣе рѣзко выраженную тенденцію въ сторону *ухудшенія* участи рабочаго. Послѣ отмѣны наказаній за стачки, промышленники начали доказывать, что они должны быть освобождены отъ обязанности предупреждать рабочаго объ увольненіи за двѣ недѣли. И въ теченіе всѣхъ послѣднихъ пяти лѣтъ этотъ вопросъ неустанно подвергался пересмотрамъ. Было выработано уже нѣсколько компромиссовъ: то останавливались на трехдневномъ срокѣ предупрежденія, то на семидневномъ. Представители вѣдомствъ отстаивали прежнюю, двухнедѣльную норму. При В. И. Тимирязевѣ вопросъ этотъ разрѣшался въ смыслѣ сокращенія срока предупрежденій до семи дней. Послѣ ухода г. Тимирязева, въ декабрѣ 1909 г., въ газетахъ появились сообщенія, что новый министръ имѣетъ въ виду созвать новое совѣщаніе по этому поводу, и что лично онъ намѣренъ отстаивать сохраненіе въ силѣ прежней, двухнедѣльной нормы.

Изъ другихъ пунктовъ рабочей программы, объявленной правительствомъ передъ созывомъ первой Государственной Думы, сравнительно „посчастливилось" только вопросу о страхованіи. Но это слово „посчастливилось" нельзя здѣсь употребить безъ ковычекъ. Прежде всего, изъ трехъ видовъ страхованія наиболѣе существенный—страхованіе противъ инвалидности и старости—отложенъ на совершенно неопредѣленный срокъ. Теперь о немъ уже не говорятъ. Остались только проекты страхованія противъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. И они прошли сквозь колючую изгородь нѣсколькихъ совѣщаній. Первоначальные размѣры премій на совѣщаніи въ апрѣлѣ 1908 г. были урѣзаны (низшій размѣръ уменьшенъ съ 1/3 до 1/4 заработка); условія выдачи пособій за несчастные случаи опредѣлены были на томъ же совѣщаніи такъ, что въ теченіе первыхъ 13 недѣль со дня несчастья эту обязанность должны нести не страховыя учрежденія, а рабочія больничныя кассы. Между тѣмъ, по закону 1903 г. пострадавшіе рабочіе получаютъ пособіе отъ предпринимателей съ перваго же дня несчастья. Самыя больничныя кассы организованы такъ, что даютъ полнѣйшій просторъ вмѣшательству мѣстной административной власти, въ лицѣ цѣлаго ряда полицейскихъ чиновниковъ.

Въ такомъ приблизительно видѣ проектъ поступилъ, наконецъ, въ

Государственную Думу—поступилъ и застрялъ тамъ. По мнѣнію г. Пажитнова, „составъ третьей думы не внушаетъ увѣренности въ томъ, что въ этой области будутъ сдѣланы какія-либо улучшенія". Это мнѣніе можетъ быть выражено теперь уже въ болѣе рѣшительной формѣ. Не такъ давно членъ Думы Степановъ, входящій въ составъ „рабочей коммиссіи", сдѣлалъ публично сообщеніе о ходѣ занятій въ этой коммиссіи и о судьбѣ правительственнаго проекта страхованія. Общее заключеніе г. Степанова—крайне пессимистическое. По его словамъ, составъ думской рабочей коммиссіи представляетъ собой форменную выжимку изъ предпринимательскихъ элементовъ третьей Думы. Крайніе правые, занятые больше охраной своихъ землевладѣльческихъ интересовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не отказывающіеся отъ игры въ демагогію, обнаруживаютъ нѣсколько меньшее упорство и иногда склоняются къ нѣкоторымъ соціальнымъ улучшеніямъ по отношенію къ городскимъ рабочимъ; но такъ называемые умѣренные (націоналисты) и центръ, поскольку эти фракціи представляютъ собой предпринимательскіе элементы, совершенно не желаютъ считаться съ требованіями соціальной справедливости. Поэтому, по словамъ г. Степанова, проектъ о страхованіи подвигается въ коммиссіи по истинѣ черепашьимъ шагомъ. До середины февраля мѣсяца текущаго года коммиссія едва дошла до 35-ой ст., при чемъ, однако, нѣкоторые пункты—наиболѣе существенные—оставлены открытыми, въ виду невозможности придти къ опредѣленному соглашенію. По отзыву г. Степанова, Государственная Дума, въ общемъ своемъ собраніи, можетъ оказаться нѣсколько „лѣвѣе" въ соціальныхъ вопросахъ сравнительно съ рабочей коммиссіею. Однако, надѣяться, чтобы Дума могла принять поправки къ проекту коммиссіи—да еще поправки, которыя будутъ вноситься слѣва, отъ оппозиціи,—едва ли есть основаніе. Такой внимательности и вдумчивости ожидать отъ третьей Думы было бы очень наивно... Прочихъ вопросовъ рабочаго быта—больничной помощи, жилищной нужды и т. п. — третьей Думѣ, очевидно, не придется даже и коснуться.

„Три Думы, четыре министра, пять совѣщаній—и ни одного практическаго шага впередъ". Такъ резюмируетъ г. Пажитновъ свой обзоръ судьбы проектовъ рабочаго законодательства съ 1905 по 1909 г. Мы можемъ сказать точнѣе: уже пять министровъ, уже 6 совѣщаній, еще новые пересмотры и переработки проектовъ о рабочемъ днѣ и договорѣ найма и... одинъ законопроектъ страхованія противъ болѣзни и несчастныхъ случаевъ, являющійся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шагомъ назадъ сравнительно съ закономъ 2 іюня 1903 г.

Возлагать на бюрократію всю отвѣтственность за эту безконечную волокиту было бы несправедливо. Бюрократія оставалась въ рабо-

чемъ вопросѣ вѣрною самой себѣ. Исходя изъ чисто полицейскихъ соображеній, она сначала пыталась выступить съ проектами улучшеній соціальнаго положенія трудящихся. Проекты ея были по большей части скромны, и шаги, которые она предлагала сдѣлать въ области соціальнаго прогресса, достаточно осторожны. Тѣмъ не менѣе, они оказались неприемлемыми для класса промышленниковъ. Сильныя организаціи, въ которыя успѣлъ сложиться этотъ классъ, испуганный стачечнымъ движеніемъ 1905—06 г.г., оказали рѣшительное противодѣйствіе законодательнымъ попыткамъ въ области рабочаго вопроса. У правительства не было ни моральнаго, ни властнаго авторитета, чтобы преодолѣть это противодѣйствіе. Въ виду возможности пріобрѣсти, цѣною снятія съ очереди проектовъ рабочаго законодательства, политическую поддержку класса крупныхъ промышленниковъ, оно очень быстро охладѣло къ задуманному имъ дѣлу. А когда утомленіе отъ стачекъ, въ связи съ затянувшейся промышленной депрессіей, общимъ спадомъ политической волны и полицейскимъ разгромомъ рабочихъ профессіональныхъ организацій, ослабили въ конецъ сопротивляемость рабочихъ и довели ихъ до нынѣшняго состоянія унынія и покорности,—правительство и совсѣмъ перестало волноваться рабочимъ вопросомъ. При открытіи третьей Думы П. А. Столыпинъ ни однимъ словомъ не обмолвился въ своей декларацін о прежнихъ обѣщаніяхъ правительства по отношенію къ рабочимъ. „Острый“, „жгучій“, „наболѣвшій“ рабочій вопросъ вдругъ словно испарился самъ собою...

Г. Пажитновъ, брошюра котораго дала поводъ къ настоящей замѣткѣ, удѣлилъ довольно много мѣста изложенію перипетій борьбы противъ рабочаго законодательства. Роль крупныхъ промышленниковъ въ этой борьбѣ достаточно оттѣняется фактами, заимствованными, по большей части, изъ первоисточниковъ—журналовъ совѣщаній по пересмотру рабочихъ законопроектовъ, трудовъ съѣзда представителей промышленности и торговли, горнопромышленнаго съѣзда и др. О роли организацій нашихъ крупныхъ промышленниковъ въ послѣднее пятилѣтіе писалось у насъ довольно часто. Газетная пресса внимательно слѣдила, напримѣръ, за направленіемъ дѣятельности совѣта съѣздовъ и аккуратно регистрировала его выступленія. Но въ такой связной формѣ изложеніе всего хода событій до сихъ поръ, кажется, не появлялось. Въ этомъ отношеніи брошюра г. Пажитнова заполняетъ несомнѣнный пробѣлъ. Авторъ—въ общемъ, повидимому, раздѣляющій въ области соціальной политики соціалъ-демократическую доктрину,—старается, однако, подчеркнуть свою независимость. Въ предисловіи онъ указываетъ на „обратную сторону“, которую имѣло у насъ „западное вліяніе“, т.-е. перенесеніе къ намъ идей за-

падной соціалъ-демократіи. Это вліяніе, по словамъ г. Пажитнова, „на первыхъ порахъ неизбѣжно должно было ослабить какъ стремленіе къ самостоятельному мышленію, такъ и интересъ къ окружающей дѣйствительности. „Та исторически сложившаяся обстановка и то соотношеніе общественныхъ силъ, которое установилось въ настоящее время—говоритъ онъ,—еще долго будетъ опредѣлять собой дальнѣйшее развитіе нашей общественной жизни, и потому современная дѣйствительность должна быть подвергнута тщательнѣйшему изученію, на основаніи котораго лишь и можетъ быть построена система дѣйствій, ее преобразующихъ". Указаніе это—въ общемъ безспорно вѣрное и, пожалуй, вполнѣ примѣнимое ко всякому историческому моменту—при нынѣшнихъ нашихъ общественныхъ настроеніяхъ не лишено симптоматическаго значенія. Оживленіе интереса къ изслѣдованію текущей дѣйствительности, на сколько она касается положенія рабочаго класса, уже дало нѣкоторые результаты—напримѣръ, въ видѣ работъ о бюджетахъ петербургскихъ рабочихъ и о профессіональномъ движеніи.

Кромѣ очерка судьбы рабочихъ законопроектовъ, мы находимъ у г. Пажитнова попытку освѣтить общій уровень экономическаго положенія рабочихъ на основаніи данныхъ о заработной платѣ до и послѣ революціи, въ связи съ измѣненіемъ за этотъ періодъ цѣнъ на предметы потребленія. Исчерпывающаго значенія эта попытка не имѣетъ, но сопоставленіе приводимыхъ авторомъ данныхъ позволяетъ заключить, что нѣкоторое повышеніе заработныхъ платъ, добытое пронесшейся стачечной волной и затѣмъ ослабленное наступательнымъ движеніемъ со стороны предпринимателей, отстало отъ роста цѣнъ на предметы первой необходимости, происшедшаго за тотъ же періодъ времени. Соображая всю переживаемую экономическую конъюнктуру, авторъ приходитъ къ выводу, что впредь до наступленія общаго промышленнаго подъема нашему рабочему классу слѣдуетъ держаться въ вопросѣ о заработной платѣ *оборонительной* тактики и надѣяться больше на помощь потребительныхъ обществъ, чѣмъ на содѣйствіе боевыхъ профессіональныхъ союзовъ. Не совсѣмъ убѣдительной, послѣ этого, является мысль г. Пажитнова о возможности немедленныхъ наступательныхъ дѣйствій въ цѣляхъ завоеванія восьмичасовой рабочей нормы. Онъ имѣетъ въ виду, при этомъ, поднятый въ законодательныхъ палатахъ вопросъ о сокращеніи числа праздничныхъ дней. Являясь горячимъ сторонникомъ этой послѣдней реформы, отстаивая доведеніе числа рабочихъ дней въ году у насъ до 300, г. Пажитновъ находитъ, что проведеніе этой реформы является самымъ удобнымъ поводомъ для завоеванія восьмичасовой нормы. Съ точки зрѣнія теоретической, съ точки зрѣнія возможности повышенія производительности труда

при одновременномъ осуществленіи обѣихъ реформъ—увеличенія числа рабочихъ дней и уменьшенія длины рабочаго дня—мы бы не стали возражать автору; но чтобы нынѣшняя соціально-политическая конъюнктура благопріятствовала завоеванію восьмичасового рабочаго дня—это весьма сомнительно. Вся первая глава книги г. Пажитнова, гдѣ онъ излагаетъ судьбу правительственныхъ проектовъ о сокращеніи рабочаго дня лишь до 10 и 10½ час., меньше всего говоритъ въ пользу оптимистическихъ предсказаній автора.

Вик. Португаловъ.

О СВОБОДѢ ПОЛЕМИКИ

Часто приходится слышать жалобы на необузданность полемики въ газетахъ и журналахъ; говорятъ, что тѣ или другіе органы печати или отдѣльные писатели, фельетонисты и публицисты злоупотребляютъ силою и вліяніемъ печатнаго слова, прибѣгая къ такимъ способамъ и пріемамъ литературнаго спора, которые противорѣчатъ общепринятымъ правиламъ житейскихъ приличій. На излишества полемики въ печати жалуются не только тѣ, которые непосредственно отъ нихъ страдаютъ, которые сами подвергаются ударамъ или ядовитымъ уколамъ противниковъ, въ качествѣ случайныхъ жертвъ или объектовъ полемическаго задора, но—что гораздо важнѣе—жалуются и читатели, жалуется публика.

Въ этихъ жалобахъ и указаніяхъ необходимо разобраться. Прежде всего надо имѣть въ виду, что публика въ своихъ сужденіяхъ руководствуется совершенно другими мотивами, чѣмъ строгіе моралисты нашей печати. Публика вовсе не протестуетъ противъ горячей и страстной, даже ругательной полемики, если только послѣдняя содержательна и интересна по существу; напротивъ, она всегда съ удовольствіемъ слѣдитъ за такими спорами и особенно охотно читаетъ статьи и замѣтки рѣзко-полемическаго содержанія. Ничто такъ не оживляетъ и не возбуждаетъ мысль читателя, ничто такъ не облегчаетъ проведенія и доказательства извѣстныхъ идей, какъ яркая полемика съ опредѣленными личностями, воплощающими въ себѣ то или другое общественное направленіе. Отдѣльныя лица могутъ быть недовольны, огорчены или обижены, когда ихъ задѣнутъ въ печати слишкомъ больно; они невольно волнуются, говорятъ о недопусти-

мыхъ пріемахъ полемики, требуютъ ограниченія или возмездія—но публика ничего подобнаго не испытываетъ, она равнодушно относится къ этимъ личнымъ огорченіямъ и продолжаетъ интересоваться тѣмъ, что въ данный моментъ привлекаетъ ея вниманіе.

Съ точки зрѣнія читателя всякая полемика можетъ быть благотворною и въ высшей степени желательною, если она удовлетворяетъ двумъ условіямъ: во-первыхъ, необходимо, чтобы она захватывала живые общественные интересы, чтобы изъ-за спора съ тѣми или другими лицами мы ясно видѣли истинный предметъ нападенія и обороны, чтобы ни сами спорящіе, ни свидѣтели состязанія ни на минуту не забывали, что дѣло идетъ не о данныхъ лицахъ, а о чемъ-то другомъ, болѣе общемъ и важномъ. Необходимо, далѣе, чтобы полемика была свободна отъ элементовъ скуки, чтобы она велась умѣло и послѣдовательно, чтобы она изящно и тонко отдѣлывала противника, едва касаясь его личности. Совершенно недопустимы и нежелательны два рода полемики: чисто-личныя пререканія, не имѣющія за собою никакой общественной или этической основы—и споры идейные, иногда принципіально важные, но ведущіеся вяло, монотонно, безжизненно.

Самая зловредная, непозволительная полемика—это полемика скучная, которая тянется изо дня въ день съ убійственнымъ однообразіемъ, повторяя въ разныхъ сочетаніяхъ одни и тѣ же мнимо-остроумныя словечки, возится безнадежно все съ одними и тѣми же личностями и именами и превращается въ концѣ концовъ въ какую-то безплодную, утомительную канитель. Противъ такой полемики справедливо возстаютъ читатели, и мы о ней говорить не будемъ.

Безъ сомнѣнія, полемика, представляющая извѣстный общественный и идейный интересъ, не должна быть скучною и вялою; она можетъ быть иногда и ядовитою, можетъ иногда больно задѣвать противника, не заботясь объ его личной впечатлительности и обидчивости, если только это оправдывается чувствомъ добросовѣстности и желаніемъ достигнуть опредѣленнаго общеполезнаго вывода. Идейные мотивы перемѣшиваются тутъ съ личными; возникаетъ опасность перехода общественно-этическаго спора на чисто-личную почву; является необходимость разграничить обѣ эти области, установить извѣстныя нормы, которыя вводили бы полемику въ надлежащіе предѣлы. Опытъ всѣхъ литературъ, и въ томъ числѣ нашей русской литературы и журналистики, убѣждаетъ насъ, однако, что свобода полемики ничѣмъ не можетъ и не должна быть ограничена, что злоупотребленія этой свободою никогда не признавались и не признаются столь существенными, чтобы изъ-за нихъ можно было стѣснять и регламентировать способы пользованія печатнымъ словомъ, какъ оружіемъ, пригоднымъ для дости-

женія общественныхъ цѣлей. Многіе знаменитые писатели славились какъ полемисты; Вольтэръ дѣйствовалъ этимъ оружіемъ съ неподражаемымъ мастерствомъ, и никто, конечно, не рѣшился бы исключить изъ его богатаго литературнаго наслѣдства полемическіе памфлеты, въ родѣ „Діатрибъ доктора Акакія", или злобную полемику съ Жанъ-Жакомъ Руссо. Даже ученые спеціалисты не пренебрегаютъ рѣзкими полемическими пріемами для опроверженія или осмѣянія ненавистныхъ имъ идей. Граница между идейной и чисто-личной полемикой иногда совершенно стирается; личный элементъ часто умышленно выдвигается на первый планъ для лучшей и наглядной иллюстраціи извѣстнаго явленія.

Личное чувство задѣтаго противника никакъ не можетъ служить мѣриломъ того, что̀ дозволено или не дозволено въ полемикѣ. Бываютъ случаи, когда приходится терпѣливо переносить именно тѣ щелчки, которые больнѣе всего попадаютъ въ самый нервъ нашего существованія,—но обижаться мы не можемъ и не должны. Для писателя нѣтъ болѣе горькой обиды, чѣмъ признаніе его бездарнымъ—и тѣмъ не менѣе все то, что̀ относится къ оцѣнкѣ его писательства, подлежитъ безусловно свободному обсужденію, хотя бы такая оцѣнка болѣзненно затрогивала его личность. Личная полемика, имѣющая своимъ предметомъ общественную или литературную дѣятельность противника и не касающаяся его частной жизни, должна считаться вполнѣ свободною, и въ ней дозволительны всякіе пріемы, какіе только могутъ понадобиться автору безъ ущерба для общепринятыхъ началъ справедливости и житейской порядочности.

Въ тѣ историческіе моменты, когда борьба за общественные идеалы достигаетъ извѣстной остроты, разгорячается и полемика въ журналахъ и газетахъ; спорящіе невольно увлекаются, и разногласія легко переходятъ въ рѣзкія личныя столкновенія. Такъ было, напр., во Франціи, гдѣ дуэли между журналистами превращались иногда въ какую-то эпидемію. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ поединки между роялистами и конституціонными либералами устраивались систематически, и въ участники этихъ поединковъ записывались представители различныхъ слоевъ общества. Тогда дуэли не были еще пустою формальностью, а вытекали изъ боевого, воинственнаго настроенія двухъ враждебныхъ лагерей. Конфликты получали иногда трагическую развязку: такъ погибъ даровитый Арманъ Каррель отъ руки другого выдающагося журналиста, Эмиля де-Жирардена. И въ болѣе спокойной и уравновѣшенной нѣмецкой печати рѣзкія и оскорбительныя выраженія и слова нисколько не исключались въ полемикѣ и допускались самыми крупными писателями. Остроумный Берне, въ глухую эпоху тридцатыхъ годовъ, изводилъ своими ядовитыми нападками

тогдашнихъ нѣмецкихъ оффиціальныхъ патріотовъ; между прочимъ, онъ усердно воевалъ съ нѣкіимъ докторомъ Герингомъ и по поводу одной анонимной статьи, помѣщенной въ штутгартской „придворной газетѣ“, составилъ цѣлый небольшой лексиконъ ругательныхъ словъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, подъ названіемъ: „Герингъ-салатъ“ (Häring по нѣмецки—селедка).

Характеръ полемическихъ пріемовъ и степень ихъ свободы зависятъ всецѣло отъ нравовъ образованнаго общества въ данной странѣ. Въ Германіи мы видимъ довольно широкій просторъ въ полемикѣ не только журнальной, но и научной; Фердинандъ Лассаль и Карлъ Марксъ были остроумнѣйшими и безцеремонными полемистами даже въ своихъ теоретическихъ трактатахъ. Въ первомъ изданіи „Капитала“ Марксъ, по недоразумѣнію, жестоко напалъ на Герцена, зачисливъ его въ категорію „московитовъ“ и калмыковъ, которые при помощи кнута думаютъ обновить Европу. Разумѣется, эта выходка исчезла во второмъ изданіи, но осталось очень много другихъ отзывовъ и замѣчаній, чрезвычайно рѣзкихъ по тону. Марксъ раздавалъ направо и налѣво крайне обидные эпитеты; онъ нападалъ и на Лассаля, когда находилъ это нужнымъ, даже послѣ его смерти, и приверженцы его не ставили ему этого въ вину. Все оправдывается и объясняется потребностями и условіями идейной борьбы.

Нѣмецкіе журналисты не стѣсняются и въ полемикѣ противъ высшихъ носителей власти; даже въ умѣренной оппозиціонной прессѣ принято давать такія отчетливыя характеристики государственныхъ дѣятелей, которыя должны казаться имъ глубоко оскорбительными. Самъ глава имперіи не огражденъ—или, вѣрнѣе, не ограждается—отъ этой свободы критики, и его публичныя заявленія и дѣйствія обсуждаются и критикуются безпрепятственно; нерѣдко въ сатирическихъ листкахъ, напр. въ „Ulk“, мы встрѣчаемъ забавныя каррикатурныя изображенія съ соотвѣтственными ироническими комментаріями, и никакихъ судебныхъ процессовъ изъ-за этого не происходитъ, хотя надо сказать, что германскіе законы объ оскорбленіи величества довольно суровы и примѣняются на практикѣ съ достаточною настойчивостью. Нечего и говорить о свободѣ газетной полемики во Франціи; нѣкоторые изъ французскихъ журналистовъ, какъ напр. Анри Рошфоръ, даже спеціализировались на ругательствахъ по адресу министровъ и сановниковъ республики, и богатство ихъ лексикона по этой части поразительно. Республиканскіе дѣятели привыкли уже къ подобнымъ полемическимъ упражненіямъ и давно перестали реагировать на нихъ въ какой бы то ни было формѣ.

Въ нашей журналистикѣ полемика всегда занимала видное мѣсто, такъ какъ она имѣла у насъ еще особое значеніе: она позволяла

подъ флагомъ личнаго спора проводить взгляды, которые неудобно или рискованно было высказывать открыто. Наши передовые прогрессивные публицисты были почти всѣ отличными полемистами: Чернышевскій безпощадно разоблачалъ внутреннее ничтожество тогдашнихъ россійскихъ философовъ и экономистовъ; Добролюбовъ неустанно выставлялъ на показъ фальшивыя, дешевыя добродѣтели проповѣдниковъ и дѣльцовъ прогресса, зло высмѣивалъ разныхъ „братьевъ Милеантовъ", вышучивалъ коллективные протесты противъ „безобразныхъ поступковъ" „Иллюстраціи" или „Вѣка", наносилъ легкіе, но чувствительные удары знаменитому Пирогову и читалъ суровыя нотаціи юношѣ-Драгоманову.

Нѣтъ надобности напоминать о журнальной полемикѣ позднѣйшихъ лѣтъ, связанной съ именами Н. К. Михайловскаго, Н. Н. Страхова, Н. Я. Данилевскаго, Каткова, Владиміра Соловьева. Остановимся только на одномъ примѣрѣ. Покойный Владиміръ Соловьевъ изобразилъ типъ литературнаго Іудушки въ лицѣ В. В. Розанова, выступавшаго тогда въ печати съ такими разсужденіями о свободѣ и вѣрѣ, которыя были бы умѣстны только въ устахъ щедринскаго Порфирія Головлева. Авторъ этихъ разсужденій, по словамъ Соловьева, проявляетъ подлинныя качества Іудушки своимъ „елейно-безстыднымъ пустословіемъ": „по натурѣ своей онъ еще болѣе лживъ, чѣмъ скотоподобенъ; свой готтентотскій субъективизмъ онъ фальшиво привязываетъ къ универсальной и объективной истинѣ христіанства; онъ лжетъ и клевещетъ на православную церковь, выставляя себя говорящимъ отъ ея имени". Этою характеристикою взглядовъ г. Розанова, какъ совпадающихъ съ понятіями и пріемами Іудушки, Вл. Соловьевъ несомнѣнно задѣлъ самую сущность духовной личности критикуемаго писателя; но превысилъ ли онъ предѣлы законной полемики? Нѣтъ, потому что онъ разбиралъ исключительно высказанныя въ печати мнѣнія г. Розанова о вѣротерпимости и далъ имъ вполнѣ подобающую, хотя и рѣзкую, оцѣнку. Лучшій судья въ этотъ дѣлѣ, самъ В. В. Розановъ, не призналъ этой характеристики за личную для себя обиду, что видно уже изъ того, что онъ старался сохранить хорошія личныя отношенія съ Соловьевымъ.

Какой выводъ можно сдѣлать изъ приведенныхъ выше фактовъ и сопоставленій? Только тотъ, что журналисты, привыкшіе сами наносить удары другимъ, не должны обижаться и раздражаться, когда ихъ въ свою очередь задѣваютъ случайные или сознательные противники. Литераторы и журналисты, какъ и всякіе общественные дѣятели, не имѣютъ права быть обидчивыми, когда ихъ взгляды и дѣйствія подвергаются свободной публичной критикѣ. Они не могутъ и не должны реагировать на обидные печатные отзывы и выходки иначе

какъ только примѣненіемъ, въ случаѣ надобности, права свободнаго отвѣта. Мы должны пріучиться къ тому, что̀ прочно вошло уже въ общіе нравы другихъ странъ. Надо проникнуться извѣстнымъ самообладаніемъ, слѣдуя старому правилу: подчиняйся тому, что̀ ты самъ примѣняешь къ другимъ. Если же противъ журналиста выставляются какія-либо фактическія обвиненія, то провѣрку и опроверженіе ихъ надо предоставить безпристрастному третейскому суду; функціи журнальной полемики тутъ кончаются.

Существуетъ еще особый родъ полемики, заключающійся въ невольномъ рекламированіи противниковъ, которые сами по себѣ, быть можетъ, не имѣли бы шансовъ достигнуть широкой извѣстности и прочнаго успѣха. Нѣкогда, въ сороковыхъ годахъ, „Отечественныя Записки“ серьезно выражали свою признательность „Сѣверной Пчелѣ“ за то, что своими постоянными нападками и статьями она съ неутомимымъ усердіемъ, въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ, распространяла извѣстность журнала „до отдаленнѣйшихъ концовъ читающаго міра“. „Мы были бы въ отчаяніи,—заявляла редакція названнаго журнала въ концѣ 1843-го года—еслибы „Сѣверная Пчела“ отложилась отъ „Отечественныхъ Записокъ“: такой усердной помощницы не найти намъ... Лестное вниманіе къ намъ со стороны „Сѣверной Пчелы“ и вѣрная долговременная служба ея „Отечественнымъ Запискамъ“ трогаютъ насъ до глубины души, и мы, въ концѣ года, обязанностью считаемъ свидѣтельствовать ей нашу искреннюю благодарность. Почти не бываетъ нумера газеты, въ которомъ не говорилось бы, прямо или косвенно, объ „Отечественныхъ Запискахъ“. Будемъ надѣяться, что въ слѣдующемъ году усердіе „Сѣверной Пчелы“ не ослабнетъ“.

Ироническій тонъ этихъ заявленій не измѣняетъ значенія самаго факта. „Сѣверная Пчела“, конечно, по-своему воевала съ „Отечественными Записками“, но ея полемика не доходила до обычныхъ читателей журнала, а еслибы доходила, то вѣроятно дѣйствовала бы на нихъ въ направленіи прямо противоположномъ тому, которое имѣла въ виду газета; поэтому единственнымъ фактическимъ результатомъ стараній „Сѣверной Пчелы“ могло быть только возбужденіе усиленнаго интереса къ „Отечественнымъ Запискамъ“ въ той части публики, которая раньше обладала лишь весьма смутными свѣдѣніями объ этомъ журналѣ или даже вовсе не знала объ его существованіи. Нападки „Сѣверной Пчелы“ были по существу вполнѣ безразличны для „Отечественныхъ Записокъ“; онѣ ничего не разъясняли и собственнымъ постояннымъ читателямъ газеты, но въ смыслѣ рекламы они несомнѣнно сыграли свою роль, что̀ и признается редакціею заинтересованнаго журнала.

То же самое повторялось много разъ въ исторіи нашей періоди-

ческой печати. Въ пятидесятыхъ годахъ небольшой журналъ „Иллюстрація" влачилъ скромное и отчасти эфемерное существованіе, но внезапно прославился, благодаря шумному протесту противъ одной изъ его статей. Никто не зналъ „Иллюстраціи",—разсказываетъ Добролюбовъ — никто о ней не говорилъ. „Шла себѣ „Иллюстрація" тихо и вяло, точно длинный обозъ, котораго убогая и похоронная медленность не нарушается даже тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ возахъ запряжены очень горячія лошади. И вдругъ — все перемѣнилось. Какъ электрическая искра, мгновенно пронеслось, говорятъ, по Петербургу слово: „Иллюстрація"; по телеграфу переслана молва о ней въ Москву, а оттуда быстро разъѣхалась по губерніямъ и уѣздамъ". Всѣ газеты и журналы заговорили объ „Иллюстраціи", и старанія ея многочисленныхъ обличителей доставили ей въ короткое время необыкновенную популярность. Это была въ данномъ случаѣ очень непрочная и случайная слава — отчасти, быть можетъ, Геростратова слава,— но всетаки она, хотя и временно, усилила успѣхъ журнала и привлекла къ нему общественное вниманіе, котораго при обычномъ ходѣ дѣлъ „Иллюстрація" никогда бы не дождалась.

Въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, нѣкоторыя изъ современныхъ нашихъ „знаменитостей" также имѣли бы основаніе благодарить своихъ противниковъ за продолжительную и безкорыстную усердную службу...

Л. Слонимскій.

АНТОНЪ ДОРНЪ И ЗООЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦІЯ ВЪ НЕАПОЛѢ.

14 сентября 1909 г. умеръ въ Мюнхенѣ профессоръ зоологіи, основатель и директоръ зоологической станціи въ Неаполѣ—Антонъ Дорнъ. Онъ родился въ Помераніи въ 1840 г. Отецъ его, Карлъ Дорнъ, былъ въ свое время тоже извѣстнымъ зоологомъ, работавшимъ главнымъ образомъ въ области энтомологіи. Ту же спеціальность избралъ сначала и А. Дорнъ; къ ней относятся его самыя раннія работы („Hemipterologisches" и „Synonimische Bemerkungen über Hemipteren"). Пройдя университетскій курсъ въ Кенигсбергѣ, Боннѣ, Іенѣ и Берлинѣ, Дорнъ съ 1867 г. сталъ приватъ-доцентомъ въ Іенѣ. Уже въ то время онъ задумалъ создать морскую „станцію"—совершенно новое учрежденіе, съ помощью котораго можно было бы двинуть впередъ изученіе біологическихъ наукъ.

Въ первую половину 60-хъ годовъ, подъ вліяніемъ только что формировавшагося дарвинизма, біологическія изслѣдованія, получивъ иную основу и раціональное освѣщеніе, пошли по совершенно новымъ путямъ. Первыми піонерами явились здѣсь Гексли и Рей Ланкестеръ въ Англіи, А. Ковалевскій въ Россіи, Гегенбауръ, Геккель и Дорнъ въ Германіи. Будучи дѣятельнымъ приверженцемъ эволюціонизма, Дорнъ посвятилъ цѣлыя серіи трудовъ детальной разработкѣ общихъ воззрѣній, формулированныхъ Дарвиномъ. Самъ Дарвинъ не шелъ далѣе раціональнаго обоснованія идеи эволюціонизма, находя главную причину измѣнчивости видовъ въ борьбѣ за существованіе, въ естественномъ отборѣ и главныхъ его результатахъ; но какъ только основной принципъ дарвинизма получилъ общее признаніе, явилась задача примѣнить его ко всему органическому міру, другими словами — попытаться установить генеалогію этого міра. Такая задача потребовала переработки всѣхъ прежнихъ фактическихъ данныхъ и собиранія огромнаго количества новыхъ. Образовались двѣ особыя, какъ бы вспомогательныя по отношенію къ біологіи науки — сравнительная анатомія и сравнительная эмбріологія. Въ этой области Дорнъ и стяжалъ себѣ научную славу, являясь однимъ изъ основателей новыхъ наукъ. Сюда относятся его „Untersuchungen über Bau und Entwickelung der Arthropoden“, выходившія съ 1867 по 1871 г. Кромѣ этихъ работъ, важныхъ для выясненія генетическихъ отношеній членистоногихъ, Дорнъ обратилъ вниманіе на вопросъ о происхожденіи позвоночныхъ отъ безпозвоночныхъ — вопросъ, которому посвящены классическія изслѣдованія Ковалевскаго въ 1869 — 70 г.г. Они не разрѣшили вопроса вполнѣ, такъ какъ между тѣми организмами, которые, по Ковалевскому, примыкаютъ къ корню позвоночныхъ (оболочниковыя или Tunicata) и всѣми остальными безпозвоночными не было найдено переходныхъ формъ. По Дорну, исходной группой всѣхъ позвоночныхъ и примыкающихъ къ нимъ формъ являются кольчатые черви (Annelida). Эту мысль онъ развилъ сначала въ своемъ сочиненіи: „Der Ursprung der Wirbelthiere und das Prinzip des Funktionswechsels“, вышедшемъ въ 1875 г., а впослѣдствіи—въ цѣлой серіи спеціальныхъ монографій о происхожденіи разныхъ органовъ у позвоночныхъ и объ организаціи низшихъ представителей этой группы—монографій, выходившихъ съ 1882 по 1907 г. подъ общимъ названіемъ: „Studien zur Urgeschichte der Wirbelthiere“. За эти годы появилось до 25 эмбріологическихъ и анатомическихъ его изслѣдованій. Прирожденный талантъ организатора и необычайная энергія Дорна съ молодости влекли его къ практическимъ задачамъ, связаннымъ съ прогрессомъ біологическихъ наукъ. Необходимо было, прежде всего, въ корнѣ измѣнить технику

изысканій. Взаимныя генетическія отношенія разныхъ группъ животныхъ могли быть выяснены только послѣ внимательнаго изученія какъ внутренней ихъ организаціи или строенія отдѣльныхъ частей, такъ и происхожденія послѣднихъ изъ оплодотвореннаго яйца. Микроскопическая техника, подъ вліяніемъ новыхъ запросовъ, сдѣлала большой шагъ впередъ. Ходъ развитія зоологическихъ изслѣдованій сталъ въ значительной степени зависѣть отъ обстановки, отъ научнаго оборудованія лабораторій. Современная біологія не можетъ сдѣлать шага безъ изученія цѣлыхъ серій разрѣзовъ черезъ организмъ или черезъ его личинки, безъ опытовъ надъ его развитіемъ, безъ наблюденій надъ регенераціей. Для этого, кромѣ разныхъ реактивовъ, въ которыхъ организмы убиваются и сохраняются, необходимы особые инструменты—термостаты, микротомы, простыя, двойныя, дифференцирующія и прочія краски, акваріи съ проточной водой и т. д. Эта уже сама по себѣ сложная обстановка научныхъ занятій еще болѣе усложняется расширеніемъ бактеріологическихъ, химическихъ и физіологическихъ изслѣдованій, побудившимъ зоологовъ и вообще занимающихся наблюденіями надъ живыми организмами распространить сферу своей дѣятельности и на эти области. Отсюда необходимость въ новыхъ лабораторіяхъ для занятій по сравнительной физіологіи и микробіологіи. Уже въ 60-хъ годахъ въ большинствѣ университетовъ устраивались такія лабораторіи; но изслѣдованія въ нихъ естественно могли касаться только прѣсноводныхъ формъ. Между тѣмъ большинство, и притомъ самыхъ интересныхъ, самыхъ важныхъ въ генетическомъ отношеніи организмовъ живетъ въ морѣ. И вотъ, въ началѣ 60-хъ годовъ такіе изслѣдователи, какъ Геккель, Ковалевскій и Дорнъ, предпринимаютъ поѣздки къ морскимъ берегамъ для изученія морской фауны и флоры. Пребываніе на берегу моря, особенно въ маленькомъ городкѣ, гдѣ много рыбаковъ и легко достать сѣти и лодки и гдѣ жизнь недорога, давало возможность скоро собрать случайный матеріалъ и съ этой стороны не представляло большихъ техническихъ затрудненій. Но объ организованной, систематической работѣ, особенно въ области эмбріологіи или экспериментальной зоологіи, при такихъ случайныхъ поѣздкахъ не могло быть и рѣчи. Это навело молодого Дорна на мысль объ устройствѣ постояннаго учрежденія, постоянной лабораторіи на берегу моря, со всѣмъ возможнымъ научнымъ оборудованіемъ и комфортомъ для чисто научныхъ изысканій, словомъ—создать, по его выраженію, „зоологическую станцію". Въ 1871 г. Дорнъ горячо взялся за осуществленіе своего плана. Онъ рѣшилъ, что станція должна быть на берегу Средиземнаго моря, какъ наиболѣе богатаго организмами изъ всѣхъ европейскихъ морей. Чистая наука интернаціональна; поэтому Дорнъ задумалъ устроить не

отдѣленіе лабораторіи какого-либо университета, а обширное международное учрежденіе, поддерживаемое научными институтами и правительствами всѣхъ странъ. Въ виду стремленія поставить его на широкую ногу, при первоначально маломъ количествѣ наличныхъ средствъ, рѣшено было основать рядомъ съ нимъ учрежденіе, имѣющее интересъ для широкой публики, съ платой за входъ, чтобы доходъ отъ него поддерживалъ научный институтъ съ первыхъ же лѣтъ его существованія. Такимъ учрежденіемъ могъ явиться аквaріумъ типическихъ представителей морской фауны въ одномъ изъ городовъ Италіи, наиболѣе посѣщаемыхъ путешественниками. Послѣ разныхъ поисковъ и переговоровъ Дорнъ окончательно остановилъ свой выборъ на Неаполѣ. Городское управленіе Неаполя, предвидя интересъ учрежденія для иностранцевъ, очень облегчило ему начало дѣла даровой уступкой земли подъ постройку зданія, въ одномъ изъ лучшихъ садовъ города—Villa Nazionale, на берегу моря, съ чуднымъ видомъ на Неаполитанскій заливъ и на островъ Капри. Итальянское правительство также поддержало мысль Дорна и ассигновало на первыя нужды института 100 тыс. фр., а впослѣдствіи выплачивало ежегодно по 5 тыс. фр. спеціально на пополненіе библіотеки. По рекомендаціи германской Академіи Наукъ (въ частности—Дюбуа-Реймона, Гельмгольца и Вирхова) рейхстагъ только что основанной германской имперіи также сочувственно отнесся къ мысли Дорна. Вообще Дорнъ съ неутомимой энергіей и настойчивостью съумѣлъ заинтересовать широкіе круги какъ научные, такъ и оффиціальные. Въ результатѣ, послѣ долгихъ переговоровъ, Германія дала средства для постройки зданія, вмѣщающаго въ себѣ внизу аквaріумъ, наверху — лабораторіи; позже изъ того же источника была назначена ежегодная правительственная субсидія, сначала въ 30 тыс., затѣмъ въ 40 тыс. марокъ. Благодаря помощи Германіи и Италіи и 1 тыс. фунт. стерл., собранныхъ англійскими учеными, съ Дарвиномъ во главѣ, станція могла открыться въ 1874 г. Постепенно Дорнъ привлекъ почти всѣ европейскія государства къ поддержанію неаполитанской Stazione zoologica. Чтобы сохранить международный характеръ станціи, въ основу пользованія ею Дорнъ положилъ особую „систему столовъ“ по отдѣльнымъ государствамъ. Каждый пріѣхавшій работать на станціи получаетъ въ свое распоряженіе столъ для занятій. За право пользованія столами платитъ то государство, откуда пріѣхалъ занимающійся.

Первой задачей своего учрежденія Дорнъ поставилъ полнѣйшій научный комфортъ для занимающагося, которому по первому его требованію доставляется весь необходимый матеріалъ, всѣ реактивы, инструменты, книги и проч. Все это дается въ его личное пользованіе; онъ долженъ заниматься вполнѣ самостоятельно. Поэтому на

станцію непосредственно допускаются только тѣ, кто командированъ однимъ изъ научныхъ учрежденій государства, имѣющаго въ своемъ распоряженіи столы на станціи (изъ Россіи — министерствами народнаго просвѣщенія и морскимъ). За каждый столъ правительство соотвѣтствующаго государства платитъ 2.000 марокъ въ годъ. Командированный на станцію не несетъ болѣе никакихъ расходовъ, кромѣ случайныхъ. Въ 1874 г., при открытіи станціи (когда за столъ платилось только 1½ тыс. мар.), Пруссія имѣла 2 стола, Италія — 2 и кэмбриджскій университетъ — одинъ. Въ 1907 г. было уже 50 столовъ: Германія имѣла ихъ 22, Италія — 9, Россія — 4, Австрія — 2, Венгрія, Голландія, Бельгія, Швейцарія, румынская академія, университеты кэмбриджскій и оксфордскій, British Association for the Advancement of Science—по одному, Америка—5 (изъ нихъ Smithsonian Institution въ Вашингтонѣ—1, Carnegie Inst.—2, Columbia University—1 и Association for maintaining the American Women's Table at the Zoological Station in Naples—1). За послѣдніе два года число столовъ еще увеличилось, со вступленіемъ Японіи и прибавленіемъ новыхъ столовъ отъ Италіи, Голландіи и Бельгіи. Одна только Франція пока держится въ сторонѣ отъ этого учрежденія. Частныя лица въ настоящее время имѣютъ возможность работать на станціи только на собственный счетъ, при условіи занятія стола на цѣлый годъ, т.-е. по уплатѣ 2 тыс. марокъ. Такимъ образомъ, станція избавлена отъ всѣхъ начинающихъ, или дилеттантовъ, или иныхъ нежелательныхъ элементовъ и представляетъ изъ себя чисто научное учрежденіе. Доктора, приватъ-доценты и профессора составляютъ главный контингентъ посѣтителей. Хотя станція обязана своимъ возникновеніемъ прежде всего Германіи—и поэтому германскому правительству ежегодно посылается отчетъ по ея бюджету,—тѣмъ не менѣе все управленіе сосредоточивалось исключительно въ рукахъ Дорна. Онъ съумѣлъ создать автономное научное учрежденіе, независимое отъ контроля оффиціальныхъ сферъ.

Въ первые годы, когда число столовъ было незначительно, Акваріумъ, съ довольно высокой входной платой въ два франка, былъ большой поддержкой для новаго учрежденія. Въ настоящее время доходъ отъ него достигаетъ 50-ти тыс. фр. въ годъ. Кромѣ того, станція съ самаго основанія своего занялась собираніемъ и консервированіемъ морскихъ животныхъ для научныхъ изслѣдованій и продажей коллекцій для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и для музеевъ. Въ настоящее время почти всѣ біологическіе кабинеты Европы и Америки располагаютъ въ своихъ коллекціяхъ неаполитанскимъ матеріаломъ, а изслѣдователи, не имѣющіе возможности посѣтить Неаполь, могутъ всегда выписать по спеціальному каталогу любой изъ

встрѣчающихся въ Неаполитанскомъ заливѣ организмовъ. Доходъ этой отрасли дѣятельности станціи достигаетъ теперь 15—20 тыс. фр. въ годъ.

Дальнѣйшіе успѣхи научныхъ изслѣдованій повліяли и на развитіе станціи, стяжавшей, благодаря умѣлому управленію Дорна, всемірную славу. Въ концѣ 80-хъ годовъ первоначальное зданіе станціи оказалось уже тѣснымъ и рядомъ съ нимъ было построено такое же, исключительно для лабораторій. Впослѣдствіи, благодаря общественной подпискѣ и помощи германскаго императора, было собрано 300 тыс. марокъ для постройки новыхъ зданій, вмѣщающихъ въ себѣ лабораторіи для спеціалистовъ по ботаникѣ и физіологіи и для химическихъ и бактеріологическихъ изслѣдованій. Въ настоящее время пространство, занимаемое станціей, увеличилось болѣе чѣмъ втрое противъ 1874 г. Вся лабораторія раздѣляется на три отдѣла, состоящіе подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ спеціальныхъ ассистентовъ: морфологическій (зоологія и ботаника), экспериментально-физіологическій и химико-физіологическій. Остальныя части станціи или улучшены, или расширены (машины для циркуляціи воды, спеціальная механическая мастерская и проч.). Переполненіе станціи бываетъ только весною, во время каникулъ въ университетахъ, когда большинство профессоровъ пріѣзжаетъ туда, чтобы собрать матеріалъ для будущихъ работъ. Въ остальное время работающіе на станціи получаютъ обыкновенно отдѣльныя комнаты, снабженныя акваріумами и всѣми необходимыми аппаратами и реактивами, кромѣ микроскоповъ, которые предполагаются имѣющимися у каждаго, командированнаго университетомъ. Персоналъ станціи превышаетъ 50 человѣкъ. Кромѣ директора, главныхъ ассистентовъ, библіотекаря, главнаго секретаря и завѣдывающаго матеріаломъ, имѣется еще цѣлый штатъ для собиранія матеріала, для завѣдыванія сѣтями и лодками, для приготовленія и выдачи реактивовъ, красокъ, инструментовъ и т. п., для біологическихъ, физіологическихъ, всевозможныхъ другихъ изслѣдованій. Есть также у станціи собственный архитекторъ, коммиссіонеры, персоналъ, наблюдающій за многочисленными системами проводовъ воды, электричества, газа и проч., машинисты для моторныхъ лодокъ и т. д.

Начатое съ большими трудностями предпріятіе разрослось, такимъ образомъ, до обширныхъ размѣровъ и служитъ, такъ сказать, зоологической Меккой, куда ежегодно стекаются натуралисты со всей Европы и Америки. По неаполитанскому образцу устраиваются теперь зоологическія станціи во всѣхъ другихъ странахъ. Россія имѣетъ три небольшія морскія станціи — на Мурманѣ у г. Александровска (отъ спб. общ. естествоиспытателей), въ Севастополѣ (отъ Академіи

Наукъ) и въ Виллафранкѣ на Средиземномъ морѣ (отъ кіевскаго университета). Но лучшія изъ станцій—напр. въ Плимутѣ, Гельголандѣ или Ровиньо—уступаютъ неаполитанской во многихъ отношеніяхъ. Главнымъ преимуществомъ неаполитанской станціи является то, что весь матеріалъ для научныхъ изслѣдованій доставляется спеціальнымъ персоналомъ, подъ руководствомъ д-ра Лобіанко, предупредительность и внимательность котораго къ многочисленнымъ заявленіямъ работающихъ прямо изумительны. Работающій на станціи можетъ за все свое пребываніе ни разу не побывать на морѣ и, тѣмъ не менѣе, имѣть все необходимое въ своихъ акваріяхъ; благодаря этому, сберегается масса времени и энергіи. Во всѣхъ остальныхъ станціяхъ работающій долженъ самъ ѣздить за матеріаломъ, получая только указаніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ его можно найти. На неаполитанской станціи у д-ра Лобіанко для этой цѣли имѣется спеціальный персоналъ рыбаковъ, достаточно хорошо знакомыхъ съ зоологіей, чтобы нѣсколько разбираться въ матеріалѣ. Ежедневно въ 5 час. утра два паровыхъ катера и цѣлая флотилія моторныхъ и простыхъ лодокъ отправляются въ указанныя имъ мѣста для сбора требуемыхъ изслѣдователями организмовъ и для пополненія матеріала въ акваріумѣ; возвращается экспедиція къ 10—11 часамъ. Такимъ образомъ каждый запимающійся можетъ имѣть подъ рукою ежедневно утромъ свѣжій матеріалъ. Всѣ вообще рыбаки Неаполитанскаго залива, зная, что станція даетъ вознагражденіе за интересную находку, приносятъ сюда всякое сколько-нибудь интересное животное, случайно попавшее въ ихъ сѣти. Самымъ крупнымъ судномъ является большой катеръ „Johannes Müller“, который дѣлаетъ съ желающими лѣтомъ, раза два—три въ мѣсяцъ, болѣе продолжительныя экскурсіи въ окрестности—на Капри, Искію и проч. Для изслѣдованія большихъ глубинъ Неаполитанскаго залива станція пока не имѣетъ необходимаго парохода. Лабораторія обладаетъ огромной библіотекой, гдѣ сосредоточена почти вся существующая зоологическая литература и получаются чуть не всѣ журналы по зоологіи, физіологіи, біологіи и очень многіе по бактеріологіи, химіи, физикѣ и ботаникѣ. Это позволяетъ работающимъ на станціи не только производить научныя изысканія, но и записывать тутъ же на мѣстѣ ихъ результаты. Отсутствіе всякихъ формальностей при взятіи книги (достаточно оставить на мѣстѣ взятой книги карточку со своимъ номеромъ, безъ увѣдомленія о томъ библіотекаря) еще болѣе увеличиваетъ значеніе библіотеки. Основанный на такихъ широкихъ началахъ институтъ скоро занялъ первое мѣсто среди спеціальныхъ лабораторій и въ немъ скоро сформировался состоящій подъ главнымъ руководствомъ проф. П. Майера спеціальный научно-литературный

отдѣлъ, который распространилъ свою дѣятельность на всѣ области зоологіи.

Съ 1879 г. начато Дорномъ изданіе серіи спеціальныхъ монографій, подъ общимъ названіемъ: „Fauna und Flora des Golfes von Neapel und der angrenzenden Meeresabschnitte". Эта серія къ 1909 г. составила 31 обширный (до ста печ. листовъ in-folio) томъ изслѣдованій, роскошно изданныхъ и снабженныхъ прекрасными (до 50 таблицъ) рисунками. Изслѣдованія эти написаны работавшими въ лабораторіяхъ спеціалистами по особому соглашенію со станціей. Для болѣе мелкихъ изслѣдованій существуетъ періодическое изданіе: „Mittheilungen aus der zool. Station in Neapel" (до сихъ поръ вышло 22 тома). Для оріентировки въ обширной и все увеличивающейся зоологической литературѣ, начиная съ 1879 г., ежегодно выходитъ „Zoologischer Jahresbericht" — спеціальный обзоръ, съ краткими рефератами о вышедшей за годъ литературѣ по всѣмъ безъ исключенія отдѣламъ зоологіи. Въ настоящее время этотъ обзоръ является книгой, безъ которой не можетъ обойтись ни одинъ біологъ. Такимъ образомъ, какъ въ практическомъ, такъ и въ научномъ отношеніи вліяніе станціи на развитіе біологическихъ наукъ слѣдуетъ назвать чрезвычайно большимъ. Съ ея открытіемъ началась новая эпоха для біологическихъ изслѣдованій. И основа этому положена усиліями и энергіей одного лица—нынѣ покойнаго Антона Дорна. Сколько понадобилось несокрушимой вѣры въ осуществленіе своего плана, сколько пришлось преодолѣть препятствій, сколько положить труда—объ этомъ свидѣтельствуютъ непрерывный ростъ учрежденія и его блестящее состояніе.

О препятствіяхъ къ созданію совершенно новаго дѣла, притомъ въ чужой странѣ, среди чуждыхъ обычаевъ и понятій, можно отчасти судить со словъ друга и сверстника Дорна, проф. Рей-Ланкестера, который въ 1872 г. былъ свидѣтелемъ первыхъ хлопотъ по постройкѣ станціи въ Неаполѣ. Трудностей всякаго рода, по свидѣтельству Рей-Ланкестера, была масса. Дѣло доходило до того, что одинъ неаполитанскій архитекторъ вызвалъ Дорна на дуэль, такъ какъ послѣдній не соглашался дать ему 10% за коммиссію вмѣсто обычныхъ 5%, и только Рей-Ланкестеру, бывшему секундантомъ Дорна, удалось отговорить отъ дуэли „оскорбленнаго" архитектора. Дорну грозили даже убійствомъ изъ-за угла за неподатливость на подачки разнымъ поставщикамъ и т. п. Желѣзная воля Дорна преодолѣла всѣ препятствія, и благородныя усилія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Покойный ученый не былъ чуждъ Россіи; въ 70-хъ годахъ въ Неаполѣ проживала семья оренбургскаго губернатора Барановскаго, и молодой Дорнъ женился на одной изъ его дочерей.

Послѣдніе три года Дорнъ, по болѣзни, уже мало руководилъ дѣ-

лами станціи, предоставивъ веденіе ихъ своимъ ассистентамъ, въ частности—проф. П. Майеру и своему сыну, д-ру Рейнгарду Дорну, ставшему теперь его наслѣдникомъ и преемникомъ.

А. Щепотьевъ.

РЫЦАРИ НАШИХЪ ДНЕЙ

(Письмо изъ Рима.)

Въ Италіи, какъ и во всякой другой странѣ, есть люди некультурные и люди культурные. Люди некультурные, это—мясники, лавочники, извозчики, крестьяне и другіе. Люди культурные, это—депутаты, адвокаты, генералы, профессора и т. д. У тѣхъ и у другихъ есть своя собственная честь, которую они защищаютъ приблизительно одинаковыми способами. Самый обычный способъ—простая словесная перебранка, все равно—за прилавкомъ или въ парламентѣ; самый крайній — торжественный поединокъ, съ соблюденіемъ различныхъ предками установленныхъ обрядовъ. И вотъ, въ этихъ только обрядахъ и заключается различіе между породами людей некультурныхъ и культурныхъ. А потому я позволяю себѣ дать здѣсь картинки „сельскаго поединка", происходившаго съ годъ тому назадъ въ Римѣ, и парламентской дуэли, происходившей въ томъ же Римѣ очень недавно, хотя и утратившей уже цѣнность злобы дня. Но намъ важна не злоба дня, а эта, такъ сказать, параллель между cavalleria rusticana и cavalleria parlamentare.

Обычай „сельскаго поединка" съ теченіемъ времени въ Италіи выводится, но случаи его, въ особенности на югѣ, все же не такъ рѣдки. Въ Римѣ въ послѣдній разъ такой поединокъ произошелъ, насколько помню, между извозчикомъ и мясникомъ. Оба они любили одну дѣвушку и оба не считали возможнымъ безъ нея жить. Такъ какъ она была одинаково благосклонна къ обоимъ и съ обоими одинаково играла, то стычки между соперниками были постоянны. Дошло до того, что вмѣстѣ имъ жить на свѣтѣ показалось тѣснымъ. Тогда, заключивъ временное перемиріе, они договорились рѣшить дѣло „сельскимъ поединкомъ". Не говоря никому ни слова, безъ всякихъ секундантовъ, они выбрали мѣстомъ для дуэли одинъ изъ чужихъ огородовъ на окраинѣ города, а временемъ—ранній часъ, когда всѣ

еще спятъ. Но случилось, что поединокъ ихъ видѣла одна женщина, со словъ которой онъ и былъ сообщенъ газетамъ.

Они сошлись въ назначенное время на небольшой ровной площадкѣ огорода, сняли пиджаки и жилеты, и пошли другъ на друга, держа наготовѣ большіе отточенные ножи, какими мясники перерѣзываютъ горло быкамъ. Они не были обучены правиламъ фехтованья, у нихъ не было секундантовъ и врачей, и некому было крикнуть: „alt“, когда нанесена первая рана. Черезъ нѣсколько минутъ оба они уже обливались кровью, въ дикой схваткѣ бѣгая по грядамъ огорода. Нужно было рѣзать другъ друга до тѣхъ поръ, пока одинъ не упадетъ, обезсиленный ранами и потерей крови, или не будетъ убитъ наповалъ однимъ ловкимъ ударомъ ножа. Наконецъ крикъ перепуганной женщины, нечаянной свидѣтельницы кровавой стычки, прекратилъ поединокъ, въ тотъ самый моментъ, когда одинъ изъ дуэлянтовъ ослабѣлъ отъ потери крови, которою онъ обильно полилъ огородныя гряды. У него все же хватило еще силы перелѣзть черезъ невысокій заборъ и скрыться въ переулкѣ, тогда какъ противникъ его побѣжалъ въ противоположную сторону. Это было не случайностью, а предварительнымъ уговоромъ. И было еще одно условіе: не выдавать другъ друга, ни словомъ никому не промолвиться о поединкѣ и идти на излѣченіе—если оба случайно останутся живы—въ разныя больницы, объяснивъ свои раны нападеніемъ изъ-за угла шайки „теппистовъ“ [1]). Случилось, однако, что обоихъ парней подобрали на улицѣ и свезли въ одинъ и тотъ же пріемный покой, и такимъ образомъ секретъ былъ раскрытъ, хотя они до конца продолжали упорно отрицать фактъ поединка, выдумывая разныя невѣроятныя исторіи.

Вотъ картинка „сельскаго поединка“ во всей его ужасной простотѣ. Я помню, что о немъ дня три кричали газеты, энергично и напыщенно протестуя противъ такого пережитка варварства. По этому поводу было сказано немало превосходныхъ словъ о роли школы въ дѣлѣ воспитанія гражданскихъ добродѣтелей, о необходимости популярныхъ лекцій по этикѣ и эстетикѣ, о развращающемъ вліяніи литературы, въ частности — произведеній Габріэлэ д'Аннунціо, на подрастающее поколѣніе мясниковъ и извозчиковъ, впрочемъ не прочитавшихъ ни одной строчки изъ твореній безнравственнаго писателя.

— Какъ!—кричали газеты:—въ двадцатомъ вѣкѣ, въ вѣчномъ городѣ міровой культуры, въ этой колыбели морали, въ этомъ питомникѣ гражданскихъ чувствъ, и вдругъ—сельскій поединокъ, который

---

[1]) „Тепписты“—названіе итальянскихъ апашей.

мы уже считали печальнымъ заблужденіемъ нашихъ предковъ, отошедшимъ въ область исторіи! Ужасно!

Я, кажется, не ошибусь, предположивъ, что именно этотъ случай ускорилъ подготовительныя работы по организаціи въ Римѣ общества моральнаго воспитанія населенія, путемъ лекцій на окраинахъ города. Я не вспомню сейчасъ точнаго названія этого почтеннаго общества, все еще не начавшаго функціонировать. Но помню, что предсѣдательницей его состоитъ та самая маркиза, которая, въ своемъ печатномъ докладѣ по поводу „спасанія погибшихъ дѣвушекъ", сдѣлала любопытное открытіе: „Невозможно говорить о правильномъ воспитаніи нравственности итальянскихъ дѣтей, особенно дѣвочекъ, пока на улицахъ большихъ городовъ мужчины позволяютъ себѣ публично останавливаться въ неприличныхъ и соблазнительныхъ позахъ".

И, конечно, по поводу того же поединка крайняя лѣвая кивнула на министерство; то, въ свою очередь, не могло скрыть, что это— плодъ соціалистической пропаганды, а клерикалы не сомнѣвались, что только съ возвращеніемъ въ школу Распятія прекратятся эти ужасы. Кое-кто догадался, что во всемъ этомъ, въ сущности говоря, виноваты попы.

Мало-по-малу объ этомъ случаѣ сельскаго поединка забыли. Да и стоитъ ли помнить о двухъ имярекахъ, мясникѣ да извозчикѣ, вздумавшихъ рѣшать вопросы чести рыцарскимъ поединкомъ на чужомъ огородѣ? Не имъ, о, не имъ суждено возвратить насъ къ тѣмъ счастливымъ героическимъ временамъ, когда честь человѣка стоила больше его жизни, когда каждая Дульцинея могла быть увѣрена, что для ея рыцаря нѣтъ препонъ и преградъ, что онъ съумѣетъ, съ саблей въ рукѣ, защитить ее отъ дерзкихъ намековъ съ чьей бы то ни было стороны! Въ нашъ культурный вѣкъ для этого имѣются офицеры и депутаты.

И вотъ, одному депутату, да при томъ еще соціалисту, да еще старому и популярному, пришла печальная мысль вывести на свѣжую воду офицера, да притомъ еще генерала, да еще фаворита военнаго министерства.

— Не полагаетъ ли военный министръ,—ядовито интерпеллировалъ въ палатѣ депутатъ Евгеній Кьеза,—не полагаетъ ли онъ, что генералы не менѣе своихъ подчиненныхъ должны соблюдать величайшую разборчивость въ своихъ знакомствахъ?

Поводомъ къ интерпелляціи послужили близкія отношенія генерала Фечіа ди-Коссато съ извѣстной авантюристкой, вдовойИменсъ, уличенной въ шпіонствѣ.

Генералъ Пруденте, товарищъ министра военныхъ дѣлъ, оправ-

дывая свою фамилію, благоразумно заявляетъ, что правительство не полагаетъ удобнымъ отвѣчать на запросъ депутата Кьезы. Хотя такого отвѣта ожидали всѣ, и больше всѣхъ—депутатъ Кьеза, однако скандалъ происходитъ своимъ порядкомъ. При этомъ Кьеза не можетъ скрыть, что генералъ Фечіа ди Коссато—большая каналья и, конечно, шпіонъ, что товарищъ министра, къ сожалѣнію, позоритъ министерство, которое, впрочемъ, уже опозорило себя покровительствомъ шпіонамъ и женщинамъ легкаго поведенія. „Бронзовое лицо", подъ которымъ скрывается гнѣвъ генерала Пруденте, его, Кьезу, нимало не пугаетъ, ибо онъ видалъ-таки на своемъ вѣку генераловъ изъ „Веселой вдовы"! Предсѣдатель палаты съ Кьезой ничего подѣлать не можетъ, ни приглашеніями „уважать регламентъ", ни дружескими окриками: „ну, довольно же, Кьеза! Вѣдь вотъ оселъ, вотъ какой оселъ!" Такимъ образомъ каждый участникъ парламентской перебранки защищаетъ честь свою и честь итальянскаго воинства доступнымъ ему способомъ.

Ясно, что генералъ Пруденте долженъ вызвать Кьезу на дуэль. Но этого мало. Такъ какъ, по мнѣнію соціалистическаго депутата, „времена герцогини Литта уже прошли" [1]), то племянникъ этой герцогини, секретарь того же министерства, Морандо, находитъ умѣстнымъ дать Кьезѣ пощечину въ кулуарахъ парламента. Кьеза на это реагируетъ не менѣе энергично и, потирая лѣвую щеку, увѣряетъ корреспондентовъ, что „Морандо будетъ помнить силу его кулаковъ". Но такъ какъ авторитеты по вопросамъ о чести считаютъ пощечину оскорбительнѣе кулака, то Кьеза принужденъ вызвать Морандо на дуэль. Затѣмъ генералъ Фечіа ди Коссато, мундиръ котораго запачканъ Кьезой, посылаетъ къ нему секундантовъ, ни больше, ни меньше, какъ по телеграфу! Точно также по телеграфу и сынъ герцогини Литта выражаетъ желаніе оросить свою шпагу кровью соціалистическаго депутата. Короче говоря—предстоялъ рядъ кровавыхъ побоищъ, безъ которыхъ не только честь итальянскаго войска, не только честь депутатовъ, министровъ и парламента, но и доброе имя культурной Италіи остались бы навѣки замаранными въ глазахъ Европы и цѣлаго міра.

И вотъ, дуэлянты высокаго полета начинаютъ приготовленія. О томъ, составляли ли они духовныя завѣщанія и какъ прощались съ семьей, идя „на бой кровавый, святой и правый"—намъ ничего неизвѣстно. Газетные бюллетени обычно отмѣчали лишь, что депутатъ Кьеза обѣдалъ сегодня въ такомъ-то ресторанѣ и ѣлъ то-то, а

[1]) Герцогиня Литта—историческая личность, хотя еще изъ недавней исторіи, не подлежащей въ Италіи широкому оглашенію. Времена герцогини Литта, vice versa... времена Гумберта I.

генералъ Фечіа ди Коссато спокойно спалъ послѣ завтрака въ теченіе одного часа и восемнадцати минутъ. Но зато за секундантами установленъ былъ журналистами строжайшій надзоръ. Дуэль воспрещена законами страны, и хотя бы собирались драться на дуэли сами законодатели—имъ приходится облекать свои приготовленія величайшей таинственностью. Таинственность въ данномъ случаѣ заключалась въ томъ, что передъ квартирами четырехъ дуэлянтовъ и шестнадцати секундантовъ денно и нощно, въ теченіе цѣлой недѣли, стояли наготовѣ автомобили всѣхъ большихъ итальянскихъ газетъ. Было установлено ночное дежурство журналистовъ, по улицамъ и у городскихъ воротъ разставлены способнѣйшіе репортеры, привратники получали подачками на чай цѣлыя состоянія.

Еслибы непосвященный прочелъ случайно одно изъ длиннѣйшихъ газетныхъ описаній всѣхъ этихъ приготовленій, то у него невольно мелькнула бы мысль о государственномъ заговорѣ. „Ночь. Въ окнахъ потухли всѣ огни. Улицы вымерли; только на площади, близъ высокаго дома съ шикарнымъ подъѣздомъ, бродятъ таинственныя фигуры, да время отъ времени безшумно прилетаетъ велосипедистъ, шепотомъ спрашиваетъ о новостяхъ и улетаетъ снова. А на углу черной вереницей протянулись молчаливые автомобили съ фонарями, закрытыми чернымъ покровомъ... Свѣтаетъ. Дрожа отъ холода, тѣмъ же тихимъ и упрямымъ шагомъ бродятъ по площади мрачныя фигуры журналистовъ, въ любую минуту готовыхъ кинуться къ автомобилямъ и летѣть на поле сраженія. Вотъ скрипнула дверь—и всѣ бросаются къ подъѣзду. Заспанный привратникъ, такъ неосторожно нарушившій предразсвѣтную тишину, поспѣшно ретируется. Одна изъ фигуръ на углу, похожая на карабинера въ штатскомъ, берется за ручку своего велосипеда. Но нѣтъ, все тихо...“ и т. д., и т. д.

А сценки! Вотъ изъ подъѣзда палаты выходитъ депутатъ Биссолати, лидеръ соціалистической партіи и секундантъ Евгенія Кьезы. Немедленно за нимъ, въ десяти шагахъ, начинаютъ слѣдовать подозрительныя личности въ числѣ пяти-шести человѣкъ; эти подозрительныя личности—конечно, тѣ же журналисты и, быть-можетъ, его близкіе друзья. И они прекрасно знаютъ, что Биссолати идетъ въ редакцію „Avanti“. Однако этикетъ требуетъ, чтобы за секундантомъ внимательно слѣдили, не давъ ему возможности скрыться отъ репортеровъ и увезти своего дуэлянта на поле кроваваго сраженія, мѣсто котораго, будто бы, неизвѣстно. Вся эта таинственность настолько бросается въ глаза, что публика сначала останавливается, а затѣмъ также присоединяется къ кортежу. А по боковымъ улицамъ слѣдуютъ автомобили, съ фотографами и журналистами въ полномъ боевомъ порядкѣ.

Наконецъ—настаетъ роковой день первой дуэли между Кьезой и

Пруденте. Талантливые журналисты провѣдали о днѣ, но мѣсто и часъ еще ни имъ, ни полиціи неизвѣстны. Передъ домомъ товарища министра дежурятъ двадцать автомобилей, съ сорока заряженными фотографическими аппаратами. Пресса побѣдила! По слѣдамъ внезапно выскочившаго изъ воротъ министерскаго автомобиля мчатся два десятка другихъ, поднимая невѣроятную пыль. Отъ бѣшеной гонки кое-какъ спасаются женщины и дѣти; за городскими воротами задавливаются нѣсколько куръ и гусей. „Автомобиль чести" останавливается у загороднаго кабачка, дворъ котораго снятъ для поединка. Тамъ уже ждутъ нѣсколько хирурговъ, ихъ ассистентовъ, братьевъ милосердія, разставлены столы съ медикаментами, бутыли съ дезинфецирующими жидкостями, коробки съ бинтами и ватой, носилки—цѣлая больница. Увы—журналистовъ не пускаютъ; имъ приходится лѣзть на заборъ. Фотографы размѣщаются на крышѣ.

Новый столбъ пыли. Это ѣдетъ другой „автомобиль чести" и еще двадцать автомобилей прессы. Населеніе сбѣгается смотрѣть на такое диво. Но отчего нѣтъ полиціи? Очевидно, послѣднее обстоятельство безпокоитъ и секундантовъ. Хотя всѣ уже въ сборѣ, но они еще цѣлый часъ тянутъ съ формальностями,—вымѣриваютъ шпаги, ободряютъ дуэлянтовъ, ни за что не желающихъ помириться и намѣренныхъ биться до послѣдней капли крови, нюхаютъ медикаменты, шепчутся, хмурятъ брови. Наконецъ, когда противники уже не могутъ дольше сдерживать въ себѣ порыва ненависти и жажды крови, когда врачи вынули послѣднюю дюжину кровеостанавливающихъ бинтовъ,—пріѣзжаетъ, запыхавшись полицейскій коммиссаръ. Приходится, изъ уваженія къ закону, подчиниться его представителю. Увы!—дуэль не состоялась! Городовой запретилъ товарищу министра изрубить въ куски соціалистическаго депутата!

Вы думаете—все кончено? Ничуть! На слѣдующій день вновь повторяется та же гонка. На этотъ разъ дуэлянтамъ удается скрыться и на нѣсколько минутъ опередить журналистовъ и коммиссара. Дуэль происходитъ въ частномъ домѣ, а чтобы журналистамъ было, всетаки, видно—на терассѣ. Бряцаетъ оружіе и сыплются удары. Въ доказательство того, что это—не шутка, а отчаянный бой не на жизнь, а на смерть, секундантъ Биссолати хватаетъ за ногу полицейскаго коммиссара, карабкающагося на лѣстницу терассы, и стаскиваетъ его внизъ. Ибо здѣсь—частное помѣщеніе, и полиціи входъ воспрещенъ...

Alt!—депутатъ Кьеза раненъ. У него оцарапана щека и онъ окруженъ профессорами и ихъ ассистентами, вооруженными бинтами и бутылями. Нѣтъ! Онъ хочетъ продолжать! Секунданты совѣщаются. Ясное дѣло—продолжать нельзя! Царапина щеки, при наличности бутыли съ карболкой, не смертельна, однако—силы не равны! Ибо у

одного дуэлянта щека оцарапана, а у другого дуэлянта щека не оцарапана. Въ концѣ концовъ составляется протоколъ о прекращеніи дуэли и о возстановленіи чести обоихъ рыцарей, и оцарапаннаго, и неоцарапаннаго.

Да не подумаетъ читатель, что я пишу каррикатуру на дѣйствительныя событія! Ничуть! Это—чистѣйшая фотографія! Это—одна изъ тѣхъ комедій, которыя разыгрываются во всѣхъ парламентскихъ странахъ съ самыми серьезными лицами. И эти комедіи чрезвычайно полезны. Вы посмотрите—какъ великолѣпно смываются при ихъ помощи пятна съ мундировъ и сюртуковъ! По мнѣнію Кьезы, напримѣръ, Феціа ди-Коссато былъ до дуэли „канальей и шпіономъ", но послѣ того какъ Кьеза, на этотъ разъ дравшійся успѣшнѣе, оцарапалъ генеральскую щеку (врачи не безъ труда нашли царапину), онъ діаметрально перемѣнилъ свое мнѣніе и просилъ „каналью и шпіона" не сомнѣваться въ его полномъ уваженіи. Пруденте, по мнѣнію Кьезы, позорилъ министерство и покровительствовалъ шпіонамъ; однако, получивъ царапину, Кьеза горячо пожалъ руку своего „симпатичнаго и уважаемаго противника". Самъ Кьеза получилъ пощечину отъ Морандо и намялъ ему бока; оказалось однако, что они также глубоко другъ друга уважаютъ! Всѣ репутаціи возстановлены, всѣ мундиры вычищены, щеки залѣчены, побои забыты. Скандалисты и драчуны, ко всеобщему удовлетворенію, оказались благороднѣйшими рыцарями и безстрашными героями! Что соціалисты дерутся на дуэли, это, быть-можетъ, и не совсѣмъ похвально, но Кьезѣ можно простить это хотя бы за то, что онъ, штатскій, съумѣлъ поцарапать генерала.

И эти современные герои, эти жалкіе комедіанты смѣютъ говорить о некультурности мясника и извозчика, полосующихъ другъ друга ножами! И эти ничтожные скандалисты изъ политическихъ верховъ причисляютъ себя къ высшей категоріи „цивилизованныхъ европейцевъ", разсуждаютъ о морали, негодуютъ по поводу „сельскихъ поединковъ", хотятъ читать лекціи воспитательнаго характера! Съ помпой устраивая рекламу своей депутатской и генеральской чести, они, конечно, не подозрѣваютъ, что по понятіямъ стараго рыцарства, имъ уже недоступнымъ, мясникъ и извозчикъ въ данномъ случаѣ имѣютъ передъ ними неизмѣримое преимущество и могутъ смотрѣть на нихъ какъ на презрѣннѣйшихъ трусовъ и шутовъ. Можно признавать или не признавать дуэли. Но признающій ее неизбѣжно долженъ проникнуться той психологіей прошлаго, которая и создала поединокъ. Иначе „дѣло чести" обратится въ жалкую и недостойную комедію, а пощечина будетъ горѣть по прежнему и никакой царапиной ее не потушишь. А культурность... ну, при чемъ тутъ культурность? Позвольте мнѣ не согласиться съ ходячими мнѣніями! Куль-

турно или некультурно ревновать, ненавидѣть, стрѣляться самому или стрѣлять въ другого? Это—вопросы темперамента, а не воспитанія, и культура тутъ совершенно ни при чемъ. Очень жаль, конечно, что въ Италіи происходятъ сельскіе поединки, но если, якобы подъ вліяніемъ распространенія культуры, они смѣняются новомодными дуэлями, подобными описанной выше, то... Богъ съ ней, съ *такой* культурой! Значитъ, она способна лишь превращать людей прямыхъ и искреннихъ въ жалкихъ и заносчивыхъ шутовъ, выставляющихъ на показъ и свои пощечины, и свои царапины. Если нельзя безъ дуэли, то ужъ лучше рѣзать другъ друга, какъ мясникъ съ извозчикомъ. Но только, повторяю: если *нельзя* безъ дуэлей...

Мих. Осоргинъ.

„НОВАЯ ЭТИКА"

(Письмо изъ Берлина.)

I.

На угловыхъ колоннахъ Берлина, обклеенныхъ обыкновенно десятками самыхъ разнообразныхъ афишъ, время отъ времени появляются красные плакаты, на которыхъ сверху большими буквами красуется надпись: „Bund für Mutterschutz" („Союзъ для охраны материнства"). Этими плакатами „Союзъ" приглашаетъ берлинское населеніе на устраиваемыя имъ собранія, программа которыхъ заключается большею частью въ чтеніи рефератовъ по вопросамъ сексуальной этики, гигіены и исторіи эволюціи въ отношеніяхъ между полами. На нѣкоторыхъ изъ этихъ собраній мнѣ пришлось присутствовать и я ознакомился съ составомъ публики, привлекаемой „союзными" объявленіями, и съ характеромъ интереса, возбуждаемаго рефератами.

Однажды, помню, плакаты извѣщали о лекціи извѣстнаго въ Германіи этнографа, барона Рейтценштейна. Тема—„Эволюція брака". Мѣстомъ для собранія былъ избранъ круглый залъ этнографическаго музея, памятный, вѣроятно, многимъ, побывавшимъ въ германской столицѣ. Придя къ назначенному времени, я засталъ двери музея запертыми и осажденными довольно солидной толпой мужчинъ и женщинъ. Это были неудачники, пришедшіе позже другихъ, успѣв-

шихъ переполнить вмѣстительный залъ до послѣдняго мѣстечка. Не смотря на полную безнадежность проникнуть внутрь, публика самоотверженно продолжала осаждать негостепріимныя двери, переговариваясь другъ съ другомъ о прежнихъ, повидимому нерѣдкихъ случаяхъ переполненія „союзныхъ“ собраній. Узнавъ, что я журналистъ, осаждавшіе, находившіеся непосредственно у дверей, стали стучать привратнику, крича, что „представитель прессы“ ждетъ пропуска. Это магическое слово подѣйствовало, и спустя минуту меня скорѣе протолкали, нежели пропустили въ небольшую щель между дверными половинками, сопровождая завистливыми взглядами и таковыми же восклицаніями. Въ залѣ, или, точнѣе, на порогѣ ея, мнѣ пришлось, однако, убѣдиться, что сила прессы можетъ быть ограничена дѣйствіемъ физическихъ законовъ о емкости. Волей-неволей я прослушалъ всю лекцію стоя у порога на ципочкахъ, вытянувъ шею и наблюдая за слушателями лишь черезъ спины ближайшихъ сосѣдей.

Судя по внѣшнимъ признакамъ, по одеждѣ и лицамъ, большинство находившихся въ залѣ слушателей принадлежало къ разночинной интеллигенціи. Студенты, курсистки, учителя, учительницы, образованные конторщики и конторщицы, молодые инженеры и врачи, молодые юристы и журналисты — вотъ изъ кого состоялъ главный контингентъ многоголовой массы, расположившейся по уступамъ музейнаго зала. Нерѣдки были и люди пожилого возраста. Тутъ и тамъ виднѣлись сѣдовласые старики и старухи. Всѣ слѣдили за рѣчью съ необычайнымъ напряженіемъ вниманія, стараясь не пропустить ни одного слова. Видно было, что тема непосредственно захватываетъ слушателей, что въ разсказахъ о брачныхъ формахъ у готтентотовъ и бушменовъ они ищутъ не просто обогащенія своихъ этнографическихъ познаній, а прямого отвѣта на „проклятые вопросы“, поставленные жизнью. Это впечатлѣніе еще усилилось, когда послѣ двухчасовой лекціи приступили къ дискуссіи. Вопросы, которые ставились лектору, поправки, вносимыя „дискутерами“ въ теоретическія построенія послѣдняго, показывали ясно, что не этнографія, а *этика* привлекла сюда этихъ людей.

Припоминаю еще одно собраніе, созванное „Союзомъ“, но только не для выслушанія доклада, а для выраженія протеста. Просторный залъ, вмѣщающій тысячи полторы человѣкъ, былъ набитъ биткомъ. Преобладали женщины различныхъ возрастовъ и костюмовъ и мужская молодежь, очевидно—студенчество. Ни на какомъ изъ берлинскихъ собраній я не видалъ столько милыхъ, интеллигентныхъ и одухотворенныхъ лицъ, какъ именно здѣсь. Говорили о возмутительномъ случаѣ: молодая, незамужняя женщина за нѣсколько дней передъ родами стучалась въ различные родильные пріюты, но отовсюду полу-

чала отказъ, такъ что въ концѣ концовъ принуждена была родить чуть не на улицѣ. Это было зимою, наканунѣ праздника Рождества, и контрастъ между традиціоннымъ чествованіемъ памяти основателя христіанской церкви и жестокой практикой его нынѣшнихъ послѣдователей особенно сильно дѣйствовалъ на чуткія души. Собраніе проходило бурно, слушатели неистово аплодировали ораторамъ и негодующе кричали: „пфуй!“ по адресу тѣхъ, кто по ихъ мнѣнію могъ и долженъ былъ предупредить такіе случаи—законодательныхъ палатъ, правительства, органовъ самоуправленія. И какъ на первомъ, такъ и на этомъ собраніи мнѣ чувствовалось, что слушатели относятся къ предмету какъ-то особенно, что обсуждавшійся вопросъ имѣетъ для нихъ значеніе не простой филантропіи, а съ нимъ связывается нѣчто большое и важное, выходящее за рамки простого сочувствія къ ближнему. *Такъ* реагируютъ люди лишь тогда, когда вопросъ касается ихъ самихъ, ихъ собственной личности, когда онъ задѣваетъ такія струны души, которыя раньше сильно изстрадались, наболѣли...

Затѣмъ, совсѣмъ ужъ недавно, я посѣтилъ собраніе „Союза“, на которомъ присутствовали только члены; „публики“ не было совсѣмъ. Здѣсь были собраны „сливки“ берлинской интеллигенціи, рядъ лицъ съ выдающимися, нерѣдко блестящими именами: множество врачей, юристовъ, доцентовъ университета, литераторовъ, дѣятельницъ женскаго движенія, политиковъ. Тема, стоявшая на очереди, затрагивала, къ сожалѣнію, только внутренніе распорядки „Союза“ и для людей постороннихъ имѣла мало интереса. Дѣло сводилось къ сведенію личныхъ счетовъ, къ борьбѣ за личное вліяніе двухъ главныхъ дѣятельницъ организаціи—Елены Штеккеръ и Адели Шрейберъ,—и притомъ борьбѣ на основѣ не принципіальной, а исключительно технической, дѣловой. Партіи, возникшія вокругъ соперницъ, проявили въ этомъ конфликтѣ рѣдкую энергію и ожесточенность, доходившую часто до необузданности. Видъ этой необузданности дѣйствовалъ угнетающе, но въ то же время казалось, что ярость противниковъ обусловливается не одними личными моментами, что она является продуктомъ интенсивнаго интереса къ „Союзу“, его цѣлямъ, его дѣятельности. Дѣло „Союза“—думалось мнѣ—стоитъ прочно, разъ участники его могутъ позволить себѣ роскошь *такой* борьбы. Изъ очерка цѣлей, организаціи и дѣятельности „Союза“ станетъ ясно, что это дѣло не можетъ не стоять прочно. Жизнь настоятельно требуетъ его и кѣмъ-нибудь оно должно быть сдѣлано. Вотъ почему кризисъ, переживаемый нынѣ „Союзомъ“, раньше или позже долженъ получить благопріятный исходъ.

II.

„Союзъ“ основанъ въ январѣ 1905-го года. Основателями его были симпатичная и не лишенная остроумія писательница Рутъ Бре (Ruth Bré—псевдонимъ), Марія Лишневская, бывшая учительница и выдающаяся дѣятельница въ области женскаго движенія, Вальтеръ Боргіусъ, извѣстный въ берлинскихъ кружкахъ, какъ участникъ разныхъ культуртрегерскихъ начинаній, Максъ Маркузе, спеціалистъ въ области половыхъ проблемъ, редакторъ интереснаго спеціальнаго журнала: „Sexual-Probleme“ и Елена Штеккеръ, извѣстная тогда лишь какъ неустрашимая литературная поборница новыхъ взглядовъ на любовь, бракъ и семью. Елена Штеккеръ была избрана въ предсѣдательницы „Союза“, которою и продолжала быть до кризиса настоящаго года. Впослѣдствіи видное мѣсто въ „Союзѣ“ заняла Адель Шрейберъ, нынѣ главная организаторша похода противъ Елены Штеккеръ. Родомъ изъ Австріи, Шрейберъ вноситъ въ движеніе свойственный австрійцамъ элементъ страстности и порывистости. Недурная ораторша, съ звонкимъ и гибкимъ голосомъ, она быстро овладѣваетъ аудиторіей; ея свободная, убѣжденная, подчасъ саркастическая рѣчь всегда вызываетъ бури апплодисментовъ. Перу Шрейберъ принадлежитъ рядъ статей и брошюръ, главнымъ образомъ полемическаго характера, въ которыхъ она защищаетъ „Союзъ“ отъ многочисленныхъ нападеній.

Постепенно „Союзъ“ разрастался и занялъ вліятельное положеніе. Во многихъ городахъ были основаны отдѣленія или назначены довѣренныя лица. Число членовъ возрастало, достигнувъ за послѣднее время тысячъ четырехъ. Вліяніе его быстро увеличивалось. Въ спискѣ членовъ „Союза“ можно видѣть крупнѣйшія имена литературнаго, научнаго и политическаго міра Германіи, а отчасти и другихъ культурныхъ странъ. Агитаціонная дѣятельность „Союза“ находила и находитъ повсюду сочувственный откликъ, практическія начинанія—энергичную поддержку.

Практическая дѣятельность „Союза“ сводится къ организаціи непосредственной помощи нуждающимся, въ особенности незамужнимъ, женщинамъ, готовящимся стать матерью. Такихъ лицъ повсюду, особенно въ Берлинѣ, очень немало. „Союзъ“ помѣщаетъ ихъ въ родильные пріюты, пріискиваетъ имъ работу, даетъ юридическую помощь. Въ Берлинѣ и въ провинціи члены „Союза“, принадлежащіе къ врачебному или юридическому сословію, охотно предоставляютъ себя въ распоряженіе союзныхъ кліентокъ.

Было бы, однако, ошибочно думать, что практическая дѣятель-

ность „Союза“ отличается большими размѣрами. Ничуть не бывало. Гораздо больше, нежели „Союзъ“, дѣлаютъ въ этомъ отношеніи городскія, церковныя и разныя другія общественныя учрежденія. Важна не сама помощь, а то, *какъ* она оказывается. И муниципальная, и церковная, и всякая другая общественная помощь обставляется, *въ принципѣ*, такъ, что получающая ее незамужняя женщина должна чувствовать себя „падшей“, совершившей „грѣхъ“, который долженъ быть искупленъ. На этомъ основаніи и помощь оказывается, въ большинствѣ случаевъ, одинъ только разъ. Съ точки зрѣнія, на которой стоитъ современное общество, это вполнѣ послѣдовательно. Разъ человѣкъ „грѣшитъ“, не желая исправиться, то обществу нѣтъ никакого резона облегчать ему грѣховную дѣятельность. Въ противоположность этому, „Союзъ“ не считаетъ своихъ кліентокъ „падшими“ созданіями и ничѣмъ не даетъ имъ почувствовать, что онѣ „грѣшницы“. Помощь оказывается не разъ, а столько разъ, сколько нужно, ибо въ глазахъ „Союза“ всякая женщина, готовящаяся дать жизнь новому существу, священна независимо отъ того, какъ и при какихъ условіяхъ стала матерью.

Такое отношеніе къ материнству покоится на особыхъ этическихъ принципахъ, составляющихъ то, что и друзья, и враги союза окрестили именемъ „Новой Этики“. Этика эта вотъ уже нѣсколько лѣтъ интенсивно обсуждается во всѣхъ слояхъ нѣмецкой интеллигенціи. О ней говорятъ на собраніяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ, въ семьѣ, въ товарищескихъ кружкахъ, въ періодической и не-періодической прессѣ, въ изящной литературѣ, среди молодыхъ и старыхъ, среди мужчинъ и женщинъ, среди ученыхъ и неученыхъ. Повсюду она задѣваетъ какія-то струны, ударяетъ по какимъ-то нервамъ, особенно наболѣвшимъ въ нѣмецкой интеллигентной душѣ. Чему же она учитъ?

Раньше всего—тому, что „старая“ сексуальная этика, этика, основанная на буржуазной культурѣ, потерпѣла полное фіаско и совершенно игнорируется дѣйствительною жизнью. Это утвержденіе „новоэтики“ обосновываютъ указаніемъ на цѣлый рядъ фактовъ, ярко иллюстрирующихъ несоотвѣтствіе между оффиціально признанной моралью и жизненной практикой современнаго общества. Оффиціальная мораль, напр., допускаетъ половую жизнь только въ бракѣ, признаетъ только моногамію. Въ дѣйствительности же половая жизнь современнаго общества протекаетъ въ такой же мѣрѣ въ бракѣ, какъ и внѣ его, моногамія же является фактически скорѣй исключеніемъ, нежели правиломъ.

Это подтверждается совершенно объективными цифрами. По даннымъ переписи 1900 г. въ Германской имперіи изъ 12.206.020 мужчинъ, въ возрастѣ отъ 18-ти до 50-ти лѣтъ, было 6.868.832

холостыхъ, а изъ 9.394.289 женщинъ, въ возрастѣ отъ 18-ти до 40 лѣтъ, незамужнихъ было 3.183.334. Это значитъ, что 43,7% всѣхъ мужчинъ и 34% всѣхъ женщинъ, находящихся въ *зрѣломъ* возрастѣ, были свободны отъ обручальнаго кольца.

Причины существованія такого огромнаго числа холостыхъ мужчинъ и незамужнихъ женщинъ различны. Съ одной стороны тутъ играютъ роль экономическія условія, съ другой—традиціи административнаго и соціальнаго порядка. Чисто экономическія причины дѣйствуютъ большей частью въ рабочей средѣ. Отсутствіе опредѣленнаго дохода, необходимость, въ поискахъ за работой, переходить изъ одного мѣста въ другое, парализуетъ здѣсь стремленіе къ устройству домашняго очага. Въ извѣстной мѣрѣ это обстоятельство имѣетъ мѣсто, конечно, и въ другихъ слояхъ общества, но еще большую роль играютъ тамъ причины другого порядка. Учительницамъ, телеграфисткамъ соотвѣтственное начальство абсолютно запрещаетъ вступать въ бракъ, не оставляя службы. Другимъ (чиновникамъ, офицерамъ) начальство дѣлаетъ извѣстныя затрудненія, ставя вступленіе въ бракъ въ зависимость отъ соотвѣтственнаго разрѣшенія. Наконецъ, большое значеніе имѣетъ и взглядъ молодой буржуазіи на бракъ, какъ на карьеру, какъ на сдѣлку, гдѣ нужно по возможности больше получить. Для многихъ дѣвушекъ буржуазной среды требованія жениховъ прямо невыполнимы, и если онѣ не желаютъ выходить замужъ за людей „низшихъ" сословій, то имъ приходится оставаться „въ дѣвахъ".

Каковы бы, однако, ни были причины огромнаго количества безбрачныхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что эти милліоны мужчинъ и женщинъ въ большинствѣ случаевъ не воздерживаются отъ половой жизни. Статистика отмѣчаетъ, что ежегодно въ Германіи рождается 180.000 внѣбрачныхъ дѣтей; но этой цифрой далеко не выражаются размѣры внѣбрачныхъ сношеній. Кто подсчитаетъ, сколько естественныхъ и искусственныхъ выкидышей плаваетъ ежегодно въ выгребныхъ ямахъ, въ клозетахъ, въ ручьяхъ и рѣкахъ! Кто займется статистикой потребленія всякихъ „гигіеническихъ" средствъ и препаратовъ! А что эти средства распространены въ огромныхъ количествахъ, что они извѣстны не только „развратному" городу, но и „цѣломудренной" деревнѣ, не только взрослымъ, но и подросткамъ—это знаетъ всякій, кто мало-мальски интересовался сексуальными проблемами.

Дѣйствительная практика жизни совершенно не похожа, такимъ образомъ, на оффиціально-исповѣдуемую „мораль". Естественнымъ результатомъ такого раздвоенія является необычайный ростъ проституціи, публично порицаемой, но въ дѣйствительности пріемлемой и благословляемой высоконравственнымъ бюргеромъ. Какъ распростра-

нена эта язва въ Германіи—видно изъ того, что въ одномъ только Берлинѣ полиція насчитываетъ 50.000 проститутокъ. Въ дѣйствительности эту цифру можно увеличить на 2—3 десятка тысячъ. Для одного только города (правда, двухмилліоннаго) потребовалась цѣлая армія женщинъ, продающихъ свое тѣло первому встрѣчному. И это съ одобренія и даже при *содѣйствіи* государства, „христіанскаго" государства! Ибо регламентація проституціи есть не что иное, какъ содѣйствіе ей.

Проституція считается обязательнымъ аттрибутомъ благоустроеннаго общежитія. Соціальные „реформаторы" заботятся не столько объ искорененіи ея, сколько о „нормировкѣ" и „регулированіи". Любопытнымъ и знаменательнымъ образчикомъ такого „реформаторства" является брошюра, написанная нѣкіимъ М. К. Д. и выпущенная въ свѣтъ съ предисловіемъ извѣстнаго ученаго, профессора К. Френкеля, состоящаго директоромъ гигіеническаго института при университетѣ въ Галле. Въ своемъ предисловіи Френкель сообщаетъ, что анонимный авторъ имѣетъ большія заслуги въ своей профессіи, что онъ особенно извѣстенъ въ различныхъ областяхъ общественной дѣятельности, но изъ вниманія къ своему брату, занимающему высокій государственный постъ, онъ не рѣшается подписать полнымъ именемъ свой планъ общественнаго спасенія. Какой же планъ выработалъ г. М. К. Д.?

Въ двухъ словахъ этотъ планъ опредѣляется названіемъ брошюры: „Städtische Lusthäuser"! Авторъ требуетъ ни больше, ни меньше, какъ муниципализаціи проституціи, монополизированія ея городомъ въ интересахъ государства, общества, нравственности и религіи. Никакія другія средства не могутъ, по его мнѣнію, помочь разрастающейся бѣдѣ; только муниципализація дастъ возможность „выполнить нашъ христіанскій и человѣческій долгъ по отношенію къ ея жертвамъ". Какъ авторъ представляетъ себѣ эту „муниципализацію"—видно изъ его детально разработаннаго проекта, предназначеннаго для удовлетворенія берлинскихъ потребностей. Онъ предлагаетъ построить въ Берлинѣ (вѣрнѣе, за городомъ) особый домъ съ паркомъ и гимнастическимъ плацемъ, въ которомъ можно было бы помѣстить сначала около 20-ти тысячъ „увеселительницъ" (Lustfrauen). Эти женщины являются, такъ сказать, городскими служащими и не должны выходить изъ района заведенія, своего рода „черты осѣдлости". Онѣ должны одѣваться въ простыя одежды; такъ же просто должны быть отдѣланы ихъ камеры. Строгій хранитель классоваго принципа, авторъ проекта дѣлитъ „увеселительницъ", въ зависимости отъ красоты, молодости и другихъ качествъ, на четыре разряда. Женщины перваго разряда оцѣниваются въ 23, второго—въ 18, третьяго—въ 13 и четвертаго—въ 8 марокъ. Съ серьезной миной онъ рисуетъ, дальше, какъ

спеціальные врачи осматриваютъ каждаго посѣтителя, какъ послѣдніе берутъ ванну на глазахъ у „увеселительницы“, какъ увеселительницы для облегченія выбора показываются „гостю“ у окна своей камеры, какъ посѣтители, переступая порогъ, приводятъ въ движеніе контрольные часы, дающіе возможность наблюдать за продолжительностью посѣщенія, а также цѣлый рядъ другихъ мелочей „увеселительнаго“ ритуала. Такъ напримѣръ, онъ предусмотрительно разрѣшаетъ вопросъ объ инкогнито увеселительницъ тѣмъ, что предлагаетъ называть ихъ по номерамъ или кличкамъ. Инкогнито посѣтителей можетъ быть обезпечено маской и т. д. Доходы, получаемые отъ увеселительнаго дѣла, дѣлятся на двѣ части: одна поступаетъ въ собственное распоряженіе „увеселительницъ“, другая идетъ въ кассу муниципалитета. Чистые остатки должны быть употреблены на устройство женскихъ пріютовъ, гдѣ за небольшую плату порядочныя женщины и дѣвушки могли бы найти себѣ кровъ. Такимъ путемъ онѣ были бы избавлены отъ тѣхъ соблазновъ, которые окружаютъ всѣхъ женщинъ, ютящихся по „угламъ“. Такъ какъ чистаго дохода, по разсчетамъ М. К. Д., должно быть не менѣе 36 милліоновъ марокъ, то дѣло спасенія нуждающихся порядочныхъ женщинъ очень выиграло бы отъ увеселительной муниципализаціи.

Этотъ циничный проектъ, повторяю, пущенъ въ оборотъ выдающимся профессоромъ, обладателемъ крупнаго научнаго имени—и именно поэтому онъ является знаменательнымъ и важнымъ. При господствующемъ характерѣ сексуальной жизни ему, въ сущности, нельзя отказать въ послѣдовательности. Если проституція дѣйствительно неизбѣжна, то необходимо, по крайней мѣрѣ, обезпечить ей максимумъ гигіеническихъ условій. Если для этого требуется „муниципализація“, контрольные часы и маски, то нечего останавливаться и передъ этимъ. Но именно эта послѣдовательность, роковымъ образомъ приводящая къ отвратительному цинизму, именно она вскрываетъ всю ложь половой жизни современнаго бюргерства, именно она указываетъ на то, что „старая этика“ потерпѣла полное банкротство.

Однимъ изъ главныхъ „устоевъ“ этой „этики“ является ея различное отношеніе къ мужчинѣ и женщинѣ. Что̀ дозволяется первому, то непозволительно для послѣдней. Внѣбрачная половая жизнь мужчины не мѣшаетъ ему быть нравственнымъ человѣкомъ въ глазахъ самыхъ строгихъ моралистовъ. Соціальная и государственная карьера мужчины не страдаетъ отъ того, что у него имѣется незаконная связь и есть „незаконнорожденныя“ дѣти. Законъ становится на сторону мужчины и провозглашаетъ (§ 1589 нѣм. гражд. улож.), что „внѣбрачный ребенокъ и его отецъ не находятся въ родственной связи“. Вообще съ давнихъ поръ принято считать, что половая жизнь мужчины „нейтральна“, что она задѣваетъ только его физическую, но отнюдь

не психическую природу. Совсѣмъ другое по отношенію къ женщинѣ. Женщина, имѣвшая неосторожность отдаться любимому человѣку безъ соблюденія извѣстнаго ритуала, женщина, ставшая матерью внѣ брака, попадаетъ въ разрядъ „падшихъ", свергается на низшія ступени соціальной лѣстницы, становится матеріаломъ, изъ котораго рекрутируются тысячные кадры проституціи. Съ этой точки зрѣнія „новоэтики" правы, когда говорятъ, что проституція является продуктомъ старой морали.

Противъ этого, такъ сказать, моральнаго дуализма, противъ различной оцѣнки въ поведеніи мужчины и женщины и возстаютъ представители „новоэтизма". Чего же требуютъ „новоэтики"? Они требуютъ сразу двухъ вещей: съ одной стороны ограниченія, обузданія половой жизни мужчинъ, съ другой—большей свободы для женщинъ. При большей свободѣ и простотѣ нравовъ, при устраненіи обычныхъ, большею частью лицемѣрныхъ условностей, естественныя потребности мужчинъ и женщинъ будутъ удовлетворены, и проституція въ значительной степени потеряетъ свой raison d'être.

Основнымъ условіемъ при этомъ является одухотвореніе половой жизни. Половая жизнь не должна быть простымъ физіологическимъ процессомъ; союзъ двухъ лицъ разнаго пола долженъ быть основанъ на глубокой личной привязанности, на любви. Только любовь, а не государственная или церковная санкція, освящаетъ половую жизнь человѣка, только она поднимаетъ ее на степень высокой этической и эстетической цѣнности.

Въ пропагандѣ этихъ воззрѣній, въ стремленіи къ оздоровленію и одухотворенію сексуальныхъ отношеній заключается немалая заслуга „Союза". Нужно знать, какая толща филистерства и лицемѣрной пошлости окружаетъ половую жизнь средняго нѣмецкаго бюргера, чтобы понять, сколько нравственной чистоты и мужества нужно имѣть для того, чтобы именно въ Германіи поднять голосъ въ пользу „новой этики". И нужно видѣть, какую слѣпую ярость вызываетъ у всѣхъ защитниковъ „добрыхъ старыхъ временъ" дѣятельность „новоэтиковъ", чтобы понять, какъ важна эта дѣятельность на германской почвѣ.

„Союзъ", однако, не ограничивается одной моральной проповѣдью: онъ борется за проведеніе цѣлаго ряда опредѣленныхъ юридическихъ реформъ. Путемъ петицій, путемъ разработки законопроектовъ онъ пытается подготовить почву для измѣненія законодательства въ соотвѣтствіи съ вновь назрѣвшими потребностями. Онъ добивается облегченія развода и бо̀льшаго обезпеченія правъ внѣбрачнаго ребенка и незамужней матери. „Измѣненія законодательства" — говорится въ проектѣ программы, выработанномъ виднымъ дѣятелемъ „Союза",

франкфуртскимъ профессоромъ Максомъ Флешемъ,—„Союзъ добивается въ смыслѣ наложенія большей отвѣтственности на отца по отношенію къ содержанію матери до родовъ и къ содержанію ребенка. Въ особенности Союзъ будетъ добиваться, чтобы мужчинамъ и женщинамъ, обязаннымъ содержать рожденныхъ внѣ брака дѣтей, воспрещено было вступленіе въ бракъ съ другой женщиной или другимъ мужчиной до тѣхъ поръ, пока они не обезпечатъ воспитаніе и содержаніе своихъ дѣтей обязательными договорами. Далѣе, Союзъ добивается законодательныхъ нормъ, согласно которымъ обязательства, вытекающія изъ половыхъ отношеній, не должны быть поставлены въ зависимость отъ санкціи этихъ отношеній государственной властью. На каждаго участника, мужчину и женщину, должна быть наложена безусловная отвѣтственность за всѣ послѣдствія полового сношенія (беременность, венерическія болѣзни и т. д.)... Союзъ стремится къ проведенію въ жизнь такого юридическаго порядка и такихъ воззрѣній, въ рамкахъ которыхъ женщина, и безъ того принужденная брать на себя всѣ физіологическія послѣдствія полового сношенія (беременность, роды), не должна сверхъ того навлекать на себя общественное презрѣніе. Это должно быть достигнуто путемъ подчиненія половой жизни, безразлично—брачной или внѣбрачной, одинаковой отвѣтственности обѣихъ сторонъ передъ закономъ. Материнскія права женщины, разъ она согласна взять на себя материнскія обязанности, должны быть для всѣхъ одинаковыми, независимо отъ того, находится ли женщина замужемъ или нѣтъ. Незаконнорожденный ребенокъ долженъ имѣть такія же права по отношенію къ своему отцу, какъ и законный. Выразивъ въ законодательствѣ эти требованія, представляющія, по сравненію съ распространеннымъ нынѣ фарисейскимъ осужденіемъ незамужней матери, новую этику, мы достигнемъ того, что законъ оградитъ каждый видъ материнства, сдѣлавъ такимъ образомъ излишнимъ существованіе всякихъ союзовъ для защиты материнства".

Наряду съ этимъ должны быть проведены и мѣры соціально-политическаго характера. Важнѣйшимъ требованіемъ въ этой области является государственное страхованіе материнства. Каждая женщина, замужняя или незамужняя, собираясь дать жизнь новому существу, имѣетъ естественное право на помощь со стороны общества. Общество должно предоставить каждой беременной женщинѣ возможность родить своего ребенка и оправиться отъ родовъ при гигіенической и удобной обстановкѣ. Страхованіе материнства и должно обезпечить эту возможность. „Союзъ" борется за такое страхованіе, хотя понимаетъ, что введеніе его, требующее солидныхъ средствъ [1]), не можетъ

[1]) По разсчетамъ правительства для такого страхованія потребуется увеличеніе нынѣшнихъ страховыхъ расходовъ на сумму около 280 милліоновъ марокъ.

быть вопросомъ ближайшаго дня. Нѣкоторые члены „Союза" предлагаютъ приступить, пока что, къ организаціи частныхъ „материнскихъ кассъ". Кое-гдѣ такія кассы начали функціонировать, и нужно думать, что дѣло пойдетъ впередъ, хотя и медленно. Нѣмцы умѣютъ работать коллективно, и въ этомъ умѣньѣ лежитъ залогъ успѣха.

III.

Русскому читателю, я знаю, взгляды и стремленія нѣмецкихъ „новоэтиковъ" говорятъ очень мало новаго. Не новы эти взгляды и въ Германіи. Кто знакомъ съ исторіей нѣмецкой романтики, кто вспоминаетъ настроенія и взгляды такихъ людей, какъ Фридрихъ Шлегель и его друзья, тотъ знаетъ, что „новая этика" въ Германіи имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, столѣтнюю давность. Но не слѣдуетъ забывать вотъ чего. И нѣмецкіе романтики, и наши интеллигенты исповѣдывали и исповѣдуютъ „новоэтизмъ", такъ сказать, въ одиночку. Ни тѣ, ни другіе не сдѣлали попытки систематически, путемъ особой организаціи, провести свои взгляды въ широкія массы, сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ. „Союзъ" впервые повелъ планомѣрную работу въ занимающей насъ области, и именно въ этомъ — его главное значеніе.

Появленіе „Союза" на общественной аренѣ вызвало, какъ уже мимоходомъ отмѣчено, большое возбужденіе. И друзья, и враги „новоэтизма" пришли въ сильное волненіе, когда раздались первыя слова „новаго" ученія. Извѣстный своимъ „вольнодумствомъ" мюнхенскій журналъ „Jugend" (молодость) привѣтствовалъ новое движеніе стихами, адресованными Еленѣ Штеккеръ:

Du sprachst das Wort, nach dem wir alle lechzen.
Die alte Lüge ward von Dir gerichtet,
Die Lüge, unter deren Joch wir ächzen,
Die Liebe wehrt und feile Laster züchtet,
Die mit dem edelsten der Triebe rechtet,
Die uns gelehrt, das freie Weib zu hassen,
Und Millionen Frauenleiber knechtet
Im eklen Schmutze ewig finstrer Gassen.
Befreiend sausten Deine Geisselhiebe
Auf die geheiligte Moral der Gossen.
Und jubelnd klang das hohe Lied der Liebe,
Die selbst sich segnet, ewigkeitsentsprossen.
Du lehrtest uns erhobnen Hauptes schreiten,
Erlöst vom Joch, dem wir zu lang uns beugen,
Du wecktest mir die Ahnung schön'rer Zeiten,
Die freie Menschen seh'n und freie Menschen zeugen.

[Ты слово молвила—мы жаждали его. Ты крестъ поставила надъ старой ложью, надъ ложью, подъ ярмомъ которой стонемъ мы, которая бѣжитъ любви, порокъ продажный умножая; надъ ложью, спорящей съ благороднымъ чувствомъ, учившей насъ ненависти къ свободной женщинѣ и рабству отдающей милліоны женскихъ тѣлъ въ омерзительной грязи лишенныхъ свѣта улицъ. Освобождающе свисталъ твой бичъ, упадая на освященную мораль трущобъ. Торжественно звучала пѣснь любви, въ самой себѣ несущей свой залогъ. Ты научила насъ ходить главу поднявши, свободно отъ давно гнетущаго ярма. Ты вызвала во мнѣ предчувствіе временъ прекрасныхъ, когда появится свободный человѣкъ.]

Въ такомъ же духѣ откликнулись и другіе органы, сочувствующіе молодой организаціи. Эти отклики очень наглядно иллюстрируютъ, какъ важно было положить основаніе новому теченію. Но еще выразительнѣе подчеркиваетъ эту важность оппозиція со стороны защитниковъ „старины“. Берлинскій органъ протестантскихъ пасторовъ, напримѣръ, никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что основаніе „Союза“ встрѣтило живую симпатію у многихъ тысячъ нѣмецкихъ женщинъ. Съ „горячимъ негодованіемъ и пылающимъ отъ стыда и гнѣва лицомъ“ онъ вопрошалъ: неужели „эти женщины, поднимающія теперь свой голосъ такъ высоко въ пользу ложнаго, оскорбляющаго нравственность материнскаго права, окажутся правыми?... Крикъ возмущенія долженъ раздаться повсюду, когда такой образъ мысли осмѣливается показаться на свѣтъ Божій“. „Господь храни насъ—заканчивалъ богобоязненный авторъ—отъ распространенія пропагандируемыхъ Союзомъ воззрѣній. Мы должны протестовать и бороться противъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ“. Журналъ „Der Deutsche“ откликнулся въ слѣдующихъ любопытныхъ выраженіяхъ: „снова — писалъ онъ—раздался въ Берлинѣ стонъ по ребенку. Союзъ для защиты материнства, желающій помочь новой женщинѣ удовлетворить ея вожделѣнія, устроилъ, при огромнѣйшемъ стеченіи публики, свое первое публичное собраніе“. Бѣгло изложивъ главнѣйшія цѣли „Союза“, журналъ останавливается на стремленіи поднять положеніе незамужней матери и говоритъ: „Еслибы мы освободили каждую незамужнюю женщину отъ матеріальныхъ и соціальныхъ послѣдствій ея слабости, то это означало бы, что мы раздаемъ преміи за легкомысліе, похотливость, развращенность. Расходы по удовлетворенію національнаго шабаша сладострастія превысили бы суммы морского и военнаго бюджетовъ“. Рѣзкую отповѣдь „новоэтизму“ далъ также покойный берлинскій философъ, извѣстный и въ Россіи Фридрихъ Паульсенъ, а за нимъ—цѣлый рядъ выдающихся дѣятельницъ женскаго движенія: Елена Ланге, Инна Фрейденбергъ, Гертруда Беймеръ и т. д. Кри-

тика послѣднихъ основана, какъ въ этомъ легко убѣдиться при внимательномъ чтеніи изданнаго ими сборника: „Frauenbewegung und Sexualethik“, на значительномъ недоразумѣніи.

Р. Стрѣльцовъ.

НА БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ

(Письмо изъ Софіи.)

Турецкая „хуріета“, т.-е. установленіе въ Турціи конституціоннаго режима, дала толчокъ работѣ мысли у населяющихъ Балканскій полуостровъ народовъ. Сильно оживилась среди нихъ идея „балканской федераціи“. Всего два года тому назадъ деспотическій режимъ Турціи превращалъ эту идею, даже въ глазахъ самыхъ крайнихъ оптимистовъ, въ утопическую химеру: участіе въ такой федераціи абдульгамидовской Турціи, конечно, могло вызывать только улыбку, а безъ участія Турецкой имперіи федерація теряла всякій смыслъ и при практическомъ ея осуществленіи явилась бы лишь безплодною попыткою воскресить славянофильскаго смердящаго Лазаря. Разрѣшать такую задачу среди вышедшихъ изъ политическихъ пеленокъ балканскихъ дѣятелей охотниковъ нашлось бы, разумѣется, очень немного. Паденіе турецкаго деспотизма создало въ балканскихъ странахъ совершенно новую политическую ситуацію, открывши вмѣстѣ съ тѣмъ и новые горизонты въ сферѣ вѣкового „восточнаго вопроса“. Въ чемъ состоитъ сущность этого „вопроса“, какъ не въ стремленіи „великихъ державъ“ либо воспользоваться наслѣдствомъ давно уже приговореннаго европейскими врачами къ смерти, но, наперекоръ ихъ приговору, умирать вовсе не собирающагося „больного человѣка“, либо создать среди такихъ экономически отсталыхъ странъ, какими являются всѣ государства Балканскаго полуострова, во-первыхъ—непосредственный рынокъ для сбыта своихъ продуктовъ, во-вторыхъ—удобные пути для вывоза тѣхъ же продуктовъ на еще болѣе заманчивые рынки Азіи и Африки? Въ чемъ другомъ, какъ не въ этомъ, кроется основная причина нѣмецкаго „Drang nach Osten“? Чѣмъ другимъ объясняется вся политика австрійской дипломатіи по отношенію къ Балканамъ, вплоть до аннексіи Босніи и Герцеговины, являющихся пока для Австрійской имперіи странами въ экономическомъ отношеніи несомнѣнно убыточными?

„Pourquoi dépensons-nous beaucoup d'argent pour maintenir ces provinces (Боснію и Герцеговину),— говорилъ въ 1903-мъ году, въ разгаръ македонскаго возстанія, Гастону Рутье одинъ крупный австрійскій дипломатъ. Elles ne sont pas acquises par les sentiments; nous ne les tenons que par la force, *elles sont très pauvres*. Mais elles sont la route de Constantinople ou de Salonique. *Et voilà qui vous explique tout*" [1]).

Теперь, когда аннексія этихъ „очень бѣдныхъ странъ" стала совершившимся фактомъ, балканская политика Австріи будетъ неизмѣнно вертѣться, какъ вокругъ оси, около желѣзной дороги Сараево—Митровица, и въ тотъ день, когда прогудитъ по этой дорогѣ первый австрійскій локомотивъ, вѣнская дипломатія будетъ вправѣ сказать: „нынѣ отпущаеши". Не только весь ближній Востокъ войдетъ тогда болѣе или менѣе въ „сферу вліянія" Австріи, но и всеевропейскій торговый путь на Азію и Африку черезъ Бриндизи замѣнится путемъ Вѣна—Салоники [2]).

Турція, конечно, это понимаетъ, и не такъ-то скоро добьется, вѣроятно, при всемъ своемъ дипломатическомъ искусствѣ, графъ Эренталь завѣтной цѣли австрійскаго „Drang"'а. Но разное вѣдь можетъ случиться. Съумѣлъ же императоръ Вильгельмъ устроить очень недурные для Германіи „гешефты" съ оттоманскимъ банкомъ въ Константинополѣ и багдадской желѣзной дорогой. Для этого надо было только протянуть Гамиду въ 1895-мъ году „дружескую" руку, въ тотъ моментъ, когда отъ залитаго цѣлымъ моремъ армянской крови деспота съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернулся весь цивилизованный міръ. Все дѣло въ томъ, чтобы проявлять поменьше „сантиментовъ"; вѣнскія же „сферы", какъ извѣстно, этимъ грѣхомъ такъ же мало грѣшны, какъ и „сферы" берлинскія.

Опасность экономическаго (а въ концѣ концовъ и политическаго) порабощенія Балканъ Австріею живо сознается среди балканскихъ народовъ. Но вѣдь съ другой стороны стоитъ „родная по крови" многимъ изъ этихъ народовъ Россія. Не въ ней ли спасеніе отъ надвигающейся австрійской грозы? Попробуйте высказать подобную мысль, ну, хоть въ интеллигентныхъ кругахъ Болгаріи—и вы, конечно, вызовете лишь улыбку. Просмотрите всю массу выходящихъ опять-таки въ одной только Софіи газетъ—и вы не найдете въ нихъ по этому вопросу почти ничего, кромѣ „неблагодарности" болгаръ по отношенію... не къ Россіи, конечно, а къ тѣмъ, кто такъ привыкъ отожде-

---

[1]) Gaston Routier, „La question macédonienne", стр. 68.

[2]) Значеніе этой желѣзной дороги объяснено въ книгѣ превосходнаго знатока балканскихъ дѣлъ, П. Н. Милюкова: „Балканскій кризисъ и политика А. П. Извольскаго" (стр. 163—167).

ствлять интересы Россіи съ интересами своими собственными. Злосчастная война съ Японіей, легендарные подвиги нашихъ внутреннихъ „умиротворителей", дипломатическая дѣятельность г. Извольскаго и—last not least!—то „memento mori", которое несется во всѣ страны цивилизованнаго міра изъ Финляндіи,—все это создало на Балканахъ такую атмосферу, въ которой „русская дружба" имѣетъ „плотность" нисколько не бо́льшую, чѣмъ австрійская...

Такое настроеніе нашло, разумѣется, наиболѣе яркое выраженіе среди „лѣвыхъ" элементовъ балканскихъ странъ. Тамъ ясно и опредѣленно раздался призывной лозунгъ: „борьба противъ Австріи и Россіи, борьба противъ провозглашеннаго ими для Балканскаго полуострова принципа statu quo".

Ну, а что же вмѣсто statu quo? Балканская федерація, со включеніемъ въ нее, разумѣется, и Турціи,—отвѣчаютъ балканскіе соціалисты, и въ предѣлахъ своихъ силъ проявляютъ для агитаціи въ пользу этой идеи очень большую энергію.

Здѣсь необходимо сказать два слова о получившемъ уже въ концѣ прошлаго года отчетливое выраженіе среди австрійскихъ сербовъ, хорватовъ, словинцевъ, далматинцевъ, боснійцевъ и герцеговинцевъ движеніи въ пользу объединенія рабочихъ массъ этихъ странъ на почвѣ прекращенія взаимной національной борьбы (главнымъ образомъ между сербами и хорватами) и созданія для славянъ австрійскаго юга такого, приблизительно, положенія, какое занимаетъ по отношенію къ Австріи Венгрія. Въ декабрѣ прошлаго года въ столицѣ Крайны, Люблянѣ (Лайбахѣ), состоялся съѣздъ соціалъ-демократовъ изъ всѣхъ вышеназванныхъ странъ. Съѣзду предшествовалъ многолюдный митингъ, на которомъ былъ произнесенъ въ указанномъ смыслѣ цѣлый рядъ восторженно принятыхъ рѣчей. Въ томъ же смыслѣ приняты были затѣмъ резолюціи и самимъ съѣздомъ, послѣ чего для дальнѣйшихъ дѣйствій было избрано бюро изъ представителей хорватской, босно-герцеговинской и словинской соціалъ-демократическихъ партій—отъ каждой по три. Со временемъ это бюро должно превратиться въ представительство всѣхъ юго-славянскихъ соціалистовъ, австровенгерскихъ и *балканскихъ*.

На люблянскомъ съѣздѣ принималъ участіе, въ качествѣ гостя изъ королевства Сербіи, лишь одинъ „балканецъ"—сербъ Туцевичъ изъ Бѣлграда. Онъ былъ тамъ одинъ, но уже 7-го января въ Бѣлградѣ состоялся съѣздъ соціалъ-демократовъ, въ которомъ приняли участіе делегаты Сербіи, Болгаріи, Румыніи, Турціи, Черногоріи, Босніи, Герцеговины, Кроаціи, Славоніи, Каринтіи и Крайны. Изъ Греціи съѣзду была прислана привѣтственная телеграмма съ выраженіемъ сочувствія его планамъ. Въ теченіе трехъ дней обмѣнивались

участники съѣзда взглядами на балканскій вопросъ, послѣ чего единогласно была принята резолюція о борьбѣ съ Австріей и Россіей, о борьбѣ противъ балканскаго statu quo и объ агитаціи въ пользу идеи балканской федераціи. Для планомѣрнаго веденія этой агитаціи съѣздомъ былъ избранъ особый (съ мѣстопребываніемъ въ Бѣлградѣ) секретаріатъ [1]).

13-го марта въ Софіи былъ организованъ большой митингъ, на которомъ, кромѣ болгарскихъ соціалъ-демократовъ Благоева и Киркова, говорилъ на ту же тему и спеціально для этого пріѣхавшій изъ Бѣлграда сербъ Лапчевичъ. Съѣздомъ была принята резолюція, энергично протестующая противъ политики европейскихъ державъ, особенно Россіи, Австріи и балканскихъ государствъ, призывающая соціалъ-демократію балканскаго полуострова усилить классовую борьбу и обращающаяся ко всѣмъ неорганизованнымъ рабочимъ балканскаго полуострова съ приглашеніемъ произвести мощный натискъ на правительства балканскихъ государствъ, во имя освободительнаго рабочаго движенія, сближенія балканскихъ народовъ и ихъ объединенія въ единую балканскую федеративную республику.

Но вѣдь рабочее движеніе въ балканскихъ странахъ очень слабо развито, а мелкое крестьянское землевладѣніе на основѣ частной собственности весьма устойчиво. Принимать, въ виду этого, резолюцію въ пользу „единой балканской федеративной республики“, не значитъ ли относиться къ дѣлу весьма несерьезно? По этому поводу нужно замѣтить, что въ Болгаріи существуютъ двѣ соціалъ-демократическихъ партіи, направленіе которыхъ отвѣчаетъ приблизительно направленію нашихъ „большевиковъ“ и „меньшевиковъ“. Митингъ 13-го марта устроенъ былъ „большевиками“ или, употребляя здѣшній обычный терминъ, „тѣсными“, а потому такъ ясно сказалась и въ резолюціи отличительная черта этого направленія — его любовь преимущественно „къ дальнему“. Другая соціалъ-демократическая болгарская партія („широкіе“), отличаясь міровоззрѣніемъ несравненно болѣе жизненнымъ, сближающимъ ее, пожалуй, даже и не съ русскими „меньшевиками“, а скорѣе съ европейскими ревизіонистами, рѣшаетъ вопросъ о балканской федераціи также въ положительномъ смыслѣ. Въ органѣ этого направленія, „Начало“, помѣщена весьма интересная статья д-ра Карева, изъ которой я приведу нѣсколько цитатъ.

„Наша цѣль—говоритъ д-ръ Каревъ—будетъ понятна, если мы прямо скажемъ: экономическое и политическое благосостояніе балканскихъ странъ станетъ обезпеченнымъ и сбереженнымъ отъ разрушитель-

---

[1]) См. D. Tutzewitch, „Die erste socialdemokratische Balkankonferenz“ („Neue Zeit“, 1910, № 24).

наго вліянія болѣе сильныхъ государствъ только черезъ сліяніе въ одну экономическую организацію, въ одинъ *таможенный союзъ*, что предполагаетъ прежде всего уничтоженіе между балканскими странами *таможенныхъ границъ*. Уничтоженіе это будетъ знаменовать собою общую и самостоятельную экономическую политику балканскихъ странъ... Всѣ балканскія государства суть *страны земледѣльческія*; онѣ производятъ только земледѣльческіе продукты и сырые матеріалы. Съ другой стороны, государства эти находятся на одинаковой степени индустріальнаго и культурнаго развитія; ни одно изъ нихъ,—за самыми незначительными исключеніями,—не стоитъ выше другихъ въ своемъ экономическомъ и, главнымъ образомъ, индустріальномъ развитіи, но зато *въ совокупности* они обладаютъ такими выгодами, которыя сдѣлали изъ великихъ странъ экономически и политически сильные организмы: разнообразіемъ климата и почвы, изобиліемъ минеральныхъ богатствъ и двигательныхъ силъ, географическимъ положеніемъ, ставящимъ балканскія страны на первое мѣсто въ ряду другихъ странъ Европы. Удобные естественные пути сообщенія открываютъ для балканскихъ странъ съ одной стороны рынки всей Азіи и части Африки, съ другой — удешевляютъ производство, уменьшая тѣ расходы по транспорту, которые нынѣ влекутъ за собою неизбѣжное повышеніе цѣнъ на товары. Каждая въ отдѣльности изъ балканскихъ странъ имѣетъ извѣстныя въ томъ или другомъ отношеніи преимущества, но какъ можетъ каждая нихъ направить эти преимущества на свое индивидуальное развитіе, когда жертвы для этого такъ велики, а выгоды такъ мизерны? Несомнѣнно, каждая изъ балканскихъ странъ обладаетъ богатствами; но что значатъ нефтяныя или соляныя богатства Румыніи, когда ея индустрія не имѣетъ въ нужной мѣрѣ горючаго матеріала—каменнаго угля? Несомнѣнно богата и греческая земля минералами и южными плодами; но къ чему эти богатства, когда у нея нѣтъ хлѣбовъ, необходимыхъ и милліонеру, и бѣдному рабочему населенію? Несомнѣнно, природа излила всю свою благодать на Турцію, Болгарію и Сербію, надѣливъ ихъ золотомъ, серебромъ, оловомъ, каменнымъ углемъ, желѣзомъ, никкелемъ и пр., обширными дѣвственными лѣсами, водопадами, озерами, морями и рѣками; но что значатъ всѣ эти драгоцѣнности, если онѣ лежатъ мертвыми, если нѣтъ условій для ихъ продуктивнаго использованія? Какое значеніе могутъ имѣть, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, при чрезмѣрномъ напраженіи и истощающихъ государственные бюджеты жертвахъ, текстильныя издѣлія Болгаріи, керосинъ и соль Румыніи, ликеры и вина Греціи, продукты животноводства Сербіи и Турціи, когда всѣ эти предметы разсчитаны только на *внутренній рынокъ*, когда страны, производящія эти предметы, *каждая въ отдѣльности*, безсильны и

безпомощны въ ихъ борьбѣ съ капиталами и физической мощью большихъ государствъ, называющихся „великими державами"? Въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы постараемся объединиться въ одну экономическую единицу. Вмѣстѣ съ тѣмъ скажемъ: такъ какъ большія и экономически сильныя государства имѣютъ всегдашнею цѣлью поглотить маленькія страны Балканскаго полуострова, то имъ надо противопоставить силу будущей балканской федераціи. Тогда и только тогда на полуостровѣ будетъ обезпеченъ миръ и отдѣльнымъ балканскимъ странамъ будетъ гарантировано существованіе разъ навсегда". Указавъ, что балканскія страны расходуютъ въ настоящее время, главнымъ образомъ для того, чтобы стоять на стражѣ одна противъ другой, на военныя надобности 200 милліоновъ левовъ (франковъ), д-ръ Каревъ пишетъ: „Употребить, не говоримъ уже 200, а только 100 милліоновъ изъ этихъ денегъ на производительныя цѣли, на поднятіе благосостоянія рабочихъ массъ, значитъ произвести коренной переворотъ въ хозяйственномъ бытѣ балканскихъ странъ".

Было бы ошибочно думать, что идея балканской федераціи встрѣчаетъ полное сочувствіе среди однихъ только соціалистовъ. Сочувствіе къ ней широко распространено и среди лицъ другихъ направленій. „Возможенъ ли балканскій союзъ, возможны ли переговоры о балканской федераціи, или это одна „мечта"? — спрашиваетъ органъ болгарской „буржуазной" печати, „Рѣчь". „Мы отвѣчаемъ: да. Такой союзъ не только возможенъ, но и необходимъ; въ немъ спасеніе балканскихъ народовъ".

И вотъ, возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли балканскимъ странамъ предстоитъ идти по этой дорогѣ, или идея федераціи—не реальная мысль, а по прежнему одна лишь красивая мечта? Не вступитъ ли вмѣсто того, напримѣръ, Болгарія на совсѣмъ иной путь, гдѣ лежитъ столь болѣзненный для нея „македонскій вопросъ"?..

Въ № 99 петербургской „Рѣчи" напечатанъ отчетъ о сдѣланномъ 8-го апрѣля въ клубѣ общественныхъ дѣятелей г. Кончевымъ докладѣ на тему: „македонскій вопросъ и славянскій съѣздъ въ Софіи". По мнѣнію г. Кончева, политика современнаго турецкаго правительства „неизбѣжно ведетъ къ разрѣшенію македонскаго вопроса *мечомъ*", и если великія державы не принудятъ Турцію дать Македоніи автономію, то „*возстаніе неизбѣжно*, ибо для Македоніи вопросъ стоитъ такъ: *автономія или анатомія*". Предстоящій въ іюнѣ мѣсяцѣ всеславянскій съѣздъ въ Софіи „долженъ авторитетно разграничить интересы славянскихъ народностей въ Македоніи".

Относительно послѣдняго я могу лишь сказать, что въ программу софійскаго съѣзда обсужденіе политическихъ вопросовъ не входитъ, и на съѣздѣ будутъ разсматриваться лишь вопросы научнаго и культурнаго характера; но на болѣе общихъ утвержденіяхъ г. Кончева надо остановиться подробнѣе.

Несомнѣнно, что наряду съ теченіемъ въ пользу балканской федераціи въ Болгаріи въ послѣднее время очень обострился и македонскій вопросъ. Изъ самой Македоніи идутъ также весьма тревожныя вѣсти. Поѣздки королей болгарскаго и сербскаго въ Константинополь и уже обнаруживающіеся результаты этихъ поѣздокъ въ сильной степени раздражили нѣкоторые слои болгарскаго общества противъ Фердинанда, и вмѣстѣ съ тѣмъ сгустили атмосферу въ области македонскаго вопроса. Дѣло въ томъ, что поѣздка короля Петра принесла съ собою для сербовъ нѣкоторые реальные плоды и еще болѣе надеждъ. Сербы получили право свободнаго (безъ паспортной визы) въѣзда въ Турцію и учрежденіе сербской митрополичьей каѳедры въ Дибрѣ, т.-е. въ городѣ, лежащемъ въ мѣстности, которую въ Софіи считаютъ сплошь населенною болгарами. Обнадеживающихъ результатовъ достигли сербы и въ вопросѣ о торговомъ договорѣ съ Турціей, и въ вопросѣ объ Адріатической желѣзной дорогѣ. Самый фактъ возвращенія Петра изъ Константинополя въ Сербію черезъ Салоники и Ускюбъ также считается большимъ для Сербіи плюсомъ. И онъ несомнѣнно имѣетъ морально-политическое значеніе. Не то съ Фердинандомъ Болгарскимъ. По отношенію къ нему въ Царьградѣ были лишь „цвѣты, цвѣты и ни одной бутылки шампанскаго“. Македонскихъ дѣлъ даже и коснуться, по видимому, ему не удалось; важный для Болгаріи вопросъ о желѣзнодорожной смычкѣ Кюстендиль-Куманово отложенъ болѣе чѣмъ въ долгій ящикъ. Имѣя несомнѣнно въ виду ту борьбу, которая ведется въ Македоніи между болгарами и сербами, младотурецкое правительство — съ его централистическо-націоналистической точки зрѣнія вполнѣ цѣлесообразно — стало на сторону сербовъ. Ихъ несчастная борьба съ болгарами въ Македоніи косвенно должна, разумѣется, служить лишь поставленнымъ турками цѣлямъ. Все это, повторяю, раздражило многихъ болгаръ противъ Фердинанда, противъ турокъ, противъ сербовъ. По поводу учрежденія митрополичьей каѳедры въ Дибрѣ недавно состоялся въ Софіи подъ открытымъ небомъ большой македонскій митингъ протеста. Замелькали извѣстія объ исчезнувшемъ-было совсѣмъ за послѣдніе пятнадцать мѣсяцевъ явленіи—о четахъ.

Нельзя, однако сказать, чтобы это настроеніе не вызвало въ свою очередь рѣзкаго отпора. Появились въ газетахъ статьи, обвиняющія правительство въ томъ, что оно подстрекаетъ македонцевъ къ воз-

станію и снабжаетъ ихъ матеріальными для того средствами. Правительство, разумѣется, не только безусловно это отрицаетъ, но и открещивается отъ какой бы то ни было солидарности съ подстрекателями македонцевъ къ новому возстанію.

„При условіяхъ, въ которыхъ мы находимся, — пишетъ органъ стоящей у власти партіи демократовъ „Прѣпорѣцъ“ („Знамя“),—едва ли найдется болѣе несчастная мысль, чѣмъ стремленіе возобновить четнечество. Такое возобновленіе было бы не только безумнымъ дѣломъ, но и величайшей измѣной интересамъ нашихъ сородичей (македонцевъ). Четничество въ послѣдніе два-три года своего существованія, не принеся никакой пользы, дало самые печальные результаты, а при нынѣшнихъ условіяхъ послѣдствія его были бы для болгарскаго населенія Турціи прямо фатальны. Мы не боимся образованія четъ на болгарской территоріи. Это ни въ какомъ случаѣ не будетъ допущено. Но мы опасаемся, чтобы не образовались онѣ въ самой Македоніи, гдѣ болгарское населеніе имѣетъ еще очень серьезныя причины для недовольства, чтобы преступная и безумная агитація не нашла тамъ благопріятной для себя почвы“.

Такія увѣренія еще болѣе раздражаютъ противниковъ правительства, и они прямо бросаютъ обвиненіе уже не министерству, а самому Фердинанду. „Три язвы — говорила независимая газета „Камбана“ („Колоколъ“) — имѣются на тѣлѣ македонской націи. Чудовищная тріада эта состоитъ изъ трехъ бичей: кровожаднаго и грабительскаго милитаризма, разбойнической стамбуловщины и предательской дѣятельности македонствующихъ провокаторовъ... Милитаризмъ поглотилъ 100 милліоновъ левовъ для арміи и, кромѣ убійства болгаръ (недавнія событія въ Рущукѣ), ничего другого не совершилъ. Стамбуловщина израсходовала за пять лѣтъ 930 милліоновъ левовъ и, кромѣ кражи по меньшей мѣрѣ 30 милліоновъ, ничего иного не сдѣлала. Македонствующіе патріоты держали въ террорѣ и Македонію, и Болгарію и, кромѣ десятковъ сожженныхъ селъ и сотенъ убитыхъ болгаръ, никакого результата отъ своей предательской дѣятельности не обрѣли. Эта позорная тріада имѣетъ одну основу, одно оружіе, одно оправданіе. Основа ея—Фердинандъ, оружіе—терроръ, оправданіе—„народные идеалы“. Черезъ македонствующихъ патріотовъ Фердинандъ бунтуетъ Македонію и усмиряетъ бунтующую демократію въ Болгаріи. Въ этой атмосферѣ онъ усиливаетъ милитаризмъ и воскрешаетъ стамбуловщину“.

И это—далеко не самое рѣзкое мѣсто изъ цитируемой статьи; а подобнымъ статьямъ имя—легіонъ.

Существуютъ, разумѣется, на македонскій вопросъ и другіе взгляды. „Безъ освобожденія Македоніи намъ, болгарамъ, и жить на свѣтѣ не стоитъ“,—говорилъ мнѣ недавно одинъ молодой болгарскій ученый.

Имѣлъ я на дняхъ разговоръ и съ очень компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ лицомъ. Мы сидѣли въ софійскомъ казино и пили „турско кафе". Засидѣлись далеко за полночь. Насъ было трое: извѣстный болгарскій писатель Петко Тодоровъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ вождей прежняго македонскаго движенія и я.

„Вы хотите знать объ истинномъ положеніи вещей въ Македоніи,— говорилъ мнѣ македонецъ.—Извольте, я выскажу вамъ откровенно свои на это дѣло взгляды. Въ способность турецкой хуріеты разрѣшить македонскій вопросъ или хоть сколько-нибудь улучшить положеніе македонскихъ болгаръ я абсолютно не вѣрю. Я иду дальше: я категорически утверждаю, что турецкій гнетъ надъ македонскимъ населеніемъ теперь только еще болѣе усилился. Съ исчезновеніемъ четъ исчезла и послѣдняя сдержка для необузданнаго произвола турецкихъ беговъ (помѣщиковъ), держащихъ все крестьянское населеніе Македоніи въ такой экономической кабалѣ, о которой въ другихъ странахъ знаютъ лишь какъ о явленіяхъ дней давно минувшихъ. Ничего не опасаясь, беги ввели теперь настоящее крѣпостное право. Во многихъ мѣстахъ Македоніи заключеніе браковъ, напримѣръ—дѣло не свободнаго соглашенія жениха и невѣсты, а актъ, совершаемый по капризу беговъ, предписывающихъ такому-то парню жениться именно на такой-то дѣвушкѣ и строго слѣдящихъ, чтобы ихъ повелѣнія исполнялись во всей точности. Прежде беги боялись, по крайней мѣрѣ, четчиковъ, а теперь, когда мы распустили четы,—четы, а не нашу организацію, прошу васъ обратить на это особенное вниманіе,— распустили во избѣжаніе упрековъ, что это мы, молъ, мѣшаемъ младотуркамъ провести необходимыя реформы, теперь дѣла пошли еще хуже и вмѣсто реформъ мы видимъ лишь все большее и большее усиленіе экономическаго и политическаго гнета. Сами мы вполнѣ были убѣждены въ этомъ и раньше, но теперь такое убѣжденіе разливается все шире и шире, и не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать наступленіе въ Македоніи въ близкомъ будущемъ новыхъ, весьма серьезныхъ потрясеній".

Мой собесѣдникъ замолчалъ. Его взглядъ былъ устремленъ куда-то вдаль; предъ нимъ проносились, вѣроятно, картины кровавыхъ ужасовъ 1903-го года...

Чтобы прервать тяжелое молчаніе, Тодоровъ обратилъ мое вниманіе на значительную группу пившихъ кофе за отдѣльнымъ столомъ лицъ.

— Это все стамбулисты,—сказалъ онъ и рѣзко о нихъ отозвался.

— За что вы ихъ браните?—говорю я, зная симпатіи Тодорова къ русскимъ:—за то, что всѣ они русофобы?

— Нѣтъ, совсѣмъ за другое,—отвѣчаетъ Тодоровъ, и по его красивому, выразительному лицу пробѣгаетъ облачко грусти.

— Вы упомянули о русофобствѣ стамбуловцевъ,—заговорилъ снова македонецъ:—знаете что—я самъ ихъ не люблю, но *эта* ихъ сторона имѣетъ много шансовъ на долголѣтіе, и если въ Россіи будетъ продолжать царить во внѣшнихъ дѣлахъ дипломатическое искусство господина Извольскаго, то, пожалуй, скоро настанетъ и такое время, когда ни въ Болгаріи, ни въ Македоніи ни одного по отношенію къ русскому правительству *нестамбуловца* уже найти будетъ нельзя.

— Это по отношенію къ русскому правительству; а что будетъ по отношенію къ идеѣ балканской федераціи?

Македонецъ только пожалъ плечами.

Итакъ, что же предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ балканскимъ странамъ? Мирное ли ихъ соглашеніе между собою, или новый 1903-ій годъ?

Атмосфера очень напряженная. Въ Албаніи уже и теперь льются потоки крови, хотя оффиціальныя телеграммы и пишутся по стереотипу: „на Шипкѣ все спокойно".

Мнѣ кажется, что въ своемъ петербургскомъ докладѣ г. Кончевъ всетаки чрезмѣрно сгустилъ краски („автономія или анатомія"), но и причислить себя къ числу оптимистовъ въ македонскомъ вопросѣ я, откровенно говоря, тоже никакъ не могу...

В. Богучарскій.

ПИСЬМО ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Хотѣлось бы посвятить это письмо не политикѣ. Какъ ни бѣдна въ Константинополѣ общественная жизнь (едва ли вообще можно говорить объ „общественной жизни Константинополя"), есть, однако, зародыши или возможности, на которыхъ стоило бы остановиться наблюдателю. Но исторія не даетъ на нихъ остановиться—ни наблюдателю, ни самой Турціи. Ни спокойное изученіе обстановки, ни зодческая работа здѣсь невозможны, пока чуть ли не каждый день съ новой силой выдвигаетъ основной, первичный вопросъ: уцѣлѣетъ ли Турція? Сейчасъ острота этого вопроса подчеркнута албанскимъ возстаніемъ. Но и въ спокойное время онъ, незамѣтно для посторон-

нихъ, почти цѣликомъ заполняетъ здѣшнюю политическую психологію и опредѣляетъ линію поведенія. Изъ-за него оттягиваются самыя нужныя реформы; изъ-за него стряпаются плохіе законы непріятнаго полицейскаго характера; изъ-за него турки, издавна славившіеся уравновѣшенностью и здравымъ смысломъ, теперь нервничаютъ, зарываются, дѣлаютъ ошибку за ошибкой. Передъ постороннимъ зрителемъ этотъ вопросъ о возможности сохраненія Турціи тоже выдвигается на всякомъ шагу неотступно и не даетъ сосредоточиться на отдѣльныхъ сторонахъ жизни. Отвѣтить на него *да* или *нѣтъ*, конечно, нельзя: гаданія въ политикѣ безсмысленны. Но можно и слѣдуетъ нѣсколько разобраться въ томъ, каковы наличные шансы на сохраненіе Турціи. Тогда у насъ будетъ въ дальнѣйшемъ нѣкоторая мѣрка, чтобы судить, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, куда ведутъ старую Турцію молодые вожди ея — къ возрожденію или на лобное мѣсто четвертованія.

Большая публика внѣ Турціи знаетъ изъ книгъ или по наслышкѣ, что скрѣпленіе этого государства встрѣчаетъ большія трудности, въ виду широкаго развитія центробѣжныхъ стремленій и исключительно неблагопріятнаго международнаго положенія. Но сомнительно, чтобы заграничная большая публика на самомъ дѣлѣ ясно и въ полномъ объемѣ представляла себѣ, до какой степени громадны эти трудности, до какой степени сильны центробѣжныя начала и до какой степени опасно международное положеніе Турціи. Особенно въ послѣднее время все это охотно посыпаютъ въ Европѣ розовою пудрой: то съ удовольствіемъ отмѣчаютъ, что процессъ „оттоманизаціи“ нетурецкихъ народностей уже начался и подвигается недурно; то съ еще большимъ удовольствіемъ констатируютъ, что отношенія между державами и Турціей не оставляютъ желать ничего лучшаго: державы только и мечтаютъ, что о консолидаціи младотурецкаго режима, посѣщенія царя болгарскаго и короля сербскаго блестяще доказываютъ, что и т. д. Почему это все говорится—вполнѣ понятно: большіе органы европейской печати въ вопросахъ иностранной политики легко и охотно даютъ себя инспирировать. Когда недавно парижскій „Temps“, подъ напоромъ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ иностранныхъ вліяній, которымъ эта газета столь подвержена, допустилъ нѣсколько рѣзкихъ выпадовъ о младотурецкихъ порядкахъ, и здѣшняя печать подняла по этому поводу шумъ, — въ Парижѣ, гдѣ слѣдуетъ, обезпокоились, и черезъ недѣлю „Temps“ сталъ совершенно неузнаваемъ. Вмѣсто критики пошли разъ за разомъ похвалы, столь же мало основательныя, какъ и прежніе нападки, или еще меньше. Другіе европейскіе органы, изъ тѣхъ, что посерьезнѣе, позаботились, очевидно, получить вдохновеніе за-

ранѣе и такимъ образомъ не впадаютъ даже во временныя заблужденія. Въ результатѣ Европа судитъ о здѣшнихъ дѣлахъ эмпирически, смотря по телеграммамъ: пріѣхали короли съ визитомъ—значитъ дѣла Турціи поправляются; въ Албаніи безпорядки — значитъ дѣла плохи; завтра албанцевъ усмирятъ—будетъ снова хорошо. Дѣло совсѣмъ не въ этихъ мелочахъ, какъ бы крупны ни казались иныя изъ нихъ. О судьбѣ Турціи нельзя заключать по отдѣльнымъ происшествіямъ, прежде всего потому, что они часто подстроены извнѣ, а не рождены изнутри естественнымъ ходомъ вещей. О судьбѣ Турціи можно судить только по суммѣ историческихъ тенденцій, дѣйствующихъ внутри страны и внѣ ея. Эти тенденціи общеизвѣстны, но полезно свести ихъ воедино и сопоставить.

Въ смыслѣ развитія центробѣжныхъ началъ Турція представляетъ изъ себя unicum. Ничего подобнаго природа еще, кажется, не создавала. При этомъ—сознательнаго сепаратизма здѣсь почти нѣтъ, если исключить Критъ, давно отрѣзанный ломоть, можетъ быть еще нѣкоторые изъ острововъ Архипелага и часть—врядъ ли большинство—македонскихъ болгаръ. Слухи о сознательномъ и организованномъ сепаратизмѣ арабовъ или албанцевъ, не говоря уже объ армянахъ—все это сочинено, всего этого въ дѣйствительности не существуетъ. Албанцы могутъ устроить большое возстаніе, арабы могутъ фрондировать на тысячу ладовъ, но ни тѣ, ни другіе пока не въ состояніи образовать крупную партію съ единой программой, которая захватила бы въ ихъ средѣ гегемонію и повела бы народъ въ опредѣленномъ направленіи. Какъ бы ни казался или даже ни былъ на самомъ дѣлѣ хорошо организованъ албанскій мятежъ, не надо смѣшивать заговоръ съ народнымъ движеніемъ. Это—разные феномены; они могутъ сталкиваться во времени и въ пространствѣ, переплетаться, перемѣшиваться, но хорошій наблюдатель всегда легко различитъ ихъ и проведетъ между ними черту. Заговоръ можно устроить и извнѣ, какъ оно, можетъ быть, и есть въ Албаніи. Настоящее движеніе, глубокое, прочное, можетъ при нынѣшнихъ условіяхъ и у албанцевъ, и у арабовъ существовать только въ зародышѣ. Трудность обновленія Турціи—не столько въ активномъ сепаратизмѣ, сколько въ полномъ отсутствіи объединяющихъ началъ. Между отдѣльными частями имперіи нѣтъ никакой скрѣпы, кромѣ инерціи.

Есть многоплеменныя государства, гдѣ роль естественной скрѣпы играетъ господствующая нація просто въ силу своего численнаго перевѣса. Въ Россіи свыше 43% великороссовъ, въ Венгріи—такой же процентъ мадьяръ; даже въ Австріи нѣмцы составляютъ если не абсолютное, то относительное большинство—35% противъ 24% чеховъ, 18% поляковъ и т. д. Турки не составляютъ, насколько можно

судить по болѣе серьезнымъ источникамъ, даже полной трети населенія имперіи; но важнѣе всего то, что арабы у нихъ оспариваютъ, и съ большими основаніями, даже роль относительнаго большинства. Арабскіе націоналисты оцѣниваютъ число турецко-подданныхъ разной вѣры, говорящихъ по-арабски, въ 12 и даже 15 милліоновъ — непомѣрное преувеличеніе; но что въ Турціи имѣется приблизительно 8—10 милліоновъ арабовъ противъ 7—8 милліоновъ турокъ и туркменъ, это можно считать почти установленнымъ, это молчаливо или даже вслухъ признаютъ теперь и руководящіе младотурки. Притомъ около двухъ пятыхъ турецкаго населенія живетъ вразсыпную, островами среди иноязычныхъ племенъ, между тѣмъ какъ арабы занимаютъ сплошную громадную территорію, на которой, кромѣ Палестины, единовластно господствуетъ арабскій языкъ. Это придаетъ особый характеръ всей ситуаціи. Въ этническихъ соотношеніяхъ Турціи есть несомнѣнно извѣстные задатки будущаго дуализма, на манеръ австро-венгерскаго, — если, конечно, исторія дастъ имперіи Османа время продѣлать до конца свою эволюцію. Сейчасъ еще до этого далеко; единство государственной власти является для турокъ основнымъ догматомъ вѣры. Именно потому они вынуждены будутъ больше всего считаться съ арабами, и страхъ передъ этимъ соперникомъ неизбѣжно будетъ парализировать на каждомъ шагу ихъ политическую волю.

Но гегемонія господствующей націи держится обыкновенно не только численнымъ перевѣсомъ: огромное значеніе имѣетъ экономическое и культурное превосходство. Если нѣмцы до сихъ поръ, не смотря ни на что, всетаки еще верховодятъ въ Австріи, если поляки въ Галиціи правятъ русинами и мадьяры держатъ въ ежевыхъ рукавицахъ словаковъ, румынъ и сербовъ, то все это возможно лишь въ силу экономическаго превосходства. У турокъ этого превосходства нѣтъ. Вся мало-мальски крупная торговля сосредоточена въ рукахъ грековъ, армянъ, салоникскихъ евреевъ, сирійскихъ арабовъ—и иностранцевъ. Промышленность вообще въ зародышѣ, а та, которая имѣется, принадлежитъ иностранному капиталу. Единственное, что при другихъ условіяхъ могло бы обезпечить за турками извѣстную экономическую силу, это — крупное землевладѣніе. Въ добрыя старыя времена безцеремоннаго хищничества турецкимъ фамиліямъ достались огромные „чифтлики“ въ Македоніи, въ Анатоліи, въ Сиріи. Но, поглощенные войнами и управленіемъ, эти латифундисты не съумѣли связать себя со своей землею и подготовить себѣ въ ней точку опоры. Это не русскіе дворяне-помѣщики, не прусскіе юнкера, не южно-итальянскіе бароны. Они никогда на своей землѣ не сидѣли, никогда ею не занимались. Не говоря

уже о томъ, что при этихъ условіяхъ доходы ихъ, получавшіеся не отъ правильной эксплуатаціи земли, а отъ непрерывнаго грабежа селянъ, свелись къ минимуму, особенно теперь, когда надъ селянами уже не все можно продѣлать, — но сами владѣльцы не накопили въ себѣ ничего похожаго на кастовый духъ, не сложились въ особый классъ съ особыми цѣлями, съ круговой порукой, и въ результатѣ турецкое землевладѣніе, какъ спеціальный факторъ политической жизни, совершенно не чувствуется, словно его и нѣтъ. Ничѣмъ не связанные съ пустырями, которыхъ они большею частью и въ глаза никогда не видали, лишенные кружковыхъ традицій, эти „феодалы“ всегда, при первой возможности, продавали свою землю кому угодно, и съ удвоенной охотой будутъ дѣлать это теперь, когда наступаетъ праздникъ на улицѣ капитала.

Если ни въ одной области экономической жизни Турціи не ощущается турецкаго преобладанія, турецкаго присутствія, то еще характернѣе полное отсутствіе преобладанія культурнаго. Въ Австріи, на зарѣ ея конституціонной жизни, почти всѣ города были онѣмечены. Чешская интеллигенція стыдилась своего языка; о другихъ народностяхъ, за исключеніемъ поляковъ, и говорить нечего. Въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ мы видѣли ту же степень руссификаціи въ городахъ Россіи. Но ничего даже отдаленно похожаго на это вы не найдете въ Турціи. Ассимиляція верхнихъ слоевъ инородческаго населенія, которая въ другихъ странахъ успѣла совершиться *до* наступленія конституціонной эры, здѣсь даже еще не началась. Правда, въ Анатоліи есть греческія селенія, съ незапамятныхъ временъ забывшія свой языкъ, и для нихъ издаются книги и газеты на турецкомъ языкѣ, но греческими буквами; нѣчто подобное замѣчается и у армянъ приморскаго побережья. Но это исключенія. Вообще каждая народность сохранила здѣсь свой языкъ въ неприкосновенности, и особенно верхній слой, т.-е. именно тотъ, съ котораго обыкновенно всюду начинается ассимиляція. Благодаря этому, важнѣйшіе города Турціи (о селахъ и говорить нечего) менѣе всего производятъ впечатлѣніе *турецкихъ*. Что съ нашей точки зрѣнія особенно необычно—это громадное количество людей, *не* знающихъ по-турецки. Далеко не всякій грекъ въ Константинополѣ способенъ выдержать десятиминутный разговоръ по-турецки даже на самыя обиходныя, рыночныя темы. Что касается до литературно-турецкаго языка, очень отличающагося отъ простонароднаго, то большинству инородцевъ, даже изъ верхняго слоя, соотвѣтствующаго съ грѣхомъ пополамъ нашей интеллигенціи и буржуазіи, онъ совершенно непонятенъ. Рѣдкій грекъ или еврей, если онъ не адвокатъ, въ состояніи прочесть турецкую газету; людей, умѣющихъ написать по-турецки корректную статью, вамъ

пересчитають по пальцамъ. Исключеніе составляютъ константинопольскіе армяне: они всѣ, даже женщины, владѣютъ турецкимъ языкомъ, но между собою говорятъ на армянскомъ и очень ревниво культивируютъ его. Конечно, въ Анатоліи, гдѣ турки — большинство, ихъ языкъ болѣе знакомъ инородческому населенію. Зато въ арабскихъ провинціяхъ имъ рѣшительно никто, кромѣ пріѣзжихъ чиновниковъ, не владѣетъ. Большинство арабскихъ депутатовъ съ громаднымъ трудомъ объясняется въ палатѣ по-турецки.

Причины этого явленія многочисленны, въ этомъ очеркѣ мы ограничимся указаніемъ одной, для нашей цѣли главной. Основная предпосылка для ассимиляціи—превосходство поглощающей культуры надъ поглощаемой. Внутренняя сила нѣмецкой культуры сдѣлала для германизаціи австрійскихъ славянъ больше, чѣмъ Іосифъ II и Меттернихъ. То же можно сказать и о Россіи. Caeteris paribus, ассимиляція идетъ успѣшнѣе тогда, когда жертвы ея сами убѣждены, что, ассимилируясь, онѣ переходятъ съ низшей культурной ступени на высшую. Этого убѣжденія, конечно, нѣтъ и не можетъ быть почти ни у одной изъ нетурецкихъ народностей Турціи. Не только греки, но армяне, болгары и сербы склонны смотрѣть на перспективу отурченія скорѣе какъ на культурную деградацію. Для арабовъ эта перспектива еще менѣе пріемлема уже потому, что литературный турецкій языкъ состоитъ, больше чѣмъ на половину, изъ арабскихъ словъ и оборотовъ, т.-е. превосходство арабской культуры подчеркивается самими турками. Даже для горсти испанскихъ евреевъ, утратившихъ свою національную культуру, возможность превращенія въ турокъ не представляетъ ничего заманчиваго, такъ какъ они обучаются, въ школахъ Alliance Israélite Universelle, на французскомъ языкѣ и не легко согласились бы замѣнить Гюго Кемаль-беемъ или Ростана—Экремъ-беемъ. Кромѣ албанцевъ и курдовъ, турки никому въ странѣ культурно импонировать не могутъ. При этомъ надо особенно учесть еще вотъ что. Когда въ Австріи, напримѣръ, чехи съ неимовѣрными усиліями стали выбиваться изъ сѣтей германизаціи, имъ пришлось бороться въ культурномъ смыслѣ не только противъ австрійскихъ нѣмцевъ: передъ ними стояла вся нѣмецкая нація. Культурная сила, противъ которой они выступили, шла не только изъ Вѣны, но изъ Берлина, Мюнхена, Лейпцига, изъ каждаго маленькаго университета Германіи. Съ другой стороны, чехамъ не на кого было опереться за границей. То же можно сказать и объ остальныхъ славянахъ Австріи: даже галиційскіе поляки, послѣ 1863-го года, могутъ разсчитывать только на очень ограниченную культурную помощь изъ Варшавы, лишенной польскихъ школъ. И тѣмъ не менѣе, поле власти нѣмецкаго языка въ Австріи съ каждымъ годомъ безостановочно съуживается. Но чего ждать

въ Турціи, гдѣ ситуація какъ разъ обратная? Здѣсь и у грековъ, и у болгаръ, и у сербовъ, и у куцовалаховъ есть за плечами, близко, у самой границы, національныя государства, съ національными университетами; даже арабы могутъ, худо ли, хорошо ли, опереться на Египетъ; даже у армянъ есть въ Россіи Эчміадзинъ, есть центры, которые, при другой политической погодѣ, получатъ возможность культурнаго творчества и будутъ обогащать его результатами своихъ турецкихъ братьевъ; даже для албанцевъ услужливая Италія создала въ Неаполѣ университетскую каѳедру, а въ провинціальномъ городкѣ неподалеку—учительскую семинарію, которая для этого совершенно дикаго племени то же, что для другихъ людей академія. Во всей Турціи есть, кажется, одна только народность, которой нечего разсчитывать на культурную помощь изъ-за границы и которая, поэтому, останется совершенно одинокой въ предстоящемъ состязаніи языковъ и цивилизацій. Эта народность—турки. При такихъ условіяхъ шансы побѣдъ и завоеваній турецкаго языка и вообще національно-турецкаго начала въ будущемъ еще меньше, нежели было до сихъ поръ.

Принято, однако, думать, что отсутствіе объединяющихъ началъ, свойственныхъ другимъ разноплеменнымъ государственнымъ образованіямъ Европы, сторицей возмѣщается здѣсь великимъ религіознымъ факторомъ—исламомъ. Двѣ трети, или еще больше, населенія Турціи—магометане, вѣрные калифу, и сознаніе святости калифата должно удержать ихъ отъ центростремительныхъ искушеній. Оспаривать важность этого фактора было бы рискованно, но и преувеличивать его силу тоже не слѣдуетъ. О восточныхъ христіанахъ тоже долго говорили, что религіозная страсть у нихъ заслоняетъ всѣ прочія—а событія въ Македоніи показали, какъ четыре группы, принадлежащія къ одной и той же греко-каѳолической церкви — греки, болгары, сербы и куцовалахи—могутъ въ теченіе десятковъ лѣтъ бороться, доходя до остервенѣнія и звѣрства, изъ-за вопроса не о *содержаніи*, а о *языкѣ* литургіи. Конечно, принято считать, что мусульманинъ больше христіанина поддается дисциплинѣ своего вѣроученія, и въ этомъ мнѣніи, повидимому, есть доля правды. Тѣмъ не менѣе, полвѣка назадъ хедивъ Египта Мехмедъ-Али побѣдоносно прошелъ со своими войсками по землѣ калифа, фактически завоевалъ Сирію и дошелъ бы до Стамбула, еслибы не вмѣшательство Европы. Любопытно, что самъ Мехмедъ-Али былъ въ сущности не арабъ, а турокъ, и среди его мусульманскихъ солдатъ тоже не преобладали арабы. Очевидно, что конфликты внутри ислама возможны даже не по линіи національныхъ дѣленій. Тѣмъ менѣе можно считать ихъ исключенными въ наше время, при конституціонномъ строѣ, который неизбѣжно выдвинетъ племенныя противорѣчія и раздуетъ связанныя

съ ними страсти. Но помимо всего этого, цѣнность ислама, какъ скрѣпляющей силы, парализуется для турокъ (и чѣмъ дальше, тѣмъ больше) тѣмъ обстоятельствомъ, что именно исламъ исторически является яблокомъ раздора между турками и арабами. Чѣмъ религіознѣе арабъ, чѣмъ больше склоненъ онъ переносить директивы религіи въ политику—и чѣмъ онъ серьезнѣе относится къ святынѣ калифата, тѣмъ онъ крѣпче убѣжденъ, что калифату мѣсто не въ Стамбулѣ, а въ Меккѣ, и что калифомъ долженъ быть настоящій шерифъ изъ потомковъ пророка. Младотурки это прекрасно сознаютъ. Многіе изъ нихъ очень подозрительно косились, напримѣръ, на паломничество хедива Аббасъ-Хильми въ Мекку и на тріумфальные пріемы, оказанные мѣстнымъ арабскимъ населеніемъ этому хотя не-суверенному, но зато *арабскому* государю. Младотурки понимаютъ, что въ надлежащую минуту, въ рукахъ умѣлаго агитатора, исламъ и калифатъ могутъ обратиться въ опасное орудіе, направленное *противъ* цѣлости Оттоманской имперіи. Поэтому для нихъ выгоднѣе оставить вообще религіозные лозунги въ тѣни и не пользоваться ими для политическихъ цѣлей. Иными словами, на исламъ, въ качествѣ объединяющаго начала, тоже нельзя возлагать особенныхъ надеждъ.

Европейцы, знакомые съ этимъ по истинѣ безотраднымъ положеніемъ агломерата земель и народовъ, ничѣмъ морально не связанныхъ, отвѣчаютъ обыкновенно съ легкимъ сердцемъ такъ: младотурки должны предупредить возникновеніе сепаратизма на фонѣ конституціоннаго строя и должны сами начать съ децентрализаціи, съ автономіи областей, быть-можетъ прямо съ федеративнаго устройства. Совѣтъ теоретически хорошъ, и въ будущемъ—если Турціи суждено будущее—ея государственныя формы неизбѣжно сложатся въ такъ называемый Nationalitätenstaat. Но безпристрастному наблюдателю приходится сознаться, что въ настоящій моментъ рецептъ децентрализаціи непримѣнимъ, и что паническій ужасъ младотурокъ передъ словомъ „автономія" имѣетъ серьезное основаніе. Надо считаться съ своеобразной атмосферой, въ которой политически воспитались и сами младотурки, и та среда, въ которой они дѣйствуютъ. Здѣсь слова часто понимаются не такъ, какъ у насъ, да и реально ихъ содержаніе другое. Надо считаться съ тѣмъ, что въ Турціи за послѣдніе полвѣка дѣйствительно не было и не могло быть ни одного національнаго движенія, которое не носило бы рѣзко и откровенно сепаратистскаго характера, ни одного инородческаго націоналиста, который не призывалъ бы къ отторженію отъ Турціи. Такъ и только такъ здѣсь и понимался до сихъ поръ инородческій вопросъ. Особенно терминъ „автономія" здѣсь имѣетъ юридически другое содержаніе и исторически другой смыслъ, чѣмъ въ Европѣ. Мы понимаемъ подъ

автономіей опредѣленной области только извѣстную сферу *мѣстнаго* самоопредѣленія, при чемъ законы общегосударственные, касающіеся дѣлъ, къ этой внутренней сферѣ не отнесенныхъ, обладаютъ полной силой на территоріи автономной области. Здѣсь юридическое значеніе автономіи гораздо шире: очень сложный вопросъ, напримѣръ, имѣютъ ли какіе бы то ни было турецкіе законы обязательную силу на крошечныхъ автономныхъ территоріяхъ Ливана и о. Самоса. Исторически „автономія" въ Турціи всегда была переходной ступенью къ полному отдѣленію отъ имперіи. Все это слишкомъ крѣпко засѣло въ головахъ не однихъ только младотурокъ. Не въ томъ только бѣда, что младотурки теперь невольно за каждымъ національнымъ или областнымъ движеніемъ подозрѣваютъ разрывъ имперіи: за немногими, можетъ-быть, исключеніями, національныя стремленія дѣйствительно несвободны отъ окраски сепаратизма. Врядъ ли при этой психологіи населенія можно ohne Weiteres посовѣтовать младотуркамъ „начать съ децентрализаціи". Децентрализація предполагаетъ уже готовую наличность извѣстнаго централизующаго, центростремительнаго начала; децентрализировать безъ опасности развала можно только такую страну, отдѣльныя части которой хоть чѣмъ-нибудь морально связаны. Среди младотурокъ есть элементы, сознающіе неизбѣжность децентрализаціи, но имъ хотѣлось бы раньше, въ теченіе извѣстнаго періода времени, воспитать въ народностяхъ имперіи то чувство общаго интереса, котораго теперь нѣтъ и слѣда; имъ бы хотѣлось, чтобы въ теченіе ближайшихъ десяти-двадцати лѣтъ населеніе самыхъ далекихъ окраинъ свыклось съ мыслью, что всѣ полезныя реформы, хорошіе законы, честный судъ, отмѣна поборовъ — все это идетъ не изъ мѣстныхъ сеймовъ, а изъ Стамбула, изъ центральнаго парламента. Тогда, по ихъ разсчету, это населеніе впервые ощутитъ цѣнность общаго центра, значеніе совмѣстной государственности — и только послѣ того можно будетъ перейти къ постепенному расширенію мѣстнаго самоуправленія, не рискуя разсыпать государство. Правиленъ этотъ взглядъ или нѣтъ, но психологически онъ имѣетъ многое за себя, и, наблюдая здѣшнія настроенія вблизи, начинаешь понимать всю внутреннюю неизбѣжность того явленія, которое называютъ *младотурецкимъ централизмомъ*.

Иные говорятъ и прямо о *младотурецкомъ консерватизмѣ*. Безъ обиняковъ надо признать, что и въ этомъ обвиненіи есть доля психологической правды и что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ внутреннею неизбѣжностью, вытекающею изъ тяжелаго положенія Турціи вообще и турокъ въ частности. Сами по себѣ младотурки, конечно, не радикалы, но, какъ неискушенные жизнью доктринеры, воспитанные, изъ первыхъ или вторыхъ рукъ, на французскихъ идеяхъ, дѣйствующіе

къ тому же въ демократической, безсословной средѣ, они скорѣе были бы склонны къ распространительному толкованію либеральныхъ началъ—еслибы не болѣзненный вопросъ о сохраненіи турецкой гегемоніи въ этомъ не-турецкомъ государствѣ. Эта забота, давно исковеркавшая политическіе нравы мадьяръ, начинаетъ сказываться тѣми же послѣдствіями и здѣсь, и чѣмъ дальше, тѣмъ, вѣроятно, будетъ сказываться яснѣе. Много шуму надѣлалъ не такъ давно здѣсь и въ Европѣ докладъ сенатора Дамадъ-Махмуда-паши (*дамадъ*—значитъ зять султана), представленный верхней палатѣ при обсужденіи поправокъ, внесенныхъ въ конституцію палатой депутатовъ. Въ этомъ докладѣ прямо указывалось на необходимость усилить власть монарха за счетъ прерогативъ парламента, такъ какъ еще неизвѣстно, какія націи будутъ завтра въ парламентѣ составлять большинство. Со свойственной старымъ туркамъ осторожностью, сенаторы почти единогласно признали тезисы доклада непріемлемыми; но въ глубинѣ души большинство ихъ было и стоитъ на сторонѣ дамада, и судя по отзывамъ руководящихъ турецкихъ газетъ тѣ же мысли давно не даютъ спать вожакамъ молодого поколѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, для племени, построившаго Турцію, его гегемонія въ имперіи не можетъ не быть догматомъ изъ догматовъ—а между тѣмъ эта гегемонія, съ момента возстановленія конституціи, оказывается лишенной всякаго фундамента, количественнаго, экономическаго или культурнаго. Армія, съ допущеніемъ въ нее христіанъ и евреевъ, тоже теряетъ свой прежній характеръ оплота вѣры и престола; да и въ чисто-мусульманскомъ составѣ она тоже вѣдь было не чисто-турецкая. Неджибъ-Азури, авторъ сенсаціонной книжки о національно-арабскомъ движеніи, писатель вообще весьма несерьезный, указалъ однако на одно вполнѣ правдоподобное обстоятельство: что изъ семи корпусовъ турецкой арміи четыре комплектуются арабами. Если эта пропорція и преувеличена, то, во всякомъ случаѣ, трудно считать армію, особенно теперь, оплотомъ турецкаго преобладанія надъ другими мусульманскими и немусульманскими народностями имперіи. Остается дѣйствительно одно: династія. Ея турецкій характеръ можно считать прочнымъ. И невольно возникаетъ искушеніе, забывъ урокъ прошлаго, еще живой въ лицѣ Абдулъ-Гамида, сосредоточить какъ можно бо́льшую долю власти въ рукахъ турка-монарха и ему же предоставить всецѣло подборъ сенаторовъ, въ ущербъ и въ противовѣсъ нижней палатѣ. Правда, теперь двѣ трети депутатовъ—турки; но здѣсь понимаютъ, что случилось это лишь въ пылу перваго энтузіазма, при полной неподготовленности мѣстнаго населенія, при полномъ отсутствіи популярныхъ мѣстныхъ именъ, и что вторые выборы, даже

безъ измѣненія избирательной системы, врядъ ли сохранятъ за турками хотя бы простое большинство.

Трудное, очень трудное положеніе, со всѣхъ сторонъ щекотливое. Опаснѣе всего въ немъ то, что младотурецкіе вожди невольно теряютъ хладнокровіе, начинаютъ нервничать, проявляютъ иногда совершенно необычную у турокъ суетливость, опрометчивость, необдуманность. Яркій примѣръ тому—албанскій мятежъ. Въ благоустроенномъ государствѣ, конечно, недопустимо, чтобы часть гражданъ отказывалась отъ платежа податей. Но когда имѣешь дѣло съ Верхней Албаніей, гдѣ ни отцы, ни дѣды испоконъ вѣку ни о какихъ налогахъ не слыхали, то надо умѣть дѣйствовать постепенно, мягко, выжидательно, смотря сквозь пальцы. Смотритъ же это самое правительство сквозь пальцы на то, что чиновники въ Малой Азіи и Сиріи попрежнему берутъ взятки, ибо оно понимаетъ, что сразу, безъ повышенія окладовъ, этой древней традиціи не искоренить. Надо было, тѣмъ болѣе, примѣнить ту же терпимость и къ албанцамъ, не доводя до того, чтобы горцы, встревоженные слухами о выколачиваніи податей, собрались на таборъ. Да и тогда еще можно было спасти дѣло, еслибы, вмѣсто войскъ и приказа распустить незаконное сборище, туда послали нѣсколькихъ популярныхъ албанскихъ нотаблей изъ Константинополя. Изъ ложнаго страха за престижъ власти, изъ недостатка благоразумія допустили до конфликта, который ни при какихъ условіяхъ не можетъ хорошо кончиться для турокъ. Формально побѣда, въ концѣ концовъ, останется за правительствомъ. Но въ Верхней Албаніи, по консульскимъ статистикамъ, вообще 70% мужчинъ умираютъ отъ кровной мести. Что для этихъ горцевъ смерть въ перестрѣлкѣ или даже разстрѣлъ и висѣлица? Черезъ три мѣсяца про убитыхъ никто и не вспомнитъ, и напугать мѣстное населеніе, „чтобы не повадно было", врядъ ли удастся. Зато попутно будетъ сожжено много арнаутскихъ селеній, а этого албанцы никогда правительству и туркамъ не простятъ. Результатъ всей этой печальной исторіи въ лучшемъ случаѣ — т.-е. если не произойдетъ осложненій — будетъ только тотъ, что вѣра въ солидарность всѣхъ мусульманъ получитъ новую большую брешь, чувство одиночества, которое такъ деморализирующе вліяетъ на младотурокъ, еще усилится, и врядъ ли это имъ прибавитъ хладнокровія.

Между тѣмъ многое, если не все, зависитъ отъ ихъ хладнокровія, находчивости, осмотрительности. Въ Турціи собрано столько горючаго матеріала, что только при великой, почти нечеловѣческой осторожности можно среди него лавировать съ факеломъ конституціи въ рукахъ, не заронивъ искры пожара, который все уничтожитъ. Приглядываясь ко всему, что здѣсь дѣлается, какъ-то не выносишь увѣренности, что

эта мудрость и осторожность окажется на лицо, особенно при той ужасающей культурной неподготовленности, которую, благодаря стараніямъ Абдулъ-Гамида, съ глубокимъ огорченіемъ приходится здѣсь констатировать на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Быть-можетъ, другая страна постепенно преодолѣла бы всѣ эти трудности, дѣлая ошибки и исправляя ихъ. Но тутъ мы сталкиваемся съ основнымъ проклятіемъ этой несчастной земли: ей нельзя дѣлать ошибокъ, ибо ей не дадутъ времени ихъ исправить. Турція безусловно могла бы надѣяться на удовлетворительное для всѣхъ ея составныхъ частей рѣшеніе предстоящихъ ей внутреннихъ задачъ, еслибы не ея международное положеніе.

Характеризовать это международное положеніе излишне—оно хорошо знакомо большой публикѣ. Оно хорошо извѣстно и младотуркамъ. Въ первое время послѣ революціи они, въ силу своей наивности, предались иллюзіямъ, но скоро ихъ бросили. По поводу свиданія монарховъ въ Раккониджи одна изъ вліятельныхъ здѣшнихъ газетъ писала: „За послѣднія тридцать лѣтъ въ Европѣ народилось цѣлое поколѣніе, воспитанное на томъ догматѣ, что Турція предназначена къ раздѣлу и что при этомъ Европѣ слѣдуетъ попользоваться. Люди этого поколѣнія — теперь министры, дипломаты, депутаты, послы, консулы, и мы прекрасно понимаемъ, что старая формула о *больномъ человѣкѣ* вошла въ ихъ плоть и кровь, стала ихъ религіей. Что̀ бы они ни говорили, какими бы изысканными комплиментами ни осыпали насъ, внутренно они не вѣрятъ и не могутъ вѣрить въ наше возрожденіе; они ждутъ катастрофы и готовятся къ ней. Конечно, они и прежде, до нашей конституціи, старались отдалить эту катастрофу, такъ какъ каждый считалъ себя еще недостаточно подготовленнымъ къ дѣлежу нашего наслѣдства. Оттого они всегда такъ радѣли о сохраненіи status quo. Въ ихъ устахъ это означало: мы не хотимъ неожиданностей, мы хотимъ, чтобы statu quo продержалось до того момента, когда *намъ* будетъ удобно и выгодно его разрушить. Но для этой цѣли, для временной охраны цѣлости Турціи, имъ приходилось нести тысячи заботъ. Теперь они, повидимому, считаютъ, что за нихъ эту работу исполнятъ безплатно и охотно младотурки—и они конечно очень тому рады, разсчитывая въ глубинѣ души, что это гораздо дешевле и спокойнѣе. А катастрофа, по ихъ мнѣнію, всетаки неизбѣжна, и ужъ они во всякомъ случаѣ позаботятся о томъ, чтобы огонь въ балканскомъ вулканѣ какъ-нибудь не погасъ. Для этого у нихъ достаточно денегъ и вліянія“.

Тѣми или иными словами, вслухъ или про себя, но такъ думаютъ всѣ. Глубокое недовѣріе къ Европѣ лежитъ въ основѣ здѣшней политической психологіи; существуетъ неискоренимое убѣжденіе, что

реформы, жалкія и безсильныя при грозномъ развалѣ жизни. Когда буря съ корнемъ вырываетъ десятки деревьевъ, малоутѣшительно видѣть садовника, заботливо подсаживающаго кустики новыхъ деревьевъ. Когда-то еще они вырастутъ... И еще сумрачнѣе рисуется картина жизни, когда ясно представишь себѣ, что одна и та же государственная машина сотрясаетъ страну въ чрезвычайныхъ репрессіяхъ и даетъ ей слабые намеки на успокоительныя реформы. Изъ одного государственнаго центра выходятъ сейчасъ и смертныя казни, и полезныя поправки къ суду присяжныхъ. Но въ столкновеніи противорѣчій побѣждаетъ въ жизни то, которое сильнѣе. А ужъ гдѣ по силѣ вліянія на жизнь маленькой поправкѣ къ суду присяжныхъ сравняться съ военными судами, исключительными положеніями, смертной казнью и другими карательными взмахами господствующей государственной системы...

Прямолинейная система застращиванья не хочетъ признавать обратной, довольно загадочной, но несомнѣнной стороны своего воздѣйствія: въ народной психикѣ обиліе репрессій страннымъ образомъ воспитываетъ равнодушіе и пренебреженіе къ этимъ репрессіямъ. И даже самое страшное, послѣднее изъ наказаній—смертная казнь—приглушаетъ, въ концѣ концовъ, инстинктъ жизни, воспитываетъ равнодушіе къ своей и чужой смерти, а низшіе элементы населенія какъ бы даже подталкиваются какимъ-то темнымъ чувствомъ отпора на неосмысленный рискъ жизнью. Далеко не случайность, что среди самаго широкаго государственнаго воздѣйствія на населеніе, казнями и другими суровыми мѣрами, въ странѣ народились средневѣковыя шайки грабителей, явились знаменитые атаманы въ родѣ Лобова, Савицкаго и другихъ. И совершенно такъ, какъ въ древнее время, населеніе окутывало ихъ романтическими легендами. Разбой, грабежъ рисовались въ легендахъ почти какъ геройство—главнымъ образомъ потому, что сверху надъ населеніемъ угрожающе висѣли смертная казнь, каторга, тюрьма и вся вообще устрашающая система государственнаго „успокоенія". Эта система развивала опасную склонность почти въ каждомъ сопротивленіи властямъ и закону видѣть то зерно протеста, которое незримо нарастало въ средѣ населенія. Не даромъ съ безошибочнымъ чутьемъ самые обыкновенные грабители стали называть свои дѣйствія „экспропріаціями". Это возвышало ихъ въ глазахъ населенія, а еще больше—въ ихъ собственныхъ глазахъ. Помогла, къ тому же, и администрація, которая съ большой поспѣшностью стала называть почти всякій грабежъ „экспропріаціей". Флагъ или этикетка въ иныхъ случаяхъ—великое дѣло, а склонность человѣка къ позѣ темна и безгранична. Конечно, это странно, печально и удивительно, но безъ ошибки можно сказать,

что десятки, сотни молодыхъ людей пошли на грабежъ (а слѣдовательно и на висѣлицу) только потому, что грабежъ назывался „экспропріаціей". Модное, звучное слово, за которымъ мерещилось сочувствіе и удивленіе населенія, смутная борьба съ правительствомъ, легенды...

Сначала правительство какъ будто съ явнымъ и значительнымъ правомъ утверждало, что „экспропріаціи"—прямое порожденіе революціи. Уже и тогда можно было въ видѣ возраженія на это сказать, что „экспропріація" хотя и послѣдствіе революціи, но революціи не побѣдной, а неудавшейся. А это далеко не все равно: основныя причины общей разрухи въ странѣ могутъ быть усмотрѣны совсѣмъ не тамъ, гдѣ видитъ ихъ правительство. Но пусть такъ. Вотъ уже прошли годы. Революція давно заволоклась туманами забвенія. Государственная машина работаетъ въ области „успокоенія" съ необычайной, неслыханной силой. Кромѣ побѣднаго скрипа этой машины, ничего сейчасъ въ странѣ и не слышно. Почему же „экспропріація" не вымираетъ, почему грабежи и разбои охватили Россію отъ сѣвера до юга и отъ запада до востока? И почему, въ особенности, смертныя казни не только не научили населеніе дорожить жизнью, которую такъ легко теперь потерять, а наоборотъ, воспитали какой-то странный классъ людей, которые изъ-за пустяка, изъ-за грошей или рублей идутъ на явный рискъ быть повѣшенными?..

При разборѣ нынѣшнихъ „экспропріацій" поражаетъ именно, прежде всего, не количество ихъ, а тѣ своеобразныя, необычайныя условія, при которыхъ онѣ совершаются. Приведемъ, для примѣра, нѣсколько послѣднихъ явленій изъ этой области. „29 марта,—пишутъ изъ Вязьмы „Смоленскому Вѣстнику",—около 9 час. вечера въ домъ М. М. Леляновой явилось четверо неизвѣстныхъ и экспропріировали у нея около 500 рублей. Ограбленіе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Рабочій г-жи Леляновой Якушевъ затворилъ лавку и пошелъ во дворъ. Какъ только онъ пріотворилъ калитку, на него набросились трое неизвѣстныхъ людей въ полумаскахъ и, угрожая ему револьверами, повели его вмѣстѣ съ другимъ приказчикомъ Морозовымъ въ домъ Леляновой, куда явился и четвертый грабитель. Въ домѣ неизвѣстные сначала затворили Морозова, Якушева, кухарку Марфу Иванову и кассиршу Анну Дѣвкину въ маленькую комнату, поставивъ около двери сторожемъ одного изъ своихъ товарищей. Трое другихъ отправились къ самой Леляновой, и одинъ изъ грабителей, поздоровавшись съ ней и назвавъ ее при этомъ по имени и отчеству, сказалъ: „Или жизнь, или деньги!" Двое другихъ въ это время направили на нее револьверы. Лелянова вынуждена была выдать ключи и деньги (около 500 рублей). Передъ уходомъ одинъ изъ грабителей

заявилъ г-жѣ Леляновой: „Извините, Марья Михайловна, мы знаемъ, что вы женщина хорошая, не заслуживали этого, но мы, какъ служащіе, проигрались въ карты, а потому вынуждены были васъ ограбить; при этомъ предупреждаемъ васъ, что если о случившемся вы дадите знать полиціи, то на десятый день будете убиты". Злоумышленники скрылись. Мѣстной полиціей приняты мѣры къ розыску грабителей и заподозрѣнный крестьянинъ Иванъ Антоновъ арестованъ. Дальнѣйшее слѣдствіе производится".

Совсѣмъ просто: проигрались въ карты, раньше бы задумались, а теперь все еще въ модѣ „экспропріація". Поэтому—„извините, Марья Михайловна, вы женщина хорошая, но мы должны васъ ограбить". И съ легкимъ сердцемъ приставляютъ револьверы къ виску беззащитной женщины. Съ такимъ же легкимъ сердцемъ не хотятъ думать, что сами себя подводятъ къ висѣлицѣ. Въ этомъ-то и главная суть, что все это просто, въ спокойныхъ бытовыхъ тонахъ. „Извините, Марья Михайловна, никакъ невозможно, проигрались въ карты"... Обыкновенная обывательская нужда въ деньгахъ, а добываютъ ихъ по современной модѣ. Какъ будто складывается новый бытъ, съ новыми привычками мирнаго обывателя...

Такъ же просто совершаются „экспропріаціи" при другой нуждѣ: потерялъ мѣсто, лишился работы—можно попробовать свои силы на новомъ, но уже испытанномъ многими пути. „14 марта,—сообщаетъ „Саратовскій Листокъ",—рано утромъ, близъ Царицына, около ст. Бекетовки на кассира лѣсопильнаго завода Дмитрія Голдобина напали двое неизвѣстныхъ. Выхвативъ револьверъ, они скомандовали: „Руки вверхъ! Ни съ мѣста!" Кассиръ шелъ изъ дома на заводъ, чтобы выдать рабочимъ ночной смѣны жалованье, и при немъ была значительная сумма денегъ. Злоумышленники, отобравъ 530 рублей и портфель съ бумагами, приказали кассиру не двигаться съ мѣста въ теченіе 25 минутъ и скрылись за линію ж. д., по направленію къ с. Отрадѣ. Кассиръ, выждавъ, пока злоумышленники скрылись изъ вида, бросился бѣжать и, блѣдный, прибѣжалъ въ контору завода, которая находится недалеко отъ станціи. Одинъ изъ рабочихъ поскакалъ на лошади въ с. Отраду, къ уряднику. Урядникъ быстро собралъ свою команду и поскакалъ къ мѣсту происшествія. Туда же направились со станціи жандармы и стражники. Благодаря выпавшему снѣгу, были отысканы слѣды скрывшихся экспропріаторовъ. Слѣдъ прошелъ черезъ с. Отраду къ слободѣ Бекетовкѣ и прекратился около сѣновала кр. Ильи Ермоленко. Стражники и жандармы окружили кольцомъ сѣновалъ и домъ. Сѣновалъ былъ запертъ изнутри. Въ немъ спрятались экспропріаторы. Урядникъ и жандармы предложили имъ сдаться, подъ угрозой, что иначе будутъ стрѣлять. Одинъ изъ неизвѣстныхъ кричалъ, что онъ

не сдастся. Другой, пріотворивъ дверь, выбросилъ свой револьверъ. Вскорѣ сдался другой. Они оказались: одинъ — бывшій агентъ комп. Зингеръ—Жарковъ, другой—слесарь Кузьминъ. Деньги (370 р.) и портфель были найдены зарытыми въ сѣно. Остальныя деньги серебромъ (167 рублей) были отобраны по ихъ указанію въ с. Отрадѣ у Ивана Колмакова, тоже бывшаго агента комп. Зингеръ. Всѣхъ троихъ подъ конвоемъ въ тотъ же день доставили въ уѣздное полицейское управленіе. Послѣ допроса ихъ отправили въ ручныхъ кандалахъ въ тюрьму. Экспропріаторы — молодые люди: одному 21, а другому 23 года. Всѣ трое безъ работы".

Изъ Таганрога сообщаютъ „Приазовскому Краю": „28 апрѣля въ судебной палатѣ слушалось интересное дѣло по обвиненію пот. поч. гражданина Афанасія Сергѣева, мѣщанъ: Матвѣя Тимофеева, Василія Ковченко, Павла Жирякова и крестьянина Ивана Блинникова въ составленіи шайки экспропріаторовъ и двукратномъ вооруженномъ ограбленіи разъѣзда „Чумаково", екатер. жел. дор. Обстоятельства дѣла таковы. Лѣтомъ 1907-го года обвиняемые, находясь безъ работы, рѣшили заняться экспропріаціями. Въ первую очередь ими намѣченъ былъ разъѣздъ „Чумаково", на которомъ въ должности телеграфиста служилъ Жиряковъ. Ворвавшись въ контору въ 11 часовъ ночи, обвиняемые заставили всѣхъ поднять вверхъ руки и, захвативъ изъ кассы 160 рублей, скрылись. Приблизительно черезъ три недѣли они совершили новое нападеніе на ту же станцію, при чемъ на этотъ разъ взяли всего около 20 рублей. Особое присутствіе палаты Жирякова оправдало, а Сергѣеву, Тимофееву, Ковченко и Блинникову вынесло вердиктъ, по которому они лишаются всѣхъ правъ состоянія и ссылаются въ каторгу на 8 лѣтъ каждый".

Тоже какъ будто простая бытовая черта: остались безъ работы и рѣшили заняться экспропріаціями. И разсуждаютъ такъ не бѣглые каторжники, а самый обыкновенный, простой людъ: конторщики, лишившіеся мѣста, агенты по продажѣ швейныхъ машинъ, писцы, ремесленники. „Нѣтъ работенки. Ничего не подѣлаешь, надо будетъ заняться экспропріаціями". Когда-то, двѣсти, триста лѣтъ назадъ, люди, выбившіеся изъ колеи, шли въ разбой. Но разбой не казался имъ простымъ разбоемъ. По большей части въ немъ крылся протестъ противъ утѣсненій властей, противъ цѣпей крѣпостного рабства, противъ засилья богатыхъ. И чѣмъ мрачнѣе было время, тѣмъ грознѣе и чаще нарождались шайки разбойниковъ, тѣмъ охотнѣе украшало ихъ населеніе всякими легендами, облагораживающими и объясняющими разбой, и тѣмъ склоннѣе были сами разбойники считать свои насилія почти гражданскимъ геройствомъ.

Въ двадцатомъ вѣкѣ трудно слова „разбой" и „грабежъ" облечь

въ романтическую дымку. Очень многіе изъ нынѣшнихъ экспропріаторовъ, вѣроятно, покоробились бы и даже обидѣлись бы, когда товарищи стали бы имъ предлагать: „Давай займемся разбоемъ, грабежемъ и убійствами“. Но вотъ явилось новое словечко: „экспропріація“... И тѣ же явленія приняли иную окраску. Снова грабежъ какъ будто не грабежъ, разбой какъ будто не разбой. Снова явились романтическія одежды, героическія легенды. Развѣ не бродили въ населеніи о Савицкомъ и Лобовѣ сотни легендъ, въ которыхъ съ романтическими прикрасами описывалось, что они грабятъ только правительственныя учрежденія, кассы фабрикъ, на которыхъ дурно обращаются съ рабочими, и обираютъ на дорогѣ только тѣхъ купцовъ, которые пользуются въ населеніи заслуженной непріязнью, а тѣ же атаманы со своей шайкой помогаютъ бѣднымъ, возстановляютъ попранную справедливость и т. д. Немало подобныхъ легендъ проникло въ печать. И, главное, населеніе выслушивало эти легенды или читало о нихъ въ газетахъ съ особымъ блескомъ въ глазахъ, съ тайнымъ и страннымъ сочувствіемъ въ душѣ. Въ этомъ-то главная суть. Плохо, когда начинаютъ опоэтизироваться, возводиться въ герои атаманы разбойническихъ шаекъ. Значитъ, въ государственной и соціальной ткани идетъ какое-то гибельное разложеніе, которое фатальнымъ образомъ порождаетъ уродливо-первобытный протестъ, въ видѣ разбоя и насилія.

Разумѣется, далеко не всѣ экспропріаторы искренно считаютъ и чувствуютъ себя протестующими героями. Но та или иная доза этого смутнаго чувства, несомнѣнно, имѣется почти во всѣхъ. Это неизбѣжно, потому что „экспропріація“ вся вообще, какъ государственно-народное явленіе, имѣетъ свои глубокіе корни въ черномъ недовольствѣ жизнью. Въ силу жизненной логики смертными казнями, каторгой и всѣми государственными бичами не изгонишь изъ народнаго организма буйную и острую болѣзнь. На оборотъ, карательные удары какъ будто лучше всего питаютъ это явленіе. Чѣмъ мрачнѣе и жесточе общія условія жизни, тѣмъ туже скручивается гдѣ-то въ глубинахъ населенія пружина буйнаго протеста. И не даромъ, можетъ быть, жизнь подноситъ намъ сейчасъ мрачное доказательство своихъ вѣчныхъ законовъ: въ то время какъ государственная власть дошла у насъ сейчасъ въ своихъ карательныхъ ударахъ до средневѣкового уровня, населеніе также спустилось до средневѣковыхъ разбоевъ, до стараго, забытаго пренебреженія жизнью и законами. Линія дѣйствій вверху фатально вызываетъ отвѣтную линію дѣйствій внизу. И вотъ онѣ скрестились предъ нами зловѣщимъ, предостерегающимъ крестомъ...

У правительственной власти во всѣ времена и у всѣхъ народовъ одинъ отвѣтъ: не она вызываетъ своими репрессіями буйство въ на-

селеніи, а буйство населенія вынуждаетъ власть на неизбѣжныя репрессіи. Доля истины, разумѣется, имѣется и въ этомъ разсужденіи. Но полная истина, очевидно, заключается въ томъ, что оба явленія взаимно питаютъ другъ друга. Общій ихъ первоисточникъ лежитъ въ условіяхъ государственной и народной жизни, и главная вина все же падаетъ на государственно-общественную власть, которая взяла на себя задачу строить, узаконять и охранять общіе устои всенародной жизни.

Изъ такого тупика, въ какой попала русская жизнь со смертными казнями съ одной стороны и экспропріаціями съ другой, нѣтъ выхода при той системѣ дѣйствій, которую государственная власть признала естественной и единственной. Изъ тупика выйти можно только однимъ способомъ: поколебаться должна вѣра въ спасительную силу карательныхъ мѣръ. Тогда населеніе пойметъ, что не всякій протестъ противъ господствующаго насилія слѣдуетъ облагораживать и поддерживать своимъ сознательнымъ или безсознательнымъ сочувствіемъ. Экспропріаціи въ настоящее время такъ близко подошли къ обыкновенному грабежу, что о значительномъ сочувствіи населенія къ нимъ уже нельзя говорить. Общество относится къ экспропріаторамъ все холоднѣе и суровѣе. Взять хотя бы рѣшенія суда присяжныхъ по тѣмъ немногимъ экспропріаторскимъ дѣламъ, которыя теперь начинаютъ передавать ему. Присяжные засѣдатели оправдываютъ или даютъ большое снисхожденіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда экспропріаторство явно носитъ видъ зарвавшейся шалости или глупаго озорства, не принесшаго никакой бѣды. Но въ случаяхъ настоящаго грабежа, съ угрозами револьверомъ, присяжные сурово приговариваютъ къ каторгѣ. Съ другой стороны, государственная машина, разогнавшаяся въ репрессіяхъ, тоже какъ будто начинаетъ отказываться отъ нѣкоторыхъ крайностей. Хотя военные суды все еще дѣйствуютъ, но все чаще появляются въ газетахъ извѣстія о разборѣ мелкихъ экспропріацій въ судебныхъ палатахъ и въ судѣ присяжныхъ. Признаки мелкіе, малозначительные, но все же они указываютъ на то, что государственная жизнь, до безсилія уставшая въ кошмарныхъ, неосмысленныхъ конвульсіяхъ, естественно и, можетъ-быть, безсознательно клонится къ иному, болѣе здоровому пути.

Въ „союзѣ русскаго народа“ продолжается разложеніе. Особенно любопытно и поучительно, что въ жару взаимной свары союзники превосходно характеризуютъ и освѣщаютъ фигуры своихъ вождей. Въ послѣдней взаимной потасовкѣ союзниковъ ярко опредѣлилась нравственно-политическая физіономія одесскаго главаря союзниковъ,

графа Коновницына. Отъ какого-то особаго вдохновенія графъ Коновницынъ почувствовалъ въ себѣ въ послѣднее время такую силу, что дерзнулъ даже пойти противъ премьеръ-министра Столыпина и одесскаго градоначальника Толмачева. Это настроеніе и отчасти его причины довольно выпукло опредѣлились въ слѣдующемъ циркулярѣ графа Коновницына къ союзникамъ, обнародованномъ недавно во многихъ газетахъ: „Всѣмъ отдѣламъ союза русскаго народа извѣстна плодотворная дѣятельность одесскаго отдѣла, который достигъ особаго высокаго значенія, заслужилъ неоднократныя милости и довѣріе Государя Императора, не говоря уже о довѣріи общества и русскаго народа. Это обстоятельство особенно, а также вся высокопатріотическая дѣятельность одесскаго отдѣла, возбудили къ послѣднему большую злобу и ненависть со стороны враговъ нашихъ слѣва, а со стороны правыхъ—страстную зависть. Походъ принялъ столь грандіозные размѣры, что во главѣ всей этой кампаніи стоитъ, какъ это ни странно, одесскій градоначальникъ И. Н. Толмачевъ, который дѣйствуетъ отчасти самоуправно, отчасти же, очевидно, по приказу Столыпина, который терпѣть меня не можетъ за то, что я имѣю помимо него доступъ къ Государю Императору и помимо него выхлопоталъ Высочайшее разрѣшеніе на всероссійскую подписку. Толмачевъ, не скрывая своихъ враждебныхъ ко мнѣ отношеній, не только не запрещаетъ, но явно поощряетъ и вдохновляетъ такихъ писакъ, какъ Глобачевъ, еврей Блицъ и др., ведущихъ противъ меня газетный походъ, и даже препятствуетъ мнѣ печатно же оправдываться, производя въ этомъ смыслѣ давленіе на всѣ одесскія газеты. Нынѣ участіе и виновность И. Н. Толмачева вполнѣ доказана. Въ настоящее время на насъ, союзникахъ, лежитъ обязанность обуздать зарвавшагося невѣрнаго царскаго слугу, идущаго вразрѣзъ интересамъ нашего славнаго союза, признаннаго надежной опорой Государя Императора".

Этимъ циркуляромъ, оказывается, графъ Коновницынъ обрушилъ на себя ударъ со стороны своихъ одесскихъ единомышленниковъ. Его постигло слѣдующее постановленіе. „Собравшіеся представители монархическихъ организацій: одесскаго отдѣла русскаго народнаго союза имени Михаила Архангела, одесскаго союза русскихъ людей, южнаго монархическаго союза, общества „Братская помощь", русскаго союза тружениковъ печатнаго дѣла и русскаго гимнастическаго общества постановили: принимая во вниманіе, что предсѣдатель одесскаго отдѣла союза русскаго народа графъ А. И. Коновницынъ уже давно проявляетъ зловредную и позорную для монархическаго дѣла дѣятельность,—исключить его, графа А. И. Коновницына, изъ нашей семьи и не допускать его ни на собранія, ни на манифестаціи, и самимъ не принимать участія ни въ собраніяхъ, ни въ манифестаціяхъ, устраивае-

мыхъ гр. Коновницынымъ; принимая во вниманіе гнусное выступленіе гр. Коновницына противъ генералъ-маіора генеральнаго штаба И. Н. Толмачева, выразившееся въ томъ, что гр. Коновницынъ позволилъ себѣ въ оглашенномъ „секретномъ циркулярѣ“ назвать генерала И. Н. Толмачева невѣрнымъ Царскимъ слугой, явиться лично въ полномъ составѣ къ И. Н. Толмачеву, вѣрному Царскому слугѣ, и выразить ему глубокое уваженіе и возмущеніе по поводу выходки гр. Коновницына“.

Итакъ, одесскіе союзники горой встали за своего ближайшаго полицейскаго начальника, принеся даже въ жертву бывшаго друга и вождя. Подпочвой для этого, очевидно, послужили разныя темныя внутреннія интриги, въ которыхъ скрестились темные интересы разныхъ дѣятелей союза. Но по бывшему другу и соратнику можно отчасти судить и о другихъ вождяхъ союзной рати. А графа Коновницына сами союзники характеризуютъ теперь довольно недвусмысленно. Корреспондентъ „Русскаго Слова“ извлекаетъ изъ № 12 „Южнаго Богатыря“ (органъ Зайченка, Глобачева и другихъ бывшихъ пріятелей Коновницына) біографію гр. Коновницына. Она заканчивается слѣдующими словами, которыя мы приводимъ далеко не цѣликомъ, такъ какъ въ нихъ слишкомъ сильно звучитъ специфически „союзническій“ тонъ: „графъ совершилъ тяжкое преступленіе: онъ нанесъ чувствительную рану торжеству русской національной идеи въ Одессѣ, онъ... наплевалъ на идеалы русскаго народа. Теперь онъ долженъ уйти. Его... душа никогда не найдетъ прощенія, такъ какъ обманутый имъ русскій народъ проклялъ его. Графъ Коновницынъ уйдетъ съ новымъ именемъ: Іуды предателя!“

Поучительно также послушать союзниковъ, когда они начинаютъ хвалиться своими поступками или восхвалять дѣянія другъ друга. Тутъ обнаруживается, что у нихъ понятія о чести и о доблести совсѣмъ особыя, и нерѣдко они ставятъ себѣ въ заслугу какъ разъ то, что въ обыкновенномъ обществѣ вызываетъ негодованіе и отвращеніе. Напримѣръ, корреспондентъ „Русскаго Слова“ разсказываетъ объ открытіи въ Твери союза Михаила Архангела. „Открытіе происходило въ заволжскомъ трактирѣ. На торжество собралось человѣкъ 40—50, въ томъ числѣ знакомыя фигуры участниковъ разгрома губернской управы въ 1905-мъ году. Молебствіе служилъ викарный епископъ Алипій. Между прочимъ выступилъ ораторъ со значкомъ союза на груди и повѣдалъ:—Въ борьбѣ съ революціей я потерялъ службу, дававшую мнѣ нѣсколько тысячъ. Я потерялъ общественное положеніе, имущество, попалъ въ финляндскую тюрьму, но былъ освобожденъ оттуда. Я—Юшкевичъ-Красковскій.—Его привѣтствовали апплодисментами.—Я тоже пострадалъ,—заявляетъ

Папышевъ, бывшій городовой:—меня, вмѣстѣ съ другими, тверской окружный судъ приговорилъ за поджогъ и разгромъ губернской земской управы на полтора года въ арестантскія отдѣленія. И теперь меня еще называютъ оберъ-полицеймейстеромъ погромщиковъ.—Съ удовольствіемъ жму вашу руку,—говоритъ Папышеву Юшкевичъ-Красковскій".

Особые люди, особая среда, гдѣ слово „погромщикъ" считается не позорнымъ, а хвалебнымъ. И чѣмъ дальше подвигается русская жизнь, тѣмъ многоцвѣтнѣе выявляетъ себя среда союзниковъ. Неудивительно поэтому встрѣчать теперь въ газетахъ такого рода краткія извѣстія: „Изъ Житоміра „Русскому Слову" сообщаютъ, что инспекторомъ народныхъ училищъ 8-го района предъявлено къ городу требованіе о переводѣ изъ помѣщенія дома трудолюбія одноклассныхъ училища. Мотивы—развращающее вліяніе на дѣтей помѣщающейся по сосѣдству союзнической чайной".

Будь это простые отбросы общества, о нихъ не стоило бы ни думать, ни говорить. Въ общемъ они малочисленны и ничтожны. Но суть-то въ томъ, что на этотъ разрядъ людей не только сыплются всяческія поощренія и даянія: на нихъ возлагается своего рода государственная миссія. Они служатъ реальнымъ оплотомъ нѣкоторыхъ сторонъ государственной жизни; они представляютъ опору для тѣхъ старыхъ, отмирающихъ ея устоевъ, которымъ, кажется, больше уже не на что и опереться. И въ этомъ смыслѣ роль союзниковъ трагична и знаменательна. Печальна судьба того зданія, которое воздвигается на гнилыхъ бревнахъ. Союзники всячески и всесторонне показываютъ теперь, насколько можно назвать ихъ здоровыми и жизнетворными элементами общества. Печальна судьба устоевъ, ищущихъ здѣсь себѣ опору. Для самаго апатичнаго обывателя сдѣлается ясной подлинная суть стараго режима, когда онъ разсмотритъ, что единственными рыцарями этого режима остались кривляющіеся союзники.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1910.

Общій характеръ настоящей минуты.—Указъ 12-го декабря и законопроектъ о введеніи земства въ шести западныхъ губерніяхъ.—Программа и ея исполненіе.—Докладъ финляндской коммиссіи Государственной Думы.—„Напоминаніе", сдѣланное 15-го мая, и отголоски его въ засѣданіи 17-го числа.—Заявленіе предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

Трудно вообразить себѣ зрѣлище болѣе печальное чѣмъ то, которое представляетъ собою, въ настоящую минуту, дѣятельность нашихъ законодательныхъ учрежденій. Неразрѣшенными остаются самые важные вопросы, давно признанные неотложными—и въ то же время съ судорожными усиліями подвигается впередъ исполненіе ничѣмъ не вызванныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ мѣропріятій. Вмѣсто того, чтобы поставить на очередь ожидающіе ея уже нѣсколько лѣтъ законы о неприкосновенности личности и объ исключительномъ положеніи—законы, отсутствіемъ которыхъ мотивируется оставленіе въ силѣ всякаго рода экстраординарныхъ охранъ,—Государственная Дума готовится приступить къ разсмотрѣнію проекта, подрывающаго въ корнѣ столѣтнюю самостоятельность Финляндіи. Примѣру Думы, нарушая обычный ходъ дѣла, спѣшитъ послѣдовать Государственный Совѣтъ. Ускорить пересмотръ бюджетныхъ правилъ, ограничивающихъ свободу дѣйствій народнаго представительства, считается излишнимъ—но отдѣленіе Холмщины отъ царства польскаго разсматривается какъ одно изъ важнѣйшихъ требованій момента. По истинѣ поразительнымъ оказывается контрастъ между медленностью, съ которою подготовляется общая земская реформа—и быстротою, съ которою проводится частный вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ шести западныхъ губерніяхъ. Откладывается въ долгій ящикъ все то, что должно было вести къ увеличенію суммы гражданскихъ и политическихъ правъ, къ ускоренію темпа общественной жизни, къ обновленію государственнаго строя, къ сближенію національностей, классовъ и сословій—и съ лихорадочной торопливостью сѣются сѣмена новой вражды, новыхъ раздоровъ. Не разъ и прежде Россія переживала тяжелыя испытанія—но нѣкоторымъ утѣшеніемъ могла тогда служить мысль, что отвѣтственность за нихъ упадаетъ всецѣло на бюрократію, безконтрольно

распоряжающуюся судьбами страны; можно было думать, что все пойдетъ иначе, какъ только широкимъ слоямъ населенія будетъ открытъ доступъ къ участію въ политической жизни. Теперь у насъ есть народное представительство—и въ его средѣ находитъ сочувствіе политика возврата къ худшимъ традиціямъ прошлаго. Конечно, народнымъ представительствомъ Государственная Дума 3-го іюня является только по имени; но въ этомъ имени ищутъ поддержки для мѣръ, не имѣющихъ ничего общаго съ народнымъ благомъ. На ту же чашку вѣсовъ ложится авторитетъ учрежденія, еще недавно возвышавшагося, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, надъ общимъ уровнемъ правительственной сферы. Въ Государственномъ Совѣтѣ большинство еще рѣшительнѣе склоняется на сторону реакціи, чѣмъ въ Государственной Думѣ. Съ другой стороны, все больше и больше обнаруживается настоящій характеръ партійныхъ организацій, выставляющихъ себя надежнѣйшей опорой монархическаго и національнаго начала. Никогда еще развалъ въ средѣ „союза русскаго народа" и ему подобныхъ группъ не достигалъ такой остроты — и никогда не раскрывалась съ такою ясностью вся глубина ихъ нравственнаго паденія. Одобреніе, идущее изъ этого источника — лучшее доказательство тому, что зломъ и горемъ грозитъ одобряемая мѣра.

Высочайшій указъ 12-го декабря 1904-го года призналъ необходимымъ „призвать къ дѣятельности въ земскихъ учрежденіяхъ, *на однородныхъ основаніяхъ*, представителей *всѣхъ* частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія". Тѣмъ же указомъ повелѣно „произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа этихъ постановленій впредь были сохранены лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа". И вотъ, въ Государственную Думу, по прошествіи пяти съ половиною лѣтъ со времени изданія этого указа, вносится первый законопроектъ, какъ будто бы направленный къ намѣченной указомъ цѣли: законопроектъ о введеніи земскихъ учрежденій въ шести губерніяхъ западнаго края (витебской, минской, могилевской, волынской, кіевской и подольской). На самомъ дѣлѣ этотъ проектъ имѣетъ очень мало общаго съ задачами земской реформы. Изъ всѣхъ мѣстностей, лишенныхъ земства (Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ, область войска донского, царство польское, остзейскій край, губерніи архангельская, астраханская, оренбургская) выхваченъ одинъ лишь западный край, и то не весь, а за исключеніемъ трехъ губерній (виленской, гродненской и ковенской) — выхваченъ только для того, чтобы измѣнить способъ избранія представителей въ Государственномъ Совѣтѣ и уменьшить, тѣмъ самымъ, число по-

ляковъ-членовъ Совѣта. Происхожденію законопроекта вполнѣ соотвѣтствуетъ его содержаніе. Онъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ указомъ 12-го декабря, призывая къ участію въ земствѣ *не всѣ* части мѣстнаго населенія, установляя для дѣятельности призываемыхъ *не однородныя* основанія, существенно ограничивая права инородцевъ. Чѣмъ же объясняется столь явное отступленіе отъ принятаго и провозглашеннаго принципа? Случилось ли, въ теченіе пяти лѣтъ, что-нибудь оправдывающее рѣзкій поворотъ въ сторону недовѣрія и подозрѣній? Или, можетъ быть, равноправность всѣхъ элементовъ населенія западнаго края противорѣчила бы „интересамъ государства и пользѣ русскаго народа"?... Посмотримъ, какой отвѣтъ на эти вопросы даетъ рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ, произнесенная 7-го мая въ засѣданіи Государственной Думы.

„Послѣ указа 12-го декабря"—сказалъ П. А. Столыпинъ,—„польскому населенію представлялась возможность идти рука объ руку съ русскими по культурному пути, по спокойному государственному руслу. Какъ же воспользовалась польская интеллигенція этой возможностью? Да такъ же какъ и въ первые два раза (т.-е. послѣ примирительныхъ мѣропріятій Александра I-го и Александра II-го): сильнымъ поднятіемъ враждебнаго настроенія по отношенію ко всему русскому... И духовенство, и интеллигенція старались то смутное броженіе, которое проникло въ народъ, направить въ національное русло". Допустимъ, что такія попытки были сдѣланы: но вѣдь сколько-нибудь серьезный характеръ онѣ могли имѣть только въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда повсемѣстно происходило движеніе, когда все старое казалось поколебленнымъ и осужденнымъ на сломку. Этотъ періодъ закончился зимой 1905-6 г., за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (П. А. Столыпинымъ) составленъ былъ первый проектъ введенія земства въ западномъ краѣ, очень мало схожій съ настоящимъ. Разгадку перемѣны надо искать, слѣдовательно, въ позднѣйшихъ событіяхъ. Какія же указанія даетъ на этотъ счетъ предсѣдатель совѣта министровъ? Онъ много говоритъ о римско-католическомъ епископѣ баронѣ Роопѣ, о суровомъ отношеніи его къ ксендзамъ литовской и бѣлорусской національности, о торжественныхъ поѣздкахъ его по епархіи, о сочувствіи, которое вызывала въ немъ идея автономіи не только царства польскаго, но и другихъ областей. На столько ли велики были всѣ эти прегрѣшенія, чтобы заслужить послѣдовавшій за ними „шокъ"— этого вопроса мы касаться не будемъ; для насъ важно только подчеркнуть совершенную недостаточность ихъ какъ мотива къ радикальному измѣненію взгляда на земство въ западныхъ губерніяхъ. Выдающейся роли въ земской жизни цѣлаго края епископъ одной

изъ западныхъ епархій не могъ бы сыграть даже въ такомъ случаѣ, еслибы ему не пришлось испытать никакого „шока". Если католики виленской епархіи радостно встрѣчали своего духовнаго главу, въ первый разъ послѣ долгихъ стѣсненій свободно вступавшаго въ общеніе съ своею паствой, то это еще не значитъ, что въ дѣлахъ свѣтскихъ они явились бы покорными исполнителями его воли... Послѣ ссылки на барона Роопа мы находимъ въ рѣчи П. А. Столыпина нѣсколько словъ о двухъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ, на которыхъ игнорировалось все русское, о двухъ случаяхъ отказа польскихъ землевладѣльцевъ отъ совмѣстной дѣятельности съ русскими, о съѣздахъ, гдѣ провозглашалось превосходство польской культуры надъ русскою, о минскихъ выборахъ въ Государственный Совѣтъ, при которыхъ „наиболѣе уважаемымъ полякамъ изъ умѣреннаго стана" не удалось оказать вліянія на своихъ соотечественниковъ. Этого мало, очень мало для перехода отъ одной системы къ другой, противоположной. Поляки могутъ быть самаго высокаго мнѣнія о своей культурѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ, что они станутъ навязывать ее, per fas et nefas, русскому населенію; польскіе землевладѣльцы, послѣ цѣлыхъ десятилѣтій политическаго гнета, могутъ чуждаться добровольнаго сотрудничества съ русскими, но отсюда еще не слѣдуетъ, что они станутъ избѣгать общей работы на земской почвѣ— или стремиться къ захвату ея всецѣло въ свои руки. Въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ болѣе крайніе элементы могутъ одержать побѣду надъ болѣе умѣренными—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы такая побѣда всегда и во всемъ была неизбѣжна. Ни въ одномъ изъ доводовъ, приведенныхъ П. А. Столыпинымъ, нельзя усмотрѣть даже „начала доказательства" тому, что при введеніи въ западныхъ губерніяхъ—какъ это предполагалось въ 1906-мъ году—пропорціональнаго земскаго представительства фактическими хозяевами земства сдѣлались бы поляки, вездѣ, даже въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, составляющіе меньшинство населенія.

На сколько предсѣдатель совѣта министровъ, внося въ Думу и защищая передъ нею законопроектъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ, отступилъ отъ прежнихъ своихъ взглядовъ, на столько же впали въ противорѣчіе сами съ собою тѣ члены союза 17-го октября, которые явились сторонниками проекта. Всякое сомнѣніе по этому предмету устранено рѣчью одного изъ октябристовъ — депутата Клименко 1-го. Напомнивъ тотъ пунктъ партійной программы, въ которомъ говорится о широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія на всемъ пространствѣ имперіи, при участіи всѣхъ гражданъ, *безъ различія вѣроисповѣданія и національности*, г. Клименко призналъ министерскій проектъ явно противорѣчащимъ основному принципу партіи

и отказался подать голосъ за переходъ къ постатейному чтенію, приглашая своихъ товарищей по фракціи послѣдовать его примѣру. Впечатлѣніе, произведенное его словами, было тѣмъ сильнѣе, что они, очевидно, вырвались изъ глубины давно изстрадавшагося сердца. „Три года существуетъ Дума—воскликнулъ г. Клименко—и три года приходится постоянно поступаться своими принципами. Въ будущемъ я буду руководиться только своею совѣстью". Позже, въ кулуарахъ Думы, г. Клименко, судя по газетнымъ сообщеніямъ, выражался еще откровеннѣе и еще сильнѣе. „Вы довели дѣло до того"—говорилъ онъ нападавшимъ на него октябристамъ, — „что на насъ пальцами начинаютъ показывать. Сдѣлайте коротенькую программу, но только выполняйте ее какъ слѣдуетъ"... Призывъ къ политической честности прозвучалъ не совсѣмъ безслѣдно. Вмѣстѣ съ г. Клименко противъ перехода къ постатейному чтенію голосовали шестнадцать октябристовъ, въ томъ числѣ деп. Хомяковъ (еще раньше, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей", весьма рѣшительно высказавшійся противъ законопроекта), бар. Мейендорфъ, гр. Беннигсенъ, бар. Шиллингъ, бар. Черкасовъ. Предсѣдатель бюджетной коммиссіи, проф. Алексѣенко, воздержался отъ голосованія. Общее число противниковъ законопроекта дошло до 141, при 10 воздержавшихся; за переходъ къ постатейному чтенію подано 195 голосовъ. Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что октябристы (за немногими исключеніями) и націоналисты не хотѣли поименнаго голосованія; оно было принято (большинствомъ 163 противъ 135) благодаря тому, что за него, кромѣ оппозиціи, высказались правые.

Не оправдывается ли, однако, образъ дѣйствій министерства и большинства думскаго центра тою оговоркой, которая сдѣлана въ указѣ 12-го декабря? Не угрожало ли бы введеніе въ западномъ краѣ пропорціональнаго земскаго представительства „интересамъ государства" или „пользѣ русскаго народа"? Освѣтить этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ можно было бы только путемъ подробнаго разбора всего содержанія законопроекта — разбора, который пока не входитъ въ предѣлы нашей задачи. Замѣтимъ только, что интересы государства и народа четыре года тому назадъ были тѣ же, что и въ настоящую минуту; почему же такъ сильно измѣнились мотивируемыя ими требованія? Почему перестала считаться возможной равноправность, въ которой еще такъ недавно не усматривалось ничего опаснаго ни для государства, ни для народа? Да и можетъ ли быть опаснымъ то, что скрѣпляетъ связь между государствомъ и его гражданами? Можетъ ли быть вреднымъ то, что сближаетъ различные элементы населенія, погашаетъ или предупреждаетъ вражду, пріучаетъ къ совмѣстной мирной работѣ? И что именно въ земской дѣятельности можетъ быть

обращено въ орудіе противъ государства или противъ народной массы? Распредѣленіе земскихъ сборовъ, слишкомъ льготное для однихъ и слишкомъ обременительное для другихъ? Но вѣдь главныя основы земскаго обложенія регулируются закономъ, исходящимъ изъ центра, и всякое отступленіе отъ нихъ можетъ быть обжаловано въ порядкѣ, обязательномъ для органовъ мѣстнаго самоуправленія. Проведеніе дорогъ, устройство больницъ, пріютовъ, богадѣленъ, школъ, опытныхъ полей и т. п. не тамъ, гдѣ все это особенно нужно, а тамъ, гдѣ обитаетъ фактически наиболѣе вліятельная часть населенія? Но вѣдь эту часть въ западномъ краѣ, съ точки зрѣнія сторонниковъ законопроекта, составляютъ польскіе землевладѣльцы, не образующіе географически сплошныхъ группъ и не заинтересованные, слѣдовательно, въ систематическомъ покровительствѣ однѣмъ мѣстностямъ на счетъ другихъ. Отдѣльныя злоупотребленія возможны вездѣ и всегда, а предупреждать возведеніе ихъ въ систему должны законы, регулирующіе различныя отрасли земскаго хозяйства. Мыслимъ ли, напримѣръ, тенденціозный произволъ въ выборѣ пунктовъ для открытія новыхъ школъ, разъ что вводится всеобщее обученіе, съ требованіями котораго должна быть согласована школьная сѣть?.. Въ законахъ, а не въ правоограниченіяхъ, обусловливаемыхъ происхожденіемъ, слѣдуетъ искать гарантій правильнаго веденія земскаго дѣла. Возьмемъ хотя бы народное образованіе, т.-е. именно ту область, въ которой, съ націоналистической точки зрѣнія, всего зловреднѣе „инородческое" вліяніе. Чего, въ сущности, здѣсь можно опасаться, разъ что установлена программа начальной школы? Пренебреженія къ преподаванію русскаго языка? Чтобы сдѣлать его невозможнымъ, достаточно самаго элементарнаго надзора за школой—да и нѣтъ основанія думать, что масса населенія, литовскаго или бѣлорусскаго, отнеслась бы сочувственно или индифферентно къ слабымъ успѣхамъ своихъ дѣтей въ знаніи государственнаго языка. Опасаться польскаго воздѣйствія на малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей — значитъ пугаться призраковъ, поддаваться совершенно фантастическимъ страхамъ. Трудно представить себѣ, какимъ образомъ самые пылкіе поклонники польской культуры могли бы взяться за насажденіе ея въ начальной школѣ, среди учениковъ, не говорящихъ и, большею частью, даже не понимающихъ по-польски. Знакомить ихъ съ польской литературой, съ польской исторіей — очевидно невозможно, да для этого не оказалось бы ни мѣста, ни времени при трехъ- или четырехлѣтней продолжительности ученья. Кое-что польское можетъ проникнуть въ дѣтскія головы развѣ однимъ путемъ—черезъ уроки закона Божія, преподаваемаго дѣтямъ-католикамъ священникомъ ихъ исповѣданія: но вѣдь этого нельзя будетъ избѣжать даже при самомъ анти-польскомъ составѣ и устройствѣ

земства. Едва ли кто-нибудь рѣшится предложить, чтобы дѣло религіознаго обученія католиковъ было ввѣрено православному священнику...

Итакъ, изъ самаго существа земскихъ функцій нельзя почерпнуть ни одного конкретнаго довода въ пользу искусственной земской постройки, проектируемой для западнаго края. Неудивительно, что нѣтъ такихъ доводовъ и въ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ. Она вращается въ сферѣ историческихъ воспоминаній, мало идущихъ къ дѣлу или доказывающихъ нѣчто совершенно иное, иногда прямо противоположное—и въ сферѣ общихъ мѣстъ о государственности, о государственныхъ задачахъ и государственныхъ интересахъ. „Въ правѣ ли государство"—восклицаетъ П. А. Столыпинъ—„сразу отказать въ помощи тѣмъ слабымъ отросткамъ русской государственности, которые тамъ еще не окрѣпли и не могутъ еще самостоятельно себя ограждать"? Ничего, кромѣ „слабыхъ отростковъ", не успѣла, значитъ, насадить въ западномъ краѣ русская государственность, хотя имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлое столѣтіе — или по меньшей мѣрѣ, если считать со времени крушенія послѣднихъ примирительныхъ попытокъ, почти полвѣка. Гдѣ же результаты той „творческой силы", которая, по словамъ П. А. Столыпина, крѣпла каждый разъ, когда слабѣлъ польскій элементъ? Что создала эта сила, чему она помогла подняться и созрѣть, если до сихъ поръ, послѣ длиннаго ряда репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ полякамъ, необходима тщательная охрана „слабыхъ отростковъ русской государственности"? Не ясно ли, что „историческая задача" русской правительственной власти въ западномъ краѣ была понята неправильно, и печальный опытъ говоритъ не за вѣрность прошлому, а за рѣшительный разрывъ съ его преданіями?.. Въ особенности поразительна слабость аргументаціи, оправдывающей отказъ тремъ западнымъ губерніямъ (виленской, ковенской и гродненской) даже въ томъ искалѣченномъ земствѣ, которое предполагается ввести въ шести остальныхъ. Въ интересахъ русской „государственности" признается необходимымъ сохраненіе псевдо-земскихъ порядковъ, совершенно безполезныхъ для населенія—порядковъ, при которыхъ почти сведено на нѣтъ попеченіе о народномъ образованіи, о народномъ здоровьѣ, о народномъ хозяйствѣ. Премьеръ-министра пугаетъ мысль, что крестьянинъ, обращаясь въ пріютъ или въ больницу, услышитъ тамъ польскій говоръ—но его не пугаетъ тотъ фактъ, что на огромныхъ пространствахъ нѣтъ ни пріютовъ, ни больницъ (въ ковенской губерніи, напримѣръ, одинъ врачебный участокъ приходится на 100 тысячъ, въ виленской—на 118 тысячъ душъ). Трудно предположить, чтобы мѣстности, въ которыхъ, по выраженію деп. Шингарева, „негдѣ лѣчиться, негдѣ учиться, нельзя проѣхать", служили

благопріятной почвой для развитія чувства „русской государственности"...

И если въ западномъ краѣ такъ опасно польское вліяніе, могущее исходить только отъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, то почему же не создается противъ него оплотъ, самый надежный и самый твердый, въ видѣ расширенія мѣста, предоставляемаго крестьянскому, русскому элементу? Допустимъ, что правительство не можетъ согласиться на введеніе въ земствѣ западнаго края всеобщей подачи голосовъ, такъ какъ это послужило бы опаснымъ, съ его точки зрѣнія, прецедентомъ по отношенію къ остальной Россіи; но почему бы не увеличить число крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ, напримѣръ съ одной трети — до половины общаго числа гласныхъ? Противъ такого простого выхода изъ затрудненія предсѣдатель совѣта министровъ предъявилъ, въ засѣданіи Думы 15-го мая, два возраженія: въ число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ могутъ попадать и крестьяне, въ качествѣ уполномоченныхъ отъ мелкихъ собственниковъ — и слишкомъ большое количество гласныхъ-крестьянъ послужило бы въ ущербъ культурнымъ элементамъ края. Между тѣмъ, опытъ земскихъ губерній показываетъ съ полною ясностью, что мелкіе землевладѣльцы очень мало дорожатъ своимъ избирательнымъ правомъ, рѣдко являются на съѣзды, еще рѣже выбираются въ гласные—и среди такихъ избранниковъ сравнительно немногіе принадлежатъ къ крестьянскому сословію. Нѣтъ основанія думать, что иначе пойдетъ дѣло въ западномъ краѣ. Что касается до культуры, то никакого ущерба увеличеніе числа гласныхъ-крестьянъ ей бы не нанесло. Крестьянство вездѣ пробуждается къ новой жизни, вездѣ начинаетъ сознавать необходимость образованія, необходимость хозяйственнаго прогресса—и, конечно, не замедлитъ и въ западномъ краѣ вступить на путь, ведущій къ этой цѣли. Скажемъ болѣе: весьма вѣроятно, что самую видную роль въ этомъ движеніи съиграютъ именно гласные-крестьяне. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ примѣръ такъ называемыхъ крестьянскихъ земствъ—пермскаго и вятскаго... Напрасно одинъ изъ правыхъ депутатовъ старался запугать оппозицію картиной „гнѣва и ненависти, начинающихъ прорываться противъ вѣковыхъ утѣснителей русскихъ крестьянъ въ западномъ краѣ". Эта угроза — если она не лишена фактическихъ основаній—направлена не по адресу: она не касается тѣхъ, кто желалъ отдать земское дѣло въ руки самого западно-русскаго крестьянства.

Чрезвычайно характеренъ для переживаемой нами минуты эпизодъ, которымъ закончилось засѣданіе Государственной Думы 15-го мая. Деп. Милюковъ, ссылаясь на только что обнаруженный случай ужасной,

непоправимой судебной ошибки—казни человѣка, нѣсколько времени спустя оказавшагося ни въ чемъ невиновнымъ,—предложилъ поставить на ближайшую очередь давно внесенный въ Думу, въ порядкѣ парламентской иниціативы, законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Уже во время небольшой рѣчи П. Н. Милюкова на правыхъ скамьяхъ раздавались восклицанія, мало соотвѣтствовавшія страшной важности вопроса[1]); было видно, что отъ единодушія, на которое разсчитывалъ ораторъ, значительная часть Думы весьма далека. Всякое сомнѣніе по этому предмету поспѣшилъ разсѣять деп. Крупенскій. Предложенію П. Н. Милюкова онъ противопоставилъ другое: возможно скорѣе выдвинуть на очередь финляндскій законопроектъ, „не загромождая работу Думы разсмотрѣніемъ вопроса о смертной казни". Нужно помнить—прибавилъ онъ,— „что въ теченіе трехъ лѣтъ смертная казнь примѣнялась только двѣ тысячи разъ, а террористы примѣняли ее двадцать тысячъ разъ". *Только* двѣ тысячи казней—казней по иниціативѣ правительственной власти, на основаніи приговоровъ оффиціальнаго суда, при давно наступившемъ „успокоеніи"! Какой яркій свѣтъ г. Крупенскій, самъ того не чувствуя и не понимая, пролилъ этими словами на настроеніе своей партіи и другихъ, близкихъ къ ней политическихъ группъ! И что же, въ его глазахъ, болѣе важно и болѣе спѣшно, чѣмъ попытка устранить одно изъ главныхъ золъ современной жизни? Законопроектъ о такъ называемомъ общеимперскомъ законодательствѣ, гибельный для Финляндіи и, въ лучшемъ случаѣ, совершенно безполезный для Россіи. Сто лѣтъ великое княжество жило самостоятельною жизнью, развиваясь матеріально и духовно—и не нанося ни малѣйшаго ущерба общерусскимъ интересамъ. Ненормальнымъ это положеніе вещей казалось, съ правительственной точки зрѣнія, только въ такіе періоды времени, которые были одинаково тягостны для Финляндіи и для Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, когда явилась впервые мысль объ ограниченіи правъ, которыми пользуется Финляндія? Тогда, когда по сю сторону р. Сестры происходила усиленная ломка наиболѣе цѣнныхъ пріобрѣтеній эпохи великихъ реформъ. Когда она выступила на сцену во второй разъ, съ удвоенною остротою? Въ тѣ несчастные годы, которые предшествовали русско-японской войнѣ. Наоборотъ, лучшіе—къ несчастію, слишкомъ короткіе—моменты русской жизни были самыми благопріятными и для Финляндіи. Уже отсюда можно заключить, что величайшимъ благомъ для обѣихъ сторонъ было бы не уско-

[1]) Когда П. Н. Милюковъ воскликнулъ, что не вернуть жизнь невинно казненному, деп. Пуришкевичъ прервалъ его словами: „казнить Милюкова въ исправленіе!"—и вызвалъ этимъ веселый смѣхъ своихъ сосѣдей. Это—особый видъ того, что нѣмцы называютъ Galgenhumor; но тамъ смѣется стоящій подъ висѣлицей—а здѣсь смѣются по поводу судьбы невинно погибшаго на висѣлицѣ!

реніе, а замедленіе и прекращеніе процесса, конечною цѣлью котораго служитъ регламентація отношеній между имперіей и великимъ княжествомъ. Торопливость не создастъ здѣсь ничего прочнаго и вызоветъ ожесточеніе, затрудняющее возвратъ на правильную дорогу. Еще прежде, чѣмъ началось въ законодательныхъ учрежденіяхъ обсужденіе законопроекта, мы были свидѣтелями такихъ прискорбныхъ явленій, какъ молчаливое, силою числа, проведеніе взглядовъ большинства въ финляндской коммиссіи Государственной Думы, какъ преждевременное образованіе финляндской коммиссіи Государственнаго Совѣта. По началу можно догадываться о концѣ; но этотъ конецъ несомнѣнно будетъ, въ свою очередь, началомъ новыхъ осложненій.

Финляндскій вопросъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ поставленъ теперь, сводится, въ сущности, къ тому, имѣетъ ли Финляндія право на существованіе, какъ *страна*, продолжаетъ ли ея населеніе составлять финскій *народъ*, финскую *націю*. Такъ именовали его еще недавно съ высоты престола—но такъ нельзя будетъ называть его, если получитъ силу внесенный въ Думу законопроектъ. Не случайно въ объяснительной запискѣ къ этому законопроекту важнѣйшіе акты, опредѣляющіе политическую жизнь Финляндіи, приравниваются къ грамотамъ, даннымъ когда-то прибалтійскому краю. Мы старались показать, два мѣсяца тому назадъ, полнѣйшее отсутствіе аналогіи, подчеркиваемой предсѣдателемъ совѣта министровъ. Можно быть того или другого мнѣнія о цѣлесообразности правового положенія, созданнаго для Финляндіи императорами Александромъ I-мъ и Александромъ II-мъ—но нельзя отрицать, оставаясь на почвѣ фактовъ, что это положеніе ставитъ великое княжество внѣ сравненія съ другими частями русскаго государства. Отсюда напряженное вниманіе, съ которымъ общественное мнѣніе Европы слѣдитъ за движеніемъ финляндскаго вопроса; отсюда коллективныя заявленія научныхъ и политическихъ дѣятелей, съ такимъ раздраженіемъ принимаемыя въ нашихъ націоналистическихъ сферахъ. Нельзя видѣть въ нихъ попытку вмѣшательства въ чужое дѣло: это скорѣе дружеское предостереженіе, вызванное опасеніемъ ошибки — ошибки, невыгодной не только для тѣхъ, противъ кого она направлена, но и для тѣхъ, отъ кого она исходитъ. Продолжительная конституціонная жизнь доказала нашимъ сосѣдямъ весь вредъ аггрессивной политики, не считающейся съ чужимъ правомъ, ставящей вынужденную подчиненность выше свободнаго сближенія. Странно было бы подчиняться чужимъ внушеніямъ, не повѣряя ихъ внутренней силы; но еще болѣе странно игнорировать ихъ только потому, что ихъ источникъ — по ту сторону границы. Для тѣхъ русскихъ юристовъ и публицистовъ, которые всегда отстаивали самостоятельность великаго княжества,

единодушіе, съ которымъ въ широкихъ европейскихъ кругахъ признаются права Финляндіи, не представляетъ ничего неожиданнаго; но надъ нимъ должны были бы серьезно задуматься защитники противоположнаго взгляда. Вмѣсто того, чтобы кричать, по примѣру гр. Бобринскаго 1-го: „руки прочь“, имъ слѣдовало бы открыть глаза и вглядѣться поближе въ причины волненія, нашедшаго отголосокъ въ германскомъ рейхстагѣ и въ англійской палатѣ общинъ.

Финляндскій сеймъ, привыкшій, съ полнымъ основаніемъ, считать себя народнымъ представительствомъ, не могъ поступиться вытекающими отсюда правами, не могъ признать, что въ вопросѣ, затрагивающемъ всю будущность Финляндіи, ему принадлежитъ только совѣщательный голосъ. Въ этомъ именно смыслѣ имъ и составленъ затребованный отъ него отвѣтъ. Въ какой бы мѣрѣ, слѣдовательно, будущее общеимперское законодательство ни ограничивало самостоятельность Финляндіи, оно встрѣтитъ тамъ принципіально-отрицательное отношеніе. Размѣръ ограниченій будетъ имѣть значеніе не столько для дальнѣйшей судьбы новаго порядка, сколько для характеристики нашихъ законодательныхъ учрежденій. Только съ этой точки зрѣнія и не лишенъ интереса докладъ финляндской коммиссіи Государственной Думы. Тѣ немногіе пункты, по которымъ коммиссія идетъ не такъ далеко, какъ совѣтъ министровъ, не имѣютъ существеннаго значенія. Она предлагаетъ увеличить число случаевъ, въ которыхъ законопроекты должны быть обязательно сообщаемы на *заключеніе* сейма; но дачей заключеній участіе сейма въ законодательствѣ, по единодушному убѣжденію всѣхъ финляндскихъ партій, ограничиваться не должно и не можетъ. Коммиссія возстаетъ—и, съ точки зрѣнія здраваго смысла, совершенно основательно,—противъ избранія особаго представителя отъ русскаго населенія Финляндіи; но фактическаго вліянія на ходъ финляндскихъ дѣлъ присоединеніе къ гг. Тимошкину и Алексѣеву еще одного „истинно-русскаго“ депутата конечно бы не оказало. Съ другой стороны, перечень предметовъ общеимперскаго законодательства коммиссіею не сокращенъ, а расширенъ: она внесла въ него вновь, по примѣру гг. Дейтриха и его товарищей, законоположенія, касающіяся употребленія въ Финляндіи русскаго государственнаго языка, и дополнила пунктъ о желѣзныхъ дорогахъ указаніемъ на другіе пути сообщенія. Законопроектъ относитъ къ области общеимперскаго законодательства обезпеченіе государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Коммиссія предлагаетъ слѣдующую редакцію этого пункта: „узаконенія, обезпечивающія государственные интересы въ дѣлѣ установленія программъ преподаванія и надзора за ними“. По мнѣнію коммиссіи, „такая болѣе ясная редакція закона даетъ возможность, оставивъ, въ общемъ, дѣло народнаго просвѣщенія въ

рукахъ финляндскихъ властей, провести законодательнымъ путемъ, въ случаѣ надобности, нѣкоторыя мѣропріятія къ огражденію Россіи отъ того враждебнаго отношенія, которое поддерживалось до сихъ поръ въ Финляндіи народными школами". Если воспитаніе въ нихъ— продолжаетъ коммиссія—„будетъ и впредь вестись въ духѣ вражды и ненависти къ Россіи, сближеніе съ имперіей этой ея части едва ли можетъ послѣдовать, и финляндскій вопросъ останется неразрѣшеннымъ и на будущее время". По истинѣ удивительна наивность этихъ предположеній. Съ точки зрѣнія ясности редакція коммиссіи ничѣмъ не лучше редакціи законопроекта: какъ та, такъ и другая оставляютъ одинаково неопредѣленнымъ понятіе о государственныхъ интересахъ и открываютъ одинаковый просторъ для самыхъ широкихъ и самыхъ произвольныхъ толкованій. Отнюдь не больше, чѣмъ законопроектъ, коммиссія ограждаетъ свободу дѣйствій финляндской школы. Регламентація программъ и надзоръ за преподаваніемъ обнимаютъ, въ сущности, все школьное дѣло, отдаютъ его всецѣло во власть „наблюдателей". И неужели коммиссія серьезно полагаетъ, что путемъ наблюденія надъ школой можно предупредить развитіе въ средѣ учащихся тѣхъ настроеній, которыя внушаются имъ семьею и всею окружающею обстановкой? Совершенно правильно коммиссія ставитъ сближеніе Финляндіи съ Россіей въ зависимость отъ чувствъ, одушевляющихъ населеніе—но она впадаетъ въ непростительную ошибку, ища противовѣсъ враждѣ въ чисто формальныхъ способахъ насажденія лояльности и преданности. Неразрѣшеннымъ финляндскій вопросъ останется именно при томъ отношеніи къ нему, которое проводитъ законопроектъ и обостряетъ думская коммиссія.

Невелика перемѣна къ лучшему, предлагаемая двумя членами коммиссіи—гг. Капустинымъ и фонъ-Анрепомъ,—отдѣлившимися, на этотъ разъ, отъ своей партіи (т.-е. отъ союза 17-го октября, остальные представители котораго шли въ коммиссіи рука объ руку съ націоналистами и правыми). Они находятъ, что дѣло народнаго образованія, правила о публичныхъ собраніяхъ, обществахъ, союзахъ и законы о печати относятся всецѣло къ тѣмъ внутреннимъ дѣламъ Финляндіи, которыя, за силою ст. 2-ой зак. основн., подлежатъ вѣдѣнію особыхъ установленій, на основаніи особаго законодательства. Въ этомъ, конечно, они совершенно правы; но значеніе ихъ протеста уменьшается—помимо согласія ихъ съ остальными пунктами перечня, изъ которыхъ многіе отнюдь не меньше противорѣчатъ смыслу основныхъ законовъ—соображеніями, которыми заканчивается ихъ особое мнѣніе. Признавая, что въ дѣлѣ школъ, собраній, союзовъ и печати „возможны проявленія противогосударственныхъ стремленій и даже опасныхъ начинаній", гг. Капустинъ и фонъ-Анрепъ „сохраняютъ

увѣренность, что поставленные во главѣ управленія Финляндіею государственные чины и издаваемыя въ административномъ порядкѣ распоряженія могутъ устранять во всякое время такія нарушенія государственныхъ интересовъ. Въ крайнемъ случаѣ, по указаніямъ жизни и въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, вносимый нынѣ законопроектъ даетъ также возможность расширять перечень предметовъ, могущихъ требовать общегосударственнаго законодательства". Итакъ, во-первыхъ, авторы особаго мнѣнія допускаютъ широкое вмѣшательство административной власти въ такую сферу, въ которой все должно быть регулировано закономъ; во-вторыхъ, они не возражаютъ противъ дальнѣйшаго расширенія круга дѣйствій общеимперскаго законодательства, т.-е. поддерживаютъ одно изъ самыхъ опасныхъ положеній законопроекта, которое мы какъ-то назвали „Дамокловымъ мечомъ", висящимъ надъ головой Финляндіи. Частичными поправками, вообще говоря, нельзя устранить коренные недостатки финляндскаго законопроекта; но ужъ если вступать на этотъ путь, то прежде всего надлежитъ отказаться отъ ст. 4-ой, предусматривающей дополненіе перечня въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

Съ точки зрѣнія консервативной печати разсмотрѣніе обоихъ законопроектовъ — о введеніи земства въ западныхъ губерніяхъ и о законодательствѣ, общемъ для имперіи и для великаго княжества финляндскаго—должно имѣть характеръ экзамена, производимаго Государственной Думѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ экзаменомъ можно назвать обсужденіе каждаго сколько-нибудь важнаго вопроса: оно бросаетъ свѣтъ на умственныя и нравственныя силы народнаго представительства, на степень его устойчивости и твердости, на способность его отрѣшаться отъ всякихъ постороннихъ вліяній и заботиться только объ исполненіи своего долга. Не такъ понимаютъ значеніе экзамена тѣ, кто пугаетъ этимъ словомъ членовъ центра Государственной Думы. Оно должно напомнить, чего ожидаютъ отъ октябристовъ, гдѣ видятъ предѣлъ ихъ свободы дѣйствій. Выдержать экзаменъ — значитъ пожертвовать, если нужно, своими личными взглядами, даже своей партійной программой, чтобы обезпечить торжество своеобразно понимаемой „государственности" и специфическаго „національзма". Нерѣшительнымъ и колеблющимся говорятъ о печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ повлечь за собою отклоненіе или даже измѣненіе правительственныхъ законопроектовъ. „Помните, господа"—такъ закончилъ свою рѣчь, 15-го мая, предсѣдатель совѣта министровъ, — „что если въ настоящее время не будетъ принятъ земскій законопроектъ, то, несомнѣнно, край лишится

возможности къ законному процвѣтанію, которое такъ дорого и правительству, и Государственной Думѣ. Не принятъ будетъ этотъ законопроектъ, край будетъ долгое еще время пребывать въ той экономической дремотѣ, въ которой доселѣ пребываетъ западная Россія. Не забывайте этого". Но развѣ единственнымъ выходомъ изъ печальнаго положенія, въ которомъ находится западный край, является та искусственная комбинація, которую создаетъ правительственный законопроектъ? Развѣ отношеніе между русскими и польскими гласными, опредѣленное по системѣ, не имѣющей ничего общаго съ обычными избирательными нормами, есть единственное возможное или безусловно лучшее, не допускающее никакихъ поправокъ? И еслибы даже западному краю суждено было пребывать еще нѣкоторое время въ той „дремотѣ", въ которой оставляло его правительство въ теченіе многихъ десятилѣтій и изъ которой кабинетъ П. А. Столыпина спѣшитъ извлечь его лишь подъ вліяніемъ совершенно случайныхъ соображеній, то можно ли утверждать, что это оказалось бы для него болѣе вреднымъ, чѣмъ установленіе порядка, грозящаго ожесточеніемъ старой національной розни? Почему шесть западныхъ губерній не могутъ подождать наступленія болѣе благопріятной минуты, какъ ждутъ ея, вмѣстѣ съ остальною частью западнаго края, всѣ другія неземскія губерніи и области Россіи? Необходимость и неотложность повсемѣстнаго введенія земскихъ учрежденій не подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, никакому сомнѣнію; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы этотъ результатъ долженъ былъ быть достигнутъ цѣною отказа отъ всего, что составляетъ силу и достоинство земства. Одному non possumus ничто не мѣшало, въ данномъ случаѣ, противопоставить другое...

„Если высказанные мною принципы" — продолжалъ предсѣдатель совѣта министровъ — „признаются вами неправильными, признаются одіумомъ, то этотъ одіумъ правительство на себя принимаетъ". Какъ слѣдуетъ понимать эти слова? Если смыслъ ихъ заключается въ томъ, что правительство беретъ на себя отвѣтственность за составленіе земскаго законопроекта и за внесеніе его въ законодательныя собранія, то вѣдь это разумѣется само собою; если же рѣчь идетъ объ отвѣтственности за *принятіе* законопроекта Государственной Думой, то ни на кого другого, кромѣ самой Думы, она упадать не можетъ. Немыслимо, слѣдовательно, и перенесеніе „одіума" съ одного лица или учрежденія на другое. Говоря юридическимъ языкомъ, недѣйствительна всякая сдѣлка, направленная къ этой цѣли. Отвѣтственность участниковъ общаго дѣла распредѣляется между ними сообразно съ степенью и свойствомъ участія каждаго изъ нихъ; путемъ предварительныхъ соглашеній это распредѣленіе измѣнить нельзя. Если съ проведеніемъ законопроекта о земствѣ въ западномъ краѣ сопряжено

то, что предсѣдатель совѣта министровъ называетъ „одіумомъ", то отъ такого одіума, въ случаѣ принятія законопроекта, никакъ не уйти большинству Государственной Думы. Какъ бы неохотно, на самомъ дѣлѣ, многіе ни согласились съ министерствомъ, ихъ согласіе нельзя будетъ признать вынужденнымъ „превосходящею непреодолимою силою"; оно будетъ считаться свободнымъ и, слѣдовательно, въ полной мѣрѣ подлежащимъ вмѣненію.

Засѣданіе 17-го мая показало, однако, что слова, сказанныя за два дня передъ тѣмъ, прошли не безслѣдно. Наиболѣе спорный и, съ точки зрѣнія П. А. Столыпина, наиболѣе важный вопросъ—о способѣ опредѣленія числа гласныхъ-поляковъ [1]—рѣшенъ согласно съ требованіемъ министерства, но такимъ ничтожнымъ большинствомъ, которое, при слегка измѣненныхъ условіяхъ, легко могло оказаться меньшинствомъ. При первоначальномъ голосованіи противъ поправки, непріемлемой для предсѣдателя совѣта министровъ, поданъ былъ 171 голосъ, за нее—168 голосовъ, и только при повѣркѣ выходомъ въ двери большинство возросло до 182, меньшинство—сократилось до 165 голосовъ. Позволительно предположить, что результатъ получился бы иной, еслибы на вѣсы не было брошено „напоминаніе", приведенное нами выше [2]... За первой побѣдой правительственнаго большинства быстро послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Предложеніе деп. Галущука, клонившееся къ увеличенію числа гласныхъ отъ крестьянъ, было отклонено большинствомъ 187 голосовъ противъ 142, предложеніе оппозиціи о факультативномъ сліяніи національныхъ курій—большинствомъ 170 голосовъ противъ 160. Отклонена также попытка ввести въ выборы начало пропорціональности; отклонено предложеніе распредѣлять избирателей между національными куріями на основаніи собственныхъ ихъ заявленій, и произволъ администраціи въ этомъ отношеніи ограниченъ лишь допущеніемъ жалобъ въ Правительствующій

[1] Законопроектъ опредѣлялъ число гласныхъ-поляковъ примѣнительно, съ одной стороны, къ численности польскаго населенія, съ другой—къ размѣрамъ польскаго землевладѣнія, а поправка—примѣнительно къ одному только второму признаку.

[2] Въ газетахъ называютъ имена октябристовъ, которые при первой баллотировкѣ голосовали за поправку, а при второй—противъ нея. Замѣтимъ, что авторомъ поправки былъ октябристъ—деп. Глѣбовъ 2-й. Другой октябристъ, деп. Искрицкій, говоря о мотивахъ голосованія, заявилъ, что за поправку подастъ голосъ большинство октябристской фракціи, такъ какъ поправка предоставляетъ русскимъ гласнымъ вполнѣ достаточное число мѣстъ (72%) въ земскихъ собраніяхъ. Увеличеніе этого числа является, по словамъ г. Искрицкаго, „уже не защитой русскаго населенія, а не вызываемымъ государственною необходимостью ограниченіемъ польскихъ правъ". Весьма характерно, что предложеніе голосовать поправку поименно было отвергнуто большинствомъ 206 голосовъ противъ 125. Съ большинствомъ голосовалъ А. И. Гучковъ.

Сенатъ. Само собою разумѣется, что евреи, согласно съ законопроектомъ, устранены отъ всякаго участія въ земскихъ выборахъ. Противъ этого своеобразнаго способа уравненія всѣхъ частей мѣстнаго населенія произнесена была только одна рѣчь (деп. Карауловымъ), потому что большинство высказалось за прекращеніе преній, и предсѣдатель отказалъ представителямъ оппозиціи въ правѣ говорить о мотивахъ голосованія. Правда, въ томъ же засѣданіи принято пониженіе имущественнаго ценза вдвое противъ опредѣленнаго въ законопроектѣ; но вѣдь на это заранѣе согласился предсѣдатель совѣта министровъ. Единственное, что можно включить въ активъ большинства—это принятіе поправки деп. Андрейчука, предложившаго ввести въ составъ губернскаго земскаго собранія по одному гласному отъ представителей крестьянской куріи каждаго уѣзда; но практическое значеніе этой мѣры почти совершенно уничтожено отклоненіемъ второй части поправки, дававшей избранному такимъ образомъ крестьянину право на путевое и суточное довольствіе. На свой собственный счетъ немногіе крестьяне (особенно изъ дальнихъ уѣздовъ) будутъ имѣть возможность поѣхать въ губернскій городъ и пробыть тамъ довольно продолжительное время.

Въ засѣданіи 18-го мая закончено первое постатейное чтеніе законопроекта. Большинствомъ голосовъ отклонена большая часть правилъ, имѣвшихъ цѣлью искусственно усилить русскій элементъ въ составѣ земскихъ управъ и земскихъ служащихъ, но принята поправка, въ силу которой не меньше половины членовъ управы должны принадлежать къ составу русской національной куріи или къ числу гласныхъ отъ крестьянъ. Отклонено требованіе русскаго происхожденія отъ предсѣдателя и членовъ училищнаго совѣта и отъ учителей начальныхъ школъ. Отклонена, наконецъ, статья, увеличивавшая число представителей православнаго духовенства въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ—до трехъ, въ губернскихъ—до четырехъ. Всѣ эти поправки нѣсколько улучшаютъ законопроектъ, но, конечно, не устраняютъ его коренныхъ недостатковъ.

Одновременно съ разсмотрѣніемъ въ Государственной Думѣ вопроса о введеніи земства въ западномъ краѣ идетъ обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ перваго изъ числа такъ называемыхъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ. Картина получается здѣсь еще болѣе печальная. Мы коснемся здѣсь только одного обстоятельства, обращающаго на себя особое вниманіе.

Въ основаніи законопроекта о старообрядцахъ лежатъ, какъ извѣстно, Высочайшіе указы 17-го апрѣля 1905-го и 17-го октября 1906-го года, въ особенности послѣдній, подробно развившій общее

начало, установленное въ первомъ. Указъ 17-го апрѣля 1905-го года, изданный до обновленія нашего государственнаго строя, вступилъ, съ самаго момента его обнародованія, въ полную силу закона; указъ 17-го октября 1906-го года, изданный, въ первое междудумье, на основаніи ст. 87-ой зак. основн., долженъ былъ, для полученія этой силы, пройти черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ. Государственная Дума приняла его, на сколько онъ касается старообрядцевъ, съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями, составляющими дальнѣйшее его развитіе. Большинство коммиссіи Государственнаго Совѣта предложило измѣнить его въ направленіи прямо противоположномъ. Понятно, что во время преній шла рѣчь о возможности и желательности такихъ отступленій. Самъ докладчикъ коммиссіи и руководитель ея большинства, П. Н. Дурново, коснулся этого вопроса въ своей вступительной рѣчи. Признавая, отъ имени большинства коммиссіи, „совершенно неосновательною" льготу по воинской повинности, данную старообрядческому духовенству, г. Дурново заявилъ, что она всетаки должна быть сохранена, такъ какъ примѣняется уже болѣе трехъ лѣтъ. Съ точки зрѣнія цѣлесообразности разсматривалъ вопросъ объ измѣненіи указа и графъ Витте. „Я, конечно, понимаю—сказалъ онъ,—что съ формальной стороны законъ, изданный по ст. 87-ой, можетъ быть измѣненъ и даже попутно умаленъ; но русскіе люди, простые обыватели-старообрядцы, живущіе въ сторонѣ отъ всѣхъ хитросплетенныхъ законодательныхъ формальностей, никогда не поймутъ и не повѣрятъ, чтобы законъ 1906-го года могъ быть измѣненъ и въ особенности сокращенъ". Формальнаго права законодательныхъ учрежденій, прямо вытекающаго изъ текста ст. 87-ой, не оспаривали—на сколько можно судить по газетнымъ отчетамъ—и другіе ораторы, говорившіе въ засѣданіяхъ 12-го и 13-го мая. Между тѣмъ, въ послѣднемъ изъ этихъ засѣданій предсѣдатель Государственнаго Совѣта счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее заявленіе: „здѣсь между прочимъ возникъ вопросъ и по этому вопросу происходили пренія, можно ли измѣнять указы 17-го апрѣля 1905-го и 17-го октября 1906-го года. Пренія по этому вопросу представляются совершенно праздными, потому что кто знаетъ учрежденія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, тотъ долженъ знать, что законодательныя собранія имѣютъ право издавать новые законы, измѣнять прежніе и отмѣнять старые. И, стало быть, нѣтъ никакого сомнѣнія по вопросу о возможности измѣненія того или другого указа. Такого рода пренія отнимаютъ только время совершенно непроизводительно". Болѣе чѣмъ сомнительно, въ нашихъ глазахъ, самое право предсѣдателя установлять, въ такихъ общихъ чертахъ, предѣлы преній. Что ему представляется яснымъ и безспорнымъ, то въ другихъ можетъ возбуждать

серьезныя сомнѣнія, на выраженіе которыхъ нельзя заранѣе накладывать veto. Предсѣдатель можетъ остановить оратора, когда тотъ уклоняется отъ предмета преній или слишкомъ долго топчется на одномъ мѣстѣ; но предсѣдатель не долженъ давать директивъ, стѣсняющихъ свободу преній. Не въ этомъ, впрочемъ, заключается главный дефектъ вышеприведенныхъ словъ. Ничѣмъ не вызванныя, они имѣли въ виду не столько предупрежденіе разсужденій о формальномъ правѣ, въ которыя никто и не вдавался, сколько прекращеніе призывовъ къ нравственному чувству и къ политической мудрости, требующимъ неприкосновенности однажды даннаго и осуществленнаго права. Что именно таковъ былъ смыслъ заявленія, сдѣланнаго предсѣдателемъ—это видно изъ дальнѣйшаго хода преній. Въ засѣданіи 15-го мая гр. Витте, развивая раньше выраженную имъ мысль, повторилъ, что невозможно отнимать дарованное указомъ 17-го апрѣля. Предсѣдатель остановилъ его, напоминая еще разъ о правѣ законодательныхъ собраній измѣнять законы. Гр. Витте отвѣчалъ, и совершенно правильно, что онъ говоритъ не о возможности съ точки зрѣнія закона, а о возможности съ точки зрѣнія факта. Въ томъ же засѣданіи и съ такимъ же отсутствіемъ основаній предсѣдатель остановилъ А. С. Ермолова, говорившаго не о невозможности, а о *неудобствѣ* отмѣнять постановленія указовъ 17-го апрѣля и 17-го октября. Пренія, происходившія при такихъ условіяхъ, нельзя назвать свободными. Слишкомъ ясно выразилось желаніе предсѣдателя направить ихъ къ цѣли, намѣченной большинствомъ коммиссіи. Не этому одному, конечно, слѣдуетъ приписать побѣду, одержанную большинствомъ; но что ей содѣйствовало, въ той или другой мѣрѣ, вмѣшательство предсѣдателя—это едва ли можетъ подлежать серьезному сомнѣнію.

„ГОРЕ ОТЪ УМА“

въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ *).

VI.

Въ театральныхъ школахъ можно было бы на первомъ же монологѣ Лизы рельефно объяснить молодой исполнительницѣ разницу между реализмомъ въ сценическомъ искусствѣ—реализмомъ, доходя-

*) См. май, стр. 375.

щимъ до натурализма,—и общей театральностью. Какъ надо или какъ можно играть и какъ не надо.

Лиза заснула на креслѣ. Вотъ служба сюивантки: оберегать ночное свиданіе барышни съ любовникомъ. А днемъ и безъ того дѣла много. Романъ Софьи съ Молчалинымъ еще вновѣ; однако это свиданіе, конечно, не первое. И оно изъ разу въ разъ становится все продолжительнѣе и смѣлѣе. Лиза—трусиха и зорко сторожитъ, но уже знаетъ, что успѣетъ подремать. Съ вечера, можетъ быть, пробовала и работать—вязаніе какой-нибудь косынки большой костяной спицей, гарусомъ. Заснула; сальная свѣча догараетъ. Во снѣ примостилась какъ-нибудь поудобнѣе, положила ноги на ближайшее кресло или стоящій у стѣны сундучокъ. Чепчикъ сдвинулся. Проснулась, когда наступила послѣ музыки большая пауза, тишина. Отъ какого-нибудь стука въ коридорѣ: истопникъ принесъ вязанку дровъ и съ шумомъ опустилъ ее на полъ. Не сразу понимаетъ, ни какое время, ни гдѣ она спитъ. Увидѣвъ свѣтъ, проникающій черезъ щели ставень, кряхтитъ, ёжится, зѣваетъ, зѣваетъ попросту, во весь ротъ. Поводитъ плечами, недовольная, ворчливая: „не спи, покудова не скатишься со стула". Поднимается, собираетъ свалившуюся работу. Въ утренней зябкости, не доспавши, стоитъ, плотно охвативъ себя руками и потирая ихъ. Оправила чепчикъ, пошла къ двери въ комнату Софьи, приложила къ щелкѣ ухо, тихо постучала, прислушивается, говоритъ шопотомъ: „Господа!" Ждетъ отвѣта, потомъ говоритъ дальше: „Алексѣй Степанычъ! Сударыня!.." И всетаки никакого отвѣта. Отходитъ, снова оправляясь. Заспанная, съ выбившимися волосами, съ зарумянившимися щечками, она очень хорошенькая. „И страхъ ихъ не беретъ"—говоритъ такъ, какъ бы: „ишь какъ милуются, ничего не боятся". И ни тѣни любопытства или злости. Потомъ уже опять идетъ къ дверямъ и стучитъ рѣшительно, не переставая, однако, говорить шопотомъ.

Вотъ цѣлая программа простыхъ переживаній. Тѣмъ лучше, чѣмъ они тоньше, полнѣе и легче. Плохо если они переданы грубо, затянуты по темпу. Еще лучше, если это настроеніе передано яркими, но легкими и бѣглыми штрихами. Но оно должно быть сразу убѣдительно и жизненно. Обыкновенно же исполнительница идетъ не отъ этихъ жизненныхъ переживаній, а отъ одной мысли, что она играетъ комическую ingénue. Начинаетъ роль въ позѣ, въ какой нельзя проспать и десяти минутъ; проснувшись, говоритъ такимъ голосомъ, который не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что сна не было и въ поминѣ, кричитъ въ дверь, не давая никакой иллюзіи таинственности, и сразу старается смѣшить...

Дверь въ коридоръ тихо пріотворяется и показывается голова

Фамусова. Онъ недавно всталъ и хозяйственно или по старческой привычкѣ обходитъ домъ. Онъ въ халатѣ, голова у него въ папильоткахъ; можетъ быть, еще и не побрился. Въ послѣднемъ выходѣ онъ уже будетъ въ сюртукѣ, курчавый и гладко выбритый.

Обыкновенно играютъ его въ легкомъ шолковомъ халатѣ на распашку. Хотѣлось бы видѣть на немъ что-либо потеплѣе—халатъ съ мѣховымъ воротомъ. Между прочимъ, у чиновныхъ баръ была манера даже сверхъ халата носить орденъ.

Нигдѣ мы не могли найти указаній и на то, чтобъ Фамусовъ ходилъ въ короткихъ шолковыхъ шароварахъ, чулкахъ и туфляхъ—какъ до сихъ поръ играютъ Фамусова на другихъ театрахъ. Это вышло совсѣмъ изъ моды уже лѣтъ десять. И только очень пожилые еще одѣвались такими барами Екатерининской эпохи. Это, правда, традиція Щепкина. Художественный Театръ отказывается отъ нея, но, можетъ-быть, впадаетъ въ другую крайность: сюртуки Фамусова болѣе модные, парижскіе.

Въ огромномъ распространеніи было носить по два и три жилета сразу.

Лиза очень испугалась. Тутъ при репетиціяхъ на каждомъ шагу борьба съ въѣвшейся въ актеровъ „театральщиной". Если исполнительница поставитъ себѣ задачу вдуматься въ психологію испуга, то увидитъ, что это чувство гораздо сложнѣе, чѣмъ тотъ общепринятый сценическій штампъ, какимъ обыкновенно выражаютъ испугъ.

Самый большой врагъ искренности на сценѣ заключается въ томъ, что актеръ непрерывно считается съ публикой. Не пугается, а показываетъ видъ: „посмотрите, какъ я испугался; честное слово, я испугался". Вниманіе его всегда разбито между тѣмъ, что дѣлается на сценѣ, и тѣмъ, какое впечатлѣніе это производитъ на публику. Это раздвоеніе вниманія держитъ не нервы, а мускулы актера въ какомъ-то напряженіи, при которомъ творчество совершенно невозможно. Хорошее артистическое спокойствіе при энергично настроенныхъ нервахъ—первое, что такъ подкупаетъ въ актерѣ. Это спокойствіе лишено всякой мышечной напряженности и достигается, прежде всего, огромнымъ вниманіемъ только къ тому, что происходитъ на сценѣ. Даже безъ большой фантазіи для проникновенія въ психику, актеръ быстро приблизится къ искренности переживаній, если все вниманіе устремитъ на то ближайшее, чѣмъ ему надо жить въ каждую данную минуту, нисколько не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе это производитъ на публику.

Лиза очень испугалась сначала только отъ неожиданности появленія Фамусова, потомъ еще больше отъ того, что Фамусовъ застанетъ Молчалина выходящимъ изъ комнаты Софьи. Испугъ продол-

жается всю сцену и не скоро она отойдетъ отъ него даже послѣ ухода Фамусова. Поставивъ себѣ задачу сосредоточиться на этомъ чувствѣ, актриса найдетъ такія выраженія, такія проявленія испуга, такія интонаціи, которыхъ не можетъ предвидѣть самый опытный режиссеръ, и онѣ-то и обнаружатъ интересную индивидуальность актрисы, ея вкусъ и проникновенность.

Если же актеръ идетъ по пути готовыхъ трафаретовъ для изображенія различныхъ чувствъ, онъ тѣмъ самымъ наглухо замыкаетъ источникъ истиннаго творчества.

Вся революція, затѣянная Художественнымъ Театромъ, сводится къ тому, чтобы режиссура, вдумавшись въ пьесу, въ ея психологію и въ своеобразную, ей свойственную красоту, освободила актеровъ отъ трафаретовъ и тѣмъ самымъ помогла имъ обнаружить ихъ артистическія индивидуальности. Будетъ ли пьеса поставлена съ строгимъ сохраненіемъ быта, или съ рѣзкимъ освобожденіемъ отъ него въ сторону абстрактности, или съ стремленіемъ къ утонченному реализму, какъ бы отточенному до символовъ,—все это можетъ колебаться изъ года въ годъ, изъ одной пьесы въ другую. Но сущность остается вездѣ одна — освобожденіе отъ противныхъ шаблоновъ, убивающихъ настоящую артистическую индивидуальность.

Можетъ быть, Художественный Театръ, въ своей огромной внутренней работѣ, сметая шаблонъ, часто лишалъ своихъ актеровъ и той „вольности духа", которую легко смѣшиваютъ съ художественной свободой. Можетъ быть. Иногда смотришь на игру заурядныхъ актеровъ и невольно поддаешься обаянію той вольности духа, съ какой они безпечно щеголяютъ своими исключительно внѣшними данными и заражаютъ театральную залу легкой радостью. Шаблонъ вѣдь такъ легко воспринимаемъ. Но когда тутъ же рядомъ видишь, до чего здѣсь безцеремонно и младенчески невѣжественно обращеніе съ психологіей, съ здравымъ смысломъ, съ правдой, то быстро проникаешься несерьезностью всего, что видишь на сценѣ. И театръ становится той пустой и легкой забавой, какую во что бы то ни стало хотятъ изъ него сдѣлать и легкомысленные прожигатели жизни, и драматическая цензура, и близорукіе театральные критики, и Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Въ сценѣ Фамусова съ Лизой есть у Грибоѣдова два нарушенія естественныхъ удареній: „кромѣ" и „сударь". Послѣднее повторяется нѣсколько разъ и дальше, но это удареніе довольно легко смягчать, не нарушая ритма. А „кромѣ" даже рѣзко риѳмуется съ „на умѣ". Если же вслушаться, такъ въ этомъ удареніи есть какой-то бытовой колоритъ...

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что звукъ „Тсъ!" Грибоѣдовъ при-

нимаетъ за опредѣленный слогъ („Эй, Лиза! — Тсъ! — Ушелъ"). Это опровергаетъ замѣчаніе Гарусова относительно стиха 3-го дѣйствія: „Ссъ, кто это въ углу—вошли мы—поклонился". Гарусовъ говоритъ, что „Ссъ" не укладывается въ ямбическую стопу. То же относительно другого стиха въ 3-мъ же дѣйствіи: „Подальше отъ него! *Г-м*!.. Софья!.. Не глядитъ".

„Ахъ, отъ господъ подалѣй" и т. д. обыкновенно болтаются исполнительницами больше для смѣха. А вдуматься повнимательнѣе, такъ для Лизы ухаживаніе Фамусова—вопросъ первостепенной важности. Это современная горничная въ водевиляхъ относится къ заигрыванію барина шутя, а крѣпостная знала, что если она хочетъ остаться чистой дѣвушкой, то барская любовь для нея не лучше гнѣва. Баринъ можетъ не просто выгнать ее изъ дому, а выдать замужъ за какого-нибудь пьянчужку и преслѣдовать ее чѣмъ угодно, до плетей включительно, и совершенно безнаказанно.

Входитъ Софья...

VII.

Вотъ роль, которая еще никогда, кажется, не удавалась на сценѣ въ совершенствѣ. На провинціальныхъ, да, кажется, и на столичныхъ сценахъ актрисы считаютъ ее въ высшей степени неблагодарною. А между тѣмъ о ней создалась цѣлая спеціальная литература. И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, защитники Грибоѣдовскаго образа впадаютъ въ преувеличенія, на какія только способна разгулявшаяся фантазія. Нѣкоторые изъ нихъ стараются доказать, что по своему духовному содержанію Софья — голова въ голову съ Чацкимъ, а не помню кто, — кажется, кто-то изъ женщинъ-писательницъ, — утверждаетъ, что Софья всегда любила и до конца не перестаетъ любить Чацкаго.

Все это тѣмъ болѣе досадно, что отъ того, какъ играютъ Софью, въ большой степени зависитъ правильный взглядъ на эту комедію съ нашей точки зрѣнія. Исполнительница Художественнаго Театра отлично передастъ внутренній рисунокъ Софьи, но для полнаго созданія образа артисткѣ мѣшаютъ внѣшніе недостатки, главнымъ образомъ—въ голосѣ и дикціи. Кстати сказать, и гравюру, приложенную къ „Вѣстнику Европы", нельзя назвать удавшеюся.

Это очень характерно для современнаго русскаго театра, что актрисы мало интересуются Софьей. Это только лишній разъ доказываетъ, до какой степени актеры вообще любятъ „роли" предпочтительно передъ художественными „образами". И какъ мало умѣютъ создавать образы, въ сравненіи съ игрою ролей. Какъ роль, Софья,

конечно, уступаетъ множеству молодыхъ героинь съ яркими сценами и со всевозможными эффектами.

Можетъ быть, Софья не удалась самому Грибоѣдову, какъ полагали многіе критики? Ничуть. У Грибоѣдова Софья написана чрезвычайно точно и законченно, съ великолѣпнымъ соблюденіемъ художественной мѣры. Но весь рисунокъ такой тонкій, нѣжный и осторожный, что легко блѣднѣетъ въ томъ грубомъ искусствѣ, которое называется театромъ.

Софью нельзя хорошо усвоить безъ близкаго знакомства съ эпохой, безъ истиннаго проникновенія въ ея быть, въ ея нравы, отъ которыхъ она плоть отъ плоти и кровь отъ крови. Это прежде всего. Большія трудности для исполнительницы представляетъ внѣшній рисунокъ. Надо найти красоту наивности въ сентиментально-жеманныхъ манерахъ. „Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой". У другихъ барышень, сверстницъ или родственницъ Софьи, которыя придутъ въ третьемъ дѣйствіи, эта черта, можетъ быть, перейдетъ въ утрировку, но и Софья не можетъ быть избавлена отъ этой печати воспитанія. Она занимаетъ лучшее положеніе. Она красива, молода, богата, она прекрасная невѣста; очень важно, что она самостоятельна, гораздо самостоятельнѣе другихъ, потому что растетъ безъ матери и одна въ домѣ. Въ 17-ть лѣтъ она — хозяйка вечера. Гости ждутъ ея выхода, и она уже умѣетъ заставить ихъ подождать и вызвать колкую французскую реплику графини-внучки. Хлестова говоритъ: „легко ли, въ шестьдесятъ пять лѣтъ, тащиться мнѣ *къ тебѣ*, племянница". Все это придаетъ ей особенную импозантность среди другихъ барышень и молодыхъ дамъ, но вѣдь получила она всетаки такое же воспитаніе, какъ и онѣ, ту же ломку манеръ танцмейстеромъ, тотъ же вкусъ, читала тѣ же французскіе романы и русскіе стихи изъ тѣхъ, которые пишутся въ альбомы, такъ же училась „пѣнію и танцамъ" и такъ же, какъ другія, подражаетъ модницамъ и набирается житейской мудрости у тѣхъ хозяекъ модныхъ магазиновъ, которыя ввозили и вводили въ Москву моды и изъ которыхъ, по нѣкоторымъ даннымъ, вышла и ея воспитательница, m-me Розье. И русскій языкъ у нея такъ же подпорченъ акцентомъ на *д*, *т* и *о*, или легкимъ грассированіемъ. А вѣдь многія барышни того времени и не умѣли говорить по-русски. Французикъ изъ Бордо не даромъ чувствуетъ себя въ Москвѣ „будто бы въ отечествѣ". Да послушайте и сейчасъ, какъ говорятъ по-русски дамы нашего высшаго свѣта.

Достигнуть такого внѣшняго изображенія Софьи не легко, но еще труднѣе—чтобъ это не стало просто непріятнымъ кривляніемъ. Стиль нельзя передать безъ того, чтобъ не почувствовать его всей душой. У актеровъ, въ особенности у актрисъ, можно наблюдать даже спе-

ціальный даръ стиля. Отнесенный въ эпоху, ставшую для насъ историческою, онъ пріобрѣтаетъ въ нашемъ представленіи особенную наивность, полную изящнаго юмора. Создать его всѣми своими внѣшними средствами—задача истинно художественная. Передъ исполнительницей Софьи эта задача становится еще строже, чѣмъ передъ исполнителями гостей Фамусова. Она одна можетъ рисовать бытъ ярче, чѣмъ Наталья Дмитріевна, Княжны, Графиня-внучка и другія. Для тѣхъ внѣшнее изображеніе почти исчерпываетъ задачу, а Софья—избранница Чацкаго. Тѣ—объекты его насмѣшекъ, она—его обожанія. Есть въ ней что-то, что грѣетъ и дразнитъ его мечту. Это не только въ ея красотѣ и не только въ обжигающихъ молодую мысль воспоминаніяхъ юности. Это—въ ея характерѣ, еще очень нѣжномъ, съ ароматомъ едва начавшаго распускаться цвѣтка, но для 17-ти лѣтъ уже изумительно опредѣляющемся въ сторону самостоятельности, страстности и настойчивости. Въ Софьѣ есть все, что можетъ обмануть мечту Чацкаго. Влюбленный всегда склоненъ видѣть въ предметѣ своего увлеченія союзника своихъ лучшихъ душевныхъ стремленій. А Чацкій, притомъ, провелъ съ Софьей дѣтство. Легко представить ее себѣ въ 14-ть лѣтъ. Рядомъ съ Чацкимъ она была такая же, какъ и онъ, смѣлая, порывистая, любила то же, что и онъ, заливалась звонкимъ смѣхомъ надъ тѣмъ же, надъ чѣмъ хохоталъ и онъ. И надъ черномазенькимъ, и надъ крашеными бульварными лицами. И надъ пѣвцомъ зимой погоды лѣтней, и надъ менторомъ въ колпакѣ и халатѣ. И все это было согрѣто ранними пробужденіями весны. Но въ немъ это были юныя проявленія мятежнаго сердца, будущаго поборника свободнаго духа, а въ ней—только молодость и жизнерадостность. Властное мужское чувство могло направить ее куда хотѣло. Чацкому стало скучно, и онъ уѣхалъ, а Софьей завладѣла ея среда. За три года съ нею, въ сущности, не произошло никакой метаморфозы. Изъ нея начала складываться женщина своего вѣка и своего общества. Если она станетъ генеральшей Скалозубъ, то съумѣетъ воспользоваться и положеніемъ, и богатствомъ. Будетъ выѣзжать, давать балы, жить со вкусомъ, мѣняя по прихоти моды туалеты и любовниковъ изъ адъютантовъ мужа. Общество этой эпохи было глубоко развращенное и фарисейское. Подъ видомъ мечтательной скромницы, поющей сентиментальные романсы подъ клавикорды или гитару, скрывалась тайная посѣтительница Крыловской „Модной лавки", гдѣ назначались амурныя свиданія, или знатная дама, проводившая въ жизнь волновавшіе женскую фантазію разсказы изъ временъ Екатерины. Когда смотришь на портреты княгини Г. или графини Б., то трудно повѣрить, что эти очаровательныя дамы, съ та-

кими ясными и чистыми глазами, оставили по себѣ столько циничныхъ анекдотовъ, въ родѣ извѣстнаго: „Faites bien et vite“.

И Софья будетъ или была бы такой же генеральшей Скалозубъ. Но пока она еще такъ юна, она отдается порывамъ любви со всей чистотой романтизма. Въ наивной сентиментальности она еще глубоко искренняя. Настоящая любовь представляется ей еще не иначе, какъ подернутая печалью и драматическими коллизіями. Разумѣется, однако, въ богатой и сытой обстановкѣ. Молчалинъ называетъ ее печальной кралей. Она, дѣйствительно, такая, и это обманываетъ не только Молчалина, но и самого Чацкаго.

Вотъ во всей этой гармоніи молодости, сентиментальности и складывающагося сильнаго характера и заключается прелесть образа, ожидающаго свою замѣчательную сценическую создательницу.

Герой Софьинаго романа, Молчалинъ, такъ полно охарактеризованъ литературой, что, казалось бы, о немъ нечего больше сказать. У молодежи 60-хъ и 70-хъ годовъ Молчалинъ былъ самой бранной кличкой. Въ періоды же, когда общество кричитъ: „довольно идей, надо дѣло дѣлать“, Молчалинъ поднимаетъ голову и пріобрѣтаетъ апломбъ. Въ то время, когда Художественный Театръ былъ занятъ постановкой „Горя отъ ума“, извѣстный поэтъ и журналистъ М. говорилъ мнѣ почти текстуально слѣдующее: пора реабилитировать типъ Молчалина, Россію погубили Чацкіе и до войны съ Японіей довели ее Чацкіе же, а чтобы спасти ее и возродить, нужны Молчалины.

Я уже говорилъ выше объ оборотной сторонѣ славы замѣчательныхъ литературныхъ произведеній и ихъ типовъ. Общество вводитъ литературные типы въ свой домашній обиходъ и наряжаетъ ихъ въ тотъ или другой костюмъ для убѣдительности и образности своихъ аргументацій. Въ такихъ случаяхъ общественный взглядъ на типъ—злѣйшій врагъ художественнаго.

Каковы бы ни были движенія общественной мысли, какъ бы горячо ни нападали на Чацкихъ строители общественной жизни, извѣрившіеся въ силу свободныхъ идей — никакой художникъ не сможетъ поднять въ комедіи „Горе отъ ума“ Молчалина до Чацкаго. И чѣмъ замѣчательнѣе былъ бы актеръ, играющій Молчалина, тѣмъ глубже изобразилъ бы его ничтожество. Только совершенной художественной ложью можно изъ Молчалина сдѣлать достойнаго соперника Чацкаго.

Но тѣмъ, что сказалъ М., можно пользоваться какъ хорошимъ педагогическимъ пріемомъ на сценѣ. Если актеръ, которому поручена роль Молчалина, отлично понимаетъ его духовное нищенство, но не имѣетъ артистическихъ средствъ для того, чтобы избѣгнуть

грубыхъ, безвкусныхъ подчеркиваній, то очень полезно внушить такому актеру мысль побороться съ Чацкимъ въ обаяніи. Его стремленіе быть обворожительнымъ Грибоѣдовъ самъ приведетъ куда нужно. Было бы хорошо, еслибы режиссеры пользовались этимъ пріемомъ въ теченіе всей сценической исторіи „Горя отъ ума“.

Когда я въ первый разъ видѣлъ „Горе отъ ума“ на Московской Императорской сценѣ, я былъ предупрежденъ, что вмѣстѣ съ славнымъ исполнителемъ роли г. N, Никифоровымъ, увижу и знаменитаго исполнителя роли Молчалина, актера Колосова. Но, очевидно, слава актера сильно пережила его игру. Я увидѣлъ толстенькаго, небольшого господина, лѣтъ 50-ти слишкомъ, сильными румянами старавшагося скрыть глубокія морщины (и вѣрно: „въ лицѣ румянецъ есть“), но полѣнившагося надѣть парикъ, чтобы спрятать хорошую лысинку, и игравшаго, наконецъ, такого подлеца, что за версту нельзя бы ошибиться. Съ тѣхъ поръ прошло больше 30-ти лѣтъ, и внѣшность Молчалина давно исправлена.

И всетаки никакому театру до сихъ поръ не удается установить красивую и изящную гармонію между этими двумя фигурами—Молчалинымъ и Чацкимъ. Тутъ все дѣло, конечно, въ томъ, что роль Чацкаго принадлежитъ къ амплуа такъ-называемыхъ „первыхъ любовниковъ“. Никакой актеръ, занимающій это амплуа, не согласится играть Молчалина, и не принудить его къ этому никакими доводами „святого искусства“, а актеръ съ подходящими для Молчалина внѣшними средствами годъ-два играетъ его скрѣпя сердце—и потомъ требуетъ роль Чацкаго. Все тѣ же черты актерскаго быта, гдѣ желанія создавать художественные образы не могутъ покорить жажду „выигрышныхъ“ ролей. Съ другой стороны, рѣдкая труппа можетъ обладать двумя такими актерами, которые оба безспорно могли бы играть Чацкаго и помирились бы какъ-нибудь на томъ, чтобы чередоваться въ Чацкомъ и Молчалинѣ.

Все это, конечно, касается внѣшнихъ средствъ актеровъ, потому что... вотъ тутъ-то и зарыто главное, почему никакому театру не удается найти интересное и характерное сочетаніе этихъ двухъ молодыхъ людей, стоящихъ такъ близко къ Софьѣ.

Дѣло въ томъ, что наша театральная красота до сихъ поръ еще такъ условна, что актеръ на первыя молодыя роли почему-то непремѣнно долженъ быть красивъ и представителенъ—и наоборотъ, красивый молодой актеръ считаетъ себя непремѣнно кандидатомъ на первыя роли. Надо ему быть ужъ очень бездарнымъ, чтобы потерять право на роль Чацкаго. И всякій молодой герой, въ понятіяхъ условной красоты, непремѣнно долженъ быть душка.

Въ „Горѣ отъ ума“ скорѣе ужъ Молчалинъ — херувимъ, никакъ

не Чацкій. Молчалинъ, вѣроятно, обладаетъ именно такой внѣшностью, которая нравится очень молодымъ дѣвушкамъ и пожилымъ дамамъ. И очень заботится и о своей внѣшности, и о всѣхъ своихъ внѣшнихъ поступкахъ. „Уступчивъ, смиренъ, тихъ", „въ лицѣ ни тѣни безпокойства". Чацкій, наоборотъ—изъ тѣхъ, которыхъ женщины не долюбливаютъ, и если говорятъ о его внѣшности, то пожимаютъ плечами: „М-да, не дуренъ". Но въ немъ есть такая красота, какой Молчалину не достичь во всю свою жизнь: красота настоящей родовитости, соединенной съ свободнымъ умомъ и духомъ, съ талантомъ, съ паѳосомъ. Изъ ста актеровъ, играющихъ по Россіи Чацкаго, девяносто могли бы, я думаю, играть недурно Молчалина, еслибы любили искусство созданія образовъ на сценѣ. Манеръ отъ него не требуется, только вниманіе, чтобъ не толкнуть стула и не уронить чего-нибудь. Онъ—изъ разночинцевъ. Чинъ ассесора, который устроилъ ему Фамусовъ, только устанавливаетъ за нимъ право на потомственное дворянство. Въ его дикціи не слышно культурныхъ предковъ. Для актеровъ, мало отличающихся красотой прирожденныхъ манеръ, нуженъ вкусъ въ выборѣ всѣхъ оттѣнковъ холопской и лѣнивой души Молчалина.

Но гдѣ найти молодого актера, не похожаго на обычный типъ „перваго любовника", хотя бы некрасиваго, даже лучше — некрасиваго, но съ свободными манерами прирожденнаго барства, съ острымъ взглядомъ, съ легкой и изящной дикціей, съ непринужденнымъ смѣхомъ и искреннимъ порывомъ гнѣва? Или актеры съ свободно-заразительнымъ смѣхомъ, съ умомъ и юморомъ, но на видъ невзрачные, не смѣютъ и заикнуться о роли Чацкаго, когда въ труппѣ имѣется патентованный красавецъ?..

VIII.

Явленіе IV-ое комедіи, т.-е. сцена, гдѣ Фамусовъ застаетъ Софью съ Молчалинымъ, даетъ первый сильный толчокъ актерамъ, желающимъ уйти отъ простого чтенія стиховъ въ сторону искреннихъ переживаній. И для Софьи, и для Молчалина, и для Лизы это совсѣмъ не шутка. Это—цѣлый домашній скандалъ, угрожающій серьезными послѣдствіями. Фамусовъ „неугомоненъ, скоръ"—мало ли чего онъ можетъ натворить. Выгнать Молчалина изъ дому—„меня такъ пробираетъ дрожь и при одной я мысли трушу, что Павелъ Афонасьичъ разъ когда-нибудь поймаетъ насъ, разгонитъ, проклянетъ!" У Лизы „въ глазахъ темно и замерла душа"; Софья до того потерялась, что напрягаетъ всѣ женскія уловки, чтобъ выпутаться изъ бѣды, и пускаетъ въ ходъ самое вѣрное средство: перейти изъ нападаемыхъ въ

нападающія. Обыкновенно же эту сцену играютъ холодно и неубѣдительно, точно никто изъ актеровъ самъ не вѣритъ, что все это, дѣйствительно, страшно. Не вѣритъ и публика. И фабула пьесы начинаетъ уже ускользать отъ нея.

А между тѣмъ въ каждой фразѣ чувствуется большой темпераментъ автора и значительность событія. Актеры же точно находятъ мелкимъ принять все это въ серьезъ и вмѣсто живыхъ, трепетныхъ людей, для которыхъ мелкіе интересы составляютъ всю ихъ жизнь, даютъ сухія сценическія фикціи.

Какъ бы рѣшительно и самостоятельно ни складывался характеръ Софьи, она еще слишкомъ молода, чтобъ блестяще владѣть собой. Она такъ перепугалась прихода отца, что въ первый мигъ, можетъ быть, готова была убѣжать, потомъ остается, скорѣе инстинктомъ чувствуя необходимость защитить Молчалина, или что убѣжать уже поздно. И кончила тѣмъ, что расплакалась.

До какой степени обездушенный трафаретъ въѣлся въ представленія публики, можно судить изъ того, что мы слышали много разъ замѣчаніе:—Зачѣмъ у васъ Софья плачетъ? — Столько разъ смотрятъ комедію и не слышатъ словъ Фамусова: „Не плачь, я дѣло говорю“.

Фамусовъ страшно вспылилъ, и то, что въ гнѣвѣ онъ дѣлаетъ блестящія по выраженію отступленія—„А все Кузнецкій мостъ“ и т. д.— нисколько не ослабляетъ его гнѣва, а только разнообразитъ краски. Актеры же чаще всего пользуются здѣсь тѣмъ внѣшнимъ юморомъ, за которымъ исчезаетъ основное чувство Фамусова—тѣмъ юморомъ, съ какимъ подобаетъ играть легкіе фарсы французскаго пера.

Никакъ нельзя помириться и съ той комической интонаціей, какую всѣ Лизы придаютъ стиху: „Осмѣлюсь я, сударь...“ Водевильный характеръ этой фразы — традиціонный. Но совершенно неестественно, чтобы Лиза посмѣла въ такомъ тонѣ намекать Фамусову на только что бывшую съ ней сцену. Комизмъ вмѣшательства Лизы останется самъ собой, если исполнительница не выйдетъ изъ предѣловъ реальныхъ переживаній—страха, слезъ. Пусть, какъ крѣпостная дѣвушка, даже на колѣни станетъ прежде, чѣмъ заступиться за барышню. Исконная преданность слуги. Какъ Еремѣевна въ „Недорослѣ“: „Умру, а не дамъ обидѣть дитё“.

А искаженіе этой фразы ведетъ за собой и искаженіе слѣдующихъ фразъ Фамусова. Большинство исполнителей Фамусова относятъ слова: „Ужасный вѣкъ“ и т. д. къ вмѣшательству Лизы. Вотъ, молъ, до чего дошло: даже горничная смѣетъ что-то говорить. Такого смысла здѣсь не заключается. Фамусовъ бросилъ Лизѣ: „Молчать“, какъ собачонкѣ: „цыцъ!“ А дальше продолжаетъ все на ту же тему, что и раньше, только понизивъ тонъ.

Чѣмъ искреннѣе гнѣвъ Фамусова, тѣмъ глубже и замѣчательнѣе комизмъ его положенія. Самымъ искреннимъ образомъ заботится отецъ, чтобъ воспитать дочь въ благонравіи, а она—вотъ подите же—„чуть изъ постели прыгъ—съ мужчиной съ молодымъ". Комизмъ—въ ограниченности, узости его взглядовъ на воспитаніе и въ противорѣчіяхъ, на которыя онъ, поэтому, натыкается на каждомъ шагу. Не видитъ фарисейства тѣхъ „рѣдкихъ правилъ", которыя кладутся въ основу воспитанія, не понимаетъ, что „вторую мать" нельзя „нанять", что самъ онъ фарисействуетъ, хвастаясь монашескимъ поведеніемъ, а потомъ удивляется, что дочь у него вышла „ни дать, ни взять, какъ мать ея покойница: бывало, я съ дражайшей половиной чуть врозь—ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной". И, уже измучившись отъ растерянности, восклицаетъ: „Что за коммиссія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ"!

Слѣдующій выходъ Фамусова будетъ со словами. „Вотъ и другой". Эта фраза всегда вызываетъ смѣхъ публики. Тутъ одна изъ тайнъ комизма, заложеннаго въ самую сущность характеровъ и положеній. При чтеніи эта фраза не вызоветъ ни улыбки, театръ же сдѣлаетъ ее рельефной. Въ этомъ—первенствующая сила театра. Публика слѣдитъ за положеніями безотчетно. И какой-нибудь внимательный, но самый простой, не искушенный театральными представленіями зритель великолѣпно схватитъ смѣшное въ положеніи Фамусова, въ его растерянности передъ вопросомъ о воспитаніи дочери. Это вотъ и должно переживаться артистомъ въ искренности, а стало-быть и въ простотѣ, это и должно остаться нетлѣнно-свѣжимъ и незаглохшимъ въ виртуозности и изощренности читки. Ярко пережитыя положенія и составляютъ фабулу пьесы.

Разумѣется, все это доступно актеру только съ настоящимъ комическимъ талантомъ. Въ этомъ отношеніи роль Фамусова—одна изъ самыхъ взыскательныхъ въ мужскомъ репертуарѣ. Какъ и городничій Гоголя. При большемъ подъемѣ гнѣва въ IV-мъ явленіи, при рельефномъ переживаніи остальными персонажами ихъ положеній, но безъ истиннаго, внутренняго комизма, вся сцена получаетъ характеръ слишкомъ грузный, переходящій въ драму, и исчезаетъ легкость и изящество стиля пьесы.

Но даже и съ настоящимъ комизмомъ легкость достигается не сразу. Проходитъ рядъ не только репетицій, но даже спектаклей, пока актеръ овладѣетъ одновременно и глубиной переживаній, и легкостью ихъ выраженія. Если же актеръ захочетъ сразу избѣгнуть тяжести исполненія, онъ непремѣнно начнетъ жить не чувствами, а интонаціями, и будетъ не создавать роль, а лишь скользить по ней.

Критики, нападающіе на Художественный Театръ, сказали бы сей-

часъ, что это опять обычный грѣхъ театра: внутреннее перегруженіе въ игрѣ артистовъ. Но вотъ покойный московскій артистъ А. П. Ленскій. Его ужъ никакъ и никогда нельзя было упрекнуть въ такомъ перегруженіи роли. А я хорошо помню, какъ онъ принялся за Фамусова и какъ продолжалъ работать. Онъ началъ его играть какъ хотѣлъ только съ третьяго сезона, а блестяще—только въ послѣдніе годы жизни. И какъ онъ жаловался, что одинъ спектакль „Горя отъ ума" отъ другого отодвигался по репертуару на нѣсколько недѣль. „Мнѣ бы надо сыграть нѣсколько разъ, не занимаясь никакой другой ролью. А теперь нѣтъ возможности провѣрять себя"—говорилъ онъ постоянно, послѣ каждаго спектакля.

Въ Художественномъ Театрѣ легкость исполненія всей комедіи, поскольку это въ средствахъ актеровъ, была достигнута никакъ не раньше десятаго спектакля.

Мало хорошо приготовить роль; ее еще надо нѣсколько разъ провѣрить „на публикѣ". „Горе отъ ума" въ этомъ отношеніи — самая трудная пьеса изъ всѣхъ, какія мы знаемъ. И въ особенности—первое дѣйствіе. Въ немъ есть даже что-то капризное. Не каждый спектакль одинаково идетъ оно. Ни къ какому дѣйствію другихъ пьесъ не подходитъ такъ выраженіе актеровъ: „сегодня что-то не играется", или— „сегодня намъ хорошо играется". А эту дружность общаго настроенія актеры великолѣпно чувствуютъ.

Въ IV-мъ явленіи есть литературныя мелочи, достойныя вниманія.

„Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньемъ, однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ"...

Озаровскій ставитъ здѣсь точку съ запятой, въ другихъ изданіяхъ запятая, а въ музейной рукописи нѣтъ никакого знака: „и дожилъ до сѣдинъ свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ". То-есть дожилъ до старости свободнымъ отъ страстей и легкомысленныхъ поступковъ: монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ. Но Озаровскій въ правѣ совсѣмъ отдѣлить это выраженіе, такъ какъ Грибоѣдовъ употребляетъ его, очевидно, въ смыслѣ особенной почтенности. И Чацкій во второмъ дѣйствіи говоритъ: „Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ"...

Въ стихѣ „Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство" мы предпочли редакцію другихъ изданій: призрѣлъ.

Очень толковое примѣчаніе Озаровскаго къ стиху: „Что въ ходъ пустить нельзя безъ справокъ, безъ иныхъ"...

Слѣдующая сцена—Софьи съ Лизой—въ Художественномъ Театрѣ играется такъ: обѣ онѣ какъ бы избавились отъ опасности, но большой, такъ что слѣды пережитыхъ волненій сохраняются долго. Софья, не спавшая всю ночь, кутается и ложится на софу, а Лиза занята туалетными приготовленіями для Софьи... Ставни она открыла еще

до второго прихода Фамусова. Къ стихамъ: „Кого люблю я, не таковъ“ и т. д., Софья почти дремлетъ, съ томной улыбкой.

Въ началѣ сцены въ очень многихъ редакціяхъ такъ:

Софья. Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судитъ.
Лиза. Однако-жъ, батюшка задуматься принудитъ.
Софья. Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ.

Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ и этотъ послѣдній стихъ принадлежитъ Лизѣ. Вмѣстѣ съ Озаровскимъ мы находимъ странною въ устахъ Лизы и такую характеристику Фамусова, и именованіе его „батюшкой“.

Въ музейной рукописи эта сцена начинается блѣдно и вяло:

Лиза. Ушли они. Тоскуйте на досугѣ.
Вотъ вамъ и другъ. Толкуйте-ка о другѣ.
Въ глазахъ темно и замерла душа.
Грѣхъ не бѣда, молва не хороша.

Софья. Предвижу я, достанется терпѣть!
Мнѣ не страшна людская слава,
Да какъ теперь успѣть
Укрыть себя отъ батюшкина нрава?
Несправедливъ и недовѣрчивъ, скоръ.
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ и т. д.

Такъ и въ старинныхъ рукописяхъ — въ варіантахъ. Шляпкинъ, Башиловъ — какъ у Озаровскаго, только въ однихъ изданіяхъ послѣ „да“ есть запятая, въ другихъ—нѣтъ: „да, батюшка задуматься принудитъ“. Мы установили запятую, что требуетъ, однако, точки послѣ „Кто хочетъ, такъ и судитъ“.

Въ стихѣ: „не отъ болѣзни, чай отъ скуки—*поволѣнѣе*“ мы предпочли другой варіантъ: *то вѣрнѣе*.

IX.

Кажется, нѣтъ такого исполнителя роли Чацкаго, который бы не сказалъ, что во всемъ репертуарѣ молодого драматическаго актера найдется что-нибудь труднѣе перваго дѣйствія этой роли. Не удавалось оно ни первому, по отзывамъ современныхъ газетъ—вообще неудачному исполнителю Чацкаго—Мочалову, ни наиболѣе знаменитому въ Москвѣ Чацкому — Самарину, ни Ленскому, ни Южину. Не могу сказать, какъ дѣло обстояло въ Петербургѣ, но трудность перваго дѣйствія для Чацкаго стала въ театрахъ общимъ мѣстомъ.

Очень интересно выяснить, отчего же это? Отчего такъ трудно начало такой удивительно благодарной роли?

Одна причина до нѣкоторой степени ясна изъ всего, что я писалъ о Чацкомъ выше. Большинство актеровъ играютъ его, въ лучшемъ случаѣ, пылкимъ резонеромъ. Перегружаютъ образъ значительностью Чацкаго, какъ общественнаго борца. Какъ бы играютъ не пьесу, а тѣ публицистическія статьи, какія она породила. Самый анти-художественный подходъ къ роли.

Я знаю, что для очень многихъ критиковъ эта мысль кажется настоящей ересью. Они стали бы возражать мнѣ съ горячностью, достойной истиннаго публициста, что для нашего времени Чацкій интересенъ прежде всего съ точки зрѣнія его монолога: „А судьи кто“. И актеръ, который ни на минуту не заставляетъ зрителя забывать о томъ, къ какой группѣ общественныхъ людей принадлежитъ Чацкій, такой актеръ этимъ критикамъ наиболѣе любезенъ. Мы же считаемъ, что какъ только актеръ начинаетъ подходить къ роли съ этого конца, онъ для нея погибъ. Погибъ какъ художникъ, какъ сценическій иллюминаторъ. Когда я говорилъ выше, что на сценѣ надо жить только чувствами, а не словами, то это въ наибольшей степени относилось къ Чацкому. Когда я говорилъ, что пьеса жива до тѣхъ поръ, пока свѣжа ея фабула, а со смерти фабулы она обращается въ прекрасную археологію, то въ „Горѣ отъ ума“ это прежде всего относится къ Чацкому. Нельзя же серьезно разсчитывать на то, что зритель можетъ быть захваченъ, захваченъ такъ, какъ долженъ быть въ театрѣ—для чего только и существуетъ театръ—чѣмъ же? Горячими тирадами, хотя бы и прекрасно выраженными, противъ крѣпостничества или такихъ косныхъ взглядовъ, которые давно вымерли и потому потеряли всякій живой интересъ. И въ требованіяхъ критики, предъявленныхъ къ сценическому художнику съ этой стороны—не что иное, какъ узкая „школьная мудрость“, выражаясь языкомъ философовъ.

Затѣмъ идетъ боязнь актера унизить Чацкаго, если отдаться всѣми нервами веселости, радости или другимъ чувствамъ, такъ свойственнымъ всякому молодому влюбленному, къ какимъ бы геніальностямъ онъ ни принадлежалъ. Въ этомъ тоже художественная узость, оскопившая множество сценическихъ образовъ на протяженіи послѣднихъ 25-ти лѣтъ.

Влюбленный молодой человѣкъ—вотъ куда должно быть направлено все вдохновеніе актера въ первомъ дѣйствіи. Остальное — отъ лукаваго. Отсюда только и пойдетъ пьеса, съ ея нѣжными красками, съ сценами, полными аромата поэзіи, лирики. Чацкій станетъ потомъ обличителемъ даже помимо своего желанія. Онъ и не думалъ брать на себя эту роль. Онъ любитъ, ревнуетъ, останавливается передъ поведеніемъ Софьи, уклончивымъ и загадочнымъ, какъ передъ стѣной, которая злитъ и раздражаетъ, съ изумленіемъ видитъ, что Софья пла-

ваетъ, какъ въ своихъ водахъ, въ этой затхлой атмосферѣ предразсудковъ и кривлянія, между тѣмъ какъ онъ въ своихъ мечтахъ считалъ ее такой близкой, такой родной его душѣ! И неужели вся эта Фамусовская родня и его гости — эти карикатуры на людей — та среда, которую Софья предпочтетъ ему, Чацкому?

А пока что, онъ только отдается радости первой встрѣчи. И въ радости, какъ и въ гнѣвѣ или въ досадѣ, онъ всегда широкъ и свободенъ, кипучъ и остеръ. Прекрасна, прежде всего, душа Чацкаго, такая нѣжная и такъ красиво волнующаяся и такъ увлекательно несдержанная. И не будь онъ настолько умнѣе всѣхъ окружающихъ, фабула приняла бы совсѣмъ другое направленіе: не было бы мѣста той клеветѣ, какая пущена о немъ Софьей. Все происшедшее только закаляетъ въ Чацкомъ будущаго общественнаго дѣятеля. Онъ, можетъ быть, еще будетъ Чаадаевымъ, Пестелемъ, Одоевскимъ, Бестужевымъ. Если Грибоѣдовъ и пользовался Чаадаевымъ, какъ моделью (въ первыхъ редакціяхъ: Чадскій), то какъ бы представляя себѣ Чаадаева еще юнымъ, еще складывающимся въ тотъ прекрасный образъ, какимъ Грибоѣдовъ его уже зналъ. Да и какая психологія творчества уловитъ, гдѣ здѣсь кончался Чаадаевъ или объективный образъ и начинался самъ Грибоѣдовъ, о чемъ съ большой чуткостью говоритъ Алексѣй Николаевичъ Веселовскій, находя въ Чацкомъ отраженіе всей души самого поэта?

Но трудность первой сцены Чацкаго, конечно, не только въ правильномъ пониманіи образа. Трудность является съ первыхъ же фразъ: „чуть свѣтъ — ужъ на ногахъ! И я у вашихъ ногъ“ и т. д. Всякій актеръ скажетъ, что дать яркое оживленіе прямо съ выхода на сцену, да принявъ во вниманіе еще обычное волненіе перваго выхода—необыкновенно трудно.

Очень можетъ быть, что театральныя школы, занимающіяся сценической техникой молодыхъ людей и прибѣгающія для этого ко многимъ побочнымъ занятіямъ, какъ постановка голоса, пластика и т. д., мало обращали вниманія до сихъ поръ на психологію актера—самого актера—при первомъ выходѣ его на сцену въ какой бы то ни было роли. Большинство преподавателей разсчитываютъ на практику, привычку къ сценѣ. Но я думаю, что этого недостаточно. Если на это взглянуть спеціалистамъ глубже, то, можетъ быть, окажется необходимымъ ввести въ общую систему преподаванія еще какія-то упражненія, какіе-то пріемы, которые считались бы непосредственно съ психикой актера передъ его выходомъ на сцену. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ у такихъ актеровъ, какъ Самаринъ, Акимова, Ѳедотова, передъ выходомъ на сцену въ роляхъ, много разъ игранныхъ, холодѣли руки, а Самаринъ и Акимова до конца дней своихъ передъ вы-

ходомъ непремѣнно крестились. Сорокалѣтняя привычка къ сценѣ не избавляетъ актера отъ ненужнаго, посторонняго волненія. Многіе утверждаютъ, что это волненіе придаетъ особенную прелесть игрѣ. Это совершенная чепуха. Не надо смѣшивать съ этимъ волненіемъ, съ этимъ какимъ-то придаткомъ къ общему настроенію актера тотъ подъемъ всѣхъ духовныхъ силъ, который испытываетъ всякій художникъ въ минуты творчества. Это два совершенно различныхъ психическихъ явленія. Актеру надо полное самообладаніе и спокойное управленіе всѣми своими средствами.

Исполнитель Чацкаго долженъ передъ первымъ выходомъ привести себя въ прекрасное настроеніе и потомъ свободно владѣть имъ.

Это легко сказать!

Есть роли, для которыхъ актеръ или хорошо сценически подготовленъ, но за то уже немолодъ, или молодъ, но еще неопытенъ. И эти роли такъ и не находятъ идеальныхъ исполнителей. Чацкій— изъ нихъ.

Но въ Чацкомъ мало еще выйти на сцену бодрымъ и искренне-радостнымъ. Это настроеніе должно непрерывно поддерживаться, то какъ будто угасая, то снова ярко вспыхивая. Нѣкоторые актеры даютъ первую ноту большой радости, но затѣмъ, сразу отъ стиха: „Удивлены и только? Вотъ пріемъ"—какъ бы укрываются за чувства смущенія, подозрительности, которыя якобы овладѣваютъ Чацкимъ при видѣ холодности Софьи. „Вотъ полчаса холодности терплю"—говоритъ дальше Чацкій. Этимъ стихомъ можно и оправдаться. Но намъ такой тонъ кажется инстинктивной актерской уловкой. Такъ легче. И не говоря уже о томъ, что вся сцена вдругъ пріобрѣтаетъ характеръ какого-то холоднаго визита (это Чацкій-то вернулся прямо съ дороги въ домъ, гдѣ онъ выросъ, къ Софьѣ, съ которой росъ и въ которую влюбленъ!), актеръ въ этихъ тонахъ совершенно безсиленъ побороть самое трудное мѣсто сцены — все, что идетъ отъ словъ: „ну, что вашъ батюшка? все англійскаго клоба..." и т. д.

Чацкій закидываетъ Софью вопросомъ за вопросомъ. Не получаетъ отвѣтовъ, но и не ждетъ ихъ. „Свиданьемъ съ вами оживленъ и говорливъ", „Да хоть кого смутятъ вопросы быстрые и любопытный взглядъ". Если исполнитель отъ первой встрѣчи Софьи сразу перейдетъ въ настроеніе осторожное, подозрительное, сдержанное, то безостановочные вопросы будутъ явной психологической фальшью. Единственное, чѣмъ можно было бы спасти сцену, это тѣмъ, что Софья не отвѣчаетъ, потому что не находитъ словъ отъ смущенія. Но и это невозможно, такъ какъ Софья уже къ стихамъ: „Гоненье на Москву? Что значитъ видѣть свѣтъ! Гдѣ жъ лучше?" совершенно оправилась, какъ ни была сильно взволнована неожиданнымъ появленіемъ Чац-

каго. И на потокъ его вопросовъ смотритъ уже съ холодной критикой: „Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть, чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть". Но даже и теперь колкость замѣчанія не задѣваетъ Чацкаго; онъ сразу подхватываетъ: „А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?" и т. д.

Сколько бы ни мудрили здѣсь исполнители Чацкаго, стараясь обойти искреннее оживленіе—всякое иное толкованіе будетъ фальшью. И наоборотъ, все льется легко и естественно, разъ въ основу переживаній положены чувства радости и бодрости, вызывающія и острый юморъ. „Когда въ дѣлахъ — я отъ веселья прячусь, когда-жъ дурачиться—дурачусь". И здѣсь Чацкій готовъ даже дурачиться, самъ смѣяться своимъ шуткамъ, жестомъ и комической мимикой дорисовываетъ каждый портретъ, о которомъ вспоминаетъ и который стоитъ у него передъ глазами какъ живой, хохочетъ, вспоминая одного за другимъ...

Нѣтъ лучшаго пріема для возбужденія искренности въ актерѣ, какъ его субъективныя воспоминанія. Кто изъ молодыхъ актеровъ не переживалъ въ жизни такого же подъема, когда послѣ долгой разлуки возвращался къ любимому существу, весь полный свѣтлыхъ надеждъ? Пусть возбудитъ въ себѣ эти воспоминанія — и общее настроеніе Чацкаго готово.

Я чувствую, что слишкомъ долго останавливаюсь на первой сценѣ Чацкаго. Но именно потому, что считаю чрезвычайно важнымъ это исходное мѣсто всей роли. Разъ актеръ не овладѣетъ имъ, потомъ у него могутъ быть хорошіе куски въ роли, но образа Чацкаго не будетъ и линіи фабулы будутъ безвозвратно испорчены. Чѣмъ открытѣе душа Чацкаго, вся несущаяся къ Софьѣ, чѣмъ непосредственнѣе его вѣра въ то, что она такого же образа мыслей, какъ и онъ, чѣмъ больше молодого радостнаго пыла, тѣмъ неожиданнѣе и драматичнѣе будутъ разочарованія, когда наступитъ: „мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!"

И упаси Богъ отъ мелочной обиды, отъ сдавленной подозрительности, отъ скрытничанья — всего того, что обнаруживаетъ убогую душонку современнаго неврастеника. Даже на реплику: „но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ" Чацкій отвѣчаетъ съ той же простотой открытой души: „Вотъ новости!" И только при вопросѣ Софьи, ужаленной замѣчаніемъ Чацкаго о Молчалинѣ: „случалось ли, чтобъ вы смѣясь или въ печали" и т. д.—настроеніе Чацкаго падаетъ. Но какъ? Одно, произнесенное ею, слово „дѣтство"—„хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть"—вызываетъ въ немъ трогательные образы: „Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?" И онъ впадаетъ въ самый трогательный лиризмъ и кончаетъ: „И все-таки я васъ безъ

памяти люблю". И наконецъ: „велите-жъ мнѣ въ огонь, пойду какъ на обѣдъ". Трудно встрѣтить во всей русской литературѣ образъ молодого человѣка, болѣе искренняго и нѣжнаго при такомъ остромъ умѣ и широтѣ мысли. А въ третьемъ дѣйствіи это проявится въ поразительно вдохновенномъ монологѣ, который нельзя ни слушать, ни перечитывать безъ глубокаго волненія: „Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый, но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та, чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый казался прахъ и суета?.."

Въ этой сценѣ Художественный Театръ возстановилъ нѣсколько стиховъ изъ музейной рукописи.

„Что-жъ? онъ и кавалеръ. Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ, а Гильоме... *Куда глаза ни обратитъ, — кто противъ легкости волшебной устоитъ? Живемъ мы такъ давно, такъ дружно, такъ семейно со всякимъ вертуномъ залетнымъ изъ-за Рейна.* Здѣсь нынче тонъ каковъ?" и т. д.

Въ одной рукописи эти стихи помѣщены въ монологѣ: „Милліонъ терзаній".

По мизансценѣ Художественнаго Театра Лиза оставляетъ Чацкаго съ Софьей вдвоемъ еще при словахъ Чацкаго: „Да какъ же васъ узнать! Гдѣ время то" и т. д. И фраза: „Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ", произносится Софьей какъ въ музейной рукописи, а не какъ въ изданіи Гарусова (см. примѣчаніе Озаровскаго). Потомъ Лиза возвращается съ чаемъ на подносѣ.

Противъ ухода Лизы со сцены намъ возражали тѣмъ, что и подъ явленіемъ VII-мъ значится: „Софья, Лиза, Чацкій", и подъ явленіемъ VIII: „Софья, Лиза, Чацкій, Фамусовъ". Такъ, дѣйствительно, во всѣхъ редакціяхъ. И въ изданіи 1825 г. „Русская Талія", провѣренномъ, будто бы, самимъ Грибоѣдовымъ [Изданіе Ѳаддея Булгарина: „Подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра на 1825 г." Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча].

Но мы не думаемъ, что эта сторона провѣрена внимательно, потому что нигдѣ нѣтъ указаній, когда Лиза уходитъ, а въ послѣднемъ явленіи опредѣленно сказано: Фамусовъ (одинъ). И уходы другихъ лицъ вездѣ аккуратно отмѣчены.

Исполнительницы Софьи всегда задумываются надъ фразой: „Ахъ, батюшка! Сонъ въ руку!" Относится ли первая половина фразы къ неожиданности появленія отца, а вторая составляетъ другую мысль, или фраза нераздѣлима? И главное — что это: женская хитрость запутать отца еще больше, отвести его вниманіе отъ Молчалина, или искреннее восклицаніе?..

Во всякомъ случаѣ эти слова окончательно сбиваютъ съ толку Фамусова.

Вл. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1910.

Король Эдуардъ VII, его характеръ и дѣятельность. — Главныя его политическія заслуги.—Внѣшняя политика Англіи прежде и теперь.—Новый король.—Неопредѣленный кризисъ въ Пруссіи.—Балканскія дѣла.

Неожиданная смерть короля Эдуарда VII произвела сильнѣйшее впечатлѣніе во всей Европѣ и выдвинула на первый планъ международно-политическіе вопросы первостепенной важности. Скончавшійся король олицетворялъ собою цѣлую систему, которую онъ успѣшно проводилъ въ жизнь, благодаря исключительной авторитетности своего положенія и счастливымъ свойствамъ своего характера; онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ исполнялъ роль активнаго миротворца между великими европейскими націями, и эта роль едва ли можетъ перейти теперь къ кому-нибудь другому.

Когда Эдуардъ VII вступилъ на престолъ, въ январѣ 1901 года, на шестидесятомъ году жизни, послѣ шестидесятитрехлѣтняго царствованія королевы Викторіи, никто не предполагалъ, что ему суждено затмить славу своей знаменитой матери; всѣ увѣрены были, что онъ будетъ съ достоинствомъ исполнять почетныя обязанности своего сана, оставаясь въ предѣлахъ установившихся традицій, безъ особенныхъ притязаній на самостоятельность и оригинальность. Въ качествѣ принца Уэльскаго, онъ до позднихъ лѣтъ велъ разсѣянную свѣтскую жизнь и не принималъ никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ; онъ выступалъ публично только въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ торжествахъ, большую часть своего времени посвящалъ личнымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ, много и часто путешествовалъ, увлекался разными видами спорта, легко завязывалъ и поддерживалъ пріятныя или полезныя знакомства, считался занимательнымъ собесѣдникомъ и не обнаруживалъ вообще качествъ политическаго дѣя-

теля или дипломата. Люди вообще не мѣняются въ шестьдесятъ лѣтъ, и можно было думать, что принцъ Уэльскій, сдѣлавшись королемъ, останется тѣмъ же, чѣмъ былъ и раньше. Въ дѣйствительности онъ и остался тѣмъ же, но всегдашнія его склонности и привычки оказались чрезвычайно цѣнными для его новыхъ функцій и позволили ему сдѣлаться первымъ монархомъ своего времени. О королѣ Эдуардѣ говорили гораздо больше, чѣмъ объ императорѣ Вильгельмѣ II; онъ несомнѣнно былъ не только популярнѣйшимъ королемъ въ своей странѣ, но и однимъ изъ популярнѣйшихъ людей въ Европѣ и во всемъ культурномъ мірѣ,—потому что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ простымъ, общительнымъ, доброжелательнымъ, сердечнымъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, и эти свои простыя, человѣческія качества всецѣло отдавалъ на службу интересамъ своего государства. Будучи строго-конституціоннымъ монархомъ, онъ дѣйствовалъ всегда въ согласіи и съ вѣдома отвѣтственныхъ министровъ, но своимъ личнымъ вліяніемъ незамѣтно подготовлялъ такія рѣшенія, до которыхъ никогда не могла бы дойти оффиціальная дипломатія.

Въ немногіе годы своего царствованія Эдуардъ VII достигъ поразительныхъ результатовъ въ области общей международной политики. Внѣшнее положеніе Англіи совершенно измѣнилось; вѣковое непріязненное соперничество съ Франціею уступило мѣсто формальному соглашенію по всѣмъ спорнымъ вопросамъ; старинные враждебные счеты и хроническія распри съ Россіею покончены заключеніемъ дружественной англо-русской конвенціи; Англія сдѣлалась центромъ новой группировки державъ, и прежнее преобладаніе Германіи въ Европѣ подорвано въ корнѣ. Англичане издавна считали большимъ преимуществомъ своей страны возможность полной свободы дѣйствій относительно континентальныхъ государствъ; они часто испытывали на себѣ неудобства этого „блестящаго одиночества“, но не стремились выйти изъ него, полагаясь на свое безспорное владычество на моряхъ. Но британское господство на моряхъ подвергалось нѣкоторой опасности въ виду лихорадочныхъ усилій Германіи въ дѣлѣ созданія могущественнаго военнаго флота; вмѣстѣ съ тѣмъ оставались элементы тревоги по поводу такихъ областей, которыя доступны нападенію съ суши, какъ напримѣръ въ Средней Азіи, на границахъ Индіи, Афганистана и Персіи. Съ одной стороны, Англія чувствовала себя недостаточно огражденною отъ внѣшнихъ посягательствъ, а съ другой—въ Европѣ замѣчалось отсутствіе равновѣсія между тройственнымъ союзомъ, предводимымъ Германіею, и остальными державами материка. Эдуардъ VII легко и просто разрѣшилъ задачу, которая долго представлялась неразрѣшимою: онъ уничтожилъ два фундамента старой

британской политики — недовѣрчивыя, непріязненныя отношенія съ Франціею и враждебное соперничество съ Россіею. Онъ приблизилъ Англію къ франко-русскому союзу, содѣйствовалъ соглашенію Франціи и затѣмъ Россіи съ британскою союзницею, Японіею, устроилъ общую дипломатическую сдѣлку сначала между Англіею и Франціею, а потомъ и съ Россіею, поддерживалъ болѣе тѣсную дружбу съ Италіею и Испаніею, и такимъ образомъ постепенно, фактически отнималъ почву у германской гегемоніи. Въ нѣмецкой патріотической печати велась настойчивая обличительная полемика противъ этихъ стараній „дядюшки Эде"; ему приписывали злокозненный планъ — изолировать Германію, окружить ее цѣлою сѣтью враждебныхъ силъ, опутать ее паутиною новыхъ политическихъ комбинацій, съ цѣлью ослабить ея могущество и вліяніе. Конечно, король Эдуардъ думалъ не о причиненіи вреда или ущерба Германской имперіи и ея правителямъ, а только о защитѣ Англіи и другихъ державъ отъ чрезмѣрныхъ притязаній и возможныхъ въ будущемъ посягательствъ Германіи. И эти упорныя, послѣдовательныя старанія увѣнчались успѣхомъ: тройственное соглашеніе между Англіею, Франціею и Россіею избавляетъ Европу отъ односторонней германской опеки и ставитъ извѣстныя границы честолюбію берлинскихъ политическихъ дѣятелей. Что это достигнуто главнымъ образомъ личною дѣятельностью короля Эдуарда, а не трудами его министровъ, оффиціальныхъ руководителей британской дипломатіи, лорда Лэнсдауна и сэра Эдуарда Грея — это фактъ установленный, не подлежащій никакому сомнѣнію. Достаточно того, что министры раздѣляли основныя идеи и стремленія короля и предоставляли ему дѣйствовать въ извѣстномъ духѣ; остальное устраивалось уже само собою, и дипломатамъ оставалось только облекать достигнутыя соглашенія въ соотвѣтственныя обязательныя формы. Можно сказать, что вся внѣшняя политика Англіи измѣнила свой характеръ и приняла новое плодотворное направленіе, благодаря системѣ союзныхъ соглашеній, усвоенной и введенной въ жизнь по иниціативѣ и при вдохновляющемъ участіи короля Эдуарда. Въ то же время произошла спасительная перемѣна и въ общемъ ходѣ и положеніи дѣлъ въ Европѣ: исчезла или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабѣла прежняя натянутость международныхъ отношеній; не чувствуется уже постоянной тревоги за прочность внѣшняго мира, въ зависимости отъ личныхъ замысловъ и настроеній Вильгельма II и его приближенныхъ.

Трудно еще оцѣнить все значеніе новой международной политики, связанной неразрывно съ именемъ короля Эдуарда VII; но нельзя не видѣть, что этой политикѣ принадлежитъ будущее и что она способна обезпечить миръ и спокойствіе народовъ на незыблемыхъ основаніяхъ.

Покойный король разсчитывалъ найти почву для соглашенія и съ Германіею; очень можетъ быть, что и съ нею удалось бы ему устроить такую же исчерпывающую дѣловую конвенцію, какъ съ Франціею и Россіею, а затѣмъ не было бы уже ничего невѣроятнаго и въ установленіи извѣстныхъ основъ или принциповъ для будущаго франко-германскаго соглашенія. Въ такое соглашеніе вѣрилъ когда-то Гамбетта; въ теоріи оно допускалось и Бисмаркомъ, и оно было бы, конечно, гораздо болѣе осуществимо, чѣмъ теперь, еслибы политика опредѣлялась и направлялась реальными интересами народовъ, а не военнымъ и политическимъ честолюбіемъ высокопоставленныхъ лицъ или условными формулами и традиціями дипломатическихъ канцелярій. Эдуардъ VII проложилъ путь новому методу договорной политики, заранѣе предупреждающей и разрѣшающей возможныя недоразумѣнія и конфликты; въ этомъ смыслѣ онъ былъ вполнѣ свободенъ отъ приверженности къ авторитетнымъ шаблонамъ. Въ царствованіе королевы Викторіи Англія не стѣснялась дѣйствовать круто и несправедливо, когда этого, будто бы, требовали обстоятельства; она не отказывалась отъ репутаціи „коварнаго Альбіона", нарушала права слабыхъ, уступала сильнымъ, часто воевала въ разныхъ частяхъ свѣта для пріобрѣтенія новыхъ земель или для увеличенія своихъ доходовъ—и такой способъ дѣйствій неизмѣнно признавался высоко-патріотическимъ, достойнымъ всякихъ похвалъ и поощреній. Знаменитѣйшіе министры стараго типа слѣдовали тѣмъ же началамъ „государственной мудрости" и не отступали отъ рутины даже въ самыхъ серьезныхъ и трудныхъ вопросахъ политической жизни. Королева Викторія оставила въ наслѣдство своему сыну одну изъ несчастнѣйшихъ войнъ, какія когда-либо предпринимала Англія — войну съ двумя южно-африканскими республиками; король Эдуардъ VII оставляетъ своему наслѣднику вполнѣ умиротворенную и самоуправляющуюся южную Африку, въ видѣ новаго автономнаго государственнаго союза, имѣющаго свою конституцію, свои выборныя законодательныя палаты и свое отвѣтственное министерство, подъ общимъ оффиціальнымъ контролемъ намѣстника, исполняющаго обязанности конституціоннаго правителя отъ имени монарха. Въ новый союзъ входятъ четыре области—Трансвааль, Оранжевая колонія, Капская область и Наталь, и во главѣ перваго министерства этого союзнаго государства оказывается бывшій предводитель возставшихъ буровъ, генералъ Бота. Конституція союза настолько либеральна, что съ нею могутъ одинаково мириться и бывшіе бурскіе республиканцы, и мѣстные британскіе патріоты; день торжественнаго провозглашенія этой конституціи, 31 мая (нов. ст.), былъ національнымъ праздникомъ для всего населенія союзной территоріи, безъ различія партій и племенъ.

Около десяти лѣтъ тому назадъ Трансвааль воевалъ противъ Англіи съ оружіемъ въ рукахъ, и послѣ долгихъ усилій воевавшіе буры были побѣждены; вскорѣ послѣ побѣды англичане принимаютъ рядъ положительныхъ мѣръ для смягченія печальныхъ послѣдствій войны и для возстановленія нормальной жизни края, а черезъ нѣсколько лѣтъ завоеванная британскою кровью страна отдается въ автономное управленіе мѣстныхъ жителей. Таковъ англійскій методъ успокоенія—успокоенія дѣйствительнаго, внутренняго, а не словеснаго, наружнаго, — методъ справедливости и великодушія, привлекающій умы и сердца даже недавнихъ враговъ. По этой системѣ создается крѣпкая внутренняя связь между метрополіею и всѣми ея отдаленными самоуправляющимися колоніями — связь, исключающая всякія принудительныя и искусственныя мѣры. Новое политическое устройство южной Африки было предметомъ особенныхъ заботъ короля Эдуарда, и оно можетъ отчасти считаться его личнымъ дѣломъ. Назначенный намѣстникомъ Гербертъ Гладстонъ, возведенный по этому случаю въ виконты, сынъ знаменитаго либеральнаго вождя, является вполнѣ убѣжденнымъ исполнителемъ завѣтныхъ желаній и идей покойнаго короля. Эти идеи и желанія вытекали не изъ холодныхъ философскихъ разсужденій, а изъ неодолимыхъ и безошибочныхъ внушеній добраго сердца, изъ побужденій благородной человѣческой натуры, которая всегда находитъ сочувственный откликъ въ массѣ другихъ людей, каковы бы они ни были.

Эдуардъ VII отличался, повидимому, цвѣтущимъ здоровьемъ; онъ былъ неутомимъ въ своихъ передвиженіяхъ и переѣздахъ, съ добросовѣстною аккуратностью выполнялъ свои безчисленныя общественныя обязанности и ни въ чемъ не обнаруживалъ признаковъ физическаго упадка или разстройства. Онъ вернулся изъ Біаррица не совсѣмъ здоровый, такъ какъ былъ простуженъ, но не вѣрилъ въ серьезность болѣзни даже послѣ того какъ врачи нашли его положеніе критическимъ; бронхитъ быстро развился, и публика не успѣла еще оріентироваться среди распространившихся слуховъ и краткихъ врачебныхъ бюллетеней, какъ вдругъ король скончался, въ ночь съ 6-го на 7-ое мая (нов. ст.). Взрывы всеобщей симпатіи и уваженія къ покойному были настолько всеобщи и единодушны, что объяснить ихъ случайными или личными причинами было бы невозможно. Всегдашніе враги правительства, ирландскіе автономисты и соціалисты-республиканцы или анархисты, съ такимъ же горячимъ сочувствіемъ отзывались объ умершемъ королѣ, какъ и умѣренные либералы и консерваторы.

На партійномъ митингѣ рабочей партіи одинъ изъ ея вождей, Киръ-Гарди, заявилъ, что мнѣнія о монархическомъ принципѣ не могутъ вліять на оцѣнку личности человѣка, занимающаго королевскій

тронъ, и что покойный король несомнѣнно увеличилъ достоинство и блескъ своего высокаго положенія со времени восшествія на престолъ. Въ другомъ публичномъ собраніи м-ръ Бенъ Тиллетъ сказалъ, что, будучи революціоннымъ соціалистомъ и бунтовщикомъ, онъ можетъ съ глубочайшею искренностью выразить свое сочувствіе королевской фамиліи, ибо въ концѣ концовъ „величество смерти выше королей и служитъ великимъ уравнителемъ всѣхъ". Никто не заподозритъ оратора въ лести, если онъ „засвидѣтельствуетъ свое глубокое благоговѣніе къ умершему"; онъ не знаетъ лучшей и болѣе благородной души, человѣка болѣе отзывчиваго къ нуждамъ и положенію рабочихъ; „въ его лицѣ народъ имѣлъ одну изъ самыхъ здоровыхъ политическихъ силъ, помогавшихъ управлять страною, такъ какъ онъ стоялъ выше партій, хотя олицетворяемый имъ принципъ представляетъ капиталистическую систему, отвѣтственную за приниженіе многихъ милліоновъ людей". Съ этой точки зрѣнія соціалисты „признаютъ короля однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ государственнаго управленія въ западномъ мірѣ" и сожалѣютъ объ его смерти. Джорджъ Лэнсбюри поставилъ предъ своей аудиторіей вопросъ, почему соціалисты, отрицающіе королевскую власть и другія подобныя учрежденія, чувствуютъ, тѣмъ не менѣе, скорбь и соболѣзнованіе по поводу смерти Эдуарда VII. Отвѣтъ заключается въ томъ, что по общему сознанію умершій „былъ человѣкомъ и любилъ своихъ ближнихъ обоего пола". Онъ перейдетъ въ исторію и заслужитъ одобреніе потомства не за то, что онъ предводительствовалъ арміями и флотомъ для завоеваній и для истребленія человѣческихъ существъ: нѣтъ, его оцѣнятъ за то, что онъ твердо стоялъ за миръ и за предупрежденіе войнъ. Онъ „ушелъ на покой, оставивъ за собою во всѣхъ обывателяхъ страны чувство потери добраго друга".

Мы привели здѣсь образчики сужденій лицъ, принадлежащихъ вообще къ числу принципіальныхъ противниковъ существующаго порядка вещей. По этимъ отзывамъ можно уже судить о чувствахъ огромнаго большинства англійскаго общества, расположеннаго скорѣе преувеличивать, чѣмъ уменьшать достоинства и заслуги королей. Въ засѣданіи обѣихъ палатъ парламента, созваннаго 11 мая по случаю кончины Эдуарда VII и вступленія на престолъ Георга V, произносились хвалебныя рѣчи о покойномъ королѣ, но почти всѣ эти рѣчи, въ отличіе отъ всякихъ иныхъ оффиціальныхъ заявленій, дышали несомнѣнною искренностью, именно потому, что всякій оттѣнокъ фальши противорѣчилъ бы вѣрной характеристикѣ покойнаго. Глава кабинета, Асквитъ, и предводитель оппозиціи, Бальфуръ, говорили подробно и авторитетно, въ силу обязанностей своего положенія; они высказывали много симпатичнаго не только объ умершемъ ко-

ролѣ, но и о его вдовѣ, королевѣ Александрѣ, и о новомъ королѣ Георгѣ V. Самою трогательною, однако, была рѣчь представителя рабочей партіи, Эдуардса, который обрисовалъ покойнаго какъ истиннаго друга всѣхъ бѣдныхъ и трудящихся, понимавшаго ихъ жалобы и требованія не только умомъ, но и, прежде всего, сердцемъ. „Нигдѣ—говорилъ Эдуардсъ—скорбь не будетъ глубже и сердечнѣе, чѣмъ среди бѣднѣйшихъ изъ бѣдняковъ. Въ этой палатѣ мы расходимся въ мнѣніяхъ по многимъ вопросамъ, но въ данномъ вопросѣ нѣтъ разногласій. Всѣ мы проникнуты одинаковымъ уваженіемъ къ великому королю".

Замѣчательнѣе всего то, что Эдуардъ VII не употреблялъ никакихъ усилій для пріобрѣтенія чьихъ-либо симпатій; онъ вовсе не старался заслужить общественное одобреніе и сочувствіе, а скорѣе, напротивъ, обнаруживалъ иногда пренебреженіе къ установленнымъ понятіямъ и предразсудкамъ публики. Общее сочувствіе давалось ему само собою, даже тогда, когда онъ менѣе всего объ этомъ думалъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ однажды попалъ въ непріятную исторію: одинъ изъ его приближенныхъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ бывалъ въ клубахъ и игралъ въ карты, былъ обвиненъ въ шулерствѣ, и принцу Уэльскому пришлось давать показанія предъ судомъ, въ качествѣ свидѣтеля. Его странная близость съ „джентльмэнами" сомнительнаго поведенія дѣятельно обсуждалась и осуждалась въ печати; королева Викторія была огорчена, и многіе полагали, что наслѣдникъ престола воспользуется какимъ-нибудь подходящимъ предлогомъ для того, чтобы уклониться отъ личнаго выступленія на судѣ. Однако принцъ Уэльскій не послѣдовалъ намекамъ и совѣтамъ своихъ доброжелателей; онъ скромно явился на судъ, и все его поведеніе показало, что его совершенно не смущаютъ обстоятельства, вмѣняемыя ему въ вину; онъ безъ всякихъ стѣсненій, хотя и съ понятною сдержанностью, отвѣчалъ на вопросы сторонъ, и ясно давалъ понять публикѣ, что при отсутствіи служебныхъ и обязательныхъ занятій онъ имѣлъ право искать развлеченій, подобно другимъ представителямъ высшаго общества, и что въ этихъ великосвѣтскихъ кружкахъ и клубахъ никогда нельзя быть гарантированными отъ встрѣчи и сближенія съ людьми, ведущими неправильную игру. Наслѣдникъ престола былъ вполнѣ откровененъ и добродушно-правдивъ; имъ не сказано было ни одного слова, которое могло бы быть понято въ смыслѣ попытки оправданія; онъ ничего не замалчивалъ и ничего не отрицалъ и его безыскусственный тонъ невольно подкупалъ слушателей, а затѣмъ и читателей газетныхъ отчетовъ. Также точно онъ ни отъ кого не скрывалъ своихъ романическихъ знакомствъ и связей, хотя и былъ хорошимъ семьяниномъ, главою многочисленной фамиліи.

Повсюду за границей онъ велъ себя совершенно свободно, какъ заурядный туристъ; всѣ видѣли и знали, гдѣ и когда онъ гуляетъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ, у кого бываетъ въ гостяхъ или обѣдаетъ. Съ выдающимися французскими дѣятелями и министрами онъ поддерживалъ близкія, дружественныя сношенія; въ Маріенбадѣ онъ обыкновенно имѣлъ продолжительныя свиданія съ Клемансо, бывшимъ тогда предсѣдателемъ совѣта министровъ. Этими частыми интимными разговорами, наполовину свѣтскими и остроумно-шутливыми, подготовлялся матеріалъ для крупныхъ и серьезныхъ политическихъ дѣлъ, составляющихъ главнѣйшую заслугу Эдуарда VII не только передъ Англіею, но и передъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ.

Король Эдуардъ былъ въ близкомъ родствѣ почти со всѣми главными и второстепенными европейскими династіями; самъ онъ по отцу принадлежалъ къ роду герцоговъ Кобургъ-Гота и женатъ былъ на дочери датскаго короля; сестра его, принцесса Викторія, была замужемъ за германскимъ кронпринцемъ, позднѣе императоромъ Фридрихомъ III, и такимъ образомъ Вильгельмъ II приходился покойному роднымъ племянникомъ. При множествѣ знатнѣйшихъ и высочайшихъ родственныхъ связей было вполнѣ естественно, что за гробомъ Эдуарда VII шло болѣе двѣнадцати царствующихъ особъ, начиная съ самого императора Германіи, и сверхъ того около пятидесяти представителей различныхъ династическихъ фамилій, не только европейскихъ, но и азіатскихъ. Похороны состоялись 20 мая (нов. ст.) съ необыкновенною пышностью, при участіи огромныхъ массъ народа. Всѣ чувствовали, что удалилась со сцены чрезвычайно интересная, живая и предпріимчивая личность, занимавшая королевскій тронъ ко всеобщему удовольствію, и что съ его уходомъ кончается своеобразная и значительная полоса британской и обще-европейской политической исторіи.

Новый англійскій король, сорокапятилѣтній Георгъ V, составляетъ прямую противоположность покойному его отцу. Замкнутый и молчаливый, добродѣтельный семьянинъ, любитель сельскаго хозяйства, онъ первоначально готовился къ военно-морской службѣ и только случайно, вслѣдствіе смерти, въ 1892 г., своего старшаго брата, герцога Кларенса, сдѣлался наслѣдникомъ престола. Честный и прямодушный по характеру, онъ обѣщаетъ быть вполнѣ добросовѣстнымъ и исполнительнымъ конституціоннымъ монархомъ. Требовать отъ него бо́льшаго нѣтъ основанія, и либеральный кабинетъ вынужденъ на первыхъ порахъ избѣгать всякихъ рѣшительныхъ шаговъ, которые предполагали бы иниціативу или прямое участіе короны. Поэтому вопросъ о преобразованіи палаты лордовъ вѣроятно будетъ отложенъ на нѣкоторое время.

Прусскій министръ-президентъ, имперскій канцлеръ Бетманнъ-Голльвегъ, потерпѣлъ жестокую неудачу въ вопросѣ объ избирательной реформѣ. Послѣ долгихъ обсужденій и партійныхъ переговоровъ, правительственный законопроектъ, передѣланный нѣсколько разъ по указаніямъ консерваторовъ и аграріевъ, торжественно и окончательно провалился въ прусской палатѣ депутатовъ, въ засѣданіи 27-го мая (нов. ст.). Правительство дѣйствовало въ этомъ случаѣ крайне непослѣдовательно: вмѣсто реформы устарѣлыхъ избирательныхъ порядковъ оно предложило сохранить ихъ существенныя черты, съ измѣненіемъ лишь нѣкоторыхъ подробностей; оно высказывалось рѣшительно противъ введенія прямыхъ выборовъ и тайной подачи голосовъ, а потомъ согласилось включить въ свой проектъ оба эти принципа, съ разными ограничительными оговорками; оно предоставило прусской палатѣ господъ вновь измѣнить и передѣлать законопроектъ и взялось въ такомъ видѣ провести его въ палатѣ депутатовъ, хотя могло предвидѣть отрицательное отношеніе господствующихъ партій къ предложеннымъ поправкамъ; наконецъ, оно само взяло назадъ свой проектъ, не дождавшись заключительнаго голосованія, и такимъ образомъ публично созналось въ своей неспособности сдѣлать что-нибудь для осуществленія обѣщанія октябрьской тронной рѣчи 1908-го года.

Правительство, въ лицѣ Бетманна-Голльвега, очутилось въ довольно неловкомъ и щекотливомъ положеніи: отъ него поочередно отреклись всѣ партіи, кромѣ небольшой группы „свободныхъ консерваторовъ", и министръ-президентъ остался безъ всякой поддержки въ парламентѣ, не смотря на существованіе „чернаго блока". Консерваторы и аграріи, предводимые фонъ-Гейдебрандомъ, высказались противъ поправокъ верхней палаты, какъ нарушающихъ интересы „средняго класса"; націоналъ-либералы внесли цѣлый рядъ новыхъ измѣненій, которыхъ не могли принять консервативныя партіи, и, между прочимъ, потребовали откровеннаго признанія и введенія системы прямыхъ выборовъ и тайнаго голосованія; партія центра предложила отвергнуть всю переработку законопроекта верхнею палатою и возстановить его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ принятъ палатою депутатовъ. Министръ-президентъ какъ будто не былъ подготовленъ къ этой партійной разноголосицѣ;—а между тѣмъ съ самаго начала было ясно, что въ палатѣ депутатовъ, каковъ бы ни былъ ея составъ, никогда не найдется большинства, готоваго подчиниться указаніямъ палаты господъ въ такомъ вопросѣ, который непосредственно касается основъ народнаго представительства. Если можно еще было бы кое-какъ лавировать среди различныхъ партійныхъ теченій въ палатѣ депутатовъ, съ цѣлью добиться принятія законопроекта въ исправленномъ

и урѣзанномъ видѣ, то разсчитывать на пользу вмѣшательства верхней палаты и опираться на это вмѣшательство передъ нижней палатою было уже явною ошибкою.

Въ результатѣ остается непонятнымъ, для чего предпринята вся эта сложная законодательная кампанія, если не имѣлось въ виду дѣйствительно реформировать систему избирательнаго права согласно желаніямъ большинства населенія. Правда, большинство населенія Пруссіи очень плохо и слабо представлено въ нынѣшней палатѣ депутатовъ: представители сельскихъ округовъ преобладаютъ надъ городскими и промышленными, и средніе образованные классы, фактически господствующіе въ странѣ, имѣютъ лишь меньшинство въ парламентѣ, гдѣ за нихъ заступаются даже такіе сомнительные защитники, какъ фонъ-Гейдебрандъ. Естественно, что палата депутатовъ, избранная по старому избирательному закону, не могла сочувствовать реформѣ, которая измѣнила бы ея составъ и характеръ; она была расположена принять только второстепенныя исправленія и измѣненія, въ родѣ предположенныхъ правительствомъ, но и она неспособна была въ данномъ случаѣ признать надъ собою власть и авторитетъ палаты господъ. Бетманнъ-Голльвегъ приступилъ къ своей задачѣ безъ опредѣленныхъ принциповъ и даже безъ точно поставленной сознательной цѣли; онъ взялся за реформу, которую считалъ въ сущности ненужною, и обнаружилъ не только шаткость и перемѣнчивость въ основныхъ своихъ политическихъ взглядахъ, но и полное неумѣнье руководить послушными правительству партіями въ парламентѣ и поддерживать по крайней мѣрѣ внѣшнее достоинство той власти, отъ имени которой ему приходится дѣйствовать.

Либеральная оппозиція не стѣсняется теперь въ оцѣнкѣ личности канцлера и торопитъ его выйти въ отставку; она находитъ, что онъ въ достаточной степени доказалъ свою непригодность къ исполненію отвѣтственныхъ обязанностей руководителя правительственной политики и что оставить его и впредь на занимаемомъ имъ высокомъ посту было бы опасно для государства и, прежде всего, для самого Вильгельма II. Въ Пруссіи министры не отвѣтственны предъ парламентомъ, и министръ-президентъ не обязанъ удалиться только потому, что потерпѣлъ неудачу въ палатѣ депутатовъ; но, какъ указываетъ оппозиціонная пресса, Бетманнъ-Голльвегъ не можетъ остаться во главѣ правительства по другой, болѣе общей причинѣ: онъ компрометируетъ власть и монархію своимъ безцѣльнымъ конфликтомъ со всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ страны и со всѣми представителями и защитниками народныхъ интересовъ, и въ то же время онъ потерялъ всякій авторитетъ въ глазахъ тѣхъ консервативныхъ партій, которыя должны были ему служить опорою въ парламентѣ. Имперскій

канцлеръ дѣлаетъ видъ, что враждебная либеральная агитація до него не доходитъ и его не касается; онъ исполнилъ будто бы все, что отъ него зависѣло, и онъ не виноватъ, что не удалось сломить упорство вліятельныхъ элементовъ парламентскаго большинства. Оффиціозные органы увѣряютъ, что все спокойно въ Пруссіи и никакого кризиса не существуетъ; сама оппозиція не скрываетъ своего удовольствія по поводу провала избирательной реформы, а объ отношеніи консерваторовъ нечего и говорить. Но въ странѣ растетъ недовольство противъ всего режима, олицетворяемаго такими неудачными дѣятелями какъ Бетманнъ-Голльвегъ, и этотъ неопредѣленный политическій кризисъ становится все болѣе серьезнымъ и глубокимъ по мѣрѣ усиленія внѣшнихъ успѣховъ реакціоннаго „юнкерства". Значеніе этого кризиса старательно и настойчиво выясняется прогрессивною печатью, дѣйствующею дружно въ одномъ направленіи, безъ всякихъ признаковъ унынія.

На ближнемъ Востокѣ предвидятся новыя замѣшательства и волненія изъ-за критскаго вопроса. Кандія, въ лицѣ своего мѣстнаго народнаго представительства, непремѣнно желаетъ формально присоединиться къ Греціи, чѣмъ вызываетъ протесты со стороны турецкаго правительства; вмѣстѣ съ тѣмъ критское народное собраніе открыто нарушаетъ законныя права мусульманской части населенія, не допуская ея выборныхъ представителей къ участію въ обсужденіи и рѣшеніи общихъ дѣлъ законодательства и управленія, чѣмъ дается поводъ къ основательнымъ протестамъ. Великія державы пока ограничиваются успокоительными дипломатическими совѣтами, заботясь лишь объ одномъ — о предупрежденіи возможныхъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны Турціи. Но турецкія военныя силы заняты въ Албаніи, съ которою имъ не такъ легко справиться, и потому нельзя ожидать, чтобы Порта могла еще предпринять экспедицію противъ Кандіи. А пока, можетъ быть, придумаютъ что-нибудь дипломаты...

ПОГИБАЮЩАЯ РЕФОРМА

Государственному Совѣту предстояло обсудить правила о старообрядцахъ, изданныя, въ 1906-мъ году, въ порядкѣ ст. 87-ой зак. основн., проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ, воспроизводившій ихъ, въ общемъ, безъ существенныхъ измѣненій, и новую редакцію, данную имъ Государственной Думой. Усилія большинства коммиссіи, выбранной Государственнымъ Совѣтомъ, были направлены, прежде всего, къ тому, чтобы исключить изъ законопроекта все введенное въ него Думой съ цѣлью расширенія правъ и свободы дѣйствій старообрядческихъ общинъ; но оно не отступило и передъ ломкою постановленій, вступившихъ въ силу со времени обнародованія указа 17-го октября 1906-го года и дѣйствующихъ, слѣдовательно, уже болѣе трехъ лѣтъ. Въ настоящей замѣткѣ, за недостаткомъ времени и мѣста, мы коснемся только перемѣнъ послѣдняго рода, какъ особенно характерныхъ и наиболѣе затрудняющихъ соглашеніе между Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой.

Какъ въ указѣ 17-го октября, такъ и въ проектахъ министерства внутреннихъ дѣлъ и Государственной Думы, статья объ образованіи старообрядческихъ общинъ не сопровождалась никакой ограничительной оговоркой. Такую оговорку ввело въ проектъ большинство коммиссіи Государственнаго Совѣта, выразивъ ее въ слѣдующихъ словахъ: „дѣйствіе настоящихъ правилъ не распространяется на именующихъ себя старообрядцами послѣдователей вѣроученій и согласій, противныхъ законамъ, ограждающимъ государственный порядокъ и общественную нравственность“. Во время преній не только представитель лѣвой группы (М. А. Стаховичъ), но и нѣкоторые члены центра (кн. А. Д. Оболенскій, А. С. Ермоловъ) указывали на всю опасность административнаго произвола, создаваемаго большинствомъ коммиссіи. Рѣчь М. А. Стаховича была прервана предсѣдателемъ, замѣтившимъ оратору, что онъ говоритъ о старообрядцахъ, тогда какъ въ статьѣ, составленной большинствомъ коммиссіи, рѣчь идетъ объ именующихъ себя старообрядцами. „Я долженъ былъ напомнить вамъ это“—прибавилъ М. Г. Акимовъ,—„чтобы ваша рѣчь была яснѣе“ [1]). Въ защиту спорной статьи указывалось на то, что подъ

[1]) Не думаемъ, чтобы въ составъ обязанностей или правъ предсѣдателя входила забота о ясности рѣчей. Подчеркивать неясность и добиваться ея устраненія—

именемъ старообрядцевъ могутъ выступать секты, на самомъ дѣлѣ не имѣющія ничего общаго съ старообрядчествомъ, и отсутствіе опредѣленной оговорки по этому предмету можетъ вызвать недоразумѣнія, затруднить учрежденія, отъ которыхъ зависитъ регистрація общинъ, оказаться для самихъ старообрядцевъ болѣе вреднымъ, чѣмъ введеніе проектированной статьи. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ доводовъ, стоитъ только вспомнить исторію примѣненія іюльскихъ правилъ 1894-го года, воспретившихъ молитвенныя собранія штундистовъ. Весьма скоро начались попытки распространить ихъ примѣненіе: подъ дѣйствіе ихъ стали подводить баптистовъ, на томъ основаніи, что они только „именуютъ себя“ баптистами, а на самомъ дѣлѣ являются штундистами. Тогда эти попытки встрѣтили противодѣйствіе со стороны Сената; но кому же неизвѣстно, что теперь Сенатъ—далеко не тотъ, какимъ онъ былъ 10-15 лѣтъ тому назадъ? И неужели понятіе объ огражденіи государственнаго порядка и общественной нравственности такъ опредѣленно, такъ ясно, что устраняетъ возможность недоразумѣній, вольныхъ и невольныхъ? На оборотъ, оно открываетъ для нихъ широкій просторъ и, при нынѣшнемъ настроеніи губернскихъ административныхъ присутствій и перваго департамента Сената, легко можетъ привести къ результатамъ, прямо противоположнымъ духу указовъ 17-го апрѣля и 17-го октября. Если въ средѣ старообрядчества есть согласія, съ перваго взгляда представляющіяся опасными для государства, то самое желаніе ихъ легализоваться и существовать открыто свидѣтельствуетъ о готовности ихъ вступить на путь закономѣрной дѣятельности и сообразоваться съ закономѣрными требованіями правительства. Возьмемъ, для примѣра, согласіе странниковъ или бѣгуновъ, отличительная черта которыхъ—игнорированіе государственной власти, уклоненіе отъ какихъ бы то ни было съ нею соприкосновеній; развѣ обращеніе ихъ къ правительственному учрежденію не свидѣтельствовало бы объ отказѣ ихъ отъ взглядовъ, изъ-за которыхъ они считались особенно вредными? Въ проектѣ, принятомъ Государственною Думою, имѣется, притомъ, статья, предоставляющая губернатору предлагать присутствію о закрытіи общины въ случаѣ „обнаруженія въ дѣятельности ея признаковъ преступнаго дѣянія или дѣйствій, коими нарушаются ограждающія нравственность законоположенія“. Неужели это — недостаточная гарантія противъ возможности злоупотребленій? Неужели нельзя, по выраженію Щедрина, „ожидать поступковъ“, неужели необходимо нужно заранѣе соорудить преграду, о которую можетъ разбиться любая

дѣло противниковъ оратора. Онъ въ правѣ возразить имъ, что рѣчь его вполнѣ ясна—а съ предсѣдателемъ вступать въ пререканія нельзя.

старообрядческая община? Правда, въ приведенной нами статьѣ ничего не говорится о „государственномъ порядкѣ"; но это объясняется именно крайнею эластичностью выраженія, стирающаго, при извѣстной долѣ административнаго „усердія", всякую грань между дозволеннымъ и недозволеннымъ.

Указъ 17-го октября и проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ требовали для открытія старообрядческой общины подачи заявленія, подписаннаго не менѣе чѣмъ пятьюдесятью лицами. Государственная Дума уменьшила это число до двѣнадцати. Большинство коммиссіи Государственнаго Совѣта не только возстановило прежнюю цифру, но нашло нужнымъ оговорить, что въ разсчетъ принимаются лишь подписи лицъ *мужескаго пола*. Напрасно многіе члены центра и даже правой (графъ Витте) усиливались доказать, что странно, въ области вѣры, дѣлать различіе между мужчинами и женщинами; большинствомъ 72 голосовъ противъ 61 принята редакція большинства коммиссіи.

Указомъ 17-го октября и проектомъ министерства внутреннихъ дѣлъ старообрядческимъ общинамъ предоставлялось, между прочимъ, учреждать *школы*, безъ всякихъ на этотъ счетъ оговорокъ. Государственная Дума замѣнила этотъ терминъ другимъ, болѣе широкимъ: *просвѣтительныя учрежденія*. Большинство коммиссіи Государственнаго Совѣта замѣнило не только слова: *просвѣтительныя заведенія*, но и слово: *школы* ограничительнымъ выраженіемъ: *низшія ремесленныя учебныя заведенія*. И эта замѣна нашла одобреніе большинства Государственнаго Совѣта, хотя противъ нея возражалъ не только проф. Васильевъ, но и гр. Д. А. Олсуфьевъ. Главнымъ ораторомъ большинства явился, какъ и въ другихъ случаяхъ, П. Н. Дурново, говорившій о „безбрежномъ морѣ" просвѣтительныхъ учрежденій и грозившій, въ случаѣ предоставленія „автономнымъ" старообрядческимъ общинамъ широкихъ правъ, скорымъ „наступленіемъ такихъ послѣдствій, которыхъ никто не предусматриваетъ".

Указъ 17-го октября, министерскій проектъ и проектъ Государственной Думы ничѣмъ не ограничивали право старообрядческихъ общинъ покупать недвижимыя имущества, стоющія менѣе 5.000 рублей, и только при болѣе высокой цѣнности обусловливали покупку Высочайшимъ разрѣшеніемъ. Большинство коммиссіи Государственнаго Совѣта, а затѣмъ и большинство Совѣта нашло нужнымъ поставить покупку имущества, стоющаго менѣе 5.000 рублей, въ зависимость отъ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ указѣ 17-го октября и въ министерскомъ проектѣ имѣлась такая статья: „духовнымъ лицамъ, настоятелямъ и наставникамъ (старообрядцамъ) дозволяется употребленіе церковнаго облаченія, а

также монашескаго и духовнаго одѣяній". Эту статью, въ проектѣ Государственной Думы получившую бо̀льшую опредѣленность, большинство Государственнаго Совѣта (на этотъ разъ не особенно значительное — 65 противъ 59) замѣнило, по предложенію г. Стишинскаго, слѣдующимъ правиломъ, еще болѣе стѣснительнымъ для старообрядцевъ, чѣмъ проектированное большинствомъ коммиссіи: „духовнымъ лицамъ, настоятелямъ и наставникамъ дозволяется употребленіе принятыхъ у старообрядцевъ церковнаго облаченія и духовнаго одѣянія. Употребленіе церковнаго облаченія при богослуженіяхъ и требахъ внѣ храмовъ, молитвенныхъ домовъ и вообще внѣ закрытыхъ помѣщеній, а также за предѣлами церковныхъ оградъ и кладбищъ, не допускается. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется допускать отступленія отъ сего правила для мѣстностей съ сплошнымъ старообрядческимъ населеніемъ". Такъ какъ подобныхъ мѣстностей очень мало—а можетъ быть и вовсе нѣтъ, если понимать подъ именемъ *сплошного* населеніе *исключительно* старообрядческое,—то старообрядческое церковное облаченіе по прежнему должно остаться запретнымъ вездѣ, гдѣ его могутъ увидѣть православные. Другими словами, оно по прежнему будетъ разсматриваться какъ предметъ соблазна для православныхъ. Не думаемъ, чтобы это могло способствовать сближенію искусственно разъединенныхъ элементовъ великорусскаго народа.

Таковы результаты разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ перваго изъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ — именно того, по отношенію къ которому меньше всего можно было ожидать серьезной оппозиціи. Какой свѣтъ они бросаютъ на нашу верхнюю палату—это не требуетъ объясненія. Достойно замѣчанія, что министерство, въ лицѣ одного изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ, одинъ только разъ приняло участіе въ преніяхъ, преимущественно для того, чтобы протестовать противъ измѣненій, внесенныхъ въ законопроектъ Государственной Думой. Вступиться за свои собственныя предположенія оно нашло излишнимъ. Министерскія скамьи оставались пустыми при обсужденіи вопросовъ, существенно важныхъ для многомилліоннаго русскаго населенія.

Въ промежутокъ между днями, посвященными разсмотрѣнію старообрядческаго вопроса, Государственный Совѣтъ закончилъ обсужденіе законопроекта объ обезпеченіи рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ и техническихъ заведеніяхъ министерства финансовъ. Два раза этотъ проектъ, встрѣтившій сильное противодѣйствіе со стороны представителей торговли и промышленности, весь висѣлъ на волоскѣ; переходъ къ постатейному чтенію состоялся лишь благодаря тому, что

въ вечернее, очень малолюдное засѣданіе Совѣта, гдѣ онъ былъ поставленъ на очередь, не явились многіе изъ его противниковъ. Въ засѣданіи 19-го мая они оказались въ достаточномъ числѣ и съ большимъ успѣхомъ повели атаку противъ важнѣйшихъ постановленій законопроекта. Дѣйствіе его, по правительственной и думской редакціи, должно было распространяться на мастеровыхъ, рабочихъ и вольнонаемныхъ служащихъ, при чемъ въ послѣднюю категорію входили конторщики, счетчики, чертежники, браковщики, сторожа, писцы, дворники и т. п., если жалованье ихъ не превышаетъ 1.500 руб. въ годъ. Государственнымъ Совѣтомъ вся эта категорія, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя по своей должности обязаны присутствовать при производствѣ работъ, исключена изъ круга дѣйствій закона. Приняты большинствомъ всѣ поправки, направленныя къ ограниченію правъ рабочихъ, за исключеніемъ лишь одной, оказавшейся непріемлемою даже для нѣкоторыхъ противниковъ законопроекта. Предполагалось лишить неспособныхъ къ труду дѣтей, воспитанниковъ и пріемышей пострадавшаго рабочаго права на пожизненную пенсію. Надъ этими несчастными сжалилось большинство (весьма, впрочемъ, незначительное), и статья, ограждающая ихъ права, осталась въ текстѣ проекта. До какой степени крѣпко сплотилась группа промышленниковъ и ихъ сторонниковъ—видно изъ того, что одинъ изъ немногихъ ораторовъ, выступавшихъ въ защиту думскаго законопроекта (баронъ Икскуль-фонъ-Гильденбандъ) отказался, въ концѣ засѣданія, отъ мотивированія своихъ предложеній, находя, что „объясненія едва ли могутъ помочь дѣлу“. Не помогло дѣлу, осужденному на неудачу, и усердное заступничество товарища министра финансовъ.

Итакъ, вотъ, покамѣсть, итогъ сессіи Государственнаго Совѣта: принятіе, съ одной лишь поправкой, указа 9-го ноября; недопущеніе защиты до начала судебнаго слѣдствія; отклоненіе закона объ условномъ осужденіи; существенное измѣненіе къ худшему законопроектовъ о старообрядческихъ общинахъ и о рабочихъ вѣдомства министерства финансовъ. Къ этому итогу не замедлитъ прибавиться, безъ сомнѣнія, принятіе законопроектовъ о земствѣ въ шести западныхъ губерніяхъ и о такъ называемомъ общеимперскомъ законодательствѣ.

К. Арсеньевъ.

М. А. БАЛАКИРЕВЪ

(21 ноября 1836 — 16 мая 1910.)

Еще новая глубокая рана, нанесенная неумолимой судьбой русскому искусству... Еще новая тяжкая утрата—не стало М. А. Балакирева, угасшаго 16-го мая послѣ долгой и въ послѣдніе дни мучительной болѣзни. Ушелъ въ могилу не только крупный художникъ, большой мастеръ звуковъ,—сошла со сцены цѣлая эпоха, цѣлый законченный періодъ въ исторіи русскаго искусства, порвалось могучее звено чистаго чеканнаго золота, соединявшее наше настоящее съ далекимъ прошлымъ, съ героическимъ періодомъ русской музыки, уже окутаннымъ въ нашихъ глазахъ таинственной дымкой старины.

Музыкальный крестникъ Глинки, память котораго онъ благоговѣйно чтилъ въ теченіе всей своей жизни, рукоположенный имъ въ преемники, М. А. бережно принялъ изъ ослабѣвшихъ рукъ великаго основателя русской музыки дарохранительницу искусства; ученикъ и сынъ его по духу, онъ сталъ учителемъ и духовнымъ отцомъ цѣлаго поколѣнія русскихъ музыкальныхъ художниковъ, продолжателемъ великаго дѣла, начатаго Глинкой, основателемъ и главой новой русской музыкальной школы, произведенія которой, еще недавно служившія мишенью тупыхъ насмѣшекъ и жалкихъ издѣвательствъ, только теперь начинаютъ цѣниться по достоинству широкими слоями не одного русскаго общества, но и болѣе развитой и культурной европейской публики.

Въ этомъ отношеніи историческая заслуга Балакирева огромна: безъ его орлинаго, яснаго взора, безъ его властнаго отеческаго попеченія, безъ его наставнической ферулы и громаднаго художественнаго авторитета, новая русская музыкальная школа врядъ ли стала бы тою, какою мы ее знаемъ теперь. Другъ, учитель и музыкальный совѣтникъ Кюи, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова и Бородина, отчасти Чайковскаго, въ болѣе позднее время—Ляпунова, Глазунова и др., Балакиревъ является однимъ изъ главнѣйшихъ творцовъ и вождей современной русской музыки, прямымъ продолжателемъ и сподвижникомъ М. И. Глинки. Пусть художественная его опека надъ учениками была подчасъ слишкомъ властной и деспотичной, пусть почти всѣ

его музыкальные питомцы поспѣшили выбиться изъ-подъ нея и покинуть своего взыскательнаго учителя, какъ только научились ходить сами, безъ поддержки и указки наставника,—все же вліяніе его на нихъ было громадно и неизгладимо. Вліяніе это свидѣтельствуетъ объ исключительной мощи Балакиревскаго таланта, о выдающейся внутренней силѣ его духовной личности, пробившей себѣ дорогу при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ художественнаго развитія.

Дитя глухой, косной и невѣжественной дореформенной провинціи, почти самоучка въ своемъ искусствѣ, никогда не имѣвшій возможности продѣлать такую систематическую школу, какая была удѣломъ музыкальныхъ геніевъ Запада, Балакиревъ, одаренный отъ природы совершенно исключительными музыкальными способностями, одною силой таланта возмѣстилъ пробѣлы своего музыкальнаго образованія. Пріѣхавъ 19-ти-лѣтнимъ юношей изъ соннаго провинціальнаго захолустья въ Петербургъ (въ 1855 г.), онъ сразу обратилъ на себя вниманіе Глинки и собралъ около себя небольшую численно, но богатую дарованіями семью музыкальныхъ друзей-учениковъ и сверстниковъ, произведенія которыхъ, носящія на себѣ глубокіе слѣды его вліянія, опредѣлили основное содержаніе и направленіе всей нашей новой музыки послѣ-глинкинскаго періода.

Какъ ни велика историческая роль покойнаго музыкальнаго художника, она могла дать и еще больше, какъ ни замѣтны слѣды, проложенные его дѣятельностью въ исторіи нашего искусства, они могли бы быть еще шире и глубже, еслибы общія условія развитія нашей духовной культуры были иныя... Какъ всѣ почти наши замѣчательные люди, Балакиревъ не далъ всего, что могъ и долженъ былъ бы дать по исключительнымъ своимъ дарованіямъ. Его талантъ формировался и складывался въ настоящей музыкальной пустынѣ—глухихъ губернскихъ городахъ дореформенной Россіи (Нижнемъ Новгородѣ и Казани); единственнымъ почти оркестромъ, какой ему приводилось чаще слышать въ юности, былъ крѣпостной деревенскій оркестръ извѣстнаго Улыбышева, давшій ему первое практическое знакомство съ инструментовкой (какъ Глинкѣ—деревенскій оркестръ его дяди). Превосходно одаренный какъ піанистъ, онъ никогда не имѣлъ случая пройти систематическую школу фортепіанной техники, учась игрѣ на фортепіано урывками, у разныхъ случайныхъ учителей: своей матери, зауряднаго провинціальнаго учителя музыки Эйзериха, А. И. Дюбюка (очень недолго), а главнымъ образомъ у самого себя, и лишь изрѣдка совѣтуясь съ какими-нибудь заѣзжими виртуозами, въ родѣ Сеймура Шифа и Ант. Контскаго. То, что европейскимъ музыкантамъ давалось шутя, что они нерѣдко безсознательно воспринимали въ разлитой вокругъ нихъ музыкальной атмосферѣ—азбука ремесла,

механическая сторона искусства—усвоивалось Балакиревымъ случайно, крупицами, и только его исключительная одаренность помогла ему побѣдить тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ другое, менѣе сильное дарованіе завяло бы и зачахло. Но сколько при этомъ было затрачено напраснаго труда, сколько живыхъ силъ ушло на преодолѣніе ненужнаго и досаднаго „тренія"! Изъ талантливаго юноши-самоучки все же вышелъ замѣчательный по тому времени піанистъ. Кто слыхалъ его игру, тотъ никогда не забудетъ внутреннихъ достоинствъ его исполненія, хотя со стороны собственно піанизма и техники въ ней имѣлись извѣстные недочеты, отсутствующіе въ игрѣ любого современнаго вышколеннаго консерваториста-піаниста, недостойнаго даже развязать сапога такого художника Божіей милостью, какимъ былъ съ ногъ до головы покойный. Многочисленныя фортепіанныя произведенія Балакирева (оригинальныя и транскрипціи) свидѣтельствуютъ, какъ хорошо зналъ онъ свой инструментъ, какіе свѣжіе и самобытные (даже послѣ Шопена, Шумана и Листа) звуковые фортепіанные эффекты создавала его богатая фантазія виртуоза, какой великій піанистъ, не уступающій, можетъ быть, Листу, могъ бы выйти изъ него при другихъ условіяхъ музыкальнаго воспитанія и развитія!

То же приходится сказать и о дирижерскомъ дарованіи Балакирева. Великолѣпныя природныя данныя—тонкій музыкальный слухъ, совершенно феноменальная память, удерживавшая въ себѣ во всѣхъ деталяхъ сложнѣйшія оркестровыя партитуры, изысканный вкусъ и тонкое пониманіе исполняемыхъ произведеній—давали право надѣяться, что изъ Балакирева выработается первоклассный художникъ-дирижеръ, въ родѣ Берліоза или Вагнера, въ наши дни—Бюлова, Никиша, Малера. Но печальная русская дѣйствительность дала себя знать и здѣсь: блестяще начатая карьера многообѣщавшаго молодого дирижера была грубо и дико оборвана закулисной интригой, съ вмѣшательствомъ безотвѣтственныхъ властныхъ сферъ, очень мало, какъ водится, понимавшихъ въ дѣлѣ искусства: талантливый, полный силъ и творческихъ замысловъ русскій художникъ былъ безжалостно выброшенъ за бортъ, оторванъ отъ любимаго дѣла и, къ негодованію всѣхъ истинныхъ музыкантовъ, замѣненъ импортированнымъ изъ-за границы ничтожествомъ, имя котораго давно уже сгинуло безъ слѣда въ пучинѣ заслуженнаго забвенія...

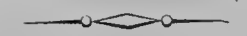
Ударъ былъ разсчитанъ вѣрно. Гордый и самолюбивый, выбитый изъ колеи, безъ какой бы то ни было нравственной поддержки и точки опоры въ мало еще развитомъ тогда музыкальномъ русскомъ обществѣ, кромѣ немногихъ друзей и учениковъ-сподвижниковъ, лишенный возможности сколько-нибудь широкаго и плодотворнаго при-

ложенія своихъ дарованій къ живому художественному дѣлу, обреченный на губительное для художника-композитора даваніе „уроковъ музыки“ съ цѣлью скуднаго пропитанія, Балакиревъ отошелъ отъ всякой общественной музыкальной дѣятельности, ставшей для него невозможной, какъ раненый левъ замкнулся въ гордомъ одиночествѣ и, затаивъ въ своей груди тяжкую боль, на цѣлыхъ десять лѣтъ вычеркнулъ себя изъ списка активныхъ музыкальныхъ дѣятелей. Въ этотъ мрачный и безплодный, въ художественномъ отношеніи, періодъ жизни нашего выдающагося композитора и дирижера, вынужденнаго для куска хлѣба взять службу въ... „магазинномъ управленіи Варшавской желѣзной дороги“, въ его цѣльной и страстной натурѣ произошелъ мало еще ясный біографамъ покойнаго внутренній мучительный переворотъ, который привелъ его къ новому міровоззрѣнію, сложившемуся на почвѣ традиціонной религіи и наложившему глубокій отпечатокъ на всю послѣдующую дѣятельность и личную жизнь художника... По истеченіи этого періода Балакиревъ, правда, мало-по-малу вернулся къ музыкѣ и активной художественной дѣятельности, сталъ снова сочинять, выступать публично въ качествѣ піаниста и дирижера, принялъ мѣсто директора придворной пѣвческой капеллы, но что-то уже надломилось въ его духовномъ существѣ, какая-то глубокая надтреснутость чувствовалась въ немъ, словно нанесенная когда-то рана не хотѣла зажить окончательно и все еще продолжала сочиться драгоцѣнной алой кровью, истекающей изъ самой глубины когда-то здороваго, могучаго сердца... А какимъ пышнымъ цвѣтомъ могъ бы развернуться его блестящій и разносторонній талантъ въ другой, болѣе широкой и свободной общественной средѣ!

И тѣмъ не менѣе этотъ художникъ-автодидактъ, одна изъ безчисленныхъ жертвъ общихъ условій русской жизни, оставилъ намъ драгоцѣнное наслѣдіе въ цѣломъ рядѣ отраслей музыкальнаго творчества. Мы не имѣемъ, конечно, возможности въ краткой замѣткѣ сколько-нибудь полно охарактеризовать наиболѣе выдающіяся отдѣльныя произведенія покойнаго композитора. Укажемъ только, что ему принадлежитъ рядъ превосходныхъ романсовъ (три серіи, относящіяся къ тремъ различнымъ періодамъ его творческой дѣятельности), два отличныхъ сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ, нѣсколько хоровыхъ духовныхъ сочиненій, довольно много сочиненій для оркестра (въ томъ числѣ геніальная музыкальная картина „Тамара“ на Лермонтовское стихотвореніе, двѣ симфоніи, изъ которыхъ наиболѣе выдающаяся—первая, рядъ концертныхъ увертюръ и оркестровыхъ фантазій, полныхъ благородства музыкальной мысли и строгаго изящества фактуры, великолѣпная, совсѣмъ классическая увертюра и антракты къ „Королю Лиру“ Шекспира и др.) и особенно много фортепіанныхъ сочиненій,

образцовыхъ по блестящему и широкому фортепіанному письму, искрящемуся рядомъ остроумныхъ и свѣжихъ звуковыхъ эффектовъ и техническихъ пріемовъ, по выдержанной и законченной внутренней музыкальной разработкѣ, по свѣжести и благоуханной прелести мелодическаго и гармоническаго вдохновенія, по юношеской непосредственности и чистотѣ чувства, поражавшей даже въ послѣднихъ, уже старческихъ произведеніяхъ его творчества. Основныя отличительныя черты всѣхъ этихъ художественныхъ произведеній Балакирева—необыкновенно строгій и требовательный критическій вкусъ, не допускающій ни одного слабаго или менѣе удачнаго мѣста, замѣчательная сдержанность и цѣломудріе лирическаго чувства, при всей его глубинѣ какъ бы боящагося обнаружиться въ страстномъ порывѣ и вынести на мірское торжище святая-святыхъ души художника, возвышенность и серьезность настроенія, дающая себя чувствовать даже въ изображеніи веселья, необыкновенная яркость и правдивость мѣстнаго этнографическаго колорита (славянскаго и восточнаго), рядомъ съ богатымъ, поэтическимъ воображеніемъ и мастерской разносторонней композиторской техникой, прекрасно уравновѣшенной въ ея составныхъ элементахъ: гармонической и контрапунктической разработкѣ, стройности музыкальной формы и колоритности оркестровой одежды, чуждой всякихъ курьезовъ и изысканностей.

С. Буличъ.



ЭЛИЗА ОЖЕШКО

(† 5 мая 1910 г.)

Пятаго мая сошла въ могилу знаменитая польская писательница Элиза Ожешко, яркая представительница польскаго общественнаго идеализма конца XIX-го вѣка, отдавшая общественному служенію всю свою жизнь, все свое неувядающее литературное творчество.

Элиза Ожешко родилась въ 1842-мъ году въ бѣлорусскомъ имѣніи своего отца, Павловскаго. Отецъ ея, высоко образованный человѣкъ, воспитавшійся, какъ это часто бывало въ польской шляхетской средѣ первой половины прошлаго столѣтія, на французскихъ энциклопедистахъ, умеръ рано, но его вліяніе сказалось на его дочери. Подъ руководствомъ своей матери, будущая писательница получила серьезное домашнее образованіе, которое впослѣдствіи, уже замужемъ (замужъ

она вышла чрезвычайно рано—около 16 лѣтъ), восполнила строгими методическими занятіями по разнымъ отраслямъ гуманитарныхъ наукъ, достигнувъ въ нихъ обширныхъ знаній, что сказалось на ея многочисленныхъ статьяхъ по общественнымъ вопросамъ. Первое замужество Элизы Ожешко было неудачное; она развелась со своимъ мужемъ (Ожешко) и вышла вторично за гродненскаго адвоката Нагорнаго. Этими данными исчерпывается внѣшняя біографія польской писательницы, прожившей всю жизнь въ Гроднѣ и Гродненской губерніи, если не считать ея кратковременныхъ отлучекъ въ Варшаву и за границу.

Литературную дѣятельность свою Элиза Ожешко начала въ 1867-мъ году въ журналѣ „Tygodnik Illustrowany", гдѣ помѣщенъ былъ ея первый очеркъ: „Obrazek z lat głodowych" („Картинка изъ голодныхъ лѣтъ"). Время выступленія Элизы Ожешко на литературной сценѣ совпало съ появленіемъ въ польскомъ обществѣ могучаго общественнаго теченія, извѣстнаго подъ названіемъ „органической работы". Оно явилось слѣдствіемъ горькаго разочарованія польской молодежи въ политикѣ вооруженныхъ возстаній. Молодая писательница всецѣло, на всю жизнь, примкнула къ этому теченію. Философской предпосылкой органической работы служилъ позитивизмъ. Въ литературѣ она отразилась упадкомъ романтизма и стремленіемъ къ реализму, въ общественной жизни — разрывомъ съ обветшавшими клерикально-шляхетскими традиціями. Лучшими представителями этого теченія,—впослѣдствіи принявшаго формы весьма сходныя съ русскимъ народничествомъ 70-хъ годовъ,—въ области художественной литературы явились Генрикъ Сенкевичъ (первая половина его литературной дѣятельности), Болеславъ Прусъ и Элиза Ожешко. Въ составѣ этой славной троицы Элиза Ожешко занимала особое, ей одной принадлежащее мѣсто. Уступая въ чистой художественности Генрику Сенкевичу, не обладая глубокимъ юморомъ Болеслава Пруса, Элиза Ожешко выгодно отличалась отъ нихъ обоихъ гармоническимъ сочетаніемъ идеи и чувства, созданіемъ типическихъ образовъ, воплощающихъ авторскую мысль. Тенденція ея произведеній не навязывалась читателю, а органически исходила отъ героевъ ея произведеній, какъ исходитъ свѣтъ отъ источника свѣта. И была еще особенность у Элизы Ожешко, отличавшая ее отъ ея знаменитыхъ товарищей по перу: по изображеннымъ ею типамъ, по мѣсту дѣйствія ея произведеній она была писательницей провинціальной. Лишь немногія ея произведенія характеризуютъ жизнь и сложныя отношенія большого города. Этимъ объясняется та широта захвата жизни, та разнообразная галлерея образовъ, тѣ смѣняющіяся соціальныя и національныя группы, которыя такъ характерны для произведеній Элизы

Ожешко. Она вездѣ чувствовала себя какъ дома, черпая полными руками факты, перерабатывая ихъ въ обобщенія, полныя мужественной силы и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжной, чарующей женственной прелести. „Въ дворцахъ магнатовъ,—говоритъ о ней историкъ новѣйшей польской литературы [1], — въ усадьбахъ мелкой шляхты, въ курныхъ избахъ крестьянъ, въ кабинетахъ ученыхъ и въ еврейскихъ хедерахъ, въ мастерскихъ рабочихъ и въ женскихъ пансіонахъ, въ душахъ древнихъ римлянъ и родныхъ мужиковъ, — вездѣ, гдѣ билось сердце и мысль людская, останавливалась ея душа, не съ любопытствомъ артистки, но съ симпатіей и сочувствіемъ истинной женщины, съ заботливой и напряженной мыслью изслѣдователя-гражданина. Приложивъ ухо къ сердцу своего общества, она воспринимала каждое его движеніе, каждое чувство. Собраніе ея сочиненій въ то же время—подлинная исторія края, особенно излюбленнаго ею нѣманскаго бассейна, — исторія какъ экономической, такъ и умственной жизни всего послѣдняго сорокалѣтія. Ея произведенія — памятникъ польскаго идеализма“.

Вся литературная дѣятельность Элизы Ожешко прошла въ эпоху тяжелой общественной и политической реакціи, которая вдвойнѣ тяжела была въ западномъ краѣ. И польская писательница всю жизнь мучительно чувствовала гнетъ современности. „Въ терновомъ вѣнкѣ ея — говоритъ о ней польская писательница Конопницкая — не было шипа, который не поранилъ бы ея чела, а на крестномъ пути не было камня, который пощадилъ бы стопы ея“. Незадолго до своей смерти Элиза Ожешко въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовала пройденный ею крестный путь польской (увы—не только польской!) литературы: „Мы, польскіе писатели, говоря о множествѣ явленій на землѣ и на небесахъ, въ теченіе всей своей жизни не упоминали ни слова лишь о томъ, что больше всего на свѣтѣ волновало насъ. Мы были вынуждены молчать о нуждахъ, стремленіяхъ и страданіяхъ нашей отчизны. Мы говорили при помощи аллегорій, намековъ, метафоръ, разныхъ искусственныхъ оборотовъ и ухищреній, слова, значеніе которыхъ—недоступное пониманію стражи, приставленной надзирать за нашей рѣчью,—было естественно и понятно широкимъ кругамъ нашего общества. Съ теченіемъ времени среди польскихъ писателей выработалась манера изложенія, похожая на способъ переговоровъ между заключенными: два стука въ стѣну обозначаютъ: „будь остороженъ“, три—„держись стойко“, четыре—„ты ошибаешься“ и т. д. Съ какой пыткой было сопряжено такое проглатываніе собственнаго голоса, часто съ раздирающей силой вы-

[1]) Wilhelm Feldman, „Współczesna literatura polska“, стр. 146 и сл.

вавшагося изъ груди, въ какой мѣрѣ наши голоса, принужденные къ стилистическому и фигуральному акробатизму, лишились художественной и цивилизующей мощи выяснять это было бы слишкомъ долго: можно ли по одной каплѣ судить объ океанѣ горько-соленой воды, въ который мы были погружены?"

Элиза Ожешко умерла въ Гроднѣ, въ томъ самомъ маленькомъ деревянномъ домикѣ, отѣненномъ старыми деревьями, въ которомъ созданы почти всѣ значительныя ея произведенія. У ея могилы сошлись поляки, евреи и бѣлоруссы; другіе народы издали послали прощальный привѣтъ благородному праху ея.

Для русскихъ читателей имя Элизы Ожешко давно уже стало своимъ, роднымъ и дорогимъ. Благодаря многочисленнымъ переводамъ произведенія польской писательницы давно уже вошли въ желѣзный инвентарь всякой библіотеки. Читателямъ „Вѣстника Европы" Элиза Ожешко особенно близка: покойная писательница въ 90-хъ годахъ состояла сотрудницей нашего журнала, присылая въ рукописи свои произведенія для одновременнаго появленія ихъ на польскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ. На страницахъ „Вѣстника Европы" были помѣщены слѣдующія произведенія Элизы Ожешко: „Дикарка" (1893 г., январь—май), „Искра Божія" (1895 г., январь—май) и „Аргонавты" (1899 г., январь—апрѣль).

М. Славинскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1910 г.

— 1809—1909. Гоголевскіе дни въ Москвѣ. Общество любителей россійской словесности. М., 1910.

Во время торжествъ по поводу открытія въ Москвѣ памятника Гоголю, въ Обществѣ любителей россійской словесности возникла мысль издать описаніе гоголевскихъ дней въ видѣ особой книжки. „Къ этому побуждало — говорится въ предисловіи ея — естественное желаніе закрѣпить слѣды нашего національнаго праздника, на который съ такимъ горячимъ сочувствіемъ откликнулась не только Россія, но и западно-европейскій и славянскій культурный міръ; съ другой стороны огромное количество депутацій дало возможность выслушать въ

теченіе трехъ дней праздника не болѣе десятой части всѣхъ привѣтствій, адресовъ и телеграммъ; было бы крайне нежелательно и ненормально оставить неоглашеннымъ въ архивѣ Общества любителей россійской словесности огромное большинство полученныхъ поздравленій и откликовъ". Изданный по этимъ соображеніямъ сборникъ заключаетъ въ себѣ: 1) отчетъ гоголевской коммиссіи при Обществѣ, 2) общее описаніе торжествъ, въ обоихъ ихъ фазисахъ (20-е марта—столѣтіе рожденій Гоголя; 26, 27 и 28 апрѣля — чествованія, связанныя съ открытіемъ памятника), 3) тексты рѣчей, адресовъ и привѣтствій и 4) списки лицъ и учрежденій, приславшихъ телеграммы и возложившихъ вѣнки на памятникъ.

Наибольшій интересъ въ настоящемъ сборникѣ вызываетъ, конечно, воспроизведеніе разсѣянныхъ въ свое время въ газетахъ, притомъ большею частью въ неполномъ видѣ, рѣчей о Гоголѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были плодомъ долгаго и любовнаго изученія Гоголя (напр. рѣчь проф. Д. Багалѣя: „Эволюція художественнаго творчества Гоголя"); другія рѣчи интересны, какъ откликъ выдающихся людей, работающихъ не въ области литературы, но чувствующихъ и въ своей сферѣ тяготѣніе къ великому писателю (рѣчи С. Муромцева, кн. Евг. Трубецкого и др.). Сборникъ, однако, не есть полная исторія гоголевскихъ дней 1909-го года, какъ можно подумать по заглавію, а даетъ лишь картину непосредственнаго участія въ нихъ Общества любителей россійской словесности. Здѣсь нѣтъ, напр., отчета о дѣятельности комитета по сооруженію памятника Гоголю, что было бы особенно интересно въ виду извѣстныхъ споровъ о художественномъ значеніи созданія Н. А. Андреева (кстати сказать—приложенный къ книгѣ снимокъ съ памятника далеко нельзя назвать удачнымъ). Есть пропуски и въ матеріалѣ, имѣющемъ непосредственное отношеніе къ Обществу любителей россійской словесности. Такъ, не напечатаны въ полномъ видѣ рѣчь академика А. Н. Веселовскаго на тему „Гоголь за работой" и рѣчь Вл. И. Немировича-Данченко о Гоголѣ, какъ драматургѣ. За то полностью напечатана рѣчь г. Валерія Брюсова, вызвавшая своимъ парадоксальнымъ и претенціознымъ тономъ шумный протестъ части публики: эта рѣчь уже была напечатана въ журналѣ „Вѣсы" и отдѣльно, и въ печати кажется не весьма убѣдительною.

Можно пожалѣть, что матеріалы о гоголевскихъ дняхъ не собраны въ болѣе широкомъ масштабѣ: сводъ газетныхъ и журнальныхъ статей о Гоголѣ въ гоголевскіе дни, о памятникѣ и о чествованіяхъ Гоголя по всей Россіи былъ бы цѣннымъ добавленіемъ къ изданію Общества любителей россійской словесности. Но и въ теперешнемъ видѣ сборникъ даетъ довольно много матеріала для сужденія о томъ, что цѣнили въ Гоголѣ и какъ понимали его чрезъ сто лѣтъ по рожденіи его рус-

скіе люди, западные славяне и даже иностранцы (въ лицѣ Вогюэ, Леже, Брандеса и др.).

— Академическая библіотека русскихъ писателей. Выпускъ 2-й. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ I. Изданіе разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.

Въ прошломъ году разрядъ изящной словесности Академіи Наукъ приступилъ къ работѣ высокой важности—къ изданію собраній сочиненій русскихъ авторовъ, которое соединяло бы общедоступность съ полною научною цѣнностью. Первымъ опытомъ было изданіе въ одномъ томѣ сочиненій Кольцова, имѣвшее огромный успѣхъ: первое изданіе, въ количествѣ 15 тысячъ экземпляровъ, разошлось меньше чѣмъ въ мѣсяцъ, второе, въ нѣсколько увеличенномъ количествѣ—въ пять мѣсяцевъ. Благодаря денежной поддержкѣ нѣкоторыхъ меценатовъ, разрядъ находится въ особо благопріятныхъ условіяхъ въ матеріальномъ отношеніи и имѣетъ возможность выпускать свои изданія по баснословно дешевой цѣнѣ. Важнѣйшею задачею „академической библіотеки" признается установленіе текста издаваемаго автора; необходимыми признаны, затѣмъ, біографія и литературная характеристика его, а также рядъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ былъ бы исчерпанъ существующій въ литературѣ предмета матеріалъ, важный для всесторонняго изученія разсматриваемаго автора. Сочиненія Лермонтова, первый томъ которыхъ составилъ второй выпускъ „академической библіотеки", выходятъ подъ редакціею и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамовича и будутъ распредѣлены въ пяти томахъ слѣдующимъ образомъ: два первыхъ тома—стихотворенія Лермонтова, третій томъ — его драмы, четвертый—проза, пятый—переписка и вводныя статьи (біографія и пр.). Въ составъ перваго тома вошли юношескія стихотворенія Лермонтова (лирическія и поэмы), 1828—1831 г.г. „Среди юношескихъ произведеній Лермонтова — говоритъ редакторъ, — немало очень слабыхъ въ художественномъ отношеніи; за то передъ вдумчивымъ читателемъ развертывается полная картина постепеннаго роста и развитія таланта и души поэта со всѣми его стремленіями, исканіями и бурей тягостныхъ сомнѣній. Много также цѣннаго матеріала даютъ эти юношескія произведенія для біографіи Лермонтова. Еще Бѣлинскій замѣтилъ, что когда дѣло идетъ о такомъ поэтѣ, каждая строка, написанная его рукою, принадлежитъ потомству и должна быть сохранена для него". Работа г. Абрамовича, какъ редактора, производитъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Текстъ Лермонтова дается въ „академической библіотекѣ" провѣреннымъ по автографамъ или—когда таковыхъ отыскать не удавалось—по копіямъ, заслуживающимъ наиболь-

шаго довѣрія. Какъ видно изъ примѣчаній, эта кропотливая и отвѣтственная работа свѣрки текста исполнена по различнѣйшимъ собраніямъ рукописей Лермонтова, при чемъ въ первомъ же томѣ редактору удалось дать нѣсколько неизвѣстныхъ раньше вещей поэта: два стихотворенія—„Черны очи" и „Къ *** („Когда твой другъ съ пророческой тоскою") и двѣ поэмы—„Двѣ невольницы" и „Послѣдній сынъ вольности". Это послѣднее произведеніе написано стихомъ, впослѣдствіи съ такимъ блескомъ развернутымъ въ „Мцыри". Предметъ его—столь популярный у писателей конца XVIII и начала XIX вѣка образъ полулегендарнаго Вадима Новгородскаго—говоритъ о раннемъ пробужденіи въ Лермонтовѣ общественно-политическихъ интересовъ и симпатій къ историческимъ и народно-бытовымъ сюжетамъ. Желая успѣшнаго продолженія и окончанія почтеннаго труда г. Абрамовича, отмѣтимъ еще великолѣпно исполненные портреты, виды и факсимиле рукописей поэта.

— В. Чарнолусскій. Частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія. Спб., 1910. Ц. 1 рубль.

Составитель цѣлой серіи разнообразныхъ и очень полезныхъ справочниковъ по народному образованію, В. И. Чарнолусскій въ настоящемъ очеркѣ, изображающемъ характеръ, задачи и организацію частныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, идетъ на встрѣчу возникающимъ въ жизни этихъ учрежденій общимъ вопросамъ и потребности оріентироваться въ общей совокупности частнаго просвѣтительнаго почина. Составитель справедливо полагаетъ, что центръ творческой общественной работы въ области народнаго образованія не можетъ оставаться всецѣло въ органахъ самоуправленія, которые переростаетъ жизнь. Въ ближайшемъ будущемъ болѣе гибкимъ и независимымъ свободнымъ просвѣтительнымъ организаціямъ предстоитъ огромная и въ высшей степени важная роль, дополняющая работу государства и мѣстнаго самоуправленія. Книга является первымъ въ своемъ родѣ общимъ обзоромъ и оцѣнкой формъ частной иниціативы. Въ началѣ разсмотрѣны имѣющія на Западѣ громадную литературу и богатый опытъ профессіональныя и кооперативныя организаціи, у насъ едва еще возникающія. Успѣшно, повидимому, начинаютъ работать организаціи кооперативнаго характера—общества самообразованія, библіотечныя общества, курсы и школы того же типа, наконецъ клубы (авторъ считаетъ возможнымъ опредѣленно констатировать, что „въ послѣдніе годы рядомъ съ пошлымъ клубомъ старой Россіи все болѣе растетъ культурный клубъ новой, молодой Россіи"). Еще болѣе распространены всевозможныя полублаготворительныя

общества школьнаго и внѣшкольнаго образованія. Читатель найдетъ въ книгѣ общія характеристики научныхъ и спеціальныхъ обществъ (педагогическихъ, мѣстныхъ любителей природы и пр.), обществъ благоустройства мѣстностей, обществъ избирателей и обывателей, обществъ задающихся содѣйствіемъ физическому развитію, благотворительныхъ обществъ, національныхъ и религіозныхъ просвѣтительныхъ организацій. Затронуты, наконецъ, роль политическихъ партій, а также вопросъ объ объединеніи дѣятельности свободныхъ общественныхъ просвѣтительныхъ организацій, что̀, съ трудомъ преодолѣвая существующія стѣсненія частной иниціативы, взяла на себя лига образованія. Масса вопросовъ, поднятыхъ книгою, даетъ ей характеръ слишкомъ общаго обзора, недостаточно иллюстрированнаго конкретными примѣрами. Но и въ такомъ видѣ книга несомнѣнно заинтересуетъ каждаго практическаго работника въ данной области. Для будущаго изданія ея пожелаемъ дополненія ея обильными конкретными иллюстраціями, а также важнѣйшими справочными указаніями, гдѣ найти необходимые для начала работы уставы, инструкціи, какъ приступать къ открытію частныхъ просвѣтительныхъ учрежденій и т. п.—Ч. В—скій.

— Труды В. Г. Васильевскаго. — Томъ первый и томъ второй, выпускъ первый. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, 1908—1909 г.

Выполняя долгъ достойнаго поминовенія своего почившаго сочлена, Академія Наукъ предприняла изданіе собранія сочиненій извѣстнаго русскаго византиниста и медіэвиста В. Г. Васильевскаго. Появлявшіяся въ спеціальныхъ органахъ на протяженіи многихъ лѣтъ работы покойнаго академика до сихъ поръ не утратили своего значенія; съ ними серьезно приходится считаться какъ спеціалистамъ по западно-европейскому и византійскому средневѣковью, такъ и изслѣдователямъ началъ русской исторіи. Въ первую очередь поставлено переизданіе именно тѣхъ трудовъ Васильевскаго, которые имѣютъ предметомъ исторію Византіи и ея отношеній къ Россіи и славянамъ. Первый томъ „Трудовъ“ содержитъ въ себѣ обширныя статьи: „Византія и Печенѣги“, „Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI-го и XII-го вѣковъ“ и полемическую замѣтку-отвѣтъ Д. И. Иловайскому. Въ статьѣ „Византія и Печенѣги“ ярко выражены типичныя черты ученыхъ работъ Васильевскаго. Тонкій критическій анализъ и углубленное изслѣдованіе первоисточниковъ приводятъ его здѣсь къ постановкѣ основныхъ вопросовъ бурной и сложной исторіи Византійской имперіи. Время натиска на Византію печенѣжскихъ ордъ, гонимыхъ изъ русскихъ степей половецкими пол-

чищами, совпадаетъ съ эпохой большого передвиженія тюркскихъ племенъ, подступавшихъ къ восточнымъ предѣламъ имперіи. Въ то же время неспокойно было и на югѣ Италіи, гдѣ засѣли норманны. Моментъ былъ критическій. Положеніе еще болѣе запуталось, когда въ дѣла Востока вмѣшался Западъ и на сцену явились папскіе легаты, правительственные послы, полчища пилигримовъ и, наконецъ, шайки подонковъ общества—всякихъ „неимущихъ" и „пустынниковъ"—словомъ, когда начались крестовые походы. Васильевскій, занявшись спеціально исторіей печенѣжскаго движенія, ведетъ свое изложеніе на общемъ фонѣ совершавшихся событій и даетъ цѣлый рядъ мастерскихъ характеристикъ и интересныхъ детальныхъ указаній. Въ результатѣ получается колоритная картина внутренней и внѣшней жизни Византійской имперіи въ эпоху катастрофъ, когда претенціозно-величавыя мечты уступали мѣсто страхамъ передъ грозной „восточной опасностью" и всѣ упованія возлагались на спасительную помощь феодальнаго Запада. За послѣднее время изслѣдователи обратили вниманіе на связь крестовыхъ походовъ съ общимъ колонизаціоннымъ движеніемъ на Западъ; миграціи восточныхъ народовъ съ кроваво-мрачнымъ эпилогомъ печенѣжскаго передвиженія, прекрасно выяснены Васильевскимъ. Вторая статья перваго тома посвящена вопросу о варяго-русской и варяго-англійской дружинахъ въ Константинополѣ XI-го и XII-го в.в. Этотъ спеціальный этюдъ представляетъ большой интересъ для раннихъ періодовъ русской исторіи, такъ какъ существенно касается знаменитаго вопроса о призваніи варяговъ. Особенно цѣннымъ является у Васильевскаго привлеченіе данныхъ исландскихъ сагъ. Если многое въ аргументаціи покойнаго ученаго и устарѣло, въ виду новѣйшихъ открытій въ области древне-скандинавской литературы (какъ это вездѣ указывается, въ соотвѣтствующихъ примѣчаніяхъ, однимъ изъ членовъ редакціонной коммиссіи проф. Брауномъ), то все же основная мысль его о необходимости интенсивнаго использованія сѣверныхъ источниковъ остается вполнѣ правильною. Въ „варяжскомъ вопросѣ" Васильевскій является „норманнистомъ" и свою точку зрѣнія развиваетъ въ рядѣ статей, между прочимъ — въ остроумномъ полемическомъ отвѣтѣ главному противнику норманнской теоріи, Д. И. Иловайскому.

Въ первомъ выпускѣ второго тома помѣщено пять этюдовъ, объединенныхъ общимъ заглавіемъ: „Русско-Византійскіе отрывки". Въ первомъ изъ этюдовъ: „Два письма византійскаго императора Михаила VII Дуки къ Всеволоду Ярославичу", Васильевскій ярко проявляетъ свой критическій талантъ и свою громадную эрудицію; путемъ пристальнаго разсмотрѣнія всѣхъ дошедшихъ до насъ источниковъ онъ приходитъ къ отрицанію высказаннаго въ западной литературѣ предположенія, что

письма Михаила VII адресованы были къ норманнскому завоевателю Роберту Гвискару, и убѣдительно доказываетъ, что корреспонденція была направлена къ русскому князю Всеволоду, отцу Владиміра Мономаха. Здѣсь также данъ обстоятельный очеркъ событій, приведшихъ къ этой замѣчательной перепискѣ. Въ письмахъ Михаила, помимо ихъ непосредственнаго фактическаго интереса, весьма любопытно отраженіе политическихъ теорій и преданій, опредѣлявшихъ отношенія имперіи къ другимъ государствамъ, въ данномъ случаѣ—къ русскому. Другая статья посвящена разбору историческихъ извѣстій о путешествіи апостола Андрея по сѣвернымъ берегамъ Понта и апокрифическихъ сказаній о „хожденіяхъ“ его. Отрывокъ подъ лаконичнымъ заглавіемъ: „Къ исторіи 976—986 годовъ“ бросаетъ свѣтъ на внутреннее положеніе и внѣшнія отношенія Византіи во время правленія Василія II Болгаробойцы; въ качествѣ источниковъ привлечены неиспользованные раньше матеріалы. Для обще-славянской и русской исторіи представляютъ интересъ обширные экскурсы, касающіеся болгарскихъ дѣлъ и отношеній Владиміра Св. къ Византіи передъ крещеніемъ. Наконецъ, прямо къ русской исторіи относится этюдъ о запискѣ греческаго топарха. Этотъ теперь хорошо извѣстный и немало изслѣдованный документъ (его касаются, между прочимъ, труды Ф. Вестберга и Ѳ. И. Успенскаго) въ статьѣ Васильевскаго получилъ новое освѣщеніе.

Изъ бѣглаго перечня статей видно, какъ богато и разнообразно содержаніемъ собраніе сочиненій Васильевскаго. И тѣмъ болѣе цѣнно предпріятіе Академіи Наукъ, что пора снова напомнить русской наукѣ и русскому обществу о византійской исторіи. Вѣдь еще недавно было время, когда Россія считалась центромъ изученія Византіи и труды Васильевскаго и Успенскаго давали тонъ. Теперь расцвѣтъ византологіи на Западѣ—во Франціи, Англіи и Германіи, а у насъ лишь великолѣпныя изданія Константинопольскаго Археологическаго Института, руководимаго дѣятельнымъ Ѳ. И. Успенскимъ, да академическій органъ: „Византійскій Временникъ“ не даютъ заглохнуть едва теплящимся „византійскимъ интересамъ“.—И. Бороздинъ.

— Проф. Эрнстъ Бернгеймъ. Философія исторіи, ея исторія и задачи. Пер. съ нѣм. прив.-доц. Рождественскаго. М., 1910.

Настоящая книга представляетъ переводъ одного изъ отдѣловъ труда Бернгейма: „Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie“. Подобно другимъ работамъ Бернгейма (изъ которыхъ на русскій языкъ переведено его „Введеніе въ историческую науку“), названная выше книга содержитъ историческій очеркъ

данной научной дисциплины и ея разборъ, съ обильными указаніями литературы. Выраженіе: philosophie de l'histoire употребилъ впервые Вольтеръ, но въ сущности начало философско-историческихъ системъ относится еще къ самому раннему средневѣковью, когда бл. Августинъ изображалъ всемірную исторію какъ побѣдоносное распространеніе христіанства и торжество церкви надъ царствомъ дьявола. Въ работахъ Вико, Руссо, Вольтера и другихъ проводилась болѣе плодотворная, свѣтская точка зрѣнія, достигшая замѣчательнаго развитія у Гердера: онъ становилъ, что развитіе идетъ по направленію къ общечеловѣческому, къ гуманности. Въ дальнѣйшемъ намѣтились, по Бернгейму, два главныхъ теченія: идеалистическое (Кантъ и въ особенности Гегель), пытавшееся построить исторію дедуктивно, не безъ насилія надъ конкретнымъ матеріаломъ, и другое, которое Бернгеймъ не совсѣмъ удачно называетъ „соціалистически-естественно-научнымъ", такъ какъ оно интересуется главнымъ образомъ реальными силами, дѣйствующими въ обществѣ, удѣляя особенное вниманіе народной массѣ. Эта точка зрѣнія намѣчена уже Кондорсэ, но систематическую разработку она получила у О. Конта, давшаго „концепцію типическихъ измѣненій соціальнаго развитія въ теченіи культурныхъ эпохъ, солидарно обусловленныхъ во всѣхъ областяхъ опредѣленной стадіей развитія мышленія". У Бокля это воззрѣніе приняло очень односторонній характеръ: интеллектъ былъ признанъ единственнымъ опредѣляющимъ факторомъ историческаго развитія. Взгляды Конта оказали вообще огромное вліяніе на послѣдующихъ мыслителей, изъ которыхъ иные (напр. Лампрехтъ) болѣе или менѣе независимо приходили къ тѣмъ же воззрѣніямъ. Ученіе Дарвина не осталось безъ вліянія на развитіе философіи исторіи, хотя въ сущности біологическіе законы, по мнѣнію Бернгейма, „не имѣютъ прямого примѣненія къ дѣятельности людей, какъ соціальныхъ существъ". Бернгеймъ почему-то не высказываетъ своего отношенія къ органической теоріи общества, но довольно подробно критикуетъ экономическій матеріализмъ. Онъ справедливо полагаетъ, что въ этомъ послѣднемъ одна изъ сторонъ человѣческой дѣятельности, матеріально-экономическая, „гипостазируется въ качествѣ самостоятельной дѣйствующей силы и выставляется какъ основная причина всего соціальнаго развитія". Дальнѣйшая задача философіи исторіи лежитъ въ преодолѣніи этой односторонности. Содержательный очеркъ философско-историческихъ системъ, составляющій первую часть книги Бернгейма, вызываетъ, однако, нѣкоторое недоумѣніе, такъ какъ авторъ здѣсь касается, въ большинствѣ случаевъ, тѣхъ теорій, которыя обычно относятся къ области соціологіи. Вообще, самое право философіи исторіи на существованіе въ качествѣ отдѣльной научной дисциплины подвергается серьезнымъ

сомнѣніямъ. Такъ, по словамъ М. М. Ковалевскаго, „познакомившись съ любой доктриной философіи исторіи, мы увидимъ, что она или теологическаго, или метафизическаго характера“, т.-е. представляетъ до-научную стадію соціальнаго познанія. Того же мнѣнія держится П. Н. Милюковъ, въ предисловіи къ „Очеркамъ по исторіи русской культуры“. Вторая часть книги Бернгейма имѣетъ цѣлью отстоять raison d'être философіи исторіи. По его мнѣнію, „философія исторіи есть прежде всего философія“, а задачей ея является „выясненіе принциповъ исторіи, т.-е. общихъ причинъ, основныхъ условій и процессовъ, на которыхъ покоятся съ одной стороны, теченіе и связь историческихъ событій, съ другой—ихъ познаніе“. Въ дальнѣйшемъ Бернгеймъ поясняетъ, что надо различать *матеріальную* философію исторіи отъ *формальной*: первая изслѣдуетъ факторы и результаты историческаго процесса, вторая занимается возможностью и границами познанія смысла историческаго процесса, а также методами его изученія. Доказалъ ли Бернгеймъ необходимость философіи исторіи—это вопросъ спорный; но во всякомъ случаѣ его книга, подводящая итоги работѣ цѣлаго столѣтія, очень полезна и заслуживаетъ вниманія читателей. Можно пожалѣть, что переводчикъ не указалъ, какія изъ упоминаемыхъ Бернгеймомъ сочиненій переведены на русскій языкъ, и не добавилъ русской библіографіи по философіи исторіи.—М. А—въ.

— Проф. И. Х. Озеровъ. Основы финансовой науки. Изд. 3-ье, дополненное. Вып. I и II. Москва, 1909—1910 (Имп. Академіей наукъ удостоено преміи С. А. Грейга).

„Не съ осужденіемъ или порицаніемъ мы должны вступить въ область финансовой науки, а холодно и безпристрастно. Не воскурять ѳиміамъ передъ той или другой формой и обдавать презрѣніемъ другія—наша задача, а изслѣдовать, что̀ есть и почему“. Этими словами проф. И. Х. Озеровъ начинаетъ свой курсъ финансовой науки, и прибавляетъ далѣе: „не вырабатывать финансовые рецепты мы призваны въ храмѣ наукъ, а установить закономѣрность явленій... Разъ наука найдетъ эмпирическіе законы, управляющіе смѣной формъ финансоваго хозяйства, она вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ намъ и матеріалъ для обсужденія нашихъ идеаловъ въ области финансовой политики“. Сообразно съ этимъ взглядомъ каждый институтъ финансоваго хозяйства разсматривается авторомъ какъ продуктъ борьбы различныхъ соціальныхъ группъ; изъ столкновенія разнообразныхъ интересовъ этихъ группъ получается тотъ или иной результатъ, въ видѣ положительнаго права. Отсюда ясно, что курсъ проф. Озерова стоитъ весьма

далеко отъ такъ называемаго чисто догматическаго направленія, все сводящаго къ конструкціи отдѣльныхъ видовъ налоговъ, съ искусственно присоединеннымъ къ ней краткимъ историческимъ введеніемъ. Еще болѣе онъ далекъ отъ тѣхъ курсовъ, гдѣ измѣненія въ характерѣ обложенія объясняются интересами общаго блага или справедливости, а центръ тяжести заключается въ абстрактной оцѣнкѣ различныхъ финансовыхъ институтовъ съ точки зрѣнія ихъ пригодности, независимо отъ условій времени и мѣста, и въ указаніи желательныхъ реформъ. На протяженіи своего двухтомнаго труда авторъ послѣдовательно стремится къ цѣли, которую онъ поставилъ себѣ въ первыхъ главахъ. Такъ напр., въ противоположность обычному изложенію реальныхъ и личныхъ налоговъ, какъ двухъ рѣзко отличныхъ другъ отъ друга системъ обложенія, авторъ старается выяснить, какъ и при какихъ условіяхъ совершается постепенный переходъ отъ реальнаго обложенія къ личному, какъ видоизмѣняются отдѣльныя черты реальнаго обложенія — вычисленіе налога по внѣшнимъ признакамъ, обложеніе отдѣльныхъ парцеллъ дохода, пропорціональность обложенія, отсутствіе вычета долговъ и т. д., — и реальные налоги постепенно впитываютъ въ себя различныя свойства личнаго обложенія, приближаясь все болѣе и болѣе къ личному налогу въ его чистой формѣ. Точно также, изучая налоги на потребленіе, проф. Озеровъ показываетъ, какъ, съ развитіемъ техники и концентраціи производства, учетъ предполагаемаго количества по внѣшнимъ признакамъ—по работоспособности аппаратовъ, чановъ, по количеству матеріала — уступаетъ мѣсто учету готоваго продукта сахара, табаку, спирта и т. п. Говоря объ отдѣльныхъ видахъ налоговъ—поземельномъ, подомовомъ, промысловомъ и т. д.,—авторъ и здѣсь ставитъ на первый планъ выясненіе эволюціи даннаго налога, установленіе формъ, которыя онъ проходитъ въ своемъ развитіи, и факторовъ, измѣняющихъ его въ данномъ направленіи. На такой канвѣ вырисовываются, затѣмъ, положительныя свѣдѣнія относительно организаціи обложенія и вообще финансоваго хозяйства въ различныя эпохи и въ различныхъ странахъ. Авторъ подробно разбираетъ отдѣльные виды государственныхъ налоговъ, бюджетъ, формы взиманія, мѣстные финансы, государственный кредитъ въ Европѣ и Америкѣ, нерѣдко останавливаясь и на Австраліи, съ ея новыми, демократическими формами обложенія. Особенно обстоятельно онъ выясняетъ финансовую структуру Россіи. Но, сообщая весьма обильный матеріалъ, онъ всегда разсматриваетъ его лишь какъ подкрѣпленіе, какъ иллюстрацію основныхъ его положеній; факты позволяютъ ему сдѣлать тѣ или иные выводы относительно характера даннаго финансоваго института.

Для осуществленія той широкой задачи, которую себѣ поставилъ

авторъ, нельзя было ограничиться тѣми данными, которыя обычно входятъ въ курсы финансовой науки. Причины, которыми вызываются институты финансоваго права, какъ и вліяніе послѣднихъ на различныя стороны жизни, нерѣдко весьма далеки отъ проблемъ чисто финансовыхъ. Въ особенности такъ называемую практическую политическую экономію автору пришлось въ значительныхъ размѣрахъ включить въ область своего изслѣдованія. На каждомъ шагу онъ затрагиваетъ вопросы экономіи сельскаго хозяйства и промышленности, торговую и таможенную политику, вопросы денежнаго обращенія, желѣзнодорожнаго хозяйства и многое другое. И можно ли, напр., понять дѣятельность государства въ области международнаго хозяйства, не касаясь желѣзнодорожныхъ тарифовъ, желѣзнодорожныхъ синдикатовъ, характера постройки желѣзныхъ дорогъ? Можно ли уяснить себѣ развитіе промысловаго обложенія, оставляя въ сторонѣ появленіе новыхъ формъ въ области розничной торговли, распространеніе акціонерной формы предпріятія? Включивъ въ свой курсъ всѣ эти и многія другія проблемы, авторъ значительно расширилъ объемъ его, но зато онъ и увеличилъ цѣнность своего труда.

Въ сочиненіи И. Х. Озерова имѣются, несомнѣнно, и недостатки: повторенія, неравномѣрность въ изложеніи, иногда шероховатость слога. Нельзя согласиться и съ такимъ пріемомъ, какъ отказъ отъ всякаго дѣленія налоговъ на группы: классификацію ихъ на прямые и косвенные авторъ считаетъ неудачной, но какую-либо иную отказывается дать. При обширныхъ размѣрахъ курса, при обиліи матеріала и новизнѣ принятаго авторомъ метода изслѣдованія избѣжать такихъ недостатковъ было трудно. Сочиненіе его можно рекомендовать вниманію всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ сознательно отнестись къ окружающей дѣйствительности.—І. Кулишеръ.

— З. С. Каценеленбаумъ. Меліораціи, меліоративныя товарищества и меліоративный кредитъ въ Россіи. М., 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Названная работа представляетъ собою въ русской литературѣ первый опытъ всесторонняго и систематическаго изложенія вопроса о меліораціяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и о меліоративномъ кредитѣ. Авторъ строго отграничиваетъ меліорацію и меліоративный кредитъ отъ другихъ видовъ сельскохозяйственныхъ улучшеній и сельскохозяйственнаго кредита, чего не дѣлаетъ большинство другихъ русскихъ писателей по этому вопросу. Излагая, далѣе, вопросы теоріи и практики меліоративнаго дѣла, авторъ не ограничивается русскими данными и въ первой главѣ своего труда даетъ сжатый, но достаточно отчетливый очеркъ меліоративнаго дѣла за границей, гдѣ оно пріобрѣло болѣе

правильную постановку, чѣмъ у насъ. Перейдя къ Россіи, онъ не только использовалъ матеріалы, имѣющіеся въ общей литературѣ, но собралъ много данныхъ, относящихся къ меліоративному дѣлу, изъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій. Благодаря обилію такого рода матеріала, въ названномъ трудѣ едва-ли не впервые мы находимъ обстоятельную характеристику дѣятельности въ меліоративномъ дѣлѣ, обнаруженной правительствомъ, земствами и частной инціативой. Дѣятельность правительства по части улучшенія земель, поскольку она выходила за предѣлы земель казенныхъ и удѣльныхъ, проявлялась главнымъ образомъ на частновладѣльческихъ земляхъ и носила характеръ подачекъ крупнымъ владѣльцамъ. Земская дѣятельность на крестьянскія земли распространялась нѣсколько болѣе, но за то представляется вообще очень ограниченной. На Западѣ большинство меліорацій произведено общинами и товариществами, чему способствуетъ тамъ меліоративное законодательство; наше законодательство не даетъ благопріятной почвы для такой дѣятельности. И у насъ, однако, меліораціи, производившіяся на крестьянскихъ земляхъ, осуществлялись преимущественно общинами; но въ условіяхъ россійской дѣйствительности крестьянскія общины, какъ и наши сельскіе кооперативы, выдающіе иногда ссуды на меліораціи, крайне стѣснены въ средствахъ и безпомощны въ дѣлѣ производства техническихъ работъ, почему такія работы и не могли получить широкаго распространенія. Община во многихъ случаяхъ не можетъ замѣнить меліоративнаго товарищества, когда, напр., необходимо регулировать отношенія цѣлаго ряда сосѣднихъ сельскихъ обществъ и частныхъ владѣльцевъ. Русское законодательство о меліоративномъ кредитѣ совершенно неудовлетворительно; авторъ въ послѣднихъ главахъ даетъ обстоятельную его критику. Излишнимъ въ книгѣ является подробное изложеніе доводовъ за необходимость меліорацій для русскаго сельскаго хозяйства; эти доводы, притомъ, имѣютъ въ значительной степени односторонній характеръ и переносятъ вопросъ въ иную, чѣмъ слѣдуетъ, плоскость. Нельзя, напр., упадокъ крестьянскаго хозяйства объяснять уменьшеніемъ луговъ въ надѣльномъ землепользованіи: это обстоятельство само по себѣ является не причиной, а результатомъ растущаго крестьянскаго малоземелья. Нельзя обусловливать имъ, какъ то дѣлаетъ нашъ авторъ, необходимость меліорацій въ видахъ увеличенія крестьянскаго землепользованія. Къ рѣшенію земельнаго вопроса, по крайней мѣрѣ при современномъ его положеніи у насъ, меліораціи не имѣютъ никакого отношенія. Необходимость ихъ коренится въ естественно-историческихъ условіяхъ сельскаго хозяйства: онѣ нужны постольку, поскольку земледѣльцу приходится считаться съ стихійными силами природы.

Въ общемъ книга г. Каценеленбаума даетъ исчерпывающее представленіе о предметѣ, написана ясно и толково; ее вполнѣ можно рекомендовать всякому интересующемуся вопросами меліоративнаго дѣла.—Сем. Масловъ.

— P. Chasles.—Le parlement russe. Son organisation. Ses rapports avec l'Empereur. Avec une préface de Anatole Leroy-Beaulieu. Парижъ, 1910.

„Россія теперь имѣетъ парламентъ": такими словами открываетъ извѣстный авторъ „L'Empire des tsars et les Russes" свое изящное и краснорѣчивое предисловіе къ рекомендуемой имъ работѣ Шаля, посвященной новому государственному строю Россіи. По мнѣнію Леруа-Больё, конституція въ Россіи существуетъ и дѣйствуетъ съ извѣстной правильностью. Это не мѣшаетъ, однако, автору тутъ же отмѣтить наличность противоположной точки зрѣнія и указать на непрочный, оспариваемый характеръ русскаго обновленнаго государственнаго строя. Авторъ не закрываетъ глазъ ни на ограниченіе правъ народнаго представительства въ Россіи, ни на то, что права эти подвергались и продолжаютъ подвергаться съ разныхъ сторонъ отрицанію и нарушенію. Мысль о томъ, что въ настоящій историческій моментъ Россія имѣетъ конституцію, имѣетъ парламентскій (но не парламентарный) строй, является основнымъ положеніемъ книги Шаля. Задача ея—показать, каковъ на самомъ дѣлѣ этотъ предполагаемый конституціонный строй Россіи, въ его юридическихъ основахъ и историческихъ условіяхъ. Юридическому анализу основъ нашего строя предпослано историческое введеніе, въ общихъ и бѣглыхъ чертахъ дающее очеркъ развитія законодательныхъ учрежденій въ Россіи начиная съ XVI в., т.-е. со времени образованія и укрѣпленія московскаго самодержавія, и кончая Думою третьяго созыва. Затѣмъ идетъ разборъ, весьма общій и элементарный, дѣйствующей избирательной системы. Авторъ придерживается догматическаго анализа, пользуясь отчасти историко-сравнительнымъ пріемомъ изложенія матеріала и прибѣгая, въ цѣляхъ толкованія, порою къ мотивамъ законодательныхъ предположеній, порою къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ думскихъ преніяхъ и въ печати. Любопытенъ выводъ, къ которому приходитъ авторъ въ результатѣ анализа: „Государственная Дума есть парламентъ *подъ опекой* (en tutelle)", — говоритъ онъ, при чемъ не безъ остроумія сравниваетъ юридическое положеніе нашего представительства съ положеніемъ французскихъ генеральныхъ совѣтовъ, департаментскихъ и колоніальныхъ, особенно со стороны предѣловъ финансовыхъ полномочій. Не лишена интереса попытка оцѣнки дѣятельности русскихъ политическихъ партій. Леруа-Больё въ предисловіи

заявляетъ, что „побѣда консерваторовъ и умѣренныхъ либераловъ, образующихъ центръ третьей Думы, укрѣпила непрочную (précaire) русскую конституцію, между тѣмъ какъ побѣда кадетъ и болѣе рѣшительныхъ либераловъ могла бы скомпрометтировать послѣднюю и привести къ пріостановленію ея дѣйствія". Шаль слѣдуетъ за Леруа-Больё, придавая своимъ утвержденіямъ болѣе рѣшительный смыслъ: онъ ставитъ въ упрекъ партіи к.-д. увлеченіе абстрактными теоріями и отсутствіе политическаго опыта, недостатки, отъ которыхъ к.-д., впрочемъ, постепенно освобождаются. Отмѣчая отсутствіе однороднаго и значительнаго умѣреннаго большинства, приводящее центръ къ соглашеніямъ съ правыми, авторъ сожалѣетъ объ отсутствіи искренняго сближенія между кабинетомъ и октябристами, „которое могло бы, при данныхъ условіяхъ, обезпечить плодотворное сотрудничество правительства и парламента".

Недостатки русскаго политическаго строя авторъ сводитъ, въ конечномъ счетѣ, къ психологіи русскаго народа: „анархическому характеру" его и стремленію непосредственно воплощать, не считаясь съ обстоятельствами.

Книга Шаля интересна для русскаго читателя, главнымъ образомъ, какъ показатель мнѣній о нашемъ политическомъ строѣ въ западно-европейской печати умѣреннаго направленія. Предисловіе Леруа-Больё, краснорѣчиво развивающее тезисъ, что „у насъ, слава Богу, есть парламентъ", представляетъ явленіе симптоматическое. Самъ Шаль обнаруживаетъ солидное знакомство съ законодательнымъ матеріаломъ, относящимся къ нашему обновленному строю.

А. Саккетти.

Въ теченіе мая мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенаріусъ, Аркадій. — Юмористическіе разсказы. Книга I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Акимовъ, Владиміръ.—На крыльяхъ пѣсни. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Алексѣевъ, А. С.—Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ. Ярославль, 1910 г.

Алинъ, Леонидъ.—Осенняя сказка. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Андронъ.—Молодые побѣги. Романъ. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Аннунціо, Д', Габріэле.—Собраніе сочиненій. Т. V. Наслажденіе. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Ардашевъ, П. Н., проф.—Нѣсколько словъ по поводу книги проф. Олара о Тэнѣ. Кіевъ, 1910 г.

Аріанъ, П. Н.—Первый женскій календарь на 1910 г. Спб. Цѣна 1 р.

Астровъ, П. И.—Налогъ на наслѣдство и общественное призрѣніе. Москва, 1910 г.

Безсоновъ, Б. В.—Водный путь на Сибирь по Вологодской губ. Вологда, 1910 г.

Буажильберъ, Э.—Крушеніе цивилизаціи. Соціологическій романъ. Пер. подъ ред. Р. И. Сементковскаго. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Бѣлый, Андрей.—Серебряный голубь. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 80 коп.

——— Символизмъ. Книга статей. Москва, 1910 г. Цѣна 3 р.

Брюсовъ, Валерій.—Испепеленный. Изд. 2-е. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Weber, H., и *Wellstein*, J.—Энциклопедія элементарной математики. Т. II. Перев. подъ ред. В. Кагана. Одесса, 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Волковъ, А. Ф.—Курсъ международной хлѣбной торговли. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Вырубовъ, П. Д.—Десять лѣтъ изъ жизни русскаго моряка (1895—1905). Посмертное изданіе. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 1 р.

Гагенъ, В. А.—Бродяга, нищій и бѣднякъ въ Зап. Европѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

——— Обязательное призрѣніе трудоспособныхъ бѣдныхъ въ Зап. Европѣ. Москва, 1910 г. Цѣна 60 коп.

Гампсонъ-Шеферъ.—Парадоксы природы. Одесса, 1910 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Герцыкъ, Аделаида.—Стихотворенія. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Гиппіусъ, З. Н.—Собраніе стиховъ. Книга вторая. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Голландская, Элеонора.—Мужъ науки и др. разсказы. Спб., 1910 г.

Головинъ, К.—Мои воспоминанія. Т. II (1881—1894 г.г.). Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Гумилевъ, Н.—Жемчуга. Стихи. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Гущинъ, А. М.—Разсказы. Томъ I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Евреиновъ, Г. А.—Финляндскій вопросъ послѣ манифеста 17 марта 1910 г. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Иверъ, Колетта.—Сервелинки (Новыя женщины). Романъ. Пер. съ франц. А. Колмогорова. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Каганъ, В. Ф.—Что такое алгебра? Одесса, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Кайзеръ, Г.—Современное развитіе спектроскопіи. Одесса, 1910 г. Цѣна 25 к.

Каменская, А. А.—Теософія и богостроительство. Спб., 1910 г. Цѣна 25 коп.

Каррикъ, В.—Сказки-картинки. № 1. Котъ, Лиса и Пѣтухъ. № 2. Колобокъ. Козликъ. № 3. Пѣтухъ и Бобокъ, Рукавичка. № 4. Хромая уточка. № 5. Котъ-Самсонъ. № 6. Собака и волкъ. Цѣна каждаго вып. 10 коп. Спб., 1910 г.

Кауфманъ, А. А.—Формы хозяйства въ ихъ историческомъ развитіи. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Клейнпетеръ, Г.—Теорія познанія современнаго естествознанія. Перев. Р. Лемберкъ, подъ ред. и съ пред. П. Юшкевича. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Конрадъ, I.—Сельское хозяйство и аграрная политика. Часть I. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. А. Мануилова и I. М. Гольдштейна при участіи С. О. Загорскаго. Москва, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Курнинъ, А. П.—Изъ быта новѣйшей бурсы. Смоленскъ, 1910 г. Цѣна 75 к.

Лазаревскій, Борисъ.—Дѣвушки. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Лойко, Л.—Къ пониманію историческаго процесса. Подъ ред. Л. Шишко. Москва, 1910 г. Цѣна 80 коп.

Лоренцъ, Г. А.—Курсъ физики. Пер. подъ ред. проф. Н. Н. Кастерина. Томъ II. Одесса, 1910 г. Цѣна 3 р. 75 коп.

Лоти, Пьеръ.—Собраніе сочиненій. Томъ IV. Изгнанница. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Масловъ, Петръ.—Теорія развитія народнаго хозяйства. Введеніе въ соціологію и политическую экономію. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Мацокинъ, Николай.—Материнская филіація въ восточной и центральной Азіи. Вып. I. Владивостокъ, 1910 г. Цѣна 35 коп.

Миртовъ, О.—Мертвая зыбь. Романъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Могучій, Николай.—Провокаторъ. Повѣсть. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Морозовъ, Николай.—На границѣ невѣдомаго. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Несторовскій, П. А.—На Сѣверѣ Бессарабіи. Путевые очерки. Варшава, 1910 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Никольскій, П.—Творческая работа преподавателя. Москва, 1910 г.

Оголѣвецъ, Владиміръ. — Слово о полку Игоревѣ. Руководство для учащихся и для самообразованія. Полтава, 1910 г. Цѣна 20 коп.

Осиповичъ, Н.—Разсказъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Поповъ, А. В.—Холера 1829—33 годовъ въ Оренбургскомъ краѣ. Оренбургъ, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Роденбахъ, Жоржъ. — Полное собраніе сочиненій. Т. I. Выше жизни. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Рукавишниковъ, Иванъ.—Diarium. Спб., 1910 г. Цѣна 70 коп.

Смоленскій, Николай.—Защитникамъ Леонида Андреева. Изд. 2-е. Москва, 1910 г. Цѣна 65 коп.

Сологубъ, Өедоръ.—Собраніе сочиненій. Т. V. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

——— Собраніе сочиненій. Т. VII. Разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Станковъ, Иванъ.—Сатанолъ. Шаржъ. Гимнъ Анатэмѣ. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 33 коп.

Сѣверцовъ-Полиловъ, Г. Т. — Проснулась женщина. Повѣсти и разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Сѣверянинъ, Игорь.—Стихотворенія. I. Лазоревыя дали. II. Лунныя тѣни. Части 1 и 2. III. Интуитивныя краски. IV. За струнной изгородью лиры. V. А садъ весной благоухаетъ. VI. Это было такъ недавно. VII. Колье принцессы. Спб., 1908—1910 г.г.

Танъ, В. Г.—Восемь племенъ. Романъ изъ древней жизни крайнаго сѣверо-востока Азіи. Книга для юношества. Съ рисунками К. Н. Фридберга. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Колымскіе разсказы. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Турыгина, Л.—Данте въ музыкѣ. Спб., 1909 г. Цѣна 25 коп.

Уэллсъ, Гербертъ Джорджъ. — Собраніе сочиненій. Т. VII. Любовь и мистеръ Льюисгэмъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чинскій, Ч. фонъ.—Страданія самоубійцы въ потустороннемъ мірѣ. Магическое откровеніе. Пер. съ франц. Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Чарнолусскій, В.—Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Энгель, Генрихъ.—Очеркъ теоріи общества и права. Спб., 1910 г. Ц. 50 к.

Я., П. (П. Якубовичъ-Мельшинъ). — Стихотворенія. Т. I. Изд. 6-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. № 12. Въ деревнѣ. С. Т. Семенова. Цѣна 30 коп. № 17. Садикъ маленькаго Гарри. Разсказъ Уйда. Цѣна 20 коп. № 20. Хижина дяди Тома. Романъ Бичеръ-Стоу. Цѣна 1 р. 30 коп. № 26. Золотыя кудри. Повѣсть Джорджа Эліотъ. Цѣна 65 коп. № 58. Жизнь сѣраго медвѣдя. Разсказъ Э. Сетонъ-Томпсона. Цѣна 35 коп. № 59. С. А. Порѣцкій. Давайте работать. Слесарныя, токарныя и другія работы по металлу. Цѣна 80 коп. № 60. Маленькій герой и др. разсказы Э. Сетонъ-Томпсона. Цѣна 25 коп. № 61. Капитанъ Январь. Разсказъ. Цѣна 30 коп. № 64. Лисья семья. Разсказъ Э. Сетонъ-Томпсона. Цѣна 15 коп. № 176. За работу! Работы по дереву. Кн. I. Работы ножомъ. Сост. Р. К. Соломинъ. № 183. Веселыя занятія и забавы. Цѣна 20 коп. № 184. Ч. Робертсъ. Домъ въ водѣ. Разсказъ изъ жизни бобровъ. Цѣна 40 коп. № 190. Вальтеръ. Въ царствѣ природы. Цѣна 65 коп.

— Библіотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Выпускъ XL. А. Пабстъ. Практическое воспитаніе. Цѣна 20 коп. Вып. XLI. 1) X. Шоенъ. Школы на открытомъ воздухѣ. 2) Э. Бланжеронъ. Уроки-прогулки. Цѣна 15 коп.

— Временникъ О-ва содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ им. X. С. Лебедева. Вып. 1 и 2. Москва, 1910 г.

— Въ трущобахъ Манчжуріи и нашихъ восточныхъ окраинъ. Подъ ред. М. Н. Левитскаго. Одесса, 1910 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

— Гоголевскіе дни въ Москвѣ. Общество любителей россійской словесности. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Деревенское хозяйство. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 31. Огородничество и садоводство. Вып. I. Какъ ухаживать за огородомъ и парниками. Цѣна 20 коп. Выпускъ 90. Садъ и огородъ. Практическое руководство. Цѣна 45 коп.

— Ежегодникъ внѣшкольнаго образованія. Подъ ред. В. И. Чарнолусскаго. Выпускъ II. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

— Журналы Тверск. Очеред. Губ. Земск. Собр. сессіи 1908 г. Тверь, 1909 г.

— Краткій обзоръ дѣятельности Рижской городской управы за 1909 г. Рига, 1910 г.

— Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповникъ". Книга 12-я. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— Логосъ. Международный ежегодникъ по философіи культуры. Русское изданіе. Книга первая. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

— Матеріалы по изслѣдованію Новой Земли. Вып. I. Подъ ред. И. В. Сосновскаго. Спб., 1910 г.

— Московскій Городской Народный Университетъ им. А. Л. Шанявскаго. 1910—1911 академическій годъ. Годъ 3-й. Москва, 1910 г.

— Народная энциклопедія. Т. II, т. X. Москва, 1910 г.

— Наша Библіотека. № 1. Байронъ. Стихотворенія и поэмы. Юнош. возр. Цѣна 20 коп. № 2. Его же. Шильонскій узникъ. Перев. Жуковскаго. Старш. возр. Цѣна 2 коп. № 3. Аксаковъ. Первая весна въ деревнѣ. Средн. возр. Цѣна 8 коп. № 4. Его же. Очеркъ зимняго дня. Буранъ. Средн. возр. Ц. 3 к. № 5. Шиллеръ. Стихотворенія. Юнош. возр. Цѣна 20 коп. № 6. Его же. Кубокъ. Перев. Жуковскаго. Старш. возр. Цѣна 1 к. № 7. Его же. Ивиковы журавли. Перев. Жуковскаго. Старш. возр. Цѣна 1 коп. № 8. Его же. Сраженіе со змѣемъ. Перев. Жуковскаго. Старш. возр. Цѣна 1 коп. № 9. Розеггеръ. Подпасокъ. Перев. съ нѣмец. Средн. возр. Цѣна 1 коп.

— „Посредникъ". Изданія: № 17. Л. Н. Толстой. Свѣчка. № 27. О. Хмѣлева. Марья кружевница. № 38. Раздѣлъ. № 109. Жить—любви служить. № 156. С. Семеновъ. Шпитонокъ. № 292. Уйда. Нелли и Патрашъ. № 311. Славныя дѣти. № 312. Э. Амичисъ. Къ матери! № 405. Дж. Рёскинъ. Царь золотой рѣки или черные братья. № 542. И. Наживинъ. О чемъ говорятъ звѣзды. № 574. Л. Н. Толстой. Зерно съ куриное яйцо. № 767. Освободители черныхъ рабовъ. № 770. Н. Дядинъ. Въ простотѣ душевной. 772. Конфуцій. Жизнь его и ученіе. Сост. П. А. Буланже. Подъ ред. Л. Н. Толстого. № 783. Для души. Изреченія мыслителей. Сост. Л. Н. Толстой. № 774. Е. Милицына. Любаша. № 778. Смерть крестьянки. № 782. Для совѣсти. Изреченія мыслителей. Сост. Л. Н. Толстой. № 58. С. Семеновъ. Не въ деньгахъ счастье. № 216. Х. Андерсенъ. Соловей и др. сказки. № 313. С. Стаховичъ. Сиротка. № 766. Генри Торо. Вальденъ или жизнь въ лѣсахъ. Цѣна 1 р. 20 коп. № 777. Ми-Ти. Китайскій философъ. Ученіе о всеобщей любви. Составилъ П. А. Буланже, подъ ред. Л. Н. Толстого. № 776. Ак. Крымскій. Не первый.

— Протоколы Бердянскаго Уѣздн. Земск. Собранія очередн. 44 сессіи и чрезвычайныхъ созыва 1909 г. Бердянскъ, 1910 г.

— Обсѣмененіе зимнихъ полей и состояніе ржаныхъ всходовъ въ Московской губ. въ 1909 г. Москва, 1910 г.

— Общестуденческій литературный сборникъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

— Огни. Литературный альманахъ, памяти В. Башкина. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Оптимизмъ. Елены Келеръ. Перев. съ англ. Н. П. Марковой. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

— Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1909 г. Москва, 1910 г.

— Отчетъ о дѣятельности совѣта съѣздовъ мукомоловъ по 1-е января 1910 г. Спб., 1910 г.

— Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго общества сельскаго хозяйства и сельско-хозяйств. промышленности за 1908—9 годъ. Харьковъ, 1910 г.

— Отчетъ Тверской Губернской Управы за 1907 годъ и приложенія къ нему. Тверь, 1908 г.

— Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ города Углича по закону 8 іюня 1893 г. Вып. III. Ярославль, 1909 г.

— Первый художественно-литературный сборникъ Т-ва „Восточный Міръ". Произведенія современныхъ японскихъ писателей. Токіо-Иркутскъ, 1909 г. Цѣна 35 коп.

— Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. М. Н. Покровскаго, при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Т. I. Книга первая. Изд. Т-ва „Міръ". Москва, 1910 г.

— Ручьи. Литер.-худож. сборникъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— Статистическій ежегодникъ Московской губ. за 1909 годъ. Москва, 1910 г.

— Систематическій сводъ указовъ Прав. Сената, послѣдовавшимъ по земскимъ дѣламъ. Томъ VI. 1909 г. Составилъ Н. И. Кузнецовъ. Воронежъ, 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

— Статистическій Сборникъ по Ярославской губ. Вып. 33. Исторія обложенія земскими сборами недвижимыхъ имуществъ Угличскаго уѣзда. Вып. 33. Базарная торговля въ 1907 — 1908 сел.-хоз. г.г. по Ярославской губ. Вып. 36 Урожай 1908 года у крестьянъ Ярославской губ. Ярославль, 1909 г.

— Труды второго всероссійскаго съѣзда по педагогической психологіи. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Финляндскій сеймъ. Законопроектъ общегосударственнаго законодательства (Пренія о передачѣ въ коммиссію). Спб., 1910 г.

— Ярославская губ. Т. III. Мологскій уѣздъ. Вып. III. Ярославль, 1909 г.

— Annuaire Statistique du royaume de Bulgarie, 1909.

— Общи резултати отъ прѣброяване на населението въ княжество България на 31 декемврий 1900 година. Книга I. София, 1906 г. Цѣна 10 лева.

Palme, Anton, d-r.—Die russische Verfassung. Berlin, 1910. Preis 6 M.

Wolberg, Adam. Obwiniam prasę polską! Warszawa, 1910 r. Cena 75 kop.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 іюня 1910.

Отвѣтъ „каторжника".—Борьба съ общественной самодѣятельностью.—Готтентоты петербургской городской думы.—Добровольная субсидія казнѣ.—Месть обойденныхъ.—Новый предсѣдатель училищной коммиссіи.—Роковая судебная ошибка.—„Истинно-русская" полемика.—25-лѣтіе со дня смерти К. Д. Кавелина.—Полина Віардо и Б. Д. Гринченко †.

Въ засѣданіи Государственной Думы 18 мая „истинно-русскій" священникъ Вераксинъ перебилъ рѣчь В. А. Караулова крикомъ съ мѣста: „каторжникъ!" „Да, почтенный отецъ, я былъ каторжнымъ— отвѣтилъ В. А. Карауловъ,—и съ бритой головой и съ кандалами на ногахъ я мѣрилъ безконечную Владимірку. Я мѣрилъ ее за то, что въ свое время смѣлъ желать и говорить о томъ, чтобы вы были собраны въ этомъ собраніи. Я осужденъ военнымъ судомъ, судившимъ меня по законамъ военнаго времени. И въ резолюціи суда сказано буквально: „подсудимый потомственный дворянинъ Карауловъ признается виновнымъ въ томъ, что онъ имѣлъ намѣреніе измѣнить государственный и общественный строй, но не имѣлъ при семъ намѣренія прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ, а посему приговаривается къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ каторжнымъ работамъ". И то, что я былъ каторжнымъ, составляетъ мою гордость на всю мою жизнь. Въ той могучей волнѣ, которая вынесла насъ въ эту залу, есть одна капля моей крови и моихъ слезъ. Она мала и незамѣтна, но я знаю ея существованіе и это даетъ мнѣ поводъ оправдать свое существованіе передъ Богомъ и людьми".

Этотъ отвѣтъ, полный достоинства и сказанный съ той убѣжденностью, которая вообще составляетъ основную черту рѣчей В. А. Караулова, нашелъ откликъ не только среди оппозиціи. В. А. Караулову была устроена шумная и продолжительная овація. Къ ней присоединились октябристы и даже предсѣдательствовавшій, кн. Волконскій. Когда В. А. Карауловъ кончилъ, онъ сказалъ: „За то слово, которое было сказано здѣсь члену Государственной Думы Караулову, я не дѣлаю замѣчанія, ибо не знаю, кто его сказалъ, и не дѣлаю замѣчанія потому, что на него отвѣтилъ самъ Карауловъ гораздо лучше, чѣмъ могъ бы отвѣтить я". Въ кулуарахъ, какъ сообщали газетные референты, къ В. А. Караулову подошелъ епископъ Евлогій и отъ имени думскаго духовенства выразилъ ему уваженіе.

Отмѣченный эпизодъ, самъ по себѣ, давалъ бы право на утѣшительный выводъ. Но, къ сожалѣнію, никакихъ обобщеній на основаніи его дѣлать нельзя. Чувство стыда, охватившее думскихъ октябристовъ и думское духовенство, было вызвано гораздо болѣе грубостью оскорбленія, брошеннаго свящ. Вераксинымъ, и обаяніемъ личности В. А. Караулова, нежели той глубокой правдой, которая заключалась въ его словахъ. Это былъ только эпизодъ—такой же единичный фактъ, какъ запоздалое на три года заявленіе депутата Клименко о томъ, что въ силу октябристскаго воззванія, положившаго начало союзу 17-го октября, онъ не можетъ въ настоящее время оставаться въ рядахъ думскихъ октябристовъ. „Я мѣрилъ безконечную Владимірку за то, что въ свое время смѣлъ желать и говорить о томъ, чтобы вы были собраны въ этомъ собраніи". „Въ могучей волнѣ, которая вынесла насъ въ эту залу, есть одна капля моей крови и моихъ слезъ"... И въ былыхъ желаніяхъ, въ былыхъ словахъ, въ былой крови, въ былыхъ слезахъ, въ былой каторгѣ—для В. А. Караулова оправданіе его существованія „передъ Богомъ и людьми". А тѣ, кому онъ это говорилъ, оправдываютъ свое существованіе тѣмъ, что съ каждымъ днемъ все энергичнѣе топчутъ и все глубже втаптываютъ то, благодаря чему и во имя чего они получили право и возможность государственной дѣятельности. Большинство Государственной Думы топчетъ идею народнаго представительства. Конституціонное министерство топчетъ Думу. Реакція боевая, вмѣстѣ съ реакціей октябристской—порою кающейся, но всегда послушной, что-то оберегающей и ничего не оберегшей,—топчетъ всѣ проявленія общественной самодѣятельности, гражданскую свободу, элементарную справедливость въ отношеніи инородныхъ подданныхъ одного общаго для всѣхъ государства и торопится въ условіяхъ „обновленнаго" строя раздавить то, чего не могли раздавить тиски откровеннаго бюрократическаго абсолютизма.

Новый строй русскаго государства подготовила на-половину „пре-

ступная", на-половину легальная самодѣятельность общества. Суть новаго строя—въ призывѣ народа, общества, къ активному участію въ законодательствѣ и въ надзорѣ за дѣйствіями исполнительной власти. И главнымъ врагомъ русской государственности объявлена въ настоящій моментъ именно общественная самодѣятельность. „Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается—занесъ въ свои резолюціи ноябрьскій земскій съѣздъ 1904 г.—„въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія". И далѣе: „Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны"... Это были, по тому времени, резолюціи, формально нелегальныя. Но онѣ не повлекли за собой кары (по нынѣшнимъ „послѣконституціоннымъ" временамъ авторы резолюцій по меньшей мѣрѣ отсидѣли бы по году въ крѣпости и были бы пожизненно лишены политическихъ правъ), и никто не станетъ отрицать преемственной связи съ ними указа 12 декабря 1904 г. и всѣхъ послѣдующихъ актовъ „освободительнаго" періода, вплоть до манифеста 17 октября. Послѣ четырехъ лѣтъ конституціонной практики, общественная самодѣятельность рѣшительно во всѣхъ формахъ ея проявленія расцѣнивается постольку, поскольку въ ней нѣтъ самодѣятельности, а есть готовность служить правящей бюрократіи то ширмой, то истолковательницей, то поддержкой.

Въ отношеніи Думы такая расцѣнка была съ исчерпывающей откровенностью формулирована П. А. Столыпинымъ въ рѣчи по поводу введенія „земства" въ западномъ краѣ. Заключительныя слова этой рѣчи, содержавшія прямую угрозу, приведены выше во „Внутреннемъ Обозрѣніи". Изъ нихъ ясно видно, что, говоря передъ законодательнымъ учрежденіемъ, обладающимъ правомъ иниціативы, предсѣдатель совѣта министровъ допускалъ одну альтернативу: или *этотъ* проектъ, имъ внесенный и имъ поддерживаемый, или никакого. Даже въ старомъ Государственномъ Совѣтѣ, который не обладалъ никакими законодательными правами, такъ говорили только особенно памятные министры—гр. Д. А. Толстой, И. Н. Дурново, В. К. Плеве. И большинство Думы расписалось, что оно „помнитъ" и „не забываетъ"... законъ 3 іюня. Въ отвѣтъ на слова П. А. Столыпина оно ударило по Думѣ рукоплесканіями „справа и въ центрѣ", какъ значится въ стенографическомъ отчетѣ. Оно не стѣснилось ни сокращеніемъ, ни прекращеніемъ преній, чтобы не только проектъ принять, но чтобы принять его съ изумительной быстротой и перейти затѣмъ къ исполненію другого „заказа": покончить съ Финляндіей. „Возможно ли—

напрасно взывалъ къ большинству А. И. Шингаревъ—примѣнять сокращеніе преній, когда еще не было самыхъ преній?" „Вѣдь это возможно—продолжалъ онъ—только при одномъ условіи, если большинство желаетъ превратить Думу въ то мѣсто, куда даются заказы и гдѣ эти заказы желаютъ исполнить непремѣнно къ сроку"... По существу обсуждавшагося вопроса мысль А. И. Шингарева удачно продолжилъ Ѳ. И. Родичевъ. „Легко — говорилъ онъ—защищать то, что считаешь истиной, но чрезвычайно трудно защищать истину противъ команды. Командное слово здѣсь произнесено, и батальонъ вѣрно повинуется своему вождю"...

Въ отношеніи крестьянства—этого вѣковѣчнаго объекта бюрократическихъ мѣропріятій и экспериментовъ—первымъ шагомъ развитія самодѣятельности было искусственное упраздненіе общины, т. е. принудительное подведеніе всей деревенской Россіи подъ одинъ обязательный шаблонъ. Въ отношеніи земства и городовъ, вмѣсто реформы, ожидается включеніе самодѣятельности населенія въ такія „рамки", которыя уже теперь заставляютъ опасаться даже за ту „свободу" и за ту „самостоятельность", которыя очерчены положеніями 1890 и 1892 гг. Всѣ попытки населенія городовъ активно содѣйствовать городскимъ думамъ въ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей „разъясненіемъ" сената, которое мы приводили въ прошломъ мѣсяцѣ, пресѣчены. Вслѣдствіе этого разъясненія, губернаторамъ и градоначальникамъ уже разосланъ циркуляръ съ предложеніемъ доставить свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ обществахъ обывателей и избирателей и о ихъ дѣятельности. Свѣдѣнія эти, какъ сообщали „Биржевыя Вѣдомости" (№ 11709), „будутъ положены въ основу рѣшенія о закрытіи обществъ". О самодѣятельности, выражающейся въ свободѣ слова—печатнаго и устнаго—и политическихъ собраній, говорить вовсе не приходится. Касаться этой области, отданной въ монопольное пользованіе черной сотни, можно только или смѣясь сквозь слезы, или плача съ горькой усмѣшкой. Въ Пинскѣ приговоренъ къ двухлѣтнему заключенію мѣстный крупный землевладѣлецъ, князь Друцкой-Любецкій, за то, что въ 1906 г., на предвыборномъ собраніи, говорилъ объ отчужденіи частной земельной собственности въ пользу земледѣльцевъ. Въ Одессѣ, въ качествѣ политическаго оратора на митингѣ, на дняхъ выступалъ градоначальникъ. Генералъ Толмачевъ — писали газеты — указывалъ, что финляндскій, кавказскій и польскій вопросы могутъ появляться только тогда, когда среди русскихъ будутъ „измѣнники". Онъ призывалъ монархистовъ объединиться и поддержать правительство. Очевидно, недалеко время, когда одни пристава и околоточные будутъ назначаться на собранія на предметъ разгона, а другіе—на

предметъ произнесенія политическихъ рѣчей и для инсценированія „общественнаго“ настроенія.

Цѣлымъ рядомъ актовъ верховной власти и министерскихъ циркуляровъ дѣло народнаго просвѣщенія не только было открыто для общественной самодѣятельности, но общество еще недавно получало прямые призывы къ работѣ въ этой области. И работа стала-было налаживаться. Между прочимъ, она захватила мѣры подготовки педагогическаго персонала. Въ лѣтніе мѣсяцы устраивались въ Петербургѣ, въ послѣдніе два года, курсы для преподавателей низшей и средней школы. Дабы поставить дѣло на прочную почву, образовалась „постоянная коммиссія по устройству курсовъ для учителей и учительницъ“. Коммиссія предполагала и нынѣшнее лѣто организовать курсы для учителей средней школы. Со стороны министерства народнаго просвѣщенія послѣдовалъ запретъ, по слѣдующему характерному мотиву: „такъ какъ въ настоящее время заботу о подготовкѣ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній взяло на себя правительство“.

Не менѣе яркую иллюстрацію представляли собою пасхальные съѣзды. Для самодѣятельности писателей непереступаемая граница была проведена по сю сторону вопроса о правовомъ положеніи печати. Для самодѣятельности криминалистовъ—по сю сторону вопроса о военной подсудности и о смертной казни. Съѣзду по борьбѣ съ проституціей было предоставлено свободно вращаться внутри вопросовъ объ увеличеніи каръ за сводничество, о темпераментѣ, какъ причинѣ проституціи, о регламентаціи. А какъ только рѣчь заходила о томъ, что составляетъ суть явленія—объ экономическомъ положеніи семьи и о правовомъ положеніи женщины, — представитель полиціи моментально обрывалъ ораторовъ словами: „это политика“. Такими урѣзками программъ и такимъ направленіемъ занятій съѣздовъ правительство ясно показало, что оно смотритъ на профессіональную самодѣятельность, какъ на средство содѣйствія ему въ его задачахъ и цѣляхъ, а на профессіональное общеніе—какъ на клапанъ, черезъ который должны выходить пары общественной энергіи, отработанные и обезвреженные на пререканіяхъ о томъ, что, за невозможностью отдавать силы истинному профессіональному служенію, искусственно возводится на степень дѣйствительнаго большого дѣла.

Паровъ общественной энергіи накопилось много, съѣзды непрестанно множатся и правительство просто и послѣдовательно ими пользуется. Простота доведена до совершенства. О правѣ собираться явочнымъ порядкомъ уже всѣми забыто. Фактически возстановленъ въ полной силѣ порядокъ разрѣшительный. Цензорами на съѣздахъ сидятъ въ лучшемъ случаѣ полицейскіе пристава, а большей частью—

помощники приставовъ. Даже во времена Плеве со съѣздами, всетаки, считались. Мы помнимъ кустарный съѣздъ въ Петербургѣ, въ 1902 г. Собравшіеся со всей Россіи земскіе и другіе мѣстные общественные дѣятели, серьезно обсуждая каждую отдѣльную мѣру содѣйствія кустарной промышленности, естественно не могли мыслить объ образцахъ кружевъ и объ инструкторахъ и не мыслить о правовомъ и экономическомъ положеніи крестьянства и о безпросвѣтной темнотѣ кустарей-крестьянъ, поставленныхъ въ необходимость конкуррировать съ фабрикой, пользующейся всѣми завоеваніями знанія и техники. Въ секціяхъ, подъ предсѣдательствомъ графа П. А. Гейдена и князя П. Д. Долгорукова, общіе вопросы обсуждались безпрепятственно. Когда они были подняты въ общемъ собраніи, предсѣдатель—одинъ изъ директоровъ департамента министерства земледѣлія — объявилъ, что обсужденія обще-экономическихъ вопросовъ не допуститъ, и рѣзко остановилъ докладчика. Члены съѣзда поднялись и одинъ за другимъ стали выходить изъ аудиторіи Соляного Городка. Предсѣдатель остался съ десяткомъ министерскихъ чиновниковъ. Не прошло и пяти минутъ, онъ прервалъ засѣданіе, вышелъ къ покинувшимъ аудиторію членамъ съѣзда и вступилъ въ переговоры. Былъ вызванъ министръ, А. С. Ермоловъ. Предсѣдатель принесъ извиненіе, засѣданіе общаго собранія возобновилось и закончилось принятіемъ широко-формулированной резолюціи.

Такъ было до „конституціи". Теперь изъ устъ юнаго помощника пристава раздалось бы безапелляціонное: „это политика!" — и, въ случаѣ протеста, въ аудиторію были бы введены городовые. Теперь мы живемъ послѣ авторитетнаго признанія: „Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы. Въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внѣшнія формы русской жизни"...

Въ засѣданіи 12-го мая готтентоты петербургской городской думы показали себя во всей красѣ. Готтентотъ всегда хорошъ: хорошъ, когда трактуетъ о политикѣ, хорошъ, когда пресмыкается передъ властью, но еще лучше — когда публично, на людяхъ, демонстрируетъ свою собственную силу. Пользуясь численнымъ большинствомъ, стародумцы не постыдились забаллотировать П. А. Потѣхина. Они объявили, что П. А. Потѣхинъ — гласный думы съ 1881 г., десять лѣтъ стоявшій во главѣ городской коммиссіи по народному образованію — человѣкъ, который, продолжая дѣло М. М. Стасюлевича, всего себя отдавалъ на служеніе городу, не только имъ, готтентотамъ, но и городу Петербургу, какъ руководитель училищной коммиссіи, не

нуженъ. Они выбрали предсѣдателемъ коммиссіи въ общественномъ смыслѣ никому неизвѣстнаго сенатора Лузанова, членомъ — слишкомъ хорошо извѣстнаго Б. В. Никольскаго, гордаго своимъ званіемъ „черносотенца".

Это была месть. Месть за то, что постановка въ Петербургѣ дѣла народнаго образованія, руководство которымъ стародумцы всегда охотно уступали людямъ не ихъ лагеря, ибо здѣсь не у чего „кормиться", — служитъ живымъ укоромъ всѣмъ другимъ отраслямъ удовлетворенія городскихъ потребностей. Это была личная месть П. А. Потѣхину—его знаніямъ, его таланту, его „логикѣ", съ которыми онъ въ засѣданіяхъ думы вскрывалъ ихъ убожество, заставляя порою отказываться отъ рѣшеній, принятыхъ за „севрюгою". Мѣсяца два назадъ П. А. Потѣхинъ, съ своей обычной краткостью резюмируя передъ голосованіемъ страстныя и долгія пренія по какому-то вопросу, математически ясно показалъ нелѣпость рѣшенія, къ которому клонило большинство. Одинъ юркій представитель стародумцевъ немедленно потребовалъ слова. „Конечно,—началъ онъ,—противъ логики П. А. спорить трудно, но и я имѣю свою логику"... Его перебилъ взрывъ единодушнаго хохота. Тогда хохотали и стародумцы. 12 мая они тому, кто обнаруживалъ ихъ „логику", показали ея силу: силу логики шаровъ.

Изъ 29 кандидатовъ въ мировые судьи стародумцы выбрали 12 мая совершенно невѣдомаго ни городу, ни гласнымъ г. Шульца. Противъ его фамиліи въ спискѣ скромно стояло: „губернскій секретарь, 25 лѣтъ". Но въ спискѣ не значилось того, что раскрываетъ секретъ избранія: отецъ г. Шульца — „вліятельный" гласный думы. И, очевидно, чтобы всѣ это знали (мало ли на свѣтѣ Шульцевъ!), г. Шульцъ-отецъ разсылалъ и раздавалъ гласнымъ печатныя карточки съ указаніемъ, что г. Шульцъ-баллотирующійся—его сынъ, и съ просьбою отдавать ему голоса. Пріемъ—для кандидата въ мировые судьи какъ будто бы и не совсѣмъ удобный. Но стародумцы имѣютъ „свою" логику, которая для нихъ выше общепринятой этики... Въ тотъ же день они демонстрировали „свою" логику и на такомъ вопросѣ, личный характеръ котораго виденъ не сразу. Этотъ вопросъ носилъ въ управскомъ докладѣ слѣдующее названіе: „о продолженіи отпуска городомъ денежныхъ средствъ на содержаніе с.-петербургскаго городского по воинской повинности присутствія".

Суть вопроса весьма любопытна. Городовыми положеніями 1870 и 1892 гг. содержаніе городскихъ воинскихъ присутствій было возложено на города. Затѣмъ, закономъ 12-го іюня 1900 г., города отъ этого обязательнаго расхода были освобождены. Его приняла на себя казна. Всѣ города Россіи съ радостью тогда же использовали новый законъ,

освободившій хоть отчасти мѣстныя средства отъ тратъ на общегосударственныя потребности. Петербургское городское общественное управленіе закона въ свое время „не примѣтило" и продолжало содержать воинское присутствіе на городскія средства. Только въ 1906 г. управа представила думѣ докладъ „о совершенномъ сложеніи съ города расхода по содержанію присутствія по воинской повинности". Докладъ три года ждалъ очереди. Заслушанъ онъ былъ 28-го декабря 1909 г., и дума постановила: „прекратить отпускъ суммъ на содержаніе присутствія по воинской повинности". Постановленіе это градоначальникъ опротестовалъ. Но особое по дѣламъ города Петербурга присутствіе 9-го января 1910 г. протестъ отвергло и опредѣлило постановленіе думы „привести въ дѣйствіе". 17-го марта дума предложила управѣ съ 1-го мая отпускъ денегъ на содержаніе присутствія прекратить. Къ этому сроку министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило, что оно будетъ отпускать на содержаніе присутствія по 5.520 р. въ годъ, сверхъ штатнаго оклада дѣлопроизводства въ 900 рублей.

Такимъ образомъ, казалось бы, что послѣ десятилѣтняго напраснаго изъятія изъ городской кассы очень и очень нужныхъ городу денегъ, вопросъ наконецъ ликвидированъ. Но управа, а за нею и большинство думы разсудили иначе. Управа представила докладъ, въ которомъ отмѣчала большое „государственное" значеніе дѣятельности воинскаго присутствія и доказывала, что министерство мало ассигновало денегъ. А потому управа просила продлить расходованіе городскихъ средствъ въ размѣрѣ смѣты на 1909 г. (свыше 23 тыс. рублей) „впредь до ассигнованія казной достаточныхъ на этотъ предметъ средствъ, но не далѣе 1-го января 1911-го года". Гласные-обновленцы напрягали всѣ силы, чтобы отстоять городскіе интересы отъ предложенія добровольно субсидировать государственное казначейство. Они указывали, что у города одинъ масштабъ расходовъ на дѣлопроизводство, а у казны—другой, что не дѣло города заботиться о томъ, можно или нельзя на данную сумму денегъ вести то „государственное" дѣло, веденіе котораго не составляетъ обязанности думы, и что предлагаемая управою отсрочка практически вопроса не разрѣшаетъ. Гласные-стародумцы ко всему были глухи. Съ ихъ стороны почти вовсе не раздавалось возраженій, но свои голоса они, какъ одинъ человѣкъ, подали за „продленіе".

Незнакомымъ съ петербургскими городскими порядками можетъ показаться неразрѣшимой загадкой вся эта завершившаяся „продленіемъ" десятилѣтняя исторія съ непримѣченнымъ закономъ, съ забытымъ на три года докладомъ и съ непрошеннымъ усердіемъ жертвовать городскія деньги въ виду государственнаго значенія воин-

скихъ присутствій. Но для знающихъ, гдѣ и въ чемъ больной нервъ стародумцевъ, тутъ загадки нѣтъ. Въ каждомъ городѣ имѣются воинскія присутствія — уѣздныя, а въ большихъ городахъ, сверхъ того, городскія. Въ уѣздныхъ участвуютъ, на правахъ членовъ, два гласныхъ, по избранію земскаго собранія, въ городскихъ—тоже два гласныхъ по избранію городской думы. Но нигдѣ выборные члены воинскихъ присутствій жалованья не получаютъ. Въ Петербургѣ же они отъ общественнаго пирога „кормятся": каждый изъ двухъ членовъ городского воинскаго присутствія получаетъ по 1.800 руб. въ годъ. Очевидно, законъ 12-го іюня 1900 г. отнялъ отъ стародумцевъ двѣ платныя должности. Срокъ переизбранія на нихъ наступилъ въ 1910-мъ году. Слѣдовательно, еслибы 12-го мая дума не продлила отпуска городскихъ средствъ на содержаніе воинскаго присутствія, то она не имѣла бы основанія назначать жалованье выборнымъ его членамъ. Теперь же она ихъ обезпечила кормленіемъ на весь выборный срокъ. Конечно, и съ 1-го января 1911-го года казна не согласится тратить на воинское присутствіе въ четыре раза больше, чѣмъ назначилъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Конечно, это и стародумцы отлично знаютъ. Но что будетъ съ присутствіемъ послѣ 1-го января, теперь имъ все равно. Платныя должности сохранены: члены присутствія избраны на три года и на три года имъ назначено жалованье. Одному изъ нихъ — кстати сказать, состоящему на дѣйствительной военной службѣ военному генералу, по закону едва ли имѣющему право совмѣщать полученіе казеннаго жалованья съ жалованьемъ за счетъ города,—окладъ даже увеличенъ. Вмѣсто 1.800 р. ему назначено 12-го мая три тысячи.

Сохраненіе въ неприкосновенности системы кормленія составляло главную заботу стародумцевъ съ самаго начала сессіи обновленной думы. Ожидая рѣзкихъ нападокъ со стороны новыхъ гласныхъ, они все оттягивали выборы исполнительныхъ коммиссій, ибо выборамъ должно было предшествовать рѣшеніе вопроса о существованіи платныхъ коммиссій. Этотъ послѣдній вопросъ былъ поставленъ на повѣстку засѣданія 28 апрѣля; но предсѣдатель думы, г. Унковскій, опираясь на „логику шаровъ", такъ „умѣло" провелъ засѣданіе, что вопросъ вдругъ оказался рѣшеннымъ раньше обсужденія. Стенограмма, приложенная по требованію обновленцевъ къ журналу, представляетъ собою нѣчто прямо изумительное. Заключено было засѣданіе ироническимъ предложеніемъ гласнаго Бари: „выразить предсѣдателю благодарность за образцовое веденіе дѣла". Дѣйствительно, болѣе „образцово" вести засѣданіе было невозможно. Въ томъ же порядкѣ и съ тѣми же пріемами велъ г. Унковскій засѣданія 12 и 19 мая. И все оказалось напрасно! Невѣроятныя „усилія" предсѣдателя думы и

долгая упорная „работа“ за севрюгой завершились полнымъ крахомъ. Счастливо его избѣгли только члены воинскаго присутствія.

19-го мая предстояла раздача 57-ми платныхъ мѣстъ. Главари стародумцевъ считали, что назначеніе жалованья и разъѣздныхъ пройдетъ безошибочно. Ихъ лица озаряла спокойная увѣренность. Когда обновленцы сначала протестовали противъ постановки на обсужденіе вопроса о платности безъ доклада управы, а затѣмъ когда по существу въ глаза говорили стародумцамъ о кормленіи, о пирогѣ, о членахъ коммиссій, годами ничего не дѣлающихъ — они молчали. Они торопились къ баллотировочнымъ ящикамъ. И вдругъ „логика шаровъ“ обманула! При дѣлежѣ пирога оказались обойденные. Уже при первой баллотировкѣ принципіальнаго вопроса—давать или не давать плату—провалились коммиссіи трамвайная и по водоснабженію (кромѣ предсѣдателей), больничная, санитарная и по надзору за освѣщеніемъ. При баллотировкѣ размѣра содержанія по должностямъ, платность которыхъ принципіально была признана, послѣдовательно отклонялись всѣ предполагавшіяся цифры. Только окладъ по одному рублю въ годъ сосредоточилъ большинство голосовъ.

Конечно, такой результатъ нельзя ни на минуту относить на счетъ доводовъ и краснорѣчія обновленцевъ. Провалили платность „обойденные“, и провалили за то, что ихъ „обошли“. Они разсуждали просто, на основаніи готтентотскаго принципа: „если не мнѣ, то никому“. И надо было видѣть, съ какимъ восторгомъ и торжествомъ эти обойденные готтентоты смотрѣли на растерявшихся вчерашнихъ единомышленниковъ, изъ которыхъ одни за часъ до баллотировки уже нащупывали въ карманахъ солидные куши или хотя мелкія, но вовсе не вредныя, шестисотрублевыя въ годъ подачки, а другіе уже учитывали блага несокрушимаго оплота противъ обновленческихъ козней, въ лицѣ 57-ми вѣрныхъ, оплаченныхъ ихъ милостью гласныхъ... Дѣйствительно ли 19-ое мая было роковымъ днемъ для системы кормленія? Думаемъ, что нѣтъ. Думаемъ, что стародумцы еще споются и что особое присутствіе поддержитъ въ такую тяжкую минуту послушныхъ рабовъ власти. Найти поводъ для отмѣны постановленія городской думы всегда можно,—было бы желаніе. Пожалуй теперь самъ г. Унковскій будетъ утверждать, что безъ доклада управы онъ не имѣлъ права ставить на повѣстку вопросъ о платности участія гласныхъ въ исполнительныхъ коммиссіяхъ.

Вновь избранный предсѣдатель петербургской городской училищной коммиссіи (пока еще не утвержденный), генералъ-отъ-инфантеріи, сенаторъ П. Ѳ. Лузановъ поспѣшилъ на другой же день послѣ избранія отрекомендовать себя сотруднику „Биржевыхъ Вѣдомостей“. „Я человѣкъ военный — говорилъ онъ, — и какъ таковой, никогда не при-

надлежалъ ни къ одной партіи. Меня избрали стародумцы, но я не отказалъ бы въ своемъ согласіи баллотироваться и обновленцамъ". Итакъ, обновленцы должны каяться въ своемъ невѣдѣніи: они не знали, что есть на свѣтѣ г. Лузановъ, который и имъ не отказалъ бы въ согласіи баллотироваться. Онъ вѣроятно давно ждалъ, что всѣ гласные поголовно придутъ къ нему и ударятъ челомъ. Какія же у него были основанія для такого скромнаго ожиданія? Очевидно, г. Лузановъ предполагалъ возможность подобнаго вопроса и потому сказалъ интервьюэру: „Меня могутъ упрекнуть въ томъ, что я иду въ дѣло, котораго не знаю... Да, я не знакомъ близко съ тѣмъ, что дѣлается въ училищной коммиссіи. Полагаю, однако, что съ головой на плечахъ и любовью къ дѣлу народнаго образованія человѣкъ справится съ обязанностями предсѣдательствующаго въ коллегіи людей, хорошо знающихъ училищное дѣло, въ особенности если умѣетъ руководить преніями и резюмировать ихъ".

Далѣе г. Лузановъ образно пояснилъ, какія чудеса можно дѣлать въ школахъ, имѣя „голову на плечахъ" и „любовь къ дѣлу народнаго образованія". Въ царствѣ польскомъ у него есть маіоратъ и въ маіоратѣ школа. Дѣти не хотѣли учиться по-русски—„просто хоть закрывай школу". Пріѣхалъ г. Лузановъ. „Долго — разсказываетъ онъ — объяснялъ я имъ пользу ученія нашего языка. А потомъ велѣлъ читать. Прочтетъ мальчуганъ по-польски, ему на книгу сверху летитъ серебряный пятачокъ. Прочтетъ по-русски — летятъ два пятачка"... „Голова на плечахъ" и „летающіе пятачки" дали блестящій результатъ. Имѣніе г. Лузанова, по его словамъ, „точно оазисъ: всѣ крестьяне говорятъ по-русски. Когда офицеры пріѣзжаютъ на работы, не нахвалятся. Нигдѣ ихъ поляки не понимаютъ, а у насъ (въ имѣніи г. Лузанова) разговариваютъ съ ними свободно". Что̀ въ сотрудничествѣ съ г. Никольскимъ готовитъ для петербургскихъ „мальчугановъ" не принадлежащій ни къ одной партіи обруситель, г. Лузановъ,—на радость офицерамъ, которые пріѣзжаютъ на работы?..

Жизнь дала новый ужасный примѣръ роковой судебной ошибки. 13 мая въ Черниговѣ временный военный судъ вторично слушалъ извѣстное дѣло объ убійствѣ семейства Быховскихъ. Въ первый разъ виновными были признаны приказчикъ Быховскаго Глускеръ, Толстопятова и Жмакинъ. Послѣдній былъ приговоренъ къ каторгѣ, Толстопятова — къ тюремному заключенію, Глускеръ — къ смертной казни. Приговоръ въ свое время вступилъ въ законную силу, и Глускеръ былъ повѣшенъ. Но мѣстную молву приговоръ не удовлетворилъ. Разслѣдованіе дѣла вскорѣ возобновилось и привело къ вторичному

судебному разбирательству. На этотъ разъ скамью подсудимыхъ занимали другія лица, ничего не имѣющія общаго съ осужденными первымъ приговоромъ. Виновность этихъ другихъ лицъ была фактически установлена, частью взаимными оговорами, частью сознаніемъ. Судъ постановилъ обвинительный приговоръ. Такимъ образомъ, въ отношеніи осужденныхъ при первомъ разбирательствѣ создалось формальное основаніе для пересмотра дѣла, и нѣтъ сомнѣнія, что Толстопятова и Жмакинъ будутъ реабилитированы. Глускеръ же заплатилъ жизнью за роковую ошибку суда.

Казнь невиннаго человѣка есть одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые сами по себѣ не нуждаются въ подчеркиваніи. Можно ли словами усилить впечатлѣніе такого факта? Но это не значитъ, что о роковой ошибкѣ, завѣренной сложной процедурой вторичнаго судебнаго разбирательства, должно молчать. Напротивъ. Никакія самыя совершенныя формы уголовнаго процесса не въ силахъ дать абсолютной гарантіи безошибочности судебныхъ дѣйствій и судебныхъ рѣшеній. Съ другой стороны, однако, современный процессъ построенъ на принципѣ непоколебимости приговоровъ, и раскрытіе ошибочности судебнаго приговора, вступившаго въ законную силу, обставлено чрезвычайными трудностями. Естественно, поэтому, что каждый случай установленной ошибки, когда она привела къ закономѣрному отнятію жизни у невиннаго человѣка, помимо воли заставляетъ думать о тѣхъ десяткахъ ошибокъ неустановленныхъ, которыя, быть можетъ, приходятся на одну установленную. Если же существующія формы процесса завѣдомо несовершенны, если служебное усердіе органовъ розыска подогрѣвается такими сторонними для правосудія обстоятельствами, какія имѣли мѣсто при привлеченіи къ отвѣтственности несчастнаго Глускера [1]), если быстротѣ расправы явно приносится въ жертву осторожность въ собраніи и оцѣнкѣ уликъ и доказательствъ, если, наконецъ, данный случай завѣренной ошибки является далеко не первымъ,—то ужасныя сомнѣнія дѣлаются давящими, не дающими покоя. Мысль идетъ дальше, и передъ ней снова и снова вырисовывается во всемъ своемъ колоссальномъ объемѣ вопросъ о тысячахъ казненныхъ у насъ въ послѣдніе годы и о все продолжающихся ежедневныхъ казняхъ... 18 мая, въ Петербургѣ, военный судъ одновременно, по одному процессу, вынесъ 29 смертныхъ приговоровъ...

---

[1]) Какъ писалъ корреспондентъ „Русскаго Слова" (№ 109), послѣ казни Глускера мѣстная молва передавала, „что власти проявили во время слѣдствія излишнюю энергію, изъ желанія выслужиться передъ министромъ юстиціи И. Г. Щегловитовымъ: имѣніе И. Г. Щегловитова находится недалеко отъ Почепа (мѣсто убійства Быховскихъ), и въ моментъ совершенія преступленія тамъ проживала его семья".

Этотъ вопросъ П. Н. Милюковъ пытался 15 мая поставить передъ большинствомъ Государственной Думы. „Исполнители заказовъ" молчали. Нашла ли откликъ въ ихъ сердцахъ смерть на висѣлицѣ невиннаго человѣка — они не сказали. Какъ „исполнителямъ заказовъ", имъ не полагается обнаруживать собственныя мысли и чувства. Но правые дали полную волю своему кровожадному цинизму. Фразу г. Милюкова: „для памяти Глускера остается возможность пересмотра дѣла, и дѣло обѣщаютъ пересмотрѣть, но вѣдь жизни ему не вернутъ"...—г. Пуришкевичъ перебилъ крикомъ съ мѣста: „казнить Милюкова въ исправленіе!" И послѣ этого крика въ стенограммѣ стоитъ отмѣтка: „*смѣхъ*, шумъ". Далѣе, когда г. Милюковъ естественно перешелъ къ судьбѣ внесеннаго оппозиціей два года назадъ и похороненнаго думскимъ большинствомъ законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, голосъ справа его прервалъ: „вотъ гдѣ собака зарыта!" Напоминаніе г. Милюкова о „цѣнѣ человѣческой жизни", — о томъ, въ отношеніи чего „хотѣлось бы вѣрить, что наши взгляды одинаковы", вызвало ироническое замѣчаніе: „едва ли!" Предложеніе поставить законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни на ближайшую повѣстку достойный лидеръ доблестныхъ націоналистовъ, г. Крупенскій, парировалъ характернымъ заявленіемъ, приведеннымъ выше, въ „Внутреннемъ Обозрѣніи".

Относительно цинизма, нашимъ дикарямъ надо, впрочемъ, воздать должное: они одинаково циничны всегда и во всемъ. Не составляютъ для нихъ исключенія и „свои", — даже тѣ, которые недавно были кумирами.

Сейчасъ среди черносотенцевъ идетъ разруха. Главный совѣтъ союза русскаго народа возсталъ на Дубровина. Дубровинъ—на бывшаго ярославскаго губернатора и нынѣшняго предсѣдателя главнаго совѣта, г. Римскаго-Корсакова. Г. Никольскій печатаетъ ехидныя письма о прот. Восторговѣ. Органъ г. Балашева ругаетъ Пуришкевича — и такъ далѣе безъ конца. Разбираться въ черносотенной разрухѣ мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшей охоты. Да еслибы и хотѣли, то не имѣли бы возможности. Для этого намъ пришлось бы опуститься въ такіе глубины и тайники мути и грязи, которые для посторонняго абсолютно недосягаемы. Стоя надъ взбудораженнымъ черносотеннымъ болотомъ, можно одно сказать безъ малѣйшей опасности ошибиться: „всѣ хороши!" Хороши тѣ, кому выдаютъ недавніе друзья аттестаты и характеристики. Но одинаково хороши и тѣ, которые такіе аттестаты и характеристики публикуютъ. И основная причина разрухи тоже видна достаточно ясно: темныя деньги и темныя дѣла.

На темномъ фонѣ современности особенно ярко выдѣлилось чествованіе памяти К. Д. Кавелина, по случаю исполнившагося 3-го мая двадцатипятилѣтія со дня его смерти. На могилѣ покойнаго, на Волковомъ кладбищѣ, утромъ была отслужена торжественная панихида. Послѣ панихиды говорилъ, обращаясь къ дѣтямъ городскихъ начальныхъ школъ, бывшій (увы!) предсѣдатель училищной коммиссіи П. А. Потѣхинъ. Затѣмъ глубоко прочувствованныя слова сказалъ одинъ изъ учениковъ Кавелина—В. К. Болдыревъ. Петербургскія и московскія газеты дали 3-го мая цѣлый рядъ статей, посвященныхъ воспоминаніямъ о Кавелинѣ, о его научныхъ трудахъ, профессорской, публицистической и общественной дѣятельности. Днемъ чествовала память своего профессора военно-юридическая академія. Чествованіе происходило въ той самой аудиторіи, гдѣ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ жизни Кавелинъ читалъ лекціи. Переполненная аудиторія представляла исключительное зрѣлище. Въ ней были сплошь военные мундиры бывшихъ и нынѣшнихъ слушателей академіи, среди которыхъ незамѣтно терялись единичные фраки и штатскіе сюртуки. Говорили рѣчи: начальникъ академіи, Н. В. Кирилинъ, и профессора В. К. Случевскій и А. Х. Гольмстенъ, преемникъ покойнаго по каѳедрѣ.

Болѣе широкое въ общественномъ смыслѣ чествованіе было перенесено на 9-ое мая. Въ залѣ городской думы происходило собраніе, устроенное вольнымъ экономическимъ обществомъ совмѣстно съ академіей наукъ, петербургскимъ университетомъ, политехническимъ институтомъ, юридическимъ обществомъ и литературнымъ фондомъ. Открылъ собраніе единственный оставшійся въ живыхъ товарищъ К. Д. Кавелина по профессурѣ въ петербургскомъ университетѣ, М. М. Стасюлевичъ. Затѣмъ произнесли рѣчи А. Ѳ. Кони, А. С. Посниковъ, М. М. Ковалевскій, К. К. Арсеньевъ (рѣчь его читалъ В. Д. Набоковъ), М. А. Дьяконовъ, М. Я. Пергаментъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, И. И. Иванюковъ и Г. А. Фальборкъ. Не смотря на весеннее время, огромный залъ былъ полонъ. Ораторы всесторонне обрисовали величавый образъ пылкаго юноши-профессора, ученаго юриста, философа, борца за крестьянское освобожденіе и за земельную общину въ зрѣломъ возрастѣ, энергичнаго работника на нивѣ проснувшейся послѣ 19 февраля русской общественности,—на склонѣ лѣтъ вернувшагося къ профессорской дѣятельности съ молодой вѣрой и съ неувядшей духовной бодростью. Кавелинъ при жизни, гдѣ бы онъ ни появлялся, создавалъ вокругъ себя атмосферу. Эта атмосфера требовательной любви, здороваго оптимизма, высоко поднятой этики чувствовалась въ залѣ...

Имя скончавшейся на девяностомъ году Полины Віардо извѣстно въ Россіи, конечно, не какъ знаменитой въ свое время пѣвицы, а по многолѣтней дружбѣ, которая соединяла съ нею и съ ея семьей И. С. Тургенева. Объ этой дружбѣ писалось такъ много по поводу смерти Тургенева и впослѣдствіи, что можно безошибочно утверждать: Віардо знала вся читающая Россія. И знала о ней, надо сказать правду, гораздо болѣе, если не худого, то отрицательнаго, нежели хорошаго. Всегда оставалось какъ-то въ тѣни, что каковы бы ни были ея недостатки, однако Тургеневъ былъ искренно и горячо къ ней привязанъ, и она была небезразлична для его творчества. Это одно заставляетъ забыть то многое, что, глядя со стороны, казалось и кажется отрицательнымъ. Въ интимной дружбѣ всегда есть то, что недоступно постороннему глазу...

23-го апрѣля, на 47-мъ году жизни, скончался извѣстный украинскій писатель и общественный дѣятель Борисъ Дмитріевичъ Гринченко. Въ лицѣ покойнаго украинское общество понесло тяжелую, трудно замѣнимую утрату. Дѣятельность покойнаго была чрезвычайно разнообразна, какъ разнообразны были и его дарованія. Какъ это часто бываетъ у яркихъ представителей возрождающихся національностей, Б. Д. Гринченко не ограничился какою-либо одною спеціальной областью, а трудился во всѣхъ доступныхъ ему направленіяхъ, достигая во многомъ выдающихся результатовъ. Въ литературѣ покойный извѣстенъ какъ авторъ многочисленныхъ произведеній, почти исключительно изъ крестьянской жизни: разсказовъ, повѣстей, романовъ и драмъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, какъ „Сестрица Галя", „Безъ хлѣба", знакомыя и русской публикѣ по переводамъ, обладаютъ высокими художественными качествами. Б. Д. Гринченко извѣстенъ также какъ поэтъ и переводчикъ произведеній Гейне, Гёте, Шиллера, Ибсена и др. Въ наукѣ Б. Д. Гринченко выдѣлился какъ этнографъ. Подъ его редакціей въ 90-хъ годахъ черниговское земство выпустило три тома „Этнографическихъ Матеріаловъ", незамѣнимыхъ при изученіи украинской этнографіи. Ему же принадлежитъ работа: „Литература украинскаго фольклора 1777 — 1900 гг.". Труды Б. Д. Гринченка въ этой области оцѣнены академіей наукъ, поручавшей ему рецензіи на сочиненія въ соотвѣтствующей области. Оцѣнены академіей наукъ и работы Б. Д. Гринченка въ области украинскаго языка: за редакцію и обработку собраннаго журналомъ „Кіевская Старина" словаря украинскаго языка покойный былъ награжденъ преміей имени Костомарова. Въ политикѣ

и въ общественной дѣятельности Б. Д. Гринченко оставилъ глубокіе слѣды, будучи долгое время однимъ изъ вождей лѣваго крыла украинской демократіи.

ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ Н. М. Никольскаго: „Израиль и Вавилонъ" („Вѣстникъ Европы", май, 1910), вслѣдствіе поздняго возвращенія авторской корректуры, осталось неисправленнымъ:

Стр. 170,	строка	2 сверху:	Штазе	слѣдуетъ:	Штаде
„ 171	„	5 снизу:	де Сарзеномъ	„	де Сарзекомъ
„ 176 и 177	„	„	Адана	„	Адапа

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Литературный Фондъ съ самаго своего основанія считалъ себя обязаннымъ оказывать поддержку недостаточнымъ литераторамъ и ученымъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія ихъ дѣтей. Въ послѣднее время онъ расходовалъ около 4-хъ тысячъ руб. въ годъ на стипендіи и на взносъ платы въ разныя высшія и среднія учебныя заведенія; кромѣ того располагалъ нѣкоторымъ числомъ безплатныхъ вакансій въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но при расширившемся кругѣ кліентовъ Фонда, значительномъ повышеніи платы въ учебныхъ заведеніяхъ всей этой помощи въ настоящее время оказывается недостаточно. Не имѣя возможности выходить изъ предѣловъ своихъ средствъ, Литературный Фондъ вынужденъ ограничивать свою помощь взносомъ платы лишь за одного сына, или за одну дочь; бываютъ случаи, что взносъ дѣлается только единовременный, съ предупрежденіемъ кліента, что Фондъ не принимаетъ на себя обязательства за будущее; иногда уплачивается только часть взноса, встрѣчаются и прямые отказы.

Нынѣ Комитетъ Литературнаго Фонда, желая дать возможно болѣе широкое развитіе пособіямъ на воспитаніе и образованіе, постановилъ: 1) учредить спеціальный капиталъ, проценты съ котораго должны расходоваться только на выдачу пособій на воспитаніе и образованіе; 2) предложить ближайшему общему собранію Фонда зачислить въ этотъ капиталъ около 16.000 рублей, полученныхъ по духовному завѣщанію Евгеніи Алексѣевны Поповой, и 3) обратиться за содѣйствіемъ къ русскому обществу, всегда отзывчивому на нужды образованія.

Всякое пожертвованіе въ этотъ капиталъ будетъ считаться неприкосновеннымъ, при чемъ жертвователи могутъ по своему усмотрѣнію ставить тѣ или другія условія.

II.—Отъ Императорской Академіи Наукъ.

Въ виду исполняющагося 8 ноября 1911 года двухсотлѣтія со дня рожденія великаго Русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова, Императорская Академія Наукъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при Академіи существуютъ преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова, присуждаемыя на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

На преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова назначается 4.000 руб. Изъ нихъ 2.000 руб. образуютъ большую премію, а остальные 2.000 руб. образуютъ четыре малыхъ преміи, по 500 руб. каждая [1]).

Большая премія присуждается за ученое жизнеописаніе Ломоносова, съ оцѣнкою его дѣятельности, какъ писателя, ученаго и гражданина.

Въ ученомъ жизнеописаніи Ломоносова должны быть даны полное изображеніе *всѣхъ сторонъ его дѣятельности* и оцѣнка его трудовъ въ области физики, химіи, минералогіи, геологіи, металлургіи, географіи статистики, политической экономіи, Русской исторіи, филологіи и словесности, съ изъясненіемъ, въ какомъ состояніи находились эти отрасли вѣдѣнія въ его время, и что именно сдѣлано имъ по каждой изъ нихъ. Въ отношеніи къ заслугамъ Ломоносова по филологіи и словесности должно быть обращено особенное вниманіе на значеніе его въ развитіи Русскаго письменнаго языка.

Малыя преміи присуждаются за сочиненія, обнимающія дѣятельность Ломоносова въ области: 1) физики и химіи [2]), 2) минералогіи, геологіи, металлургіи; 3) философіи и словесности; 4) географіи, статистики, политической экономіи и Русской исторіи.

На соисканіе премій принимаются оригинальныя сочиненія на Русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя; сочиненія могутъ быть представлены или самими авторами, или дѣйствительными членами Императорской Академіи Наукъ. Рукописи должны быть четко писаны и съ подписью имени автора или же безъ нея, но съ девизомъ и приложеніемъ запечатаннаго пакета, содержащаго имя автора.

Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи премій.

---

[1]) Изъ нихъ одна малая премія уже присуждена въ 1907 г. сочиненію Б. Н. Меншуткина: „М. В. Ломоносовъ, какъ физико-химикъ“, Спб., 1904.

[2]) Премія за сочиненіе о дѣятельности Ломоносова въ области физики и химіи уже присуждена указанному выше сочиненію Б. Н. Меншуткина.

Разборъ ученаго жизнеописанія Ломоносова и присужденіе за него преміи предоставлены Императорской Академіи Наукъ, которою, въ конкурсномъ году, въ январьскомъ засѣданіи Общаго Собранія, назначается коммиссія изъ академиковъ для предварительнаго разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на соисканіе. На основаніи донесенія этой коммиссіи, присужденіе преміи будетъ произведено въ декабрьскомъ засѣданіи Общаго Собранія Конференціи.

Преміи могутъ быть выданы лишь самому автору или его законнымъ наслѣдникамъ, но не издателю.

Срокомъ представленія сочиненій на соисканіе премій назначается 1 января 1912. Отчетъ о присужденіи премій будетъ прочитанъ въ годовомъ торжественномъ засѣданіи Академіи 29 декабря 1912 г. и затѣмъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе.

Всѣ преміи присуждаются только одинъ разъ, и, по присужденіи четырехъ малыхъ премій и одной большой, конкурсъ закрывается.

Апрѣль 1910 г.

III. — Отъ Уѣздной Земской Управы сельца Иванова, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.

3-го мая минуло 25 лѣтъ со дня кончины К. Д. Кавелина. Хочется думать, что память о свѣтлой личности Константина Дмитріевича еще жива и долго еще будетъ жить въ лучшей части русскаго общества, и что найдутся желающіе тѣмъ или другимъ способомъ закрѣпить память о немъ, заставить и будущія поколѣнія вспоминать его завѣты.

Позволяю себѣ поэтому сообщить, что въ бывшемъ имѣніи К. Д. Кавелина, въ сельцѣ Ивановѣ Бѣлевскаго уѣзда Тульской губерніи, уѣздное земство строитъ сейчасъ зданіе для двухкласснаго училища его имени съ шестилѣтнимъ курсомъ. По смѣтѣ расходы на эту постройку исчислены въ 8.900 рублей.

Затѣмъ является нужда въ особомъ зданіи для общежитія при училищѣ, что̀ по смѣтѣ обойдется около 3.000 рублей. Крайне желательно при этомъ обставить училище возможно лучше во всѣхъ отношеніяхъ, снабдивъ его учебными наглядными пособіями, библіотекой, мебелью и пр.

Все это потребуетъ значительныхъ расходовъ, между тѣмъ въ распоряженіи Управы имѣется всего 8.000 рублей на это дѣло.

Можетъ быть найдутся желающіе оказать своими пожертвованіями

посильную помощь надлежащему устройству училища имени Кавелина въ родномъ его уѣздѣ.

Еслибы сумма, собранная такимъ образомъ, превысила нужныя на постройку средства, весь остатокъ будетъ израсходованъ Управою на другія нужды той же школы по соглашенію съ попечительницей училища, Еленой Павловной Зарудной.

Пожертвованія можно направлять или въ городъ Бѣлевъ, Тульской губерніи, въ Уѣздную Земскую Управу, или въ контору редакціи „Вѣстника Европы“, или въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“.

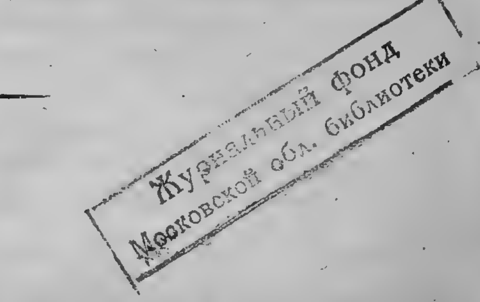
IV.—Отъ Комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе въ гор. Чембарѣ Народнаго Дома имени В. Г. Бѣлинскаго.

Граждане гор. Чембара (Пензенской губ.), въ лицѣ Городского Управленія, въ заботахъ о болѣе достойномъ ознаменованіи предстоящаго дня столѣтія со дня рожденія знаменитаго своего земляка — Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго — пришли къ мысли, что лучшимъ памятникомъ великому творцу русской художественной критики будетъ устройство въ гор. Чембарѣ Народнаго Дома имени Бѣлинскаго.

Бѣлинскій провелъ въ гор. Чембарѣ дѣтскіе годы, здѣсь онъ началъ учиться, здѣсь протекли первые годы его юности.

Народный домъ, гдѣ должны быть сосредоточены: 1) существующая уже, но неимѣющая своего помѣщенія, библіотека имени писателя, 2) народная аудиторія, 3) первоначальная школа,—явится не только памятникомъ великому учителю-идеалисту, но и просвѣтительнымъ учрежденіемъ для гор. Чембара и его уѣзда.

Открывая нынѣ съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора всероссійскую подписку на Народный Домъ имени В. Г. Бѣлинскаго, Комитетъ по сбору пожертвованій обращается ко всѣмъ, кому дорога память о великомъ писателѣ, кому дороги просвѣтительныя цѣли, которыя будетъ преслѣдовать Народный Домъ, съ просьбою принять посильное участіе въ созиданіи этого Дома.



СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ШЕСТАЯ.—ІЮНЬ.